

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-12-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-12-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublei str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

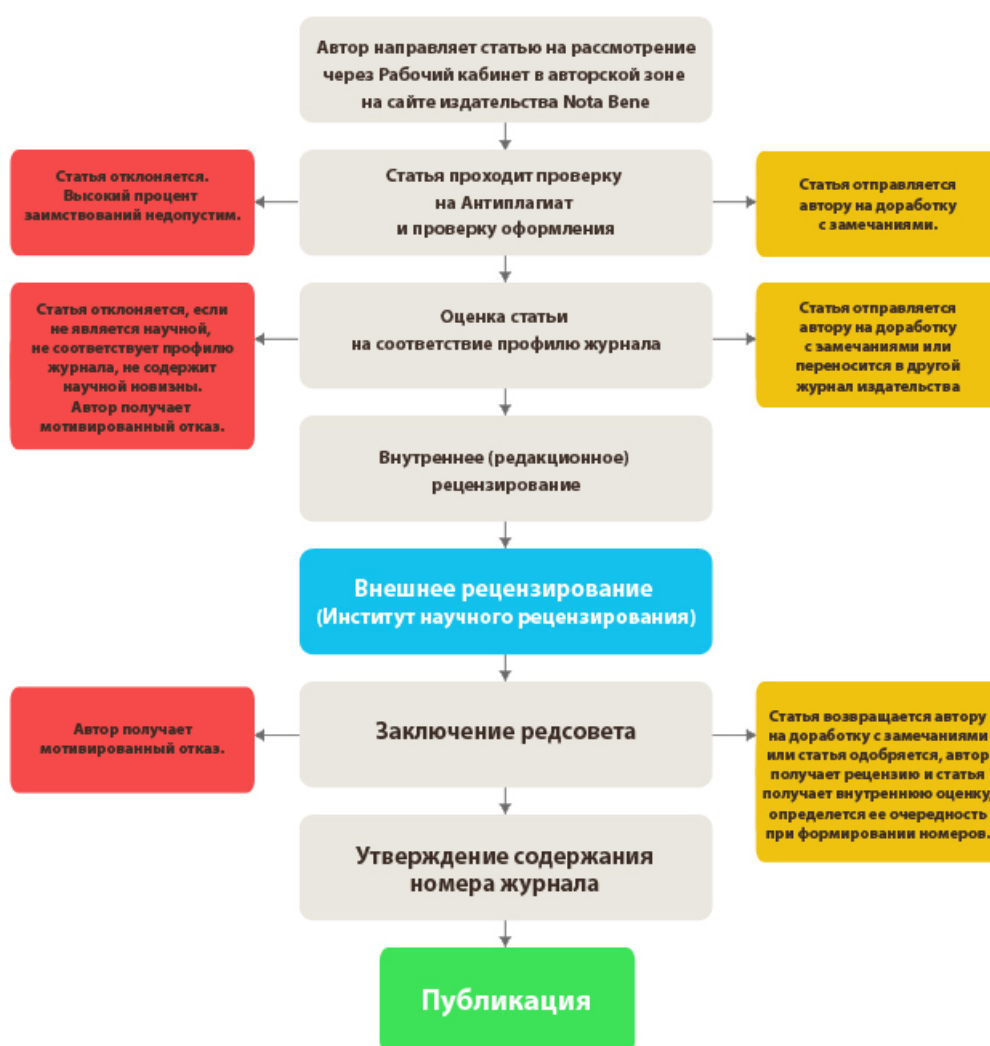
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Пендельская Е.А., Кудрявцева Р.А. Поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой	1
Хакимова Г.А. Английские заимствования в немецкой ветеринарной терминологии	9
Корнилова Л.Е. Вариативность перевода мемуарного текста как результат переводческой интерпретации	27
Чжао Ч. Поэтика нарративного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	38
Смолина А.Н. Нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского: идейные основания, специфика аргументации, язык и стиль	53
Савельев А.С. Коммуникативные стратегии популяризации медицинских знаний в формате видеоблога	65
Чэн Ч. О композиции и литературном значении книги Иакинфа (Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»	82
Максимова Н.В., Ситников А.К. Роль медиафрейминга в формировании политических нарративов и общественного мнения на материале англоязычных СМИ	90
Новоспасская Н.В., Хаддад А.Д., Бубнова Н.А. Функциональный аспект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка	103
Сун Д. Образ Китая в России: обзор китайской и российской академической традиции	115
Батурина Т.А. Идеологическая матрица медиадискурса о военных конфликтах: инвариантность стратегий и вариативность реализации	123
Гапоненко К.Р. Поэтика двойной точки зрения: образ колониального Китая в очерках В.В.Крестовского "В дальних водах и странах"	133
Гули-Заде Р.Н. Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах	143
Павлов С.С. Концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха (по данным ассоциативного эксперимента среди школьников Республики Саха (Якутия))	157
Богачев Р.Е., Мусаелян Е.Н., Никулина Т.В., Марков А.В. Шлем и его особое место в англосаксонской поэме «Беовульф»	169
Руфова Е.С. Лингвокультурная специфика имен персонажей манга с компонентом цветообозначения (на примере белого, красного, синего цветов)	179
Зверева М.И. Образность эвфемизмов в пространствах лингвокультур	188
Иванов В.В. Использование якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха (Якутия)	196
Иванов А.Г. Роман, где ветвятся интерпретации: мифоанализ картины «Мастер и Маргарита» 2024 года	211
Сунь С. Инициатива «Один пояс, один путь»: влияние на имидж страны	225
Леонов В.И. Функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике	233

Родионова О.П. Мир метафор в прозе Лю Чжэньюня	248
Белова А.П. Чемодан, портфель, котомка (О семантике вещей в трилогии В. И. Белова "Час шестой")	269
Халиуллина А.Г., Макарова В.Ф. Философские параллели в новелле «Превращение» Ф. Кафки и повести «Озерная рыба» Ф.Байрамовой	283
Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в якутском языке: модель начала существования, события, действия	293
Рахими Л., Голами Х., Камранзад Н. Соматические фразеологии с компонентом «нос» в русском и персидском языках	304
Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю., Байыр-оол А.В. Глагольная лексика тюркских языков Саяно-Алтая: общее и специфичное	319
Скрипник Е.Р. Специфика представления невербальных компонентов общения в перволичном повествовании (на материале повестей А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека», «Огни», «Моя жизнь»): лингвистический аспект	331
Шашкова В.Н. Модальность необходимости в официальных сообщениях полиции: сравнение императивных и деонтологических конструкций в русских и английских пресс-релизах	342
Васильева А.П. Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ)	354
Пяткин С.Н., Клековкина К.С. Дуальный концепт душа-сердце в первой книге С.А.Есенина "Радуница"	369
Храпко-Магала М.В. Практика употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюдива в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX в. (на примере форм имперфекта, аориста и настоящего времени)	379
Гилемшин Ф.Ф., Гилемшина А.Г. Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина)	391
Кошкарева Н.Б., Чепрасова А.А. Каузативные динамические пространственные модели простых предложений корякского языка	405
Пак Л.Е., Марус Н.Д. Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности локализации на русский язык (на материале видеоигры Disco Elysium)	420
Булгарова Б.А., Дуань С., Козловская Е.С., Гафурова Л.Р. Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина	438
Корнадут К.Д. Освещение деятельности П. И. Якира и В. А. Красина в советской прессе и эмигрантской газете «Новое русское слово» в 1973 г.	453
Англоязычные метаданные	463

Contents

Pendel'skaya E.A., Kudryavtseva R.A. The Poetics of Psychologism in Zinaida Katkova's Short Russian Prose	1
Khakimova G.A. English borrowings in German veterinary terminology	9
Kornilova L.E. The variation of memoir translation as a result of translational interpretation	27
ZHAO C. The poetics of narrative space in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"	38
Smolina A.N. Moral-ascetic prose of Paisius Velichkovsky: ideological foundations, specificity of argumentation, language and style	53
Savelev A.S. Communicative strategies for popularizing medical knowledge in the video blog	65
Cheng C. On the Composition and Literary Significance of Iakinf (Bichurin)'s Book "China: Its Inhabitants, Customs, Practices, and Enlightenment"	82
Maksimova N.V., Sitnikov A.K. The role of media framing in creating political narratives and public opinion based on English-language mass media texts	90
Novospasskaya N.V., Haddad A.D., Bubnova N.A. Functional Features of a Multimedia Dictionary of the Syrian Arabic Dialect	103
SONG D. The Image of China in Russia: An Overview of Chinese and Russian Academic Tradition	115
Baturina T.A. The ideological matrix of media discourse on military conflicts: invariance of strategies and variability of implementation.	123
Gaponenko K.R. The Poetics of Dual Perspective: The Image of Colonial China in the Essays of V.V. Krestovsky 'In Distant Waters and Lands'	133
Gholizahed R.N. Vocabulary and etiquette speech acts accompanying birth and funeral ceremonies in Russian and Iranian linguistic cultures	143
Pavlov S.S. The Concept of RUSSIAN LANGUAGE in the Linguistic Consciousness of Sakha Youth (Based on an Associative Experiment among School Students of the Republic of Sakha (Yakutia))	157
Bogachev R.E., Musaelyan E.N., Nikulina T.V., Markov A.V. Helmet and its special place in the anglo-saxon poem "Beowulf"	169
Rufova E.S. Linguistic and cultural specificity of manga character names with a color component (using white, red, and blue as examples)	179
Zvereva M.I. The imagery of euphemisms in the spaces of linguistic cultures	188
Ivanov V.V. The use of the Yakut language in the online space of media in the northeastern regions of the Sakha Republic (Yakutia)	196
Ivanov A.G. A Novel where Interpretations Branch: A Mythoanalysis of 'The Master and Margarita' in 2024	211
Sun S. The Belt and Road Initiative: Impact on the Country's Image	225
Leonov V. Functional orientation of socially significant content in video game journalism	233

Rodionova O.P. The World of Metaphors in Liu Zhenyun's Prose	248
Belova A.P. The suitcase, briefcase, knapsack (on the semantics of objects in V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour")	269
Khaliullina A.G., Makarova V.F. Philosophical parallels in the novella "The Metamorphosis" by Franz Kafka and the story "Lake Fish" by F. Bayramova	283
Sivtseva N.A. Existential constructions in the Yakut language: the model of the beginning of existence, events, and actions	293
Rahimi L., Gholami H., Kamranzad N. Somatic phraseology with the component "nose" in Russian and Persian languages.	304
Tyunteshcheva E.V., Shagdurova O.Y., Bayyr-ool A.V. Verbal vocabulary of Turkic languages of the Sayano-Altai: common and specific	319
Skrypnik E.R. The representation specifics of nonverbal components of communication in the primary narrative (based on the long stories of A.P. Chekhov "The Story of an Unknown Man", "Lights", "My Life"): the linguistic aspect	331
Shashkova V.N. The modality of necessity in official police messages: comparison of imperative and deontological constructions in Russian and English press releases	342
Vasil'eva A.P. Ethnolocal Specificity of the Linguistic Representation of Aquatic Space Objects (Case Study of the Abyysky District, Arctic Zone of Russia)	354
Pyatkin S.N., Klekovkina K.S. The dual concept of soul-heart in S.A. Yesenin's first book "Radunitsa."	369
Khrapko-Magala M.V. The practice of using and interpreting the forms of renarrative and conclusive in constructions with speech verbs in the Bulgarian language of the late 19th century (based on the example of the forms of the imperfect, aorist, and present tense)	379
Gilemshin F.F., Gilemshina A.G. The functioning of emotive vocabulary in the texts of modern Tatar authors (based on the works of A. Akhmetgalieva and R. Galiullin).	391
Koshkareva N.B., Cheprasova A.A. Causative dynamic spatial models of simple sentences in the Koryak language.	405
Pak L.E., Marus N.D. Roman-Origin Onymic Units in English Video Game Discourse: Aspects of Actualization and Translation	420
Bulgarova B.A., Duan X., Kozlovskaya E.S., Gafurova . . Reconfiguration and Dialogism: The Evolution of Chinese Mythology from Antiquity to Modernity according to Bakhtin's Theory	438
Kornadut K.D. Coverage of the activities of P. I. Yakir and V. A. Krasin in the Soviet press and the emigrant newspaper "Novoe Russkoe Slovo" in 1973	453
Metadata in english	463

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пендельская Е.А., Кудрявцева Р.А. Поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой //

Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76215 EDN: MBNDYF URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76215

Поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой

Пендельская Елена Александровна

аспирант, институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский
государственный университет

424000, Россия, респ. Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, 44

✉ elena8080@list.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный
университет

424002, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76215

EDN:

MBNDYF

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Дата публикации:

13-10-2025

Аннотация: Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом современного отечественного литературоведения к творчеству национальных (транскультурных) авторов, пишущих не на своем родном (этническом), а на русском языке, и к специфике психологизма в их русскоязычных произведениях. В статье

исследуется поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе марийского писателя второй половины XX века Зинаиды Фёдоровны Катковой на материале шести её рассказов 1958–1979 годов: «Чужой» (1958), «Возвращение» (1964), «Маленький Самар» (1969), «Помоги мне в тебя влюбиться» (1972), «Нежданный гость» (1975), «Ради любви» (1979). Эти рассказы ни в аспекте психологизма, ни в каком другом аспекте еще никогда не становились объектом специального литературоведческого анализа в региональной и отечественной науке. В работе применяются системно-типологический метод, сравнительно-исторический анализ и метод углубленного текстуального анализа, направленный на выявление художественных особенностей психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой. В статье на материале анализа вышеуказанных рассказов Зинаиды Катковой разных лет, прослеживается эволюция психологизма в её русскоязычной прозе – от социально-обусловленного к экзистенциальному психологизму. Выявляется особая роль в малой прозе марийского писателя художественной детали в раскрытии внутреннего мира персонажей, а также анализируются специфические приемы создания психологического портрета; большое внимание автором статьи уделено композиционным особенностям рассказов и речевой характеристике персонажей в роли средств психологизации повествования. Делается вывод о том, что творчество Зинаиды Катковой представляет значительный интерес для изучения специфики психологизма в русскоязычной прозе национальных авторов и заслуживает дальнейшего внимательного исследования как самобытное художественное явление, в котором органично сочетаются традиции русской психологической школы и национальное мироощущение.

Ключевые слова:

марийская литература, русскоязычная марийская проза, Зинаида Каткова, малая проза, рассказ, поэтика, персонаж, психологизм, приемы психологизма, художественная деталь

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Зинаиды Фёдоровны Катковой, писателя-билингва (транскультурного автора), занимает особое место в русскоязычной прозе марийской литературы второй половины XX века. Её рассказы, созданные в период с 1958 по 1979 годы, представляют собой уникальный материал для исследования художественных особенностей психологического анализа в русскоязычном творчестве национального автора. Несмотря на признание важности психологизма в произведениях Зинаиды Катковой, системное изучение поэтики психологизма ни в марийскоязычной, ни в русскоязычной её прозе до сих пор не проводилось. До настоящего времени некоторые вопросы поэтики психологизма затрагивались только в работах, посвященных марийскоязычным текстам повестей [\[8\]](#) и рассказов [\[6; 7\]](#) национальных писателей. В работах о русскоязычных текстах Зинаиды Катковой, в частности, о её романе «Где ты, счастье, моё?», эти вопросы тоже всегда оставались без внимания [см.: 1; 4].

Научная новизна нашей работы заключается как в изучении психологизма в русскоязычной малой прозе Зинаиды Катковой, так и в выявлении эволюции психологизма, в определении специфики использования художественной детали для раскрытия душевных состояний персонажей и в анализе композиционных приемов создания психологического портрета.

Основным материалом исследования послужили шесть рассказов Зинаиды Катковой:

«Чужой» (1958), «Возвращение» (1964), «Маленький Самар» (1969), «Помоги мне в тебя влюбиться» (1972), «Нежданный гость» (1975), «Ради любви» (1979). В работе применяются системно-типологический метод, сравнительно-исторический анализ и метод углубленного текстуального анализа, направленный на выявление художественных особенностей психологизма. При разграничении литературоведческих понятий, связанных с поэтикой психологизма, мы опирались на работы известных отечественных ученых Л.Я. Гинзбург [\[2\]](#) и А.Б. Есина [\[3\]](#).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБСУЖДЕНИЯ

1. Психологизм через вещные детали

Рассказ «Чужой» (1958) представляет ранний этап творчества Зинаиды Катковой, где внутреннее состояние героя передается преимущественно через детали интерьера и вещного мира. Умиравший старик осознает свою «чужеродность» в собственном доме через призму накопленного имущества:

«К чему все то дорогое барахло, ради которого он все эти годы вкалывал? Зачем нужны эти ковровые дорожки, если в жизни он чужой, никому не нужный?» [\[5, с. 93\]](#).

Обстановка «полутемной комнатенки» с «узкой железной кроватью» становится зеркалом его духовного одиночества. Особенно значима звуковая деталь — шорох ветки яблони за окном, который трансформируется в субъективном восприятии героя в навязчивый шепот «Чужой...». Здесь психологизм проявляется через осознание социальных последствий прожитой жизни и вещную детализацию внутреннего состояния.

В ранний период творчества Зинаиды Катковой актуальным был и психологизм через поведенческие детали. Так, в «Маленьком Самаре» (1969) внутренний мир нанайского мальчика Вальки раскрывается через его действия и жесты, что отражает национальные особенности мировосприятия:

«Энергично встряхнет головой, чтобы откинуть со лба мокрую прядь волос» [\[5, с. 70\]](#).

Этот простой жест во время ливня показывает не просто выносливость, а глубинное единение с природой, характерное для национального мировоззрения. Психологический портрет создается через повседневное поведение, через отношение к окружающему миру. Даже испачканные мазутом руки Вальки становятся не просто бытовой деталью, а символом его трудолюбия и целеустремленности.

Также был отмечен психологизм через невербальные сигналы. Например, рассказ «Помоги мне в тебя влюбиться» (1972) демонстрирует усложнение психологического анализа. Переживания Василия Петровича передаются через телесные реакции и невербальное поведение:

«Стиснув зубы так, что обозначились скулы, тот отвернулся, наклонив голову, словно подставляя ее под удар» [\[5, с. 145\]](#).

«Он умолк, держа у груди правую руку, стиснутую в кулак» [\[5, с. 148\]](#)

Эти детали становятся невербальным выражением глубокой боли, которую герой не может высказать словами. Зинаида Каткова использует технику «телесного психологизма», где тело становится языком души, а физические реакции красноречивее слов передают душевное состояние.

Вершиной психологического мастерства Зинаиды Катковой в плане психологизма, передаваемого через вещные детали, можно считать рассказ «Ради любви» (1979); в нём психологизм достигает особой тонкости и сложности. Так, сцена прощания Ирины и Олега построена на контрасте между внешним спокойствием и внутренней бурей:

«А он, бледный, стоял, опершись руками о стол, ни разу не взглянул на нее, не проронил ни слова, только руки его - сильные мускулистые руки слесаря - слегка дрожали» [\[5, с. 225\]](#).

Дрожащие руки становятся ёмким психологическим знаком, передающим всю глубину переживаний мужчины, который сохраняет внешнее достоинство, но не может скрыть внутреннего потрясения. Эта деталь работает на нескольких уровнях: показывает силу характера героя, глубину его чувств и трагизм ситуации.

2. 2. Специфика психологического портрета

Особого внимания заслуживает техника создания психологических портретов у Зинаиды Катковой. Прозаик избегает развернутых описаний, предпочитая акцентные детали, которые становятся ключом к характеру.

В рассказе «Нежданный гость» (1975) портрет главной героини создается через динамику жестов:

«Она не подала вида, что заметила вошедшего, продолжала месить тесто. Только пальцы её, обычно ловкие и уверенные, вдруг потеряли свою упругость» [\[5, с. 156\]](#).

Эта деталь — изменение привычных движений — точно передает внутреннее напряжение героини. Зинаида Каткова использует принцип контраста между внешним спокойствием и внутренним волнением, между обыденным действием и скрытой эмоцией.

Речевая характеристика персонажа также может становиться средством психологизма. Зинаида Каткова мастерски использует речевые особенности для раскрытия внутреннего мира персонажей. Так, в «Маленьком Самаре» речевая характеристика Вальки служит не только созданию национального колорита, но и психологическому углублению образа:

«Зачем речку ругаешь? Очень хорошая речка!» [\[5, с. 50\]](#); *«Ай-яй-яй! Дерево не сердится, поймает. Очень умное дерево!»* [\[5, с. 51\]](#).

Простая, но образная речь мальчика раскрывает его особое миропонимание, основанное на гармонии с природой. Диалектизмы (*однако, мало-мало, худо*) подчеркивают не только национальную принадлежность, но и естественность, отсутствие искусственности в характере. Речь становится прямым выражением внутреннего мира героя.

3. Композиционные приемы психологизма

Зинаида Каткова использует сложные композиционные приемы для раскрытия внутреннего мира персонажей. В рассказе «Помоги мне в тебя влюбиться» применяется двойная ретроспектива. Сначала рассказ ведется от лица автора-повествователя, затем роль повествователя переходит к Виктору Ильичу, и наконец — автор переходит к исповеди Василия Петровича. Такая структура позволяет постепенно проникать в глубины сознания героя, создавая эффект психологического погружения. Читатель как бы проходит вместе с повествователем путь от внешнего наблюдения к внутреннему переживанию.

Пейзаж, будучи композиционной формой речи, тоже может выступать в роли средства психологизма. Зинаида Каткова мастерски использует пейзаж для передачи душевного состояния персонажей. В «Возвращении» природа становится прямым выражением внутреннего мира героя:

«Угрюмые и неприветливые стоят ели... А сейчас – тишина. Как будто на сто верст кругом ни души» [5, с. 112] — это описание созвучно тревоге и неуверенности Мишки.

Когда же герой обретает душевный покой, меняется и восприятие природы: *«Мишка схватил горсть рыхлого снега, слепил снежок и запустил им в ближайшую ель»* [5, с. 118] — простое действие показывает возвращение душевного равновесия, единение с миром.

Также можно отметить роль второстепенных персонажей, которые являются неотъемлемой составляющей композиции образов, в психологическом анализе в рассказах Зинаиды Катковой. Интересен прием использования второстепенных персонажей как психологических зеркал главного героя. В «Маленьком Самаре» образы инженера Валериана Павловича и Евграфия Петровича служат контрастным фоном для раскрытия характера Вальки.

Лаковые полуботинки инженера, *«сплошь залепленные грязью»* [5, с. 69], и сингапурская трубка Евграфия Петровича — не просто бытовые детали. Это знаки разных отношений к тайге, разных жизненных позиций, на фоне которых особенно ярко проявляется органичность Вальки, его естественная связь с окружающим миром.

Особого внимания заслуживает построение диалогов, которые тоже в определённой мере служат психологизации повествования. В рассказе «Ради любви» кульминационный разговор Ирины и Олега построен на принципе недоговоренности:

«— Зачем, зачем ты это сделал? — вырвалось у Ирины. — Ради нашей любви, — её же словами ответил Олег» [5, с. 228]

Краткость реплик, использование эллипсисов создает напряженность и позволяет читателю самому додумать, дочувствовать психологическую глубину ситуации. Диалог становится не просто обменом информацией, а способом раскрытия сложных душевных переживаний.

4 .Эволюция психологизма в русскоязычных рассказах Зинаиды Катковой (сравнительный анализ)

Проследим эволюцию психологизма Зинаиды Катковой на примере ключевых деталей:

В ранних рассказах («Чужой», 1958):

- Статичные вещные детали («полутемная комната»)
- Социально обусловленные переживания
- Прямая причинно-следственная связь
- Внешняя обусловленность внутреннего состояния

В зрелый период («Возвращение», 1964):

- Динамические поведенческие детали

- Эмоциональная сложность
- Использование лейтмотивов («запах махорки», «глаза Зойки»)
- Взаимодействие внутреннего и внешнего миров

В поздних произведениях («Ради любви», 1979):

- Сложные психологические жесты
- Экзистенциальные переживания
- Многозначность подтекста
- Саморефлексия и глубокий самоанализ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ русскоязычных рассказов Зинаиды Катковой позволяет сделать следующие выводы.

1. Психологизм Зинаиды Катковой представляет собой развивающуюся систему, прошедшую путь от социально-обусловленного к экзистенциальному типу репрезентации внутреннего мира.
2. Основным средством психологического анализа выступает художественная деталь во всем многообразии её видов: вещная, поведенческая, речевая, пейзажная.
3. Особенностью поэтики Зинаиды Катковой является использование «телесного психологизма» — передачи душевных состояний через физические реакции и жесты.
4. Автор демонстрирует высокое мастерство в создании психологического подтекста, где самое важное часто остается невысказанным, но ясно читается через психологические детали и паузы.
5. Композиционное мастерство Зинаиды Катковой проявляется в использовании сложных структур (двойная ретроспектива, многоуровневое повествование) для глубинного раскрытия внутреннего мира персонажей.
6. Эволюция психологизма Зинаиды Катковой отражает общую тенденцию отечественной литературы второй половины XX века — движение от социального детерминизма к экзистенциальным проблемам, от внешней обусловленности к внутренней свободе.

Творчество Зинаиды Катковой представляет значительный интерес для изучения специфики психологизма в русскоязычной прозе национальных авторов и заслуживает дальнейшего внимательного исследования как самобытное художественное явление, в котором органично сочетаются традиции отечественной психологической школы и национальное мироощущение.

Библиография

1. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX-XXI веков: коллективная монография / Мар. гос. ун-т; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. 353 с.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 443 с.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.

4. Карпов И.П., Кудрявцева Р.А. Русскоязычная проза Зинаиды Катковой (ценностные аспекты персонажной системы романа "Где ты, счастье мое?") // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 4. С. 567-577. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-4-567-577 EDN: LXHLVA
5. Каткова З.Ф. Адресат выбыл: повести и рассказы. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. 271 с.
6. Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 312 с.
7. Кудрявцева Р.А. Художественная деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). С. 61-66. EDN: KONIYV
8. Рябинина М.В. Марийская повесть второй половины XX века: поэтика психологизма: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 215 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение национальных литератур задача необходимая и важная. Общая оценка разных форм и типов художественного повествования дает возможность полновесно говорить о развитии эстетической мысли на разных этапах. Следовательно, тема, которая рассматривается в рецензируемой статье, а это воплощение психологизма в литературном тексте, актуальна, а фигура Зинаиды Катковой как автора-билингва, интересна при транскультурном анализе ее наследия. В начале труда автор обозначает, что «творчество Зинаиды Фёдоровны Катковой, писателя-билингва (транскультурного автора), занимает особое место в русскоязычной прозе марийской литературы второй половины XX века», «несмотря на признание важности психологизма в произведениях Зинаиды Катковой, системное изучение поэтики психологизма ни в марийскоязычной, ни в русскоязычной её прозе до сих пор не проводилось». Таким образом, конкретизация предметной области исследования сделана, мотивировка выбора определена. На мой взгляд, литературная база объемна: «основным материалом исследования послужили шесть рассказов Зинаиды Катковой: «Чужой» (1958), «Возвращение» (1964), «Маленький Самар» (1969), «Помоги мне в тебя влюбиться» (1972), «Нежданный гость» (1975), «Ради любви» (1979)». Указанный спектр текстов дает возможность объективно разобраться в теме, а также конкретизировать как реализуется принцип психологизма на уровне сюжетики и образной системы. Методология анализа текстов выверена, ориентир на труды Л.Я. Гинзбург и А.Б. Есина оправдан. В целом работа имеет законченный вид, она удачно структурирована, дробность на смысловые блоки оправдана. Считаю, что автор нетривиален в оценке текстов З. Катковой, да и тема исследования явно интересна автору. Стиль соотносится с научным типом: например, «В ранний период творчества Зинаиды Катковой актуальным был и психологизм через поведенческие детали. Так, в «Маленьком Самаре» (1969) внутренний мир нанайского мальчика Вальки раскрывается через его действия и жесты, что отражает национальные особенности мировосприятия...», или «Вершиной психологического мастерства Зинаиды Катковой в плане психологизма, передаваемого через вещные детали, можно считать рассказ «Ради любви» (1979); в нём психологизм достигает особой тонкости и сложности. Так, сцена прощания Ирины и Олега построена на контрасте между внешним

спокойствием и внутренней бурей...» и т.д. Цитации и ссылки даются в правильном режиме, формальная правка излишня. Базовые составляющие общей психологической картины – деталь, портрет и т.д. – проанализированы. Выводы по тексту правомерны, но их нужно объединить в общий текстовый массив. Убрать дробность: «1. Психологизм Зинаиды Катковой представляет собой развивающуюся систему, прошедшую путь от социально-обусловленного к экзистенциальному типу репрезентации внутреннего мира. 2. Основным средством психологического анализа выступает художественная деталь во всем многообразии её видов: вещная, поведенческая, речевая, пейзажная. 3. Особенностью поэтики Зинаиды Катковой является использование «телесного психологизма» — передачи душевных состояний через физические реакции и жесты...» и т.д. В основную часть продуктивно включить большее количество цитаций из текстов З. Катковой. Материал имеет практический характер, его можно использовать в рамках изучения национальной литературы. Считаю, что обязательный стандарт требований издания все же учтен; после внесения незначительной правки статья «Поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хакимова Г.А. Английские заимствования в немецкой ветеринарной терминологии // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76604 EDN: FBHKUC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76604

Английские заимствования в немецкой ветеринарной терминологии

Хакимова Гюльнара Ансаровна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра иностранных и русского языков; Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА имени К. И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Акад. Скрябина, 23

✉ g.khachimowa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76604

EDN:

FBHKUC

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2025

Дата публикации:

06-11-2025

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования английских заимствований в ветеринарной терминологии современного немецкого языка. Автором поставлена задача проанализировать англоязычные заимствования в немецкой ветеринарной терминологии на предмет их доли в лексикографических источниках и способов их проникновения в подязык ветеринарии. Объектом нашего исследования являются англоязычные заимствования, употребляющиеся в немецком языке в области ветеринарии. Предметом исследования является специфика функционирования англоязычных заимствований в немецком ветеринарном дискурсе. Дается краткий обзор научного дискурса по этой теме. Основное внимание автор уделяет раскрытию понятия «заимствование» и изучению дискурса о влиянии английского языка на современный немецкий язык. В ходе анализа языкового

материала автором выявлено, что в немецкой ветеринарной терминологии присутствуют заимствования чисто английского происхождения, а также, в большинстве случаев, гибридного характера с участием греко-латинского наследия, пришедшего через французский язык в английский, потом в немецкий языки. Для решения поставленной задачи в исследовании применяются следующие методы лингвистического анализа: метод сплошной выборки, метод структурного анализа фактологического материала, метод лингвистического наблюдения и описания, а также использованы некоторые приемы лингвостатистики. Новизна исследования заключается во всестороннем анализе путей проникновения и типов английских заимствований, пополняющих ветеринарную терминологию в современном немецком языке. Основными выводами проведенного исследования является то, что обогащение ветеринарной терминологии в немецком языке англицизмами происходит при помощи синтаксического способа словообразования, морфолого-синтаксических способов (аббревиация и словосложение), а также морфологических способов (суффиксальный и суффиксально-префиксальный). Автором установлено, что в структурном отношении в немецкой ветеринарной терминологии преобладают английские терминологические словосочетания, английские аббревиатуры и англицизмы-компози́ты. Среди терминологических словосочетаний двухкомпонентные являются самой продуктивной группой, построенные по типу NN (субстантивно-субстантивные) и AN (субстантивно-ада́ктивные). Самой частотной группой среди сокращений являются трехбуквенные инициальные аббревиатуры. Структурный анализ английских композитов выявил наибольшую продуктивность сложных слов, состоящих из двух простых компонентов. Сделан вывод, что англицизмы обогащают немецкую ветеринарную терминологию, становясь ее неотъемлемой частью. Процесс заимствований продолжается, отражая динамику развития ветеринарной науки и практики.

Ключевые слова:

англицизм, ветеринарная терминология, современный немецкий язык, заимствование, морфолого-синтаксические способы словообразования, словосложение, аббревиатура, синтаксический способ словообразования, терминологическое словосочетание, композит

В современном немецком языке в области ветеринарии, как и во многих других профессиональных областях, наблюдается активное заимствование англицизмов. Целью работы является определение степени влияния английского языка на терминологию ветеринарной медицины в немецком языке. Материалом для исследования послужили лексические заимствования из английского языка, представленные в двух лексикографических источниках – немецко-русском ветеринарном словаре [3] и ветеринарном лексиконе на немецком языке [39]. Языковой корпус ветеринарных терминов составил 63543 лексические единицы, из которых выявлено 2127 англицизмов (3,3%).

Проникновение английских слов в ветеринарную терминологию в немецком языке обусловлено процессами глобализации науки, доминированием английского языка в международных исследованиях, влиянием технологий, а также стремительным развитием фармацевтической промышленности. Немецкий язык, несмотря на свою терминологическую устойчивость, подвергается этой тенденции. По информации авторитетного немецкого словаря Duden (том 1), словарный запас современного

немецкого языка составляет от 300000 до 500000 слов, активный словарный запас среднего немецкоговорящего сегодня оценивается в 12000-16000 слов, из которых около 3500 являются иностранными словами [30, S. 156-157]. Вхождение англо-американских заимствований в немецкий язык, их ассимиляция в языке, а также их применение в письменной речи является не до конца изученной темой.

Вопросами определения понятия «заимствование» и классификации иноязычных заимствований занимались ряд отечественных и зарубежных ученых: Д. С. Лотте [8], Л. П. Крысин [7], С. В. Гринёв-Гриневич [6], Г. Пауль [10], Л. Блумфилд [4], Э. Хауген [16; 17], В. Бец [21], Г. Бусманн [25], У. Буссе [23; 24], И. Барц [20].

Г. Бусманн понимает под заимствованием «процесс и результат принятия языкового выражения из иностранного языка в родной» [25, S. 193]. Э. Ф. Володарская называет процесс заимствования универсальным языковым явлением, заключающимся «в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам» [5, с. 96]. Л. Блумфильд интерпретирует языковое заимствование как «усвоение различных явлений, которые отличаются от явлений, существующих в силу основной традиции» и различает диалектные заимствования, когда заимствованные явления приходят из того же самого языкового ареала, и заимствования из области культуры, когда заимствованные явления приходят из другого языка [4, с. 487-488]. По мнению Э. Хаугена, заимствование относится к одному из типов интерференции контактирующих языков, где интерференция – это «случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [16, с. 62]. Ученый подразделяет заимствования на заимствованные слова с частичным или полным переносом иностранной морфемы, заимствования-сдвиги и расширения [17, с. 354]. О. С. Ахманова определяет понятие «англицизм» как слово, выражение (или синтаксическая конструкция), заимствованное из английского языка и воспринимаемое как чужеродный элемент [2, с. 45]. У. Буссе понимает под англицизмом любое проявление немецкого языка, которое восходит к переносу английского языка. [23, S. 134]. Рабочим определением понятия «англицизм» считаем слово или оборот речи, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения.

Первым, кто занялся изучением англицизмов в немецком языке до I-й мировой войны в Германии, был Герман Дунгер (Hermann Dunger), разработавший «Словарь толкований устаревших иностранных слов – англоязычие в немецком языке» (1899 / 1909 гг.) [19, S. 10]. Огромный вклад в изучение англицизмов внесли работы Бродера Карстенсена (Broder Carstensen) [26; 27], который в 1992 году основал словарь англицизмов на основе словаря Дуден, работу над которым продолжил У. Буссе (Ulrich Busse). В период с 1993 по 1996 гг. были опубликованы три тома словаря, в котором представлен корпус в 100000 лексических единиц и зафиксированы 3500 наиболее часто используемых англицизмов после 1945 г. [37, S. 9]. Г. Галински (Hans Galinsky) изначально работал с Б. Карстенсеном. В своем исследовании (1967 г.) «Американизмы современного немецкого языка, процессы заимствования и их стилистические аспекты» он первым посвятил себя изучению взаимосвязи между англицизмами и стилем [там же, S. 9; 33].

Одно из первых крупных исследований о влиянии англицизмов на язык прессы и рекламы после 1945 г. представил Х. Циндлер (Horst Zindler) (1959 г.). Далее

последовали исследования Ю. Пфизнера (Jürgen Pfitzner) об англицизмах и их стилистической функции в прессе [\[35\]](#), работа В. Янга (Wenliang Yang) об англицизмах в немецком языке на примере новостного журнала «Шпигель» («Der Spiegel») [\[40\]](#), исследования В. Фирэка (Wolfgang Viereck) по различным аспектам проблематики англицизмов и по взаимодействию английского языка с другими языками [\[38\]](#). В поле зрения И. Зерензен (Ilse Sörensen) было изучение влияния англицизмов на разговорный немецкий язык (1995 г.) [\[36; 19, S. 11\]](#).

Г. Томашетт (Guy Tomaschett) в своем исследовании о влиянии английского языка на современный немецкий язык на материале швейцарских газетных текстов отмечает, что за 15 лет (1989-2005) объем англицизмов увеличился с 2,9% до 8,9%, то есть в три раза [\[37, S. 8\]](#). Исследователь приводит данные, что чаще всего англицизмы встречаются в рекламе ИКТ, электроники (до 45%) и повышения квалификации работников, тем самым подтверждая факт, что в деловом языке присутствует достаточное количество заимствований из английского языка. Исследователь обращает внимание, что влияние английского языка на немецкий язык имеет место на всех языковых уровнях – в фонетике, орфографии, морфологии, лексике, грамматике, синтаксисе [там же, S. 26]. Г. Томашетт упоминает также работы других исследователей, свидетельствующих о возрастающем влиянии англицизмов на немецкий язык, среди них К. Фирэк (Karin Viereck), Г. Финк (Herrmann Fink), Бринкман (Brinkmann), Эфферц (Effertz), Лее (Lee), М. Герлах (Manfred Görlach), Н. Лангер (Ninja Langer), Ш. Боман (Stephanie Bohmann), Д. Шютте (Dagmar Schütte) и др. [там же, S. 9-15].

П. Айзенберг ссылается на исследования У. Буссе (Ulrich Busse) (1993, 2001, 2004) и Лангнер (1995), в которых отслеживается эволюция англицизмов в наиболее репрезентативном немецком словаре – орфографическом словаре Дуден [\[28; 29\]](#) на протяжении примерно ста лет. Исследователи констатируют, что процент англицизмов в немецком языке увеличился с 1,36% в 1880 г. до 3,46% в 1986 г. [\[31, S. 66\]](#). Несмотря на удобство использования англицизмов, сторонники языкового планирования, в том числе П. Айзенберг, выступают за сохранение немецких аналогов и предостерегают о негативном влиянии активного использования английских слов, вследствие чего немецкий язык обедняется и деградирует [там же, S. 61]. Проявляя обеспокоенность по поводу возрастающего влияния английского языка на немецкий язык и заинтересованность в чистоте своего языка, пуристически настроенные защитники немецкого языка воспринимают англизацию современного немецкого языка как угрозу его независимости и подавление его самобытности.

А. Киркнесс на основе анализа двух презентативных словарей немецкого языка Дуден (Duden) и Вариг (Wahrig) приводит данные, что англицизмы составляют 11% в современном немецком языке и 22% от иностранных слов [\[33, S. 128\]](#). Исследователь делит новые слова, пришедшие из английского языка, на: 1) композиты – комбинации из лексем иностранного происхождения или конфикса и лексем; 2) слова, образованные при помощи суффиксации и состоящие из лексемы/конфикса и суффикса; 3) слова, образованные при помощи префиксации, состоящие из префикса и лексем; 4) слова, образованные при помощи конверсии, чаще всего превращения существительных путем добавления флексий в глаголы; 5) сокращения (сокращенные слова), обычно возникающие из-за пропуска лексем, а также конфикса, префикса, аффикса или отдельных букв; 6) новообразования, образованные путем удаления суффикса; 7) смешанные слова, образованные путем слияния слов; 8) комбинации из двух конфиксов; 9) заимствования, представляющие собой заимствование лексем с выражением и

содержанием из иностранного языка [там же, S. 110].

Р. Мур приводит в своей работе об англицизмах как проблеме лингвистики в Австрии и Германии в начале XXI в. наиболее признанную классификацию заимствований, которую разработал В. Бец. Бец подразделяет лексический тип заимствования (lexikalische Entlehnungsart) на внешний и внутренний заимствуемый языковой материал (äußeres und inneres Lehngut), где внешний состоит из прямых заимствований (direkte Entlehnungen), смешанных образований/гибридных композитов (Mischkomposita), содержащих как английскую, так и немецкую части слова, и фиктивных заимствований/псевдоанглицизмов (Scheinentlehnungen/Pseudoanglizismen), смоделированных по образцу английского языка, но отсутствующих в английском языке. Прямое заимствование подразделяется им в свою очередь на иностранные слова (Fremdwörter), по написанию и произношению не адаптированные к немецкому языку или не соответствующие его структурам; заимствованные слова (Lehnwörter), чаще всего адаптированные в написании и произношении к немецкому языку или соответствующие его структурам; экзотизмы (fremde Wörter/Exotismen), обозначающие объекты или вещи, существующие только в англоязычных странах. Псевдоанглицизмы Бец подразделяет на заимствованные изменения (Lehnveränderungen), лексические (lexikalische Scheinentlehnung) и семантические фиктивные заимствования (semantische Scheinentlehnung) [34, S. 33-35].

Подобную классификацию заимствований приводит также В. Янг (Wenliang Yang) в своей работе «Anglizismen im Deutschen: am Beispiel des (Wenliang Yang) при изучении англицизмов в немецком языке на примере новостного журнала «Шпигель» («Der Spiegel») (1990), на которую ссылается С. Бурмасова, изучавшая английские заимствования на материале газеты «Die Welt» в период с 1994 по 2004 гг. [22, с. 40].

По мнению С. В. Гринёв-Гриневича, в принимающем языке заимствованные лексические единицы могут существовать в разных формах, причем слова могут заимствоваться из других языков полностью или отдельными аспектами, например, только формой, содержанием или структурой. В зависимости от вида заимствуемых элементов ученый различает материально заимствованные термины, термины-кальки и гибридные термины, которые ученый, в свою очередь, подразделяет на полукальки, одна часть которых заимствована, а другая калькирована, и полузаимствования, одна часть которых заимствована, а другая исконная [6, с. 60-61].

Э. Ф. Володарская в своем исследовании процесса заимствования из английского языка в русском подразделяет английские заимствования на собственные заимствования, кальки и полукальки и подчеркивает, что «лингвистическая значимость калек заключается в обогащении ими словарного запаса слов без внедрения иностранной оболочки, а также в сближении образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира» [5, с. 100].

М. Адлер, проводя сравнительный анализ влияния англицизмов на СМИ в немецком и шведском языках, отмечает, что в немецких средствах массовой информации чаще всего (38,3%) встречаются гибридные композиты, на втором месте по частотности (27,4%) стоят заимствованные слова, на третьем месте (22,1%) находятся иностранные слова [19, S. 104]. В качестве причин использования английских заимствований исследователь называет необходимость устранения пробелов в словарном запасе; возможность придания тексту определенного стилистического характера (колорита), что способствует созданию необходимого эффекта в текстах и привлечению внимания читателей или

слушателей с помощью своей оригинальности; возможность избегать повторения слов или длинных, громоздких формулировок; дань модным или трендовым словам [там же, S. 119].

Р. Мур пишет, что широкое распространение англицизмов в немецком языке привело к разнообразию социальных и языковых проблем. По мнению исследователя, англизированные выражения используются в языковой практике компаний и средств массовой информации почти исключительно в апелляционной функции для привлечения максимального внимания клиентов. Поскольку учитывается владение иностранным языком в основном молодой, образованной, городской молодежью, а все остальные группы общества остаются вне внимания, возникающие в результате коммуникационные барьеры представляют собой серьезную проблему для социально и образовательно неблагополучных групп населения. Исследователь призывает языковые общества направить свои усилия не на очищение немецкого языка, а на «языковую поддержку» англицизмов и сосредоточиться на том, чтобы уделять данной теме больше внимания на научной основе [34, S. 48].

Подъязык ветеринарии в немецком языке вобрал в себя достаточное количество англицизмов, что не осталось без внимания у отечественных ученых. Е. А. Абросимова и С. И. Маджаева обобщают результаты научных работ ряда отечественных исследователей за последнее десятилетие, посвященных типологическим особенностям ветеринарного дискурса и терминологии подъязыка ветеринарии [11]; вопросы классификации ветеринарных терминов в современном английском языке рассматривают в своих работах Ю. Ю. Тимкина [12] и Л. В. Ягевич [18]; источники пополнения ветеринарной терминосистемы на материале немецкого языка изучают другие исследователи [13; 14; 15]; вытеснению англицизмов семантически тождественными немецкими новообразованными словами в качестве «защитной» реакции языка, направленной на защиту от чрезмерного употребления заимствований, а также в результате целенаправленной словотворческой деятельности германистов, посвящена работа О. А. Никитиной [9, с. 119]. Однако можно утверждать, что степень исследованности вопроса англоязычных заимствований в ветеринарной терминологии в современном немецком языке незначительна. Таким образом, научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые проведен анализ недостаточно изученного ранее пласта лексики – англицизмов в подъязыке ветеринарии в немецком языке.

Обратимся к анализу языкового материала. Изучение немецкой ветеринарной терминологии позволило выделить следующие типы английских заимствований.

1. Прямые заимствования, а именно, слова английского происхождения, по написанию и произношению не адаптированные к немецкому языку (384 ЛЕ – 18%): *whisker trimming* (обрезка усов), *udder strike* (кожный миаз на вымени и промежности), *top crossing* (топкросс – скрещивание аутбредных самок с инбредным производителем). Данная группа представлена терминологическими словосочетаниями (далее ТС), сложными, производными и простыми словами.

2. Смешанные образования из английских и немецких лексических единиц (415 ЛЕ – 19,5%), являющиеся сложными словами (279 ЛЕ), ТС (130 ЛЕ) или аббревиатурами (6 ЛЕ). Следует отметить, что немецкие термины, являющиеся одним из компонентов смешанных образований, также могут иметь иноязычное происхождение, например, в сложном термине *Hurler-Scheie-Syndrom* (синдром Херлера-Шее) вторым компонентом

выступает слово *Syndrom*, происходящее от древнегреческого συνδρομή («стечение, скопление»).

3. Смешанные образования, состоящие из английских и иноязычных лексических единиц, т. е. из третьего языка (1328 ЛЕ – 62,48%). В данную группу входят ТС, сложные слова, аббревиатуры, производные слова и одно простое слово, например, в сложном термине *Fox-Encephalitis* (энцефалит у лис) второй конституент *Encephalitis* происходит от греческого слова «encephalon» («мозг») путем добавления суффикса «-itis» («воспаление»), в ТС *goatpox virus* (вирус оспы у коз) второй компонент словосочетания происходит от латинского «virus» («болезнетворный яд», «слизь», «вирус»).

Анализ исследуемого материала позволил нам выявить, что ветеринарная терминология в немецком языке пополняется английскими заимствованиями, образованными синтаксическим способом словообразования (1197 ЛЕ – 56,3%); морфолого-синтаксическими способами, а именно, при помощи аббревиации (407 ЛЕ – 19,1%) и словосложения (401 ЛЕ – 18,9%); морфологическими способами (суффиксальный и суффиксально-префиксальный) (105 ЛЕ – 4,9%). Кроме того, в языковом материале выявлены также простые слова-заимствования (17 ЛЕ – 0,8%).

Терминологические словосочетания относятся к наиболее многочисленной группе английских заимствований. Основным компонентом ТС является имя существительное. В качестве основного признака ТС выступает их раздельнооформленность. Целостность значения ТС выводится из суммы значений их компонентов. В структурном отношении ТС подразделяются на двухкомпонентные или многокомпонентные, состоящие из трех, четырех и более компонентов. Двухкомпонентные ТС являются самой продуктивной группой в рассматриваемом материале и составляют 671 ЛЕ (56,1% от всего объема ТС), трехкомпонентные ТС менее частотны (399 ЛЕ – 33,3%), четырехкомпонентных ТС представлено 103 ЛЕ (8,6%), пятикомпонентных ТС выявлено 24 ЛЕ (2%).

Среди двухкомпонентных ТС наиболее продуктивными являются англицизмы, построенные по типу NN (субстантивно-субстантивные), например, *arans'cancer* (рак аранов), *hog cholera* (чума свиней). Второй по продуктивности группой являются ТС типа AN (субстантивно-адъективные), значительно уступающие по количеству предыдущей группе, например, *airborn microbes* (переносимые по воздуху микробы), *average dose* (средняя доза). На третьем месте стоят ТС с предлогом NpN (предложно субстантивные), например, *hepato-pankreatitis of turkeys* (гепато-панкреатит у индеек), *Coronavirus-like-Infektion bei Papageien* (Коронавирусная инфекция у попугаев).

В группе трехкомпонентных ТС наиболее частотными являются ТС типа ANN (адъективно-субстантивно-субстантивные), например, *African horse sickness* (африканская чума лошадей); далее по частотности следует называть ТС типа NNN (субстантивно-субстантивно-субстантивные), например, *Chick edema disease* (заболевание цыплят отеком); NAN (субстантивно-адъективно-субстантивные), например, *Egg related peritonitis* (перитонит, связанный с яйцеклетками); AAN (адъективно-адъективно-субстантивные), например, *chronic respiratory disease* (хронические респираторные заболевания). Выявлены также единичные ТС таких типов как ANpN (адъективно-субстантивно-предложно субстантивные), NNpN (субстантивно-субстантивно-предложно субстантивные), NAA (субстантивно-адъективно-адъективные), NpNN (субстантивно-предложно субстантивно-субстантивные).

Четырехкомпонентные ТС представлены в языковом материале следующими типами: ANNN: *african horse sickness virus* (вирус африканской чумы лошадей), AANN: *bacillary*

white diarrhea of chicks (бактериальная диарея у цыплят), NNNN: *beak and feather disease virus* (вирус болезни клюва и пера), NANN: *bee acute paralysis virus* (вирус острого паралича пчел), AAAN: *bovine respiratory syncytial virus* (респираторно-синцитиальный вирус крупного рогатого скота). Выявлены также единичные примеры ТС таких типов как ANNpN, NAAN, NNAN.

Пятикомпонентные ТС наименее продуктивны в количественном отношении, однако наиболее богаты разнообразием типов, выявлен 21 тип ТС, состоящих из пяти компонентов, из которых 11 типов являются беспредложными. Большое разнообразие пятикомпонентных ТС и увеличение размеров ТС можно объяснить непрерывным развитием ветеринарной терминологии и расширением системы понятий ветеринарных терминов. В некоторых случаях простое словосочетание не покрывает полностью понятийного поля, или же возникает необходимость дальнейшего уточнения понятий. Формирование понятий в данных словосочетаниях идет за счет последовательного «нанизывания» блоков информации на опорное понятие, выраженное в ядре ТС. Например, ТС *summer pasture-associated obstructive pulmonary disease* (обструктивная болезнь лёгких, связанная с летним выпасом скота) (тип NAAAN), ТС *trager duck spleen necrosis virus* (вирус некроза селезёнки уток) (тип NNNNN). Выявлены также пятикомпонентные ТС следующих типов: AANNN (*viral erythrocytic inclusion body syndrome* – синдром вирусных эритроцитарных телец-включений); ANpNpAN (*World Association for the Advancement of Veterinary Parasitology* – всемирная ассоциация по развитию ветеринарной паразитологии); ANNNN: *blue elephant stomach bot fly 1* (желудочный бот-муха синего слона 1); NNpANpN: *microwave amplification by stimulated emission of radiation* (усиление микроволн с помощью вынужденного излучения); ANNpNN: *proliferative kidney disease of salmonid fish* (пролиферативная болезнь почек у лососевых рыб); NNAAN (*chicken embryo lethal orphan virus* – смертельный сиротский вирус куриных эмбрионов); NpANpAN (*convention on international trade in endangered species* – конвенция о международной торговле видами, находящимися под угрозой исчезновения); AAANN (*enteric cytopathogenic porcine orphan virus* – кишечный цитопатогенный свиной вирус-сирота); ANNAN (*high performance pressure liquid chromatography* – высокоэффективная жидкостная хроматография под давлением); AANpNN (*lethal intestinal virus of infant mice* – смертельный кишечный вирус у новорожденных мышей); NNANN (*Madin Darby bovine kidney cells* – клетки почек крупного рогатого скота по Мадин Дарби (Madin Darby)); ANconjNNN (*sittacine beak and feather disease virus* – вирус болезни клюва и пера у попугаев); AANNN (*rapid fluorescent focus inhibition test* – быстрый тест на ингибирование флуоресцентного фокуса); NNNconjNN (*replicate organism detection and counting plate* – планшет для обнаружения и подсчета микроорганизмов); ANANN (*Rocky mountain spotted fever tick* – клещ от пятнистой лихорадки Скалистых гор); AANpAN (*sexually dimorphic nucleus of the preoptic area* – половое диморфное ядро преоптической области); NANAN (*sheep pulmonary adenomatosis associated herpesvirus* – герпесвирус, вызывающий аденоматоз лёгких у овец); AANNpN (*Sudden Acquired Retinal Degeneration bei Hunden* – внезапная приобретенная дегенерация сетчатки у собак) и др.

Такого рода ТС при свертывании могут быть сведены к моделям простых двусловных сочетаний (NN, NpN или AN) независимо от количества компонентов, входящих в их состав. Например: *standardized nomenclature of animal parasitic diseases* (стандартизированная номенклатура паразитарных заболеваний животных) – *nomenclature of animal parasitic diseases* (номенклатура паразитарных заболеваний животных) – *nomenclature of animal diseases* (номенклатура болезней животных) – *nomenclature of diseases* (NpN) (номенклатура болезней); *rapid fluorescent focus*

inhibition test (быстрый тест на ингибирование флуоресцентного фокуса) – *fluorescent focus inhibition test* (тест на ингибирование флуоресцентного фокуса) – *inhibition test* (NN) (тест на ингибирование). Редуцирование ТС в данных примерах, то есть последовательное исключение из них по одному компоненту, имеющему непрочные структурно-семантические отношения с другими модификаторами, сведение их к исходным двусловным сочетаниям наглядно нам показывает, что сложные словосочетания по существу всегда парны, так как в их основе всегда лежит модель простого, двусловного словосочетания. Таким образом, основным принципом построения сложных наименований является конкретизация опорного компонента ТС, с помощью которой осуществляется оптимальная номинация специального понятия. Анализ построения ТС также доказывает их эквивалентность однословным терминам, например, английское ТС *goatpox virus* соответствует в немецком языке термину-композиту *das Ziegenpockenvirus* (вирус козьей оспы), английское ТС *golden shiver virus* эквивалентно немецкому термину *die Reoviren (bei Fischen)* [39, S. 580-581], английское гибридное в этимологическом отношении ТС *die Isle-of-Wight-Krankheit* соответствует в немецком языке однословному термину *die Akarapidose* (акарапидоз) [там же, S. 734].

Анализ фактического материала позволил выявить наиболее продуктивные родовые термины – ядерные компоненты ТС, служащие для образования других многокомпонентных ТС. К ним относятся *virus* (вирус) – 84 ЛЕ (*goose adenovirus* – аденовирус гусей), *disease* (болезнь) – 71 ЛЕ (*disease prevention* – предохранение заболевания), *syndrome* (синдром) – 18 ЛЕ (*cod ulcer syndrome* – синдром язвы трески), *factor* (фактор) – 14 ЛЕ (*factors of germ transmission* – факторы передачи возбудителя).

Таким образом, самым распространенным в структурном отношении терминологическим словосочетанием является двучленная конструкция, а наиболее продуктивным типом ТС являются субстантивно-субстантивные, основным ядерным компонентом которых является имя существительное, например, *beef cattle* (мясной скот). Их частотность объясняется требованием информационной компрессии, необходимостью снятия синтаксической громоздкости по сравнению с предположно субстантивными словосочетаниями, а также высокой потребностью в терминологических словосочетаниях, не допускающих вариативности интерпретации.

Анализ ТС с этимологической точки зрения показал нам, что в исследуемом материале присутствуют:

а) ТС, все компоненты которых имеют английское происхождение (28 ЛЕ), например в ТС «*itch mite*» (чесоточный клещ) слово «*itch*» происходит от среднеанглийского «*icche*», которое в свою очередь восходит к древнеанглийскому «*iccan*». Слово «*mite*» происходит от древнеанглийского «*mīte*» и означает «кусающее насекомое»;

б) гибридные ТС (1169 ЛЕ), у которых один или больше компонентов имеет греко-латинское происхождение, пришедшие через немецкий, чаще через французский языки. Проиллюстрируем на примерах. В ТС *respiratory-syncytial-virus-Infektion der Rinder* (кашель у крупного рогатого скота, вызванный респираторно-синцитиальным вирусом) последний компонент *Infektion* композита *respiratory-syncytial-virus-Infektion* происходит от позднелатинского *infectio* («заражение»), а второй компонент ТС *Rinder* имеет немецкое происхождение, происходит от средневерхненемецкого слова *rint*, восходящего к древневерхненемецкому (*h*)*rind* (рогатое животное) [29, S. 695]. Другой пример: ТС *peduncle disease* (психрофильная болезнь) состоит из слова *peduncle*, происходящего от латинского *pedunculus* со значением «маленькая нога» и слова *disease*, которое происходит от старофранцузского *desaise*, что означает «отсутствие

лёгкости». В ТС *marble bone* (птичий остеопетроз, досл. «мраморная кость») слово *marble* происходит от древнегреческого «μάρμαρον» (мрамарон) и означает «кристаллическая порода, сияющий камень». Слово *bone* происходит от староанглийского слова «bān» и имеет значение «кость; косточка; твёрдая животная ткань, образующая скелет». Еще пример: ТС *goose hepatitis* (гепатит гусей) имеет вторым компонентом слово *hepatitis*, образованное от греческого слова «ἥπαρ» (*hēpar*) («печень») и суффикса «-itis».

Следует также особо отметить, что в исследуемом материале выявлено достаточно много ТС, в которых первым элементом выступают английские эпонимы, например, *die Bowman'Membran* (мембрана Боумена), *die Chastek'Paralyse* (паралич Частека), *das Adams-Stokes'Krankheitsbild* (синдром Адамса – Стокса).

Второй по продуктивности является группа англицизмов, образованных *морфолого-синтаксическими способами* (аббревиация и словосложение). Аббревиатуры стоят после ТС на второй позиции по частотности (407 ЛЕ – 19,1% от всего корпуса терминов). Ю. В. Сложеникина понимает под аббревиацией «графическое сокращение многокомпонентного наименования до формы слова, создание более коротких по сравнению с исходными структурами вариантных их номинаций» [11, с. 84]. В языковом материале выявлены инициальные аббревиатуры, самой продуктивной группой из которых являются трехбуквенные (219 ЛЕ – 54% от общего числа аббревиатур), например, *MSA* (= *Multiplication-stimulating activity* – активность, стимулирующая размножение), *KRV* (= *Kilham rat virus* – Килхэмский крысиный вирус); на втором месте по продуктивности стоят четырехбуквенные аббревиатуры (120 ЛЕ – 29,5% среди аббревиатур), например, *NOEL* (= *no observed effect level* – отсутствие наблюдаемого уровня эффекта), *PEMS* (= *poult enteritis mortality syndrome* – синдром смертности от птичьего энтерита); далее следуют двухбуквенные аббревиатуры (27 ЛЕ – 6,6%), например, *PD* (= *pancreas disease* – заболевание поджелудочной железы), *ND* (= *Newcastle disease* – Ньюкаслская болезнь); пятибуквенные аббревиатуры (20 ЛЕ – 4,9%) заняли следующую по убыванию позицию: *DUMPS* (= *deficiency of uridine monophosphate synthetase* – дефицит уридинмонофосфатсинтетазы), *CITES* (*Convention on International Trade in Endangered Species on Wild Fauna and Flora* – Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения). Выявлена также одна однобуквенная аббревиатура (0,2%): *I* (= *region associated antigen* – регион-ассоциированный антиген), а также единичные случаи многобуквенных аббревиатур, а именно, три шестибуквенных (0,7%), например, *HPLC-MS* (= *high pressure liquid chromatography-mass spectrometry* – жидкостная хроматография-масс-спектрометрия высокого давления), три семибуквенных (0,7%), например, *SNOAPAD* (= *standardized nomenclature of animal parasitic diseases* – стандартизированная номенклатура паразитарных болезней животных), и одна десятибуквенная аббревиатура (0,2%): *MALDI-TOF-MS* (= *matrix-assisted laser desorption/ionization-time of flight-mass spectrometry* – лазерная десорбция/ионизация с помощью матрицы – время пролета-масс-спектрометрия).

Следует обратить внимание, что существуют определенные особенности написания некоторых инициальных аббревиатур, например, они могут иметь при себе цифру, которая имеет определенное конкретизирующее значение, например, *MHV-2* (= *mill hill virus 2* – вирус Милл-Хилла 2), *BPIV-3* (= *bovine parainfluenza virus 3* – вирус парагриппа крупного рогатого скота 3). Инициальные аббревиатуры могут писаться через дефис, который обычно обозначает границы слов или словосочетаний, например, *CE-MS* (= *capillary electrophoresis-mass spectrometry* – капиллярный электрофорез-масс-

спектрометрия). Иногда в аббревиатурах употребляется слэш, также обозначающий границы слов или дающий дополнительную информацию к основной части сокращения, например, *BVD/MD* (= *bovine virusdiarrhoe/mucosal disease* (= диарея/заболевание слизистых оболочек, вызванное вирусом крупного рогатого скота)).

Помимо инициальных аббревиатур-англицизмов в рассматриваемой терминологии в небольшом количестве присутствуют усечения (13 ЛЕ – 3,2%). Первым видом являются инициально-слоговые акронимы, состоящие из инициальных и слоговых компонентов. В нашем случае представлены инициально-слоговые акронимы, состоящие из слога и инициалов, например, *GaHV* (= *Gallid herpesvirus* – вирус желчного герпеса), *Hugo* (= *humane genome organisation* – организация «гуманный геном»). Вторым видом являются усечения в виде апокопы, отличительным признаком которой является выпадение одного или нескольких звуков или слогов в конце слова. Подобные усечения представляют собой слоговой компонент исходной формы, например, *inj.* (= *injectable* – вводимый для инъекций), *VIS* (= *visible* – видимый). Эта группа смешанных аббревиатур малочисленна.

С этимологической точки зрения аббревиатуры имеют в своем составе слова либо только английского происхождения, например, *biting lice* (кусачие вши), либо гибриды из английского языка и третьих языков: немецкого, например, *HU* (= *Hounsfield-Einheit*) (единица Хаунсфилда), французского – *IBD* (*infectiosus bursal disease*) (инфекционное бурсальное заболевание), греческого/латинского, например, *BPI* (= *bactericidal permeability-increasing protein* (белок, повышающий бактерицидную проницаемость)).

Таким образом, анализ английских аббревиатур в ветеринарной терминосистеме в немецком языке позволяет сделать вывод, что употребительность рассмотренных выше типов буквенных англицизмов-аббревиатур неодинакова. Трехбуквенные англицизмы-аббревиатуры являются наиболее распространенными в немецкой ветеринарной терминосистеме.

Сложные слова (компози́ты) заняли в языковом материале третью позицию, немного уступив по частотности аббревиатурам (401 ЛЕ – 18,9% от корпуса англицизмов). Слова, состоящие из двух или более основ, являются удобным средством передачи сложных понятий в сжатой форме, что особенно важно при образовании терминов в научной терминологии. В качестве основного признака композита следует назвать его цельнооформленность, в отличие от раздельнооформленности словосочетания.

В подавляющем большинстве англицизмы-компози́ты представляют собой гибридные термины, состоящие из английских слов и слов из третьего языка. Сложные слова могут иметь в качестве первого конституента английские эпонимы, в то время как вторым конституентом может выступать слово английского, немецкого, французского или греко-латинского происхождения, например, *der Frank-Starling-Mechanismus* (механизм Франка-Старлинга), *die Addison-Krankheit* (болезнь Аддисона), *das Southey-Röhrchen* (трубка Саути).

Структурный анализ английских компози́тов позволил нам выявить, что они подразделяются на: слова, состоящие из двух простых компонентов (202 ЛЕ – 50,4% от всех компози́тов), например, *yeast-extrat* (дрожжевой экстракт), *tiger|head* (тигроголовый); слова со сложным определительным компонентом (166 ЛЕ – 41,4%): *white-dog-snaker-syndrom* (синдром белой собаки-змеелова), *der Sewall-Wright-Effekt* (эффект Сьюэлла-Райта); слова со сложным определяемым компонентом (19 ЛЕ – 4,7%): *die Slow-Virus|infektionen* (замедленная вирусная инфекция), *das Scanning-Elektronen|mikroskop* (электронный микроскоп для сканирования); слова со

сложными определительным и определяемым компонентами (14 ЛЕ – 3,5%): *die Donald-Duck-Schnabel|mißbildung* (врожденная аномалия клюва «Дональд Дак»), *das Get-away-Haltungs|system* (выгульная система содержания скота). Таким образом, половину английских композитов составляют слова, состоящие из двух простых компонентов.

Обращает на себя внимание также способ написания сложных слов. Сложные слова могут состоять из двух слитно написанных конституентов, например, *radioimmunoassay* (радиоиммунологический анализ), *Jerseyrind* (Джерсейская порода коров), либо писаться через дефис, например, *der Houssay-Biasotti-Effekt* (синдром Уссе-Биазотти), *das Frank-Starling-Gesetz* (закон Франка – Старлинга). Довольно частотными являются сложные слова, первым конституентом которых выступают английские аббревиатуры, например, *der ADI-Wert* (допустимая суточная доза), *DNA-Blotting* (ДНК-блоттинг).

При рассмотрении семантических отношений между компонентами англицизмов-композитов можно их подразделить на несколько групп. Определитель, который выражает видовой признак, может обозначать: 1) имя ученого (-ных), в честь кого назван метод лечения, тест, вирус, болезнь, синдром, аномалия, операция, и т. д.: *Fahey-Crawley-virus* (вирус Фейхи-Кроули), *die Daviel-Operation* (операция Давиеля), *das Cushing-Syndrom* (синдром Кушинга, синдром гиперкортицизма); удельный вес английских эпонимов в составе композитов составил 121 ЛЕ (30% от числа композитов); 2) способ/метод лечения, тип исследования и т. д.: *das Dipping-Verfahren* (процедура погружения), *die Challengeversuch-Infektion* (контрольное (проверочное) заражение), *der Booster-Effekt* (бустер-эффект, вторичная реакция на повторную вакцинацию); 3) тип животных: *cowpox* (коровья оспа), *Cocker-Spaniel* (Кокер-спаниель); 4) географическое место возникновения болезни: *das Semliki-Forest-Virus* (вирус лесов Семлики), *die Newcastle-Krankheit* (ньюкаслская болезнь, псевдочума).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что англицизмы-компози́ты немного уступают по продуктивности английским аббревиатурам. При рассмотрении структуры англицизмов-компози́тов в рассматриваемой терминосистеме выявлено, что половина английских сложных слов являются словами, состоящими из двух простых компонентов. Однако присутствуют также англицизмы-компози́ты, образованные путем сложного словосложения, т. е. состоящие из более чем двух слов, которые, в свою очередь, образованы при помощи морфологических или морфолого-синтаксических способов словообразования, что наглядно демонстрирует многоаспектность словосложения как способа терминообразования. В этимологическом отношении большинство англицизмов-компози́тов являются гибридными терминами, состоящими из слов английского, немецкого, французского или греко-латинского происхождения, что показывает на их многовариантность благодаря происхождению языкового материала, привлекаемого к созданию определяющей или основной частей композитов. С семантической точки зрения первым конституентом английских композитов, выражающим видовой признак, выступают имя ученого, в честь кого назван метод лечения, тип исследования, тип животных, географическое название по месту возникновения болезни. У одной трети англицизмов-компози́тов первым конституентом выступают эпонимы.

Производные слова (104 ЛЕ – 4,9%) представлены в исследуемом языковом материале небольшим объемом терминов. Они образованы при помощи морфологических способов словообразования (суффиксальное, префиксальное или префиксально-суффиксальное словообразование). Приведем несколько примеров: термин *canker* (язва; гангренозный стоматит; болезнь стрелки (у лошадей)) образован при помощи суффикса -er, в образовании термина *inbreeding* (инбридинг, родственное спаривание) задействованы

префикс *in-* и суффикс *-ing*, обозначающий процесс или действие; термин *tiredness* (усталость) образован при помощи суффикса *-ness*, который образует существительные от прилагательных. Группа производных терминов малопродуктивна.

Простые слова (17 ЛЕ – 0,8%) выявлены единичными случаями, например, *rack* (кормушка), *drug* (лекарство, медикамент; наркотик), *cough* (кашель).

Анализ языкового материала на отнесенность к разным частям речи показал, что к существительным относятся большинство англицизмов – 2115 ЛЕ (99,44% заимствований). Класс прилагательных представлен 7 ЛЕ, выявлены также 3 глагола и 2 наречия. Таким образом, большая часть английских заимствований пополняет класс существительных. Значительно меньшая доля заимствованной лексики приходится на прилагательные, глаголы и наречия.

Наконец, в заключение хотелось бы обратить внимание на причины проникновения англицизмов в немецкую ветеринарную терминологию. Прежде всего это объясняется доминирующей ролью английского языка в современном языке науки. Согласимся также с М. Адлером, утверждающим, что проникновение англицизмов в разные пласты немецкого языка объясняется необходимостью устранения пробелов в словарном запасе; возможностью придать тексту определенный стилистический характер, способствующий привлечению внимания читателей или слушателей с помощью своей оригинальности; возможностью избежать повторения слов или длинных, громоздких немецких формулировок; а также данью модным или трендовым словам [\[19, S. 119\]](#).

В нашем случае речь идет о научной лексике, поэтому в первую очередь проникновение англоязычных заимствований в язык ветеринарии связан с необходимостью восполнения пробелов в языке. Проиллюстрируем на примерах. Английское *TC bean hulls poisoning* (отравление бобовой шелухой) не имеет аналога в немецком языке. Лексикон Виснера и др. дает лишь описание данного термина: в Японии, особенно на острове Хоккайдо, в результате кормления лошадей стручками фасоли, зараженными плесенью *Fusarium solani*, возникает токсикоз, иногда смертельный < ... > вплоть до очагообразного тотального некроза белого вещества головного мозга, дегенерации почечных канальцев [\[39, S. 159\]](#). Можно привести в качестве примера также английскую аббревиатуру, также не имеющую аналога в немецком языке: *LAV* (= *Lymphadenopathy associated virus*) (вирус, ассоциированный с лимфаденопатией) [там же, S. 843]. В то же время следует отметить, что в немецком языке присутствует сильная тенденция образования синонимичных терминов на материале национального языка, например, английское *TC antibody dependent cellular cytotoxicity (ADCC)* (антителозависимая клеточная цитотоксичность) является аналогом немецкого *TC die antikörperabhängige zelluläre Zytotoxizität* [там же, с. 20].

Другой немаловажной причиной проникновения английских терминов в подязык ветеринарии в немецком языке следует назвать возможность заменять в целях «экономии» громоздкие немецкие лексические наименования. Проиллюстрируем на примерах. Английское ТС «*pink eye*» (досл. «розовый глаз») заменяет громоздкое ТС в немецком языке «*Keratoconjunctivitis infectiosa des Rindes*» (инфекционный кератоконъюнктивит крупного рогатого скота) [там же, S. 1131]. Другой пример: английский компактный термин «*disbudding*» соответствует немецкому «*die Zerstörung des Hornzapfens*» (деторация или удаление роговых бугорков у домашнего скота) [там же, S. 350]. Следует заметить, что некоторые английские заимствования уточняют или поясняют немецкие термины, например, английская аббревиатура *ADE* (*antibody dependent enhancement*) (усиление, зависящее от наличия антител) передается на

немецком языке одним словом *die Neutralisation*, которое не раскрывает в полной мере значение термина [там же, S. 21]. На наш взгляд, однако, некоторые заимствованные англицизмы употребляются без особой на то необходимости, например, английское TC *acute Marek's disease* вполне может быть заменено немецким TC *MarekKrankheit* (болезнь Марека) [там же, S. 19]; английское TC *goat pox* имеет аналогом в немецком термин *die Ziegenpocken* (козья оспа) [там же, S. 580].

Суммируя вышеизложенное, делаем следующие выводы. В немецкой ветеринарной терминологии присутствуют заимствования английского происхождения и заимствования смешанного (гибридного) характера, в которых употребляются слова, заимствованные из латинского (или греческого) и через французский язык пришедшие в английский, потом в немецкий языки. Ветеринарная терминология в немецком языке пополняется английскими заимствованиями, образованными в преобладающем большинстве синтаксическим способом словообразования, далее по убыванию – морфолого-синтаксическими способами (аббревиация и словосложение), а также морфологическими способами (суффиксальный и суффиксально-префиксальный). Производные и простые слова относятся к непродуктивным группам. Среди терминологических словосочетаний двухкомпонентные являются самой продуктивной группой. Они построены по типу NN (субстантивно-субстантивные), AN (субстантивно-адъективные), NpN (предложно субстантивные). Среди трехкомпонентных TC наиболее продуктивным типом является ANN (адъективно-субстантивно-субстантивные). Многокомпонентные словосочетания характеризуются многообразием типов, которые при свертывании могут быть сведены к моделям простых двусловных сочетаний (NN, NpN или AN) независимо от количества компонентов, входящих в их состав. Наиболее продуктивными родовыми терминами в TC являются *virus, disease, factor*. С этимологической точки зрения английские TC могут состоять отчасти из компонентов только английского происхождения или, в подавляющем большинстве, представлять собой гибридные TC с компонентами, пришедшими через немецкий или французский языки из греко-латинского наследия. Среди сокращений самой продуктивной группой являются трехбуквенные инициальные аббревиатуры. Наряду с ними в ветеринарной терминологии в небольшом количестве присутствуют усечения, подразделяемые на инициально-слоговые акронимы, состоящие из слога и инициалов, а также апокопы. Английские композиты подразделяются на слова, состоящие из двух простых компонентов, слова со сложным определительным компонентом, слова со сложным определяемым компонентом и слова со сложными определительным и определяемым компонентами. В семантическом отношении первым конституентом английских композитов выступают имя ученого, в честь кого назван метод лечения, тип исследования, тип животных, географическое название по месту возникновения болезни. Что касается происхождения аббревиатур и композитов, то они могут иметь отчасти только английское происхождение, но в большинстве своем представляют собой гибриды из английского и третьих языков. Англицизмы, встречающиеся в немецкоязычной ветеринарной терминологии, пополняют собой такие части речи как классы существительных, прилагательных, наречий, и глаголов. При этом в большей степени обогащается класс имен существительных.

Подводя итоги вышеизложенному, можно отметить, что англицизмы обогащают немецкую ветеринарную терминологию, становясь ее неотъемлемой частью. Однако здесь также следует сказать, что, хотя для большинства англицизмов существуют немецкие эквиваленты, часто предпочтение отдается словам на иностранном языке. Очевидно, что процесс заимствований продолжается, отражая динамику развития ветеринарной науки и практики. Основными причинами англицизмов в подязыке ветеринарии в немецком языке являются научный обмен между ветеринарными специалистами разных стран и

стремление упрощения коммуникации, приводящий к проникновению английских терминов в профессиональную лексику в немецком языке и, в то же время, способствующий унификации ветеринарных терминов в разных языках; технологический прогресс, при котором появляются новые методы диагностики и лечения животных; популярность англоязычных брендов, например, лекарств, кормов и оборудования, сохраняющих оригинальные названия в целях языковой экономии.

Библиография

1. Абросимова, Е. А., Маджаева, С. И. Ветеринарный дискурс в зеркале современных научных исследований: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 3. С. 751-758. DOI 10.30853/phil20220140. EDN: TTRSUX.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 608 с. EDN: IMNYVY.
3. Бесхлебнов, В. А. Немецко-русский ветеринарный словарь (с указателем русских терминов) : Ок. 25000 терминов / Под ред. канд. биол. наук В.А. Бесхлебнова. М.: РУССО, 1996. 464 с.
4. Блумфилд, Л. Язык. Пер. с англ. под ред. и с предисл. М. М. Гухман. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
5. Володарская, Э. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96-118. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2002-4_96-118.pdf (дата обращения 13.08.2025).
6. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский центр "Академия", 2008. 304 с. EDN: VRDUHV.
7. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. (Studia philologica).
8. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. С. 7-112. EDN: VUPXFZ.
9. Никитина, О. А. О конкуренции англицизмов и новообразованных слов в современном немецком языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 119-129. EDN: NWGQNZ.
10. Пауль, Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.
11. Сложеникина, Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2016. 120 с. EDN: YUKXWD.
12. Тимкина, Ю. Ю. Классификация ветеринарной терминологии в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 6-1(72). С. 156-158. EDN: YNGOLV.
13. Хаимова, Г. А. Заимствование как один из источников пополнения немецкой ветеринарной терминологии // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 66-3(66). С. 36-40. DOI 10.31618/nas.2413-5291.2021.3.66.414. EDN: GCWXUN.
14. Хаимова, Г. А. Источники пополнения терминосистемы ветеринарной паразитологии (на материале немецкого языка) // Филология: научные исследования. 2022. № 2. С. 1-14. DOI 10.7256/2454-0749.2022.2.37502. EDN: PERCLU.
15. Хаимова, Г. А. Словообразование как один из продуктивных способов словопроизводства ветеринарных терминов (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3575-3583. DOI 10.30853/phil20230550. EDN: TOZLCV.
16. Хауген, Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 344-382.

17. Хауген, Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. VI. С. 61-80.
18. Ягевич, Л. В. К вопросу о классификации терминологии ветеринарной медицины в современном английском языке // Преподаватель: XXI век. 2020. № 1-2. С. 342-351. DOI 10.31862/2073-9613-2020-1-342-351. EDN: QUTZTT.
19. Adler, M. Form und Häufigkeit der Verwendung von Anglizismen in deutschen und schwedischen Massenmedien. Diss. Universität Jena. 2004. 2., neu bearb. Fassung. 165 S.
20. Barz, I. Fremdwortbildung. Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarb. und erw. Aufl. Mannheim, 2005. S. 690-695.
21. Betz, W. Lehnwortschatz // Stammerjohann, H. (Hrsg.). Handbuch zur Linguistik. München, 1975. S. 250.
22. Burmasova, S. Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004). Bamberger Beiträge zur Linguistik. Bd. 2. Hrsg. von Thomas Becker, Martin Haase, Sebastian Kempgen, Manfred Krug und Patrizia Noel Aziz Hanna. University of Bamberg Press, 2010. 291 S.
23. Busse, U. Typen von Anglizismen: von der heilago Geist bis Extremsparing // Stickel, Gerhard (Hrsg.). Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. Berlin, New York: de Gruyter, 2001. S. 131-155.
24. Busse, U., Görlach, M. „German“ // Görlach, M. (Hrsg.). English in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2004.
25. Bussman, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Alfred Kröner Verlag, 2002. 3. aktualisierte und erw. Aufl. Stuttgart. 783 S.
26. Carstensen, Broder & Ulrich Busse. Anglizismenwörterbuch. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945. 3 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 1993–1996.
27. Carstensen, B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945. Heidelberg: Springer-Verlag, 1965. 295 S.
28. Duden. Das Fremdwörterbuch. Unentbehrlich für das Verstehen und den Gebrauch fremder Wörter. Bd. 5 / Bibliographisches Institut, 2015. 11 Aufl. Berlin. 1136 S.
29. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Bd. 7 / Bibliographisches Institut, 2020. 6. vollständig überarb. und erw. Aufl. Berlin. 960 S.
30. Duden. Die deutsche Rechtschreibung. Das umfassende Standardwerk auf der Grundlage der aktuellen amtlichen Regeln. Bd. 1 / Bibliographisches Institut, 2009. 25. völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Zürich. 1216 S.
31. Eisenberg, P. Anglizismen. URL: uol.de/f/3/inst/germanistik/fach/... (дата обращения: 10.02.2025).
32. Galinsky, H. Amerikanisch-englische und gesamtenglische Interferenzen mit dem Deutschen und anderen Sprachen der Gegenwart. Ein kritischer Forschungsbericht. (1945–1976) // Kolb, H./Lauffer, H. (Hrsg.). Festschrift f. Werner Betz. Tübingen, 1977. S. 463-517.
33. Kirkness, A. Europäismen/Internationalismen im heutigen deutschen Wortschatz. Eine lexikographische Pilotstudie // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz: aktueller lexikalischer Wandel. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 105-130.
34. Muhr, R. EUROSPEAK – Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende // Kettemann, B. (Hrsg.). Peter Lang Verlag, 2002. S. 9-54. URL: <http://www.oedeutsch.at/OEDTBIB/Muhr-2002>
35. Anglizismen%20und%20Sprachpflege%20AT.pdf (дата обращения 13.08.2025).
36. Pfitzner, J. Der Anglizismus im Deutschen. Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse. Stuttgart: Nimeyer, 1978. 237 S.
37. Sörensen, I. English im Deutschen Wortschatz: Lehn- und Fremdwörter in der Umgangssprache. Berlin: Cornelsen / Volk und Wissen, 1995. 167 S.
38. Tomaschett, G. Anglizismen – Ist die deutsche Sprache gefährdet? Zunahme der

Anglizismen in den Inseraten der Schweizer Zeitungen Bote der Urschweiz und Weltwoche bzw. NZZ am Sonntag von 1989 – 2005. 237 S., 2005.

38. Viereck, W. Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche. Tübinger Beiträge zur Linguistik, Bd. 132, Günter Narr Verlag, Tübingen, 1980. 323 S.

39. Wiesner, E., Ribbeck, R. Lexikon der Veterinärmedizin. Enke im Hippokrates Verlag GmbH, 2000. 4., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart. 1630 S.

40. Yang, W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins Der Spiegel. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. 237 S. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена анализу англицизмов в профессиональной лексике немецкого языка, а именно — в подязыке ветеринарной медицины. Автор исследует количественные и качественные характеристики заимствований, их структурно-семантические типы, способы образования и функциональную роль в терминосистеме.

Работа основана на корпусном подходе: в качестве языкового материала использованы два авторитетных лексикографических источника, включающих 63 543 термина, из которых выявлено 2 127 англицизмов (3,3%). В работе применяется комплексная исследовательская методика, включающая методы количественного анализа, классификации, структурно-семантического и этимологического разбора. Особое внимание уделено типологии заимствований по классификации В. Беца и другим теоретическим моделям.

Исследование чрезвычайно актуально в контексте глобализации научного дискурса, где английский язык доминирует как язык международной коммуникации. Ветеринарная терминология, как и другие профессиональные подязыки, активно впитывает англицизмы, что требует системного лингвистического осмысления с точки зрения терминообразования, языковой экономии и межкультурной адаптации.

Новизна работы заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ англицизмов именно в немецкой ветеринарной терминологии — малоизученном сегменте специальной лексики. Автор не только фиксирует факт заимствования, но и детально классифицирует термины по структуре (словосочетания, композиты, аббревиатуры), происхождению (чистые англицизмы, гибриды с греко-латинскими и немецкими элементами) и продуктивности. Особенно ценным является выявление доминирующей роли терминологических словосочетаний (56,3%) и трёхбуквенных аббревиатур.

Статья отличается чёткой логикой, академической строгостью и насыщенностью эмпирическими данными. Материал систематизирован по типам заимствований, каждый раздел сопровождается примерами и статистикой. Работа написана грамотно, хорошим научным языком; терминология употребляется корректно.

Список источников обширный (40 наименований) и релевантный, поскольку в него включены как классические труды по заимствованиям (Бец, Хауген, Блумфилд), так и современные исследования по немецкому языку и ветеринарной терминологии. Присутствуют как отечественные, так и зарубежные источники, включая словари Duden и специализированные лексиконы.

Автор корректно ссылается на противоречивые точки зрения: от пуристов, опасющихся «обеднения» немецкого языка (Айзенберг), до сторонников функционального подхода,

рассматривающих англицизмы как инструмент языковой экономии и международной унификации (Адлер, Мур). При этом делается вывод о необходимости баланса — заимствования оправданы там, где они устраняют терминологические пробелы или заменяют громоздкие конструкции.

Работа представляет значительный интерес для лингвистов, переводчиков-специалистов, преподавателей немецкого языка и исследователей языковой политики. Она не только вносит вклад в теорию заимствований, но и имеет практическую ценность для составления словарей, обучения профессиональной лексике и стандартизации терминологии. Статья заслуживает публикации и может стать основой для сравнительных исследований в других профессиональных подъязыках.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Корнилова Л.Е. Вариативность перевода мемуарного текста как результат переводческой интерпретации // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76307 EDN: ERWBMW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76307

Вариативность перевода мемуарного текста как результат переводческой интерпретации

Корнилова Людмила Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-6913-0899

кандидат филологических наук

профессор; кафедра романо-германской филологии; Дальневосточный федеральный университет
690025, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Советский р-н, ул. Александровича, д. 50А, кв. 40

✉ kornilova.le@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76307

EDN:

ERWBMW

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Дата публикации:

07-11-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию явления вариативности при переводе мемуарных текстов на примере второй части воспоминаний П. П. Унтербергера «Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания». Перевод мемуаров позволит познакомиться с жизнью не только семьи Петра Унтербергеров, но и историей города Владивостока и России того времени. Предметом исследования выступают процессы формирования и проявления вариативности в ходе перевода мемуарного текста. Объектом являются механизмы вариативности в переводе мемуарно-биографического текста. Цель работы – выявление механизмов, определяющих степень вариативности, и способов преодоления трудностей в передаче культурно-исторически значимых элементов. Особое внимание уделяется взаимосвязи понятий адекватности и

вариативности перевода, а также определению основных источников вариативности. Методология исследования включает сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов, изучение влияния субъективного фактора в переводческой деятельности, а также применение сравнительно-сопоставительного, историко-культурологического и лингвистического анализа, функционального и прагматического анализа, а также элементы компонентного анализа, позволяющих выявить закономерности воспроизведения авторского стиля и культурных маркеров. Научная новизна исследования заключается в систематизации переводческих приемов, применяемых в работе с мемуарными текстами, и в разработке принципов минимизации негативных последствий вариативности. Основной вклад состоит в выявлении источников вариативности и описании спектра переводческих решений на различных уровнях текста (лексическом, грамматическом, стилистическом). Работа переводчика с мемуарно-биографическим текстом требует анализа его типологических признаков текста и их проявлений, лексических особенностей и сочетания фактологичности с авторской субъективностью. На конкретных примерах демонстрируются способы передачи географических названий, имен собственных, воинских званий, культурно-исторических реалий и индивидуальных особенностей авторского стиля. Подчеркивается необходимость комплексной подготовительной работы переводчика, предполагающей глубокое изучение исторического контекста и культурных особенностей эпохи.

Ключевые слова:

немецкий язык, теория перевода, вариативность перевода, адекватность перевода, мемуарный текст, переводческая интерпретация, культурно-исторический контекст, лексические соответствия, Дальний Восток, Петр Унтербергер

Введение

Перевод мемуарно-биографической литературы занимает особое место в переводоведении, сочетая в себе два аспекта: документальный и художественный. Специфика данного жанра предъявляет высокие требования к переводчику, который выступает не только в роли посредника, но и в роли интерпретатора и со-творца текста на языке перевода. От него требуется не только владение техникой перевода, но и глубокое понимание исторического контекста, культурных реалий эпохи и индивидуального авторского стиля. Центральной проблемой, возникающей в этом процессе, является вариативность перевода, понимаемая как возможность существования нескольких полноценных и адекватных вариантов перевода одного и того же исходного текста.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы вариативности при переводе мемуарно-биографических текстов, а также необходимостью систематизации переводческих стратегий и приемов, применяемых при работе с данным типом текстов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в систематизации переводческих приёмов, используемых при работе с мемуарными текстами, и выделении принципов минимизации отрицательных последствий вариативности. Подчеркнута роль творческого компонента в переводе, связанного с индивидуальной интерпретацией переводчика. Проведённое исследование расширило знания о механизмах принятия переводческих решений, обосновав необходимость комплексного подхода к подготовке

профессиональных переводчиков.

Объектом исследования являются механизмы вариативности в переводе мемуарно-биографического текста. **Предметом** исследования выступают процессы формирования и проявления вариативности в ходе перевода мемуарного текста.

Основная цель данной работы состоит в выявлении механизмов, определяющих степень вариативности и способы преодоления возникающих трудностей в передаче культурно-исторически значимых элементов. Для достижения поставленной цели в работе используются следующие **методы**: сравнительно-сопоставительный, историко-культурологический и лингвистический анализ, когнитивный метод, функциональный и прагматический анализ, а также элементы компонентного анализа.

Материалом анализа послужил перевод второй части оригинальной рукописи мемуаров Петра Павловича Унтербергера «Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания» с немецкого языка на русский, выполненный автором статьи. Мемуары П. П. Унтербергера, сына военного губернатора Приморской области, представляют значительный интерес как источник информации о жизни Владивостока, Дальнего Востока России и России в целом на рубеже XIX–XX вв. Объем мемуаров составляет 1500 страниц машинописного текста. Первые 800 страниц воспоминаний П.П. Унтербергера, описывающие его детство, юность и отрочество, вышли в печати в 2021 году [\[13\]](#).

Теоретическую основу настоящего исследования составили труды таких видных отечественных и зарубежных языковедов и переводчиков как И. С. Алексеева [\[1\]](#); [\[2\]](#), Л. С. Бархударов [\[4\]](#), Н. В. Комиссаров [\[6\]](#), С. В. Тюленев [\[10\]](#), А. В. Федоров [\[11\]](#), А. Д. Швейцер [\[12\]](#), Дж. Кэтфорд [\[5\]](#), Э. Прунч [\[8\]](#) и другие.

Основная часть

С точки зрения перевода, мемуарный текст рассматривается как сложный тип текста, требующий от переводчика не только лингвистической компетентности, но и глубокого понимания авторской субъективности, стиля и культурного контекста. И. С. Алексеева и А. Г. Тартаковский считают, что мемуары - это особая форма художественно-документального повествования, в котором автор рассказывает о событиях своей жизни, увиденных и пережитых им лично, при этом сохраняя историческую достоверность, но опираясь на субъективную оценку произошедшего [\[1; 9\]](#). И. С. Алексеева указывает, что мемуары тесно связаны с научной историографией, но к научному типу текстов их отнести нельзя, поскольку автор мемуаров, как правило, не обладает компетентностью специалиста в области истории [\[2, с. 110–112\]](#). Поэтому в мемуарах тесно переплетаются признаки объективной и субъективной информации.

В самом общем смысле перевод понимается как передача информации, содержащейся в речевом произведении, средствами другого языка, при этом ключевым условием является сохранение неизменного плана содержания, то есть значения [\[3, 304\]](#). Однако в силу системных различий между языками, особенностей создания текстов и целей перевода достижение полного сохранения содержания невозможно, и часть значений оригинала неизбежно теряется [\[4, 11\]](#). Таким образом, качество перевода определяется тем, насколько переводчику удастся минимизировать эти потери. И.С. Алексеева определяет перевод как «деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на

другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности» [\[2, 71\]](#).

Исходя из текстологической классификации И. С. Алексеевой [\[2, 72\]](#), мемуарные тексты относятся к примарно-эмоциональным текстам. Коммуникативное задание: сообщить сведения о прошлом в трактовке автора повествования. Особенности передачи когнитивной информации в мемуарных текстах заключаются в следующем: даты и другие числовые данные, личные и географические имена, термины, названия организаций отражают объективную реальность; многочисленные реалии быта и общественной жизни, реалии-меры и реалии-деньги также объективны, среди них часто встречаются реалии-историзмы; по объективной причине и лексика, и синтаксис могут быть устаревшими. В тексте присутствует эмоциональная и эстетическая информация, с которой связаны различные отклонения от нормы языка. Встречаются авторские эпитеты и метафоры, индивидуально-авторский характер которых необходимо сохранить.

Центральными понятиями теории перевода являются эквивалентность и адекватность, которые находятся в сложных диалектических отношениях с явлением вариативности. В. Н. Комиссаров определяет эквивалентность как реально достигнутую в процессе перевода смысловую близость текстов оригинала и перевода в сравнении с потенциально достижимой [\[7, 51\]](#). Он выделяет пять уровней эквивалентности, образующих иерархию: от сохранения цели коммуникации до максимального лексико-синтаксического соответствия [\[7, 52-54\]](#).

В отличие от эквивалентности, адекватность перевода представляет собой более широкую и гибкую категорию. Адекватность определяется как воссоздание единства формы и содержания оригинала средствами языка перевода. Адекватный перевод подразумевает не только соответствие оригиналу, но и ориентацию на получателя [\[6, с. 158-159; 7, с. 150\]](#). Э. Прунч подчеркивает, что адекватный перевод реализует на языке перевода текстовые связи исходного текста, не нарушая при этом свою собственную языковую систему [\[8, 270\]](#).

К. Райс и Г. Вермеер в рамках скопос-теории рассматривают эквивалентность как «особый случай» адекватности, ориентированный на результат, в то время как адекватность ориентирована на процесс и определяется целью перевода [Цит. по:1, 146].

Понятие адекватности неразрывно связано с вариативностью перевода. Вариативность обозначает разнообразие возможных переводческих решений, зависящих от характера текста, целей перевода и других факторов [\[7, 145\]](#).

Л. С. Бархударов выделяет вариативность обязательную (обусловленную системными различиями языков) и факультативную (зависящую от выбора переводчика) [\[4, 67\]](#). Именно факультативная вариативность становится инструментом достижения адекватности.

Исследователи выделяют три основных источника вариативности:

- 1 . Внутриязыковая вариативность языка-источника и переводящего языка, проявляющаяся в виде полисемии и синонимии.
- 2 . Несовпадение двух языковых систем языка-источника и переводящего языка.

Различия в грамматическом строе, лексической сочетаемости и стилистических нормах создают объективные предпосылки для вариативности переводческих решений.

3. Возможность разнообразной интерпретации текста. Переводчик создает свое «смысловое пространство», преломляя смысл оригинального произведения.

Таким образом, адекватность перевода предстает не как статичный идеал, а как динамический результат стратегического выбора, осуществляемого переводчиком в условиях неизбежной вариативности. Вариативность является не препятствием, а главным ресурсом и условием достижения адекватности.

Рассмотрим, как применение вариативности перевода обеспечивает его адекватность. Лексические особенности и трудности перевода мемуарно-биографических текстов связаны с их жанровыми особенностями.

Географические названия и топонимы

Передача географических названий требует особого внимания, поскольку многие топонимы, упоминаемые в мемуарах, претерпели изменения после исторических событий начала XX в. Переводчик сталкивается с необходимостью не только транслитерировать название, но и добавить комментарий, поясняющий современное наименование.

Пример 1: *Ich für meinen Teil war mit meinem Bataillon zur Disposition des Stabes der 12ten Armee gestellt worden, welcher sich in **Wenden (Cēsis)** befand.* — Что касается меня и моего батальона, то мы были переданы в распоряжение штаба 12-й армии, который находился в Вендене (Венден — город в Лифляндской губернии. После 1917 г. город Цесис в Латвии).

В данном случае используется транслитерация с последующим развернутым комментарием, который включает историческую справку и современное название. Подобный подход обеспечивает адекватное восприятие текста современным читателем.

Пример 2: *Die erste Kompanie kam nach Laulen, einem kleinen Dorf im Süden von Wenden.* — Первая рота отправилась в Лаулен (Лаулен, после 1918 г. Лаулены, населенный пункт в Латвии), небольшую деревню на юге Вендена.

Пример 3: *Die dritte kam nach Åbo (Turku)* — Третья прибыла в Або (шведское название, Турку — финское; город и порт, расположенный на юго-западе Финляндии). В данном примере мы указываем не только оба варианта названия, но и поясняем их языковую принадлежность.

Имена собственные, воинские звания и должности

Для адекватной передачи имен собственных и воинских званий необходим не только метод транслитерации, но и историко-культурный комментарий, который обеспечивает не только точность, но и информативность для читателя.

Пример 4: *Generalstabsoberst Ssystin* — полковник Генерального штаба Сытин (Иван Павлович Сытин — штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа).

Передаётся не только звание и фамилия, но также полное имя и должность офицера, что позволяет читателю лучше понять персонаж и его роль в описываемых событиях.

Пример 5: *bei den hohen Exzellenze*» — Высокоблагородие (Ваше превосходительство в

словаре). Переводчик выбирает русский эквивалент, соответствующий рангу адресата в системе чинов Российской империи, и дает пояснение о словарном соответствии.

Пример 6: *Sein Gehilfe Oberst Maak als Leiter der Wirtschaft in der Verwaltung; die Hauptleute Schelawin, Tretensky und Selinsky als Bezirksingenieure auf dem Festlande, Nadaroff und Iwanoff auf der Russischen Insel.* — Его помощник полковник Маак, в качестве руководителя правления хозяйством; капитаны Шелавин, Третенский и Зелинский — инженеры участков на материке, Надаров и Иванов — на Русском острове (военный инженер полковник Эрнест Оскарович Маак, военный инженер капитан Николай Иустинович Третенский, военный инженер капитан Глеб Иванович Надаров, военный инженер капитан Леонид Леонидович Иванов).

В основном тексте даются только фамилии, что соответствует стилю оригинала, но в комментарии приводятся полные имена и отчества, а также уточняются должности, что позволяет исследователям идентифицировать исторических персонажей.

Культурно-исторические реалии

Фактологичность, точность, значимость хронологии обуславливают наличие в тексте терминов, числительных, дат. Даты и другие числовые данные, личные и географические имена, термины, названия организаций отражают объективную реальность и передаются в переводе однозначными эквивалентными соответствиями. Однако поскольку темой мемуаров всегда является прошлое, среди этих языковых единиц часто встречаются устаревшие, и переводчику приходится выбирать устаревшее однозначное соответствие как языковое средство создания исторического колорита.

Пример 7: Пример передачи названия организации: *Ich kaufte und bestellte alles in der Garde-Ökonomischen Gesellschaft, wo alles Notwendige in tadelloser Qualität zu haben war.* — Покупал и заказывал я все в Гвардейском Экономическом Обществе, где можно было купить все необходимое безупречного качества.

В данном примере сохраняется историческое название организации, используя заглавные буквы, что подчеркивает официальный статус учреждения в системе дореволюционной России.

Пример 8: *Er selbst hatte außer seiner Lehrtätigkeit schon seit Jahren die Leitung des «Invaliden» (der offiziellen Armeezeitung) in der Hand gehabt.* — Помимо преподавательской деятельности, он долгие годы возглавлял официальную армейскую газету «Инвалид» и стал известной личностью в высших армейских кругах («Русский инвалид» — военная газета в Санкт-Петербурге, официальная газета Военного министерства в 1862–1917 гг.).

В основном тексте приводится перевод и пояснение автора мемуаров к названию газеты выносятся перед названием газеты, а в комментарии приводит полное официальное название издания и годы его существования, что важно для исторической точности.

Пример 9: *Die ganze Kampflinie war mit sechs Ssaschzenen (12, 8 m) breiten Drahthindernissen aus Stacheldraht verstärkt.* — Вся боевая позиция была укреплена заграждениями из колючей проволоки шириной в шесть сажень (12,8 м).

Передача мер длины требует использования исторических эквивалентов с указанием метрических значений, поэтому в переводе приводится русская мера длины «сажень» с целью сохранения исторического колорита и дополняется метрическим эквивалентом в скобках для современного читателя.

Пример 10: *Ich nahm den sogenannten «Staatsexpreß», nicht den «Internationalen Waggon Lits».* — Я выбрал так называемый «Государственный экспресс», а не «Международный вагон Lits».

Особого внимания заслуживает перевод описания транспортного средства. К этому фрагменту мы даем развернутый комментарий, описывающий устройство и оснащение экспресса, что позволяет современному читателю представить уровень комфорта путешествий в начале XX в. Такой комментарий носит не только информативный, но и культурологический характер, воссоздавая атмосферу эпохи.

Технические термины

При переводе технических терминов мы выбираем стратегию поиска однозначных эквивалентов в специальной литературе: *Grubentheodeliten* — горный теодолит; *eine Vermessungsbusssole* — измерительная буссоль.

Пример 11: *Zu Sprengungen gebrauchten wir zwei Arten von Explosiven. Der eine, dessen Sprengkraft dem Pyroxilin gleichgestellt werden konnte, war eine Mischung von Bertholletsalz und Petroleum.* — Для взрывных работ мы использовали два вида взрывчатых веществ. Одно из них, чья взрывная сила могла приравняться к пироксилину, представлял собой смесь бертолетовой соли и керосина.

В данном примере представлен непростой случай описания взрывчатых веществ. Для перевода были найдены точные русские эквиваленты химических терминов, сохраняя научную достоверность текста.

Пример 12: *So wurde denn das «Medziankit», wie der Stoff benannt wurde, auf das sorgfältigste geprüft.* — Таким стал «Медзянкит», как называлось вещество, тщательно испытанное с помощью экспертов из артиллерийского управления (В отечественной литературе более широкое распространение получило второе название этого взрывчатого вещества — гремучий студень).

При переводе была выбрана транслитерация оригинального названия, но в комментарии приводится более известное русское наименование взрывчатого вещества. Для решения проблемы нам пришлось обратиться не только к специальной литературе, но и к специалистам в данной области.

Авторский стиль и индивидуально-авторские средства выразительности

П. П. Унтербергер обладает ярким, образным языком, часто использует юмор и иронию при описании событий. В тексте мемуаров встречаются эмоционально-оценочная лексика и средства выразительности, авторские эпитеты и метафоры, индивидуально-авторский характер которых необходимо сохранить.

Пример 13: *Auch eine andere unangenehme Eigenschaft besaß er: Er scheute wie der Teufel! Einmal begegnete uns ein Auto: Mein «Schimmelchen» — das war sein Name - guckte sich das knatternde Vehikel an und dann setzte er sich auf die Hinterbeine wie ein Hund und schrie vor Entsetzen. Ich habe nie ein Pferd solche Töne von sich geben gehört!* — У него была еще одна неприятная особенность: он пугался, как чёрт! Однажды нам встретился автомобиль: мой «Сивенький» — так его звали — посмотрел на тарахтевшую колымагу, а потом сел на задние лапы, как собака, и закричал от ужаса. Я никогда не слышал, чтобы лошадь издавала такие звуки!

В приведенном фрагменте удалось сохранить разговорную речь оригинала, подобрать

эквивалентные просторечные выражения («тархтевшую колымагу» о машине), метафоры и тем самым передать юмористический эффект оригинала. Уменьшительно-ласкательная форма «Schimmelchen» переведена как «Сивенький», что адекватно передает отношение автора к своей лошади.

Особенно ярко авторский стиль проявляется в развернутых метафорических описаниях.

Пример 14: *Noch ein kurzes lebhaftes Gequake und dann wie auf Kommando fegte die ganze Bande, wie ein Mongolen-Reitergeschwader mit Gequiecke, Geschnatter und Gebrüll mit schlagenden Flügeln, daß die Steine nur so rasselten, eine Masse an unserem Fenster vorüber auf die andere Seite.* — Еще одно короткое оживленное крикание, а затем, как по команде, вся банда, в полном составе, пронеслась мимо нашего окна на другую сторону, словно монгольский кавалерийский эскадрон, с пронзительным визгом, криканием и рёвом, хлопая крыльями так, что грохотали камни.

Автор мемуаров с присущим ему юмором живописует один из эпизодов жизни строителей Владивостокской крепости. Мы постарались сохранить авторский стиль, сохранить комичность ситуации, как, например, перевод развернутого сравнения с «монгольским кавалерийским эскадроном» или передали звуки, издаваемые утками, через ряд однородных существительных («визгом, криканием и рёвом»).

Пример 15: *Ein Wesen aus dieser Gruppe schien eine Kuh zu sein, die kaum ihre Beine vorwärts zu schleppen vermochte, aber was trampelte hinter ihr drein? Doch nicht ein Kalb, wo wir extra betont hatten, daß wir keines haben wollten? ... Aber als das Lumpenzeug endlich vor uns stand, wurden unsere schlimmsten Befürchtungen übertroffen.* — Одно из существ в этой группе, похоже, было коровой, которая еле волочила ноги, но что топало за ней? Это же, конечно, не телёнок!? Мы же особенно подчеркивали, что мы его не хотим ... Но представшая перед нами развалина превзошла все наши самые худшие опасения.

Сохранены ироничный тон, риторические вопросы, экспрессивная лексика («существо» вместо «корова», «развалина» вместо нейтрального «животное», «еле волочила ноги»), что передает отношение автора к описываемому событию.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Наличие нескольких типов адекватности является постоянным потенциальным источником вариативности, позволяющей по-разному интерпретировать оригинальный текст. Однако прослеживается и обратная зависимость: возможность выбора различных способов перевода, различных грамматических конструкций, различных лексических средств существует благодаря явлению вариативности — внутриязыковой вариативности, и в результате появляется возможность получать адекватные переводы. Следовательно, явления адекватности и вариативности настолько взаимосвязаны, что одно является залогом существования другого.

Основными источниками вариативности при переводе мемуаров П. П. Унтербергера выступают: внутриязыковая вариативность, несовпадение языковых систем и возможность различной интерпретации текста, что наиболее ярко проявляется при работе с реалиями, именами собственными, авторским стилем и терминологией.

Ключевыми стратегиями управления вариативностью, обеспечивающими адекватность, являются: анализ мемуарно-автобиографического текста (его свойства, типологические

признаки и их проявления), тщательный филологический и исторический анализ, выбор устоявшихся соответствий для терминов и имен, передача исторического колорита через комбинацию транскрипции и комментария, а также стилистически выверенное воспроизведение авторской манеры повествования.

Переводческий комментарий выступает инструментом, который, с одной стороны, позволяет снизить нежелательную вариативность (уточняя значения реалий), а с другой — легитимирует вариативность обоснованную, предоставляя читателю необходимый культурно-исторический контекст.

Таким образом, вариативность не следует рассматривать как недостаток перевода. Напротив, она является ресурсом, позволяющим переводчику найти оптимальное решение в каждом конкретном случае, создавая адекватный, живой и исторически достоверный текст на языке перевода.

Библиография

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр "Академия", 2006.
2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2010.
5. Катфорд Дж. Лингвистическая теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004.
6. Комиссаров В. Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Альянс, 2013.
8. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой ассиметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
9. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Издательство "Наука", 1980.
10. Тюленев, С. В. Теория перевода: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004.
11. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1983.
12. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
13. Унтербергер П. П. Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера. Ч. 1. "Детство, отрочество, юность" / Перевод с немецкого Л. Е. Корнилова; Ред.-сост., комментарий Р. С. Авилов, В. И. Калинин. Владивосток: Изд-во "ЛИТ", 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает вариативность перевода мемуарного текста как результат переводческой интерпретации. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена недостаточной изученностью проблемы вариативности при переводе мемуарно-биографических текстов, а также необходимостью систематизации применяемых переводческих стратегий и приемов. Отмечается, что первостепенной проблемой, возникающей при переводе мемуарно-биографической литературы, является вариативность перевода, понимаемая как «возможность существования нескольких полноценных и адекватных вариантов перевода одного и того же исходного текста».

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по теории перевода И. С. Алексеевой, Л. С. Бархударова, Н. В. Комиссарова, А. В. Федорова, А. Д. Швейцера, Дж. Кэтфорда, Э. Прунча и др. Библиография насчитывает 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена спецификой предмета и объекта, целью и задачами работы: наряду с общенаучными методами анализа и синтеза, описательным методом с приёмами наблюдения и обобщения использованы методы сравнительно-сопоставительного, историко-культурологического и лингвистического анализа, когнитивный метод, функциональный и прагматический анализ, а также элементы компонентного анализа. Материалом анализа послужил авторский перевод второй части оригинальной рукописи мемуаров Петра Павловича Унтербергера «Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания» с немецкого языка на русский. Объем мемуаров составляет 1500 страниц машинописного текста.

В ходе исследования проанализирован теоретический материал, дано его практическое обоснование, подробно рассмотрено применение вариативности перевода как главного ресурса и условия достижения адекватности в случаях передачи географических названий и топонимов, имен собственных, воинских званий и должностей, культурно-исторических реалий, технических терминов, индивидуально-авторского стиля. В заключение сформулированы выводы относительно основных источников вариативности при переводе мемуаров П. П. Унтербергера; ключевых стратегий управления вариативностью, обеспечивающих адекватность; переводческих комментариев.

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в систематизацию переводческих приёмов, используемых при работе с мемуарными текстами, и в выделение принципов минимизации отрицательных последствий вариативности; могут использоваться в вузовских курсах по теории текста, теории дискурса, теории коммуникации, по теории и практике дискурсивного анализа, переводоведению.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию.

Обращаем внимание автора(ов), что в соответствии с правилами редакции по оформлению списка литературы, в нем не указываются учебники, хрестоматии, учебные и методические пособия. Также рекомендуем внимательно изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»): см «В. Н. Комиссаров определяет эквивалентность как реально достигнутую в процессе перевода смысловую близость текстов оригинала и перевода в сравнении с

потенциально достижимой [7, 51]. Он выделяет пять уровней эквивалентности, образующих иерархию: от сохранения цели коммуникации до максимального лексико-синтаксического соответствия [7, 52–54]» и др.

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао Ч. Поэтика нарративного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76610 EDN: ENUUDT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76610

Поэтика нарративного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Чжао Чуньян

доктор филологических наук

аспирант; институт "Русский язык"; Хэйлунцзянский университет

119415, Россия, г. Москва, р-н Проспект Вернадского, Ленинский пр-кт, д. 110 к. 1

✉ 626110638@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76610

EDN:

ENUUDT

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2025

Дата публикации:

07-11-2025

Аннотация: Предмет исследования – пространственная парадигма романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью пространственной организации текста в современном достоевковедении. Пространство в романе рассматривается как структура, обладающая двойственной семиотической природой. Оно является одновременно и нарративным конструктом для организации сюжета, и глубоким философско-религиозным символом. Цель данной работы заключается в комплексном анализе этой парадигмы. В исследовании проводится систематизация различных типов художественного пространства: топографического, символического и психологического. Анализируются их функции в построении системы образов, организации сюжетных связей и репрезентации ключевых философских идей автора. Через исследование пространственных структур

раскрываются новые аспекты антропологических, экзистенциальных и теологических исканий Достоевского, что обогащает современное понимание его творчества. Методология исследования носит комплексный характер, основываясь на синтезе структурно-семантического, нарратологического и герменевтического подходов. В рамках нарративной топологии применяется компаративный анализ параллельных и синхронных пространств, а также метод «близкого чтения» для интерпретации символических образов. Новизна исследования и выводы: Научная новизна заключается в разработке комплексной методологии анализа и введении дифференциации художественного пространства на параллельное и синхронное измерения. Это позволяет раскрыть метафорическую природу пространства как средства концептуализации антропологических феноменов. Основные выводы исследования: 1. Анализ параллельных нарративных пространств позволяет через контраст раскрыть характеры персонажей, колеблющихся между добром и злом (Дмитрий), пребывающих в аду (Смердяков) и становящихся богочеловеками (Алёша). 2. Анализ синхронных нарративных пространств доказывает, что Достоевский создаёт полифоническую структуру, где раскрывается диалектика свободы выбора и многовариантность человеческого существования. 3. Интерпретация метафорических пространств (дорога, почтовая станция, беседка) показала, что они служат для выражения фундаментальных антиномий и отражают размышления автора о кризисе семьи и общества. Таким образом, пространственная организация романа является ключом к реконструкции идейного комплекса и философско-антропологической концепции Достоевского.

Ключевые слова:

Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, поэтика пространства, нарративное пространство, русская духовная традиция, хронотоп, нарратология, метафора, параллельное пространство, синхронность

Будучи одним из величайших литературных деятелей и мыслителей XIX века, Достоевский за свою сорокалетнюю писательскую карьеру создал восемь полномасштабных романов и более двадцати повестей и рассказов. От публикации «Бедных людей» до завершения «Братьев Карамазовых» писатель вложил весь свой творческий опыт и жизненные ощущения в это последнее произведение, добившись величайшего успеха в истории не только русской, но и мировой литературы. Это одно из величайших произведений в истории литературы. Как отмечал критик Белинский: «Появление всякого замечательного таланта всегда возбуждает в публике и литературе раздор и брань. <...> Если талант является в эпоху, когда литература ещё не установилась, он встречает, с одной стороны, восторженные клики, безотчётные похвалы, а с другой — безусловные порицания, безусловные отрицания» [\[1, с. 7-48\]](#). Действительно, Достоевский стал именно таким явлением в мировой литературе. Его глубинное проникновение в историю духовного развития человечества, осмысление места русской культуры в мировом культурном пространстве, диалектическое понимание законов общественного развития и новаторство в художественной форме романа составляют бесценный вклад в мировую литературу.

Если рассматривать роман как систему координат в математике, то временная ось представляет собой вертикальную координату, а пространственная - горизонтальную. Сюжет развивается в этой системе координат, где каждый персонаж является точкой, их взаимоотношения образуют линии, а пересечение этих связей создает многомерную

повествовательную плоскость. В романе могут сосуществовать различные пространственные конструкции, при этом временные пласты в одном пространстве часто не совпадают. Таким образом, многослойное развитие сюжета формирует объёмный, полнокровный роман. Через эту систему «точка - линия - плоскость - объём» автор воплощает разнообразные психологические состояния героев, сложные взаимоотношения между персонажами, передает глубокие философские идеи и мировоззренческие позиции. «Братья Карамазовы», завершённые в 1880 году, стали последним произведением Достоевского. Как точно отметил советский литературовед Гроссман, этот роман представляет собой «...это подлинный итог его художественного пути, полное обобщение его творческого опыта, попытка расширить рамки романного повествования до масштабов эпопеи... В поздние годы, с невероятной творческой энергией, Достоевский создал монументальный роман-трагедию, ставший полифоническим финалом всей его могучей творческой деятельности» [\[2, с. 589-590\]](#), в котором писатель выразил свои фундаментальные размышления о судьбе личности, человечества и всего общественного развития своей эпохи.

Актуальность настоящего исследования определяется существующей лакуной в современном достоевковедении: при наличии значительного количества работ социологического, культурологического и формального характера, посвященных роману «Братья Карамазовы», пространственная организация текста остаётся недостаточно изученной. Пространство в романе обладает двойственной семиотической природой, выступая одновременно как нарративный конструкт и как философско-религиозный символ, что создаёт уникальный интерпретационный потенциал для анализа взаимосвязей между поэтикой текста и его концептуальным содержанием. Исследование пространственных структур позволяет выявить новые аспекты в изучении антропологических взглядов Достоевского, его экзистенциальных и теологических исканий, что существенно обогащает современное понимание творчества писателя.

Целью работы является комплексный анализ пространственной парадигмы романа через выявление и систематизацию различных типов художественного пространства (топографического, символического, психологического) и исследование их функций в построении образной системы, организации сюжетных связей и репрезентации ключевых философских идей. Методологическая основа включает структурно-семантический анализ пространственных моделей, нарратологический подход к изучению хронологических структур и герменевтическую интерпретацию символических пространственных образов, что в совокупности позволяет раскрыть глубинные смысловые слои произведения и их значение в контексте всего творчества Достоевского.

Для достижения указанной цели в исследовании реализуется следующий комплекс научных задач:

1. Провести нарратологический анализ пространственных структур романа «Братья Карамазовы» методом "близкое чтение" (close reading) с последующей типологизацией выявленных художественных форм пространства и определением их нарративных функций в текстовой организации произведения.
2. Эксплицировать корреляционные механизмы между:
 - 1) хронологической организацией повествования
 - 2) системой персонажных образов

3) сюжетно-фабульными связями

4) антропологическими концептами автора

3. Интерпретировать семантику полифонического пространственного моделирования как:

1) способа репрезентации философской проблематики

2) инструмента художественного воплощения авторского мировидения

3) структурной основы идейно-тематического комплекса

4. Посредством конкретного анализа пространственных парадигм:

1) реконструировать экзистенциальную концепцию Достоевского

2) выявить специфику его религиозно-философских исканий

3) систематизировать антропологические воззрения писателя

Методологический инструментарий включает:

1. структурно-семантический анализ

2. нарратологические подходы

3. герменевтическую интерпретацию

4. компаративные методы исследования

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие нарратологических исследований творчества Достоевского посредством апробации современных теорий художественного пространства на материале романа «Братья Карамазовы». Разработанная методология пространственного анализа позволяет выявить специфику хронотопической организации текста, установить корреляционные связи между пространственными структурами и авторской концептуальной системой, а также расширить инструментарий интерпретации прозы Достоевского за счёт пространственно-семантического подхода, что создает прецедент для последующих исследований в данном методологическом ключе.

Практическая значимость исследования заключается в разработке инновационного пространственно-нарративного подхода, открывающего новые перспективы интерпретации художественного мира Достоевского. Применение данной методологии позволяет существенно углубить понимание особенностей авторского стиля, философско-эстетических оснований творческого метода и системы художественных интенций писателя. Полученные результаты обладают существенным прикладным потенциалом для академической практики, находя применение как в образовательном процессе при разработке специализированных курсов по творчеству Достоевского, так и в исследовательской деятельности в рамках междисциплинарных изысканий на пересечении литературоведения, философии и культурологии.

Анализ пространственной организации романа позволяет провести структурную аналогию с айсбергом, где нарративное пространство соответствует его видимой части. В процессе интерпретации литературного произведения достигается реконструкция целостного пространства рассказа, что обеспечивает понимание авторского замысла и переход на уровень эстетического восприятия. Нарративное пространство выполняет

посредническую функцию, выступая связующим звеном между сюжетным и эстетическим пространствами.

В романе «Братья Карамазовы» четыре брата одновременно существуют в различных пространственных измерениях, демонстрируя принципиально разные жизненные траектории, в то время как в рамках единого физического пространства их судьбы расходятся вследствие различий в верованиях и жизненных выборах. Эта система параллельных и синхронных повествовательных пространств создаёт кинематографический эффект последовательного развертывания сюжета, при этом метафоричность пространственной организации придаёт произведению многомерность художественного содержания и глубину социальной рефлексии. Именно в этой уникальной пространственной структуре достигается полное раскрытие характеров персонажей, динамичное развитие сюжета и проникновение в глубины человеческой психики.

Параллельные нарративные пространства

Анализ параллельных структур повествования выявляет содержательные аналогии с принципами параллельного соединения в физике, где элементы объединяются через общие узлы связи. Хуан Дэцюань в исследовании кинематографического пространства определяет параллельную структуру как «нарративную организацию, включающую две-три взаимосвязанные сюжетные линии, где отдельные сцены различных повествовательных пространств могут совпадать, создавая эффект переплетения.» [\[3, с. 231\]](#) Перенося эту концепцию в литературную плоскость, следует отметить, что роман Достоевского «Братья Карамазовы» объективно демонстрирует все характерные признаки параллельного повествовательного пространства: взаимосвязанные сюжетные линии развиваются синхронно в различных пространственных измерениях, ключевые сцены точно совпадают, а нарративные потоки сложно переплетаются, образуя единую художественную ткань произведения. Пространственная организация нарратива в романе демонстрирует уникальный механизм формирования устойчивых образов персонажей через их ассоциативную связь с конкретными пространственными образами. Этот процесс приводит к созданию у читателя четких, предметных и временно устойчивых мнемонических структур, что составляет суть метода пространственной характеристики как важнейшего приёма создания литературных персонажей.

Авторская стратегия построения параллельных пространственных структур в нарративе обеспечивает органичное взаимодействие персонажей через их сближение и дистанцирование в единых топосах, формируя тем самым динамическую систему межперсональных отношений. Художественное пространство произведения выполняет ключевую системообразующую функцию, реализуя не только многомерную разработку персонажных характеристик, но и воплощая фундаментальные философские интенции автора, включая антиномическое осмысление природы добра и зла, экзистенциальное устремление к трансцендентному началу и теологическую рефлексию о сущности божественной любви.

В текстуальной структуре наблюдается значимый пространственно-временной паттерн: Алёша, оптимизируя временные затраты, дважды преодолевает маршрут через уединённый переулок с последующим проникновением в садовую зону, прилегающую к отцовскому дому. Первая встреча неожиданно сводит его со старшим братом Дмитрием, вторая — с внебрачным сыном отца Смердяковым. Обе эти судьбоносные встречи, произошедшие в одном и том же месте, но в разное время, создают эффект параллельного повествовательного пространства. Данные случайные, но символически

насыщенные встречи в едином пространственном локусе могут быть уподоблены двум ярким планетам, движущимся каждая по собственной орбите: не мешая друг другу, они испытывают взаимное притяжение, на мгновение сближаясь в точке пересечения своих траекторий, чтобы затем вновь удалиться в бескрайних просторах галактической системы.

В данном параллельном нарративном пространстве представлена типология персонажей, обладающих ярко выраженной индивидуальной характеристикой:

Особый интерес представляет первый тип – души, пребывающие в адских муках, воплощением которых выступает внебрачный сын Смердяков, концентрирующий в своём образе все темные стороны человеческой природы. Характерологический анализ данного персонажа раскрывается через его ключевые реплики: «Моя судьба с детства была предreshена» [\[4, т.14 с.211\]](#), «Я не таков, каким кажусь» [\[4, т.14 с.98\]](#), «В Москве, кроме иностранцев, никто со мной не сравнится» [\[4, т.14 с.302\]](#), «Отца у меня нет, меня сука безродная родила» [\[4, т.15 с.56\]](#). Эти высказывания, случайно подслушанные Алёшей, формируют целостный образ Смердякова – незаконнорожденного сына, отвергнутого отцом, вынужденного существовать на иждивении других, но при этом наделенного гипертрофированным высокомерием, презрением к окружающим, эмоциональной холодностью и жестокостью, что в конечном итоге детерминирует совершение им страшного преступления – отцеубийства. Как точно отмечал М. Горький в работе «О "карамазовщине"»: «Достоевский гениально показал болезненную изощрённость русской интеллигенции, но его герои – это не тип, а патология. В их надрые есть страшная правда, но это правда больного общества» [\[5, с.156\]](#). Данная оценка особенно релевантна при анализе образа Смердякова, воплощающего в себе квинтэссенцию социально-психологической деформации личности. Образ Смердякова в романе представляет собой воплощение нравственного нигилизма и патологической гордыни. Этот персонаж, несомненно, обладает грязной, подлой душой, полностью отрицающей какие-либо моральные нормы. Однако, в соответствии с художественным замыслом Достоевского, даже в этой уродливой душе теплится слабый огонёк, где сосуществуют добро и зло. Его страстный монолог — «Всё равно вырвусь, улечу в столицу, попробую каково живётся на славу! Хоть умру с голоду, хоть в кандалы закуюсь — не заплачу, не покорюсь!» [\[4, т.15 с.103\]](#) — становится одним из немногих моментов в романе, когда Смердяков по-настоящему раскрывает свою душу. Несмотря на то, что он пребывает в собственном аду и испытывает постоянные мучения, в нём ещё сохраняется искра надежды и стремления к лучшей жизни.

Хотя тёмная сторона Смердякова явно преобладает над светлой, символическая "свеча" его души продолжает гореть. Правда, этот свет слишком слаб — когда наступает тьма, он неизбежно гаснет, что символизирует трагическую невозможность нравственного преображения для этого персонажа.

В системе персонажей романа Дмитрий Карамазов представляет собой тип героя, колеблющегося между добром и злом. В сцене на тропинке он впервые раскрывает душу младшему брату: «Брат, я вот такой червь... Ты хоть и ангел, но и в тебе сидит этот червь, и в твоей крови буйствовать будет...» [\[4, т.14 с.215\]](#). В этом признании Дмитрий с пугающей ясностью осознает "дух Карамазовых" - похоть, жестокость, деспотизм, жадность и эгоизм, присущие как ему самому, так и Алёше. Однако параллельно с этим в его душе живет страстное стремление к спасению: «Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я поцелую край той ризы, в которую облачается Бог мой... И если уж я

вслед за чертом иду, то все же я и твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю ту радость, без которой мир стоять не может...» [\[4, т.14 с.217\]](#). Эти слова раскрывают глубочайший внутренний конфликт Дмитрия - постоянную борьбу между божественным и дьявольскими началами, что делает его образ одним из самых сложных и психологически достоверных в творчестве Достоевского.

Особую значимость приобретает его эмоциональное признание Алёше: «Алёшка, я тебя так сожму, что косточки захрустят, потому что во всём мире... я воистину... ист-ин-но... (слышишь! слышишь!) люблю только тебя!» [\[4, т.14 с.218\]](#) Эта сцена демонстрирует, что любовь Дмитрия к младшему брату выходит за рамки простого родственного чувства - в Алёше он видит воплощение божественного начала, то самое "солнце", которое, по его словам, продолжает существовать даже когда его не видно. Для Дмитрия Алёша становится символом той самой радости, без которой мир стоять не может - последней надеждой на спасение в океане охвативших его страстей и противоречий.

Достоевский искусно использует параллельное повествование, сводя Дмитрия и Смердякова в одном пространстве для контраста. Их души, где смешаны добро и зло, подобны весам, бесконечно колеблющимся без равновесия. Автор наделяет каждого искрой православной любви, к которой они бессознательно стремятся, несмотря на все падения. Этот приём отражает суть русской религиозной мысли: даже в грешнике живёт образ Божий, а божественная любовь остаётся высшей целью человеческого бытия.

Третий тип персонажей — это становящиеся богочеловеки, воплощающие свободу богочеловеческого бытия: они действуют по собственной воле, но не переступают границ дозволенного. Ярчайшим представителем этого типа является Алёша Карамазов, продолжающий галерею "богочеловеческих" образов в творчестве Достоевского. Первоначально предстающий перед читателем как всеобщий любимец, чистый душой юноша, Алёша переживает глубокий духовный кризис, вызванный тлением мощей старца Зосимы. Этот момент становится поворотным в его судьбе: умирающий Зосима завещает ему оставить монастырь и отправиться в мир, дабы познать страдания. Хотя истинный смысл этого наказа остаётся сначала непонятным Алёше, именно через испытания происходит его духовное преображение. Особую роль в этом процессе играет встреча с Грушенькой - женщиной, презираемой обществом, но способной на искреннее сострадание. Её любовь становится тем светом, что рассеивает тьму, окутавшую душу Алёши. Этот эпизод символизирует ключевую идею Достоевского: божественное в человеке рождается не через отречение от мира, а в горниле земных испытаний.

Пережив сомнения и отчаяние, Алёша сознательно выбирает путь "деятельной любви", которому посвятил жизнь старец Зосима. В его заботе о Лизахе, у постели больного Илюши, в беседах у камня - во всех этих поступках оживает дух почившего старца. При этом образ Алёши лишён одномерности: автор намеренно вводит в его светлую натуру "небольшую тень", что делает персонажа психологически достоверным и художественно завершённым.

Синхронные нарративные пространства

Художественное время и пространство в романе демонстрирует принципиальный отход от традиционной романной структуры, основанной на линейной хронологии и причинно-следственных связях. В то время как классический роман выбирает для изображения лишь одну из возможных временных перспектив, Достоевский, следуя борхесовской концепции ветвящегося времени («время вечно дробится на мириады грядущих» [\[6, с.302\]](#)), создаёт многомерную нарративную структуру, где синхронно сосуществуют

альтернативные возможности человеческого существования.

Композиция романа, хронологически охватывающая всего пять ключевых дней (от собрания в монастыре до суда над Дмитрием), представляет собой гениальное художественное воплощение этой философской идеи. Автор сознательно сжимает временные рамки, чтобы через приём синхронности показать параллельное развитие событий в различных пространственных локусах. Особенно показателен в этом отношении вечер убийства Федора Павловича Карамазова, когда читатель становится свидетелем одновременного, но пространственно разобщенного существования персонажей.

Достоевский мастерски создает эффект "разделенного экрана", где в едином временном отрезке:

Таблица 1

Траектории перемещения четырех сыновей в вечер убийства старого Карамазова

	<i>Траектории перемещения</i>
<i>Дмитрий</i>	Дмитрий в ярости мечется между домом отца и Грушеньки, вооружившись медным пестиком.
<i>Иван</i>	Иван покидает город, ведя в поезде роковой диалог с чертом.
<i>Алёша</i>	Алёша у монастыря переживает прозрение, завершающееся "поцелуем Земли".
<i>Смердяков</i>	Смердяков в это время убивает старика Карамазова, симулируя припадок.

Этот нарративный прием не просто технически усложняет структуру романа, но и становится мощным средством выражения фундаментальной для Достоевского идеи о том, что подлинная реальность всегда многовариантна, а человеческое существование принципиально полифонично.

Художественная организация времени и пространства у Достоевского характеризуется созданием сложной нарративной структуры, где ключевые события происходят в момент синхронного взаимодействия персонажей. В отличие от традиционного линейного повествования, сосредоточенного на развитии одного или двух центральных героев, у Достоевского множественные сюжетные линии развиваются параллельно в едином временном континууме. Особенность его повествовательной техники проявляется в том, что различные персонажи одновременно разворачивают свои жизненные драмы в разных пространственных локациях, сохраняя при этом тесную смысловую взаимосвязь. Такой подход позволяет автору раскрыть полифоническую природу человеческого существования и создать эффект хронотопического единства.

Художественное пространство-время в романе организуется по принципу синхронного развертывания четырех параллельных жизненных траекторий. В единый временной отрезок каждый из братьев переживает экзистенциальный кризис: Дмитрий, несправедливо обвиненный в отцеубийстве, принимает страдание как искупление; Иван бежит в Москву от душевной пустоты, невольно став идейным вдохновителем преступления; Смердяков реализует философию "все дозволено" через убийство Федора Павловича; Алёша же, пройдя через тьму сомнений, осознанно выбирает путь "деятельной любви", унаследованный от старца Зосимы.

Полифоническая структура повествования позволяет Достоевскому создать масштабное художественное полотно, где персонажи с контрастными мировоззрениями (от религиозного подвижничества до нигилизма) существуют в едином хронотопическом поле. Автор сознательно избегает фокусировки на одном герое, распределяя нарративное внимание между четырьмя равнозначными сюжетными линиями. Такой приём не только демонстрирует «бездонность человеческой души» [\[7, с.56\]](#), но и раскрывает диалектику свободы выбора: в сходных обстоятельствах каждый брат делает экзистенциальный выбор, определяющий его духовную траекторию.

Философская значимость данного художественного приема заключается в том, что пространственно-временная организация романа выступает одновременно инструментом исследования предельных состояний человеческой природы, формой воплощения религиозно-антропологических воззрений Достоевского и сознательной антитезой традиционной линейной повествовательной модели. Этот синтетический подход позволяет автору не только демонстрировать диалектику свободы и ответственности в экзистенциальном выборе персонажей, но и создаёт уникальный эстетический феномен, где форма повествования становится содержательным выражением главных идей произведения.

Метафорика нарративного пространства

Функционирование повествовательного пространства в кинематографе и литературе раскрывается в тезисе о том, что «кинорежиссеры используют повествовательное пространство фильма для репрезентации целостного художественного мира и трансляции определенных идей, тогда как зрители, декодируя пространственные подсказки, реконструируют авторский замысел, достигая уровня эстетического постижения» [\[3, с.18\]](#). Будучи видами искусства, кинематограф и литература демонстрируют принципиальное сходство в способах организации нарратива: подобно кинематографистам, писатели насыщают повествовательное пространство произведения системой психологических и философских кодов, наделяя ключевые локусы символическим значением и метафорической глубиной. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, «Метафора — это не просто языковая проблема и не перенос значений на уровне слов. Это вездесущий принцип мышления или мысли» [\[8, с.25\]](#). В творчестве Достоевского данный принцип находит совершенное воплощение: вплетая в повествовательную ткань романа метафорические пространства (монастырь, трактир, дом Карамазовых), автор транслирует диалектические размышления о фундаментальных антиномиях человеческого существования - добре и зле, жизни и смерти, реальности и иллюзии, - одновременно выражая глубокую интеллектуальную тревогу о судьбах общества в переломные исторические периоды.

1. Бинарная оппозиция «дороги»

Бинарная оппозиция «дороги» в художественном мире Достоевского представляет собой сложную семиотическую систему, где данный образ функционирует одновременно как конкретный топос и как философская категория. В романе «Братья Карамазовы» дорога обретает многомерное символическое значение: с одной стороны, это реальный физический путь (например, дорога в монастырь или тракт в Москву), с другой — метафора духовного поиска. Достоевский мастерски трансформирует пространственный образ дороги в инструмент исследования экзистенциальных дилемм. Так, параллельные маршруты братьев — Дмитрия к дому Грушеньки, Ивана на московский поезд, Алеши в монастырь — создают символическую картографию нравственного выбора. При этом

писатель актуализирует древнюю мифологему «перекрестка», где, по выражению исследователей, «дорога перестает быть просто коммуникацией между пунктами, а становится местом метафизического решения» [\[9, с.156\]](#).

Символика пути в сцене поездки Дмитрия в Воловию раскрывает глубинный конфликт между романтическими иллюзиями персонажа и суровой реальностью. На следующий день после собрания в келье старцев Дмитрий отправляется в Воловию, воспринимая эту поездку не только как коммерческую экспедицию, но и как символический акт прощания с прежней жизнью: в его воображении деньги становятся магическим средством, которое позволит ему обрести счастье с Грушенькой, уехать далеко и начать новую жизнь. Однако, как точно отмечает автор: «но худо было то, что эти мечты не могли осуществиться по его плану» [\[4, т.14 с.342\]](#).

Последовательность неудач — отсутствие Риагавы на почтовой станции, ошибка в расчёте времени пути, вынужденное использование повозки с изможденными лошадьми, обнаружение уже пьяного компаньона в лесной хижине — создаёт нарастающую драматическую напряженность. Художественное пространство дороги здесь трансформируется в метафору экзистенциального разочарования: если в начале пути Дмитрий видел перед собой прямую дорогу к осуществлению мечты, то реальность предстает как встречное движение, где фантазия и действительность, подобно двум расходящимся векторам, неумолимо удаляются друг от друга. Этот эпизод становится ключевым в раскрытии трагической иронии судьбы Дмитрия, чьи возвышенные порывы постоянно сталкиваются с грубой материальностью мира.

В то время как Дмитрий пытался преодолеть жестокую реальность, Иван начал собственное экзистенциальное путешествие. Последовав совету Смердякова, он отправляется в Чермашню, формально чтобы помочь отцу, но фактически — в бессознательном стремлении к разрыву с прошлым. Описание его пути содержит глубокую символику: «Тарантас помчался... В душе путешественника был хаос, но он жадно смотрел на поля, холмы, деревья и на стадо высоко летевших гусей в ясном небе над ним. И вдруг ему стало легче» [\[4, т.15 с.178\]](#). Этот момент катарсиса, когда Иван мысленно прощается с Алёшей и Катей, "слегка подув на эти милые призраки", обманчив — за кажущейся легкостью скрывается экзистенциальная тревога, выраженная в его же словах: «С прошлым миром надо разорвать раз навсегда...» [\[4, т.14 с.215\]](#).

Дорога Ивана, как и дорога Дмитрия в Воловию, становится пространственной метафорой их духовного состояния. Если для Дмитрия путь был связан со слепой верой в сказочное будущее с Грушенькой, то Иван, несмотря на рациональный скепсис, оказывается столь же беспомощным перед лицом надвигающейся трагедии. Различие лишь в степени осознания: Иван смутно предчувствует катастрофу ("в его сердце таилась тоска"), тогда как Дмитрий полностью погружен в романтические иллюзии.

Финал этих параллельных путей демонстрирует жестокую иронию судьбы: Иван, уехавший в Москву, становится жертвой собственных предчувствий; Дмитрий, вернувшийся в город, сталкивается с двойным предательством — бегством Грушеньки и обвинением в отцеубийстве. Дорога, которая в воображении братьев символизировала надежду, в реальности превращается в путь к гибели, реализуя бинарную оппозицию "реальность/иллюзия". Как отмечает Бахтин: «у Достоевского пространство никогда не бывает нейтральным — оно всегда заряжено кризисным потенциалом» [\[10, с.215\]](#).

2. Реальность и иллюзия «почтовой станции»

На пути Дмитрия Карамазова в Воловию автор сознательно вводит символически значимый локус — почтовую станцию, которая выполняет не только утилитарную функцию временного пристанища для путешественника, но и становится важнейшим семиотическим узлом в нарративной структуре произведения. В творчестве Достоевского почтовая станция обретает многомерное метафорическое значение: это и пространственный маркер экзистенциального выбора (как в сцене ожидания Дмитрием Риагавы), и хромотопический символ преходящего момента жизни ("между прошлым и будущим"), и микромодель русского социума с его характерными типажам и конфликтами. Современная риторическая теория рассматривает метафору как существенное отклонение от стандартного языкового употребления, представляющее собой сложный психолингвистический и культурный феномен. Данный риторический прием обеспечивает когнитивный механизм, посредством которого становится возможным:

- 1) альтернативное восприятие действительности
- 2) концептуализация абстрактных понятий
- 3) интерпретация имплицитных смыслов

Почтовая станция, будучи малым пространственным элементом на дорожном маршруте, приобретает в художественном мире Достоевского статус важнейшего поворотного пункта нарратива. Это место экзистенциального выбора, где герой оказывается перед дилеммой: продолжить путь, изменить маршрут или вернуться назад, что вносит принципиальную неопределенность в его жизненную траекторию. Для Ивана станция становится метафизическим перекрестком, символизирующим выбор между первоначальным планом (поездка в Чермашню для помощи отцу) и подсознательным стремлением (бегство в Москву). Как точно отмечает исследователь: «это пространственное решение воплощает ключевую антиномию: борьбу с прошлым или устремленность к новой жизни» [\[11, с.217\]](#).

Сделанный Иваном субъективный выбор носит характер экзистенциального бегства — его иллюзорная вера в то, что Москва станет спасением от преследующей реальности, выражается в роковых словах: «В новый мир, в новые места, и не оглядываться!» [\[4, т.15 с.179\]](#). Однако, как предчувствовал сам герой, реальность продолжает неумолимое движение по заданной траектории. Станция для Ивана, этого символа рационального атеизма в романе, становится временным убежищем от неразрешимых вопросов о существовании Бога в мире, где царит несправедливость.

Философская глубина данного образа заключается в его двойственной природе: являясь видимым пристанищем, станция обнажает тщетность попыток убежать от экзистенциальных дилемм. Как отмечает В. Подорога, «у Достоевского любое "убежище" — это ловушка, затягивающая героя в водоворот подлинных экзистенциальных испытаний» [\[12, с.156\]](#). Действительно, станция остается лишь временной остановкой в непрерывном потоке бытия, где каждый "корабль" (судьба) имеет строго определенное время отправления.

В художественном мире Достоевского почтовая станция для Дмитрия приобретает значение символического миража, воплощающего иллюзорность человеческих надежд. Персонаж убеждён, что, доставив Риагаву на станцию, он беспрепятственно получит три тысячи рублей и обретёт возможность бежать с Грушенькой для совместной жизни. Однако действительность демонстрирует полную противоположность его ожиданиям:

мираж рассеивается как дым, воздушные замки рушатся, а прекрасные мечты Дмитрия остаются неосуществлёнными. Последующий монолог героя «голо, пусто и безмолвно» [\[4, т.14 с.487\]](#) становится выразительным свидетельством крушения иллюзий: «Он шел без цели по узкой лесной тропинке... в таком изнеможении, что всякий ребенок мог бы его осилить... Когда же он вышел наконец из леса, перед ним вдруг открылось голое поле, казавшееся бесконечным» [\[4, т.14 с.488\]](#). В контексте романа этот путь приобретает метафизическое значение - жизненная дорога Дмитрия предстаёт одновременно стеснённой и бесконечной. Лишившись вождельных трёх тысяч, герой погружается в экзистенциальный кризис. Примечательно, что даже в мрачной вселенной «Братьев Карамазовых» в Дмитрии сохраняется искра человечности. Его мучительное метание между жаждой искупления и невозможностью вырваться из пучины греха создаёт мощный психологический конфликт. Две навязчивые идеи - деньги и Грушенька - становятся для него недостижимыми фантомами.

Этот образ мастерски раскрывает глубину философских воззрений Достоевского на природу добра и зла. Писатель не просто противопоставляет эти категории, но художественно исследует диалектику их взаимодействия, выявляя в самых тёмных проявлениях человеческой природы те ростки добра, что могут привести к духовному преображению.

3. Метафорическая функция «беседки»

В художественном пространстве романа беседка возникает в двух ключевых эпизодах - при случайных встречах Алёши с Дмитрием и со Смердяковым. Данный архитектурный элемент выполняет не только утилитарную функцию места для диалогов, но и приобретает многомерное метафорическое значение, насыщенное глубоким социально-философским подтекстом.

В ключевой сцене романа Достоевского находим символически насыщенное описание: «Дмитрий Фёдорович провел брата в самый дальний угол сада... Среди столетних лип, кустов бузины, жимолости и сирени вдруг показалась полуразрушенная зеленая беседка, почерневшая и покосившаяся... В беседке стоял врытый в землю зеленый стол со скамьями того же цвета...» [\[4, т.14 с.72\]](#) Внешне это изображение ветхого сооружения, однако в художественной системе романа оно приобретает глубокий социально-философский подтекст. Разрушающаяся беседка становится емкой метафорой кризиса семьи Карамазовых, где под видимостью отцовской любви, сыновнего почтения и братской привязанности скрываются глубокие антагонизмы. Хрупкость этой семейной конструкции подчеркивается автором с почти физической осязаемостью - подобно тому, как лодка семейных отношений не выдерживает ни малейшего порыва ветра на бурном море. Последующее описание: «В беседке никого не было... Алексей сел на вчерашнее место и стал ждать. Почему-то беседка показалась ему сегодня еще ветше, почти развалившейся, хотя день стоял такой же ясный» [\[4, т.14 с.74\]](#) - демонстрирует нарастание кризисных явлений. Художественная логика романа подводит к пониманию, что распад семьи Карамазовых как микромоделю общества отражает глубинные процессы социальной дезинтеграции.

С методологической точки зрения, Достоевский через частный случай семейной драмы раскрывает универсальную закономерность: когда базовые социальные институты теряют свою целостность, это неизбежно приводит к системному кризису всего общественного организма. Разрушение одной семьи действительно может остаться незамеченным в исторической перспективе, однако массовая деградация этого фундаментального

социального элемента, как убедительно показывает автор, ведёт к торможению общественного прогресса в его гуманистическом измерении.

В скромной беседе находит своё отражение не только экзистенциальная тоска автора, но и его глубокие размышления о судьбе России и всего человечества. Еще в апреле 1876 года в письме к А.М. Арчефской писатель с тревогой отмечал: «Для меня теперь в действительности всего важнее изучать молодое поколение и современную русскую семью, которую я предчувствую уже не в том виде, как она была лет двадцать назад» [\[13, с.84\]](#). Этот социально-философский интерес получил своё художественное воплощение спустя четыре года в романе «Братья Карамазовы», где Достоевский через призму семейной проблематики создаёт уникальную концепцию «соединённых семей».

Мастерски изображая дисфункциональные семейные структуры и душевные муки их членов, автор раскрывает глубинные противоречия и антагонизмы трансформирующегося российского общества. Особую художественную ценность представляет то, как через индивидуальные психологические переживания персонажей писателю удаётся передать коллективные радости и страдания целой исторической эпохи, создавая тем самым многомерный социально-философский нарратив.

В художественной вселенной романа «Братья Карамазовы» Достоевский не просто исследует диалектику добра и зла в человеческой природе и метафизическую жажду божественной любви, но и создаёт многомерную поэтику духовного бытия через призму коллективного сознания, раскрывая тем самым глубинные пласты человеческой экзистенции. Настоящее исследование, опираясь на методологию нарративной топологии, не только вносит значительный вклад в современное достоевскоеведение, расширяя традиционные интерпретационные рамки за счёт включения творчества писателя в парадигму пространственной поэтики, но и успешно реализует поставленные исследовательские задачи через системный анализ текстовых структур.

Метод сравнительного анализа параллельных и синхронных нарративных пространств позволил с высокой степенью достоверности реконструировать авторскую стратегию романного построения, выявить специфику характерологии и достичь главной исследовательской цели - деконструкции антропологической концепции Достоевского, что открывает перспективы для дальнейшего изучения нарративных особенностей его прозы в контексте современной литературной теории. Многоуровневое исследование метафорики повествовательного пространства, осуществленное в работе от поверхностных структур к глубинным смыслам, не только полно раскрывает антропологическую глубину писателя и диалектику его историософских размышлений, но и создаёт методологическую базу для последующих изысканий в области поэтики пространства русской классической литературы.

Полученные результаты свидетельствуют о завершении намеченного исследовательского плана и одновременно указывают на новые горизонты изучения, в частности, на возможность применения разработанного методического аппарата к анализу других произведений Достоевского, а также к исследованию пространственных структур в литературе серебряного века, что составляет перспективное направление будущих научных изысканий.

В заключении следует подчеркнуть, что выдающийся русский критик Н.Н. Страхов, анализируя творческую индивидуальность Достоевского сквозь призму художественной антропологии, дал исчерпывающую характеристику писательскому методу: «Всё, что он писал, было им пережито, прочувствовано, и пережито, прочувствовано с огромной

страстью и увлечением... Достоевский - один из самых субъективных романистов: почти всегда он творил по своему образу и подобию. Редко достигал он полной объективности... Он смело брался за изображение мрачных картин; в изображении всевозможных падений человеческой души никто не заходил так далеко, как он... Эта смелость в изображении жалких и ужасных лиц, всяких язв душевных, объясняется тем, что он мог, или считал себя в силах произносить над ними высший суд... Он питал читателей чистейшим соком своего сердца. Так поступают все истинные писатели с призванием, и в этом заключается их могучее влияние» [\[14, с.310-315\]](#).

Заключительный период творчества Достоевского ознаменовался удивительным синтезом трагического мировосприятия и светлого гуманизма, где поэтическое постижение бытия органично соединилось с глубиной философских прозрений. Это художественное преобразование тьмы в свет, осуществляемое через исповедальную искренность писателя, не только отражает его неизбывную любовь к жизни во всех ее проявлениях, но и формирует уникальную аксиологическую систему, сохраняющую свою значимость и в современном культурном пространстве. Подобно тому как созданная Достоевским галерея "униженных и оскорбленных" преобразуется в повествовании лучами сострадания и надежды, так и его творческое наследие продолжает излучать духовный свет, указывая путь к постижению самых сокровенных тайн человеческой природы.

Библиография

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Собрание сочинений: в 13 т. Москва: АН СССР, 1956. Т. 10: 7-48.
2. Гроссман Л. П. Достоевский. Москва: Молодая гвардия, 1962.
3. 黄德泉. 论电影的叙事空间. 北京:电影艺术, 2005. (Хуан Дэцюань. О нарративном пространстве в кино. Пекин: Искусство кино, 2005.)
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976.
5. Горький М. О "карамазовщине". Собрание сочинений: в 30 т. Москва: ГИХЛ, 1953. Т. 10: 156.
6. Борхес Х. Л. Собрание сочинений: в 4 т. Санкт-Петербург: Амфора, 2005. Т. 1: 302.
7. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. Москва: Прогресс, 1990.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1963.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст. Москва: Наука, 1983.
12. Подорога В. А. Феноменология тела. Москва: Ad Marginem, 1995.
13. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29: 84.
14. Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. Литературная критика: Сб. статей. Москва: Современник, 1984.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена анализу пространственной организации романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и представляет собой актуальное и методологически продуманное исследование одного из ключевых, но недостаточно

изученных аспектов текста Ф.М. Достоевского.

Предметом исследования выступает нарративное пространство романа, понимаемое автором как многомерная структура, включающая топографическое, психологическое и символическое измерения. Особое внимание уделяется функциональной роли пространства в формировании образов, организации сюжета и выражении философско-религиозного содержания произведения.

Методология исследования опирается на интеграцию современных подходов: структурно-семантического анализа, нарратологии (включая концепцию хронотопа), герменевтики и компаративного метода. Такой междисциплинарный инструментарий позволяет не только декодировать пространственные коды текста, но и реконструировать антропологическую и теологическую парадигмы творчества Ф.М. Достоевского.

Актуальность работы обусловлена реальной лакуной в исследовании творчества великого писателя. Несмотря на обширную научную традицию, пространственная поэтика «Братьев Карамазовых» остаётся на периферии исследовательского внимания. Автор убедительно показывает, что пространство в романе — не фон, а активный смысловой актёр, обладающий семиотической и экзистенциальной плотностью.

Научная новизна статьи заключается в предложении оригинальной типологии нарративных пространств (параллельные и синхронные структуры), а также в интерпретации ключевых локусов (дорога, почтовая станция, беседка) как метафорических моделей экзистенциального выбора, иллюзии и кризиса социальных институтов. Особенно ценным представляется прочтение образа Смердякова сквозь призму пространственной семантики — как воплощения «души в аду», всё ещё сохраняющей искру божественного.

Стиль и структура статьи выдержаны на высоком академическом уровне. Текст логически выстроен, аргументация последовательна, терминология точна и обоснована. Анализ сочетает филологическую строгость с философской глубиной, что делает изложение одновременно насыщенным и ясным.

Библиография включает как классические труды (Бахтин, Бердяев, Страхов), так и современные источники, в том числе зарубежные исследования по нарративному пространству и когнитивной метафоре. Это придает работе несомненную теоретическую значимость.

Апелляция к оппонентам реализована корректно и аргументированно: ссылки на В. Г. Белинского, М. О. Горького, Л. П. Гроссмана и других критиков используются не как данность, а как точки дискурсивного диалога. Особенно убедительно привлечение теории Хуана Дэцюаня для анализа параллельных нарративов.

Выводы статьи носят синтетический характер: автор не только раскрывает специфику пространственной поэтики Ф. М. Достоевского, но и обосновывает её как ключ к пониманию его антропологии и христианского гуманизма. Работа будет интересна широкой читательской аудитории — от специалистов по русской литературе и нарратологии до исследователей философии религии и культурной антропологии. Её результаты могут быть востребованы как в научной, так и в педагогической практике.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Смолина А.Н. Нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского: идейные основания, специфика аргументации, язык и стиль // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76622 EDN: EMHRFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76622

Нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского: идейные основания, специфика аргументации, язык и стиль

Смолина Анджелла Николаевна

ORCID: 0000-0003-0947-3763

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

660125, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Проспект Свободный, 82 А, оф. 2-42

✉ angelic2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76622

EDN:

EMHRFM

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Дата публикации:

08-11-2025

Аннотация: Исследуется нравственно-аскетическое сочинение церковного писателя Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве» в контексте религиозно-христианской культуры. Предметом исследования являются идейное наполнение нравственно-аскетических текстов Паисия Величковского, особенности их аргументативной составляющей, лингвостилистическая специфика. Цель представляемой работы состоит в том, чтобы показать идейно-художественные и аргументативные особенности духовной прозы писателя – текстов, в которых внимание фокусируется на изучении процесса духовного совершенствования, достижения христианского идеала,

борьбе человека со своими пороками. Актуальность работы определяется тем, что оно выполнено в рамках теолингвистики и стилистики – направлений современной филологии, активно развивающихся на протяжении ряда десятилетий, а также вниманием современных лингвистов к аксиологической составляющей литературных произведений. Основные методы исследования – теолингвистический, предполагающий изучение взаимосвязи языка и религии, лингвостилистический, направленный на установление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования языковых единиц. Установлено, что писателем освещаются вопросы, связанные с духовно-нравственным совершенствованием человека, достижением внутреннего согласия, осознанным желанием контролировать внутреннюю жизнь на уровне помыслов в деле достижения спасения души, что коррелирует с идейными установками религиозно-философского учения исихазма. Подчеркивается, что идейные основания нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского имеют своим источником исихастское учение, которое утверждалось в святоотеческих творениях, в том числе тех, которые писатель переводил с греческого языка на русский. Отмечается, что идейные основания, восходящие к исихазму, задают направления содержания анализируемых текстов, обуславливают развитие идей смирения и самоумаления, которые репрезентируются с помощью кенотических единиц; идеи умного делания, воплощающейся через использование языковых единиц, обслуживающих предметную область исихазма; идеи спасения, которая утверждается с помощью сотериологической лексики; идеи трезвения, реализация которой осуществляется с помощью богословско-аскетических терминов, в основном тематической группы «непсис»; идеи безмолвия, языковыми репрезентантами которой становятся термины исихазма и тропы аналогического типа. Показывается, что автор использует аргументы «модель – антимодель», к свидетельству, к норме; языковыми особенностями текстов становится использование богословско-аскетической лексики, аллегорий и метафор, характерных для церковно-религиозных текстов; чертой стиля писателя является следование традициям монашеской словесности.

Ключевые слова:

Паисий Величковский, нравственно-аскетическая проза, идеи исихазма, церковно-религиозный текст, сотериологическая лексика, аргументы к свидетельству, лексика исихазма, аллегория, интертекстуальные включения, кенотические единицы

Введение

Актуальность исследования нравственно-аскетической прозы русского церковного писателя XIX века Паисия Величковского определяется прежде всего ее аксиологичностью: многие ценности, на которые ориентирует писатель, в течение многих веков остаются весьма значимыми как для русской церковно-религиозной письменной культуры, так и для отечественной культуры в целом. В настоящий момент важность изучения религиозно-христианской аксиологии осознается многими культурологами, философами, психологами, педагогами, филологами, что находит отражение в трудах, посвященных исследованию влияния христианских этики и аксиологии на формирование русской письменной культуры, изучению роли и значимости христианских ценностей в современном образовании, воспитании, искусстве и др. Здесь важно отметить труды «Христианская аксиология в творчестве К. Д. Ушинского и Ф. М. Достоевского» Н. Е. Чуватовой, «Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков» И. А. Казанцевой,

«Русская религиозная аксиология» В. Г. Лукьянова, «Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры...», «Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя» А. С. Миронова [\[1, 2, 3, 4, 5\]](#). Помимо этого, актуальность представляемой работы определяется важностью лингвистического изучения произведений церковно-религиозного стиля, в частности текстов монашеской словесности, на что обращают внимание многие современные исследователи, значимостью развития теолингвистики и стилистики. На протяжении последних десятилетий церковно-религиозный стиль, его место в системе функциональных стилей, свойственные ему средства выразительности, идейное содержание текстов, жанры, функционирующие в церковно-религиозной сфере, монашеская культура активно изучаются филологами. При этом обычно обосновывается необходимость такого изучения, его значимость для объективного описания литературного процесса, рассмотрения становления русской письменной культуры, систематизации русской словесности. Отметим ряд значимых работ данного направления: «Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка» Л. П. Крысина, «Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте» И. А. Крыловой, «К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка» Ю. Т. Листровой-Правды и М. Б. Расторгуевой, «Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере» Е. С. Худяковой, «Монашеская речевая культура» Н. А. Дьячковой [\[6, 7, 8, 9, 10\]](#). Нами в разное время были опубликованы работы, посвященные как особенностям церковно-религиозного стиля, так и его отдельным жанрам, среди данных исследований можно выделить, в частности такие: «Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов», «Русское духовное письмо XX века: мировоззренческие основания, композиция, стиль» [\[11, 12\]](#).

Письменное наследие Паисия Величковского (Петра Ивановича Величковского) – переводчика святоотеческих сочинений, восстановителя монашеских традиций исихазма — этико-аскетического учения «о пути человека к единению с Богом» [\[13\]](#) высоко оценивается как богословами, так и филологами. Об этом говорит большое количество трудов, опубликованных в разное время и содержащих серьезный анализ творений автора (статьи Н. Е. Шафажинской, Т. Г. Поповой, Паисия (Буя), А. М. Пентковского, Н. В. Солодова и других исследователей) [\[14, 15, 16, 17, 18\]](#). Российскому читателю Паисий Величковский известен как автор нравственно-аскетических трудов, переводов «Добротолюбия» — антологии святоотеческих творений IV–XV веков, «по преимуществу посвященных молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни» [\[19\]](#). Наше исследование проводилось на основе анализа труда Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве».

Результаты и обсуждение

Мировоззренческим основанием нравственно-аскетической прозы епископа Игнатия является исихастское вероучение, что обнаруживает себя прежде всего в воплощении идей данного религиозно-христианского учения, в особенности — идей смирения, самоумаления, трезвения, безмолвия, умного делания, спасения души. По утверждению ряда исследователей христианской культуры, в частности Д. С. Лихачева, в исихазме «сказался... интерес к психологии человека, к "внутреннему человеку"... к его индивидуальным переживаниям, к возможностям личного общения с Богом...» [\[20, с. 47\]](#). Сказанное определяет тот факт, что при формировании идейного содержания

произведений, тематического наполнения авторы в большей мере освещают вопросы, которые касаются нравственного и духовного совершенствования человека, достижения им внутреннего согласия и согласия с внешним миром (людьми, которые окружают в различных ситуациях), достижения внутренней тишины, бесстрастия, готовности контролировать свою внутреннюю жизнь на уровне помыслов, отсекая все, что может повредить душе и достижению спасения. Данные авторские установки находят отражение и в лексическом оформлении; в произведениях церковных писателей мы видим частое использование таких слов и сверхсловных единиц, как *внутренний человек, безмолвие, согласие, тишина, умное делание, разум, молитва, сердце, внимание, чистая молитва, молчание, внимательное жителство, Богоданная премудрость, умное действие, здравый разум* и др.

В трудах Паисия Величковского наблюдаются такие же духовно-творческие тенденции, поскольку он был последователем исихастских традиций, переводил много трудов исихастов и старался воплощать в своей жизни те правила, которые были созданы в первые века христианства, а также в более поздние периоды духовными монашествующими писателями Антонием Великим (III–IV века н.э.), Симеоном Новым Богословом (X–XI века н.э.), Григорием Синаитом (XIII–XIV века н.э.) и другими монахами-исихастами.

В большей мере обращает на себя внимание воплощение идей **смирения и самоумаления**, которые репрезентируются с помощью кенотических единиц — слов и сочетаний слов, использующихся как средство умаления себя, благочестивого самоуничижения (*преклоняю колена, молю, грешный, многогрешный, убогий, недостойный, умаляться, просить, страх Божий*, и др.), а также с помощью слов и сверхсловных единиц, именующих христианские добродетели и их проявления (*смирение, прощение, покаяние* и др.). Появление в речи христиан кенотических единиц свидетельствует о том, что одной из особенностей их мировидения и представлений о себе в окружающем мире, своей роли в нем становится осознание возможности достижения спасения души — главной жизненной цели христианина — только при смирении себя перед Богом и людьми, отсутствии самопревозношения, готовности к самоотдаче, послушании воле Божией. Важность для христиан обретения смирения, способности к самоумалению значительным образом влияет на их речь, например, в письмах монашествующие христиане в подписи обычно добавляют такие языковые единицы, как *раб(-а, -ы), грешный(-ая, -ые), многогрешный(-ая, -ые), недостойный(-ая, -ые), недостойнейший(-ая, -ие), ничтожнейший(-ая, -ие), низайший(-ая, -ие), убогий(-ая, -ие), неключимый(-ая, -ые)* и подобных. Яркий пример самоумаления мы видим в следующем отрывке: *Будучи **прах** и **пепел**, **преклоняю** мысленные **колена** сердца моего пред неприступным величеством Твоей Божественной славы, и молю Тебя, всесладчайший мой Иисусе Единородный Сыне и Слове Божий сияние славы и образ ипостаси Отчей!* [21, с. 6]. В качестве языковых единиц, выражающих самоумаление, здесь используются слова *прах* и *пепел*, с помощью которых автор показывает свое место в мире Божиим, обозначает свое достоинство перед Богом, слова *преклоняю колена* служат средством выражения покорности воле Божией, преклонения перед Господом, готовности следовать Его воле, стремления к стяжанию добродетели послушания. Обратим внимание на то, что в воплощении идей смирения и самоумаления в рассматриваемом отрывке используется и метафора (*преклоняю мысленные колена сердца моего*). Метафорическое, аллегорическое, метонимическое выражение мыслей характерны для церковных писателей, используются ими в произведениях разных жанров.

Смирение и самоумаление, согласно исихастской традиции, имеет очень важное значение в достижении исихии — состояния внутренней тишины и безмолвия, духовного трезвения, постоянного памятования о Боге. О важности добродетели смирения в исихастской практике российский патролог А. Г. Дунаев писал: «Важную роль в исихии играло... смирение (смиреномудрие) (ταπεῖνωσις, ταπεινοφροσύνη; см. *Adnès. Humilité. 1969. Col. 1160–1162* [о вост. монашеской традиции]; ИАБ, № 4. 1151; *Sieben. 1980. S. 194*) — как внешнее, к-рому особенно способствовала нищета, так и внутреннее, ведущее к победе над одним из основных пороков — гордостью» [22, с. 243]. Паисием Величковским значимость смирения подчеркивается в следующем отрезке текста «Об умной молитве...»: *Когда же кто Божиею помощью и... глубочайшим смирением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный... возводит, как по ступеням в... духовные видения, открывая ему, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны* [21, с. 18].

Смирение, понимаемое в христианстве как осознание своих недостатков и своего несовершенства, примиренность с Богом, людьми и самим собой, объективное видение окружающей действительности, покорное отношение к Богу и принятие Его воли [23, 24, с. 697, 25, с. 561], в сочинении Паисия (Величковского) представлено как основа многих добродетелей, автор эту мысль выражает метафорически (как и в предыдущем примере): *Смирением же, **рождающимся** от послушания, по свидетельству Святого Иоанна Лествичника и многих св. отцов, возможет он избежать всех прелестей и **сетей дьявольских**, и тихо, безмолвно, без всякого вреда, постоянно упражняться в этом мысленном деле, с великим душевным преуспеянием* [21, с. 38]. Метафоры рождающееся смирение и сети дьявольские способствуют лучшему объяснению того, какое значение для христианина имеет стяжание добродетелей, можно сказать, что метафора здесь используется не только в обычной для нее изобразительной функции, но и в дидактической. Тот факт, что метафора становится средством утверждения идеи, говорит нам о следующем: этот троп в произведении Паисия Величковского играет важную роль в смыслообразовании, к нему автор прибегает не только с эстетическими, но и с когнитивными целями.

Идея **умного делания** — хранения ума и сердца от греховных помыслов с помощью Иисусовой молитвы — звучит в тех частях текста, где автор говорит о сущности данного духовно-когнитивного явления и выступает на его защиту от религиозных деятелей, которые не принимают такой духовной работы над собой, также эта идея выдвигается в размышлениях автора о важности умного делания для духовного совершенствования как монашествующих, так и немонашествующих христиан. Основные единицы, которые используются Паисием Величковским для реализации данной идеи — *умное делание, Божественное делание, мысленное делание, духовное делание, священное делание, всесвятое делание, делание ума, умная молитва, сердечный рай, хранение сердца, сердечное хранение, хранение ума, внутренний человек, духовная польза, душеспасительное дело, благодатная молитва*. Приведем пример из текста «Об умной или внутренней молитве...»: *На помянутое Божественное **умное делание** и хранение **сердечного рая** никогда никто из правоверующих не дерзнул произнести хулы; но всегда все относились к нему с великою честью и крайним благоговением, как к вещи, исполненной всякой духовной пользы*. Обратим внимание на взаимодействие языковых единиц, выражающих идею умного делания, и эпитетов (*великою, крайним*), а также сложного, состоящего из двух корней и при этом имеющего книжную окраску слова (*благоговением*). Автор тяготеет к различным эпитетам, что, по нашему мнению, связано

прежде всего с желанием передать благоговейное отношение к Богу, стремлением передать почтительное отношение к Богу читателям своего произведения. Отметим, что архаически-возвышенная тональность церковно-религиозных текстов существенным образом отличает их от текстов иных стилей.

Спасение, понимаемое как исцеление от греха, его последствий, обретение Царствия Божиего, связывается автором с умным деланием: *усердствующий обучаться этому Божественному деланию, должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя душою и телом в послушание, согласное с Священным Писанием... **путь ко спасению — путь умного делания молитвы**, тайно совершаемой умом в сердце* [\[21, с. 37\]](#).

Идея спасения репрезентируется с помощью сотериологической лексики, в частности таких слов и сверхсловных единиц, как *спасение, спасение души, Спаситель, душеспасительное делание, спасительная молитва*, при этом автор прибегает к метафорам, связанным с образами света и Божественного огня: *Этим умным вниманием священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов, разжегшись **серафимским пламенем любви к Богу, и по Боге к ближнему**, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих... Исполнившись... различных Божественных даров, они явились по своей жизни **светилами и огненными столпами** для вселенной и, соделав бесчисленные чудеса, **делом и словом привели неисчетное множество человеческих душ ко спасению*** [\[21, с. 7\]](#).

Трезвение, понимаемое как внимательное отношение к своей духовной жизни, мыслям, поступкам, избегание греховных страстей часто представляется как весьма важная идея. Достигается это через обращение к цитатам из трудов святых отцов, вместе с тем в реализации идеи участвуют такие слова и сверхсловные единицы, как *трезвение, трезвиться, бодрствовать, ум, помысл, внимание, бдение, жительство Евангельское*. Укажем на то, что в воплощении рассматриваемой идеи трезвения участвуют, помимо цитат и богословско-аскетических терминов тематической группы «неписис» (*трезвение, помысл, бдение, добродетель, умная молитва, делание, молчание*), эпитеты, и часто — прилагательные в форме превосходной степени. Приведем примеры: Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: «**Трезвение** есть духовное художество, совершенно, с помощью Божиею, избавляющее человека от страстных помыслов и слов, и лукавых дел»; мысленным и духовным по внутреннему человеку вниманием и молитвою, монахи имели **отменное и превосходнейшее** пред мирскими людьми **делание** [\[21, с. 36, 37\]](#).

В достижении спасения души через трезвение и умное делание важное значение приобретает **безмолвие**, поэтому эта идея — отрешенности от всего мирского, благодатного состояния внутренней тишины, свободы от страстей, сосредоточенности на Боге (безмолвия, исихии) в духовных произведениях христианских писателей становится одной из ключевых. Паисий Величковский о нем пишет: **безмолвие** *есть скорое и сокращенное руководство, как успешнейшее и соединяющее с Богом, особенно для держащихся его во всем вполне* [\[21, с. 22\]](#).

В монашеской культуре безмолвие понимается как состояние ума, не тревожимого помыслами, душевной отрады, как стояние сердца в Боге, тишина свободы от страстей (по преподобному Никите Стифату), обычно сопровождаемое внешним молчанием [\[26, с. 131\]](#), идея безмолвия имеет особое значение, поскольку, по утверждению богословов, оно способствует достижению внутреннего богомыслия, постоянной памяти о Боге, совершению умного делания. Говоря о нем, Паисий Величковский прибегает к

метафоризации: *Человек Боготворится не словами или рассудительною умеренностью относительно видимого — все это земное, низкое, человеческое; но пребыванием в безмолвии... этим мы отрешаемся и отходим от дольного, и восходим к Богу. Претерпевая молитвами и молениями день и ночь в **горнице безмолвного жительства**, мы приближаемся как-то и приступаем к этому... Блаженному Естеству* [21, с. 22].

В реализации идеи безмолвия участвуют термины исихазма (очищение сердца, прилог, молчание, безмолвие, внутренний человек, умная молитва, трезвение и др.) и тропы аналогического типа (метафора, сравнение). Как обычно, при реализации других идей, часто используются и эпитеты. Более всего для утверждения идеи безмолвия автор прибегает к цитатам. Обратимся к примеру: *И опять тот же Святой, уча о безмолвии и молитве... говорит: «**Иногда должно сидеть на стульце, ради труда; иногда и на постели немного до времени, для отрады. В терпении же должно быть твое сидение, ради сказавшего, что в молитве должно терпеть (Лк. 18:1)**»* [21, с. 47].

К риторическим особенностям нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского следует прежде всего отнести особенности аргументации, поскольку многие его тексты содержат определенный ответ на мнение, высказанное кем-то из его современников. Обосновывая свои мысли о важности умного делания и молитвы, архимандрит Паисий использует аргументы к свидетельству — утверждению «лица авторитетного или заслуживающего доверия в глазах аудитории о достоверности факта или о своих взглядах» [27, с. 184], ссылаясь при этом на святоотеческие труды, которые он переводил и очень хорошо знал, в частности на тексты аввы Исаии (Скитского) и Исаака Сирина. Кроме того, Паисий Величковский использует аргумент «модель — антимодель», автор применяет «конкретный по форме рассказ или описание», на которые указывает как на образец, «если модель представляет собой положительный образец, то антимодель представляет собой отрицательный образец» [27, с. 187], при этом такой аргумент обычно строится на дихотомии «грех — добродетель». Еще Паисий Величковский использует аргумент к норме, который «представляет собой обоснование положений, обращенных к общественным установлениям и сложившейся практике» [27, с. 179], при этом в качестве источника нормы берутся Евангелие и труды святых отцов, церковная практика древних и современных автору христиан. Поскольку аргументы к свидетельству уже были представлены в нашей работе (цитаты в приводимых нами иллюстрациях), рассмотрим пример использования аргумента к норме. Возражая противникам умного делания, порицателям умной молитвы, Паисий Величковский показывает, что эта духовная практика давно вошла в традицию, что существуют определенные общественные установления, относящиеся к ее проведению. В частности, автор показывает закрепившиеся и утвердившиеся в монашеской среде формы умного делания, апеллирует к древности обычаев делания умной молитвы. В главе первой анализируемого произведения читаем: *это Божественное делание священной умной молитвы было непрестанным делом древних Богоносных отцов наших, и на многих местах пустынных, и в общежительных монастырях, как солнце просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима... на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христовою — и в Великой России* [21, с. 7]. В дальнейшем представленная аргументация развивается автором.

Стиль Паисия Величковского имеет много общих черт со стилями других церковных писателей, для авторской манеры которых характерны христианские аллегоричность и метафоричность, специфичные связанностью с образами Библии (Книг Бытия, Исхода,

Царств, Пророков, Евангелий и других), религиозно-христианская интертекстуальность, признаком которой является соотнесенность текстов через интертекстемы с Евангелиями, Деяниями и Посланиями апостолов, произведениями святоотеческой литературы, Псалтирью, житиями и написанными представителями разных народов Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы молитвами.

Для стиля Паисия Величковского характерно использование сравнений, особенность которых связана с обращением к солярным образам: **Божественное делание священной умной молитвы... как солнце просияло оно между монахами** [\[21, с. 7\]](#).

Автор использует также и устойчивые метафоры, характерные для произведений церковно-религиозного стиля: *Этим умным вниманием священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов... очистив свои души и сердца от всех пороков ветхого человека, удостоились быть избранными **сосудами** Святого Духа* [\[21, с. 7\]](#). Использование метафоры, основанной на обращении к образу сосуда и относящей данный образ к человеку, является давней традицией, развивающейся в религиозно-христианской литературе, позволяющей выражать особые смыслы — связанные с духовными стремлениями человека, его внутренним развитием, нравственным преображением.

Метафоры, обращающие к часто встречающемуся в Библии образу светильника, который обозначается как положительный, встречаются в произведениях Паисия Величковского в контекстах, посвященных духовной пользе и духовному совершенствованию: *Преподобный отец наш Никифор Постник... в слове своем о хранении сердца, преисполненном духовной пользы, уподобляет это Божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу... и называет **светильником** горящим* [\[21, с. 30-31\]](#).

Эпитеты используются Паисием Величковским как смыслообразующие и орнаментальные компоненты, особенность их функционирования заключается в частом обращении автора к сложным, состоящим из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску эпитетам и к прилагательным в форме сравнительной и превосходной степени. Рассмотрим один из примеров: *Священная умная молитва, по силе писаний **Богоносных** отцов, действующая Божией благодатию, очищает человека от всех страстей, возбуждает к **усерднейшему** хранению заповедей Божиих <...> вы или никогда, может быть, не видели и не слышали о ней в писании **Богоносных** отцов наших; или, если не это, то силы **Богомудрых** их слов вы отнюдь не разумеете...* [\[21, с. 14\]](#).

Примеры дают нам возможность говорить о том, что в использовании эпитетов обнаруживается действие принципа теоцентризма, согласно которому Бог выступает в качестве истока бытия всего существующего, христоцентризма, согласно которому центром духовной жизни является Иисус Христос и Его заповеди, провиденциализма, согласно которому все происходящие события понимаются как действие Промысла Божия. Действие этих принципов обнаруживается и в функционировании других приемов, в особенности же интертекстуальных компонентов. Приведем примеры использования молитвенной интертекстемы: *Но несравненно большую стяжала она славу, когда более всех святых святейшая, **честнейшая Херувимов, и славнейшая без сравнения Серафимов**, Пресвятая Дева Богородица, пребывавая во Святая Святых, умною молитвою взшла на крайнюю высоту Боговидения* [\[21, с. 20\]](#). Интертекстуальное включение — реминисценция — обращает читателя к молитве «Достойно есть...» — одной из наиболее известных молитв Богородице (Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаю).

Религиозно-христианская смысловая направленность обнаруживается и в бытовании антитезы. Особенность использования антитезы наблюдается в том, что автор при построении конструкций данного типа часто основывается на дихотомиях «зло — добро», «грех — добродетель»: *Возлюбив ее, **грешные, непотребные, мерзкие, неразумные, несмысленные и неправедные** могут соделаться **праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными** о Христе Иисусе* [21, с. 41].

Заключение

Духовное наследие Паисия Величковского — образец церковно-религиозной прозы как в идейно-тематическом, так и в риторико-стилистическом отношениях. В идейном отношении труды Паисия Величковского представляют интерес для исследователей исихазма и православной монашеской культуры с ее традициями и системой духовных ценностей — историков, культурологов, богословов, философов, филологов. В риторическом и стилистическом отношениях произведения писателя интересны в большей мере филологам, поскольку в них представлены значимые особенности церковно-религиозного стиля, а также языка XVIII века. Идиостиль автора специфичен конвергенцией сотериологической лексики, богословско-аскетических терминов, в основном тематической группы «неписис», терминов исихазма с тропами аналогического типа, аллегориями, характерными для церковно-религиозных текстов, святоотеческими и евангельскими интертекстами, сложными, состоящими из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску эпитетами. Аргументация Паисия Величковского сосредоточивается вокруг таких типов аргументов, как аргументы к свидетельству, к норме, «модель — антимодель». Важнейшей особенностью нравственно-аскетических текстов писателя становится их идейное содержание, которое определяет художественную специфику. Воплощаемые в нравственно-аскетических произведениях Паисия Величковского идеи умного делания, спасения души, трезвения, безмолвия, смирения, самоумаления создают неповторимый содержательный облик произведений. Несомненно, что такое сочетание идей отличает тексты, исследованные нами в ходе проведенного анализа, от текстов публицистического, художественного стилей, однако произведения Паисия Величковского выделяются и на общем широком фоне текстов церковно-религиозного стиля. Такая идейность свойственна монашествующим авторам, причем монахам-исихастам. То, что писатель переводил святоотеческие произведения, в особенности же — труды святителя Григория Паламы — несомненно повлияло на идейность его произведений и художественность различных творений писателя, в частности текста «Об умной или внутренней молитве».

Библиография

1. Чуватова Н. Е. Христианская аксиология в творчестве К. Д. Ушинского и Ф. М. Достоевского // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 35-36. EDN: QBCEUL.
2. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX-XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2011. 484 с. EDN: QFKXAP.
3. Лукьянов В. Г. Русская религиозная аксиология. СПб: Алтейя, 2015. 224 с. EDN: TIESSH.
4. Киреев М. Н. Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры: компаративный анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2019. 367 с. EDN: FVJVGd.
5. Миронов А. С. Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики: научный журнал. Петрозаводск, 2023. Т. 21, № 2. С. 38-65. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12423. EDN: GMOSGF.

6. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 135-138. EDN: VXSZNP.
7. Крылова И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 227 с. EDN: NNPWNN.
8. Листрова-Правда Ю. Т., Расторгуева М. Б. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия "Филология. Журналистика". 2006. № 1. С. 49-54. EDN: IBVFYP.
9. Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 339 с. EDN: QEMW GJ.
10. Дьячкова Н. А. Монашеская речевая культура // Церковь. Богословие. История. 2024. № 5. С. 344-353. EDN: YGERBC.
11. Смолина А. Н., Лубкина О. А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. 2012. № 5 (36). С. 268-270. EDN: PFZWCP.
12. Смолина А. Н. Русское духовное письмо XX века: мировоззренческие основания, композиция, стиль: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. 263 с. (Studia philologica). EDN: DPRUJJ.
13. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
14. Шафажинская Н. Е. Творческий диапазон русского монашества второй половины XVIII века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 30-34. EDN: KUWYFX.
15. Попова Т. Г. Рукописи "Лестницы" Иоанна Синайского перевода Паисия Величковского // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. Вып. 50. С. 36-43. DOI: 10.15382/sturIII201750.36-43. EDN: YLFSBP.
16. Паисий (Буй), иером. Преподобный Паисий (Величковский) как представитель ученого монашества // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 2 (15). С. 139-147. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_139. EDN: ХМООКС.
17. Пентковский А. М. Венецианская Филокаліа в переводческой деятельности Паисия Величковского // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 2 (50). С. 151-206. DOI: 10.25803/26587599_2024_2_50_151. EDN: POFJLB.
18. Солодов Н. В. Перевод сборника "Крины сельные" на русский язык и его переводчики // Словесность и история. 2025. № 1. С. 177-193. DOI: 10.31860/2712-7591-2025-1-177-193. EDN: FBSRNM.
19. Дионисий (Шлёнов), игумен. Добротолюбие // Православная энциклопедия. Т. XXVII. Димитрий – "Дополнения к актам историческим" [Текст] / Под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 491-512.
20. Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. 68 с.
21. Об умной или внутренней молитве. Сочинение блаженного старца схимонаха и архимандрита Паисия Величковского настоятеля Нямецкого и других монастырей в Молдавии и основателя русского Ильинского скита на Афоне. Москва, 1902.
22. Дунаев А. Г. Исихазм // Православная энциклопедия. Т. XXVII. Исаак Сирий – исторические книги [Текст] / Под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2011. С. 240-254.
23. Бронзов А. А. Христианская добродетель – смирение // Христианское чтение. 1900. № 2. С. 161-182.

24. Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад – Джорданвилль: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. 864 с.
25. Скурат К. Е. Святость Руси. Яхрома: Троицкий собор, 2011. 728 с.
26. Никита Стифат. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добротолюбие: в русском переводе, дополненное. Т. 5. М., 1900. 482 с.
27. Волков А. А. Курс русской риторики. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательский дом "Русская панорама"; Издательство "Кафедра", 2013. 416 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена осмыслению нравственно-аскетическая прозы русского церковного писателя XIX века Паисия Величковского (Петра Ивановича Величковского) – переводчика святоотеческих сочинений, восстановителя монашеских традиций этико-аскетического учения «о пути человека к единению с Богом». Актуальность исследования обоснованно аргументируется как значимостью изучения религиозно-христианской аксиологии («нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского определяется прежде всего ее аксиологичностью: многие ценности, на которые ориентирует писатель, в течение многих веков остаются весьма значимыми как для русской церковно-религиозной письменной культуры, так и для отечественной культуры в целом»), так и важностью лингвистического изучения произведений церковно-религиозного стиля, в частности текстов монашеской словесности.

Теоретической основой научной работы послужили труды по исследованию православной аксиологии в русской прозе XX-XXI веков, особенностям церковно-религиозного стиля и его отдельным жанрам, анализу письменного наследия Паисия Величковского и др. Библиография насчитывает 27 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, метод лингвоаксиологической интерпретации, методы когнитивного и дискурсивного анализа. Настоящее исследование проводится на основе анализа труда Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве».

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы, подробно изучены идейные основания (воплощение идей смирения и самоумаления, умного делания, спасения, трезвения, безмолвия), специфика аргументации («к риторическим особенностям нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского следует прежде всего отнести особенности аргументации, поскольку многие его тексты содержат определенный ответ на мнение, высказанное кем-то из его современников»), язык и стиль («стиль Паисия Величковского имеет много общих черт со стилями других церковных писателей, для авторской манеры которых характерны христианские аллегоричность и метафоричность, специфичные связанностью с образами Библии, религиозно-христианская интертекстуальность...») нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского. Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа: «идиостиль автора специфичен конвергенцией сотериологической лексики,

богословско-аскетических терминов,.. терминов исихазма с тропами аналогического типа, аллегориями, характерными для церковно-религиозных текстов, святоотеческими и евангельскими интертекстами, сложными, состоящими из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску эпитетами», «аргументация Паисия Величковского сосредоточивается вокруг таких типов аргументов, как аргументы к свидетельству, к норме, «модель — антимодель» и т. д.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теолингвистики и стилистики, в изучение особенностей церковно-религиозного стиля и его отдельных жанров, идиостиля Паисия Величковского, а также могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике, по проблемам церковно-религиозной прозы и др.

Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Савельев А.С. Коммуникативные стратегии популяризации медицинских знаний в формате видеоблога //

Филология: научные исследования. 2025. № 11. С. 65-81. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76656 EDN: ELLWAX

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76656

Коммуникативные стратегии популяризации медицинских знаний в формате видеоблога

Савельев Алексей Сергеевич

ORCID: 0000-0003-3553-8831

ассистент; кафедра Культурологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
младший научный сотрудник; Кафедра теоретической и прикладной лингвистики; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

173002, Россия, Новгородская обл., г. Великий Новгород, Воскресенский б-р, д. 13, кв. 54

✉ alex111-2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76656

EDN:

ELLWAX

Дата направления статьи в редакцию:

02-11-2025

Дата публикации:

09-11-2025

Аннотация: Научно-популярный видеоблог является элементом современной системы форматов научно-популярной медиакommunikации, относясь к категории цифровых форматов и выделяясь как уникальный цифровой проект в рамках блогосферы. В свою очередь, низкий порог входа для авторов в цифровое пространство способствует высокой активности пользователей интернета в формировании научно-популярного медиадискурса, что ведет к возникновению в рамках этого дискурса разнообразных авторских типажей, обеспечивающих разнообразие стратегических репертуаров речевого воздействия. Предметом исследования является реализация коммуникативных стратегий при популяризации научных знаний в сфере медицины журналистом и научно-

популярным медицинским блогером А. В. Водовозовым, как автором, обладающим опытом профессиональной медицинской и журналистской деятельности. Целью исследования представляется изучение характерных особенностей стратегического репертуара языковой личности популяризатора в динамике различных коммуникативных ситуаций. Для достижения цели была разработана авторская методика исследования стратегического репертуара, построенная на методах выборочного мониторинга, аспектного дискурс-анализа и персонального лингвистического портретирования. На базе концепции коммуникативных стратегий и тактик русской речи О. С. Иссерс была создана анкета стратегического репертуара, согласно которой выявлялась уникальная специфика речевых стратегий автора-популяризатора. Основные результаты показали доминирование во всех исследуемых кейсах основной когнитивной стратегии подчинения (занимающей от 34,3% до 52,2% ходов коммуникативных автора) при полном отсутствии стратегий дискредитации и драматизации, что дополняется вспомогательными стратегиями формирования эмоционального настроя, самопрезентации, контроля темы и инициативы и привлечения внимания, частота применения которых демонстрирует высокую динамику. Область применения данных может быть охарактеризована как исследовательская – методику, результаты и выводы исследования можно использовать в дальнейшем изучении научно-популярного медиадискурса и реализуемых в нём коммуникативных стратегий. Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предлагается систематизированный анализ коммуникативных стратегий популяризации медицинских знаний в рамках научно-популярного медиадискурса. В результате исследования был сформулирован вывод: А. В. Водовозов, обладая уникальным стратегическим репертуаром, при популяризации медицинских знаний демонстрирует как следование общим канонам научной популяризации, так и разные паттерны стратегической проработки в зависимости от коммуникативной ситуации взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова:

медиакоммуникация, научно-популярный медиадискурс, медицинский медиадискурс, интернет-коммуникация, новые медиа, блогосфера, научно-популярные видеоблоги, популяризация научных знаний, речевое воздействие, коммуникативные стратегии

Публикация выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 24-18-00371 «Дискурсивные практики в сфере здравоохранения и направления их оптимизации: лингвистические и этико-правовые аспекты», <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Введение

В современном мире развитие цифровых технологий значительно изменило способы распространения и популяризации научных знаний, в том числе в области медицины. Особенно заметным явлением стало появление видеоблогов – доступного и популярного формата массовой коммуникации, который активно формирует новый медиадискурс, что вызывает необходимость тщательного анализа поведения авторов, их дискурсивных практик и стратегий воздействия на аудиторию.

Постановка проблемы

Проблематика популяризации научных знаний в цифровой среде включает как отражение современного научно-популярного медиадискурса, так и общие тенденции развития медиасреды с учетом её современных особенностей. В широком смысле

современная научно-популярная медиакommunikация во многом определяется ключевыми тенденциями XXI века, такими как цифровизация, глобализация и усиление роли социальных сетей [11]. Одним из наиболее значимых аспектов массового освоения интернета стало появление медийного формата видеоблога как современного и доступного способа массовой коммуникации. С ростом доступности средств медиапроизводства возникло и огромное разнообразие типажей авторов, занимающихся созданием медиатекстов в цифровой среде, что объясняет повышенный исследовательский интерес к неоднозначной фигуре автора-популяризатора и применяемым им дискурсивным практикам, в частности, коммуникативным стратегиям речевого воздействия на аудиторию. Интеграция медицинского дискурса в процессы медиакommunikации давно привлекает внимание исследователей. Отметим, что на сегодняшний день деятельность медицинских работников подвергалась анализу как в рамках сетевого дискурса в целом, так и в различных аспектах, которые косвенно можно отнести к проблематике применения коммуникативных стратегий. Например, к таковым относятся исследования языковой личности врача [2, 3, 4, 5], применяемых им имиджевых стратегиях [6, 7] и самопрезентации в медийном пространстве [8, 9, 10, 11]. Схожее положение можно отметить и в зарубежных академических сообществах, где, помимо вопросов коммуникации с пациентом [12, 13, 14] и медицинского маркетинга в социальных сетях [15, 16], большой упор делается на проблематику достоверности медицинской информации, представляемой в социальных медиа [17, 18, 19, 20, 21]. Если формировать библиотеку исследований по проблематике применения речевых стратегий в популяризаторской деятельности врача, то следует выделить труды, которые исследуют коммуникативные стратегии в ключе научной популяризации в целом без привязки к конкретному направлению науки [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28]. Вместе с тем, реализация коммуникативных стратегий при популяризации научных знаний о медицине в формате видеоблога – проблема, которая в виду своего составного характера изучена весьма фрагментарно, что и обуславливает её выбор в качестве предмета настоящего исследования.

Методы исследования

В качестве метода формирования выборки медиатекстов применялся метод выборочного мониторинга, что позволило сосредоточиться исключительно на медиатекстах, относящихся к исследуемому медиадискурсу, обеспечив абстрагирование от иной речетворческой деятельности автора. Для анализа материала использовался метод аспектного дискурс-анализа, позволивший сосредоточиться на коммуникативных стратегиях популяризатора медицинских знаний в научно-популярном медиадискурсе. Также для представления результатов исследования как наиболее эффективный был оценён метод персонального лингвистического портретирования, как особая стратегия, при которой объектом лингвистического наблюдения становится человек говорящий/пишущий.

В качестве методологической основы исследования коммуникативных стратегий в научно-популярных медиатекстах был выбран подход, изложенный в концепции коммуникативных стратегий и тактик русской речи О. С. Иссерс, что обусловлено универсальностью настоящей типологии и её фундаментальным характером, что позволяет объединить в рамках одной системы различные существующие стратегии научно-популярного дискурса, при необходимости дополняя её новыми элементами, выявленными уже другими исследователями. Исследовательница делит речевые стратегии по типологическим признакам на общие и частные, а также по

функциональному принципу на основные и вспомогательные, охватывающие следующие виды: семантические, прагматические, диалоговые и риторические. Под термином «коммуникативная стратегия» автор подразумевает совокупность речевых действий, направленных на достижение конкретной коммуникативной цели или когнитивного плана взаимодействия, позволяющих контролировать процесс общения и решать возникающие задачи при нехватке информации о собеседнике. В свою очередь, комплекс речевых действий состоит из тактик – отдельных или связанных действий, реализующих выбранную стратегию, а конкретным орудием их выполнения выступает наблюдаемый коммуникативный ход [\[29\]](#). На базе описанной концепции была создана анкета стратегического репертуара, посредством которой осуществлялся анализ применения коммуникативных стратегий.

Тип 1	Тип 2	Стратегия	Тактика	Коммуникативный ход
Основная	Когнитивные	Подчинение	Просьба	Апелляция качествам собеседника
			Уговоры	Апелляция чувствам
			Убеждение	Апелляция разуму
				Апелляция авторитету
			*	
		Дискредитация	Оскорбление	Негативная характеристика
			Издёвка	Негативное сравнение
			Обвинение	Развенчание притязаний
				Навешивание ярлыков
			*	
Вспомогательные	Прагматические	Формирование эмоционального настроения	Похвала	Положительная оценка
			Комплимент	Доставление приятного собеседнику
			*	
		Самопрезентация	Создание образа	Когнитивная категория «круг»
			*	
	Диалоговые	Контроль темы		Смена темы
				*
		Контроль инициативы		Передача инициативы
				Навязывание инициативы
Сохранение инициативы				

				инициативы
				Удержание инициативы
				*
				«Это любимое»
				«Это твоя ме
				«Тебе было а с этим хорошо»
				*
				Приёмы драматизаци
				*

*Предполагаемые тактики и коммуникативные ходы вне концепции О. С. Иссерс

Таблица 1. Анкета стратегического репертуара

Когнитивный тип стратегий связан с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей и поведение. Прагматический тип направлен на построение имиджа говорящего и эмоциональную настройку собеседника. Самопрезентация в рамках этого типа заключается в создании уникального авторского образа через различные прямые или косвенные ходы, например, через когнитивную категорию «Свой круг», где говорящий отмечает приемлемое и порицаемое для того круга людей, к которым он относит себя. К риторическому типу речевых стратегий относятся приёмы ораторского искусства и риторические техники воздействия на адресата. Диалоговые стратегии выражаются в контроле над организацией диалога, мониторинге темы и инициативы, а также степени понимания в процессе общения.

Здесь необходимо отметить, что массовая коммуникация через авторский видеоблог представляет собой специфичный формат взаимодействия, что обусловлено преимущественно односторонней коммуникацией. Это роднит видеоблог с традиционным телевизионным форматом СМИ, предоставляя автору аналогичный набор преимуществ и издержек: предсказуемость коммуникативного акта с одной стороны, и необходимость более тщательной превентивной подготовки с другой, поскольку без реальной реакции аудитории корректировать свои ходы прямо в процессе будет невозможно [30].

На подготовительном этапе исследования был осуществлён подбор медиатекстов из видеороликов, размещённых на платформе видеохостинга YouTube. В процессе анализа медиатекстов использовались методы выявления и систематизации коммуникативных ходов, реализующих конкретные стратегии. Для повышения точности и полноты фиксирования речевых единиц материал исследовался как в исходном аудиовизуальном формате, так и в текстовой форме, подготовленной с помощью специализированной программы-расшифровщика Speech2Text (<https://speech2text.ru>), разработанной ООО «Современные речевые технологии». Такой подход обеспечил более объективный и систематизированный анализ данных. Исследование особенностей языковой личности автора проводилось через выявление способов реализации речевых стратегий, выраженных в конкретных коммуникативных ходах. Результаты фиксировались в индивидуальной анкете стратегического репертуара автора и на финальном этапе

количественные показатели коммуникативных ходов были переведены в относительные величины, что позволило определить приоритетность той или иной стратегии. Усреднённые показатели были включены в сводную таблицу, что дало возможность сделать выводы о степени распространённости конкретных стратегий в деятельности автора-популяризатора.

Материал

Алексей Валерьевич Водовозов – российский научный журналист и научно-популярный медицинский блогер, врач-терапевт высшей квалификационной категории, токсиколог, в прошлом – военный врач [\[31\]](#). Его многолетняя просветительская деятельность была отмечена наградами, в том числе серебряным призом конкурса «Клиника» за блог «Смотровая Военврача» в 2009 году и лауреатством конкурса «Медицина в Рунете» в 2010 году. В 2019 году он стал призёром премии «Russian Sci&Tech Writer of the Year». Основные направления его популяризаторской деятельности – распространение медицинских знаний и противодействие лженауке, мифам и заблуждениям.

«Смотровая Военврача» – это видеоблог А. В. Водовозова, который он ведёт на личном YouTube-канале «Алексей Водовозов», созданном 29 октября 2013 года. На сегодняшний день канал насчитывает 179 видеотекстов при 116 тыс. подписчиков и объёме просмотров, равном 6 688 030 [\[32\]](#).

В корпус исследуемых медиатекстов автора вошли 17 видеотекстов, представляющих его обширную деятельность за период 2023 года. Из них 8 являются публичными лекциями, 7 – интервью автора для других медиаресурсов, а также 2 – одиночные видеотексты Водовозова. Общая продолжительность эмпирического материала составляет 17 часов 56 минут и 44 секунды.

Результаты исследования

В ходе фиксации коммуникативных ходов удалось подсчитать их число в рамках каждого стратегического направления, а также долю этого числа от общего количества выявленных ходов, что визуализировано в таблице 2.

Медиатекст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Стратегии															
Подчинение	44	40	41	45	43	35	45	42	63	35	31	20	18	8	11
	34	35	34	34	36	34	34	37	43	48	49	44	46	44	47
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Дискредитация	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Формирование эмоц. настроя	36	32	35	38	35	30	38	32	12	6	5	6	6	4	4
	28	28	29	29	29	29	29	28	8,2	8,3	7,9	13	15	22	17
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Самопрезентация	10	9	11	8	9	8	12	9	49	23	20	12	11	5	5
	7,8	7,9	9,3	6,2	7,6	7,8	9,2	8	33	31	31	26	28	27	21
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Контроль темы	25	19	22	26	23	17	24	20	3	1	-	-	-	-	-
	19	16	18	20	19	16	18	17	2,1	1,4					
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%					

Контроль инициативы	-	4	-	2	1	-	-	-	10	3	5	4	3	-	1
		3,5		1,5	0,8				6,8	4,2	7,9	8,9	7,7		4,3
		%		%	%				%	%	%	%	%		%
Привлечение внимания	8	10	9	11	8	12	11	10	9	4	2	3	1	1	2
	10	8,8	7,6	8,5	6,7	11	8,5	8,8	6,2	5,6	3,2	6,7	2,6	5,6	8,7
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Драматизация	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 2. Статистика коммуникативных ходов в медиатекстах А. В. Водовозова

Так на раннем этапе анализа были обнаружены отдельные характерные черты, присущие стратегическому репертуару А. В. Водовозова. В частности, полное отсутствие коммуникативных ходов, которые можно было бы отнести к стратегиям дискредитации и драматизации.

В ходе обобщения результаты были сгруппированы по коммуникативным ситуациям, показанным в исследуемом периоде – публичных лекциях, интервью и одиночных медиатекстах, что представлено в таблице 3.

Коммуникативная стратегия	Применяемость в различных коммуникативных ситуациях		
	Публичные лекции	Интервью (в статусе эксперта)	Одиночные медиатексты
Подчинение	34,3% - 37,2%	43,2 - 48,6%.	41,7% - 52,2%
Дискредитация	-	-	-
Формирование эмоц. настроения	28,1% - 29,7%	8,2% - 22,2%	15,2% - 16,7%
Самопрезентация	6,2% - 9,3%	21,7% - 33,6%	-
Контроль темы	16,7% - 20%	до 2,1%	27,1%
Контроль инициативы	0,8% - 3,5%	до 8,9%	-
Привлечение внимания	6,7% - 11,8%	3,2% - 8,7%	10,9% - 14,6%
Драматизация	-	-	-

Таблица 3. Стратегический репертуар А. В. Водовозова в различных коммуникативных ситуациях

Были определены максимальные и минимальные значения применяемости коммуникативных ходов в конкретных стратегиях и коммуникативных ситуациях. Так дополнительно стало заметно отсутствие ходов стратегий самопрезентации и контроля инициативы в одиночных медиатекстах, а также отсутствие ходов диалогового типа стратегий в части медиатекстов, относящихся к интервью с популяризатором.

Дискуссия

Рассмотрим стратегический репертуар А. В. Водовозова в контексте публичной лекции, где он выступает в роли популяризатора-лектора. Основная роль в его коммуникации принадлежит когнитивной стратегии подчинения, занимая от 34,3% до 37,2% всех коммуникативных ходов. Эта стратегия реализуется через тактики убеждения, основанные на логических аргументах и апелляциях к разуму и авторитетам. При этом в его выступлениях отсутствуют апелляции к эмоциям, что свидетельствует о фокусе на рациональном восприятии информации.

· Ну, то есть, вот она образовалась, у нее есть определенный цикл жизненный у этой самой бляшки. В самом конце своего цикла она фрагментируется и разлетается по организму в виде таких вот вторичных ранящих снарядов. И в зависимости от того, куда прилетит, мы получим инфаркт, инсульт, тромбоэмболия легочной артерии, тромбоэмболия других каких-нибудь сосудов [\[42\]](#);

· Солнце – там ионизирующего излучения на самом деле крайне мало. Это чуть-чуть ультрафиолета, ну и туда вот в сторону. До нас почти ничего не долетает [\[43\]](#);

· А вот если говорить о Ближнем Востоке, то, пожалуйста, там и расцвет медицины, там и прочие науки, всё замечательно. Два величайших учёных своего времени, Авиценна и Маймонид, с разных, скажем так, сторон, то есть с иудейской ветви и с персидской ветви, они как раз примерно в одном духе всё это развивали [\[44\]](#);

· Ей очень много лет, то есть примерно где-то в 1773 году вот этот английский врач Уильям Хоулс ... он даже предлагал людям искусственное дыхание. Он объяснял, что, пожалуйста, вот вы вытащили человека из реки, ну и помогите ему хоть как-нибудь, попробуйте ему воздух туда как-то в легкие доставить [\[36\]](#).

Как было отмечено ранее, в стратегическом репертуаре популяризатора отсутствуют коммуникативные ходы стратегии дискредитации, что является достаточно уникальной особенностью, если брать во внимание активную борьбу Водовозова с лженаукой, что зачастую сопряжено с развенчанием заблуждений. Вместо этого он демонстрирует неконфликтный подход к разъяснению спорных моментов, что предотвращает некооперативную коммуникацию. Например, он проявляет уважительное, иногда шутовское отношение к субъектам, формирующим общественные заблуждения, объясняя их действия и убеждения в контексте недостатка информации или научного понимания.

· Ну, а есть такие люди, как пиарщики. Если вы есть в зале, не обижайтесь [\[37\]](#);

· СМИ в основном пользуются теми инфоповодами, которые громче всего бахают [\[37\]](#);

· Ошибок вокруг первой помощи очень много, ничуть не меньше, чем вокруг любой медицинской темы, можно так сказать. Потому что знания уходят вперёд, мы за ними не поспеваем, тем более за ними не поспевают документы, инструкции и всё остальное, поэтому сегодня есть довольно ощутимый разрыв [\[36\]](#);

· Когда я писал для популярной механики, лонгрид был 25-30 тысяч знаков, а сейчас лонгрид 5–6 тысяч знаков. Это, в общем, да, довольно сильно огорчает. Но, тем не менее, чем больше там информации, тем лучше [\[37\]](#).

Формирование атмосферы доверия и открытости через неконфликтное развенчание мифов способствует укреплению доверия и является важным аспектом борьбы с дезинформацией. Это позволяет Водовозову не только передавать знания и развивать у

аудитории критическое мышление, но и способствуют восприятию заблуждений в менее агрессивной и более восприимчивой манере.

Особое внимание уделяется прагматическому типу стратегий, среди которых стратегия эмоциональной настройки занимает от 28,1% до 29,7%. Водовозов активно сокращает дистанцию с аудиторией, применяя неформальный стиль общения, сленг и инклюзивные обращения. Важной составляющей его метода является юмор – он часто использует шутливую манеру изложения, чтобы создать дружелюбную атмосферу и повысить вовлеченность слушателей.

· *Этой лекции уже 10 лет. Она впервые была прочитана в Казани, и за это время в основном пополнялась так, знаете, понемножку* [42];

· *Я просто написал научному редактору журнала Cell Research и спросил, что за фигня* [37];

· *Именно потому, что знания уходят вперед, мы за ними не поспеваем* [36];

· *Мы должны прикладывать к половым путям хорошо пахнущие субстанции, а ко рту – плохо пахнущие. То есть, матка испугается и вниз уйдет* [44];

· *А Суми, как истинный самурай, держался из последних сил* [37];

· *А теперь пытаются заменить его вот этим (знаком). Ну, мягко говоря, странно выглядит. Потому что я его читаю так, что вентилятор начал работать так сильно, что сначала сдул со стола коллекцию черепов Станислава Дробышевского, а потом и его самого* [43];

Стратегия самопрезентации составляет около от 6,2 до 9,3%, что относительно немного. Популяризатор редко обращается к своей личной практике, предпочитая другие стратегии, однако часто шутит над своим опытом, что придает его выступлениям легкость и способствует более положительному восприятию аудитории.

· *С другой стороны, когда я уже туда за 120 слайдов ушел, я, в общем, понял, что, наверное, пора останавливаться, как это обычно бывает* [43];

· *Да, ну вот, видите, опять же к вопросу о кризисе экспертности: какой-то мужик бородатый в пиджаке, какую-то фигню несет, да? (о себе)* [37];

· *Позвонили (мне) – да, тогда я еще брал трубку* [37];

· *Спасибо, что вы остались, а с другой стороны, куда вы денетесь, да? (лекция происходит на речном судне)* [38].

Коммуникативный портрет популяризатора формируется через преобладание стратегии эмоциональной настройки с использованием юмора. Отметим и мимику автора, играющую важную роль. Именно часто присущая Водовозову на протяжении всего видеотекста улыбка создает атмосферу доверия и открытости, что в совокупности с вышесказанными факторами позволяет описать его коммуникативный портрет как популяризатор-друг.

В диалогических стратегиях Водовозов демонстрирует доминирующую стратегию контроля темы, охватывающую от 16,7% до 20% всех коммуникативных ходов. Это связано с большим количеством тематических блоков и переходов между ними, что и отражается в ходах смены темы. Активная структуризация выступления способствует

эффективному управлению информационным потоком и удержанию внимания аудитории.

· *Вдруг она так начинает красивенько светиться... Ну, все, как бы это уже совсем другое, другая история. Итак, есть очень интересная вещь, которая касается единиц...* [43];

· *Про чай мы еще поговорим, естественно, отдельно, но вот в мате тоже он присутствует* [39];

· *А если мы поговорим о физиологических эффектах, то, конечно, прежде всего нас интересует психостимуляция* [39].

Вместе с тем, стратегия контроля инициативы проявляется у Водовозова с более низкой частотой, составляя лишь от 0,8% до 3,5%. Он редко передает инициативу аудитории в ходе лекции, предпочитая классический формат монолога с выделенным блоком для вопросов в конце. Это, вероятно, связано с его стремлением представить информацию последовательно, избегая отвлечений на активное взаимодействие с публикой во время выступления. Вне блока вопросов популяризатор предпочитает передавать инициативу залу для дальнейшего развития своего монолога.

· *И Маймонид, и Авиценна, они сходились в одном, что нужно использовать какое растение? (вопрос залу) – Мята, мелис* [44];

· *Следующий вопрос. Зараженное радионуклидами молоко достаточно вскипятить, чтобы обезвредить. Кто так считает? (вопрос залу) – Вот вы умнее, чем большинство, потому что большинство ответили, что да* [43].

Стратегии риторического типа в репертуаре применяются чуть более активно. Стратегия привлечения внимания занимает от 6,7% до 11,8%, что свидетельствует о умеренном использовании. Наиболее часто используемыми риторическими средствами здесь предстают риторические вопросы, особенно вопросно-ответный ход речи, который в основном и формирует эту стратегию.

· *Надо сказать, что в нашей стране, на Руси, все это тоже было естественно, а как иначе?* [44];

· *И сегодня я почему сказал, что мне не потребуется манекен? Именно по той причине, что я буду рассказывать...* [36];

· *И чаще всего мы о чём говорим? О некой волшебной таблетке* [42];

· *Тут важно что? Чтобы сыр не подорожал в холодильнике, а уже изначально был таким* [40];

· *Что имеется ввиду? Ну, например, какая у него скорость работы ферментов* [42].

В ходе анализа медиатекстов Водовозова не обнаружены коммуникативные ходы стратегии драматизации, что предположительно соответствует его простому стилю изложения, ориентированному на доступность, непринужденность и юмористическую манеру. Популяризатор избегает чрезмерных эмоциональных проявлений, легко и спокойно рассуждая даже о сложных темах, таких как смерть, что, возможно, связано с его врачебным опытом.

· *То есть, если мы будем смотреть основные причины смерти в мире, то там инфаркты,*

инсульты будут прям вот везде [42];

· И опять же, по всем законам физики, тепло уйдет туда, человек остынет, общее переохлаждение и летальный исход [36];

· То есть, они хорошо убивают грибы, но и с нами справляются тоже прекрасно [40];

· И чтобы спасти ее бессмертную душу, иногда нужно просто сжечь. Ну, на всякий случай, да, что называется [44].

Полученные результаты представляют особый интерес при сравнении стратегического репертуара популяризатора в различных форматах медиатекстов. В формате интервью наблюдается значительное увеличение когнитивной стратегии подчинения, которая достигает 48,6%. Отметим, что этот рост обусловлен скорее перераспределением акцентов в его стратегическом арсенале, а не усилением убеждающих ходов, где на фоне послабления других стратегий стратегия подчинения становится более заметной. В контексте интервью ясно видно снижение контроля над темой: поскольку роль сценариста медиатекста переходит к ведущему, контроль темы у Водовозова уменьшается до 2,1%. Однако при этом немного возрастает контроль над инициативой, достигая 8,9%, что связано с использованием тактики удержания инициативы для завершения своих реплик уже после хода ведущего.

· Но промышленность очень быстро просекла, что не нужно подделывать там или подтягивать исходные исследования. Давайте мы сразу будем ломать метаанализы ... /Ведущий: правильные метаанализы.../ ... и как раз вот за что мы любим Иоанниниса допандемийного. Как раз за то, что он показал, как ломаются метаанализы [41];

· /Ведущий: хорошая задача для Всемирной организации здравоохранения – попробовать всем договориться/ ... получается плохо ... /Ведущий: сколько человечество есть, пока не.../ ... получается плохо [42].

Стратегии формирования эмоционального настроения и привлечения внимания немного снижаются, достигая соответственно 22,2% и 8,7%. Важно подчеркнуть, что в формате интервью стратегия самопрезентации занимает уже второе место – её доля варьируется от 21,7% до 33,6%. Это можно связать с тем, что такой формат предполагает раскрытие личности автора и его опыта, что способствует проявлению когнитивной категории «Свой круг», при которой автор предоставляет больше информации о себе.

· Я понимаю, что в медицинской практике они появляются не так быстро, но все равно нужно учитывать [41];

· Я думаю, это лишняя информация для пациента на самом деле, то есть достаточно просто найти своего врача [41];

· Я не помню, чтобы мне это как-то сильно мешало. Но, опять же, мой личный пример [43];

· Я скорее буду оценивать и внешний вид, и всё остальное, и, наверное, приму решение, что да, её можно погладить [44].

В одиночных медиатекстах наблюдается усиление всех ранее выявленных общих тенденций стратегического репертуара. В них наиболее доминирующей становится когнитивная стратегия подчинения, основанная на убеждении через обращение к

разуму, её доля составляет теперь от 41,7% до 52,2%. Второе место занимает стратегия контроля темы – от 21,7% до 27,1%, поскольку Водовозов вновь берет управление сценарием медиатекста. Стратегии формирования эмоционального настроения (от 15,2% до 16,7%) и привлечения внимания (от 10,9% до 14,6%) приходят в сбалансированное состояние. Обратим внимание на то, что в одиночных медиатекстах автора заметна большая информационная насыщенность и меньшая экспрессивность, что проявляется в достаточно сдержанном репертуаре.

Заключение

Стратегический репертуар А. В. Водовозова можно сформулировать как ориентированный на рациональное и неконфликтное взаимодействие с аудиторией, адаптированное в зависимости от коммуникативной ситуации. По результатам сопоставительного анализа видно, что именно в лекционном формате стратегический репертуар популяризатора раскрывается в полной мере, демонстрируя акцент на стратегиях подчинения и формирования эмоционального настроения при запланированном контроле над темой.

К характерным чертам языковой личности автора можно отнести полное отсутствие стратегий драматизации и дискредитации. Однако, если первое является необязательным элементом, применение которого зависит от авторского идиостиля, то отсутствие второго представляется достаточно самобытной практикой неконфликтной конфронтации для популяризатора, который находится в состоянии «борьбы» с мифами и заблуждениями. В рамках ситуации интервью происходит перераспределение стратегий: снижается контроль над темой и активность в привлечении внимания, однако возрастает роль самопрезентации и субъективного раскрытия личности популяризатора. В одиночных медиатекстах наблюдается усиление когнитивной стратегии подчинения и диалоговой стратегии контроля над темой, что влечёт увеличение информационной насыщенности при сдержанной экспрессивности и подчеркивает склонность автора к более структурированному и содержательному стилю.

Таким образом, А. В. Водовозов демонстрирует гибкость и целенаправленность в использовании коммуникативных стратегий, выстраивая коммуникацию в соответствии с требованиями конкретной ситуации, что свидетельствует о его профессиональной компетентности и ориентированности на эффективное донесение научных идей.

Библиография

1. Савельев А.С. Научно-популярный дискурс в современной интернет-коммуникации: к постановке проблемы // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6(45). С. 702-705. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).702-705. EDN: TARUWA.
2. Волкова Е.В. Коммуникативное поведение профессиональной языковой личности врача в медиадискурсе (на материале телевизионных программ о здоровье) // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 369-392. DOI: 10.21638/spbu22.2022.405. EDN: PPGIUV.
3. Камнева Н.А. Особенности стиля речевого воздействия в стоматологии // Тамбовский медицинский журнал. 2022. Т. 4. № 4. С. 22-27. DOI: 10.20310/2782-5019-2022-4-4-22-27.
4. Адхамова А.А., Самусенко К.В. Речевые стратегии специалиста в области медицины как составляющие профессионально-ориентированной коммуникации // Профессиональная ориентация. 2025. № 1. С. 20-24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80331534_58023660.pdf (дата обращения

15.09.2025).

5. Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии самоидентификации профессионала медицинской сферы в социальной сети // Гуманитарная информатика. 2019. № 16. С. 13-21. DOI: 10.17223/23046082/16/2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp-id=44039632> (дата обращения 15.09.2025).

6. Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Профессиональный имидж медицинских и фармацевтических работников в медиатекстах // Гуманитарные исследования. 2018. № 2(19). С. 50-53. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18020309_94031350.pdf (дата обращения 15.09.2025).

7. Полянская И.Л., Цветкова А.Б. Роль имиджевой коммуникации в формировании образа медицинского учреждения // Практический маркетинг. 2012. № 11 (189). С. 40-46. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18042575_22083260.pdf (дата обращения 15.09.2025).

8. Жура В.В. Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. 2007. № 3. С. 59-61. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18020309_32203042.pdf (дата обращения 11.10.2025).

9. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ершова В.Е. Коммуникативные стратегии продвижения профессионального имиджа врача в социальных медиа (на материале Facebook) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 73-82. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41436609_22764413.pdf (дата обращения 11.10.2025).

10. Петросян М.М. Основные коммуникативные стратегии и тактики медицинского медиадискурса (на материале русского и армянского языков) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. № 6(2). С. 62-81. DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-2-62-81.

11. Чернова О.Е. Коммуникативные стратегии и тактики в газетных публикациях о здоровье // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. Т. 7, № 2. С. 42-48. DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-2-42-48.

12. Cappola R.A., Cohen S.K. Strategies to Improve Medical Communication / R.A. Cappola, S.K. Cohen // JAMA. 2023. № 1. P. 70-71. DOI: 10.1001/jama.2023.23430.

13. Chen W., Chung O.K., Molassiotis A. End-of-life communication strategies for healthcare professionals: A scoping review / W. Chen, J. Chung, A. Molassiotis // Palliative Medicine. 2022. № 37(1). P. 61-74. DOI: 10.1177/02692163221133670.

14. Sharkiya S. Quality communication can improve patient-centred health outcomes among older patients: a rapid review / S. Sharkiya // BMC Health Services Research. 2023. № 886. DOI: 10.1186/s12913-023-09869-8.

15. Musayeva S., Usmanov F. Ways to expand network marketing and e-commerce in the wholesale of medicines / S. Musayeva, F. Usmanov // International Journal of Research in Commerce, IT, Engineering, and Social Sciences. 2022. № 16(66). P. 113-116. DOI: 10.5281/zenodo.7837952.

16. Cham T., Lim Y., Sigala M. Marketing and social influences, hospital branding, and medical tourists' behavioural intention: Before-and after-service consumption perspective / T. Cham, Y. Lim, M. Sigala // Tourism Research. 2022. № 24(1). P. 140-151. DOI: 10.1002/jtr.2489.

17. Thapliyal K., Thapliyal M., Thapliyal Musayeva D. Social Media and Health Communication: A Review of Advantages, Challenges, and Best Practices / K. Thapliyal, M. Thapliyal, D. Thapliyal // Emerging Technologies for Health Literacy and Medical Practice. 2024. P. 364-384. DOI: 10.4018/979-8-3693-1214-8.ch017.

18. Jeyaraman M., Ramasubramanian S., Kumar S., Jeyaraman N., Selvaraj P., Nallakumarasamy A., Bondili S., Yadav S. Multifaceted Role of Social Media in Healthcare: Opportunities, Challenges, and the Need for Quality Control / M. Jeyaraman, S. Ramasubramanian, S. Kumar, N. Jeyaraman, P. Selvaraj, A. Nallakumarasamy, S.K. Bondili, S. Yadav // *Cureus*. 2023. № 15(5). DOI: 10.7759/cureus.39111. EDN: JFRPPC.
19. Kisa S., Kisa A. Comprehensive Analysis of COVID-19 Misinformation, Public Health Impacts, and Communication Strategies: Scoping Review / S. Kisa, A. Kisa // *Journal of Medical Internet Research*. 2024. № 26. DOI: 10.2196/56931.
20. Kalocsanyiova E., Essex R., Fortune V. Inequalities in Covid-19 Messaging: A Systematic Scoping Review / E. Kalocsanyiova, R. Essex, V. Fortune // *Health Communication*. 2023. № 38(12). P. 2549–2558. DOI: 10.1080/10410236.2022.2088022.
21. Pöyry E., Reinikainen H., Luoma-Aho V. The Role of Social Media Influencers in Public Health Communication: Case COVID-19 Pandemic / E. Pöyry, H. Reinikainen, V. Luoma-Aho // *Strategic Communication and the Global Pandemic*. 2022. № 16(3). P. 469-484. DOI: 10.1080/1553118X.2022.2042694.
22. Арсеньева Т.Е. Реализация тактики коммуникативного равенства в просветительском радиодискурсе (на материале программы "говорим по-русски") // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 5(42). С. 293-296. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20679149_88135812.pdf (дата обращения 11.10.2025).
23. Витязева Ю.А. Коммуникативная стратегия "Привлечение и удержание внимания" в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 403. С. 5-9. DOI: 10.17223/15617793/403/1.
24. Воронцова Т.А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение*. 2013. Вып. 86. № 37(328). С. 26-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21194234_15361001.pdf (дата обращения 11.10.2025).
25. Покотыло М.В. Коммуникативные стратегии в научном дискурсе: функционально-прагматический потенциал и специфика реализации // *Гуманитарные и социальные науки*. 2017. № 2. С. 167-173. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-61-2-107-112.
26. Прокофьева Н.А. Возражение в новостном освещении достижений науки и техники страны: контексты, технологии и языковые техники // *Предъявление научного знания в диалоге медиа*. 2023. С. 85-92. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59690419_87649667.pdf (дата обращения 15.10.2025).
27. Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Тактики возражения в научно-популярном медицинском блоге // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2023. № 3(49). С. 94-105. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_55827459_76813027.pdf (дата обращения 15.10.2025). DOI: 10.47475/2070-0695-2023-49-3-94-105.
28. Сухая Е.В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // *Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы*. 2012. Ч. 2. Вып. 6(639). С. 212-219. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17876825_81029031.pdf (дата обращения 15.09.2025).
29. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 9-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2024.
30. Савельев А.С. Стратегии и тактики медицинского медиадискурса (на материале стоматологических видеоблогов) // *Коммуникативные исследования*. 2025. Т. 12. № 2. С. 294-309. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).294-309.

31. Водовозов А. Врач, коллекционер медицинского шарлатанства. URL: <https://web.archive.org/web/20170203075913/http://brights-russia.org/lyudi-sajdbar/alexey-vodovozov.html> (дата обращения: 01.05.2024).
32. Водовозов А. URL: <https://www.youtube.com/@AlekseyVodovozov> (дата обращения: 01.05.2024).
33. Водовозов А. Медицина будущего 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=JftIjErjVcU> (дата обращения: 01.05.2024).
34. Страшный зверь радиация (2023). URL: <https://www.youtube.com/watch-v=hjvYVzBgbgw> (дата обращения: 01.05.2024).
35. История истерии. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=Od41uAGamUE> (дата обращения: 01.05.2024).
36. Ошибки первой помощи | Дубна. URL: https://www.youtube.com/watch-v=NRF_aoHL3Og (дата обращения: 01.05.2024).
37. Фактчекинг | Как не сойти с ума от (научных) новостей. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=9mZtpBt3ObA> (дата обращения: 02.05.2024).
38. А когда на море качка | Лекция про укачивание. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=p1bsNEN3X6g&t=283s> (дата обращения: 02.05.2024).
39. Чай или кофе – что полезнее. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=H0LsYOMPILI> (дата обращения: 02.05.2024).
40. Гриб всемогущий – лекция в СПб. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=0QWQoRqjHAM> (дата обращения: 02.05.2024).
41. Доказательная медицина | Интервью для канала "Байесятина". URL: <https://www.youtube.com/watch-v=S3ISpburbD4> (дата обращения: 02.05.2024).
42. Public Talk – Алексей Водовозов – Саратов – радио. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=Z0hCSig06qM> (дата обращения: 03.05.2024).
43. Польза и вред чая | Интервью. URL: https://www.youtube.com/watch-v=67DsI_Uop38 (дата обращения: 02.05.2024).
44. Как отдохнуть на природе и остаться в живых – радио. URL: https://www.youtube.com/watch-v=RGEs_cIsc6o (дата обращения: 02.05.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Коммуникативные стратегии популяризации медицинских знаний в формате видеоблога» представляет собой оригинальное и методологически выверенное исследование в русле современной медиалингвистики, объединяющее лингвистический, коммуникативный и социокультурный подходы к анализу научно-популярного дискурса в цифровой среде. Автор рассматривает видеоблог как особую форму массовой коммуникации, в которой формируются новые типы речевого поведения, стратегий убеждения и самопрезентации. Предметом исследования являются коммуникативные стратегии популяризатора медицинских знаний, а в качестве материала выступают видеотексты известного российского блогера и врача-популяризатора А. В. Водовозова. Такая постановка проблемы оправдана: медицинский медиадискурс сегодня играет важную роль в формировании научной грамотности общества, что делает изучение механизмов его функционирования актуальной задачей. Методология исследования отличается чёткостью и репрезентативностью. Автор

применяет комплексный подход, сочетающий методы выборочного мониторинга, аспектного дискурс-анализа и персонального лингвистического портретирования. Последний метод особенно уместен, поскольку позволяет реконструировать индивидуальный стратегический репертуар конкретного популяризатора. Методологическая основа выстроена на концепции коммуникативных стратегий и тактик О. С. Иссерс, что придаёт работе прочный теоретический каркас. При этом автор не ограничивается механическим применением готовой типологии, но адаптирует её под задачи медиадискурсивного анализа, добавляя тактики и коммуникативные ходы, не представленные в базовой модели. В исследовании использованы как количественные, так и качественные методы: коммуникативные ходы подсчитываются, классифицируются и интерпретируются, что обеспечивает научную достоверность и воспроизводимость результатов.

Актуальность работы не вызывает сомнений. В эпоху цифровизации медицина становится предметом общественного обсуждения, а видеоблогинг — одним из важнейших каналов трансляции научных знаний и формирования отношения к науке. Тем самым исследование отвечает потребности современной науки в осмыслении речевых и этических аспектов научной коммуникации в цифровой среде. Актуальность также подчёркивается принадлежностью статьи к грантовому проекту РНФ, что свидетельствует о её значимости для отечественных лингвистических и междисциплинарных исследований.

Научная новизна работы заключается в системном описании стратегического репертуара медицинского популяризатора, действующего в формате видеоблога, и в выявлении специфики реализации коммуникативных стратегий в разных типах медиатекстов — лекциях, интервью и индивидуальных видеороликах. Особенно ценно наблюдение о полном отсутствии стратегий дискредитации и драматизации у А. В. Водовозова, что интерпретируется как проявление «неконфликтной конфронтации» — новой для российского научно-популярного медиадискурса практики. Интересен и вывод о динамической перестройке стратегий в зависимости от коммуникативной ситуации: при лекционном формате преобладает когнитивная стратегия подчинения и контроль темы, тогда как в интервью усиливается самопрезентация и личностное раскрытие.

Статья написана в академически выдержанном стиле, демонстрирует логичную структуру и высокий уровень аналитической культуры. Текст выстроен последовательно: введение и постановка проблемы плавно переходят к методам, материалу, результатам, обсуждению и заключению. Автор грамотно чередует теоретические рассуждения с примерами из корпуса видеотекстов, сопровождая их точными ссылками на источники и конкретные цитаты. Особого внимания заслуживает тщательная работа с эмпирическим материалом — использование программы Speech2Text для транскрипции видео демонстрирует высокий уровень исследовательской дисциплины. Таблицы 2 и 3 наглядно отражают количественные результаты, что усиливает доказательность выводов. В некоторых местах, однако, статистические данные могли бы сопровождаться более детальными комментариями относительно возможной погрешности и распределения выборки по жанрам.

Библиография насчитывает более 40 источников, включает новейшие отечественные и зарубежные публикации 2022–2025 годов, что свидетельствует о глубокой проработке проблемы и знании актуального исследовательского поля. Корректно оформлены ссылки на интернет-ресурсы и DOI, присутствуют работы ведущих авторитетов по теме (Иссерс, Мишланова, Прокофьева и др.), а также свежие зарубежные исследования по медицинскому маркетингу и коммуникации.

Апелляция к оппонентам в тексте носит косвенный характер, но прослеживается: автор корректно соотносит свои наблюдения с предшествующими исследованиями, показывая,

что его работа восполняет выявленный пробел — отсутствие комплексного анализа коммуникативных стратегий именно в формате видеоблога. При этом полемика выдержана в академических рамках и не носит конфликтного оттенка, что полностью соответствует тематике статьи, где неконфликтность выступает не только предметом анализа, но и исследовательским принципом.

Выводы логично вытекают из анализа и подтверждаются эмпирическими данными. Автору удалось представить убедительный образ современного популяризатора медицинских знаний, чья стратегия строится на доверии, юморе, рациональности и этической корректности. Работа обладает высоким теоретическим и прикладным потенциалом: её результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях медицинского дискурса, медиалингвистики, а также в практике подготовки специалистов по научной коммуникации. Статья представляет интерес для лингвистов, медиаспециалистов, врачей-популяризаторов и исследователей цифровых медиа.

Подводя итоги отметим, что статья отличается завершённостью, методологической строгостью и ясностью изложения. Работа заслуживает высокой оценки и, безусловно, представляет ценность для научного сообщества. Полагаем, что ее можно принять к публикации без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэн Ч. О композиции и литературном значении книги Иакинфа (Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76734
EDN: DULMIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76734

О композиции и литературном значении книги Иакинфа (Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»

Чэн Чэнбянь

аспирант; кафедра истории русской литературы ; МГУ-ППИ в Шэньчжэнь/ Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

518000, Китай, Гуандун, г. Шэньчжэнь, улица Гоцзидасюэюань, дом 1

✉ 865657038@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76734

EDN:

DULMIY

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2025

Дата публикации:

13-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу книги архимандрита Иакинфа (Н. Я. Бичурина) «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» (СПб., 1840) – одного из первых в России систематических трудов о китайской цивилизации. Цель исследования – выявить структуру и концептуальные принципы сочинения, определить его место в формировании русской синологии и в осмыслении образа Китая в литературной культуре первой половины XIX века. В статье труд Иакинфа рассматривается как энциклопедический свод знаний, объединяющий лингвистические, этнографические, исторические и философские наблюдения в целостную картину «рационально организованного Востока». Особое внимание уделяется тому, как в книге формируется модель научного описания Китая, создаваемая с опорой на представление о языке как форме мышления

и о знании как основе цивилизации. Методологическую основу исследования составляют текстологический, структурно-композиционный и культурно-исторический методы, направленные на выявление принципов построения книги Иакинфа и анализа её литературных особенностей в контексте русской словесности первой половины XIX века. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу книги архимандрита Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» – как научного труда и одновременно литературного произведения. Автор рассматривает сочинение не только как ранний образец русской синологии, но и как текст, обладающий самостоятельной художественной ценностью. Показано, что композиция книги подчинена принципу поступательного перехода от лингвистических и этнографических наблюдений к философскому осмыслению китайской цивилизации. Такая структура отражает движение от систематизации знаний к их эстетическому и культурному осмыслению. Язык и стиль сочинения сочетают элементы научного дискурса и просветительской прозы, формируя особый тип повествования на грани между наукой и литературой. Литературное значение труда заключается в том, что через рациональное описание Китая создаётся образ «упорядоченного Востока», воплощающий интеллектуальные поиски русской культуры XIX века и становление её гуманитарной рефлексии.

Ключевые слова:

Иакинф Бичурин, образ Китая, культурная рецепция, язык и мышление, композиция, литературное значение, русская синология, востоковедение, просветительский дискурс, научное описание Востока

Архимандрит Иакинф (Бичурин) (в миру Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853) возглавлял русскую православную миссию в Китае с 1807 г. до 1821 г. Все эти 14 лет он проживал в Пекине, в Россию вернулся в 1822 г. (сводку биографических сведений о нем см.: [4 1992]). Впоследствии он опубликовал более 60 работ о Китае, в том числе целый ряд объемных книг, посвященных разным аспектам истории, культуры, государственного устройства и повседневной жизни Китая (см. библиографию его трудов: [7]). Среди прочего он перевел «Троесловие» – важнейшее китайское учебное пособие, составленное в XIII веке и с тех пор постоянно применяющееся в начальном образовании в Китае (первое издание: «Сань-цзы-цзин, или Троесловие с литографированным китайским текстом», 1829), и написал «Китайскую грамматику» (1838), оказавшуюся первой созданной на русском языке оригинальной грамматикой китайского языка, и, в частности, по этой причине считается основоположником российского китаеведения.

С деятельностью Иакинфа (Бичурина) после его возвращения в Россию связано возрастание интереса к Китаю среди русских литераторов пушкинского времени. К концу 1820-х годов он поселился в Санкт-Петербурге и получил должность в Министерстве иностранных дел. С этого времени он стал входить литературные круги столицы, где довольно скоро стал достаточно заметной фигурой. М. П. Алексеев так пишет об этом периоде жизни Иакинфа: «Вскоре он стал появляться в высшем свете Петербурга в своем оригинальном полумонашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью и незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. Его заметили здесь и оказали ему покровительство и поддержку...» [1, с. 334]. Именно в это время Иакинф начинает печататься в журналах «Московский вестник» и «Московский

телеграф», выходят его первые книги, получающие положительные отклики как в этих, так и в других журналах, и постепенно он получает общее признание в качестве наиболее авторитетного в России знатока Китая и всего, что с ним связано (об отношениях Иакинфа с некоторыми писателями-современниками см. [\[3\]](#)).

Книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», впервые изданная в 1840 г. (и впоследствии много раз переиздававшаяся), – своеобразный итог китаеведческих исследований Иакинфа за 18 лет, прошедших после его возвращения в Россию. Это одно из первых серьёзных исследований о Китае, написанных на русском языке. Книга представляет собой систематическое описание китайского государства того времени. Она написана достаточно простым языком, понятным для рядовых читателей, и при этом точна в фактах и в изображении общей картины жизни Китая (особенностям ее языка и стиля специально посвящена одна диссертация, защищенная в 2019 г.: [\[10\]](#)). Эта книга не утратила своего значения и по сей день и привлекает новых читателей (последнее переиздание состоялось в 2016 г., см.: [\[9\]](#)).

Структура труда Иакинфа «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» представляет собой тщательно выстроенную систему знания о Китае, где каждый раздел подчинён единому принципу научной последовательности. Книга построена как своего рода энциклопедия китайской цивилизации, объединяющая лингвистику, этнографию, историю, право, экономику и моральное учение.

Повествование организовано по логике восхождения от общего к частному, от формы к содержанию, от языка как выражения мышления — к социальным и нравственным проявлениям культуры. В первой части, посвящённой языку и письму, автор раскрывает символическую основу китайской цивилизации: письменность для него — это не просто средство общения, а форма философского самовыражения народа. Далее следуют статистические сведения, задающие каркас государства — административное деление, численность населения, систему управления, на фоне которых Бичурин разворачивает описание институтов образования и науки.

Раздел о просвещении логически связывает внешнюю структуру империи с её духовной организацией. Автор рассматривает школы, педагогические и астрономические учреждения, а также приказ учёных Хань-линь-юань, демонстрируя, что китайская культура строится на идее знания и дисциплины, а не на случайной традиции. Эта часть подготавливает переход к самому объёмному разделу — описанию общественной и частной жизни китайцев, где Бичурин исследует дворцовые церемонии, государственные ритуалы, семейные и народные обычаи, пищу, одежду и формы учтивости. Таким образом, знание и повседневность образуют у него единое пространство культуры.

В последующих главах – «Меры народного продовольствия», «Уголовное законодательство», «Шаманство» – автор возвращается к аналитическому описанию экономических, правовых и религиозных механизмов общества. В этом прослеживается циклическая структура текста: движение от теоретического уровня — через социальную практику — к нравственно-философскому обобщению.

Особое место занимает глава «Китайская газета», расположенная ближе к концу книги. Включение этого раздела не случайно: она символически завершает круг описания, показывая, как знание и власть соединяются в информационной системе государства. Через описание Цзинь-бао («Столичного вестника») Бичурин представляет китайское государство как бюрократический организм, где печатное слово является прежде всего инструментом управления и исторической памяти.

Заключительные главы — «Нравы» и «Система миробытия» — служат философским синтезом сказанного во всех предыдущих главах книги: эмпирические наблюдения здесь переводятся в сферу морально-антропологического осмысления.

Таким образом, последовательность частей (глав) книги имеет концептуальное значение: Иакинф выстраивает свою книгу по логике движения мысли от формы (язык, государственная система) – к духу (мораль, мировоззрение). В результате Иакинфу удалось создать первый в русской науке и литературе целостный образ Китая как рационально организованной цивилизации.

Особенности методологии Иакинфа как учёного китаиста и его творческой манеры как русского писателя можно увидеть, разбирая некоторые отдельные главы его книги, где научная точность соединяется с личным восприятием автора.

Это прежде всего раздел «О китайском языке и письме», которым открывается книга Иакинфа и задаёт методологический тон всему сочинению. Язык для Иакинфа не просто средство выражения мысли, а форма организации самого мышления. О китайском языке он пишет так: «Китайский язык совершенно отличается от всех известных — и древних, и новейших — языков и отличается поразительной особенностью в том, что в нём нет ни словообразования от корней, ни изменения слов по окончаниям» [\[6, с. 1\]](#). По всей видимости, китайский язык представляется автору как уникальный феномен «естественной логики», где грамматические отношения заменяются смысловыми связями.

В этом же разделе Иакинф вводит понятие «умственное изменение», обозначая им особую способность китайского языка выражать отношения между предметами и действиями не при помощи окончаний, а посредством внутреннего смыслового различия: «умственное изменение <...> оттеняет в нём качества, действие, состояние, взаимное отношение предметов и связь суждений» [\[6, с. 2\]](#). Эта мысль предвосхищает позднейшие наблюдения филологов XIX века и показывает стремление автора к рациональному объяснению структуры китайского языка.

Не менее оригинально рассуждение Бичурина о письменности как идеографической системе. Он утверждает: «Письмо китайское есть идеографическое <...> место букв занимают условные знаки, которые сами собою представляют или предмет, или понятие» [\[6, с. 2\]](#). Автор сравнивает китайские иероглифы с мимическим языком глухонемых, подчёркивая универсальность знаков, способных служить средством общения для людей, не понимающих устной речи друг друга: «Жители разных стран, если знают китайское письмо, свободно могут разговаривать между собою» [\[6, с. 2\]](#).

Эти наблюдения напрямую связаны с переводческой практикой Иакинфы. В упомянутом в начале нашей статьи переводе «Троесловия» (1829) он применяет тот же принцип «умственного соответствия» – избегает буквальной передачи грамматических форм, стремясь сохранить внутреннюю структуру китайской мысли. Его способ «смыслового перевода» раскрывает понимание языка как выражения философской системы. В предисловии к переводу Иакинф отмечал, что китайские тексты требуют «не перевода слов, а переложения понятий», что соответствует идее умственного изменения из рассматриваемой главы.

В книге «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» Иакинф также уделяет большое внимание фонетике, предлагая систему передачи китайских звуков русскими буквами. Он замечает, что в китайском языке «...число всех звуков не простирается

выше 446, и каждый из них заключает в себе множество различных понятий» [\[6, с. 3\]](#), и подробно классифицирует гортанные согласные — от «гкань» и «пхань» до «чжань», показывая, как тонические различия передают смысловые оттенки. Эти наблюдения легли в основу его «Китайской грамматики» (1833), где он впервые попытался унифицировать пекинское произношение для русской синологии.

Таким образом, глава «О китайском языке и письме» «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» представляет собой не только филологическое введение, но и философское обоснование всего труда. Поскольку язык для Иакинфа — ключ к пониманию китайского мышления и культуры, то и осуществленный в его книге 1840 г. анализ звуков, знаков и смыслов создаёт образ Китая как цивилизации, основанной на гармонии формы и идеи.

Одним из наиболее поразительных и содержательных разделов труда Иакинфа Бичурина является глава «Китайская газета», где автор описывает единственное на тот момент периодическое издание, существовавшее в Китае, — пекинскую газету «Цзинь-бао» («Столичный вестник»). В самом начале Иакинф отмечает: «В Китае известна одна только газета, которая в мою там бытность издавалась в Пекине под названием Цзинь-бао» [\[6, с. 329\]](#), тем самым подчёркивая её уникальность и государственный характер.

Примечательна одна деталь, на которую Иакинф обращает особое внимание своих читателей: это механизм публикации официальных документов в газете. По словам Иакинфа, в «Цзинь-бао» печатались тексты, прошедшие через сложную систему инстанций — Государственный кабинет (Нэй-гэ), Военный комитет (Цзюнь-цзи-чу), и лишь затем утверждённые императором. Из этих документов, по словам Иакинфа, «составляется история Китайской империи» [\[6, с. 329\]](#), поскольку Всем учреждениям предписывалось ежедневно посылать в Кабинет копии бумаг, исходящих от императора.

Обрисованный Иакинфом образ Китая как государства, в котором бюрократическая отчётность превращается в историческую хронику, был для русской аудитории совершенно новым и необычным. Иакинф обращает внимание на то обстоятельство, что газета публиковала и такие материалы, которые в Европе сочли бы государственной тайной: «В ней помещается почти всё, что в европейских кабинетах считается государственной тайной, даже переговоры с иностранными посланниками» [\[3, с. 331\]](#). Такое замечание придаёт тексту черты ранней политической публицистики и показывает, как автор осмысливает прозрачность китайской государственной информации как феномен «рационального Востока».

Не менее интересен бытовой штрих, отмечаемый Иакинфом: он подробно описывает способ распространения газеты. Она выходила «...ежедневно, письменная — в тетрадке из 8–12 листов, а печатная — на целом листе», причём подписку можно было оформить даже «на несколько дней», а «доставка с доставкой на дом не превышала 1½ лана серебром в месяц». В этой детали просматривается желание автора показать, что информационная культура Китая имела практическую, обыденную сторону и была доступна не только чиновникам, но и горожанам.

В IX разделе своей книги — «Пояснение ответов г. Крузенштерна на вопросы, предложенные ему г. Вирстом касательно Китая» [\[6, с. 332-377\]](#) — Иакинф перепечатал (с сокращениями) свою книжку, изданную ещё в 1827 г. под названием: «Ответы на вопросы, предложенные г. Вирстом г. Крузенштерну относительно Китая» (см.: [\[5\]](#)). Здесь Иакинф давал свои варианты ответов. Один из вопросов был такой: «Где и сколь

знатны ярмонки, торговые места и складки товаров? Из каких портов производится торговля с Япониею, Филиппинскими и Зондскими островами и берегом Индии?» В ответе Иакинфа на этот вопрос есть одно интересное замечание, касающееся города Гуанчжоу и провинции Гуандун. Речь идет об ошибке, которую иностранцы и даже некоторые китайцы иногда допускают даже сейчас: «Гуан-чжеу или Гуан-чжеу-фу есть настоящее имя городу, который у нас ошибочно называют Кантоном. Слово Кантон ошибочно произведено от слова Гуан-дун, а Гуан-дун есть название Губернии, в которой Гуан-чжеу-фу главный город» [\[5, с. 18\]](#) (перепечатывая «Ответы» в книге 1840 г., Иакинф снял этот текст, данный в книжке 1827 г. в сноске).

В целом можно отметить, что книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» содержит много интересных фактов о Китае первой половины XIX века, как и другие книги Иакинфа, а также содержит ряд оригинальных идей, концептуально значимых для осмысления специфики китайской цивилизации. Однако не все русские критики того времени сумели это по достоинству оценить. Так, например, В.Г. Белинский, рецензируя в 1844 году другую книгу Иакинфа («Китай в гражданском и нравственном отношении»; ее новейшее переиздание: [\[8\]](#)), утверждал, что описание Китая в книгах Иакинфа было не столько реалистичным, сколько идеализированным (см.: [\[2, с. 595-599\]](#)). В чем-то знаменитый критик, вероятно, был прав, но нужно отметить, что название книги Иакинфа в рецензии Белинского приведено с ошибкой: «...в нравственном отношении» вместо «...в нравственном состоянии», то есть можно предположить, что он и читал ее не слишком внимательно.

Возможно, книги Иакинфа действительно поспособствовали формированию несколько идеализированного образа Китая в коллективном воображении русского общества XIX века, но это, конечно, не умаляет их значения для становления китаистики в России. Какую роль такие книги Иакинфа, как рассмотренная нами книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», сыграли в истории русской литературы, то есть в художественных произведениях писателей XIX века, касающихся Китая, – как источники фактических сведений о Китае или некоторых концептуальных идей – это еще предстоит выяснить: в этом мы усматриваем главную перспективу начатого нами исследования.

Результаты настоящего исследования были получены при финансовой поддержке Правительства г. Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Библиография

1. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 314-350.
2. Белинский В. Г. "Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа" // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8: Статьи, рецензии и заметки. Сентябрь 1845 – март 1848. М.: Художественная литература, 1982. С. 595-599.
3. Белкин Д. И. Русские литераторы 20-х – 40-х гг. XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М.: Наука, 1984. С. 53-99.
4. Белкин Д. И. Бичурин Никита Яковлевич [в монашестве о. Иакинф, Иоакинф] //

- Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1 (А–Г). М., 1992. С. 270–272.
5. [Бичурин Н. Я.] Ответы на вопросы, предложенные г. Вирстом г. Крузенштерну относительно Китая. СПб.: Типография Императорского Воспитательного дома, 1827. 63 с.
6. [Бичурин Н. Я.] Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1840. VIII, 442 с.
7. Бичурин Н. Я. Китай. Его жители, нравы, обычаи, просвещение / [биогр. очерк, коммент. и примеч.: В. Яськов]. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
8. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / [Вступ. ст. А. Н. Хохлова; примеч. К. М. Тертицкого]. М.: Восточный дом, 2002. 432 с. (Серия "Классики отечественного и зарубежного востоковедения").
9. Малькевич Б. А. Материалы к библиографии трудов Н. Я. Бичурина // Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: [В 3 т.]. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 87–92.
10. Чэнь Пэйцзюнь. Стиль научных трудов Н. Я. Бичурина ("Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение"). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является актуальная на сегодняшний день проблема связи культур Китая и России в контексте их сравнения и сопоставления. Акцент в статье сделан на творчестве русского Архимандрита Иакинфа (Бичурина), который возглавлял русскую миссию в Китае и в первые попытался представить не только китайскую грамматику, но и осмыслить философию китайской культуры с позиции её самобытности.

Актуальность статьи заключается в том, что автор впервые рассматривает и анализирует с филологической точки зрения структуру и композицию книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», выделяя особенности не только содержания, формы, но и специфики самой китайской культуры.

Научная новизна данной работы заключается в том, что автор анализирует в данной статье последовательность частей (глав) книги и приходит к закономерному выводу, что данная книга имеет концептуальное значение., потому что Иакинф выстраивает свою книгу по логике движения мысли от формы (язык, государственная система) – к духу (мораль, мировоззрение). В результате, как отмечает автор, Иакинфу удалось создать первый в русской науке и литературе целостный образ Китая как рационально организованной цивилизации, которого ранее не было.

Стиль статьи выдержан в строго научной форме и носит описательный характер, выводы подтверждены примерами и логичны, утверждения автора иллюстрируются примерами из книги, умозаключения базируются на текстовом материале, что показывает глубокую проработку проблемы и высокое владение научным стилем речи. Структура логична и выстроена по принципу: тезис, подтверждение его фактическим материалом, промежуточные выводы, финальный вывод статьи полностью фокусирует в себе промежуточные выводы и умозаключения автора, является полным и не противоречит общей логике статьи.

Однако в качестве пожелания, в будущих исследованиях автору необходимо избегать оценочных суждений. Например, стр 5. «...В чем-то знаменитый критик, вероятно, был

прав, но нужно отметить, что название книги Иакинфа в рецензии Белинского приведено с ошибкой: «...в нравственном отношении» вместо «...в нравственном состоянии», то есть можно предположить, что он и читал ее не слишком внимательно...». Оценочных суждений следует стараться избегать в научных исследованиях, поэтому в качестве пожелания предлагаем автору статьи переформулировать данную мысль: «мы отчасти согласны с данным критиком в отношении идеализированного представления Китая архимандритом Бичуриным, однако название самой книги приведено в рецензии с ошибкой, следовательно мы можем предположить, что прочтение рецензента было беглым, без глубокого осмысления.

Содержание статьи не вызывает сомнения в своей фактической составляющей, однако статью следует дополнительно вычитать на предмет синтаксических построений.

Библиография статьи показывает глубокую проработку исследований литературоведов, посвященных творчеству Бичурина, выявляет также необходимость нового взгляда на его творчества с позиции современности, так как приведенные исследования датированы 80 -ми годами, поэтому авторское современное их переосмысление вызывает интерес и поднимает необходимость в свете развития русского-китайских отношений вновь вернуться к представлению Китая и его самобытности нашими соотечественниками. В качестве пожелания, было бы интересно не только историческое погружение и анализ самобытности культуры Китая, но и если бы автор исследования провел параллели с современностью и современными тенденциями.

Выводы статьи лаконичны, обоснованы.

В целом статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Максимова Н.В., Ситников А.К. Роль медиафрейминга в формировании политических нарративов и общественного мнения на материале англоязычных СМИ // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.75157 EDN: GJVVEX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75157

Роль медиафрейминга в формировании политических нарративов и общественного мнения на материале англоязычных СМИ

Максимова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра индоевропейских и восточных языков; Государственный университет просвещения

105005, Россия, г. Москва, Басманный р-н, ул. Радио, д. 10А стр. 2

✉ natalie.maximova@gmail.com

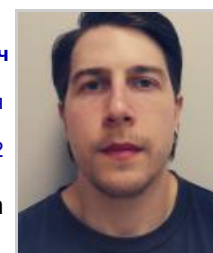

Ситников Андрей Константинович

бакалавр; кафедра индоевропейских и восточных языков; Государственный университет просвещения

105005, Россия, г. Москва, Басманный р-н, ул. Радио, д. 10А стр. 2

✉ woshiande2495@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.75157

EDN:

GJVVEX

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2025

Дата публикации:

17-11-2025

Аннотация: Современные средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в условиях высокой политической поляризации. Одним из основных инструментов медиавоздействия является фрейминг –

стратегия подачи информации через определенные смысловые рамки, которые задают интерпретацию событий. Предметом исследования являются типы фреймов и как они используются англоязычными СМИ, а именно изданием CNN, для создания политических нарративов. На материале двух публикаций CNN, посвященных протестным акциям против политики администрации Дональда Трампа и миграционному кризису, выявлены ключевые инструменты формирования фреймов и проанализирована их роль в создании политических нарративов. В исследовании показано, что медиатексты не просто информируют аудиторию, но и формируют ее мнение, задавая определенные рамки интерпретации событий. Дискурс-анализ послужил основным методом исследования. В статьях были выделены макро- и микроструктурные особенности. На микроуровне анализировались лексико-фразеологические средства, ключевые лексемы, коллокации, оценочные конструкции (например, наречия и атрибутивные словосочетания). На макроуровне в текстах исследуется структура и композиция в целом. Основным выводом исследования заключается в том, СМИ используют широкий инструментарий фреймов для создания политических нарративов и формирования общественного мнения. Выявленные фреймы были сопоставлены с типологией, предложенной Ш. Айенгаром, Х. А. Семетко, П. М. Валкенбургом, Д. Чонгом, Дж. Н. Дракменом и др. В статье CNN, посвященной протестным акциям, преобладают тематические, моральные и конфликтные фреймы, а также элементы эмфатического фреймирования, проявляющихся в акцентах на последствиях политических решений и эмоционально окрашенных формулировках. Такой подход способствует формированию нарратива о противостоянии между гражданским обществом и авторитарными тенденциями, что отражает характерную для CNN ценностную ориентацию. В статье CNN, посвященной миграционному кризису, выстраивается нарратив вокруг темы нарушения прав человека, злоупотребления властью и кризиса разделения властей. Здесь активируются эмфатический, моральный фреймы, а также фрейм человеческого интереса.

Ключевые слова:

фрейм, фрейминг, политический нарратив, медиадискурс, стратегия, общественное мнение, дискурс-анализ, микроуровень, макроуровень, лексико-фразеологические средства

Введение

Современные средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в условиях высокой политической поляризации. Одним из основных инструментов медиавоздействия является фрейминг — стратегия подачи информации через определенные смысловые рамки, которые задают интерпретацию событий. В англоязычных СМИ, представляющих разные идеологические позиции, одни и те же события могут освещаться диаметрально противоположным образом, что делает анализ фреймов актуальной исследовательской задачей.

Целью данной статьи является выявление и использование различных типов фреймов в англоязычных СМИ на материале публикаций CNN по двум темам, вызвавшим общественный резонанс в апреле 2025 года. Для достижения данной цели обобщим современные подходы к анализу медиафреймов; проведем подробный дискурс-анализ новостных статей из издания одной политической направленности для определения типов фреймов и их сопоставления с фреймами, выделяемыми в рамках существующих подходов; выявим, как посредством фрейминга формируются политические нарративы и

общественное мнение о протестных акциях, связанных с политическими инициативами администрации Дональда Трампа, а также о миграционной политике. Объектом исследования является политический дискурс англоязычных СМИ; предметом исследования – механизмы фрейминга в новостных статьях.

Материалы и методы

В качестве материала исследования были отобраны две статьи издания CNN [\[1\]](#), [\[2\]](#), посвященные протестным акциям против политики администрации Дональда Трампа и миграционному кризису. В соответствии с анализом компании «AllSides», которая занимается исследованиями предвзятости англоязычных СМИ, CNN является ярчайшим представителем либерального дискурса [\[3\]](#). Этим, в свою очередь, мотивирован выбор новостного издания для выявления стратегий фрейминга. А темы миграции и проводимых в рамках второго президентского срока Д. Трампа реформ являются главной точкой несогласия Демократической партии, выступающей в поддержку либеральных ценностей, и Республиканской партии, к которой принадлежит Д. Трамп.

Критический дискурс-анализ выступил ключевым инструментом для изучения идеологической нагрузки медиатекстов. В рамках данного метода был применен подход Т. ван Дейка, позволяющий выделить макро- и микроструктурные особенности текстов [\[4\]](#), [\[5\]](#). Для анализа на микроуровне были выбраны такие элементы текста, как лексико-фразеологические средства, ключевые лексемы, коллокации, оценочные конструкции (например, наречия и атрибутивные словосочетания).

На макроуровне работы с текстом исследуется структура и композиция текста в целом: как построены различные части статьи, как распределены акценты и какие микротемы появляются в рамках общей темы. Микротемы, в свою очередь, объединяются в более широкие концептуальные рамки, или макропропозиции, которые помогают анализировать, как журналисты и медиаорганизации управляют нарративами. Особое внимание уделяется выявлению скрытых или имплицитных смыслов, которые являются важным элементом формирования идеологических позиций.

Для полного анализа использования фреймов в медиатекстах были исследованы не только текстовые элементы, но и способы структурирования информации. Важным элементом является использование гипертекстовых ссылок, которые могут формировать дополнительный контекст и указывать на важные аспекты событий, не раскрытые напрямую в основном тексте. Также в исследовании анализируются цитаты политических экспертов, влияющие на восприятие события.

Результаты

Анализируя современные подходы к анализу медиафреймов можно выделить следующую типологию фреймов:

1. По уровню обобщения (эпизодические и тематические).
2. По содержанию (конфликтные, человеческий интерес, экономические последствия, мораль, ответственность).
3. По функции (эквивалентные и эмфатические).

Проведенный подробный дискурс-анализ двух статей издания CNN [\[1\]](#), [\[2\]](#), освещающих протестные акции и миграционный кризис позволил выявить специфику использования различных типов фреймов, отражающих редакционную политику и идеологическую направленность издания. В статьях CNN наблюдается преобладание тематических,

моральных и конфликтных фреймов, а также элементов эмфатического фреймирования, проявляющихся в акцентах на последствиях политических решений и эмоционально окрашенных формулировках. Такой подход способствует формированию нарратива о противостоянии между гражданским обществом и авторитарными тенденциями, что отражает характерную для CNN ценностную ориентацию.

В первой статье [\[1\]](#), CNN конструирует нарратив, в котором Трамп и Маск представлены как олигархическая элита, осуществляющая узурпацию власти и представляющая угрозу демократическим институтам и правам граждан.

Вторая анализируемая новостная статья [\[2\]](#) способствует созданию однозначного противопоставления: «власть — нарушитель закона, оппозиция — защитник прав». CNN выстраивает нарратив вокруг темы нарушения прав человека, злоупотребления властью и кризиса разделения властей. Ключевым инструментом фрейминга является использование образа уязвимого индивида, ставшего жертвой авторитарной исполнительной власти, игнорирующей судебные предписания. В статье активируются эмфатический, моральный фреймы, а также фрейм человеческого интереса.

В обеих статьях отсутствует фрейм экономических последствий. В статье о протестных акциях [\[1\]](#) нет эпизодического фрейма, тогда как он доминирует во второй статье о миграционном кризисе [\[2\]](#). Эквивалентный фрейм присутствует в статье о протестных акциях [\[1\]](#), и, наоборот, отсутствует в статье о миграционном кризисе [\[2\]](#).

Сопоставление выявленных фреймов с типологией, предложенной Ш. Айенгаром [\[6\]](#), Х. А. Семетко, П. М. Валкенбургом [\[7\]](#), Д. Чонгом, Дж. Н. Дракменом [\[8\]](#) и др., позволяет заключить, что современное англоязычное медиапространство сочетает элементы предложенных данными учеными типов фреймов.

Обсуждение

1. Современные подходы к анализу фреймов.

Развитие теории фреймов в лингвистике связано с работами американского исследователя Ч. Филлмора, который рассматривал фрейм как когнитивную структуру, организующую и систематизирующую человеческий опыт [\[9\]](#). Дальнейшую разработку концепции фрейминга осуществил Р. Энтман, предложивший современную интерпретацию данного понятия. Согласно его подходу, фрейминг представляет собой процесс селективного выделения определенных аспектов реальности для придания им салиентности с целью формирования конкретной трактовки события, включая определение проблемного поля; установление причинно-следственных связей; моральную оценку ситуации; выбор стратегии решения проблемы [\[10, с. 52\]](#). Согласно концепции Р. Энтмана, фрейм работает как инструмент избирательного акцентирования, искусственно повышающий значимость отдельных элементов информации [\[10, с. 52\]](#). Это когнитивное усиление способствует лучшему пониманию, дифференциации смыслов и их запоминанию реципиентами, что объясняет эффективность фрейминга как технологии медиавоздействия.

В последующем теорию фрейминга продолжили развивать. М. А. Самкова [\[11\]](#), опираясь на работы исследователей Ш. Айенгар [\[6\]](#), Х. А. Семетко, П. М. Валкенбург [\[7\]](#), П. Д'Анджело [\[12\]](#), Н. Ф. Пономарева [\[13\]](#) и других, выделяет два метода выделения

фреймов: индуктивный и дедуктивный [\[11\]](#).

Индуктивный подход предполагает движение от эмпирического материала к теоретическим обобщениям. Исследователь, используя данный метод, анализирует конкретные медиатексты, выявляя в них повторяющиеся паттерны, способы подачи информации и интерпретации событий. На этой основе формируются фреймы, которые не были заранее определены существующими теориями. Дедуктивный метод, напротив, основывается на применении уже разработанных теоретических моделей к анализу медиатекстов. Исследователь в таком случае использует готовые классификации фреймов. Важно отметить, что, согласно М. А. Самковой, оба метода не исключают, но дополняют друг друга [\[11\]](#).

Фреймы по уровню обобщения представляют собой важный аспект анализа медиадискурса, позволяющий оценить степень абстракции в подаче информации. Как отмечают исследователи, различие между эпизодическими и тематическими фреймами имеет принципиальное значение для понимания механизмов формирования общественного мнения. Эпизодический фрейм, фокусируясь на конкретных событиях и индивидуальных случаях, способствует фрагментарному восприятию реальности, что, может приводить к упрощенному пониманию сложных социальных проблем.

В противовес этому тематический фрейм предлагает системный анализ явлений, связывая отдельные события с более широкими социальными, экономическими или политическими процессами. Такой подход, как подчеркивает Н. Ф. Пономарев [\[13\]](#), характерен для аналитических материалов, где важное значение придается установлению причинно-следственных связей и привлечению экспертных оценок. Однако, как отмечают исследователи, в медиапространстве редко встречаются чистые типы фреймов — большинство материалов сочетают элементы как эпизодического, так и тематического подходов [\[11\]](#).

Типы фреймов по содержанию выступают своеобразными «линзами», через которые аудитория воспринимает и интерпретирует события. Конфликтный фрейм, доминирующий в политическом дискурсе, редуцирует сложные социальные процессы до бинарных оппозиций, что существенно упрощает общественное понимание многогранных проблем. Фрейм человеческого интереса выполняет важную функцию эмоционального вовлечения аудитории. В работе М. А. Самковой этот аспект ярко проявился в материалах о социальных проблемах [\[11\]](#). Акцент на личных историях конкретных людей создает мощный эмоциональный резонанс.

Экономический фрейм, напротив, смещает акцент на материальные аспекты, что особенно заметно в освещении таких тем, как бюджетная политика или инвестиционные проекты. Моральный фрейм играет особую роль в формировании оценочных суждений адресатов. Фрейм ответственности, в свою очередь, акцентирует вопрос распределения вины тех или иных политических акторов [\[11\]](#).

Типология фреймов по функции различает два вида: эквивалентные и эмфатические фреймы. Функциональное различие между данными фреймами заключается в их принципиально разных механизмах воздействия на реципиентов. Эквивалентные фреймы, описанные Д. Чонгом и Дж. Дракменом [\[8\]](#), представляют собой альтернативные версии описания одного и того же явления, которые при сохранении фактической точности способны кардинально менять его восприятие через применение различных лингвистических средств, например, «борцы за свободу» против «мятежников» [\[11\]](#).

Эмфатические фреймы, в отличие от эквивалентных, действуют по иному принципу: они не предлагают новых интерпретаций событию, но выборочно акцентируют определенные аспекты проблемы.

2. Дискурс-анализ статьи «Hands Off!» protesters across US rally against President Donald Trump and Elon Musk».

В лиде нашей первой статьи, посвященной протестным акциям ^[1], «Scores of people took part in protests against President Donald Trump and Elon Musk across all 50 states and globally on Saturday, organized by a pro-democracy movement in response to what they call a «hostile takeover» and attack on American rights and freedoms» раскрывается суть заголовка и формулируется центральная проблема. Здесь подается контекстуальная информация, а именно две противоборствующих стороны — администрации Дональда Трампа и протестующих против его политики.

В процессе фреймирования новости CNN ^[1] используются следующие языковые единицы для описания участников протестов: pro-democracy movement; civil rights organizations; women's rights groups; X-advocates; rallygoers; demonstrators, а их действия характеризуются как: protests were *largely peaceful*; traveled from across the country in a *show of force*. Против кого протестные акции были организованы маркируются как: economy-crashing dictator; authoritarians; billionaires, а их действия характеризуются как: takeover; power grab; attacks on our democracy; slashing of jobs; invasion of privacy; rampant corruption; the politics of Mussolini; never satisfied with the power; break the law. Интересен тот факт, что маркировка политических оппонентов протестующих подается строго в контексте цитат самих протестующих и сочувствующих им политиков, что является скрытым способом передачи идеологического сообщения адресату автором медиатекста.

В статье CNN ^[1] активно употребляются описательные структуры с наречиями (adverb + adjective; verb + adverb; adverb + verb), атрибутивные словосочетания (adjective + noun) и прилагательные в составе именного сказуемого, например: «The Trump administration has *frequently questioned* climate science and said it will roll back major climate policies»; «Although protests across the country were *largely peaceful*, in downtown Lafayette, Indiana, a man took a long gun out of his car and approached the crowd».

В процессе повествования в статье CNN ^[1] можно увидеть четко выстроенную оппозицию, которая является важной частью фрейминга: «working people/veterans/unions — billionaires». Таким образом, мы можем утверждать о наличии серии имплицитных пресуппозиций, которые активируют ментальную репрезентацию фрейма:

- «Богатые люди не могут действовать в интересах общества»;
- «Сокращение госрасходов — это «атака на права»;
- «Протестующие представляют «народ», а администрация — «коррупционную элиту».

Данный фрейм активизирует построение причинно-следственной связи: *Богатство дает доступ к власти* («billionaire power grab») → *Власть позволяет влиять на политику* («aggressively pushed policies») → *Влияние на политику приводит к авторитаризму* («attack on American rights», «insidious rise of authoritarianism») → *Авторитаризм угрожает демократии* («hostile takeover», «We the dictators»).

На уровне тематической организации данная статья структурирована по принципу перевернутой пирамиды, где основная информационная нагрузка приходится на первую часть текста и постепенно ослабевает по мере его развертывания. Начиная с середины текста он становится более аналитическим — в нем обнаруживается больше авторских оценочных формулировок, а также приводится контекст, который спровоцировал акции протеста.

Стоит выделить большое количество гипертекстовых ссылок, которые формируют социо-политический контекст освещаемого события и формируют единый нарратив создаваемый продемократическим обществом, частью которого является издание CNN. Мы выделили два типа гиперссылок: «рекламирующие» акции протеста (например, Ссылка на «Google Docs» с инструкцией по организации протестов); и статьи CNN, критикующие администрацию Трампа и Илона Маска (например, «Thousands of probationary employees fired as Trump administration directs agencies to carry out widespread layoffs»). Гиперссылки преимущественно направлены на укрепление морального фрейма: они ведут на правозащитные и активистские ресурсы, критически настроенные к действиям администрации Трампа, и встроены в контекст повествования. Это способствует созданию нарратива о легитимности протестного движения, представляемого как коллективная борьба за демократические ценности.

3. Дискурс-анализ статьи «How the deportation of a Salvadoran man has become a hinge point in US history».

Статья CNN ^[2] представляет собой образец материала с ярко выраженной оценочной направленностью. Несмотря на внешнюю принадлежность к новостному жанру, текст обладает четкой структурой аналитического эссе, в котором единичный случай, а именно депортация Сальвадора Абrego Гарсии, используется как отправная точка для обсуждения конфликта между исполнительной и судебной ветвями власти в США и обсуждению миграционной политики в целом. Дело Абrego Гарсии подается как «тест» для правовых и демократических институтов США. Отсюда следует, что статья выходит за рамки описания частного случая и претендует на формирование определенного политического нарратива.

Композиционно статья строится по следующей схеме:

Заголовок → Лид → Подробное изложение события → Авторский комментарий →
Расширение частной проблемы до уровня государственного устройства.

В тексте чередуются нейтральные описания и ярко выраженные авторские или экспертные оценки, часто идущие друг за другом без четкой маркировки, что стирает границу между фактами и субъективными интерпретациями происходящего.

Соответственно, в исследуемом тексте реализуются информативная и аргументативная функции, что выражено как через структуру повествования, так и через использование лингвистических приемов для легитимации позиции демократов и критики республиканцев.

Помимо этого, в тексте статьи CNN ^[2] нами был обнаружен высокий уровень идеологической модальности, выраженный на уровне лексики и фразеологии. Несмотря на отсутствие явно авторской позиции, подбор лексических средств свидетельствует о четкой идеологической установке.

Одним из наиболее заметных маркеров авторской модальности является использование

атрибутивного словосочетания «a lawless president», которым сенатор Крис Ван Холлен характеризует Дональда Трампа. Это словосочетание акцентирует образ главы государства как нарушителя закона, человека, противопоставленного правовой системе. Подобный лексический выбор способствует формированию фрейма правового нигилизма, приписываемого администрации.

Также нами были обнаружены фразеологические конструкции с негативной семантикой по отношению к исполнительной власти в целом: «defying a court order», «pushing and potentially exceeding the legal limits», «using the scourge of gang violence to bypass legal safeguards». Эти выражения описывают действия администрации как сознательное нарушение судебных норм, правовых процедур и разрушение демократических сдержек и противовесов под предлогом борьбы с преступностью. Как и в предыдущей статье CNN, посвященной протестам, здесь формируется центральная бинарная оппозиция «демократия против диктатуры».

В ряде случаев используются метафоры и эпитеты: «an acid test of the administration's approach», «a perilous moment in American history». Выражение «constitutional collision» функционирует как семантический маркер фрейма конфликта внутри политических институтов, в котором исполнительная власть вступает в прямое противоречие с судебной. Также в тексте встречаются конструкции, которые подчеркивают моральное превосходство оппозиции. Например, утверждение «if we give up on one person's rights, we threaten everybody's rights» акцентирует нарратив о правах человека, демонстрируя идею, что нарушение прав одного человека ставит под угрозу права всех, тем самым апеллируя к коллективной ответственности и солидарности, формируя тем самым моральный фрейм.

В отношении мигранта Абрего Гарсии используются утверждения, направленные на реабилитацию его образа: «deported because of an administrative error», «(The White House) failed to produce definitive evidence».

Сгруппировав семантическое содержание статьи, можно выделить следующие микротемы: дело Абрего Гарсии; конфликт между администрацией Трампа и судебной системой; описание действий администрации Трампа; реакция судебной системы и политиков-оппонентов на действия администрации; историко-правовой контекст использования «Alien Enemies Act». Далее на основе этих микротем нами были выделены следующие макропропозиции: частный случай депортации имеет символическое значение и отражает наличие политического кризиса в США; администрация Трампа нарушает принцип разделения властей, игнорируя решения судебной системы; власть использует образы угрозы (преступность, терроризм) как инструмент оправдания неправомерных действий; судебная власть, несмотря на политическое давление, пытается отстаивать конституционные нормы и верховенство права; дело Абрего Гарсии вписывается в более широкий историко-юридический контекст, где действия администрации воспринимаются как угроза демократическому устройству США.

Стоит отметить, что в статье CNN ^[2] наблюдается селективный выбор комментаторов, однозначно поддерживающих Абрего Гарсию и критикующих действия администрации Трампа. Также цитируются исключительно демократические политики. Широко представлены и позиции судей, высказавшихся в поддержку возвращения Гарсии в США. При этом отсутствуют какие-либо комментарии со стороны представителей администрации или независимых юридических экспертов, что указывает на одностороннюю представленность позиций, что является индикатором проявления авторской модальности.

Присутствующие в анализируемой статье гиперссылки усиливают основной нарратив статьи и обеспечивают тематическое и эмоциональное углубление ключевых линий конфликта: судебного, морального и политического.

Выводы

На основании проведенного микроуровневого анализа можно сделать вывод, что в статье CNN «Hands Off!» protesters across US rally against President Donald Trump and Elon Musk» [1] освещение протестов в США во многом строится на использовании оценочной лексики, которая формирует бинарную оппозицию участников событий: протестующие и их сторонники описываются в положительном ключе, тогда как администрация Трампа и Илон Маск получают негативные характеристики. На макроуровне CNN конструирует образ «борьбы с несправедливостью», делает акцент на системных проблемах и политической ответственности.

Анализ цитирования в статье показывает, что CNN сознательно ограничивается исключительно критическими высказываниями в адрес администрации Трампа, формируя односторонний нарратив. Этот подход создает эффект монолитности общественного мнения, полностью отвергающего политику действующей администрации. Гиперссылки преимущественно направлены на укрепление морального фрейма: они ведут на правозащитные и активистские ресурсы, критически настроенные к действиям администрации Трампа, и встроены в контекст повествования. Это способствует созданию нарратива о легитимности протестного движения, представляемого как коллективная борьба за демократические ценности.

На основании проведенного анализа мы можем заключить, что в статье CNN [1] представлено большое количество фреймов. Это связано с тем, что в данной статье проявляется большая степень идеологической модальности. В силу чего CNN использует фрейм морали, ответственности и человеческого интереса. Тематический фрейм проявляется в обсуждении системного кризиса власти.

По результатам микроуровневого анализа статьи «How the deportation of a Salvadoran man has become a hinge point in US history» [2], на основании использования оценочной лексики, можно заключить, что CNN однозначно занимает проиммиграционную позицию. На макроуровне анализ статьи установил, что CNN выстраивает причинно-следственные связи, направленные на раскрытие институциональных проблем и авторитарных тенденций в политике Трампа, акцентируя внимание на уязвимых группах и их праве на сопротивление. В статье встречаются только цитаты экспертов, находящихся в оппозиции в отношении миграционной политики Дональда Трампа, а гиперссылки выполняют не только функцию контекстуализации, но и выполняют функцию фрейминга.

Заключение

Исследование показало, что англоязычные СМИ, представленные публикациями CNN, используют широкий спектр фреймов для создания политических нарративов. Это свидетельствует о том, что медиатексты не просто информируют аудиторию, но и формируют ее мнение, задавая определенные рамки интерпретации событий.

С точки зрения научной и практической значимости работа применима для дальнейшей разработки инструментов критического анализа медиатекстов, что особенно актуально в условиях информационных войн и высокой политической поляризации. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших работах по медиалингвистике,

политической коммуникации и критическому дискурс-анализу.

Перспективы исследования связаны с расширением материала для анализа, применением количественных методов для оценки частотности языковых маркеров фрейминга с применением инструментов корпусной лингвистики, расширением типологизации фреймов, а также изучением восприятия медиафреймов аудиторией посредством опросов с большой выборкой респондентов.

Библиография

1. CNN. Hands-off protests: Trump, Musk, and the future of free speech. URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/05/us/hands-off-protests-trump-musk/index.html> (дата обращения: 10.04.2025).
2. CNN. Abrego-Garcia deportation: Trump and El Salvador's CECOT. URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/21/politics/abrego-garcia-deportation-trump-el-salvador-cecot> (дата обращения: 25.04.2025).
3. AllSides Media Bias Rating Methods. URL: <https://www.allsides.com/media-bias/media-bias-rating-methods> (дата обращения: 15.10.2025).
4. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и знание // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). Выпуск 18. С. 5-23. EDN: RPAWAP. .
5. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 344 с.
6. Iyengar, S. Is anyone responsible? How television frames political issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 206 p.
7. Semetko, H. A., Valkenburg, P. M. Framing European politics: A content analysis of press and television news // Journal of Communication. 2000. N 50 (2). P. 93-109. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x> (дата обращения: 09.05.2025).
8. Chong, D., Druckman, J. N. Framing Theory // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 103-126. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054> (дата обращения: 09.05.2025).
9. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 24-25.
10. Entman, R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51-58.
11. Самкова, М. А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_18 (дата обращения: 09.05.2025).
12. D'Angelo, P. Framing: Media Frames // The International Encyclopedia of Media Effects / P. Roessler, C. A. Hoffner, L. van Zoonen (eds.). New York: Wiley, 2017. P. 1-10.
13. Пономарев, Н. Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. N 3. С. 62-67. EDN: MSPVIP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Роль медиафрейминга в формировании политических нарративов и

общественного мнения на материале англоязычных СМИ" представляет собой исследование в области медиадискурса, в частности, теории фреймов.

В начале статьи автор приводит подробный обзор теории фреймов, демонстрируя глубокие познания темы фрейминга.

Далее автор последовательно анализирует две статьи, рассматривая их на макро- и микроуровне, выявляя структуру фреймов. Автор обнаруживает бинарные оппозиции в статье о мигрантах.

Автор также включает в статью частеречный анализ лингвистических структур, входящих в фреймы. При анализе статьи о мигрантах, автор приходит к следующим выводам, о том, что данный материал "способствует созданию однозначного противопоставления: «власть — нарушитель закона, оппозиция — защитник прав». CNN выстраивает нарратив вокруг темы нарушения прав человека, злоупотребления властью и кризиса разделения властей. Ключевым инструментом фрейминга является использование образа уязвимого индивида, ставшего жертвой авторитарной исполнительной власти, игнорирующей судебные предписания. Здесь активируются эмфатический, моральный фреймы, а также фрейм человеческого интереса".

При этом статья не имеет чёткого деления на разделы, такие как введение, основная часть с историей вопроса, результаты, обсуждение и выводы. Такой способ подачи материала затрудняет восприятие и не позволяет в полной мере оценить данные представленного автором анализа как объективные и достаточные.

Библиография содержит необходимое количество актуальных источников.

В заключении автор статьи делает следующий вывод: "Проведенный анализ освещения протестных акций и миграционного кризиса в публикациях CNN позволил выявить специфику использования различных типов фреймов, отражающих редакционную политику и идеологическую направленность издания. В статьях CNN наблюдается преобладание тематических, моральных и конфликтных фреймов, а также элементов эмфатического фреймирования, проявляющихся в акцентах на последствиях политических решений и эмоционально окрашенных формулировках. Такой подход способствует формированию нарратива о противостоянии между гражданским обществом и авторитарными тенденциями, что отражает характерную для CNN ценностную ориентацию".

Представленный вывод нельзя считать достоверным, так как не описана цель исследования. Вывод также носит слишком обобщенный характер, что не подкрепляется достаточным количеством проанализированного материала.

К сожалению, в статье есть ряд недостатков.

Так, отсутствует структура научной статьи, а именно её ключевые элементы: цель, задачи, предмет и объект исследования, методы исследования.

Автор упоминает методы, но недостаточно чётко определяет свой метод и не объясняет выбор метода.

Кроме того, выбор объема проанализированного материала представляется недостаточно аргументированным.

Таким образом, исследование на данном этапе не может быть рекомендовано к публикации в журнале "Филология: научные исследования" до устранения вышеописанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию роли медиафрейминга в формировании политических нарративов и общественного мнения на материале англоязычных СМИ. Отмечается, что «одним из основных инструментов медиавоздействия является фрейминг — стратегия подачи информации через определенные смысловые рамки, которые задают интерпретацию событий». Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что в средствах массовой информации «одни и те же события могут освещаться диаметрально противоположным образом, что делает анализ фреймов актуальной исследовательской задачей».

Теоретической основой работы явились труды по теории фрейминга, специфике медиафрейминга, типологии медиафреймов и др. Библиография составляет 13 источников, в том числе электронные ресурсы, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, находит отражение на страницах статьи. Однако автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания; сравнительно-сопоставительный и интертекстуальный анализы; методы критического дискурс-анализа, а также прагматический и когнитивный анализы. Материалом исследования послужили две статьи издания CNN («ярчайшего представителя либерального дискурса»), посвященные протестным акциям против политики администрации Дональда Трампа и миграционному кризису. В изучаемом медиадискурсе исследовались структура и композиция текста: как построены различные части статьи, как распределены акценты и какие микротемы появляются в рамках общей темы (макроуровень); лексико-фразеологические средства, ключевые лексемы, коллокации, оценочные конструкции (микроуровень).

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы. Рассмотрены теоретические аспекты фреймов в лингвистике, методы выделения фреймов, типология фреймов и т. д. Проведен подробный дискурсивный анализ статей, освещающих протестные акции и миграционный кризис, изучена специфика использования различных типов фреймов, отражающих редакционную политику и идеологическую направленность издания CNN. Сформулированы выводы о том, что в медиадискурсе используется широкий спектр фреймов (фрейм морали, ответственности и человеческого интереса и др.) для создания политических нарративов, что свидетельствует о том, что «медiateксты не просто информируют аудиторию, но и формируют ее мнение, задавая определенные рамки интерпретации событий».

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение медиадискурса и медиафрейминга, могут применяться в дальнейшей разработке инструментов критического анализа медиатекстов, а также в вузовских курсах по медиалингвистике, политической коммуникации и критическому дискурс-анализу.

Обозначены перспективы исследования, которые связаны с расширением анализируемого материала, применением количественных методов для оценки частотности языковых маркеров фрейминга с применением инструментов корпусной

лингвистики, расширением типологизации фреймов, а также изучением восприятия медиафреймов аудиторией посредством опросов с большой выборкой респондентов. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Новоспасская Н.В., Хаддад А.Д., Бубнова Н.А. Функциональный аспект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76824 EDN: EQCBEN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76824

Функциональный аспект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка

Новоспасская Наталья Викторовна

ORCID: 0000-0001-7599-0246

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ novospasskaya-nv@rudn.ru

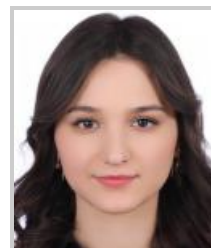
Хаддад Аида Джихадовна

ORCID: 0009-0009-5295-0802

ассистент, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
аспирант, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ khaddad-a@rudn.ru

Бубнова Наталья Александровна

ORCID: 0000-0002-8293-1399

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bubnova-na@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76824

EDN:

EQCBEN

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В предлагаемой статье описывается модель мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка нового типа. Разрабатываемый лексикографический ресурс, с одной стороны, наследует и актуализирует принципы российской диалектной лексикографии, а с другой – интегрирует современные цифровые технологии, расширяя возможности семантизации слов и представления информации. Объектом предложенного исследования являются функциональные особенности мультимедийного словаря, предметом исследования становятся принципы отбора лексических единиц, включенных в словник словаря, и определение категорий потенциальных пользователей мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка с учетом их потребностей. Целью данной работы является разработка концепции и практическая реализация мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка, интегрирующего в единую информационную систему текст, аудио- и видеоконтент. В исследовании применялись метод тематической классификации и систематизации языкового материала, который был выбран при организации лексических единиц в словаре, а также семантический и лингвокультурный анализ. Новизна исследования состоит в разработанной универсальной модели диалектного мультимедийного словаря арабского языка на материале сирийского диалекта. Исследование показало, что создание словаря нового типа служит новым этапом развития цифровой лингвистики, лексикографии в целом и инструментом фиксации и изучения диалектного разнообразия арабского языка. Создание подобных ресурсов способствует решению проблем современной лексикографии, связанных с вопросами обновляемости словарной статьи, представления пользователю более полной информации о лексическом составе диалекта, особенностях произношения и функционирования слов в нескольких контекстах. При этом передаются данные экстралингвистического характера за счет включения в словарь медиафайлов в виде аудио, видео материалов и иллюстраций. Являясь синхронным срезом информации, словарь предоставляет базу для будущих диахронических исследований.

Ключевые слова:

лексикография, словарная статья, арабский язык, диалектология, семантизация, сирийский диалект, мультимедийный словарь, семантический анализ, культурологический анализ, поликодовый текст

Исследование выполнено при поддержке НИР № 050225-0-000 "Мультимодальный словарь специальной лексики", выполняемую на базе кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН

Введение

Лингвистика на современном этапе развития характеризуется принадлежностью к цифровой гуманитаристике – «слиянию традиционных гуманитарных наук с информационными технологиями, включающему использование компьютерных методов

для исследования языковых данных, автоматического анализа языка, создания и анализа электронных лексико-семантических баз данных, применения новых подходов к лексикографической параметризации естественного языка» [1, с. 72]. Несмотря на то, что цифровые гуманитарные науки еще не определены в аспектах их границ, объектов, методов и ценностей [2, с. 6], уровень их развития позволяет в настоящее время расширить возможности лексикографической практики и создавать мультимедийные ресурсы, которые превосходят традиционные словари по объему, спектру решаемых задач и аттрактивности. Мультимедийный диалектный словарь сирийского диалекта арабского языка [3] предлагает блоки лингвистической и экстралингвистической информации, которые ориентированы на широкий круг пользователей, что приводит к сохранению языкового разнообразия и фиксации богатства этнокультуры. Так, фиксация лексики, отражающей быт и материальную культуру в целом «представляется актуальным, поскольку с появлением новых видов и технологий производства бытовой уклад меняется, что естественно приводит к вытеснению традиционных предметов» [4, с. 406].

Языковая ситуация в арабских странах является одной из наиболее актуальных для диалектологии в целом: существование нескольких вариантов языка (литературный и диалектные), каждый из которых имеет сферу функционирования, особенности на фонетическом и грамматическом уровнях, делает коммуникацию носителей разных диалектов неэффективной, при этом диалекты, которые являются основным средством общения, остаются неописанными и не лексикографированными, что препятствует проведению лингвистических и социокультурных исследований. Стоит также отметить интерес к арабскому языку и культуре в современной российской [5–7] и зарубежной [8–10] лингвистике. Таким образом, на сегодняшний день возникает необходимость в разработке инструмента, позволяющего зафиксировать текущее состояние диалектов и отслеживать их развитие: мультимедийного диалектного словаря. В долгосрочной перспективе словарь может служить инструментом для наблюдения за процессами дивергенции, которую мы видим в усилении собственно диалектных черт, конвергенции, выражающейся в сближении с другими диалектами. Традиционные толковые словари, в которых происходит письменная фиксация семантики лексики, оказываются неподходящими для адекватного описания идиоматики и фонетики устной речи арабоязычных [11–12].

Для разработки модели мультимедийного словаря необходимо провести анализ существующих диалектных словарей, в том числе русских диалектов, так как опыт лексикографии русского языка и его диалектов и представляется ценным методологическим ресурсом.

Опыт диалектной лексикографии в русской лингвистической традиции

Значимым этапом развития диалектной лексикографии является вторая половина XIX в., которая характеризуется систематическим изучением и описанием диалектов русского языка, для этого проводится целенаправленный сбор лексики и закладываются основы специфической диалектной словарной статьи: так, к числу первых трудов в данной области относятся «Опыт областного великорусского словаря» (1852) под редакцией А.Х. Востокова [13] и «Дополнение к Опытному областного великорусского словаря» (1858) Н.Я. Данилевского [14, с. 16]. Структура словарной статьи в «Областном великорусском словаре» включает: 1) дефиниции; 2) информацию о происхождении слова (этимологию); 3) географическом распространении; 4) синонимические и

антонимические ряды; 5) примеры употребления из фольклорных и литературных источников; 5) иллюстративные примеры. Кроме того, в словаре применяются специальные пометы (например, указывающие на связь с ремеслами). По сравнению с предшествующим лексикографическим опытом, словарь отличается более высокой степенью информативности и структурированности, что обеспечивает понимание значения лексемы и особенностей ее функционирования в речи. Лексика расположена в алфавитном порядке; для существительных указывается род и формы косвенных падежей, для прилагательных — родовые окончания.

Одним из наиболее значимых трудов диалектной лексикографии является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля ^[15], содержащий приблизительно 200 тысяч слов, в том числе ранее не кодифицированных. Статья в словаре В.И. Даля имеет следующую структуру: толкование, осуществляемое преимущественно через синонимические ряды («тождесловы»), с последующей демонстрацией употребления в разнообразных контекстах; антонимы; паремиологические единицы при наличии (поговорки, пословицы); в отдельных случаях — этимологические справки. Лексические единицы располагаются в словаре в алфавитном порядке с использованием гнездового принципа: производные слова группируются вокруг основной единицы (существительного или глагола), что позволяет объяснять одни единицы через другие ^[16]. По сравнению с другими диалектными словарями русского языка, труд В.И. Даля ^[15] содержит значительно больший объем экстралингвистической информации, к которой обращаются современные читатели.

Таким образом, можно заметить, что создание словарной статьи, в которой представлен пласт этнокультурной информации, является второй по значимости целью при составлении диалектного словаря, в том числе арабского языка: принцип группировки лексики по семантическим полям, применяемый В.И. Далем, отражает когнитивную организацию лексикона, объединяя единицы по смысловой или тематической общности; приведение сведений о происхождении слова и связанных с ним культурных практиках способствует раскрытию значения лексемы в историческом и этнографическом аспектах; фиксация ассоциативных рядов лексических единиц демонстрирует особенности их восприятия и функционирования в речи; наличие в словарных статьях комментариев о профессиональной или социальной принадлежности слова; включение в словник как общеупотребительной, так и устаревшей лексики делает подобные издания ценным источником для исследования истории языка и его территориальной вариативности.

Анализ эволюции лексикографических принципов, методов семантизации и структуры словарной статьи позволяет выработать эффективные подходы к лексикографическому описанию. Нами создана модель мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка, основанного на понимании специфики диалектной лексики и минимизирующие вероятность ошибок. При работе над моделью диалектного словаря важно определить:

- принципов отбора лексики;
- категорий пользователей.

Принципы отбора лексики диалектного мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка

Формирование словника мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка требует системного подхода, основанного на принципах ^[17], которые позволяют охватить

основной пласт лексики, отражающей культурные, социолингвистические и этнографические особенности (см. таблицу 1. Принципы отбора лексики):

Таблица 1. Принципы отбора лексики

Принцип	Реализация
Принцип диалектной принадлежности	включение в словник уникальных для конкретного диалекта или группы диалектов лексических единиц: شحو shaho 'вот он'
Принцип семантической значимости	Ядро диалектной лексики, обладающее высокой семантической значимостью, формирует языковую картину мира его носителей и репрезентирует систему базовых концептов. К данной группе относятся единицы, обозначающие основополагающие аспекты человеческого бытия: البايكة albayuke 'кладовая'
Принцип тематической релевантности	включение в словник слов, относящихся к определенной теме или области знания в связи с формированием лексико-семантических групп: названия фруктов
Принцип хронологической актуальности	учет изменений в лексическом составе языка за определенный период времени: появление заимствований из турецкого языка в период Османской империи, закрепленных в диалекте: ابضاي abaday 'смелый'
Принцип территориальной ограниченности	учет географического распространения слова; включение в словник лексических единиц, употребляемых в пределах конкретного региона или населенного пункта; фиксация информации об ареале употребления слова в словарной статье: خاشوقة khashuqa 'ложка' (Латакия)
Принцип учета социолингвистических факторов	фиксация информации о социальных характеристиках носителей диалекта, употребляющих то или иное слово (возраст, образование, род занятий и т.д.), что особенно актуально при проведении опросов для сбора языкового материала
Принцип отражения вариантивности	кодификация фонетических, морфологических и семантических вариантов одного и того же слова в разных диалектах и в литературном варианте: سجادة sijadeh – سداجة (Дамаск) sidajeh 'ковер'
Принцип этнографической значимости	включение в словник лексических единиц, обозначающих уникальные элементы материальной и духовной культуры данного региона (предметы быта, обряды, обычаи, народные верования и т.д.) предполагает включение мультимедийных материалов: السقاطة sa'ata 'дверной молоток'

Принцип источникового анализа	обращение к нескольким источникам языкового материала для установления и выбора диалектизмов, которые будут включены в словник словаря
Принцип ориентации на аудиторию	учет уровня подготовки, интересов и языковых навыков потенциальных пользователей позволяет адаптировать представление материала к их потребностям

Ключевое отличие мультимедийного словаря от традиционных диалектных словарей заключается в использовании различных типов медиаданных, то есть способов семантизации и количестве представленной информации. В связи с этим концепция требует учета различных категорий потенциальных пользователей и их потребностей, применения гибких и персонализированных инструментов работы.

Пользователи диалектного мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка

Пользователи словаря сирийского диалекта могут быть классифицированы на несколько категорий. 1) носители диалекта различных социально-возрастных групп: потенциальные цели использования включают поиск эквивалентов литературного языка, уточнение значений диалектных слов из других регионов, визуализация понятий, изучение лексико-семантических групп; 2) изучающие арабский язык, использующие словарь для решения широкого круга задач, к которым относятся получение толкования и перевод лексем, транскрипции и аудиозаписей произношения, доступ к контекстным примерам, уточнение грамматических характеристик, данных о сочетаемости слова, изучение паремий, дифференциация лексической единицы с литературным эквивалентом; 3) исследователи, арабисты-диалектологи, историки языка, переводчики, этнографы и фольклористы, применяющие словарь для научной работы: исследования сирийского диалекта и его связей с другими диалектами, для лексикографической работы и пополнения словарей, проведения социолингвистических исследований, создания учебных материалов и научных публикаций, проведения этимологического анализа; 4) переводчики могут использовать словарь для практических целей: прежде всего для поиска эквивалентов при переводе с сирийского диалекта и на него, а также для точного понимания контекста использования диалектной лексики.

Таким образом, словарь реализует следующие функции: информативная, аттрактивная, обучающая, сохранения культурной памяти, актуализации и документирования.

Словарная статья диалектного мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка

При первичном обращении к словарю пользователь получает доступ к списку включенных в словарь лексических единиц, организованных в алфавитном порядке. Учитывая характер лексикографического ресурса, ориентированного на несколько категорий пользователей, его архитектура должна предусматривать реализацию многокритериального поискового аппарата, в связи с этим разработана система фильтрации по лексико-семантическим группам, по заглавному слову, части речи, а также по признаку (не)участия лексической единицы в паремии. Результаты, полученные с применением указанных фильтров, подлежат последующей выгрузке пользователем при необходимости (см. рисунок 1. Система поиска в словаре).

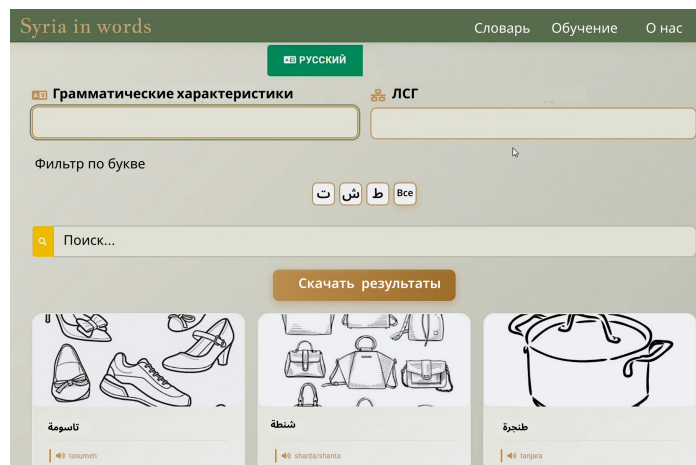

Рисунок 1. Система поиска в словаре

Структура словарной статьи диалектного мультимедийного словаря включает два блока информации (см. Рисунок 2. Словарная статья 1; Рисунок 3. Словарная статья 2; Рисунок 4. Словарная статья 3):

- Первый блок с обязательной информацией, доступный при первичном обращении пользователя и включающий: дефиниция, транскрипция слова, грамматические пометы (часть речи, род, число (при наличии)), литературный эквивалент.

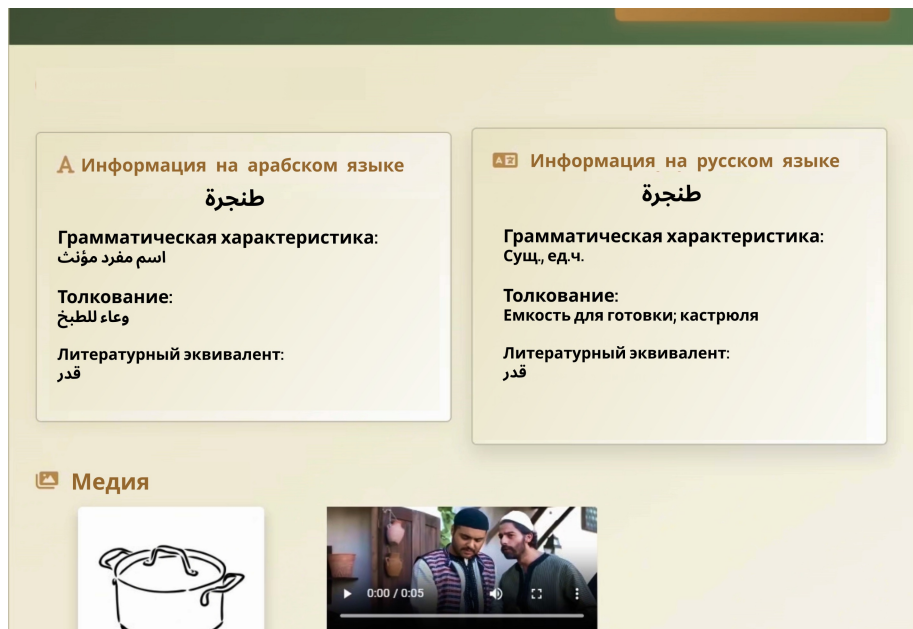

Рисунок 2. Словарная статья 1

- Второй блок (факультативный), доступен пользователю при обращении к полной словарной статье при необходимости и включающий: данные об этимологии лексической единицы, примеры употребления слова в разных контекстах; паремии, в состав которых входит заглавное слово (при наличии); лексическая сеть, демонстрирующая парадигматические связи заглавного слова (антонимы, синонимы, эквиваленты из

литературного языка и других диалектов); фрагмент использования лексемы из кинодискурса (аудио и/или видео материал); этнографический материал.

Рисунок 3. Словарная статья 2

Рисунок 4. Словарная статья 3

Заключение

Модель мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка, будучи синхронным срезом современного состояния языка, прежде всего фиксирует лексику в ее актуальном употреблении, одновременно словарь создает основу для будущих диахронических исследований. В рамках дальнейшего развития проекта планируется исследовать возможности автоматизации создания и обновления словарных статей с помощью внедрения искусственного интеллекта.

Библиография

1. Новикова М. Л., Маркелова Т. В. Гуманитарные науки в мире цифровизации: новые образовательные инструменты, горизонты изучения языка и культуры // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 07/2. С. 72-76. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.7-2.22. EDN: FGSPBC.
2. Антопольский А. Б., Бонч-Осмоловская А. А., Бородкин Л. И. Цифровые гуманитарные исследования: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 272 с. EDN: JEIADA.
3. Haddad A. D., Novospasskaya N. V. Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15.

- P. 1359–1373. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1359-1373. EDN: QOFKGA.
4. Бальжинимаева Б.Д., Лаврентьева Н.З. Названия посуды и кухонной утвари для приготовления кумыса и молочной водки в монгольских языках* // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 399-411. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76245 EDN: CSZPDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76245
5. Dugalich N. M., Shavtikova A. T., Izildin O. Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series "اختيار" // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. № 3. P. 946-959. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959. EDN: ISLZAW.
6. Дубинина Н. В., Саввин И. А. Катарский диалект арабского языка: фонетический аспект // Арабистика Евразии. 2025. Т. 8. № 1. С. 16-25. DOI: 10.26907/2619-1261.2025.8.1.16-25. EDN: VYWSNP.
7. Демин П. Е. Максимальная единица перевода (на материале арабского языка) // Научный резерв. 2024. № 3(27). С. 85-93. EDN: DOCYKQ.
8. Hallman P. Comparative constructions in Syrian Arabic // Brill's Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics. 2022. № 14. P. 210-254. DOI: 10.1163/18776930-01402006. EDN: JVEQUL.
9. Khrisat A., Alharthy Z. Arabic Dialects and Classical Arabic Language // Advances in Social Sciences Research Journal. 2015. Vol. 2. № 3. P. 254-260. DOI: 10.14738/assrj.24.1048.
10. Hodeib C. Conceptualizations and evaluations of (im)politeness in Syrian Arabic // Journal of Politeness Research. 2023. Vol. 20. P. 297-318. DOI: 10.1515/pr-2020-0016. EDN: PJYQGK.
11. Ханатеева А. М. Арабская языковедческая традиция // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 157-163. EDN: MSVVRZ.
12. Зайнуллин Г. Г. Проблемы современной арабско-русской и арабско-татарской лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3 (73). С. 115-119. EDN: WHRQDA.
13. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / А. Х. Востоков. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1852. [2], XII, 275 с.
14. Мызников С. А. Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2. С. 15-22. EDN: TLQWQP.
15. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В. И. Даль ; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. 700 с. EDN: OZQIOT.
16. Отечественные лексикографы XVIII-XX века / Г. А. Богатова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Наука, 2000. 508 с. EDN: RBNPUX.
17. Иванищева О. Н. Принципы лексикографирования слов в словаре лексики духовной культуры кольских саами // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9. С. 80. EDN: PFLQOX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья представляет собой оригинальное исследование, посвященное

лексикографическому описанию сирийского диалекта арабского языка. Одновременно и инструментом систематизации информации, и результатом изысканий является мультимедийный словарь.

В работе предложена авторская концепция создания мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка.

Сложно не согласиться с автором в том, что цифровая среда служит импульсом для разработки инновационных мультимедийных ресурсов, которые превосходят традиционные "по объему, спектру решаемых задач и attractiveness".

Безусловно, опыт авторского проектирования, описанный в рецензируемой статье, может быть полезен научному сообществу, поскольку предложена по сути универсальная модель диалектного мультимедийного словаря (на материале сирийского диалекта). Полагаем, что предложенная модель словаря может стать основой для создания аналогичных.

Научная новизна предпринятого исследования не вызывает сомнений. Отметим структурированность статьи, последовательность автора в изложении материала.

Но предлагаем пересмотреть текст со следующих позиций:

1. "Так, фиксация лексики, отражающей быт и материальную культуру в целом «представляется актуальным <...>"; "<...> так как опыт лексикография русского языка <...>"; "...ориентированного на несколько категории пользователей..." и т.д. - необходимо устранить грамматические ошибки.
2. Уточнить информацию, которая дана в скобках, например: "(см. таблицу 1)"; "(см. рисунок 2, 3, 4)" и проч.
3. "Таким образом, словарь реализует следующие функции: информативная функция, аттрактивная функция, обучающая функция, функция сохранения культурной памяти, функция актуализации и документирования" - просим перестроить данное предложение (необходимо устранить, как минимум, тавтологию).
4. "В рамках дальнейшего развития проекта планируется исследовать возможности автоматизации создания и обновления словарных статей с помощью внедрения искусственного интеллекта" (Заключение) - в конце предложения необходимо поставить точку.
5. В некоторых случаях автор использует "е", а в других - "ё". Просим уточнить.
6. "...переводчики, могут использовать словарь для практических целей: прежде всего для поиска эквивалентов при переводе с и на сирийский диалект..." - просим уточнить, так как понимание затруднено (с и на ...).
7. Вызывает много принципиальных вопросов оформление автором списка использованной литературы. На данный момент раздел "Библиография" не соответствует требованиям журнала "Филология: научные исследования".
8. Некоторые источники, на которые ссылается автор статьи, не представлены в списке использованной литературы. Данное упущение необходимо устранить.
9. "Вторую половину XIX в. характеризует становление систематического изучения и описания диалектов русского языка: проводился целенаправленный сбор и фиксирование диалектной лексики в словарях" - требуется развернутый комментарий.

Статья требует тщательной вычитки (стилистические погрешности, пунктуационные ошибки, немотивированные повторы и т.д.).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал на достаточно актуальную проблему языкознания – проблему оформления, создания словарей. Причем автор обращает внимание, что необходим новый формат, который более востребован и современен. На мой взгляд, принцип, который обозначен в заголовке работы – функциональный аспект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка – конструктивен, точен, методологически оправдан, ибо диалекты есть «живая ткань языка», «естественный облик». Общие требования издания учтены, серьезных недочетов и фактических неточностей не выявлено; но в ряде мест необходима стилистическая / лексическая правка. Например, «Мультимедийный диалектный словарь сирийского диалекта арабского языка предлагает блоки лингвистической и экстралингвистической информации, которые ориентированы на широкий круг пользователей, что приводит к сохранению языкового разнообразия и фиксации богатства этнокультуры», или «Таким образом, на сегодняшний день возникает необходимость в разработке инструмента, позволяющего зафиксировать текущее состояние диалектов и отслеживать их развитие: мультимедийного диалектного словаря...» и т.д. Следовательно, текст нужно вычитать, устранить этот ряд «опечаток», «неточностей». Считаю, что рассмотрение проблемы заглавной для работы выверено, принцип систематизации и оценки является ведущим, ибо не случайны отсылки и к словарю А.Х. Востокова, В.И. Даля и др. «гуманитариям». Свод сносок и ссылок достаточен, база цитаций – а это ориентир на разные типы изданий – конкретна, объективна. Стиль по ходу работы однотонен, научный ценз выдержан: например, «можно заметить, что создание словарной статьи, в которой представлен пласт этнокультурной информации, является второй по значимости целью при составлении диалектного словаря, в том числе арабского языка: принцип группировки лексики по семантическим полям, применяемый В.И. Далем, отражает когнитивную организацию лексикона, объединяя единицы по смысловой или тематической общности...» и т.д. Статья дифференцирована на т.н. смысловые блоки. Данное деление оправдано, ибо от собственно теории и фактора систематизации имеющихся данных, автор переходит непосредственно к описанию опыта – создание словаря сирийского диалекта арабского языка. Полновесно описаны и представлены все этапы, указана методика структурирования словаря, обозначены трудности, конкретизированы принципы отбора лексики и т.д. Определены и функции словаря: «информативная, аттрактивная, обучающая, сохранения культурной памяти, актуализации и документирования». Удачно дополняется общее описание словаря иллюстрациями (как необходимо работать с изданием, как правильно пользоваться). В целом тема работы раскрыта, основная цель достигнута; думаю, что описанный опыт может стать неким подспорьем для создания подобного словаря, но уже с иным информационным и лексическим содержанием. Автор отмечает, и это важно, что «модель мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка, будучи синхронным срезом современного состояния языка, прежде всего фиксирует лексику в ее актуальном употреблении, одновременно словарь создает основу для будущих диахронических исследований. В рамках дальнейшего развития проекта планируется исследовать возможности автоматизации создания и обновления словарных статей с помощью внедрения искусственного интеллекта». Таким образом, работы имеет законченный вид, она объективна, интересна, информативна. Должная научная новизна

прописана, структура не противоречит обозначенному жанру. Рекомендую рецензируемую статью «Функциональный аспект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сун Д. Образ Китая в России: обзор китайской и российской академической традиции // Филология: научные исследования. 2025. № 11. С. 115-122. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76911 EDN: DOJCZN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76911

Образ Китая в России: обзор китайской и российской академической традиции

Сун Дандань

преподаватель; кафедра русского языка как иностранных языков; Хэбэйский педагогический университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, каб. 3-36

✉ song0301@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76911

EDN:

DOJCZN

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Дата публикации:

28-11-2025

Аннотация: Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ достижений китайских и российских научных кругов в области изучения "образа Китая в России". Объектом исследования выступают методологические подходы и содержательные выводы двух академических традиций, рассматриваемые через призму сравнительного анализа. В ходе исследования применяются методы систематизации и сравнительного анализа, позволяющие выявить не только очевидные расхождения, но и скрытые параллели в развитии данной области знания в двух странах. Проведенное исследование выявило пять устойчивых парадигм в китайской научной традиции: комплексные исследования, медиаанализ, изучение общественного мнения, анализ литературных образов и исследование интеллектуальной истории. Несмотря на методологическое разнообразие, китайской школе свойственны определенные

ограничения, в частности недостаточное внимание к исторической ретроспективе и фрагментарное использование архивных материалов. Несмотря на методологическое разнообразие, китайской школе свойственны определенные ограничения, в частности недостаточное внимание к исторической ретроспективе и фрагментарное использование архивных материалов. Российская исследовательская традиция, в свою очередь, демонстрирует три основных направления: обобщающие исследования, периодизационные и региональные исследования, которые отличаются богатством источниковой базы, но недостаточной теоретической рефлексией. Основным новаторский вклад данного исследования заключается в идентификации фундаментального пробела, общего для двух академических традиций – отсутствия специализированных эмпирических исследований, основанных на архивных документах и мемуарах как первоисточниках. Это открытие не только вскрывает структурные ограничения существующих исследований, но и определяет перспективное направление для научного прорыва, имеющее важное значение для развития истории взаимного восприятия Китая и России и содействия междисциплинарным исследованиям. Выводы исследования создают теоретическую основу для будущих изысканий в области имагологии и кросс-культурных исследований.

Ключевые слова:

образ Китая, имагология, анализ литературы, мемуары, архивные исследования, Россия, история науки, обзор исследований, исследовательская парадигма, российско-китайские отношения

Публикация выполнена при поддержке грантового проекта «Образ Китая в русскоязычной мемуарной литературе конца XIX – начала XX века: история и культура», № HB22WW013 (Упражнение по философии и социальным наукам провинции Хэбэй, Китай)

Введение

Эволюция образа Китая в России является ключевой призмой для понимания двусторонних отношений и взаимного восприятия. В настоящее время академические круги Китая и России накопили значительные результаты в изучении данной темы, демонстрируя разнообразие исследовательских подходов и фокусов. Тем не менее, исследования с обеих сторон имеют определённые ограничения и лакуны, особенно в плане исторической глубины и использования архивных материалов первоисточников. Цель данной статьи – систематически обобщить и проанализировать текущее состояние исследований в обеих странах, выявить их академическую логику и особенности, а также указать на неисследованные области и возможные направления для будущих изысканий.

1. Обзор и текущее состояние исследований в Китае

По сравнению с западными странами, Китай начал проявлять внимание и проводить исследования своего собственного образа относительно поздно. Обобщая исследования китайских учёных об образе Китая в России с начала нового века, можно выделить следующие направления:

1.1 Комплексные исследования образа Китая

Данные исследования затрагиваются в трудах по истории российско-китайских

отношений и истории российского китаеведения [\[1, 2, 3, 4 и др.\]](#). Эти работы позволили китайскому академическому сообществу получить общее представление о том, как на государственном уровне и уровне элит в России воспринимали Китай. В новом веке появились монографии, специально посвящённые образу Китая в России, подробно рассматривающие образ в разные исторические периоды, у различных социальных слоёв и в разных сферах, а также глубинные идеологические факторы его формирования [\[5\]](#).

1.2 Исследования в области журналистики образа в российских медиа

Эти исследования в основном отражают современный образ Китая в России. Учёные часто сосредотачиваются на злободневных вопросах, опираясь на материалы о Китае в российских СМИ, анализируют текущее восприятие Китая в России [\[6, с. 64-90; 7, с. 10-14; 8, с. 87-88 и др.\]](#). Кроме того, с увеличением числа китайских студентов, обучающихся в России, появился ряд соответствующих диссертационных работ [\[9, с.; 10\]](#), что также стимулировало развитие данного направления.

1.3 Социологические исследования на основе данных опросов общественного мнения Данные работы основаны на материалах опросов по китайской тематике, проведённых российскими исследовательскими центрами в последние годы, и анализируют восприятие Китая и китайцев в российском обществе [\[11, с. 92-104; 12, с. 103-108; 13, с. 21-24\]](#). Помимо этого, некоторые научные коллективы или учёные самостоятельно разрабатывали анкеты и проводили социологические опросы на территории России, получая ценные первичные данные. Такие исследования не только анализируют явления, но и рассматривают множество причин, стоящих за ними, а также их долгосрочное влияние на современное российское общество [\[14, с. 53-55\]](#).

1.4 Исследование образа Китая в русской литературе

Выделяются два основных типа: первый – анализ классических произведений русской литературы XIX века и представленных в них образов Китая, включая как изображение китайского общества, так и размышления о традиционной китайской культуре и философских идеях конфуцианства, даосизма и буддизма [\[15, с. 57-61; 16, с. 124-126\]](#), второй – исследование образа Китая в современной русской литературе, где с позиций имагологии анализируются воображение, восприятие и интерпретация образа Китая современными российскими авторами, основанные на их местной, т.е. российской культурной почве [\[17, с. 18-21\]](#).

1.5 Образ Китая в российской интеллектуальной истории

Данные исследования часто с позиций исторической ретроспективы анализируют глубинные социокультурные факторы формирования образа Китая [\[18, с. 54-60; 19, с. 88-94; 20, с. 117-126\]](#). Они углубляются в исторические, культурные, идеологические аспекты, особенности национального характера, выявляя глубинные причины восприятия Китая Россией, и указывают, что мессианское сознание России и эгоцентричный способ познания на протяжении последних трёх столетий составляют глубокую структуру российского воображения о Китае. Образ Китая в разные периоды является лишь внешней формой этой глубокой структуры, результатом действий создателей образа Китая в России – российской элиты, действующей в соответствии с государственной стратегией в отношении Китая.

2. Обзор и текущее состояние в России

Интерес России к Китаю зародился в XVII веке. Визит Ивана Петлина в Китай в 1618 году стал первой официальной миссией. Впоследствии, по мере экспансии Российской империи на Дальний Восток и в Сибирь, Китай и Россия стали соседями, и их контакты углублялись. В XVIII веке в России начало формироваться китаеведение, в XIX веке исследования постепенно углублялись, а в советский период XX века достигли расцвета. После распада СССР, по мере углубления российско-китайских отношений, исследовательский интерес России к Китаю непрерывно возрастал. Особенно с начала XXI века было опубликовано большое количество соответствующих работ, и исследования образа Китая в России также стали увеличиваться. В обобщённом виде их можно разделить на следующие парадигмы:

2.1 Комплексные исследования образа Китая

В трудах по китаеведению и истории российско-китайских отношений описывается образ Китая в различные периоды, начиная с XVII века, хотя термин «образ» явно используется редко [\[21, 22\]](#). Кроме того, появились специализированные исследования, посвящённые эволюции образа Китая в России. Наиболее представительной является монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI веках» (2007), в которой по главам подробно излагается процесс изменения образа Китая в России на протяжении четырёх столетий и лежащие в его основе глубинные политико-культурные факторы, с целью реконструкции и объяснения образа Китая в современной России.

2.2 Периодизационные исследования образа Китая

В отличие от вышеупомянутых комплексных исследований, данные работы часто фокусируются на образе Китая в определённый исторический период, например, в XVII веке [\[23, с. 78-86\]](#), на рубеже XIX–XX веков [\[24, с. 291-297\]](#), после распада СССР по настоящее время [\[25, с. 24-38\]](#), в начале XXI века [\[26, с. 25-37\]](#) и т.д. Эти исследования охватывают широкий круг тем, включая историю Китая, философию, культурные традиции, смену династий, политическую систему, социальную жизнь и многие другие аспекты. Однако для разных исторических периодов исследования имеют свои акценты. Например, для начала XX века внимание исследователей часто сосредоточено на военно-политической сфере, анализируется военно-политический и революционный образ Китая, включая восприятие революционного движения в Китае, соперничества западных держав в Китае, двойственных отношений Советской России (СССР) с Гоминьданом и КПК [\[27, с. 143-151; 28, с. 212-219 и др.\]](#).

2.3 Региональные исследования образа Китая

Данные исследования часто сосредоточены в приграничных районах Китая и России, таких как Дальний Восток [\[29, с. 56-70\]](#), районы озера Байкал и Забайкалье [\[30, с. 47-56\]](#), Урал, Сибирь [\[31, с. 53-59; 32, с. 143-151\]](#) и др. Исследователи подробно описывают причины, по которым Китай привлекает внимание, факторы формирования и исторический процесс эволюции его образа. Кроме того, стоит отметить, что в таких исследованиях также затрагивается тема китайских рабочих в России в XIX – начале XX вв., подробно описывается феномен их притока в условиях таких исторических факторов, как строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Первая мировая война, Октябрьская революция [\[33, с. 49-58\]](#), что в определённой степени также отражает образ китайцев и Китая в начале XX века.

Заключение

В целом, китайские исследования образа Китая начались относительно поздно и имеют недостатки: 1) Больше внимания уделяется современному образу Китая в России, меньше – исследованиям с исторической глубиной; 2) В основном представляют собой обобщение и оценку существующих российских исследований, реже используются русскоязычные первоисточники, не хватает поддержки архивными материалами; 3) Часто это общие рассуждения об образе Китая и китайцев, не хватает исследований конкретных образов в политической, экономической, культурной и социальной сферах, и они не подкреплены конкретными историческими архивными материалами.

Что касается России, то здесь уже есть достижения в соответствующих исследованиях, но требуются дополнения: 1) Существующие исследования сочетают общее с частным, включая как общие описания, так и региональный анализ; 2) Временной охват велик, изучается образ Китая в разные исторические периоды, но в основном ограничивается военно-политической сферой, исследования, непосредственно связанные с имагологией, всё ещё недостаточны; 3) Исследовательские материалы разнообразны, включают новостные журналы, литературные произведения, путевые заметки, записки дипломатов, опросы и т.д., но **специализированных исследований**, сфокусированных на архивах и мемуарах, пока не обнаружено.

Исследования образа Китая в России преимущественно развиваются в двух направлениях – китайском и российском. Обобщая характерные черты этих двух подходов, можно утверждать, что изучение данного образа с привлечением архивных материалов и мемуаров до сих пор остается недостаточно разработанной областью. Проведение исследований в данном направлении позволит восполнить фрагментарность существующих работ, углубить изучение новейшей истории Китая и России, осмыслить исторический процесс развития двусторонних отношений и найти ориентиры для построения китайско-российских отношений в новую эпоху.

Библиография

1. Янь Годун. История российского китаеведения. М.: Издательство "Жэньминь", 2006. 731 с.
2. Линь Цзюнь. Китайско-советские отношения 1689–1989. Хэйлунцзянское педагогическое издательство, 1989. 246 с.
3. Су Фэнлинь. Исследование по истории ранних китайско-российских отношений. Хэйлунцзянское народное издательство, 1999. 256 с.
4. Ли Миньбинь. История российского китаеведения. М.: Издательство "Дасян", 2008. 276 с.
5. Ли Вэй. Китайские представления в восприятии россиян. Пекинский университет, 2016. 328 с.
6. Ли Чэньюй. Конструирование образа Китая в "Российской газете" в контексте пандемии COVID-19 // Гуманитарные исследования Евразии. 2021. № 1. С. 64-90.
7. Ван Сяоси. Анализ образа Китая, конструируемого российскими медиа в контексте "Пояса и пути" // Исследования стран Северо-Восточной Азии. 2017. № 2. С. 10-14.
8. Цуй Синьюй. Анализ образа Китая в российских медиа (2019) // Публичная дипломатия. 2021. № 10. С. 87-88.
9. Дин Сяони. Исследование материалов о Китае в "Российской газете" (2012–2019): дисс. ... канд. филол. наук. Далянь, 2021. 89 с.
10. Хуан Яньюй. Исследование образа Китая в современных российских основных медиа на примере "Российской газеты" (1993–2017). Сямыньский университет, 2018. 88 с.

11. Сюй Чун. Восприятие образа Китая российским населением за последнее десятилетие // Форум мировой экономики и политики. 2012. № 2. С. 92-104.
12. Чжу Цзинтао. "Антиномия" в восприятии образа Китая российским общественным мнением // Журнал Уханьского университета. 2015. № 1. С. 103-108.
13. Ян Синьмо. Краткий анализ изменений образа Китая в России // Вестник Хунаньского университета технологии. 2009. Т. 1. С. 21-24.
14. Ли Суйань. Китай и Россия: сравнительный анализ национальных образов // Сибирские исследования. 2007. № 8. С. 53-55.
15. Чжа Сяоянь. Интерпретация "инаковости": образ Китая в русской литературе первой половины XIX века // Русская литература и искусство. 2000. № 12. С. 57-61.
16. Си Цзин. Исследование образа Китая в русской литературе XIX века // Журнал общественных наук Цзямусского университета. 2016. № 10. С. 124-126.
17. Ван Шуфу. Восточная иллюзия в русской литературе: образ Китая в романах В. Пелевина // Тенденции зарубежной литературы. 2013. № 3. С. 18-21.
18. Лю Ядин. Китайские представления в России: глубинная структура и фазовые метафоры // Вестник Сямыньского университета. 2006. № 6. С. 54-60.
19. Чэнь Цзиньпэн. Образ Китая в российском дискурсе XIX века: полемика С.М. Георгиевского и графа И.И. Толстого // Зарубежные общественные науки. 2010. № 4. С. 88-94.
20. Линь Цзинхуа. Реинкарнация образа Китая в России и её европейская самоидентификация // Зарубежные общественные науки. 2010. № 2. С. 117-126.
21. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М., 1974. 277 с.
22. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.
23. Кычанов Е.И. Образ Китая в России XVII в. // Вестник Восточного института. 1997. Т. 3. № 2 (6). С. 78-86.
24. Титаренко А. С. Образ Китая в российском сознании во второй половине XIX-начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. 2012. Т. 104. № 3. С. 291-297.
25. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Вглядываясь в зеркале смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Общественное сознание. 2015. № 1. С. 24-38.
26. Горяина Ю. Специфика "внутреннего" и "внешнего" образа Китая в начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 25-37. EDN: KZUUEP
27. Литовская М. А. Китай и китайцы на страницах уральских периодических изданий 1920–1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 143-151. EDN: VZBGAL
28. Забияко А. А., Сенина Е. В. Образы восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // Т. 15. № 4. 2018. С. 212-219.
29. Ларин А. Г. К вопросу о китайской "демографической экспансии" // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 56-70.
30. Жуков А. В., Жукова А. А. Образы Китая в сознании русских Байкальского региона // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 8. С. 47-56.
31. Кружалина А. А. Образ Китая и Китайского народа на страницах сибирской прессы в исторической ретроспективе // Россия и Китай: перспективы сотрудничества: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2012. С. 53-59. EDN: TOOAJX
32. Литовская М. А. Китай и китайцы на страницах уральских периодических изданий 1920–1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 143-151. EDN: VZBGAL

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного](#)

Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлен обзор научных публикаций российских и китайских исследователей, посвященных образу Китая. Обозначены фундаментальные труды и ключевые работы современных ученых, изучающих обозначенную проблематику. Предмет исследования — эволюция академических подходов к изучению образа Китая в российском общественном сознании. Автор анализирует, как в китайской и российской науке формировалось представление о восприятии Китая в России, выявляет ключевые исследовательские парадигмы, их сильные и слабые стороны. Цель статьи – «систематически обобщить и проанализировать текущее состояние исследований в обеих странах, выявить их академическую логику и особенности, а также указать на неисследованные области и возможные направления для будущих изысканий». Для достижения заявленной цели использовались метод интерпретации текстов различных научных парадигм, обусловленный необходимостью осмысления сущности анализируемого явления; методы интроспекции и проспекции; описательный метод, включающий непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление, классификацию и интерпретацию теоретических работ отечественных и зарубежных авторов.

Актуальность данной работы не подлежит сомнению, поскольку изучение образа Китая, медиаобраза Китая, репрезентации русско-китайских отношений в СМИ в настоящий момент востребованно, что обусловлено, в том числе, укреплением международного сотрудничества России и Китая, развитием дипломатических отношений между странами. Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении китайских и российских исследований образа Китая за длительный период, их систематизации и выявлении лакун, которые подлежат научной рефлексии.

Автор соблюдает научный стиль изложения, корректно цитирует и ссылается на труды ученых, критически осмысляет каждое направление исследования, обозначенное в статье. Структура статьи логична, имеет несколько разделов, разделенных на подпункты. В частности, в разделе «Введение» обозначена проблематика статьи и ее цель; в разделе 1 «Обзор и текущее состояние исследований в Китае» выделены 5 блоков, в которых систематизированы работы из различных научных областей; в разделе 2 «Обзор и текущее состояние в России» представлены 3 подпункта, в которых обобщены труды российских ученых, посвященные комплексному, историческому и региональному изучению образа Китая. В разделе «Заключение» автор делает выводы о степени изученности рассматриваемой проблематики, отмечая, что «изучение данного образа с привлечением архивных материалов и мемуаров до сих пор остается недостаточно разработанной областью. Проведение исследований в данном направлении позволит восполнить фрагментарность существующих работ, углубить изучение новейшей истории Китая и России, осмыслить исторический процесс развития двусторонних отношений и найти ориентиры для построения китайско-российских отношений в новую эпоху».

Список литературы репрезентативен: 32 источника, включая монографии, статьи, диссертации на русском и китайском языках. Охват хронологически и тематически широк, что подтверждает основательность обзора и широту научных интересов автора.

Рецензируемая научная работа будет полезна аспирантам, исследующим образ Китая, специалистам в области истории, культуры, политологии, журналистики. Статья представляет собой ценный обзор, который не только суммирует достижения научных школ, но и задаёт вектор для будущих изысканий. Рецензируемая работа рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Батурина Т.А. Идеологическая матрица медиадискурса о военных конфликтах: инвариантность стратегий и вариативность реализации // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76916 EDN: DIQFLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76916

Идеологическая матрица медиадискурса о военных конфликтах: инвариантность стратегий и вариативность реализации

Батурина Татьяна Александровна

преподаватель; кафедра английского языка (основного); Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

✉ mary_breit@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76916

EDN:

DIQFLK

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Дата публикации:

28-11-2025

Аннотация: Объектом исследования выступает англоязычный медиадискурс о военных конфликтах как институциональная коммуникативная практика, реализующая функции информирования и идеологического воздействия на массовую аудиторию. Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и тактики реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещающих югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский конфликт (2023–2025) и российско-украинский конфликт (2022–2025), а также факторы, детерминирующие инвариантность и вариативность их функционирования в различных геополитических и хронологических контекстах. Цель исследования – выявить инвариантные дискурсивные стратегии и механизмы реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе

военных конфликтов и определить факторы, детерминирующие вариативность их конкретного воплощения. Исследование проводится на материале текстов новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий. Методологическую основу исследования составляют методы критического дискурс-анализа, компаративного анализа, синтагматического, семантического и контекстуального анализа. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проведен систематический компаративный анализ медиарепрезентации трех хронологически и географически различных военных конфликтов с применением единой методологической рамки, что позволило выявить закономерности функционирования идеологической модальности в медиадискурсе. Установлено, что медиарепрезентация военных конфликтов характеризуется систематическим воспроизведением идентичных паттернов вне зависимости от исторического периода и географического расположения конфликта, что свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса. Одновременно обнаружена значимая вариативность интенсивности языковой репрезентации, коррелирующая со степенью геополитической конфронтации, и диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций. Установлен системный характер функционирования выявленных стратегий: легитимация/делегитимация обеспечивает рационально-когнитивный уровень воздействия, драматизация – эмоционально-аффективный, а поляризация выступает как сквозной принцип, структурирующий всю систему репрезентации, что создает синергетический эффект идеологического влияния.

Ключевые слова:

дискурс, медиадискурс, медиатекст, идеологическая модальность, воздействие, стратегия поляризации, стратегия легитимации, стратегия драматизации, стратегия делегитимации, военный конфликт

Освещение военных конфликтов средствами массовой информации представляет собой особую коммуникативную сферу, в которой информирование о событиях неизбежно сопряжено с идеологическим конструированием реальности. В условиях глобализации информационного пространства англоязычные СМИ, обладающие статусом мировых новостных агентств, формируют доминирующие интерпретационные рамки восприятия геополитических событий для международной аудитории.

Последние три десятилетия характеризуются непрерывной чередой военных конфликтов, освещение которых западными медиа демонстрирует устойчивые паттерны репрезентации. Югославские войны 1990-х годов, палестино-израильское противостояние и российско-украинский конфликт, несмотря на различия в историческом контексте, географическом расположении и составе участников, обнаруживают сходство в стратегиях медиаосвещения, что позволяет предположить существование инвариантной идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях.

Вместе с тем детальный компаративный анализ выявляет и вариативность конкретной реализации универсальных механизмов, детерминированную геополитическими факторами, эволюцией медиатехнологий и трансформацией глобального информационного ландшафта. Данная диалектика инвариантности и вариативности требует систематического исследования с применением методологии критического дискурс-анализа и компаративной лингвистики.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью информационного противоборства в современных военных конфликтах. В условиях, когда военные действия неизбежно сопровождаются «войной нарративов» в глобальном медиaprостранстве, понимание механизмов идеологического конструирования реальности приобретает критическое значение. Медиадискурс функционирует как инструмент «мягкой силы», формирующий общественное мнение, легитимирующий политические решения и мобилизующий поддержку военных действий [1]. Современные исследователи констатируют трансформацию характера вооруженных конфликтов: наряду с традиционными военными операциями ведется информационная война, целью которой является не физическое уничтожение противника, а завоевание «умов и сердец» как внутренней, так и международной аудитории [2-7]. В этих условиях выявление устойчивых паттернов медиарепрезентации военных конфликтов становится необходимым как для развития критической медиаграмотности, так и для понимания глубинных механизмов формирования коллективных представлений о геополитических процессах. Особую значимость приобретает компаративный подход, позволяющий отделить универсальные механизмы идеологического воздействия от контекстуально обусловленных стратегий и тем самым способствующий формированию более объективного понимания информационной составляющей современных конфликтов.

Проблематика идеологической составляющей медиадискурса разрабатывается в рамках критического дискурс-анализа [8-12], теории медиалингвистики [13-17]. Однако существующие исследования, как правило, сосредоточены на анализе отдельных конфликтов или ограниченных временных периодов. Систематический компаративный анализ медиарепрезентации различных военных конфликтов с целью выявления инвариантных механизмов и вариативных стратегий их реализации в англоязычном медиадискурсе до настоящего времени не проводился, что определяет научную новизну настоящего исследования.

Предметом исследования являются дискурсивные стратегии и тактики реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещающих югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский конфликт (2023–2025) и российско-украинский конфликт (2022–2025), а также факторы, детерминирующие инвариантность и вариативность их функционирования в различных геополитических и хронологических контекстах.

Под дискурсивными стратегиями понимаются макроструктурные планы достижения коммуникативных целей через совокупность взаимосвязанных тактик – конкретных речевых действий, реализующих стратегическую интенцию отправителя сообщения [8]. Идеологическая модальность трактуется как категория, интегрирующая в языковые структуры идеологические установки и ценностные ориентации медиаинститута, что обеспечивает направленное формирование интерпретационных рамок восприятия событий реципиентом [13].

Цель исследования – выявить инвариантные дискурсивные стратегии и механизмы реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов и определить факторы, детерминирующие вариативность их конкретного воплощения.

Материалом исследования послужили тексты новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий (The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Economist, BBC News, Reuters, CNN, Politico, Associated Press).

Общий объем проанализированного материала составил 450 медиатекстов (по 150 текстов на каждый конфликт) общим объемом около 300 000 словоупотреблений.

Методология исследования базируется на интеграции критического дискурс-анализа, компаративного метода, синтагматического анализа, когнитивно-дискурсивного и семантического анализа. Также применялся метод сплошной выборки с последующей категоризацией дискурсивных стратегий и тактик.

Инвариантные стратегии реализации идеологической модальности

Компаративный анализ медиаосвещения трех конфликтов выявляет систематическое воспроизведение трех основных стратегий, функционирующих как базовые механизмы идеологического структурирования дискурса.

Центральной стратегией освещения военных конфликтов является *поляризация*, которая предполагает четкое разделение участников конфликта на противоборствующие стороны с использованием дихотомии «свой–чужие». Данная стратегия реализуется через противопоставление положительной самопрезентации и негативной репрезентации противника.

Сущность стратегии поляризации заключается в конструировании когнитивных моделей, усиливающих у реципиента ощущение идентификации с «нашей» стороной конфликта и одновременно формирующих неприятие противоположной стороны [\[18, с. 76\]](#). Поляризация способствует упрощению сложной геополитической ситуации до бинарной оппозиции, что облегчает восприятие информации аудиторией, но одновременно искажает многомерность конфликта.

Стоит заметить, что стратегия поляризации воспроизводится во всех трех конфликтах с минимальными модификациями, что свидетельствует о ее инвариантном характере. Однако интенсивность поляризации варьируется: в российско-украинском конфликте дихотомия «свой–чужие» выражена наиболее категорично, в югославском контексте – более нюансированно, а в израильско-палестинском – амбивалентно в зависимости от идеологической позиции издания.

Стратегия *легитимации/делегитимации* представляет собой один из центральных механизмов идеологического структурирования медиадискурса о военных конфликтах. Данная стратегия предполагает использование комплекса языковых средств для оправдания или осуждения военных операций, формируя у массовой аудитории представление о правомерности или неправомерности действий участников конфликта [\[19\]](#).

В медиаосвещении военного конфликта наиболее продуктивными оказываются две субстратегии в рамках стратегии легитимации / делегитимации: (1) апелляция к авторитету и (2) моральная оценка.

Апелляция к авторитету подразумевает привлечение социального ресурса, внешнего по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации [\[20, с. 36\]](#). Выделяются два типа апелляции: к авторитету эксперта и к «безличному» авторитету. Приведем примеры:

Югославский конфликт: «*Belgian professor Aubin Heyndrickx alleges that 20 Kosovo*

Albanians were "intoxicated" by BZ gas, or a similar chemical agent, by Serb shelling in Kosovo earlier this year» [Radio Free Europe].

Израильско-палестинский конфликт: «*Israel's Push for a Permanent Gaza Deal May Mean a Longer War, **Experts Say***» [The New York Times].

Российско-украинский конфликт: «*Front-line maps show that the city appears to be on the brink of falling, with **some western military experts** predicting that Russia is likely to eventually seize Pokrovsk and the nearby city of Myrnohrad*» [CBC].

Во всех трех случаях наблюдается идентичный механизм: привлечение авторитета специалистов для придания объективности оценке, при этом экспертное мнение используется для легитимации «своей» стороны и делегитимации противника.

Апелляция к «безличному» авторитету также функционирует как универсальный механизм:

Югославский конфликт: «***Under international law**, the legal entity is still, for the time being, the Socialist Federated Republic of Yugoslavia*» [The New York Times].

Израильско-палестинский конфликт: «***The International Court of Justice (ICJ)** on Friday issued new provisional measures that order Israel to immediately end military operations in Rafah*» [UN news].

Российско-украинский конфликт: «*In a post on various social media channels, Mr. Zelensky said the soldiers had received medical care, **as required by the Geneva Conventions***» [The New York Times].

Ссылка на международное право, решения Международного суда ООН и Женевские конвенции создает эффект объективности и снимает с автора ответственность за оценочные суждения.

Субстратегия моральной оценки помещает объект легитимации в систему координат «хорошо–плохо», опираясь на оценочный потенциал языковых средств [\[20, с. 36\]](#). Приведем примеры:

Югославский конфликт: «*While apologizing for the casualties, Freytag said the bridge was a **legitimate** military target*» [The Washington Post].

Израильско-палестинский конфликт: «*Most Israelis also see the war's expansion to Lebanon and Iran as an **essential** act of **self-defense***» [The New York Times].

Российско-украинский конфликт: «*EU reaffirms support for Zelenskyy as **legitimate** president of Ukraine*» [Euronews].

Оценочная лексика (*legitimate, essential, self-defense*) функционирует не как субъективное мнение автора, а как объективная характеристика, что усиливает легитимирующий эффект.

В отличие от стратегии легитимации/делегитимации, обеспечивающей рациональное обоснование правомерности действий сторон конфликта, стратегия драматизации воздействует на эмоциональную сферу реципиента, конструируя образы участников через архетипические роли.

Реализация стратегии драматизации осуществляется через комплекс тактик, которые, по

классификации П. Шародо, формируют триаду репрезентации участников конфликта: жертва – агрессор – защитник [21]. Приведем примеры:

Югославский конфликт: «*The Serbian news media are also **struggling valiantly**, despite the Government's stranglehold. The newspaper Borba remains **free and objective**, and a heavy-handed attempt by the Government to take over Politika, a newspaper and publishing company, has faltered because of **brave editors, reporters and print workers***» [The New York Times 5];

Израильско-палестинский конфликт: «*Israeli soldiers have intensified a **campaign of arbitrary detentions, beatings and abuse** of Palestinians*» [The Guardian 1];

Российско-украинский конфликт: «*Russia's **bloody summer offensive** is **hurting** Ukraine*» [The Economist 2].

В первом примере реализуется тактика *героизации*: независимые сербские СМИ представляются как защитники свободы слова через позитивно-оценочную лексику (*valiantly* 'доблестно', *brave* 'храбрый', *free and objective* 'свободный и объективный'). Наречие *valiantly* актуализирует семантику героического противостояния превосходящей силе, а существительное *stranglehold* ('мертвая хватка', 'удушающий захват') метафорически представляет правительство как агрессора, душащего свободную прессу. Героизация журналистов создает образ бескомпромиссных борцов за истину, что легитимирует позицию западных СМИ как союзников «правого дела».

Во втором примере представлена тактика *демонизации* израильских военных как источника систематического насилия. Номинация *campaign* ('кампания') указывает на организованный, целенаправленный характер действий, а определение *arbitrary* ('произвольный', 'беспричинный') лишает эти действия какого-либо рационального обоснования или военной необходимости. Градация форм насилия (*detentions, beatings and abuse*) создает образ эскалирующей жестокости, а глагол *intensified* ('усиливать') подчеркивает динамику нарастания репрессий. Палестинцы при этом имплицитно позиционируются как беззащитные жертвы государственного насилия.

Третий пример реализует тактику *виктимизации*: Украина конструируется как страдающая сторона через лексику боли и ущерба. Эпитет *bloody* ('кровавый') актуализирует образ физического страдания и человеческих жертв, а глагол *hurting* в прогрессивной форме подчеркивает продолжающийся характер страдания.

Важно отметить, что тактики и стратегии не функционируют изолированно, а образуют синергетическую систему идеологического воздействия. В рамках триады «жертва – агрессор – защитник» героизация «своих» усиливается через контраст с демонизацией противника, а виктимизация легитимирует необходимость защиты. Более того, стратегии легитимации/делегитимации и драматизации взаимодополняют друг друга: первая обеспечивает рационально-когнитивное обоснование через апелляцию к авторитету и моральным нормам, вторая – эмоционально-аффективное воздействие через архетипические образы. Такое многоуровневое взаимодействие создает эффект «насыщения» текста идеологическими смыслами, когда одна и та же интерпретация конфликта транслируется одновременно через рациональную аргументацию и эмоциональное вовлечение, максимизируя манипулятивный потенциал медиадискурса.

Факторы вариативности реализации инвариантных стратегий

При универсальности базовых стратегий и тактик компаративный анализ обнаруживает три ключевых фактора, детерминирующих вариативность их воплощения:

1. Интенсивность и категоричность языковой репрезентации коррелирует со степенью *геополитической конфронтации* между Западом и участниками конфликта. Так, Югославский конфликт характеризуется относительной дипломатической осторожностью формулировок, преобладанием косвенных механизмов делегитимации через апелляцию к международным институтам. Израильско-палестинский конфликт характеризуется амбивалентностью репрезентации Израиля (одновременно «свой» как западный союзник и «чужой» в контексте действий в Газе), что создает большую вариативность в зависимости от идеологической ориентации издания. Максимальная прямота, категоричность номинаций и минимальная дипломатическая осторожность свойственна освещению российско-украинского конфликта, что отражает беспрецедентный уровень геополитического противостояния.

2. Каждый конфликт активирует специфический набор *культурно-исторических ассоциаций*, релевантных для западной аудитории. Так, при освещении Югославского конфликта происходит систематическое соотнесение со Второй мировой войной и Холокостом (*ethnic cleansing* как отсылка к нацистским практикам), при медиарепрезентации Израильско-палестинского конфликта – апелляция к библейским нарративам и исторической памяти о преследованиях еврейского народа, что создает уникальный контекст легитимации действий Израиля, российско-украинского конфликта – активация мюнхенского прецедента 1938 года, риторика политики умиротворения, что создает логическую ловушку, блокирующую дипломатическое урегулирование.

3. Наблюдается *диахроническая эволюция стратегий* к усилению прямоты и категоричности номинаций на протяжении трех десятилетий (1991–2025): от преобладания косвенных механизмов, эвфемизации при освещении Югославского конфликта к усилению прямоты, категоричности оценок, эксплицитности обвинений в современных конфликтах.

Данная эволюция отражает трансформацию механизмов идеологического воздействия в условиях цифровизации медиaprостранства и необходимости конкурировать с альтернативными нарративами в режиме реального времени.

Итак, компаративное исследование трех военных конфликтов позволяет сделать вывод о том, что их медиарепрезентация характеризуется инвариантностью дискурсивных стратегий и тактик при вариативности конкретной реализации. Компаративный анализ югославских войн 1990-х годов, израильско-палестинского и российско-украинского конфликтов выявил систематическое воспроизведение идентичных паттернов репрезентации вне зависимости от исторического периода, географического расположения и состава участников конфликтов. Стратегии поляризации через дихотомию «свой–чужие», легитимации/делеги́тимации через апелляцию к авторитету и моральную оценку, драматизации через тактики демонизации, виктимизации и героизации функционируют во всех трех конфликтных контекстах с минимальными модификациями. Данный факт свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях, которая не зависит от специфики конкретного конфликта, но детерминирована позицией медиаинститута в глобальном геополитическом пространстве.

При универсальности базовых механизмов реализации идеологической модальности

компаративный анализ обнаруживает систематическую вариативность их конкретного воплощения, обусловленную геополитическими факторами. Во-первых, интенсивность и категоричность языковой репрезентации коррелирует со степенью геополитической конфронтации, во-вторых, каждый конфликт активизирует специфический набор культурно-исторических ассоциаций, релевантных для аудитории, в-третьих, наблюдается диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций, что отражает трансформацию механизмов идеологического воздействия в условиях цифровизации медиaproстранства и необходимости конкурировать с альтернативными нарративами в режиме реального времени.

Таким образом, компаративный анализ подтверждает гипотезу о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных конфликтах, которая характеризуется инвариантностью базовых стратегий и тактик при вариативности их конкретной реализации в зависимости от геополитического контекста и исторического периода. Выявленные закономерности имеют значение как для развития теории медиалингвистики и критического дискурс-анализа, так и для практики медиаобразования и формирования навыков критического восприятия медиатекстов.

Библиография

1. Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. Macmillan + ORM, 2025.
2. Ахренова Н. А., Голубцова Е. В., Зененко Н. В. и др. Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2025. EDN: NGWNQO.
3. Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа: Коллективная монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2024.
4. Калинин О. И. Метафора и информационная война // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 124-127. EDN: YNTZEF.
5. Лупанова Е. В., Балканов И. В. Трансграничная динамика англоязычного военного дискурса в период специальной военной операции РФ на Украине // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 11. С. 3745-3750. DOI: 10.30853/phil20230574. EDN: LARGKX.
6. Суркова Е. В. Воздействующий потенциал военной фразеологии в публицистике в период вооруженного конфликта (на материалах англоязычных медиатекстов на тему СВО) // Военно-филологический журнал. 2024. № 3. С. 26-36. EDN: FRTFOE.
7. Herman E. S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988.
8. Dijk van T. Discourse and Power. Bloomsbury Publishing, 2017.
9. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003.
10. Wodak R., Meyer M. Methods for Critical Discourse Analysis. SAGE, 2009.
11. Ullah I. et al. A critical discourse analysis of language patterns and power dynamics in social media discourse // Journal of Applied Linguistics and TESOL (JALT). 2024. Vol. 7. № 4. Pp. 914-925.
12. Liang L., Wang H., Li F. Representing the other: a critical discourse analysis of British media coverage of China's role in climate change // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. № 1. Pp. 1-10.
13. Добросклонская Т. Г. Актуализация категории идеологической модальности в англоязычном дискурсе прессы // Вестник Московского университета. Серия 19:

Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 119-133. DOI:

10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8. EDN: PCHCYC.

14. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № 4. С. 428-449. DOI: 10.21638/spbu22.2023.401. EDN: MGSNLK.

15. Зененко Н. В., Червякова О. А. Лингвопрагматическое описание военно-политического медиадискурса: опыт системного анализа // Военно-филологический журнал. 2023. № 3. С. 29-39. EDN: GVVOQQ.

16. Хабаров А. А. Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1169-1191. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1169-1191. EDN: UQQILZ.

17. Чудинов А. П., Сегал Н. А. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг // Политическая лингвистика. 2024. № 3(105). С. 42-48. EDN: BWMBIN.

18. Недзельская Е. С. Стратегия поляризации в англоязычном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 1. С. 75-77.

19. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs // Critical Discourse Studies. 2013. Vol. 10 (2). Pp. 205-222. DOI: 10.1080/17405904.2013.764614. EDN: YDGUSN.

20. Колмогорова А. В. Дискурсивные стратегии легитимации в современной коммуникативной практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415). С. 36-42.

21. Charaudeau P. Discourse Analysis and Its Sociopolitical Stakes // Critical Discourse Analysis: Critical Concepts in Linguistics. Vol. II: Leading Advocates / ed. by R. Wodak and M. Meyer. Routledge, 2006. P. 239-260.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлены результаты исследования инвариантных дискурсивных стратегий и механизмов реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов. Актуальность работы очевидна («последние три десятилетия характеризуются непрерывной чередой военных конфликтов, освещение которых западными медиа демонстрирует устойчивые паттерны репрезентации», вместе с тем имеет место «вариативность конкретной реализации универсальных механизмов, детерминированная геополитическими факторами, эволюцией медиатехнологий и трансформацией глобального информационного ландшафта»). Следовательно, как обоснованно отмечают автор(ы), «выявление устойчивых паттернов медиарепрезентации военных конфликтов становится необходимым как для развития критической медиаграмотности, так и для понимания глубинных механизмов формирования коллективных представлений о геополитических процессах».

Теоретической основой работы явились труды, посвященные исследованиям

современного поликодового мультимодального медиатекста; категории идеологической модальности в дискурсе; вопросам лингвопрагматического описания англоязычного военно-политического дискурса; методам критического дискурсивного анализа, лингвистического анализа информационной войны в условиях военного конфликта и др. Библиография составляет 21 источник, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, а также находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (более 60% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому вопросу.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, прагматический и когнитивный анализы, а также критический дискурс-анализ. Эмпирической базой послужили тексты новостных сообщений и аналитических статей из авторитетных англоязычных изданий (The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Economist, BBC News, Reuters, CNN Politico, Associated Press) общим объемом - 450 медиатекстов (около 300 000 словоупотреблений).

В рамках исследования проведен качественный, количественный и критический анализ дискурсивных стратегий и тактик реализации идеологической модальности в англоязычных медиатекстах, освещающих югославские войны 1990-х годов (1991–2001), израильско-палестинский (2023–2025) и российско-украинский конфликты (2022–2025), а также факторов, детерминирующих инвариантность и вариативность их функционирования в различных геополитических и хронологических контекстах. Выявлено систематическое воспроизведение идентичных паттернов репрезентации вне зависимости от исторического периода, географического расположения и состава участников конфликтов, что «свидетельствует о существовании устойчивой идеологической матрицы западного медиадискурса о военных событиях, которая не зависит от специфики конкретного конфликта, но детерминирована позицией медиаинститута в глобальном геополитическом пространстве». Также обнаружена систематическая вариативность их конкретного воплощения (каждый конфликт активизирует специфический набор культурно-исторических ассоциаций; диахроническая эволюция стратегий к усилению прямоты и категоричности номинаций и др.).

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теории медиалингвистики и критического дискурс-анализа, в изучение дискурсивных стратегий и механизмов реализации идеологической модальности в англоязычном медиадискурсе военных конфликтов и могут быть использованы для практики медиаобразования и формирования навыков критического восприятия медиатекстов.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гапоненко К.Р. Поэтика двойной точки зрения: образ колониального Китая в очерках В.В.Крестовского "В дальних водах и странах" // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76749 EDN: CVHFOW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76749

Поэтика двойной точки зрения: образ колониального Китая в очерках В.В.Крестовского "В дальних водах и странах"

Гапоненко Кристина Романовна

ORCID: 0009-0006-0165-9888

ассистент; Высшая школа русской филологии; Тихоокеанский государственный университет

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск Груднова 1

✉ ignatovakristina381@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76749

EDN:

CVHFOW

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу образа колониального Китая в очерках В.В. Крестовского «В дальних водах и странах». Предметом исследования является образ колониального Китая в очерках В.В. Крестовского «В дальних водах и странах». Объектом исследования выступает художественно-стилевое своеобразие и идеологическое содержание этого очеркового цикла. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как специфика авторского видения, механизмы создания критического образа британской колониальной системы и формирование позиции русского писателя-государственника. Особое внимание уделяется анализу контрастов между внешним порядком колониальных анклавов и их внутренней социально-экономической реальностью. Цель работы – раскрыть, как эти контрасты создаются и какую идеологическую функцию выполняют в тексте. Исследование фокусируется на нарративных стратегиях, которые использует Крестовский для деконструкции колониальной реальности. Анализируется, как через противопоставление видимого благополучия и скрытых механизмов эксплуатации формируется критика западной

колониальной политики. Рассматривается специфика репрезентации китайской культуры через призму русского консервативного сознания. В основе методологии лежит нарратологический анализ, опирающийся на концепцию «точки зрения» Б.А. Успенского. Также применяются элементы мотивного и историко-функционального методов для изучения жанрового синтеза очерка. Научная новизна работы заключается, во-первых, во введении в научный оборот малоизученного очеркового цикла В.В. Крестовского. Во-вторых, новизна состоит в обосновании «двойной точки зрения» как ключевого структурно-идеологического принципа его поэтики. В результате исследования установлено, что «двойная точка зрения» служит у Крестовского системным инструментом критики, а не просто стилистическим приемом. Выявлено, что эта поэтика формирует позицию автора как «просвещенного консерватора». Его аналитический взгляд опровергает стереотип о «китайской неподвижности» и раскрывает истинные экономические механизмы колониализма. Сделан вывод, что очерки Крестовского представляют собой синтез документального репортажа и идеологического высказывания. Они являются важным документом эпохи, который фиксирует сложный процесс формирования российской имперской идентичности в её диалоге с Востоком и Западом.

Ключевые слова:

В.В. Крестовский, поэтика очерка, колониальный дискурс, образ Китая, имперская идентичность, двойная точка зрения, русская литература, нарратология, путевой очерк, художественный образ

Введение

Всеволод Владимирович Крестовский – фигура сложной литературной судьбы. Его творчество отразило сложные явления русского общества и литературы второй половины XIX века. Крестовский прошел путь от участия в демократических изданиях до позиций последовательного государственника: «К началу 1863 относится «прозрение» Крестовского: отказ от нигилистических «теорий» [\[8, с. 147\]](#).

Его дальневосточное путешествие 1880–1881 годов, результатом которого стали очерки «В дальних водах и странах», было осуществлено в официальном качестве – «секретаря при начальнике Тихоокеанской эскадры, корреспондента газеты «Правительственный вестник» и журнала «Морской сборник» [\[4, с. 148\]](#). Этот статус предопределил не только маршрут, но и идеологическую, аналитическую направленность текстов. Очерки писались по свежим впечатлениям во время плавания и пребывания в портах, что обеспечило их документальную насыщенность и актуальность.

Публикация очерков осуществлялась в журнале «Русский вестник» в 1885–1887 годах, а затем они вышли отдельным изданием. Критика современников была, как и в случае с большинством произведений Крестовского, полярной. С одной стороны, очерки были замечены и вызвали интерес как один из первых столь детальных репортажей о колониальной системе на Дальнем Востоке, увиденной глазами русского офицера и публициста. С другой стороны – либеральная критика воспринимала его работы сквозь призму его репутации «реакционера», что не отменяло ценности собранного им фактического материала и остроты его наблюдений.

Как отмечает А.В. Лукин, к последней трети XIX века в русской общественной мысли сформировался сложный и напряженный образ Китая, ставший *«символом не только далекой и странной страны, но и совершенно чуждого общества»*, который использовался *«в ожесточенных спорах» о будущем России* [6, с. 63]. С одной стороны, западническая традиция, от П.Я. Чаадаева до В.Г. Белинского, видела в Китае эталон *«тупой неподвижности»* и *«застоя»*, антипод динамичной Европы [6, с. 69]. С другой – набирала силу идея *«китаизации»* самой Европы, превращающейся в *«мещанское государство»* по образу Китая, что с тревогой констатировал А.И. Герцен [6 с. 73]. Таким образом, официальный статус Крестовского – секретаря при начальнике Тихоокеанской эскадры и корреспондента *«Правительственного вестника»* предопределил не только маршрут его поездки, но и его особую миссию: дать не отвлеченный, а конкретный, государственный анализ колониальной реальности.

Образ Китая в русской литературе активно рассматривается современными исследователями. Так, А.А. Красноярова разрабатывает концепцию *«китайского текста»* как целостного сверткста [3]. При этом исследователь констатирует, что *«изучение китайского текста российским литературоведением практически не проводилось»*, а работы посвящены *«либо отдельным аспектам»*, *«либо творчеству известных писателей»* [3]. Х.С. Шагбанова исследует связь темы с дихотомией *«Запад – Восток»* [11], а А.А. Забияко вводит понятие *«художественной этнографии»* для произведений, созданных по итогам непосредственных контактов с Китаем [2]. Однако, несмотря на разработанность отдельных аспектов, очерковая проза второй половины XIX века, сочетающая документальность с политико-аналитическим дискурсом, остается областью, изученной фрагментарно и недостаточно полно. В частности, вне поля научного внимания остается цикл очерков В.В. Крестовского *«В дальних водах и странах»*, представляющий собой синтез корреспондентского отчета, идеологического высказывания и эстетического видения.

Очерки В.В. Крестовского *«В дальних водах и странах»* встраиваются в традицию русского литературного путешествия о Китае, однако их место в этой традиции является особым. Ключевой фигурой-предшественником здесь выступает И.А. Гончаров, чьи очерки *«Фрегат Паллада»* задали канон документально-этнографического подхода. Установка Гончарова была направлена на создание целостного портрета цивилизации, что проявляется в его внимании к *«беглым заметкам... о том только, что мелькнуло у меня в глазах»* [1, с. 18], но при этом в стремлении к объективности и сочувственному изображению *«реального Китая»*.

В.В. Крестовский, наследуя гончаровскую установку на документальность, радикально меняет угол зрения. Его взгляд – это не взгляд путешественника-этнографа, а взгляд государственного аналитика. Если Гончаров в Шанхае фиксирует, что *«обращение англичан с китайцами... повелительно, грубо или холодно-презрительно, так что смотреть больно»* [1 с. 228], то Крестовский идет дальше, вскрывая экономические и социальные механизмы, стоящие за этим презрением. Его очерки – это не создание этнографического портрета или философское умозаключение, а аналитический отчет о колониальной системе, увиденный глазами русского консерватора.

Методологической основой для анализа нарративной стратегии В.В. Крестовского служит разработанная Б.А. Успенским концепция *«точки зрения»*. В своей фундаментальной работе *«Поэтика композиции»* ученый определяет *«точку зрения»* как *«позицию, с которой ведется повествование или с которой воспринимается событие»*

повествования персонажем», выделяя для ее анализа несколько планов: идеологический (оценочный), фразеологический, пространственно-временной и психологический [10, с. 9, 12].

Ключевым для нашего исследования является выявленный Успенским феномен «двойной точки зрения». Исследователь подчеркивает, что *«различные точки зрения, вычленяемые на разных уровнях анализа, если и обычно, то, во всяком случае, отнюдь не обязательно» совпадают* [10, с. 135]. Именно это несовпадение создает сложные композиционные построения, когда на разных уровнях анализа вычленяются различные структуры одного и того же произведения.

В контексте данного исследования под «двойной точкой зрения» понимается специфический прием, при котором описание одного и того же объекта или явления последовательно или одновременно дается с двух контрастных позиций, вычленяемых на разных уровнях композиции. Этот прием создает эффект аналитического «расщепления» целостного впечатления на внешнюю, декларируемую сторону и внутреннюю, скрытую сущность. Как отмечает Б.А. Успенский, подобное несовпадение точек зрения, особенно оценочной и фразеологической, *«является принципиально важным для создания эффекта иронии»* [10, с. 137], что характерно для сатирического и критического взгляда Крестовского.

Путевые очерки Всеволода Крестовского «В дальних водах и странах» сочетают документальную основу, публицистическую остроту и беллетристическую выразительность. Особое место в них занимает образ Китая, увиденный через британские колониальные владения – Гонконг и Шанхай.

Путешествие Крестовского пришлось на переломный этап русско-китайских отношений. Как отмечает Н.А. Самойлов, в этот период происходит переход от «активации» к «адаптации» [9, с. 115]. Если в 1850–1860-е годы торговый баланс оставался относительно равновесным, то к 1880-м российский экспорт в Китай сократился более чем вчетверо, тогда как импорт китайского чая многократно вырос. На этом фоне британское доминирование – до двух третей внешнеторгового оборота Китая – выглядело подавляющим [5, с. 135]. Взгляд Крестовского – это взгляд представителя империи, оттесненной на периферию экономического присутствия в Китае, но сохраняющей геополитические амбиции в регионе. Он обращен не к северным пограничным территориям, а к «южным воротам» Китая, находившимся под британским контролем. Такой ракурс позволяет автору занять позицию заинтересованного наблюдателя, чей анализ колониальной системы подчинен поиску места России на Дальнем Востоке.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения художественных стратегий репрезентации «чужого» в русской литературе. Очерки Крестовского ценны как материал для понимания того, как русское художественно-очерковое сознание осваивало и оценивало западные колониальные практики в Азии.

Научная новизна состоит в выявлении поэтики «двойной точки зрения» как структурного принципа повествования. Под этим термином понимается нарративная стратегия разоблачения, которая построена на противопоставлении внешнего и внутреннего, декларируемого и реального. Взгляд Крестовского определяется не только личными впечатлениями, но и сложившейся позицией государственника, для которого, по его собственным словам, «первенствующее значение» имели «непосредственные

впечатления» от жизни и быта.

Цель статьи – раскрыть специфику образа колониального Китая через анализ поэтики «двойной точки зрения» в очерках Крестовского. Для достижения поставленной цели исследуются социально-экономические, пространственные и жанровые элементы очерков, а также поэтика контраста, формирующие позицию автора – «просвещенного консерватора».

В работе используются элементы мотивного и нарратологического анализа, а также историко-функционального изучения путевого очерка как жанра.

Обсуждение проблемы

Крестовский фиксирует раннюю стадию интенсивного взаимодействия России и Китая, однако его взгляд устремлен не на северные пограничные территории, а на «южные ворота» – Гонконг и Шанхай, находившиеся в сфере британского влияния. Этот выбор не случаен: именно британские колониальные анклавы становятся для него моделью, позволяющей занять позицию «внешнего», но заинтересованного описателя. Его очерки отразили не этнографическую достоверность или «подлинность» Китая, а анализ колониальной системы как таковой, осуществляемый с позиции русского государственника.

Описание Гонконга строится на последовательном разоблачении контраста между европейским порядком и китайским хаосом. С одной стороны, Крестовский описывает британские инфраструктурные достижения:

«На всех улицах вы встречаете великолепное, всегда начисто подметенное и вспрыснутое шоссе и широкие мощные тротуары; везде проложены подземные сточные трубы, везде цистерны и краны водопровода и газовое освещение, словом, здесь соединены все условия для самой взыскательной в отношении общественного комфорта городской европейской жизни» [\[4, с. 577\]](#).

Однако этот порядок оказывается искусственным. Ему противопоставлен «кипящий мир китайского труда» – тысячи сампангов, паланкинов, кули, создающие иную, неевропейскую реальность. Кульминацией контраста становится описание холма Тал-Пин-Шан – символического «дна» колонии, где порок не просто существует, но и монетизируется властью: *«тут что ни шаг, то какой-нибудь кабачок, таверна, опийная курильня, игорный дом или притон разврата... Скверные смешанные запахи опийного дыма... доказывают вам, что вы попали в самый круговорот китайской жизни»* [\[4, с. 605\]](#).

Крестовский показывает системность этого «хаоса», цитируя англичанина Томсона: *«Правительству... было необыкновенно трудно уничтожить здесь пороки... и оно ограничилось наконец тем, что наложило пошлину на то, чего не могло уничтожить»* [\[4, с. 609\]](#). Слово «якобы» подчёркивает механизм: *«полиция сама устроила игорные дома якобы затем, чтоб иметь возможность наблюдать и контролировать зло»* [\[4, с. 610\]](#).

Контраст между мирами колонизаторов и коренного населения достигает апогея в описании их повседневного уклада. Крестовский досконально описывает строгий и безрадостный распорядок дня европейцев, жизнь, лишённую *«театра и других общественных развлечений»* и подчинённую чисто утилитарным целям [\[4, с. 582\]](#). Этому искусственному порядку противопоставлен «мир китайских кули», чья деятельность не прекращается ни на миг [\[4, с. 593\]](#). Признавая трудолюбие китайцев, автор оценивает его

прагматично – как качество идеальной рабочей силы.

В Шанхае «двойная точка зрения» приобретает более сложный характер. Если Гонконг – это навязанный порядок, то Шанхай предстает как органический, но болезненный союз двух миров. Автор начинает с впечатления от набережной – «город дворцов», – подчеркивая его столичный, европейский вид: *«Шанхай сделает на вас впечатление совершенно европейского города... Все остальное до такой степени Европа, что вам даже как-то странно встречать... длинноносого полуголого кули»* [4, с. 640]. Но сразу оговаривается: *«в других, более внутренних улицах... вы встретите и китайские лавки, и китайские рестораны, и уличную китайскую жизнь, которая отлично устраивается рядом с европейскими магазинами»* [4, с. 641]. Европейский фасад оказывается тонкой пленкой, под которой скрывается образ совсем иной цивилизации.

Экономические механизмы раскрывают парадокс: китайцы, у которых европейцы арендовали землю, теперь сами вынуждены брать ее в субаренду по завышенным ценам: *«Китайцы платят много и будут платить еще больше, и все-таки станут брать в аренду места чуть не с аукционного боя, ибо такова уже притягательная сила этого универсально-торгового пункта, созданного на их глазах из ничего «рыжих варваров»* [4, с. 642]. Восприятие китайцев у Крестовского во многом опосредовано логикой колониального рынка. Его описание национального характера сводится к социальным ролям, востребованным в этой системе: купцы, ремесленники, носильщики. Даже признание эстетического чувства китайцев оценивается им утилитарно:

«Достаточно взглянуть на устройство хорошей китайской лавки... чтобы признать в китайцах людей с большим артистическим, хотя и крайне своеобразным вкусом... Как продает он вам какую-нибудь хорошенькую вещицу, с каким наслаждением сам любит ее в это время» [4, с. 584].

Ключевым эпизодом, раскрывающим эту логику, становится сцена торга, где Крестовский-бытописатель дает почти «физиологический очерк» поведения китайского купца:

«С китайцами, как и вообще со всеми азиатами, можно и должно торговаться... Это торгаш не только по профессии, но и по натуре... Подобного покупателя китаец вовсе не уважает... именно "без удовольствия", потому что такой покупатель самого его лишает приятности пройти лишний раз весь любезный ему процесс торгованья» [4, с. 586].

Выступая как знаток местных торговых традиций, Крестовский одновременно критикует своих соотечественников, считающих торг «неприличным»; автор тем самым позиционируя себя как опытного и практичного человека, которому чужд колониальный снобизм.

Описание опиумных курилен – яркий пример реалистического описания в духе натуральной школы, где детали наделяются двойственной функцией – с одной стороны, они служат созданию «физиологии» китайских реалий, с другой же – преследуют публицистическую цель. В этом отношении показательно выражение: *«Кто же ввозит к нам опиум?.. Кто охраняет этот опиум своими пушками?»* [4, с. 684]. Увидев английский военный корвет, охраняющий опиумные склады, автор получает повод для критики колониальной системы:

«С невольным чувством некоторого презрения взглянул я на этот белый военный флаг, столь гордо прикрывающий собою самую позорную отрасль английской торговли» [4, с. 684].

[6387](#). Это не эмоциональная вспышка, а сознательный художественный прием, сталкивающий символ имперского порядка и порока.

Поэтика «двойной точки зрения» находит воплощение в жанровом синтезе, который Крестовский мастерски использует как инструмент критики. В его очерке документальная основа, выраженная в точных цифрах, описаниях инфраструктуры и политических заметках, сочетается с открытой публицистичностью, проявляющейся в прямых оценках и сравнениях. При этом повествование постоянно «оживляется» беллетристическими элементами – яркими, почти живописными зарисовками, вроде описания магазинов, которые, *«составляют целую картину, которую прямо бери и пиши»*. Такое многообразие жанровых подходов позволяет ему одновременно и фиксировать реальность, и эмоционально воздействовать на читателя, и выносить беспристрастные суждения.

Трансформация принципов «натуральной школы» особенно заметна в «сверхдетализации» колониального быта – от распорядка дня европейца до шокирующих описаний вроде торговли женским молоком. Подобное нагромождение фактов служит не «эффекту присутствия», а документальному обличению, показывая абсурдность и порочность всей этой системы.

Этнографические детали показывают культурный синтез: *«пол устлан сплошь, очень чистыми бамбуковыми циновками, на стенах висят длинные пунцовые свитки с золотыми приветственными изречениями... европейские круглые настенные часы»* [\[4, с. 650\]](#). Ирония Крестовского здесь подчеркивает культурный барьер: *«Это вяленая саранча, насухо поджаренная с тертым овечьим сыром. Довольны ли вы этим открытием?»* [\[4, с. 651\]](#).

Сатира обличает колониальное общество: *«Скажите на милость, чем же все это лучше наших «саврасов»?..»* [\[4, с. 684\]](#). Проводя параллель между «дикими» русскими купцами и «цивилизованными» англичанами, Крестовский показывает, что под тонким слоем лоска европейцев скрывается очевидное варварство.

Эволюция авторской маски Крестовского – от бесстрастного бытописателя к сложной фигуре «просвещенного консерватора» является прямым следствием применения «двойной точки зрения».

В Шанхае маска усложняется, демонстрируя редкую для эпохи способность к объективности. Встреча с католическими миссионерами-иезуитами становится для него, православного государственника, откровением: *«какие, однако, симпатичные, простые и добрые люди!»* [\[4, с. 285\]](#). Его анализ причин конфликта вокруг миссионерства выдает в нем мыслителя, способного к непредвзятому анализу.

Одновременно крепнет его консервативное начало. Описывая интерьер дома богатого китайца, заставленный дешевыми европейскими безделушками, Крестовский с горечью восклицает: *«Ох, уж эта портовая «цивилизация»! Попортил себе человек свою прекрасную национальную обстановку пошлою европейскою дрянью»* [\[4, с. 699\]](#). Автор выступает как защитник подлинной традиции, для него вульгарная европеизация представляет реальную опасность национальному своеобразию. Эволюция автора – от нейтрального наблюдателя до многогранного критика – показывает, как чужая среда заставляет Крестовского проявлять разные стороны своей идентичности. Такая гибкость помогает ему опровергнуть распространенное мнение о «китайской неподвижности»:

«Толкуйте после этого о неподвижности и неспособности китайцев к чему бы то ни было

кроме своей... «китайщины», «мне кажется так называемый "китайский застой" в действительности чуть ли не принадлежит к числу европейских заблуждений» [4, с. 619].

Итогом этого пути становится фундаментальный вывод, полностью опровергающий колониальные стереотипы: *«Народ в высшей степени способный, трудолюбивый и... по-своему весьма интеллигентный... его умение держать себя с достоинством и самоуважением» [4, с. 620].* Это признание является прямым результатом последовательного применения «двойной точки зрения», отбросившей расхожие клише в пользу трезвого анализа.

Заключение

На основании проведённого анализа можно заключить, что поэтика «двойной точки зрения» является не просто стилистическим приемом, а фундаментальным художественно-идеологическим методом Крестовского. Она помогает Крестовскому выявить внутренние противоречия колониализма, где порядок и хаос тесно переплетены. Через призму «двойной точки зрения» автор демонстрирует подлинные экономические механизмы, скрывающиеся за риторикой «цивилизаторской миссии», формируется позиция автора как «просвещенного консерватора», способного к объективному взгляду и защите национальных традиций. Через «двойную точку зрения» он не только описывает Китай, но и размышляет о роли России на Дальнем Востоке. Критика британской модели становится для него способом наметить иной, возможно более этичный путь.

Очерки Крестовского предстают не просто литературным памятником, а важным документом эпохи, запечатлевшим сложный процесс формирования российской имперской идентичности в ее диалоге с Востоком и Западом.

Библиография

1. Гончаров И. А. Фрегат Паллада: очерки путешествия : в 2 т. Л. : Наука, 1986.
2. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV, № 3. С. 212-219.
3. Краснаярова А. А. Китай в русской классической литературе // Исследователь года 2021: сб. ст. Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: МЦНП "Новая наука", 2021. С. 222-231.
4. Крестовский В. В. В дальних водах и странах. В 2 т. Т. 1. Москва: Век, 1997. 399 с.
5. Ларионов Е. По поводу одного острова (гадание о будущем) // Исторический вестник. 1882. Т. 9. С. 129-163.
6. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. Москва: Восток-Запад; АСТ, 2007. 598 с.
7. Пчелинцева К. Ф. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв. Волгоград: Перемена, 2005. Ч. 1. С. 29.
8. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3 / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. Москва: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 146-149.
9. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2010. Вып. 2. С. 275-288.
10. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы // Семиотические исследования по теории искусства. Москва:

Искусство, 1970. С. [135-137]. 224 с.

11. Шагбанова Х.С. Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв. // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 67-79. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.69943 EDN: MXKKSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69943

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена образу колониального Китая в очерках В.В. Крестовского "В дальних водах и странах" (издание составили путевые заметки, сделанные Всеволодом Владимировичем Крестовским во время кругосветной экспедиции, которую возглавлял начальник русских морских сил в Тихом океане адмирал С. С. Лесовский).

Авторы обратились к одной из интересных проблем в изучении творческого наследия В.В. Крестовского.

Методологической основой для анализа нарративной стратегии В.В. Крестовского служит для авторов разработанная Б.А. Успенским концепция «точки зрения».

Адекватен выбранный спектр методов исследования. Так, в работе используются элементы мотивного и нарратологического анализа, а также историко-функционального изучения путевого очерка как жанра.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения художественных стратегий репрезентации «чужого» в русской литературе.

Подробно в работе осмыслена терминологическая база (авторы дают исчерпывающее толкование базовой дефиниции — «двойная точка зрения») и степень изученности проблемы.

Суждения по ходу работы имеют аналитически выверенный вид. Выражен научный интерес авторов статьи к идейной стороне произведения. Согласимся с авторами в том, что "очерки Крестовского предстают не просто литературным памятником, а важным документом эпохи, запечатлевшим сложный процесс формирования российской имперской идентичности в ее диалоге с Востоком и Западом". Вместе с авторами убеждаемся в том, что, по мнению Крестовского, ничто не заставит русского человека променять, забыть свою Родину, - и это основной лейтмотив всего повествования в указанном издании.

В представленной статье идеи изложены четко, ясно, логично. Работа написана современным грамотным научным языком. Материал хорошо систематизирован и концептуально изложен (логика содержания работы определяется поставленной целью и комплексным подходом к исследованию). Работа с источниками корректна.

Отмечен вклад авторов в проведенное исследование, выявлены степень его актуальности и новизны, научной разработанности.

Заключение статьи полностью соответствует принятым нормам. В нём автор подводит итоги своих научных изысканий. Таким образом, заявленная цель работы – раскрыть специфику образа колониального Китая через анализ поэтики «двойной точки зрения» в очерках Крестовского - достигнута, а поставленные задачи успешно решены.

Практическая ценность исследования представляется нам весомой. Конкретные и обобщающие выводы делают исследование востребованным в гуманитарной науке,

высшем образовании.

Основные требования издания учтены.

Рекомендуем статью «"Поэтика двойной точки зрения: образ колониального Китая в очерках В.В. Крестовского "В дальних водах и странах"» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

В качестве рекомендации предлагается продолжить разработку заявленной темы, несомненно заслуживающей более пристального внимания.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гули-Заде Р.Н. Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76211 EDN: CVTWKU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76211

Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах

Гули-Заде Рухангиз Надыровна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Русского языка и литературы; Государственный университет имени Шахида Бехешти

1475634664, Иран, г. Тегеран, бул. Шахриари, Университет, каб. 00989123304472

✉ r_gholizadeh@sbu.ac.ir

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76211

EDN:

CVTW KU

Дата направления статьи в редакцию:

11-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается концепция антропоцентризма, выделяются различия и общности в мировоззрении, отраженном в языке носителей русского и персидского языков, исследуются специфические характеристики ритуальной терминологии, связанной с событиями рождения и смерти. Предпринята попытка определить типичные признаки речевых формул поздравлений и сочувствия как культурно-языковых маркеров, проявляющих особенности русской и иранской картин мира. Материалом исследования послужили речевые образцы в виде высказываний, реплик, распространенных при выражении эмотивных речевых действий – поздравление, соболезнование. Исследователи, стремясь раскрыть особенности мировосприятия определенной языковой группы, опираются на антропоцентрический подход. Это означает, что в центре внимания оказывается не просто объективное описание мира, а его значение для человека, роль в человеческой жизни, влияние на формирование личности и ее развитие. Предмет исследования рассматривается сквозь призму человеческого опыта, его потребностей и целей. Данный подход подразумевает

глубокое изучение того, как языковые единицы (слова, фразы, грамматические конструкции) отражают человеческие ценности, установки, культурные особенности и способы взаимодействия с окружающим миром. При написании статьи использовались в основном традиционные методы: прагматическая, семантическая и стилистическая интерпретация, понятийный анализ, социолингвистический анализ синхронного состояния речевого этикета. Научная новизна исследования заключается в определении ключевых характеристик устоявшегося этикета, в определении общих специфических характеристик в русских и персидских этикетных речевых действиях. Лексика, традиционный этикет, а также наследие обычаев конкретной народности формируются веками, отражают ее опыт, и становятся неотъемлемой частью жизни, обучая как молодое, так и последующие поколения нормам, правилам и устоявшимся моделям поведения и взаимодействия. Приверженность традициям в общении влияет как на духовный мир личности, так и служит инструментом поддержания и закрепления привычных моделей повседневных контактов и социальных связей посредством воспитания моральных ценностей. Как показало сопоставление, лексика и в частности этикетные речевые действия, обслуживающие концепт «рождение и смерть» имеют много общего в обеих лингвокультурах. Различия в лексике, обозначающей понятия рождения и смерти, во многом обусловлены разницей в традициях, ритуалах и религиозных верованиях, свойственных русской (славянской) и иранской (восточной) культурам.

Ключевые слова:

лингвокультура, этикетные речевые действия, рождение, ритуал, русский язык, персидский язык, коллективистским принципам, обряд, традиция, Пожелания

Введение

В лингвистике укоренилось убеждение о неразрывной связи между языком и картиной мира. Считается, что наше понимание реальности, ее структура и детали, непосредственно зависят от того, как эта реальность выражена в языке [Кубрякова, с.7–86]. Именно через языковые конструкции мы формируем наше восприятие окружающего мира, его интерпретацию и последующее взаимодействие с ним. Это фундаментальный принцип, ясно сформулированный В.В. Гаком в виде кругового процесса: реальность, через призму человеческого мышления, преобразуется в языковое выражение, а затем, снова проходя через фильтр мышления, возвращается к восприятию действительности, уже преломленной через призму языка [Гак, с. 22]. Этот цикл непрерывен, язык не просто отражает мир, но активно участвует в его формировании в нашем сознании, можно сказать, что он выступает как мощный инструмент, создающий и структурирующий наш когнитивный мир.

Исследователи, стремясь раскрыть особенности мировосприятия определенной языковой группы, опираются на антропоцентрический подход. Это означает, что в центре внимания оказывается не просто объективное описание мира, а его значение для человека, его роль в человеческой жизни, его влияние на формирование личности и ее развитие. Предмет исследования рассматривается сквозь призму человеческого опыта, его потребностей и целей [Артюнова, с. 3]. Данный подход подразумевает глубокое изучение того, как языковые единицы (слова, фразы, грамматические конструкции) отражают человеческие ценности, установки, культурные особенности и способы взаимодействия с окружающим миром. Например, богатая лексика, связанная с

определенными природными явлениями, может свидетельствовать о важности этих явлений в жизни носителей языка. Таким образом, реконструкция фрагмента мира через анализ языка не является простой транскрипцией, а представляет собой сложный процесс интерпретации, учитывающий культурный контекст, когнитивные механизмы и антропоцентрическую призму исследования. Язык становится не только объектом изучения, но и ключом к пониманию глубинных аспектов человеческого восприятия и опыта.

Основная часть

Согласно общепринятым в разных обществах коллективистским принципам, каждый человек в группе ощущает свою связь с другими членами сообщества, разделяя с ними как радости, так и горести. Это утверждение также применимо к русскому и иранскому обществам и культурам. Согласно А.О. Ханскому, каждый человек переносит свои радости и печали на «мы-группу», а эта группа, в свою очередь, реагирует на его состояние в зависимости от тех обстоятельств, в которых он оказался [Ханский, с.127].

Цикличность бытия – фундаментальное свойство мироздания, проявляющееся в непрерывном чередовании рождения и смерти, роста и увядания. Хотя традиционная схема жизненного пути человека – рождение, брак, уход из жизни, кажется неизбежной, она выражает веру в преемственность поколений, в бессмертие. Эта концепция во многих культурах воплощена в символике круга, олицетворяющего бесконечность, и проявляется, например, в ритуальных угощениях – блинах (в русской культуре), круглом хлебе, лепешках (в культуре персоязычных народов), присутствующих на событиях рождения, свадьбы и поминаения. Их округлая форма не просто случайность, а глубоко продуманный символ, призванный утешить скорбящих, напомнить им о вечном круговороте жизни и смерти, о том, что смерть – это лишь переход в другое состояние, а не абсолютный конец.

Обряды подобные рождению и похоронам, как правило, относят к традиционным семейным церемониям, включающим в себя ряд значимых жизненных этапов. Они обычно проводятся публично, предполагают разыгрывание определенных ролей и исполнение символических действий, ориентированных на выполнение задач ритуала (признание статуса ребенка, почившего). Язык отражает эти обряды через специализированную лексику — обрядовые слова, которые формируют структурированную систему, соответствующую последовательности событий в человеческой жизни, позволяя понять логику формирования такого комплекса выражений для конкретного случая. Что касается традиционного этикета (устойчивые речевые конструкции той или иной лингвокультуры), то он демонстрирует уникальность национальных особенностей в речи, проявляясь в закрепившихся фразах и оборотах, которые общепринято использовать для начала разговора и поддержания беседы в соответствии с культурными нормами. Таким образом, язык, манера говорить, устойчивые формы общения аккумулируют многовековой народный опыт, самобытность традиций и обычаев, уклад жизни и особенности быта каждой этнической группы.

Будучи тесно связанным с убеждениями, ритуалами, обычаями и передаваемыми из поколения в поколение знаниями, традиционный этикет делает акцент на усвоении правил поведения. Если же эта взаимосвязь нарушена, то "этикет" сводится к механическому выполнению инструкций, сопровождаемых простыми объяснениями вроде: «Нужно делать так, потому что иначе – неприлично» [Байбурин, Топорков, с.13].

Концепт «рождение» в русской и иранской лингвокультурах представляет собой

многогранное явление, которое включает в себя как лексические, так и культурные, эмоциональные и биологические аспекты, формируя целостное восприятие этого важного события.

Рассмотрим лексические единицы и этикетные речевые действия, связанные с рождением в русской и иранской лингвокультурах:

Основные лексические элементы, формирующие структуру концепта «рождение» в русском языке, включают следующие компоненты:

-обряд: гендер-пати (западная традиция, распространенная в России и Иране), родины, украшение дома (больничной палаты), крещение, смотрины;

-действующие лица: новорожденный, младенец, мать, отец, крестная мать, крестный отец, доктор, акушер;

-предметы: оберег (нательный крестик, иконка), приданое ребенку, подарки, фотосессия;

-(первое) купание, пеленать, колыбельная;

-место: роддом, выписка из родильного дома, церковь;

- характеристики и переживания: "появился на свет", "дар небес", "новый член семьи", "радость появления" и другие. Также сюда относятся фразы: "родиться ребенку", "готовиться к материнству", "ожидать пополнения".

В персидском языке:

-обряд: *jashne ta'eene jensiyat* гендер-пати (западная традиция, распространенная в России и Иране), *jashn gereftane tavallode nozad* празднование рождения младенца/смотрины, *taz'eene manzel/otaghe koodak* украшение дома (больничной палаты), *khandane azan dar gooshe nozad* (чтобы принести малышу Божью милость, оградить от недобрых сил и обеспечить счастливую судьбу, ему произносят молитву Азан);

- действующие лица: *nozad* новорожденный, младенец, *madar* мать, *pedar* отец, *doctor* доктор, *māmā* акушер;

-предметы: *harz baraye nozad* оберег (маленький Коран, булавка от сглаза – назар и пр.), *sismooni* приданое ребенку, *hedieh* подарки, *akasi* фотосессия;

-*avvalin hamam* (первое) купание, *ghondagh kyardan* пеленать, *lalayi* колыбельная;

-место: *bimarestan* больница/роддом, *tarkhis az bimarestan* выписка из родильного дома.

Анализ понятий «рождение» и «смерть», начался с рассмотрения кратчайшей структурно-семантической единицы языка — лексики, и в последующих разделах статьи перейдет к более масштабным элементам, таким как этикетные речевые действия. На первом этапе нашего исследования были получены интересные результаты: в случае концепта «рождение» (и «смерти» включительно) изучение соответствующей лексики дало нам возможность углубиться в ритуалы и обряды, связанные с этой темой. Исследование показало, как в русской, так и в иранской лингвокультурах существуют определенные иерархические связи и последовательность действий, включающие: определение пола будущего ребенка, родины, украшение больничной палаты и комнаты новорожденного, знакомство родственников с малышом. Также существуют традиции охватывающие

религиозные отличия: согласно русской традиции — это крестины, иранской — произнесение сур Корана над ухом младенца. В обеих культурах также распространены символические действия – защита ребенка оберегами, вручение подарков и приданого для новорожденного, фотосессия.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, невзирая на культурное и религиозное многообразие, анализ лексики, описывающей понятия «рождение» обнаруживает значительное сходство между обрядами и представлениями в русской и иранской языковых картинах мира, даже при различиях в менталитете и вероисповедании.

Речевые этикетные действия, связанные с концептом «поздравление» в русском и персидском языках:

Как правило, в качестве элемента речевой культуры, поздравление демонстрирует типичную этикетную обстановку, где один человек передает другому теплые наилучшие желания в связи с позитивными моментами или успехами. Ряд российских и иранских лингвистов относят поздравление к числу эмотивных этикетных жанров (Пиотровская 1994, Федосюк 1996, Формановская, 2002, Вольф 2002, Вежбицкая, 2011, Формановская, 2007, Ф. Шарифиян 2014, 2019, С. Каутлаки 2010). Это утверждение также поддерживается работами зарубежных исследователей (Gurdham 1989, Oetzel 2009, Pot 2006, Neuliep, James 2017, Judith N. Martin, Thomas K. Nakayama 2009), внесших значимый вклад в область межкультурной прагматики.

Семема «поздравление» охватывает несколько ключевых элементов. Во-первых, это «приветствие по случаю какого-либо радостного события», что подразумевает выражение радости и поддержки. Во-вторых, она включает в себя «здоровствовать», что означает пожелание здоровья и благополучия. Также важен аспект «привечать к празднику», который подразумевает приглашение и создание атмосферы праздника. Наконец, семема «поздравление» включает в себя «изъявление участия через пожелания», то есть выражение своих добрых намерений и поддержки в этот особенный момент.

Как правило, поздравления и соболезнование немыслимы без пожеланий. Они проявляются в разнообразных речевых конструкциях, выстраиваются в строгой последовательности, формируя целостную структуру, подобно частям, объединенным общей идеей, зависящей от контекста. Основным нюансом между ними лежит в эмоциональном оттенке: поздравление демонстрирует живую радость отправителя, разделяемого с получателем, тогда как пожелание передает более спокойное, однако не менее сердечное желание счастья и успеха для адресата в дальнейшем. Эти элементы обычно идут один за другим: сначала произносится торжественное поздравление, а затем соответствующее этому поздравлению пожелание.

В русском и в персидском языках поздравительные высказывания могут обогащаться за счет:

- интенсификаторов: От всей души, от всего сердца поздравляю вас с рождением маленького чуда! Искренне и сердечно поздравляю вашу семью с пополнением! Tavallode nazanintarin va ahooraee tarin armaghane zendegitanra samimaneh tabrik migooim От всей души поздравляем вас с рождением самого прекрасного и божественного подарка в вашей жизни!

-стилистически возвышенных формул: Примите самые теплые поздравления с появлением на свет вашего малыша! Samimanetarin shadbashe ma ra baraye shekoftane

nogole zibaye zendegitan pazira bashid Примите мои самые искренние поздравления с новым цветением прекрасного цветка в вашей жизни

-глаголом Поздравляю! Поздравляем!: Поздравляем дорогих родителей с самым прекрасным событием – с рождением ребенка! Ghadame noresideh mobarak! Поздравляем с приходом новорожденного в этот мир (наиболее распространенное поздравление иранцев, адресованное родителям новорожденного).

Пожелания:

Желаю вам счастливого, светлого будущего и семейного тепла. Пусть ваш ангелочек растет крепким, здоровым и жизнерадостным, удивляет и радует вас изо дня в день; Желаю малышу вырастить счастливым человеком! Пусть ночи будут спокойными, и чтобы зубки резались легко!; Желаем, чтобы мир окружил его счастьем, добром и радостью!

Ensha Allah dar sayehe Khodavand va be farkhondegiye in rooze mobarak hamvareh salamati va shadi baraye shoma va nozadetan dar pish bashad Да благословит и одарит Всевышний вас и вашего малыша здоровьем и счастьем в этот светлый благословенный день; Arezooye man in ast ke har bar koodaketan be shoma labkhand mizanad hameye sakhtihaye donya napadid beshavad Желаю, чтобы каждая улыбка вашего чада стирала из вашей памяти все печали и невзгоды мира; In yek lahze shegeftangiz baraye khanevadeye shomast va omidvaram ke dorane koodakiye u sarshar az eshgh va aramesh bashad Это замечательный период для вашей семьи, желаю, чтобы его детство было насыщено любовью и гармонией.

Лексические единицы и этикетные речевые действия, вязанные с концептом «похороны» в русской и иранской лингвокультурах:

Основные лексические элементы, формирующие структуру концепта «похороны» в русском языке, включают следующие компоненты:

-обряд: омовение и облачение умершего, церковное отпевание, погребальные молитвенные обращения, кремация (допускается, но не поощряется как традиционный способ погребения, поскольку он противоречит вере в воскресение), поминки (девятый сороковой день);

- действующие лица: усопший, танатопрактик, священник, родные и близкие.

-предметы: свеча, святая вода, саван, гроб, могила, вещи, венец, икона, могильный крест;

-место: церковь, храм, ритуальная компания, кладбище;

- традиционные угощения: кутья (символ вечной жизни), блины, кисель (компот).

В персидском языке:

-обряд: ghasl омовение, kafan kardan облачение в саван, namaze meyet чтение специальной погребальной молитвы над усопшим всеми присутствующими перед его погребением, majlese khatm поминки (третий, седьмой, сороковой дни), talavate Ghora'n чтение Корана на поминках всеми присутствующими (в мечети, дома) для спасения и покоя души умершего;

- действующие лица: motofi, meyet усопший, ghassal (человек, работник морга омывающий усопшего), aghvam, nazdikan, ashenayan родные, близкие, знакомые;

-предметы: Ghora'n Коран, sha'm свеча, golab розовая вода, kafan саван, gol цветы, banere tasliyat баннер соболезнования, sange ghabr надгробный камень;

-место: ghassal khaneh место на кладбище для омовения покойника, ghabrestan кладбище, ghabr могила, masjed мечеть;

- традиционные угощения: халва, финики, чай, кофе.

Исследование лексики, связанной со смертью в русскоязычной и иранской мировоззренческих системах, демонстрирует поразительное сходство в порядке и значимости элементов, несмотря на различия в религиозных практиках и специфике обрядов, характерных каждому из этих народов. Это сходство заметно в основных этапах: омовение и облачение усопшего, чтение молитв или духовных текстов для успокоения души, предание тела земле, символическое значение числа сорок, отражающего завершение духовного пути души после смерти, а также использование святых мест – церкви и мечети. Все похоронные ритуалы, как правило, направлены на то, чтобы помочь участникам прийти к принятию утраты и находить утешение в общении и поддержке друг друга.

Речевые этикетные действия, связанные с концептом «соболезнование» в русском и персидском языках:

Сочувствие и соболезнование, подобно поздравлению, относятся к категории эмотивных речевых действий. Их иллокутивная цель заключается в том, чтобы передать эмоциональное состояние говорящего. Данные речевые действия охватывают значительные чувственные и общественные коннотации. Это говорит о том, что в них механическая передача информации уступает место эмоциональной составляющей, отражающей внутренние переживания говорящего и его отношение к собеседнику (Пиотровская, с.24–25).

В русском и персидском языках семема «сочувствие» охватывает ряд ключевых смыслов: «отзывчивое отношение к переживаниям, горю собеседника», «относиться с участием, облегчить горе и страдание другого», «понимать, мыслить одинаково», «чувствовать сообща».

Самыми распространенными формами соболезнованиями в русском и персидском языках являются выражения:

Разрешите/позвольте выразить вам искреннее соболезнование, Примите мои глубокие соболезнования Tasliate amighe man rā bepazirid, Tasliyat arz mikonam; формулы: Возьми себя в руки! Мужайся! Ghavi bash/bemān Нельзя так убиваться!, адресованные в основном близким людям; Я разделяю вашу скорбь (горе, печаль, боль)! Я скорблю вместе с вами! Man rā dar ghame khod sharik bedānid; высказывания констатирующие факт утраты: Вас постигла невосполнимая/тяжелая утрата! У вас большое горе! Какая ужасная потеря! Какое ужасное горе!

Широко распространены также религиозные и духовные выражения скорби: Молимся, чтобы Бог утешал вас в это трудное время Khodā sabr bedehad, Да упокоится его душа, Пусть Господь дарует вам душевный покой и силы пережить это испытание Khodāvand sabr va esteghāmat baraye tahammole in dard barāyetān atā konad и пр.

В обеих культурах принято произносить пожелания родным усопшего и покойному со стороны тех, кто пришел проводить его в последний путь: Вечная память, Царствие небесное, Пусть земля тебе будет пухом, Roohash shād Пусть его душа пребудет в покое,

Khoda rahmat konad! Да простит Господь его погрешения, Khodavand behtar in jaygah ra be u bedehad Да, воздаст ему Аллах лучшее место (в раю), Ghame ākharet bashe Да не коснется тебя больше печаль потери и пр.

В рамках принятых правил приличий в обеих лингвокультурах принято выражать благодарность за проявленное участие: Благодарю за поддержку, Благодарю за сочувствие. Иранцы помимо слов признательности говорят Mamnoon az in ke tashrif āvardin. Ensha Allah too shadihatoon sherkyat konim Благодарим, за то, что пришли (не оставили нас в трудную минуту) Дай Бог, чтобы мы смогли разделить с вами ваши радостные события.

Изучая этикетные речевые действия «поздравление» и «соболезнование», наша задача заключалась в анализе того, каким образом культурные сценарии воплощаются в типичных, шаблонных высказываниях, направленных на создание и укрепление позитивных взаимоотношений между собеседниками, соответствуя заданной эмоциональной окраске. Традиционный этикет, заложенный в языковом мышлении и проявляющийся в общении, формирует устойчивый набор правил и действий, включающий как неизменные элементы, так и допускающий вариации в различных ситуациях. Результаты исследования показали, что соответствие этикету в сравниваемых культурах требует понимания устоявшихся норм поведения, обычаев и традиций, которое отражается в устоявшихся фразах и изречениях, составляющих основу речевой культуры.

Заключение

Практически все этнические группы имеют собственные неповторимые обычаи и церемонии. Однако в рамках определенных жизненных событий, таких как рождение ребенка и погребение, можно заметить много общего как в самих ритуалах, так и в языке и этикете. Такое совпадение обусловлено универсальными духовными идеалами, которые формируют основу различных культур.

Как показало сопоставление, лексика и в частности этикетные речевые действия, обслуживающие концепт «рождение и смерть» имеют много общего в обеих лингвокультурах. Различия в лексике, обозначающей понятия рождения и смерти, во многом обусловлены разницей в традициях, ритуалах и религиозных верованиях, свойственных русской (славянской) и иранской (восточной) культурам. В обеих культурах, при выражении как восторга от рождения, так и скорби о кончине, можно заметить схожий мотив: в языковом отражении проявляется обращение к жизни, к ее великодушию, охватывающей безмятежность, покой, здоровье, гармонию, радость (для новорожденного) и обращение за помощью к высшей силе, разуму, подчеркивая важность божественной заботы и покровительства о новорожденном и ушедшем из мира человеке.

Этикетные конструкции «поздравлений» и «соболезнований», рассматриваемые как лингвокультурные коды в контексте русской и иранской картины мира, имеют следующие характерные черты:

- предсказуемость (стереотипность), проявляющаяся в устойчивых фразах и выражениях, которые автоматически применяются при выражении радости и скорби;
- четкая сюжетная линия (сценарность), предполагающая последовательное выражение радости и сочувствия (оказание поддержки и предложение помощи);

- коммуникативная цель, заключающаяся в создании обстановки радости и восторга, а также эмоциональной опоры, утешения и чувства единения с человеком, столкнувшимся с горем.
- нормативность (прескриптивность), проявляющаяся в выборе определенных моделей поведения (выражение радости и соболезнования), соответствующих вышеперечисленным аспектам, выступающая в роли руководства для эффективного взаимодействия.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 5-21.
2. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 168 с.
3. Вербицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с. EDN: QSESJJ
6. Котелаки С. Концепт вежливость, таароф и концепция лица в иранской культуре. Пер. З. Фаррохнежад. Тегеран: Научные и культурные публикации, 2010. 243 с.
7. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17. EDN: OPVZTZ
8. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на мат. рус. и чеш. яз.). СПб.: СПб. ун-т, 1994. 146 с. EDN: RXPДNX
9. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на мат. рус. и чеш. яз.). СПб.: СПб. ун-т, 1994. 146 с. EDN: RXPДNX
10. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: "утешение", "убеждение" и "уговоры" // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 73-94.
11. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с. EDN: GJPGKW
12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с. EDN: QDWTGF
13. Ханский А.О. Социокультурный фактор в изучении диалога утешения // Филология и культура: Тезисы Н-ой международной конференции: В 3-х частях. Ч. II. Тамбов, 1999. С. 126-127.
14. Шарифиан Ф. Введение в лингвокультурологию. Пер. Л. Ардебили. Тегеран: Нашр невисе-е фарси, 2014. 174 с.
15. Шарифиан Ф. Лингвокультурология: культурные и лингвистические концептуализации. Пер. с англ. Т. Ахмадипур. Рафсанджан: Рафсанджанский университет им. Валиаср, 2019. 225 с.
16. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 223 с.
17. Gurdham M. Communicating across Cultures. Boston, 1989.
18. Martin J.N., Nakayama T.K. Intercultural Communication in Contexts. McGraw-Hill Education, 2009. 544 p.
19. Neuliep J.W. Intercultural Communication: A Contextual Approach. 7th International

Student ed. Sage Publications, 2017. 528 p.

20. Oetzel J.G. Intercultural Communication: A Layered Approach. N.Y.: Vango, 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах»

В представленной статье исследуются лексические единицы и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах. Автор рассматривает эти явления как репрезентации национальной картины мира, выявляя сходства и различия в их концептуализации. Предметом анализа становятся не только языковые формы, но и культурные коды, традиционные ритуалы, сопровождающие важнейшие события человеческого цикла — появление на свет и уход из жизни. Таким образом, работа интегрирует лингвистический и этнокультурный подход, раскрывая, как в языке закреплены глубинные ценности и мировоззренческие установки разных народов.

Методологическая база исследования опирается на антропоцентрический подход, согласно которому язык рассматривается как отражение и инструмент познания человеческого опыта. Автор сочетает методы лингвокультурного и семантического анализа, а также элементы сопоставительной типологии. Исследование структурировано логично: сначала вводятся теоретические положения, далее проводится анализ лексических единиц и речевых формул, связанных с обрядами рождения и похорон, отдельно для русского и персидского языков. Приведены конкретные примеры, что придаёт работе эмпирическую достоверность. Однако методологическую часть можно было бы усилить — указав конкретные принципы отбора материала (корпус источников, жанровая принадлежность текстов, социолингвистические параметры информантов), а также уточнить методы интерпретации — например, лингвокультурный, когнитивный, прагматический анализ.

Актуальность темы несомненна: исследование речевого этикета и обрядовой лексики в контексте межкультурного сравнения отвечает современным направлениям когнитивной и культурной лингвистики. В эпоху глобализации и межкультурной коммуникации изучение того, как разные народы выражают радость и скорбь, способствует более глубокому пониманию универсальных и национально-специфических моделей поведения и мышления. Особенно ценно обращение к иранской культуре, которая редко становится объектом сопоставительных исследований с русской в рамках этикетных форм общения. Таким образом, работа заполняет заметную лакуну в сравнительной этнолингвистике.

Научная новизна статьи заключается в комплексном сопоставлении русских и иранских речевых формул, обслуживающих два противоположных жизненных концепта — «рождение» и «смерть». Автор демонстрирует, что в обеих культурах эти концепты не только противопоставлены, но и связаны общей идеей цикличности жизни. В работе выявлены устойчивые формулы, типичные для обеих традиций, показана их семантическая структура, эмоциональная направленность и ритуальная обусловленность. Новым является акцент на взаимосвязи этикетных формул с религиозными и философскими представлениями: в русском языке — через православные образы, в персидском — через исламские и коранические мотивы.

Статья отличается логичной структурой: вводная часть обосновывает теоретические предпосылки, основная — содержит богатый аналитический материал, а заключение обобщает результаты. Стил ь изложения научный, аргументированный, в целом выдержан в академической традиции. Язык ясен, текст грамматически корректен, но местами перегружен сложноподчинёнными конструкциями и цитатами без достаточного комментария. Список примеров в разделе анализа лексики обширен и демонстрирует скрупулёзную работу автора с материалом. Однако хотелось бы видеть более чёткое разграничение собственно лексического и прагматического анализа: в некоторых местах автор описывает явления на уровне лексикона, а в других — на уровне коммуникативных сценариев, не всегда обозначая переход.

Библиографический список включает классические труды по когнитивной и культурной лингвистике (Арутюнова, Кубрякова, Вежбицкая, Формановская и др.), а также иранские источники (Sharifian, Koutlaki), что свидетельствует о междисциплинарном и интернациональном охвате исследования. Однако оформление списка требует унификации по требованиям издательства, равно как и внутритекстовые ссылки, например [1] взамен [Пиотровская, 1994] и т.д. Следует также расширить библиографию современными англоязычными исследованиями по межкультурной прагматике, что повысило бы академический уровень статьи.

Автор опирается на широкий круг исследователей, корректно цитирует ключевые труды и не вступает в открытые полемические споры, хотя для рецензируемой статьи было бы полезно обозначить дискуссионные аспекты — например, разногласия в определении понятий «речевой этикет», «концепт», «эмотивное речевое действие». Добавление краткого обзора существующих сопоставительных работ позволило бы точнее очертить вклад автора в развитие направления.

Заключение подведено убедительно, обобщает выявленные сходства и различия в функционировании лексики и этикетных речевых действий в обеих культурах. Работа представляет интерес для специалистов в области лингвокультурологии, этнолингвистики, межкультурной коммуникации и преподавателей русского и персидского языков. Её можно использовать в курсах по культурной семантике и прагматике. Вместе с тем, для повышения научного статуса статьи рекомендуется уточнить методику, добавить элементы статистического или корпусного анализа, а также улучшить логическую связность теоретической и эмпирической частей.

В целом, статья «Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах» представляет собой содержательное и добросовестное исследование, выполненное в рамках современной антропоцентрической парадигмы. Работа отличается высоким уровнем лингвокультурной аналитики, межкультурным охватом и оригинальной тематикой.

Основные замечания для доработки:

1. Уточнить и расширить раздел методологии (описать материал, источники, методы анализа).
2. Привести оформление библиографии к единому стандарту и исключить повторы.
3. Включить ссылки на современные зарубежные исследования по межкультурной прагматике.
4. Разграничить уровни анализа (лексический и прагматический), усилив интерпретационный аспект.
5. Вычитать текст и удалить лишние фрагменты, например, с. 1: «87% (оригинальность текста)»; с. 2: «100% (оригинальность текста)»

Рецензируемую статью можно рекомендовать к публикации после доработки текста исследования

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Лексика и этикетные речевые действия, сопровождающие обряды рождения и похорон в русской и иранской лингвокультурах»

Рецензируемая статья представляет собой фундаментальное исследование в области межкультурной прагматики и этнолингвистики, в котором автор предпринимает попытку сопоставительного анализа речевых формул и обрядовой лексики, сопровождающих два ключевых переходных этапа человеческого бытия – рождение и смерть, – в двух различных, но имеющих глубокие духовные основания культурах: русской и иранской.

Предмет исследования очерчен достаточно четко и охватывает широкий спектр языковых и культурных явлений, связанных с реализацией ритуальных действий и этикетных форм общения, возникающих в ситуациях радости и скорби. Автор рассматривает лексику, отражающую обряды рождения и похорон, в качестве репрезентанта культурных смыслов и национального мировидения, подчеркивая, что эти языковые элементы выполняют не только номинативную, но и символическую функцию, служа инструментом выражения коллективных ценностей и эмоциональных состояний. Таким образом, исследование выстраивается на пересечении лингвокультурологического, когнитивного и антропоцентрического подходов, что придает ему теоретическую глубину и междисциплинарную значимость.

Методология исследования базируется на сопоставительном анализе русской и персидской лексики, а также на изучении этикетных речевых актов – поздравлений и соболезнований, – выполняющих эмотивную и социально-регулирующую функции. Автор демонстрирует владение корпусом отечественных и зарубежных трудов в области лингвистической прагматики (Гак, Кубрякова, Формановская, Вольф, Шарифиан, Neulie и др.), что свидетельствует о методологической зрелости и концептуальной последовательности работы. Следует отметить, что сопоставительный метод реализуется здесь не формально, а с учетом культурно-исторического контекста, что позволяет избежать механического сравнения и выйти на уровень выявления универсальных и специфических черт речевого поведения в рассматриваемых культурах.

Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия особое значение приобретает понимание глубинных механизмов культурной коммуникации, особенно в контексте сакральных и предельно эмоциональных ситуаций человеческого существования. Сопоставление ритуальной лексики и речевых формул в двух народов – славянской и иранской – открывает новые возможности для осмысления универсалий человеческого общения и тех способов, посредством которых язык фиксирует и сохраняет ценностные ориентиры культуры. Актуальность работы усиливается тем, что автор обращается к малорассмотренной ранее теме: исследованию речевых актов в рамках ритуалов перехода, где языковое выражение неразрывно связано с сакральным действием.

Научная новизна статьи проявляется в комплексном подходе к рассмотрению лексики и

этикетных речевых действий, обслуживающих ритуальные ситуации рождения и смерти, что позволяет выявить межкультурные параллели и отличия не только на уровне словаря, но и в плане речевой прагматики. Автор впервые системно описывает структуру концептов «рождение» и «похороны» через совокупность обрядовых и этикетных элементов, сопоставляя их на материале русского и персидского языков. Важным элементом новизны является то, что исследователь обращается к микроуровню речевого поведения – к устойчивым формулам, клише и интенсификаторам, используемым в эмоционально нагруженных ситуациях, и показывает их связь с макроуровнем культурных сценариев.

Стиль, структура и содержание статьи отвечают академическим требованиям: текст организован логично, включает последовательное изложение теоретических основ, описание эмпирического материала, анализ и интерпретацию полученных данных. Введение четко обозначает проблематику и методологические ориентиры, основная часть систематизирует материалы по тематическим разделам, а заключение подводит итоги, подтверждая заявленные цели. Стиль изложения отличается высокой степенью аргументированности и академической сдержанностью, однако при этом сохраняет научную выразительность и концептуальную цельность. Автор свободно оперирует терминологией когнитивной и лингвокультурологической парадигм, умело сочетая аналитические и описательные элементы.

Библиография составлена корректно и демонстрирует широкую эрудицию автора, охватывая как классические источники отечественной лингвистики, так и современные зарубежные исследования. Отмечается методологическая сбалансированность списка: автор привлекает труды по когнитивной семантике, прагматике, межкультурной коммуникации и этнолингвистике. Источники тщательно оформлены, имеют академические ссылки и включают как первоисточники, так и современные интерпретации изучаемых явлений.

Апелляция к оппонентам в статье выражена имплицитно: автор корректно соотносит собственные выводы с существующими подходами, не вступая в полемику напрямую, но демонстрируя способность к критическому осмыслению чужих концепций. Особенно показателен способ обращения к трудам Гака, Формановской и Шарифияна: исследователь не только цитирует авторитетные мнения, но и выстраивает собственные рассуждения в диалогическом единстве с ними, тем самым расширяя теоретическое поле обсуждаемой проблемы.

Выводы и интерес читательской аудитории соответствуют заявленным целям исследования и представляют несомненную ценность для специалистов в области лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, этнолингвистики и сравнительного языкознания. Работа может быть полезна не только ученым, но и преподавателям филологических дисциплин, а также тем, кто занимается переводческой и межкультурной деятельностью, где требуется понимание тонкостей национального речевого этикета. Автор сумел показать, что ритуальные речевые формы не являются механическим отражением традиций, а выступают как живые носители культурных смыслов, формирующихся в процессе многовекового взаимодействия человека с миром. Преимущества статьи заключаются, прежде всего, в четкой концептуальной организации материала, глубине анализа и богатстве привлеченного языкового материала. Работа отличается продуманной логикой, аккуратным стилем и корректным обращением с научным материалом.

Замечания носят характер уточнений: в отдельных фрагментах основного текста можно было бы углубить анализ прагматических различий между формулами поздравления и соболезнования, акцентировав внимание на коммуникативной интенции и стратегиях вежливости; кроме того, целесообразно было бы включить в заключение более

развернутое обсуждение перспектив дальнейших исследований, что усилило бы прикладной потенциал работы. Однако данные замечания не снижают общей высокой оценки статьи.

В целом, рецензируемая работа представляет собой концептуально выдержанное исследование, отличающееся теоретической обоснованностью и оригинальностью выводов. Статья обладает несомненной научной и практической ценностью, соответствует профилю журнала и может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Павлов С.С. Концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха (по данным ассоциативного эксперимента среди школьников Республики Саха (Якутия)) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76860 EDN: CVTYFL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76860

Концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха (по данным ассоциативного эксперимента среди школьников Республики Саха (Якутия))

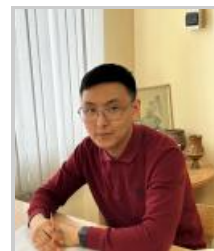
Павлов Степан Степанович

ORCID: 0000-0002-0800-8846

старший преподаватель; институт зарубежной филологии и регионоведения; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
младший научный сотрудник; Международная научно-исследовательская лаборатория "Лингвистическая экология Арктики"; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677013, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

✉ yakutich13@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76860

EDN:

CVTYFL

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Аннотация: Предмет исследования – лексические единицы и ассоциативные реакции, репрезентирующие содержание и структуру концепта РУССКИЙ ЯЗЫК. К ним относятся языковые маркеры, выявленные в ходе ассоциативного эксперимента, которые отражают информационные, образные и интерпретационные компоненты концепта. Предмет исследования позволяет определить, какие когнитивные признаки и смысловые зоны формируют представление о русском языке у молодежи саха. Объектом исследования выступает концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха. Под объектом в данном случае понимается совокупность представлений, знаний, ассоциаций и оценок, которые формируются у билингвов в условиях устойчивого сосуществования якутского и русского языков. Русский язык рассматривается как значимый элемент их языковой картины мира, связанный как с этнокультурной идентичностью, так и с социальными,

образовательными и коммуникативными практиками. Исследование проведения с использованием комплексной методики, включающей методы семантико-когнитивного моделирования концепта, полевой подход, а также метод интерпретационного и когнитивно-дискурсивного анализа. Исследование показывает, что концепт имеет многослойную организацию, включающую ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию, а также образный компонент, информационное содержание и интерпретационное поле. Установлено, что восприятие русского языка формируется в условиях устойчивого якутско-русского билингвизма, что приводит к сочетанию элементов этнокультурной идентичности с признанием русского языка как второго родного. Анализ ассоциативных реакций демонстрирует, что русскому языку приписываются как государственно-национальные функции, так и культурные, образовательные и оценочные характеристики. Полученные результаты позволяют уточнить особенности языкового сознания билингвов в региональной многоязычной среде, выявить специфику межкультурных представлений молодежи саха и тем самым дополняют современное русло социолингвистических и лингвокогнитивных исследований, направленных на изучение взаимодействия языков и культур.

Ключевые слова:

концепт, русский язык, языковое сознание, Республика Саха, билингвизм, Арктика, языковая ситуация, когнитивная лингвистика, этнокультурная идентичность, многоязычие

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение N25-78-30006 от 22.05.2025 г.).

Республика Саха (Якутия) – крупнейший по территории регион Российской Федерации, характеризующийся многонациональным составом населения. В Якутии на законодательном уровне государственными языками признаются русский (как язык межнационального общения) и якутский (как язык коренной нации), а также закреплён официальный статус языков коренных малочисленных народов Севера – эвенского, эвенкийского, юкагирского, долганского и чукотского.

Как отмечает Ленора Гренобль, научный руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» СВФУ, языковая экология республики отличается от многих регионов РФ, что связано как с низкой плотностью населения, так и с уникальной конфигурацией языковых контактов. Ученый подчеркивает, что в условиях высокого уровня урбанизации и сосуществования двух государственных языков и ряда автохтонных языков, сформировалась специфическая контактная зона, характеризующаяся различными типами билингвизма и многоязычия [\[13\]](#).

Язык и этническая идентичность, по мнению исследователей, тесно взаимосвязаны [\[3\]](#) [\[7\]](#). Исследование Н.И. Ивановой показывает, что с одной стороны, современное состояние якутского языка носит сложный, динамичный и в определенной мере противоречивый характер. С другой стороны, якутский язык по-прежнему выполняет этнообразующую функцию, остается главным маркером этнической идентичности саха, сохраняет высокий уровень владения среди большинства носителей [\[7\]](#). Исследование

языковой ситуации в Эвено-Бытантайском национальном округе также показывает, что эвенский язык остается важным фактором этнической идентичности эвенов, даже если они на нем не говорят [\[14\]](#).

Лингвистическая экология Якутии часто становится объектом исследования ученых гуманитариев (см., например, Т.В. Аргунова (1992), А.В. Роббек (1999), Н.Б. Вахтин (2001), Н.И. Иванова (2022; 2020), Гаврильев Ч.Н., И. И. Подойницына (2025), В.В. Филиппова (2024), А.Н. Биткеева (2022) и др.). Как отмечает Н. И. Иванова, на данный момент в Республике Саха (Якутия) наблюдается «многокомпонентная, экзогlossная, гетерогенная, гетероморфная, неравновесная, несбалансированная языковая ситуация» [\[7, с. 250\]](#). Комплексное исследование языковой ситуации в республике, проведенное Н. И. Ивановой, демонстрирует «стабильность высокого функционального статуса русского языка для носителя якутского языка» [\[7, с. 251\]](#). Билингвизм (якутско-русский) и полилингвизм (например, эвенско-якутско-русский [\[9\]](#)) являются нормой в условиях сложной языковой ситуации многонациональной республики.

Активные процессы глобализации, миграции и урбанизации существенно влияют на распределение функций между русским и якутским языками в регионе, что, в свою очередь, отражается в языковом сознании билингвов. В таких условиях особенно важно анализировать как представлен концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании подрастающего поколения саха и как проявляется их этническая идентичность в условиях двуязычия.

Цель настоящего исследования – смоделировать содержание и структуру концепта РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха. **Объектом исследования** выступает концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха. **предмет исследования** – совокупность лексических единиц, репрезентирующих данный концепт. **Методика** исследования опирается на комплексный метод моделирования концепта, разработанный воронежской школой когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Материалами исследования послужили результаты ассоциативного эксперимента среди школ РС(Я). Всего в эксперименте приняло участие 106 респондентов – учащихся средних и старших классов в возрасте от 14 до 17 лет. Респондентами выступили школьники Республики Саха (Якутия), проживающие в разных улусах северо-восточной, западной, южной и центральной Якутии. Эксперимент проводился в гибридном формате, то есть часть респондентов участвовала очно, другая – дистанционно посредством электронного анкетирования. Анкета включала вопросы о родном языке респондента, степени владения родным и русским языками, а также два задания: назвать ассоциации к словосочетанию «русский язык» и завершить фразы «Русский язык сегодня...» и «Русский язык завтра...». Стоит отметить, что все 106 респондентов определили в качестве родного языка – якутский язык.

Респондентам заранее не устанавливались количественные ограничения на число ассоциаций к словосочетанию «русский язык». В результате обработки анкетных данных было зафиксировано 231 реакция, которые рассматриваются как маркеры концепта, вербализующие его содержание. Все маркеры были распределены по тематическим группам, которые интерпретировались как когнитивные признаки концепта. Распределение по ТГ производилось по признакам тематического и семантического соответствия маркеров. Следует отметить, что анкета ассоциативного эксперимента была составлена на русском языке, то есть респондентам предлагалось отвечать именно на

русском. Однако результаты показали, что несколько участников дали реакции на якутском языке.

Ниже представлены тематические группы, которые при когнитивной интерпретации, образуют когнитивные признаки (орфография лексем сохранена):

достояние России (65): Россия (22 маркера), Москва (19), красная площадь (7), Кремль (7), Путин (3), карта России (1), российский триколор (1), Русь (1), Санкт-Петербург (2), СССР (1), страна (1);

школьный предмет (60): Пушкин (8), урок (4), алфавит (3), литература (3), школа (3), учебник Русского языка (2), учёба (2), словарь (2), учителя (2), история (2), предмет (2), русский язык (2), буквы (1), Война и Мир (1), глагол (1), грамота (1), ЕГЭ (1), лексика (1), Ломоносов (1), олимпиада (1), олимпиада «русский медвежонок» (1), падежи (1), первый класс (1), пергамент (1), перо (1), правила (1), предлог (1), предмет русского языка (1), русская литература (1), русский медвежонок (1), синонимы (1), слово (1), существительное (1), урок Русский язык (1), уроки в школе (1), учебник по русскому (1), учитель русского (1);

часть русской культуры (45): матрешка (11), медведь (5), балалайка (5), масленица (4), блины (3), культура (2), народные танцы (2), баня (1), борщ (1), жигули (1), квас (1), кокошник (1), колосья пшеницы (1), лада (1), мавзолей (1), медведь с балалайкой (1), национальное русское платье (1), песни (1), русские сказки (1), танец калинка (1);

русский человек (16): блондинистые волосы (1), блондинки (1), большие носы (1), Европа (1), европейские девушки (1), люди русские (1), не понимать инд (1), нуучча (1), нуччалар (1), русские (3), русские люди (1), русский мужик (1), русская внешность (1), славяне (1);

второй родной язык (8): второй родной язык (2), мой второй язык (1), Россия вторая родина (1), с земляками (1), родина (2), любимая родина (1);

на нём говорит много людей (7): 140 млн. носителей (1), большая страна (1), большая территория (1), большой (2), популярность (1), распространенный (1);

межнациональный язык (7): Международный (1), международный язык (1), многонациональный (1), народ (1), общий язык (1), разнообразие народов (1), разные народы (1);

сложный (6): сложный (3), сложный язык (1), со сложностью (1), тяжелый (1);

великий (4): великий (1), великий язык (1), величество (2);

могучий (4): могучесть (1), могучий (2), сила (1);

богатый (2): богатый (2);

язык города (2): большой город (1), город (1);

приятный слуху (2): приятный слуху (1), красиво (1);

легкий в изучении (2): самый простой язык (1), удобно (1);

древний (1): древний (1).

Ядерный признак **достояние России** (65) образован совокупностью маркеров, которые

репрезентируют русский язык как неотъемлемую часть России, на что указывает высокая частотность реакции *Россия* (22). Вторым по частотности выступает маркер *Москва* (19), отражающий пространственную локализацию русского языка в центре страны. Когнитивный признак образован также маркерами, соотносящими русский язык с ключевыми символами государства – Красной площадью, Кремлем, Президентом, картой и флагом России (маркеры *красная площадь* (7), *Кремль* (7), *Путин* (3), *карта России* (1), *российский триколор* (1)). Наличие единичных маркеров *Русь* и *СССР* свидетельствует о том, что в восприятии части респондентов русский язык соотносится не только с образом современного государства, но и с историческими формами российской государственности. Эти реакции могут, с одной стороны, быть обусловлены тем, что респонденты – школьники и подобные ассоциации связаны с учебным предметом «История», а с другой – отражать осмысление русского языка как части исторического наследия России.

Наличие признака **школьный предмет** (60) является закономерным для исследуемой группы респондентов. В первую очередь, русский язык ассоциируется с образом Пушкина – ключевого символа русской литературы. Кроме того, русский язык осознается респондентами как учебная дисциплина – маркеры *урок* (4) *алфавит* (3), *литература* (3), *учебник русского языка* (2), *учёба* (2), *предмет* (2), *русский язык* (2), *буквы* (1), *Война и Мир* (1), *глагол* (1), *грамота* (1), *ЕГЭ* (1), *лексика* (1), *Ломоносов* (1), *олимпиада* (1), *олимпиада «русский медвежонок»* (1), *падежи* (1), *правила* (1), *предлог* (1), *предмет русского языка* (1), *русская литература* (1), *русский медвежонок* (имеется ввиду название олимпиады) (1), *синонимы* (1), *слово* (1), *существительное* (1), *урок Русский язык* (1), *уроки в школе* (1), *учебник по русскому* (1). Также русский язык ассоциируется с образом учителя и школы (маркеры *учителя* (2), *учитель русского* (1) и *школа* (3)).

В ближней периферии расположился когнитивный признак **часть русской культуры** (45). Данный когнитивный признак отражает осознание респондентами собственной этнокультурной отличительности и восприятие русского языка как элемента русской национальной культуры. Данный когнитивный признак образован наиболее распространенными, по нашему мнению, символами русской культуры: *матрешка* (11), *медведь* (5), *балалайка* (5), *блины* (3), *борщ* (1), *квас* (1), *кокошник* (1), *медведь с балалайкой* (1). Когнитивный признак также образован маркерами, которые репрезентируют русскую культуру – *масленица* (4), *народные танцы* (2), *национальное русское платье* (1), *песни* (1), *русские сказки* (1) и *танец калинка* (1). Маркеры *жигули* (1) и *лада* (1), по нашему мнению, указывают на то, что в сознании молодежи слово «русский» может активировать широкий культурный фон: русский = российский = отечественный. Автомобили «Жигули» и «Лада» в данном случае выступают символами отечественного автопроизводства.

Когнитивный признак **русский человек** (16) имеет преимущественно образный характер и указывает на то, что русский язык ассоциируется у респондентов с образом носителя русской культуры. Содержание признака имплицитно демонстрирует осознание респондентами собственной этнокультурной идентичности: русский язык соотносится с образом представителя иной этнической группы, что может указывать на осознание межэтнических различий в молодежной среде саха (например, маркеры *не понимать инд* (1), *нуучча* (1), *нуччалар* (1); *инд* – шутовское сокращение от «игин диигин дуо?» – «так говоришь, значит?»; *нуучча / нууччалар* – «русский / русские»). Как видно, следующие маркеры когнитивного признака непосредственно обозначают внешность: *блондинистые волосы* (1), *блондинки* (1), *большие носы* (1), *европейские девушки* (1), *люди русские* (1), *русская внешность* (1), *славяне* (1). Маркеры *Европа* (1), *русские* (3), *русские люди*

(1), *русский мужик* (1) также соотносятся с представлениями о внешнем облике, но уже имплицитно, в образной и обобщенной форме.

Когнитивный признак **второй родной язык** (8) образован маркерами, которые обозначают русский язык как второй родной язык у молодежи саха (маркеры *второй родной язык* (2), *мой второй язык* (1), *Россия вторая родина* (1)). Также здесь можно говорить об осознании респондентами коллективной идентичности, в центре которой стоит русский язык (маркеры *с земляками* (1), *родина* (2), *любимая родина* (1)). По нашему мнению, наличие подобного когнитивного признака в языковом сознании билингвов является закономерным, поскольку «в их языковом сознании соединяются два культурных кода» [\[2, с. 587\]](#).

Когнитивные признаки **на нем говорит много людей** (7) и **межнациональный язык** (7) указывают на доминирующее присутствие русского языка в языковой среде респондентов. Эти признаки могут рассматриваться как характеристика той коммуникативной ситуации, в которой находятся школьники: русский язык выступает наиболее распространенным и доступным средством общения в межэтнических и публичных сферах. Когнитивный признак **язык города** (2) также дополняет эту характеристику, поскольку отражает восприятие русского языка как основного средства общения в городской среде, где интенсивность межэтнических контактов выше, чем в улусах. Когнитивные признаки **сложный** (6), **великий** (4), **могучий** (4), **богатый** (2), **приятный слуху** (2), **легкий в изучении** (2), **древний** (1) выражают оценочные характеристики. Респонденты отмечают сложность русского языка как предмета изучения (**сложный**), одновременно подчеркивая его богатство и значимость (**великий, могучий, богатый**). Признаки **приятный слуху** и **легкий в изучении** указывают на положительный личный опыт взаимодействия с языком.

Содержание концепта имеет упорядоченную структуру, которая имеет зоны ядра, зоны ближней, дальней и крайней периферии. Распределение когнитивных признаков происходит по степени яркости того или иного когнитивного признака, выраженного в процентном соотношении. Таким образом, концепт РУССКИЙ ЯЗЫК имеет следующее содержание:

Ядро: *достояние России* (28,1%)

Ближняя периферия: *школьный предмет* (26%),

Дальняя периферия: *часть русской культуры* (19,5%)

Крайняя периферия: *русский человек* (6,9%), *второй родной язык* (3,5%), *на нём говорит много людей* (3%), *межнациональный язык* (3%), *сложный* (2,6%), *великий* (1,7%), *могучий* (1,7%), *богатый* (0,9%), *язык города* (0,9%), *приятный слуху* (0,9%), *легкий в изучении* (0,9%), *древний* (0,4%).

В структуре концепта выделяются образный компонент, интерпретационное поле и информационное содержание. Образный компонент включает чувственно-наглядные представления и образы, актуализируемые в сознании носителей. Информационное содержание охватывает наиболее существенные знания о концепте. Интерпретационное поле «включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [\[10, с. 78\]](#). Интерпретационное поле включает энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, общеоценочную и социально-культурную зоны. При этом следует отметить, что отдельные зоны интерпретационного

поля могут отсутствовать в структуре конкретного концепта, что зависит от объема и характера маркеров, его репрезентирующих.

Концепт РУССКИЙ ЯЗЫК в языковом сознании молодежи саха имеет следующую структуру:

Образный компонент состоит из перцептивного образа: *приятный слуху* (0,9%); когнитивного образа: *русский человек* (6,9%), *могучий* (1,7%), *великий* (1,7%), *древний* (0,4%).

Информационное содержание: *достояние России* (28,1%), *часть русской культуры* (19,5%), *межнациональный язык* (3%);

Интерпретационное поле представлено энциклопедической зоной: *школьный предмет* (26%), *на нём говорит много людей* (3%), *сложный* (2,6%), *легкий в изучении* (0,9%); общеоценочной зоной: *богатый* (0,9%), ; социально-культурной зоной: *второй родной язык* (3,5%), *язык города* (0,9%). Энциклопедическая зона включает когнитивные признаки, которые характеризуют «признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т.д.» [\[10, с. 78\]](#).

Для уточнения содержания концепта РУССКИЙ ЯЗЫК ассоциативный эксперимент включал задания дополнить предложения «Русский язык сегодня...» и «Русский язык завтра...». Подавляющее большинство респондентов положительно оценивают как настоящее, так и будущее русского языка. На вопрос о сегодняшнем состоянии языка школьники чаще всего давали такие реакции (орфография сохранена), как «развитый», «богатый», «популярный», «силен», «могуч», «известный», «нужный», «обязательный», «обширный», «главный язык страны», «развивается», «впереди планеты всей», «имеет много значения для нас», «глобальный», «все используют в России» и др. Из 106 респондентов 99 участников сформулировали положительную оценку, трое воздержались от ответа, и четверо дали реакции, указывающие на проблемное восприятие современного положения русского языка: «находится под запретом», «под санкциями», «вызывает споры», «вытесняет другие языки народов». Первые три реакции отражают влияние актуальной геополитической ситуации и связаны с распространенными в иностранном медиадискурсе негативными тенденциями в отношении русского языка и русской культуры. Наличие подобных ответов можно интерпретировать как проявление обеспокоенности респондентов статусом русского языка в современном мире. На вопрос о будущем русского языка 94 респондента дали положительные оценки, трое воздержались от ответа, и девять участников выразили обеспокоенность. В их ответах зафиксированы следующие формулировки (орфография сохранена): «менее развитым станет», «выживает», «слова забудутся некоторые», «исчезает», «ненужный», «надеюсь, не исчезнет», «исчезнет», «будет осквернён», «может из-за него могут забыться некоторые языки, но с ним всё будет хорошо». Эти ответы отражают неуверенность части респондентов в устойчивости будущего русского языка и одновременно фиксируют тревожность, связанную либо с возможным снижением его роли, либо с влиянием русского языка на другие языки региона.

Таким образом, исследование показало, что концепт РУССКИЙ ЯЗЫК имеет многослойную структуру в языковом сознании молодежи саха. Русский язык предстает в сознании респондентов как неотъемлемая часть государственно-национальной идентичности России. Одновременно молодежь воспринимает его как свой второй родной язык, что отражает реальную языковую картину мира билингов. В то же время респонденты сохраняют осознание собственной этнокультурной идентичности, о чем

свидетельствуют когнитивные признаки **русский человек** и **часть русской культуры**, отражающие восприятие русского языка как языка другой этнической группы. В целом у исследованной группы сохраняется положительная и оптимистичная оценка состояния русского языка, хотя в ответах прослеживается незначительная доля обеспокоенности его современным и будущим положением. Проведенное исследование не претендует на исключительность или первенство в изучении представлений о русском языке в билингвальной среде Якутии. Вместе с тем полученные результаты дополняют существующие наблюдения и органично вписываются в русло современных социолингвистических и лингвокогнитивных исследований, направленных на описание функционирования языков и формирования языкового сознания в условиях регионального многоязычия.

Библиография

1. Аргунова, Т. В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект) / Т. В. Аргунова. – Якутск, 1992. – 88 с. – ISBN 5-7623-0376-4. EDN: PJPLMH.
2. Афанасьева, Н. Д., Захарченко, С. С., Могилева, И. Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 587-595. – DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595. EDN: MITNED.
3. Биткеева, А. Н. Республика Саха (Якутия): Языковая политика, акторы и дебаты: Интервью с экспертами Н. И. Ивановой и В. И. Шадриным [Электронный ресурс] // Социолингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 204-224. – DOI 10.37892/2713-2951-2-10-204-224. EDN: HVZUNT.
4. Биткеева, А. Н., Хохолова, И. С. Ресурсы этничности в городской идентичности северян // Арктика XXI век. – 2025. – № 2(40). – С. 32-47. – DOI 10.25587/2310-5453-2025-2-32-47. EDN: ABSFWV.
5. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин; Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с. – ISBN 5-86007-298-8.
6. Гаврильев, Ч. Н., Подойницына, И. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2024. – № 2(339). – С. 81-93. – DOI 10.53598/2410-3691-2024-2-339-81-93. EDN: ЕМОЕUN.
7. Иванова, Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в фокусе проспективной социолингвистики // Социолингвистика. – 2020. – № 1(1). – С. 94-108. – DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-94-108. EDN: UMQZTT.
8. Икиликян, С. Г. Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(194). – С. 16-21. EDN: YZBPER.
9. Осипов, Б. Я., Хабаровская, А. Н. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Берёзовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия) // Социолингвистика. – 2025. – № 1(21). – С. 118-143. – DOI 10.37892/2713-2951-1-21-118-143. EDN: SGBIIM.
10. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с. EDN: RUFSVD.
11. Роббек, В. А., Слепцов, П. А. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера / В. А. Роббек, П. А. Слепцов. – Якутск : Институт проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИПМНС СО РАН), 1999. – 59 с. EDN: UIAYTD.
12. Филиппова, В. В., Филиппова, С. В. Языковые установки и ориентации детей и

молодежи саха в возрасте 13-18 лет в условиях сбалансированного билингвизма (на примере обучающихся школ г. Якутска Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 173-183. – DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-3-173-183. EDN: FKINTE.

13. Grenoble, L. A. Contact, shift & the life of a language // Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova. – 2025. – No. 4 (46). – Pp. 304-335.

14. Vinokurova, A. A., Khokholova, I. S., Osipov, B. Ya. The Language Situation in the Eveno-Bytantaiskii National District of the Republic of Sakha (Yakutia) // Sibirica. – 2022. – Vol. 21, No. 3. – P. 159-194. – DOI 10.3167/sib.2022.210308. EDN: OSCVJT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает концепт 'русский язык' в языковом сознании молодежи саха. Актуальность работы не вызывает сомнения: во-первых, когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления; во-вторых, в данном исследовании представлен метод ассоциативного эксперимента как инструмент изучения языкового сознания, в ходе которого анализировалась реакция учащихся средних и старших классов Республики Саха (Якутия) в возрасте от 14 до 17 лет на концепт 'русский язык'. Отмечается, что в условиях сложной языковой ситуации данной многонациональной республики билингвизм и полилингвизм являются нормой, однако «активные процессы глобализации, миграции и урбанизации существенно влияют на распределение функций между русским и якутским языками в регионе, что, в свою очередь, отражается в языковом сознании билингвов». Следовательно, видится важным проанализировать как «представлен концепт 'русский язык' в языковом сознании подрастающего поколения саха и как проявляется их этническая идентичность в условиях двуязычия».

Теоретической основой научной работы явились труды, посвященные вопросам когнитивной лингвистики, языкам народов Севера, языковой ситуации в Республике Саха, якутско-русскому двуязычию, роли языка в формировании этнической идентичности, формированию языковой картины мира у билингвов и др. Библиография насчитывает 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Обращаем внимание, что в тексте не все ссылки оформлены по образцу: см «Как отмечает Н. И. Иванова на данный момент в Республике Саха (Якутия) наблюдается «многокомпонентная, экзоглоссная, гетерогенная, гетероморфная, неравновесная, несбалансированная языковая ситуация» [8: с. 250]» и др. (здесь также отсутствует запятая после вводного слова). Рекомендуем автору(ам) внимательно изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список и привести их в соответствие («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»).

Также ссылка на Ленору Гренобль требует уточнения: см «Как отмечает Ленора

Гренобль,.. Ученый подчеркивает, что ... [15]», хотя в библиографии источник с данным автором под номером 14 (14. Grenoble, L. A. Contact, shift & the life of a language // Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova. – 2025. – No. 4 (46). – Pp. 304-335).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, анкетирование, сравнительно-сопоставительный метод, статистический метод, методы социокультурного анализа, метод контент-анализа для систематизации содержимого ответов респондентов, а также метод моделирования концепта, разработанный воронежской школой когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

В ходе исследования проведен эксперимент (106 респондентов от 14 до 17 лет; 231 реакция-маркер концепта 'русский язык', вербализующие его содержание) и дальнейший качественный, количественный и критический анализ полученных результатов: все маркеры распределены по тематическим группам, т. н. когнитивным признакам концепта, выявлены ядерный признак ('достояние России'), когнитивные признаки ближней и дальней периферии ('школьный предмет', 'часть русской культуры'), определена крайняя периферия; описана структура концепта 'русский язык': образный компонент, интерпретационное поле и информационное содержание. Сформулированы выводы о том, что «русский язык имеет многослойную структуру в языковом сознании молодежи саха» и «предстает в сознании респондентов как неотъемлемая часть государственно-национальной идентичности России»; «в то же время респонденты сохраняют осознание собственной этнокультурной идентичности, о чем свидетельствуют когнитивные признаки 'русский человек' и 'часть русской культуры', отражающие восприятие русского языка как языка другой этнической группы» и т. д. Все выводы обоснованы и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как лингвокогнитология, контрастивная лингвистика, межкультурная коммуникация; в комплексное изучение концепта 'обоснованные' в лингвокультурном сознании билингов. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, психолингвистике, а также в лексикографической практике при составлении ассоциативных словарей.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает концепт 'русский язык' в языковом сознании молодежи саха. Актуальность работы не вызывает сомнения: во-первых, когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления; во-вторых, в данном исследовании представлен метод ассоциативного эксперимента как инструмент изучения языкового сознания, в ходе которого анализировалась реакция учащихся средних и старших классов Республики Саха (Якутия) в возрасте от 14 до 17 лет на концепт 'русский язык'. Отмечается, что в условиях сложной языковой ситуации данной многонациональной республики билингвизм и полилингвизм являются нормой, однако «активные процессы глобализации, миграции и урбанизации существенно влияют на распределение функций между русским и якутским языками в регионе, что, в свою очередь, отражается в языковом сознании билингвов». Следовательно, видится важным проанализировать как «представлен концепт 'русский язык' в языковом сознании подрастающего поколения саха и как проявляется их этническая идентичность в условиях двуязычия».

Теоретической основой научной работы явились труды, посвященные вопросам когнитивной лингвистики, языкам народов Севера, языковой ситуации в Республике Саха, якутско-русскому двуязычию, роли языка в формировании этнической идентичности, формированию языковой картины мира у билингвов и др. Библиография насчитывает 14 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 60%), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемой проблеме.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, анкетирование, сравнительно-сопоставительный метод, статистический метод, методы социокультурного анализа, метод контент-анализа для систематизации содержимого ответов респондентов, а также метод моделирования концепта, разработанный воронежской школой когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

В ходе исследования проведен эксперимент (106 респондентов от 14 до 17 лет; 231 реакция-маркер концепта 'русский язык', вербализующие его содержание) и дальнейший качественный, количественный и критический анализ полученных результатов: все маркеры распределены по тематическим группам, т. н. когнитивным признакам концепта, выявлены ядерный признак ('достояние России'), когнитивные признаки ближней и дальней периферии ('школьный предмет', 'часть русской культуры'), определена крайняя периферия; описана структура концепта 'русский язык': образный компонент, интерпретационное поле и информационное содержание. Сформулированы выводы о том, что «русский язык имеет многослойную структуру в языковом сознании молодежи саха» и «предстает в сознании респондентов как неотъемлемая часть государственно-национальной идентичности России»; «в то же время респонденты сохраняют осознание собственной этнокультурной идентичности, о чем свидетельствуют когнитивные признаки 'русский человек' и 'часть русской культуры', отражающие восприятие русского языка как языка другой этнической группы» и т. д. Все выводы обоснованы и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как лингвокогнитология, контрастивная лингвистика, межкультурная коммуникация; в комплексное изучение концепта 'обоснованные' в лингвокультурном сознании билингвов. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, психолингвистике, а также в лексикографической практике при составлении ассоциативных словарей.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Богачев Р.Е., Мусаелян Е.Н., Никулина Т.В., Марков А.В. Шлем и его особое место в англосаксонской поэме «Беовульф» // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76416 EDN: CUJJDC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76416

Шлем и его особое место в англосаксонской поэме «Беовульф»

Богачев Роман Евгеньевич

ORCID: 0000-0001-7627-8947

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков; Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308017, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Машковцева д.29, кв. 60

✉ romabog2@gmail.com

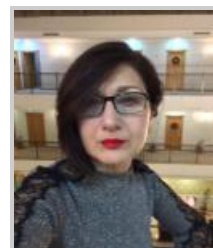
Мусаелян Елена Николаевна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра иностранных языков; Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308018, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Корочанская, д. 300

✉ musaelian@bsuedu.ru

Никулина Татьяна Викторовна

ORCID: 0009-0008-0032-1273

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра социальной работы; Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308009, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Преображенская, д. 786

✉ tnikulina@bsuedu.ru

Марков Александр Владимирович

старший преподаватель; кафедра иностранных языков; Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Чапаева, д. 13

✉ markov@bsuedu.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76416

EDN:

CUJJDC

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено комплексному лингвокультурологическому анализу полисемии древнеанглийской лексики *helm* в героическом эпосе «Беовульф». Целью работы является определение всех выявленных случаев употребления корня и анализ их функционирования в поэтическом дискурсе. Лексема *helm* функционирует как стержневой элемент сложной семантической системы, отражающей иерархию покровительства в англосаксонской культуре. Рассматриваются как чисто утилитарные варианты, так и варианты историко-культурного контекста. В работе дифференцируются как кеннинги (метафоры) так и дескриптивные композиты (метонимии), а также рассматривается синтаксическая стабильность формулы *Helm Scyldinga* как институционального титула. Лексикон *Helm* служит структурным инструментом для выражения основной идеи о том, что все земные формы защиты бессильны в сравнении с вечным, божественным покровительством. Методология фокусируется на морфологических вариантах, синтаксическом окружении и непосредственных сочетаемостных связях, с определением маркеров древнеанглийской морфологии для точного определения падежных форм. Научная новизна исследования заключается в комплексном лингвокультурологическом подходе автора к анализу полисемии древнеанглийской лексики *helm* в поэме «Беовульф». Проведено филологическое различие между кеннингами и дескриптивными композитами. Это различие позволяет точно определить, когда поэт использует *helm* для обозначения сакрального политического статуса, а когда просто для описания снаряжения. Определена синтаксическая стабильность формулы *Helm Scyldinga* (Nom. Sing.), что доказывает её функционирование как фиксированного, институционального титула. Установлена прямая корреляция между лингвистическими описаниями элитного снаряжения (*grímhelmas*) и археологическими находками (например, шлем из Саттон-Ху), что верифицирует высокий социальный и военный статус носителей такого снаряжения в англосаксонской культуре, сопоставляя его с вариантами из поэмы.

Ключевые слова:

Беовульф, древнеанглийский язык, Шлем, кеннинг, полисемия, поэтическая формула, аллитерация, лингвокультурология, Англосаксонский, Броня

Введение

В одной из прошлых статей мы рассматривали феномен копья в англосаксонской культуре и литературе, в частности мы приводили описание воина в доспехах «*hringed byrne*», где само слово «броня» легко узнаваемо в контексте, поскольку этимология этого слова восходит к готскому и скандинавскому варианту *brunjô*, или *brunnja*. В том же описании встречается и шлем в словосочетании *heapostéara helm*.^[1] В данной статье мы рассмотрим лексику «шлем» и как элемент брони, и как элемент культуры.

Поэтическая форма «Беовульфа» глубоко укоренена в устной традиции, что проявляется в широком использовании аллитерационных формул и кеннингов [11:223]. Понимание функции таких терминов требует не только буквального перевода, но и осознания их метафорического потенциала. Для более полного понимания особенностей интерпретации англосаксонской поэзии и необходимости «нормализации» приведем цитату Дж. Толкина: «Древнеанглийский (англосаксонский) язык не слишком сложен, хоть им и пренебрегают многие из тех, кто занимается долгим периодом нашей истории, в течение которого на нем говорили и писали. Но поэтический язык и стиль древнеанглийской поэзии совсем не просты. Ее склад и правила, как и размер, отличаются от современной английской поэзии. [3]

Корень *helm* восходит к прагерманскому **helmaz*, что означает «покрытие» или «укрытие» [5]. Эта этимологическая основа тесно связана с древнеанглийским глаголом *helan* («скрывать, прятать»). В «Беовульфе» прослеживается характерная для героической поэзии бифуркация значения:

Буквальное значение: Обозначение военного головного убора, шлема.

Метафорическое значение: Обозначение защитника, правителя или убежища (то есть, того, что обеспечивает «укрытие» для людей).

Многослойное употребление *helm* в поэме систематически отражает иерархию покровительства: от высшей божественной силы (*Heofena Helm*), через политическую легитимность (*Helm Scyldinga*), до личной, материальной защиты воина (боевой шлем). Эта двойственность семантики важна для понимания роли лексемы, связывая высшую божественную силу, земную легитимность правителя и личную защиту воина единым корнем.

Методология исследования

Материалом для исследования послужили контексты употребления лексемы *helm* (включая его сложные формы и флексии), обнаруженные в древнеанглийском тексте поэмы «Беовульф». Каждое употребление лексемы *helm* было классифицировано по его непосредственной контекстуальной функции. Были определены маркеры древнеанглийской морфологии для точного определения падежных форм (Nom., Acc., Gen., Dat.) и синтаксических связей, что критически важно для анализа словоформ [14]. Проведено различие между кеннингами (метафорические наименования) и дескриптивными композитами (метонимическое обозначение воина по снаряжению). Семантические поля *helm* сопоставлены с данными англосаксонской археологии (Саттон-Ху) и символикой (культ вепря) для установления культурных корреляций.

Анализ и результаты

Корень *helm* представлен несколькими формами, что соответствует его принадлежности к парадигме сильных существительных мужского рода. Анализ форм включает:

Именительный падеж единственного числа (Nom. Sing.): *helm* (l. 160, 356, 456, 1321, 1448, 2660, 2778), часто используется как эпитет или субъект действия.

Винительный падеж единственного числа (Acc. Sing.): *helm* (l. 672, 2356, 2728, 2988, 3036), используется в качестве прямого объекта.

Родительный падеж единственного числа (Gen. Sing.): *helmes* (l. 1022), используется для

обозначения принадлежности (*helmes hrof* – «верх шлема»).

Дательный падеж единственного числа (Dat. Sing.): *helme* (l. 287, 1137, 1709), используется для обозначения места («под шлемом») или инструмента.

Дательный падеж множественного числа (Dat. Pl.): *helmum* (l. 3140), используется для описания погребального обряда (*helmum behongen* – «обвешанный шлемами»).

Лексема также участвует в образовании сложных слов, типичных для древнеанглийской поэзии:

grimhelmas: Буквальное сложное существительное («свиные шлемы» или «шлемы-маски»).

Guðhelm: Поэтическое сложное слово, «боевой шлем».

helmberend: «Носитель шлема», метонимический эпитет для воинов.

heofena helm: «Защитник Небес», уникальный религиозный кеннинг, относящийся к Богу.

В Таблице 1 представлен перечень вхождений лексемы *helm* и ее производных с указанием филологической функции.

Древнеанглийский вариант	Строка	Категория использования	Функция
<i>heofena helm</i>	181	Теологический кеннинг	Наименование Бога/Покровителя
<i>grímhelmas</i>	334	Материально-культурный	Описание снаряж (элитный статус)
<i>heard under helme</i>	343	Метонимический эпитет	Клише для обознач воина
<i>Hróðgár mæpelode helm Scyldinga:</i>	371	Политический кеннинг	Формальный титул правит
<i>under heregríman Hróðgár geseon</i>	396	Материально-культурный	Описание шлема с маской
<i>heard under helme þæt hé on héoðe gestód</i>	404	Метонимический эпитет	Клише для обознач воина
<i>Hróðgár mæpelode helm Scyldinga:</i>	457	Политический кеннинг	Формальный титул правит
<i>helm of hafelan · sealde his hyrsted sweord</i>	1030	Описательный	Ритуал/Жест снятия шлем
<i>hroden hiltécumbor, helm</i>	1047	Описательный	Перечисление даров/снаряжения

ond byrnan			
ymb þæs helmes hróf héafodbeorge	1149	Описательный	Детализация констру шлема
scúrheard sceþðan þonne scyldfreca	1536	Описательный	Качество/Сверхъестестве защита
heaþostéapa helm hringed byrne	1553	Описательный	Описание снаряжения
hafen handa fæst · helm ne gemunde	1656	Описательный	Контекстуальное действие
Hróðgár mapelode helm Scyldinga:	1676	Политический кеннинг	Формальный титул правит
eoferas cnysedan · swylc eorl scolde	2182	Описательный/Символический	Описание декора (вепрь)
ac se hwíta helm hafelan werede	2184	Описательный	Описание качества/функц
hondgemóta · helm oft gescær	2487	Описательный	Описание повреждения/испытания
þonne bið on hreppe under helm drepn	2537	Описательный	Контекстуальное расположение
heaðostéapne helm háre byrnan	2605	Описательный	Описание снаряжения
wongas ond wícstede. Swá Wedra helm	2705	Политический кеннинг	Титул Беовульфа/Защит народа
heard under helme · hiorsercean bær	2755	Метонимический эпитет	Клише для обознач воина
brúnfágne helm hringde byrnan	2850	Описательный	Описание снаряж (цвет/качество)
helmas ond heard sweord. Ðé hé úsic on herge gecéas	2871	Описательный	Перечисление снаряжени
hwate helmberend þeah ðe hláford ús	2999	Дескриптивный Композит	Обозначение воина функции
gesígan æt sæcce · úrum sceal sweord ond helm	3105	Описательный	Перечисление снаряжени
hilde sædne ond his helm onspéon	3189	Описательный/символический	Ритуал/Жест (снятие защи

ac hé him on héafde helm aér gescer	3217	Описательный	Описание повреждения
heard swyrd hilted ond his helm somod	3226	Описательный	Перечисление снаряжения
helmum behongen hildebordum	3254	Описательный	Описание дисплея/вооружения

Критически важным является употребление *helm* в религиозном контексте: *né hie húru heofena helm herian ne cúpon wuldres waldend* (181). Эта строка, появляющаяся в контексте описания языческих обрядов датчан, создает мощный тематический контраст, противопоставляя божественное прибежище земному. Лингвистическая конструкция *Heofena helm* («Шлем Небес») является примером теологического синкретизма. Используя *helm*, исконно германский термин, связанный с защитой, поэт (вероятно, христианский) представил монотеистического Бога как высшего покровителя. Этот «Небесный Защитник» является вечным, абсолютным укрытием, в отличие от ненадежных земных шлемов [9].

Светские кеннинги *helm Scyldinga* и *Wedra helm* функционируют как стандартные эпитеты для обозначения земных правителей, чья основная функция — защита своего народа. *Helm Scyldinga* закреплен за королем Хротгаром и функционирует как метонимический кеннинг, где физическое покрытие (шлем) символизирует социальную функцию защиты народа. Формула проявляет замечательную синтаксическую стабильность: она неизменно появляется в именительном падеже единственного числа и обычно занимает вторую часть стиха (В-стих), следуя за глаголом (*mapelode*). Эта устойчивость подчеркивает, что это фиксированный, институциональный титул [11:67].

Wedra Helm — титул Беовульфа, применяемый в контексте его смерти (*Wedra helm* 2705). Применение этого титула в финальной сцене углубляет трагедию, демонстрируя хрупкость и конечность земного *helm* в сравнении с вечным *Heofena Helm*. Кеннинг (Метафора): *Helm Scyldinga* является истинным кеннингом, поскольку Хротгар метафорически является покровителем, а не физическим укрытием [15]. Дискриптивный Композит (Метонимия): Композит *hwate helmberend* (отважные шлемоносцы) просто описывает функцию воина — того, кто носит шлем, используя часть снаряжения для обозначения владельца. Поэт использует эти грамматически схожие, но семантически различные формы для контроля над лексическим значением [6:78]. Когда требуется подчеркнуть сакральный или политический статус, используется *helm* в форме кеннинга.

В своем буквальном значении шлем выступает как важнейший материальный атрибут воина, связанный с богатством и статусом. Упоминания *grímhelmas* (334) и *under heregríman* (396) не являются поэтической абстракцией. Археологические находки, в частности шлем из Саттон-Ху [8], подтверждают существование в VII веке шлемов с детализированными личинами, которые были чрезвычайно редкими и дорогими. Упоминание такого элитного снаряжения мгновенно устанавливает высочайший социальный и военный статус Беовульфа и его спутников [16]. Маска (*grím*) также придавала шлему психологическую функцию, делая воина устрашающим.

Один из наиболее значимых символических аспектов связан с упоминанием вепря на шлеме: *eoferas cnysedan* (2182). Символика вепря (*boar-shapes*) обозначала мужество и, что наиболее важно, магическую защиту [7:414]. В тексте прямо говорится, что шлем Беовульфа, украшенный вепрями, «сопротивлялся каждому мечу». Это демонстрирует сложный культурный компромисс, при котором материальные, языческие талисманы функционируют как защита, действуя параллельно божественному покровительству. Нарратив поэмы неоднократно подчеркивает тщетность материальной защиты перед лицом судьбы (*wyrd*) [4]. Беовульф символически снимает свой шлем (*helm of hafelan* 1030) перед битвой с Гренделем, полагаясь на личную силу. Этот жест может символизировать признание того, что физический шлем будет неэффективен в смертельной схватке. Кульминация темы достигается в битве с Драконом, где шлем (*Guðhelm toglað*, 2487) не выдерживает удара. В финальной сцене шлемы укладываются на погребальный костер (*helmum behongen*, 3254), становясь не символом защиты, а жертвой и подчеркивая преходящую суть земной славы [12:286]. Финальный ритуальный акт — снятие шлема в конце жизни Беовульфа (*his helm onspéon*, 3189) — символизирует снятие бремени защиты и отказ от роли *Wedra Helm* перед лицом смерти.

Высокая частотность лексемы *helm* объясняется не только ее семантической важностью, но и ее полезностью в рамках аллитерационного стиха [13]. Корень *helm* с начальным 'h' оказался крайне удобным лексическим центром, поскольку легко сочетается с другими высокочастотными героическими словами, начинающимися с 'h' (*hond*, *heard*, *hring*, *herian*). Например, в строке *ac se hwita helm hafelan werede* (2184) *hwita*, *helm* и *hafelan* аллитерируют, обеспечивая метрическую связность [2]. Корень *helm* также сохраняет свое первоначальное значение «укрытие» или «скрытое место». Это буквальное использование семантики «покрытия» отражено в угрозе Беовульфа: *no he on helm losað* (538), где *helm* используется в значении «укрытие». Глагол *oferhelmian* («покрывать, затенять») в форме *wæter oferhelmað* (1364) также подчеркивает это значение.

Выводы.

Перевод полисемичной лексемы *helm*, особенно в контексте кеннингов, представляет собой значительную филологическую проблему, поскольку невозможно сохранить двойную семантическую нагрузку (буквальный шлем и метафорический покровитель) в одном слове. При переводе теологического кеннинга *Heofena helm* («Шлем Небес») переводчик сталкивается с необходимостью выбора: Функциональный перевод (например, «Владыка Небес») передает смысл покровительства, но полностью теряет буквальную связь с физическим *helm*, искажая оригинальную метафору поэта. Академическая калька (например, «Шлем Небес») сохраняет метафорическую связь, но может показаться неясной современному читателю. Академический перевод, использующий двойной вариант («Шлем/Покровитель небес»), является лучшим компромиссом для научного дискурса, так как он сохраняет двусмысленность и напоминает о буквальном происхождении метафоры. Сложности также возникают при переводе описательных композитов (*Heaðostéapa helm*, *Brúnfágne helm*), которые требуют точного лексического воссоздания оттенков, передающих конкретные физические качества и статусность снаряжения. Лексема *helm* в «Беовульфе» является лингвистическим микрокосмом поэмы, которая структурирована вокруг всеобъемлющей темы защиты и покровительства. Ее функция охватывает три иерархических уровня, демонстрируя, как поэт интегрировал древнегерманские героические ценности и языческие символы в христианство. (О религиозном синкретизме мы писали в наших предыдущих работах)

- Теологическая роль: (*Heofena Helm*) устанавливает абсолютный, вечный стандарт защиты, в сравнении с которым оценивается вся земная героика.
- Политическая роль: Кеннинги (*Helm Scyldinga, Wedra Helm*) определяют роль монарха как защитника, при этом подчеркивая, что даже идеальный земной защитник не способен избежать трагической судьбы.
- Материальная роль: Описания шлемов (*grímhelmas*) и их символика определяют героический статус и демонстрируют, что материальные артефакты, несмотря на их статус и даже магические свойства, являются лишь временным средством защиты.

Двойственность корня *helm* — контраст между физической и духовной защитой — является важной для понимания тематики поэмы. Использование лексемы *helm* в описании погребального костра символически завершает этот цикл, подчеркивая границы смертной власти и могущества, одновременно показывая необходимость обращения к вечному, божественному покровительству.

Библиография

1. Богачев Р. Е., Прокопенко Ю. А., Гарагуля С. И., Федюнина И. Э. Сага о копье в англосаксонской поэме "Беовульф" // Казанская наука. 2025. № 4. С. 826. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2025.
2. Лорд А. Б. Сказитель: Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 368 с.
3. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи: перев. с англ.; под ред. Кристофера Толкина. – М.: Elsewhere, 2006. – 300 с.
4. Benson L. D. The Literary Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry // *Speculum*. 1953. Vol. 28. P. 446-467.
5. Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1898.
6. Brodeur A. G. The Art of Beowulf. – Berkeley: University of California Press, 1959.
7. Clark G. Beowulf's Armor // *ELH*. 1965. Vol. 32. No. 4. P. 409-441.
8. Cramp R. Beowulf and Archaeology // *Medieval Archaeology*. 1957. Vol. 1. P. 57-77.
9. Gardner J. The Construction of Christian Poetry in Old English. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1975.
10. Klaeber F., ed. Beowulf and the Fight at Finnsburg. 3rd ed. – Boston: D.C. Heath, 1950.
11. Robinson F. C. Beowulf and the Appositive Style. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1985.
12. Shippey T. A. Beowulf: The Critical Heritage. – London: Routledge, 1998.
13. Stanley E. G. The Old English Poetic Diction // *The Beowulf Poet: A Collection of Critical Essays* / ed. by D. K. Fry. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1968. P. 70-98.
14. An Anglo-Saxon Dictionary – The Linguistics Research Center. Дата последнего обращения: 26 октября 2025. URL: <https://lrc.la.utexas.edu/books/asd/dict-H>
15. BeowulfTranslations.net: Kennings. Дата последнего обращения: 26 октября 2025. URL: <http://www.paddletrips.net/beowulf/html/kennings.html>
16. The Sutton Hoo helmet – Smarthistory. Дата последнего обращения: 26 октября 2025. URL: <https://smarthistory.org/the-sutton-hoo-helmet/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного](#)

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Шлем и его особое место в англосаксонской поэме «Беовульф»» представляет собой глубокое самостоятельное исследование.

Объектом исследования в данной статье является лексема «шлем» (*helm*) и ее дериватов. Предметом рассмотрения являются функциональные особенности данной лексемы и ее кеннингов, а также специфика ее перевода на русский язык.

Количество исследований, посвященных фундаментальному произведению англосаксонской литературы «Беовульф» в настоящий момент невелико, что связано как с огромным количеством существующих работ по данной тематике, и также со сложностью самого объекта исследования. Тем более ценной является эта научная работа, поскольку автору удалось найти новую грань объекта для анализа.

Актуальность работы не вызывает сомнений и обусловлена рядом факторов. Во-первых, «Беовульф» является древнейшим памятником англосаксонской литературы, заложившей основы всей английской литературы. Во-вторых, язык этого произведения – древнеанглийский. Он сохранил богатую систему аллитераций и своеобразных поэтических метафор кеннингов. Неоспоримой является ценность данного произведения для культуры как англоязычных стран, так и всего человечества поскольку в нем отражено уникальное представление о языке, мировоззрении, ценностях, верованиях той исторической эпохи.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в выборе объекта исследования. Ранее не проводилось комплексных исследований лексемы «шлем» включающих детальный анализ этимологии, функциональной специфики, дериватов, а также особенностей перевода. Новым является также применение комплексного исследовательского подхода.

Методология исследования сочетает как собственно лингвистические методы и методики (этимологический анализ, контекстуальный анализ, компонентный анализ) так и общеполитические и общенаучные методы сравнения и анализа. Автор умело использует также археологические и культурологические данные. Все это позволяет ему раскрыть многослойный характер лексемы «*helm*» как лингвистического, культурного и идеологического явления в англосаксонской героической поэзии.

Структура работы соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям подобного рода. Статья написана хорошим научным языком; выводы автора логичны и подкреплены убедительной аргументацией.

Особого внимания заслуживает содержательная часть исследования. Автор комплексно исследует многослойную семантику лексемы *helm*, начиная с ее этимологии, морфологического и деривационного потенциала. Далее он анализирует семантическую специфику лексемы и контексты ее употребления, что позволяет прийти к выводу о многослойном употреблении *helm* в поэме, систематически отражающем иерархию покровительства. Далее он определяет, что данная лексема функционирует на трёх взаимосвязанных уровнях теологическом политическом и материальном. Трудно поспорить с автором, что двойственность корня *helm* — контраст между физической и духовной защитой — является важной для понимания тематики поэмы.

Отдельного внимания заслуживают также выводы о специфике перевода лексемы «шлем» на русский язык. Автор справедливо отмечает, что перевод полисемичной лексемы *helm*, особенно в контексте кеннингов, представляет собой значительную филологическую проблему и предлагает использовать академический перевод («Шлем/Покровитель небес») в качестве компромисса для научного дискурса, так как он

сохраняет двусмысленность и напоминает о буквальном происхождении метафоры.

*В совокупности статья предлагает убедительную, многогранную реконструкцию семантического поля *helm* и убедительно доказывает, что эта лексема является не просто элементом вооружения, а ключевым концептом всей поэмы, отражающим её центральную тему — иерархию и пределы защиты в мире, управляемом *wurd* (судьбой).*

Библиография отличается внушительным объёмом и составляет 16 источников.

Данная статья может быть интересна специалистам различных областей языкознания, в частности истории языка, истории английской литературы, лингвистам, культурологам, а также широкому кругу специалистов, интересующихся английским языком и культурой.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Руфова Е.С. Лингвокультурная специфика имен персонажей манга с компонентом цветообозначения (на примере белого, красного, синего цветов) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76651 EDN: CQIKOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76651

Лингвокультурная специфика имен персонажей манга с компонентом цветообозначения (на примере белого, красного, синего цветов)

Руфова Елена Степановна

ORCID: 0000-0002-1276-7087

кандидат филологических наук

доцент, заведующий кафедрой; кафедра "Восточные языки и международные исследования"
Института зарубежной филологии и регионоведения; ФГАОУ ВО "Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова"

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58, оф. 704

✉ ruf2003@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76651

EDN:

CQIKOP

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2025

Аннотация: В статье раскрывается научная проблема изучения цветообозначений в креолизованном тексте. В рамках данной статьи автор рассматривает цветообозначения в контексте функционального подхода как инструмент коммуникации, усиливающий выразительность художественного текста, который интенсифицирует содержательную сторону высказывания, изучает взаимосвязь с языковыми формами и их предназначением в тексте. Использование цвета в художественном произведении помогает создать эмоциональный фон, усилить художественные детали, конкретизировать вещный мир, дополнить образ и выразить эмоции и чувства персонажей произведения, что раскрывает специфику языковой картины мира. Предметом исследования послужили цветообозначения, которые используются в именах персонажей японских манга. Целью исследования является выявление

лингвокультурных особенностей имен персонажей японских манга с компонентом "белый", "красный", "синий". Результаты исследования будут интересны для дальнейших исследований по переводоведческой ономастике, сравнительной типологии, психолингвистики. В качестве основных методов научного исследования были использованы метод сплошной выборки, текстологический, компонентный и контекстуальный анализ. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые рассмотрены цветообозначения в аспекте выявления лингвокультурной характеристики имен персонажей японских манга. В результате проведенного исследования можно утверждать, что цветообозначения в именах персонажей являются частью коммуникативной составляющей текста, более того становятся точкой соединения вербального и невербального компонентов, что усиливает информативность креолизованного текста. Белый, красный и синий цвета являются наиболее продуктивными компонентами в японской ономастике. Символика цвета и оттенков вводится в текст произведения для выстраивания ассоциативного ряда, придает персонажу дополнительную характеристику внешности и качеств его характера, может стать основой сюжетной линии, помогая раскрыть основную и дополнительную систему образов и героев произведения.

Ключевые слова:

текст, цветообозначения, имена персонажей манга, японские имена, цветосимволика, креолизованный текст, манга, коммуникация, цвет, символ

Манга как вид креолизованного текста является объектом исследования многих междисциплинарных научных работ. **Актуальность** данного исследования обусловлена спецификой креолизованного текста, уникальностью медиакоммуникационных особенностей манга, включая формат и структуру текста, особым взаимодействием вербальной информации с невербальным компонентом.

Целью научного исследования является выявление лингвокультурной специфики имен персонажей японских манга с компонентом «белый», «красный», «синий». В рамках данной статьи определяется решение следующих **задач**: дать определение понятия «цветообозначение»; выявить значение цвета в именах персонажей японских аниме; определить основные функции символики цвета в именах персонажей. **Научная новизна** исследования определяется тем, что в рамках данного исследования предпринимается попытка впервые рассмотреть цветообозначения в аспекте выявления лингвокультурной характеристики имен персонажей японских манга.

В качестве основных **методов научного исследования** были использованы метод сплошной выборки, текстологический, компонентный и контекстуальный анализ. Научные работы О. Н. Анищевой (1991) ^[1], Е. П. Багировой, Э. О. Гавриковой (2016) ^[2], М. Гун (2004) ^[3], Л. А. Усмановой (2012) ^[4], Л. Х. Хараевой (2020) ^[5], раскрывающие проблематику изучения символики цветообозначений в художественной литературе, а также исследования Л. Л. Габышевой (2012) ^[6], А.Н. Савицкой (2025) ^[7], О. А. Мельничук (2019) ^[8], Е.С. Руфовой, М.В. Гриц ^[9] посвященные изучению цветосимволики в разных лингвокультурах послужили **методологической базой научного исследования**.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что материалы

и результаты исследования могут быть использованы на лекционных и практических занятиях по литературе Японии, лексикологии, стилистике, теории и практике японского языка.

Термины «цветообозначения», «цветонаименования», «колоративная лексика» встречаются в работах лингвистического плана, представляют основную терминологию для всего корпуса слов, описывающих цвета и их оттенки [\[3\], \[7\], \[9\]](#). В работах литературоведческого направления цветообозначения исследуются не только на уровне семантики слова, но на уровне прагматической направленности всего текста произведения, выделяются как элемент авторского текста [\[1\], \[2\], \[4\], \[5\]](#).

В рамках данной статьи цветообозначения в контексте функционального подхода рассматриваются как инструмент коммуникации, усиливающий выразительность художественного текста, который интенсифицирует содержательную сторону высказывания, изучает взаимосвязь между языковыми формами и их предназначением в тексте [\[10\]](#). Использование цвета в художественном произведении помогает создать эмоциональный фон, усилить художественные детали, конкретизировать вещный мир, дополнить образ и выразить эмоции и чувства персонажей произведения, что раскрывает специфику языковой картины мира.

Цвет имеет огромное значение в литературном тексте и культуре, через цвет передаются эмоции, мотивы персонажей, раскрывается идея и смыслы истории. Но значение того или иного цвета различается в разных культурах, и понимание скрытых смыслов позволяет наиболее оптимальному взаимодействию. Таким образом, в рамках данного исследования мы рассматриваем цветообозначение как важный аспект коммуникации, более того значение цветовой символики актуализируется в креолизованном тексте, где невербальный компонент несет одну из важнейших информационных функций.

Для выявления лингвокультурной специфики цветообозначений методом сплошной выборки было отобрано 500 единиц имен персонажей японских манга, из которых выделили 215 единиц с компонентом цветообозначений.

Посредством компонентного анализа в анализируемых именах выделяется сема, называющая цвет и используемая как часть имени собственного. Наиболее продуктивным оказалось использование в части имени иероглифического компонента, который обозначает конкретный цвет, например, черный (黒) – 黒川あかね (Kurokawa Akane); белый (白) – 白銀圭 (Shiragane Kei) и т.д. Также в имени можно выделить иероглифический компонент, который не называет конкретный цвет, но несет в себе косвенную цветовую коннотацию, к примеру, иероглиф 桜 [sakura] – 桜島麻衣 (Sakurajima Mai), где сакура имеет прямую ассоциацию с розовым цветом, с цветом цветка японской вишни. К этой группе относим имена, в которых встречаются заимствования из английского языка, имеющие прямые ассоциации с цветом – アクア [akua] (Аква – цвет аквамарины, голубой), ルビー [rubii] (Руби – цвет рубина) и т.д.

Всего было выделено 11 цветообозначений, использованных в качестве компонента в именах собственных, где самым продуктивным выделяется белый цвет (21%), а наименее используемым – золотой (4%) (рис.1).

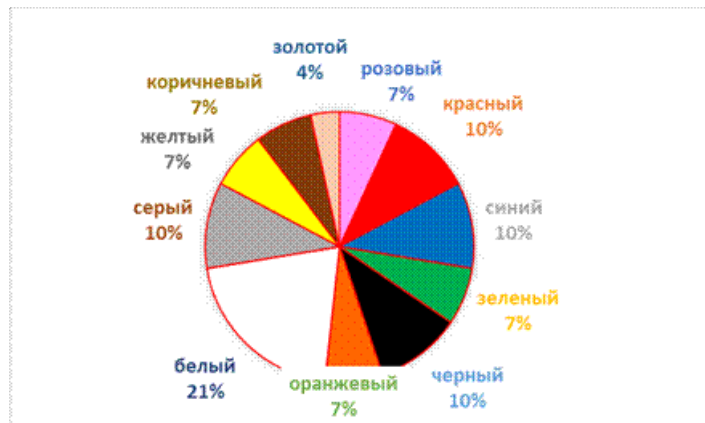

Рисунок 1 – Диаграмма цветообозначений в именах персонажей манга

Наиболее продуктивным оказался компонент БЕЛЫЙ, который присутствует в 45 именах персонажей, что составило 21% от всего количества. В японской лингвокультуре белый цвет символизирует божественную силу, воплощает магию и волшебство, служит символом чистоты, печали и одиночества.

К примеру, в манга *新テニスの王子様* [shin tenisu no ouji-sama] (Новый Принц Тенниса) одного из главных героев зовут 白石蔵ノ介 (Шираиши Кураноске), в имени которого присутствует компонент БЕЛЫЙ. Он является капитаном школьного теннисного клуба, которого называют «теннисистом от Бога», в виду его физических умений и идеального исполнения разных приемов. Внешность персонажа также соответствует его имени: он показан светлолицым, со светлыми волосами. В данном аспекте выбор имени персонажа строится на противопоставлении антонимичных понятий «хорошо/ плохо», так как белый цвет символизирует божественную силу и чистоту, что отражается в характеристике персонажа. В сюжетной линии главный герой противопоставлен сопернику по игре 切原赤也 (Кирихара Акая), в имени которого присутствует компонент КРАСНЫЙ. В этом контексте соперник ассоциируется со злыми духами, аналогию можно провести с дьяволом, что выражается в его манере вести игру: агрессивное поведение, целью которого становится максимальное травмирование противника. Данная ассоциация визуализируется в манга через графический компонент: красное от ярости лицо Кирихара Акая, а также красные глаза от сильного напряжения и гнева.

Однако в данном манга смысл использованных в именах персонажей цветообозначений раскрывается не только во внешнем проявлении героя или сюжетной линии спортивного соперничества. В японской лингвокультуре красный цвет считается цветом, отгоняющим злых духов. Символика красного цвета означает мир, безопасность, доблестную власть и богатство. Изначально красный цвет ассоциируется только со вспыльчивостью и амбициями Кирихара Акая, когда во время матчей он включает «режим дьявола». Но когда дело касается парной игры, Кирихара Акая необходимо играть с Шираиши Кураноске против других соперников, то их разные характеры, разные стили спортивной игры дают лучшие результаты. Герои, столкнувшиеся с новыми испытаниями, преодолевают не только новых спортивных соперников, но и справляются со своими эмоциями и прощают старые обиды. Тем самым, сюжетная линия манга строится не только на противопоставлении главных героев, в то же время раскрывает их во взаимодействии. Так, вспыльчивость и агрессивные эмоции проявляются в упорстве и настойчивости, а мягкость и доброта в умении поддержать и помочь. Таким образом, использование цветообозначений в именах персонажей усиливает их художественный образ, дает возможность более детально раскрыть характеристику героя, позволяет провести ассоциации с символическим значением цвета, раскрывает и дополняет

сюжетную линию и систему персонажей произведения.

В качестве яркого примера использования цветообозначений в именах персонажей можно привести манга 悪役令嬢は隣国の王太子に溺愛される [Akuyaku reijou wa ringoku no outaishi ni deki ai sareru] (Принц соседней страны обожает злодейку), по сюжету которой душа человека попадает в мир виртуальной игры. Главная героиня ティアラローズ [Tiara Rousu] (Тиара Роуз) попадает в тело злодейки, которая должна быть изгнана из страны. Но в нее влюбляется принц マリンフォレスト [Marin foresuto] (Марин Форест). В данном манга описываются ситуации, в которые попадает девушка, когда игра становится реальностью. Сюжетная линия строится на последовательности событий, которые раскрывают любовную тему, тему личностного становления героя. Имена Тиара Роуз и Марин Форест строятся на противопоставлении основных цветов «розовый» и «голубой», что становится основным методом визуальной коммуникации, используемым для передачи сюжета и идеи произведения, а также передачи образа персонажей (рис. 2).

Рисунок 2 - Примеры обложек манга

В данном манга это не просто розовый и голубой, представляющие стереотипные цвета, которые ассоциируются с гендерной принадлежностью. В женском имени находим отсылку к сорту розы «Тиара», которая характеризуется изысканной красотой и стойкостью. Отражение нежно розового цвета в японской лингвокультуре ассоциируется со цветом сакуры, символом нежности, мягкости, красоты и милости. В мужском имени, которое можно перевести как морской лес, в тексте манга находим отсылку к цвету лазурит. Данный цвет характеризуется как глубокий, приглушенный синий цвет, он идеально сочетается с нежно розовым. Сочетание данных цветов символизирует идеальное сочетание мужского и женского, силы и мягкости, ума и красоты, что позволяет персонажам пройти все испытания, поддерживая друг друга и получить кольцо всевластия.

Таким образом, мы изучили имена персонажей японских манга с компонентом цветообозначений, выявили основную цветовую гамму, которая встречается в антропонимах проанализированных манга, а также выделили наиболее продуктивные цвета и их оттенки.

Анализ специфики функционирования компонента цветообозначений в именах персонажей манга позволяет сделать **следующие выводы**: цветовой компонент выделяется основным компонентом невербальной составляющей текстов манга, служит визуальным воплощением содержательной части. Однако, цветовой компонент может стать органической частью и вербальной составляющей креолизованного текста, к примеру, может являться частью имен собственных. В данном контексте символика цвета и оттенков вводится в текст произведения для выстраивания ассоциативного ряда,

придает персонажу дополнительную характеристику внешности и внутренних его качеств характера, может стать основой сюжетной линии, помогая раскрыть основную и дополнительную систему образов и героев произведения.

Таким образом, цветообозначения в именах персонажей являются частью коммуникативной составляющей текста, более того становятся точкой соединения вербального и невербального компонентов, что еще более усиливает креолизованный текст.

В качестве **перспективы дальнейших исследований** рассматривается изучение символики цветов в других литературных жанрах Японии, что позволит выявить лингвокультурные особенности цветовой системы в японской культуре.

Библиография

1. Анищева О. Н. Семантика прилагательного "белый" в поэзии А. Ахматовой // Языковые единицы в системе языка и тексте / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж, 1991.
2. Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Колорема "золотой" в контексте русской символистской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 4.
3. Гун М. Особенности семантики и функционирования лексем цветообозначения в языке русских и китайских СМИ (на примере зеленого цвета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, № 1. С. 5-12. DOI 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12. EDN UGXRJM.
4. Усманова Л. А. Цветосемантика поэзии О. Э. Мандельштама // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27).
5. Хараева Л. Х. Цветосимволизм в поэзии Артюра Рембо // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. DOI 10.29025/2079-6021-2020-1-176-185. EDN ТТКУФР.
6. Габышева Л. Л. Белый цвет в культуре якутов и других тюркских народов // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 8 (50).
7. Савицкая А. Н. Цветообозначения как культурный код в русской фразеологии // Пушкинские чтения-2025. Художественные стратегии классической и новой словесности: материалы XXX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 06-07 июня 2025 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2025. С. 378-383. EDN GMFWMV.
8. Мельничук О. А., Руфова Е. С. Символика цветового эпитета "белый" в японских и якутских художественных произведениях (на материале поэзии Такамуры Котаро и Ивана Гоголева) // Вестник СевероВосточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 5 (73).
9. Руфова Е. С., Гриц М. В. Символика белого цвета в названиях японских манга // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4 (101). С. 282-284. DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-282-284. EDN RRZATR.
10. Соколова Е. Н. Лексика цветообозначения в романе Р. Брэдли "451° по Фаренгейту" и его русском переводе // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 "Гуманитарные науки". 2018. Т. 20. № 4 (181).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к рассмотрению статья посвящена комплексному анализу роли цветообозначений в антропонимике японских комиксов (манга). Рассматриваемая работа является междисциплинарной, находящейся на стыке лингвистики, культурологии и литературоведения.

Предмет исследования сформулирован чётко и полностью соответствует тому, что заявлено в названии статьи. Автор сосредотачивается на изучении лингвокультурной специфики имен персонажей манга, содержащих компоненты, обозначающие цвета. Исследование ограничено конкретным лингвокультурным феноменом (именами) в рамках специфического типа текста (манга), что делает его предмет сфокусированным и хорошо определенным.

В статье заявлен корректный и релевантный для поставленных задач методический аппарат. Используемый в исследовании метод сплошной выборки способствует формированию репрезентативной базы данных (500 имен, из которых отобрано 215 с цветовым компонентом). Также упомянуты текстологический, компонентный и контекстуальный анализ.

Методологическая база подкреплена ссылками на работы исследователей, изучавших цветосимволику в разных лингвокультурах. Однако в тексте статьи не в полной мере раскрыто, как именно применялись каждый из перечисленных методов. В частности, хотелось бы видеть более развернутое описание процедуры компонентного анализа и критериев выделения цветовых коннотаций. Несмотря на это, общий подход представляется научно обоснованным и адекватным цели исследования.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Она обусловлена стабильно высоким интересом к феномену манга как креолизованного текста, где вербальный и невербальный компоненты образуют единое смысловое целое. Кроме того, в современном мире высока востребованность лингвокультурных и кросс-культурных исследований, направленных на понимание иноязычной (в данном случае – японской) картины мира через её медийные продукты. Несмотря на существование значительного количества работ по цветосимволике, целенаправленное исследование цветообозначений именно в именах персонажей манга представляется новаторским и своевременным.

Научная новизна статьи обозначена автором и подтверждается материалом исследования. Она заключается в том, что это одна из первых попыток систематического анализа цветообозначений в антропонимике японских манга. В статье выявлены наиболее продуктивные цветовые компоненты и проанализированы функции цветообозначений не только как маркеров внешности, но и как элементов, влияющих на сюжет, раскрытие характеров и создание системы оппозиций.

Структура статьи логична и соответствует стандартам научной публикации: введение с постановкой проблемы, целей и задач, обзор литературы, методология, анализ эмпирического материала, выводы и перспективы.

Стиль изложения в целом научный, однако присутствуют некоторые стилистические недочёты, что в случае статьи филологической направленности снижает общее впечатление и требует обязательной корректировки. Например, необходимо устранить из текста обороты, содержащие в себе явные лексические, грамматические и стилистические ошибки: «изучает взаимосвязь языковыми формами», «внешность персонажа также подobaет его имени», «даже внешне в моменте злости глаза... наливаются кровью», «герои... преодолевают не только новых спортивных соперников, но и свои слабости», «более глубже раскрывает», «использование цветообозначений...

придает произведению более живое восприятие персонажей», «ассоциировать с стереотипным цветом девочек и мальчиков» и т.п.

В некоторых местах текст носит скорее описательный характер, нежели аналитический. Так, пересказ сюжета манга «Принц соседней страны обожает злодейку» занимает значительный объем, в то время как глубинный лингвокультурный анализ сочетания розового и голубого цветов мог бы быть более глубоким.

Статья содержит рисунки, обозначение которых не является однородным (Рисунок 1 –; Рис. 2.), что нарушает требование однообразности оформления материалов. Рисунки упоминаются в тексте статьи, но их иллюстративная функция, значимость для понимания авторской идеи не всегда обозначены, особенно это касается рисунка 2.

Список литературы состоит из десяти наименований источников, которые упоминаются в тексте статьи. Представлены как классические, так и современные исследования, что, несомненно, говорит о знакомстве с актуальным состоянием проблемы. Однако в цитировании допущены неточности: так, работа М. Гун (2024) в тексте имеет номер [6], а в списке стоит под номером 3. Находящаяся в списке под номером 6 работа Габышевой Л. Л. в тексте не упоминается, а упомянутая работа Л. В. Гатауллиной в списке литературы отсутствует. Это создает путаницу и требует унификации нумерации по всему тексту. На все источники, представленные в списке литературы, должна быть ссылка в тексте, и нумерация должна быть сквозной и единообразной.

Выводы, представленные в статье, являются логичным завершением проведенного исследования и адекватно отражают его результаты. Они подчеркивают коммуникативную функцию цветообозначений в именах, их роль как связующего звена между вербальным и невербальным компонентами текста.

Статья может вызвать интерес у филологов, культурологов, специализирующихся на японской медиакulturе, преподавателей и студентов.

В целом статья представляет собой законченное научное исследование, обладающее актуальностью, научной новизной и практической значимостью. При условии устранения недочётов статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Лингвокультурная специфика имен персонажей японских манга с компонентом цветообозначения (на примере белого, красного, синего цветов)», присланной на повторное рассмотрение, отмечаются существенные улучшения по сравнению с первоначальным вариантом.

Описание методологии исследования было расширено за счёт указания на специфику использования компонентного анализа. Автор конкретизирует, что посредством этого метода «в анализируемых именах выделяется сема, называющая цвет и используемая как часть имени собственного». Это уточнение повышает научную прозрачность исследования и демонстрирует, как именно применялся заявленный метод на практике. Описание методов стало менее декларативным и более связанным с фактическим

анализом материала. В целом же методологический аппарат в статье заявлен корректно и включает релевантные методы.

За счёт более точного методического обоснования усиливается научная новизна исследования и повышается его актуальность. Междисциплинарные исследования сегодня имеют высокую востребованность, и статья, без сомнения, вносит определённый вклад в лингвокультурологию, ономастику и медиалингвистику.

Структура статьи остается логичной и соответствующей научным стандартам. В содержательную часть внесены положительные изменения: исправлены речевые недочёты, улучшены формулировки, уточнено описание визуализации (рисунка 2). Текст стал более академичным и точным. Кроме того, более глубоко раскрыты аспекты взаимоотношений персонажей в манга «Новый Принц Тенниса», уточнены функции цветообозначений в развитии сюжета и характеристиках персонажей. Можно отметить также, что устранены некоторые громоздкие конструкции, улучшена читаемость. За счёт более корректных формулировок усилена аналитическая составляющая статьи.

В исправленной версии имеются критически важные улучшения в библиографическом аппарате, упорядочена нумерация (ссылки в тексте теперь соответствуют нумерации в библиографическом списке), скорректирован состав источников.

Список литературы демонстрирует релевантность и актуальность, поскольку включает в себя работы вплоть до 2025 года. Все ссылки в тексте имеют соответствие в библиографии.

Выводы статьи логически вытекают из проведенного анализа и адекватно отражают результаты исследования. Представляется, что статья будет интересна для читателей довольно широкого круга: как исследователей, специализирующихся на японской культуре, так и любителей манга как жанра.

При дальнейшей работе рекомендуется обратить внимание на стиль академического изложения и строгое соответствие текста статьи лингвистическим нормам.

Отредактированная версия статьи демонстрирует значительное улучшение по сравнению с первоначальным вариантом. Критические замечания, касавшиеся библиографии и методологического описания, были учтены и исправлены. Стиль изложения стал более качественным, анализ – более глубоким и обоснованным.

Статья представляет собой законченное научное исследование, обладающее актуальностью, научной новизной и практической значимостью. Данная работа вносит весомый вклад в изучение японской визуальной культуры и лингвокультурных аспектов медиапродукции и может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зверева М.И. Образность эвфемизмов в пространствах лингвокультур // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76662 EDN: CSKIUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76662

Образность эвфемизмов в пространствах лингвокультур

Зверева Марианна Ивановна

ORCID: 0009-0001-2281-3438

кандидат филологических наук

преподаватель; кафедра русского языка; Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13

✉ marianna_zz@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76662

EDN:

CSKIUQ

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2025

Аннотация: Образность, как стилевая черта или как категория стилистики, включает в себе многое и позволяет ярко отобразить культурозначимые смыслы и ценности. При этом образность может играть ещё и роль усилителя функций даже тех языковых единиц, для которых она необязательна. Показательна в этом плане образность эвфемизмов, ставшая предметом проведённого исследования. Эвфемизмы, содержащие в себе образность, здесь обозначаются как образные эвфемизмы. Такие эвфемизмы создаются посредством установления ассоциативной связи между разными представлениями. Особенности лингвокультуры, национальной культуры, культуры этноса и отдельной личности указывают направление такой связи. С целью прояснения ключевого понятия «образный эвфемизм», определения характеристик и свойств образных эвфемизмов, рассмотренных с лингвокультурного ракурса, использовался комплекс методов. Ведущим методом стал описательно-аналитический, также применялся метод сравнительного анализа, кроме того, для корректной идентификации эвфемизмов применялся метод контекстуального анализа, а для получения актуального материала исследования проводился опрос представителей разных лингвокультур и народностей. Научную

новизну предопределяет не только разнообразие исследуемого материала (масштаб опроса охватил 17 стран: Россия, Таджикистан, Турция, Сирия, Египет, Ангола, Мозамбик, Гвинея Бисау, Гвинейская Республика, Бенин, Мали, Нигер, Камерун, Республика Конго, Франция, Лаос, Камбоджа), но и выделение нового принципа классификации эвфемизмов, по которому эвфемизмы разграничиваются на образные и необразные. Утверждается, что образность эвфемизмов может быть только тропеической, т. к. по природе своей эвфемизм не сопоставим с автологией и призван избегать реалистической точности. Перенос образных эвфемизмов в другую социокультурную реальность и их закрепление там происходит вследствие принятия переносимых образов, иначе они отвергаются или трансформируются. Область применения результатов исследования расширяется за счёт выводов, имеющих практическое значение в межкультурной коммуникации, поскольку заявляется, что буквальный перевод образных эвфемизмов дезактивирует их ключевую функцию в новом языке, если не учитываются совокупно лингвокультурный, национальный и собственно языковой факторы.

Ключевые слова:

эвфемизм, ключевая функция эвфемизма, образный эвфемизм, образность, переносное значение, ассоциативность, металогия, автология, лингвокультура, национальная культура

«Язык есть зеркало мыслей народа»

Хулио Сехадор-и-Фраукав, испанский филолог и философ XIX-XX веков

Образность языковой единицы заслуживает интереса и внимания уже потому, что по свойству своему способна расширить границы текста или выражения, превращая его в многомерное – открывая в нём дополнительное измерение, усиливая эффект от восприятия, и в выражениях, характеризующихся фразеологичностью, ярче отображает культурозначимые смыслы. Образность, её проявление у эвфемизмов является предметом представленного в этой статье исследования, в ходе которого применялся описательно-аналитический метод с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, интерпретацией. Кроме того, применялся метод сравнительного анализа, а для корректной идентификации эвфемизмов – метод контекстуального анализа, также проводился опрос представителей разных лингвокультур и народностей.

Образность в Словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило определяется как «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении» [\[1\]](#).

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка «образности» посвящена развёрнутая статья, из которой следует, что это «сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации в связи с различными осмыслениями понятия и термина образ» [\[2\]](#). К тому же, авторы словарной статьи А. П. Сковородников и Г. А. Копнина отмечают, что образность бывает тропеической и нетропеической. Тропеическую образность, «основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении» [\[2\]](#), исследователи А. П. Сковородников и Г. А. Копнина сопоставляют с понятием металогии (в Поэтическом словаре А. П. Квятковского металогия трактуется как «употребление в поэтическом произведении слов и выражений

в их переносном значении, образном или фигуральном; область металогических выражений обширна, она содержит в себе такие стилистические фигуры, как сравнение, метафора, симфора, эпитет, гипербола, литота, метонимия, синекдоха, символ, аллегория, иносказание и т. д.» [31]. Следовательно, нетропеическую образность сопоставляют с понятием автологии (согласно А. П. Квятковскому, автология – это «употребление в поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении; художественная автология противостоит металогической, или фигуральной, речи своей реалистической точностью» [31]). При этом, «и образность тропеическая, и образность нетропеическая могут выступать как изобразительность речи, под которой понимается такая степень её предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления» [2]. Такие представления вызывают живой эмоциональный отклик, оставляют в сознании порой особо сильное впечатление, даже превосходящее впечатление от реальной окружающей в данный момент действительности.

Образность может быть присуща разным языковым единицам и не только в художественном тексте. Так, образность обнаруживается, например, в следующих фрагментах публицистического текста, цитирующих высказывания футболистов:

«Тем не менее, мы сумели сравнять счёт, а в концовке **удача улыбнулась сопернику**», – заявил Касильяс в послематчевом комментарии прессе» (Евро-Футбол, 18.04.2012);

«Проблема в том, что "Лацио" выглядит очень неплохо. Да, в последнем туре **удача отвернулась**, но до этого разгромили "Милан", не пропускали на протяжении трёх встреч» (Чемпионат, 02.02.2023).

В приведённых примерах образность создаётся посредством выражений, основанных на олицетворении: «удача улыбнулась сопернику» и «удача отвернулась». Оба эти выражения употребляются вместо прямой номинации, заключающей в себе негативную идею проигрыша, и смягчают общий посыл речи, следовательно, являются эвфемизмами.

Эвфемизм – это «более мягкое выражение вместо грубого, это слово или словосочетание, замещающее собой нетактичное обозначение чего-либо, неприемлемое для говорящего и/или для слушающего» [4, с. 144]. Основным критерий при идентификации того или иного слова или выражения в качестве эвфемизма – это выполнение им ключевой функции: «смягчение или нейтрализация негативных, неприятных смыслов в тексте» [4, с. 144]. Причём, для выполнения этой функции образность вовсе не обязательна. Примером тому послужит другой фрагмент из СМИ на аналогичную тему, но образность выделенному в нём эвфемизму не присуща:

«Уфимский "Кировец" **неудачно сыграл** в Нижнем Новгороде» (Аргументы и Факты, 02.02.2023).

При сопоставлении трёх приведённых в пример эвфемизмов: «удача улыбнулась сопернику», «удача отвернулась» и «неудачно сыграл» – более мягко, завуалированно и изящно факт проигрыша передают именно **образные эвфемизмы**.

Образный эвфемизм включает в себе образность тропеическую, ведь иная образность – нетропеическая – будет противоречить самой природе эвфемизма, назначение которого – избегать прямую номинацию, реалистическую точность, т. е. автологию.

В основе образных эвфемизмов – ассоциативность. Ассоциативность связана с работой мышления, и, как отмечается в статье Р. Е. Барабанова «Психологические механизмы зрительного восприятия формы и пространства», «ассоциативность устанавливает связи между отдельными представлениями, вследствие чего одно из них вызывает другое, третье и т. д.» [5]. Между какими именно представлениями установятся эти связи, зависит от разных факторов: не только от специфики мышления индивида, но и от особенностей, в том числе транслируемых ценностей, лингвокультуры, национальной культуры, культуры этноса. Последние, как правило, особо влияют на порождение таких образных эвфемизмов, для которых присуща фразеологичность, т. е. для которых характерна устойчивость и воспроизводимость.

Например, фразеологичным является образный эвфемизм «на чай», заменяющий собой прямую номинацию «взятка»:

*«"Это от души **на чай**": водитель из Таджикистана пытался подкупить красноярского гаишника взяткой в 500 рублей» (NewsLab, 13.11.2019).*

При этом, если смоделировать такую же ситуацию, но в рамках другой лингвокультуры или другой национальной культуры, то таксист сказал бы так:

*«Это от души... **деньги на суп** ("**çorba parası**" – в Турции),*

***газировка** ("**gasosa**" – в Анголе и Мозамбике),*

***горшок с вином** ("**pot de vin**" – во Франции, Республике Конго, Нигере, Камеруне),*

***цена приправы** или **для соуса**, или **деньги на чай** ("**prix du condiment**" или "**pour la sauce**", или "**l'argent pour le thé**" и вариант на языке бамбара "**thé songon**" – в Мали),*

***цена колы** – ореха колы (на французском языке "**prix de cola**", на языке сусу "**kola saré**", на языке малинке "**woronsonkô**", на языке фулани "**thioguou goro**" – в Гвинейской Республике),*

***деньги на чай** ("**dinheiro para chá**" – в Гвинее Бисау),*

***плата за кофе** или **плата за чай** ("**ផ្លូវកៅស៊ូ**" и "**ផ្លូវកៅស៊ូ**" – в Камбодже),*

***деньги на покупку воды** или **деньги на покупку кофе** ("**ເງິນຮັກສາໄຟຟ້າ**" и "**ເງິນຮັກສາໄຟຟ້າ**" – в Лаосе),*

***это на чашечку кофе** ("**هذا لأجل فنجان القهوة**" – в Сирии),*

***на чай** ("**علشان الشاي**" – в Египте),*

***кое-что незначительное** ("**un petit quelque chose**" – в Бенине).*

Как видно, в разных лингвокультурах и национальных культурах не всегда совпадают представления, с которыми устанавливаются ассоциативные связи, что в большинстве случаев порождает не похожие при буквальном переводе образные эвфемизмы, заменяющие прямую номинацию «взятка». Некоторые причины установления именно таких ассоциативных связей изложены в статье «Отражение национального мира в эвфемизмах разных языков» [6].

Лингвокультура, как «совокупность массива информации культуры, получившего объективацию в языке» [7-8], или, в трактовке В. В. Красных, как «культура,

воплощённая и закреплённая в знаках языка, явленная нам в языке и через язык» [9], несмотря на то, что в большинстве случаев предопределяет направление ассоциативной связи для создания образного эвфемизма, однако, решающего влияния не имеет, потому что так же сильно влияние и национальной культуры (национальная культура – «духовное измерение нации, каждого отдельного человека, её составляющего, и его материализация, овеществление в конкретных результатах культурной деятельности» [10].

Показательны в этом смысле приведённые примеры образных эвфемизмов, употребляемые во Франции, Республике Конго, Камеруне, Нигере, Мали, Гвинейской Республике, Бенине – в странах, связанных французской лингвокультурой.

С одной стороны, в первых четырёх странах используется один и тот же образный эвфемизм "*pot de vin*" (*горшок вина*), который, очевидно, возник там, где виноделие имеет особую культурную ценность, т. е. во Франции, так как «язык в силу своей орудийной природы закрепляет в инвентаре культурозначимые смыслы и способы размышления о них» [7]. И вот, один из значимых смыслов французской лингвокультуры распространился в Республике Конго, Камеруне и Нигере в связи с распространением там французского языка, даже несмотря на влияние на него языков и культур коренных народов этих африканских стран.

С другой стороны, упоминаемые в этой статье образные эвфемизмы в Мали и Гвинейской Республике возникли явно вне зависимости от французской лингвокультуры, отобразив значимые смыслы непосредственно своей национальной культуры. Так, например, в национальной культуре Гвинейской Республики особо ценится орех колы – он является важным элементом разных церемоний, даже в аэропорту при встрече дорогого гостя там преподносят именно орех колы (как хлеб да соль в русской культуре). Понимание этого факта объясняет неслучайность возникновения ассоциативной связи между этим орехом и взяткой, а следовательно и появление образного эвфемизма "*prix de cola*" (*цена колы*), его употребление представителями разных этнических групп в Гвинейской Республике.

Совпадение в сразу нескольких совершенно разных лингвокультурах выражения «*на чай*» («*деньги на чай*» / «*плата за чай*») в качестве образного эвфемизма для замены прямой номинации «взятка» объясняется распространённостью и популярностью этого напитка в разных странах, у разных народов.

Разумеется, в мире высоких коммуникативных скоростей и, к тому же, с естественно или искусственно запущенным процессом глобализации также есть примеры проникновения образов из одной лингвокультуры в другую, быстрого калькирования в том числе образных эвфемизмов. При этом факт принятия и активного широкого употребления таких эвфемизмов из другой лингвокультуры может указывать на то, что произошло совпадение ценностей и языковых возможностей, как в случае с эвфемизмами «*серебряный волонтер*» (рус.) – «*silver volunteer*» (англ.), когда один и тот же образный эвфемизм оказался удачным для разных лингвокультур, а также национальных культур, и функционирует в их контекстах, замещая прямую номинацию, обозначающую волонтеров условно старше 65 лет:

«Как "**серебряный волонтер**" из Югры покорила олимпийский Сочи» (Аргументы и Факты: 08.05.2014. <https://ugra.aif.ru/>);

«In 2022, 80 UNICEF**Silver Volunteers** trained over 900 parents in early childhood

development, with a particular emphasis on immunizations» (на сайте UNICEF – Международной организации защиты детей, действующей под эгидой ООН: 21.02.2023. <https://www.unicef.org>);

*«The **Silver Volunteer Fund (SVF)** was launched in 2016 as part of the National Senior Volunteerism Movement under the first Action Plan for Successful Ageing»* (на сайте Правительства Сингапура: 28.10.2024. <https://ask.gov.sg>).

Но, например, калька этого образного эвфемизма на французском языке будет выглядеть как оксюморон из-за омонимичности во французском языке слов «серебро» (*l'argent*) и «деньги» (*l'argent*), а значит абсурдно будет такое сочетание со словом «волонтёр», которое обозначает человека, выполняющего работу или занимающегося общественной деятельностью добровольно и безвозмездно, не за деньги.

Итак, итоговые тезисы следующие.

1. Образность, хоть и является не обязательной чертой эвфемизмов, однако, способна усилить их основную функцию – функцию смягчения, нейтрализации негативного, неприемлемого смысла замещаемой прямой номинации.

2. Образность эвфемизмов – тропеическая.

3. Существует немало классификаций эвфемизмов, опирающихся на разные принципы (подробно об этом изложено в диссертации [4, с. 33-46]). Ещё одним принципом классификации может быть содержание или не содержание в эвфемизме образности, следовательно, эвфемизмы могут быть образными или необразными.

4. Образные эвфемизмы могут быть фразеологичны, т. е. устойчивы и воспроизводимы.

5. Буквальный перевод образных эвфемизмов дезактивирует их ключевую функцию в новом языке, если ассоциативные связи с этими образами не совпадают в лингвокультурных, а также национальных, пространствах – исходном и новом. Кроме того, собственно языковые особенности, например, явление омонимии, предопределяют возможность или невозможность буквального перевода образного эвфемизма.

6. Распространение языка на новые социокультурные территории не гарантирует перенос и закрепление там тех же образных эвфемизмов. Образы рождаются путём выстраивания ассоциативных связей не в языке, а в сознании (индивидуальном или общественном).

7. Картина мира народа, его мысли более живо запечатлены в образах, которые отражаются в искусстве (пространственном, временном, синтетическом), а также отражаются в самом языке, в особых языковых выражениях, и потому изучение образных эвфемизмов ведёт к лучшему пониманию культурнозначимых смыслов, системы ценностей народа. А поиск образов, в которых соприкасаются и пересекаются разные лингвокультуры и национальные культуры, – ещё один интересный путь исследования образности, в частности изучения образных эвфемизмов.

Библиография

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/2428/образность EDN: RUSOUC
2. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Образность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта. Наука, 2003. URL:

<https://stylistics.academic.ru/93/Образность>

3. Квятковский А. П. Поэтический словарь. Москва: Советская Энциклопедия, 1966. URL: <https://poetique.academic.ru>

4. Зверева М. И. Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды: дис... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2023. URL: https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_zvereva_marianna.pdf

5. Барабанов Р. Е. Психологические механизмы зрительного восприятия формы и пространства // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. № 12. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psychology-2023-8/b1-barabanov.pdf> DOI: 10.34670/AR.2023.35.80.009 EDN: ITOLGM

6. Зверева М. И. Отражение национального мира в эвфемизмах разных языков // Сб. материалов IV Международного научно-образовательного форума "Языковая политика и лингвистическая безопасность". Нижний Новгород: Изд. НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 128-132.

7. Фёдоров М. А. Термин "Лингвокультура" в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 6-2. С. 83-86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp-edn=sbwwor>

8. Фёдоров М. А. От лингвистической относительности к относительности культурной // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. Серия Филология. 2013. № 2 (23). С. 181-186.

9. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия "Филология. Культурология. Педагогика. Методика". 2012. № 3. С. 67-74. URL:

https://istina.msu.ru/media/publications/articles/ed4/1a0/3179765/Krasnyih-Kultura_KP_i_LK_-_kult.ident-ya.pdf

10. Герандоков М. Х., Герандокова В. З. Понятие национальной культуры // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. 2017. № 1 (15). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp-edn=vtgwzq>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Образность эвфемизмов в пространствах лингвокультур» представляет собой интересное и оригинальное исследование.

Предметом рассмотрения в данной научной работе является специфика проявления образности у эвфемизмов в различных лингвокультурах.

Актуальность работы не вызывает сомнений и обусловлена рядом факторов. Во-первых, именно в эвфемизмах наиболее ярко отражаются культурная специфика и ценности общества. Во-вторых, исследование «смягчающих» выражений позволяет чётко проследить динамику языковых изменений — от эвфемистического изнашивания до превращения эвфемизмов в новые табу.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в выборе самого объекта исследования. Несмотря на то что эвфемизмы неоднократно становились предметом

лингвистического анализа, автору удалось выявить в них малоизученный аспект — образный компонент. Новым является также применение комплексного исследовательского подхода.

Методология исследования сочетает описательно-аналитический метод с его основными компонентами: наблюдением, обобщением и интерпретацией. Кроме того, автор использует методы сравнительного и контекстуального анализа. Особую ценность представляет сочетание указанных теоретических методов с эмпирическим — опросом представителей разных лингвокультур.

Структура работы соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям подобного рода. Статья написана хорошим научным языком; выводы автора логичны и подкреплены убедительной аргументацией.

К несомненным достоинствам рецензируемой работы следует отнести предложенный автором принцип классификации эвфемизмов — по наличию или отсутствию в них образности, а также выводы о роли буквального перевода образных эвфемизмов и его способности дезактивировать их ключевую функцию в новом языке.

Библиография не отличается большим объёмом — всего десять источников, — однако они характеризуются фундаментальностью и новизной. Большинство цитируемых работ опубликовано в последние 10 лет, что дополнительно подчёркивает актуальность исследования. Автор ссылается на труды ведущих специалистов в области культурологии (в частности, В. В. Красных), а также на авторитетные лексикографические источники, что придаёт работе теоретическую значимость.

Автор тщательно анализирует как теоретическую базу исследования, так и разнообразный фактический материал, представленный эвфемизмами, употребляемыми во Франции, Республике Конго, Камеруне, Нигере, Мали, Гвинейской Республике, Бенине и других странах. Это свидетельствует о практической ценности работы.

Данная статья может быть интересна специалистам в различных областях языкознания, в частности исследователям, работающим в сфере когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, медиа- и политической лингвистики.

В качестве рекомендации хотелось бы пожелать автору более последовательно использовать стилистические клише, характерные для научного стиля. В частности, в резюмирующей части статьи фразы вроде «Таким образом, основные результаты проведённого исследования...» или «Проведённый анализ позволил прийти к следующим выводам...» были бы уместнее, чем «Итак, итоговые тезисы следующие».

Указанная рекомендация никоим образом не снижает общей ценности проведённого исследования. Статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов В.В. Использование якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха (Якутия) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76893 EDN: CSSBPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76893

Использование якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха (Якутия)

Иванов Виталий Витальевич

ORCID: 0000-0003-3985-2289

аспирант; Институт зарубежной филологии и регионоведения; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
младший научный сотрудник; Международная научно-исследовательская лаборатория "Лингвистическая экология Арктики"; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677009, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Семилетка, д. 4/1

✉ viv.ivanov@s-vfu.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76893

EDN:

CSSBPN

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является использование якутского языка в онлайн-пространстве районных средств массовой информации северо-восточных улусов Республики Саха (Якутия). Объектом исследования выступает совокупность новостных публикаций восьми районных онлайн-СМИ, представленных на портале Ulus.media. Подробно рассматриваются такие особенности, как соотношение русскоязычных и якутоязычных новостей, специфика распределения языков по темам, особенности написания заголовков, а также влияние русизмов на формирование современного локального медиапространства. Особое внимание уделяется выявлению лексико-семантических полей якутоязычных публикаций, определению степени их функциональной нагрузки и анализу факторов, влияющих на фрагментарность использования языка в региональной медиасреде. Исследование ориентировано на осмысление динамики использования якутского языка в условиях отдаленности,

цифрового неравенства и слабой инфраструктурной обеспеченности арктических районов. В исследовании применяются количественный контент-анализ и качественный лексико-семантический анализ заголовков и текстов новостных публикаций, а также сравнительно-описательные методы, позволяющие выявить степень представленности якутского языка и характер его функционирования в региональной медиасреде. Основными выводами проведенного исследования являются установление доминирующего положения русского языка (более 80 % всех новостных публикаций) и выявление преимущественно фрагментарного, тематически ограниченного использования якутского языка в районных онлайн-СМИ северо-востока Республики Саха (Якутия). Новизна исследования заключается в комплексном анализе 1798 новостных материалов за трехмесячный период, охватывающем медиапространство периферийных районов республики, характеризующихся низким развитием инфраструктуры, удаленностью от торговых и транспортных центров, а также специфическими особенностями медиапотребления. Анализ содержания текстов позволяет говорить о том, что якутский язык в локальной медиасреде функционирует как адаптивная и динамично развивающаяся система, способная обслуживать большую часть регионального информационного медиа пространства, сохраняя при этом свою этнокультурную специфику.

Ключевые слова:

якутский язык, региональные СМИ, новостные публикации, северо-восточные районы Якутии, билингвизм, русизмы, медиапространство, цифровизация, медиакоммуникация, региональная медиасреда

Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению No 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Современные региональные СМИ в России в настоящее время являются не столько источником новостей, сколько инструментом сохранения культурных особенностей и языковой идентичности. Это становится особенно важным в условиях глобализации и повсеместной цифровизации, когда более доминантный язык начинает завоевывать все виртуальное пространство, вытесняя языки с меньшей коммуникативной мощностью. В результате это приводит к сокращению их функционального использования.

Особая роль языка средств массовой коммуникации уже давно фиксируется лингвистами. Согласно исследованиям Г. Я. Солганика, «именно язык СМИ выполняет сегодня в общественной практике функцию языка-эталона, влияющего на политику, литературу, культуру в целом» [\[15, с. 135\]](#).

В принципиально новых условиях взаимодействия, когда происходит интеграция в единое пространство различных областей медиакоммуникации и традиционных СМИ, возникает практически безграничное поле для публичной коммуникации. Однако они весьма неоднородны по размеру, форматам потребления медиатекста и речевому поведению. Некоторые исследователи подчеркивают, что в новой цифровой реальности функционирует множество разнотипных дискурсов. Текстуальные практики в результате этого оказываются в новых форматах взаимодействия между создателями и читателями, что оказывает влияние на социальные процессы [\[9\]](#). Формы и тональность общения в сети интернет заставляют многих исследователей считать анализ языка социальных

медиа важным для понимания актуальных вопросов, причин социальных и вооруженных конфликтов [\[2, с. 203\]](#).

Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2022–2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов мира, цель которого состоит в привлечении внимания мировой общественности к опасности исчезновения многих языков коренных народов, а также к необходимости мобилизации ресурсов на их сохранение и возрождение. Негативное влияние информационных технологий может угрожать языкам, что было учтено ЮНЕСКО, которое ратует за сохранение и развитие всех языков, придерживаясь «экологического» подхода. Подразумевается, что представители миноритарных сообществ не должны сталкиваться с ситуацией, при которой следующее поколение вынуждено использовать для общения доминирующий на данной территории язык [\[11, с. 268\]](#).

Отечественные исследователи отмечают, что национальные региональные СМИ обеспечивают функционирование языков национальных меньшинств. В частности, подчеркивается, что СМИ на национальных языках выполняют функцию сохранения этнической идентичности представителей отдельных этносов и трансляции ее в более широкий национальный и межнациональный контекст [\[16, с. 5\]](#).

Отметим [\[6, с. 84\]](#), что наличие на региональном уровне СМИ, распространяемых на родных языках народов России, является значимым аспектом реализации языковой политики в части ее информационно-методического сопровождения.

В ответ на глоболизирующие вызовы в двуязычном и многоязычном обществе региональные СМИ должны способствовать развитию и укреплению этнического самосознания, выполнению языками народов России их коммуникативной, информативной, когнитивной, аккумулятивной, этноконсолидирующей и др. функций [\[7, с. 81–82\]](#).

За последние двадцать лет произошла структурно-функциональная перестройка массмедиа Республики Саха (Якутия). Формы потребления информации населением претерпели изменения [\[1, с. 131\]](#). Следовательно, глобальные процессы способствовали переходу на сетевые массмедиа. Сегодня интернет-СМИ считается полноценной медиасредой, которая обновляется ежедневно или даже непрерывно в течение дня.

Итак, вместе с бурным развитием в сфере компьютерных технологий и распространением интернета во все сферы человеческой жизни на рубеже XX–XXI вв. начались кардинальные изменения в структуре средств массовой информации.

Газеты проникли в глобальную сеть и обрели жизнь в онлайн-пространстве, но при этом речь идет не просто об образовании нового информационного канала, а о появлении уникального феномена СМИ, в рамках которого произошли качественные изменения прежней коммуникативной модели. Новые технологии позволили интернет-изданиям раскрыть неизвестные ранее возможности производства и получения информации и обрести характеристики, отличающие их от других средств коммуникации [\[10, с. 13\]](#).

Исследователи отмечают, что сегодня СМИ сталкиваются с рядом вызовов, в числе которых сокращение их общего числа, падение тиражей, укрупнение редакций с целью сокращения издержек на производство контента, сравнительно малый процент оригинального контента на национальных языках, доминирование русскоязычной версии

в билингвальных СМИ, сложности с подготовкой специалистов для работы в этнических СМИ в региональных вузах (нехватка финансирования, бюджетных мест и т.д.) и многие другие [\[12, с. 58\]](#) [\[14, с. 168\]](#).

Еще одним актуальным вызовом является сохраняющееся цифровое неравенство в полиэтнических регионах России на уровне доступа к интернету, ИКТ и цифровых компетенций пользователей [\[3, с. 11\]](#) [\[5, с. 53\]](#)

История формирования медиа-пространства региональных СМИ в Якутии прошла достаточно тернистый и сложный путь, начав с офлайн издательств, сложностей и проблем с распространением новостей во время социально-экономического кризиса на рубеже веков, а также сложным с технологической и кадровой точки зрения переходом в виртуальное пространство. Не все СМИ смогли пройти этот путь, однако существующие сегодня источники получения информации позволяют в полной мере удовлетворять спрос на актуальные новости по самым разным тематикам.

Например, интернет-сайты на якутском языке «Sakha-sire.ru» и «Edersaas.ru» возникли в результате трансформации государственного холдинга, образованного путем объединения республиканских печатных изданий и информационного агентства в 2013 году.

Трансформация районных (улусных) печатных изданий прошла по схожему пути, когда произошло организационное объединение районных изданий в единый холдинг и в настоящее время в каждом районе Республики Саха (Якутия) функционирует районное СМИ, финансируемое из государственного бюджета региона, а учредителями государственных улусных (районных) СМИ являются правительство республики и автономное учреждение «Сахапечать».

Наряду с организационными вопросами по присоединению районных газет, проводились работы по созданию единого портала районных газет для обеспечения их работы в интернет-пространстве. В исследовании 2015 года «Улусные районные газеты Республики Саха (Якутия)» в виде опроса редакторов и журналистов 24 районных газет было выявлено, что в районных газетах начались конвергентные процессы, создаются интернет-версии печатных газет, газета полностью выкладывается на сайты издания или администрации города, отдельные фрагменты контента размещаются на других платформах [\[13, с. 127\]](#).

В 2017 году по инициативе Министерства связи и информационных технологий Республики Саха (Якутия) был разработан единый портал для средств массовой информации районов Якутии, а концепция единого двуязычного информационного интернет-сайта под рабочим названием «Ulus.media» была разработана АО «РИИХ Саха-медиа» в целях расширения аудитории районных газет.

Изначально на портале были сформированы отдельные страницы для каждого района, главная страница содержала основные новости республики, сайт содержал архив газет в формате pdf для свободного скачивания, а наполнением страниц портала, отведенных под каждый улус, занимались редакции районных газет, а координацию их работы обеспечивала рабочая группа при «Сахамедиа» [\[17\]](#).

После присоединения районных газет в единый холдинг сайт «Ulus.media» был передан в ведение ГАУ «Сахапечать» и в настоящее время каждая районная газета имеет свой зарегистрированный ресурс в доменной зоне РФ, а с главной страницы можно попасть в

интернет-издания районных газет.

Трансформация печатных государственных СМИ на якутском языке подтверждает выводы А. А. Гладковой и Ю. А. Мкртычевой о том, что «этнические СМИ активно осваивают новые онлайн-платформы, стремятся расширить свою аудиторию в интернете, в том числе за счет более активного присутствия в социальных сетях» [\[4, с. 47\]](#).

Методология

Как уже говорилось ранее, при изучении истории формирования и развития региональных СМИ Якутии в разное время в районах (улусах) функционировали собственные газеты, публиковавшие в основном местные новости, однако большая часть этих изданий в настоящее время прекратила свое существование или перешла исключительно в виртуальный формат.

Несмотря на существование отдельных сайтов районных СМИ, а также страниц в социальных сетях, поддерживаемых местными администрациями, их публикационная активность остается крайне нерегулярной, а контент таких ресурсов часто ограничивается официальными сообщениями, пресс-релизами и справочной информацией, а значительная часть материалов представляет собой переработанные новости регионального характера. Все это снижает репрезентативность данных ресурсов для исследования использования якутского языка в локальном медиапространстве районных СМИ.

В настоящий момент все районные газеты 34 районов Якутии объединены на новостном сайте «Ulus.media», где продолжают публиковаться актуальные новости районов и региона.

Следует отметить, что новости о районах Якутии публикуются на различных сайтах, однако они не выделяются в отдельные категории и теряются в общем потоке материалов. Как правило, такие публикации обозначаются тегами на ресурсах «ЯСИА», «РИА», «Якутия 24», «Yakutia.info», «SakhaDay», а также на ряде других площадок.

Наиболее эффективным произвести исследование использования якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха (Якутия) представляется изучение содержания и текста новостных публикаций на портале «Ulus.media», так как именно на нем представлены наиболее актуальные новости районов (улусов) и их населенных пунктов.

Репрезентативность полученного материала достигается за счет того, что рассматриваемые газеты имеют разную тематическую специализацию, а авторами новостных публикаций выступают местные или командированные журналисты.

При проведении исследования применялся ряд методов, позволивших комплексно исследовать использование якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха (Якутия).

Для анализа медиакommunikации применялся количественный анализ, позволивший определить долю якутоязычных и русскоязычных публикаций, частотность появления определенных лексических единиц, а также качественные методы, позволившие сгруппировать новостные публикации по различным признакам и проанализировать содержание их текстов.

Для получения объективной картины использования якутского языка в онлайн-

пространстве северо-восточной зоны Якутии были проанализированы новостные публикации за 3 последних месяца в период с 15.08.2025 по 15.11.2025, что позволило охватить достаточно большой промежуток времени, включающий в себя как «сезонные» новости, связанные с окончанием сенокоса и подготовкой к зиме, так и текущие публикации, освещающие жизнь жителей этих районов.

В выборку включались только те новости, которые непосредственно касались конкретного района, его событий, социальных процессов, культурной жизни, деятельности организаций и местных инициатив. Публикации регионального или федерального уровня, а также материалы, тематически не связанные с исследуемыми территориями, были исключены.

Ниже представлен список районов (улусов), районные газеты которых изучались и анализировались:

- Нижнеколымский район;
- Среднеколымский район;
- Верхнеколымский район;
- Верхоянский район;
- Усть-Янский район;
- Аллаиховский район;
- Абыйский район;
- Оймяконский район.

Конкретизация района исследования именно на северо-восточной части республики обусловлена тем, что данные улусы являются наиболее удаленными от столицы и имеют низкий уровень развития инфраструктуры, в том числе цифровой (доступ к сети интернет), что напрямую влияет на характер медиапотребления и медиапроизводства.

Ограниченная пропускная способность сети интернет, неравномерность покрытия, сезонные перебои связи и малая плотность населения формируют специфическую локальную структуру, где новостные ресурсы выполняют не только информативную, но и социально-коммуникативную функцию.

В этих условиях особенно важным становится анализ того, каким образом функционирует якутский язык в цифровой среде с ограниченными ресурсами, поскольку северо-восточные районы характеризуются удаленностью от крупных транспортных и торговых центров, а также высокой степенью сплоченности сообществ из-за большого расстояния между населенными пунктами и значительного дисбаланса в социально-экономическом развитии между арктическими и остальными (неарктическими) районами республики [\[8, с. 46\]](#). Все это создает интересную ситуацию, когда однородное в отношении языка и культуры население получает информацию и взаимодействует с «внешним» миром с помощью новостных площадок.

Анализ и обсуждение результатов

В первую очередь стоит более подробно изучить основной источник материалов исследования, портал, включающий в себя все районные газеты улусов Якутии («Ulus.media»), который объединил цифровые версии редакций всех 34 районов республики, что создает единую инфраструктуру для распространения новостей в локальном медиапространстве.

Учитывая данные обстоятельства, выбор источника эмпирического материала становится

принципиально важным. Анализ новостного контента был сознательно ограничен публикациями на портале «Ulus.media», поскольку именно данная площадка:

- представляет полный архив новостей, публикуемый всеми редакциями исследуемых районов на одной площадке;
- минимизирует влияние различий в технической поддержке, инфраструктуре и кадровых ресурсах отдельных районов;
- позволяет фиксировать непосредственное содержание новостных публикаций, а не вторичные публикации республиканских СМИ;
- предоставляет удобный доступ к архиву сообщений за определенный период.

В ходе исследования было изучено и проанализировано содержание новостных публикаций, опубликованных в период с 15 августа по 15 ноября, то есть в течение трех месяцев.

Всего было проанализировано 1798 новостей на сайтах 8 районных газет (см. Таблицу 1).

Таблица 1 Количество новостных публикаций по районам (улусам)

Район (улус)	Всего новостных публикаций
Нижнеколымский район (улус)	153
Среднеколымский район (улус)	143
Верхнеколымский район (улус)	181
Верхоянский район (улус)	280
Усть-Янский район (улус)	301
Аллаиховский район (улус)	115
Абыйский район (улус)	173
Оймяконский район (улус)	452
Всего новостных публикаций	1798

Публикационная активность за выбранный промежуток времени достаточно вариативна, максимальные значения зафиксированы в Оймяконском (452 публикации) и Усть-Янском районах (301 публикация), а наименьшая активность наблюдается в Аллаиховском (115 публикаций) и Нижнеколымском (153 публикации) районах. Средняя публикационная активность районных изданий равна 224,75 публикации за 3 месяца.

Ниже приведена таблица, отражающая количественно-языковую характеристику изученных новостных публикаций за период с 15.08.2025 по 15.11.2025.

Таблица 2 Количественно-языковая характеристика новостных публикаций за период 15.08.2025 по 15.11.2025

Район (улус)	Домен районного СМИ	Всего новостей	Рус.	Якут.	% Якут.
Нижнеколымский район (улус)	kolymskayapravda.rf	153	153	0	0%
Среднеколымский район (улус)	halymadolgunara.rf	143	120	23	16.1%
Верхнеколымский район (улус)	kolymskienovosti.rf	181	181	0	0%
Верхоянский район (улус)	verhoyanskienovosti.rf	280	266	14	5.0%

Верхоянский район (улус)	vestivestnoyana.ru	200	200	14	5.0%
Усть-Янский район (улус)	zarya-yany.rf	301	279	22	7.3%
Аллаиховский район (улус)	putrazvitiya.rf	115	115	0	0%
Абыйский район (улус)	khotugukyyym.rf	173	129	44	25.4%
Оймяконский район (улус)	severnaya-zarya.rf	452	260	192	42.5%

Анализ содержания текстов новостных публикаций позволяет сказать, что доля русскоязычных публикаций составляет 83,6 %, что отражает доминирование русского языка в региональном медиапространстве.

Оймяконский (192 публикации, 42,5 %) и Абыйский районы (44 публикации, 25,4 %) наиболее активно используют якутский язык при написании новостных публикаций.

Промежуточные позиции занимают Среднеколымский (23 публикации, 16 %), Верхоянский (14 публикаций, 5 %), Усть-Янский (22 публикации, 7,3 %) районы, где якутский язык применяется в основном при публикации тематических новостных материалов, преимущественно культурно-исторического и общественного характера.

В Нижнеколымском, Верхнеколымском и Аллаиховском районах не зафиксировано ни одной публикации на якутском языке за весь исследуемый трехмесячный период.

Далее было проведено коннотативное исследование для выявления смыслов и ценностных установок, присутствующих в локальном медиапространстве в СМИ северо-востока республики для анализа не только тематической направленности публикаций, но и выявления культурных и социальных ориентиров, транслируемых через заголовки публикаций.

Изучались и анализировались заголовки новостных публикаций как наиболее концентрированная форма смысловой передачи, отражающей основные особенности социального восприятия, локальной идентичности и информационной политики.

Отчетливо выделяется официально-административное направление, особенно характерное для Нижнеколымского, Верхнеколымского и Аллаиховского улусов, где преобладают материалы, посвященные деятельности органов власти и отчетам различных учреждений.

Наряду с этим значительный пласт текстов образует социально-позитивный дискурс, наиболее заметный в Усть-Янском, Верхоянском и частично в Абыйском районах, где в заголовках публикаций подчеркивается общинная солидарность, локальная инициатива жителей, участие населения в культурной, образовательной и социальной жизни.

Особое значение имеют публикации из тех районов, где высокая доля заголовков представлена на якутском языке, прежде всего в Оймяконском и Абыйском районах (улусах), где появляется коннотативный слой, связанный с представлениями о северной устойчивости и трудолюбии местных жителей.

Важно отметить, что доля негативных и криминальных материалов во всех районах остается минимальной, а сами такие новости подаются в нейтральной, сдержанной манере.

В целом эмоциональный фон публикаций можно охарактеризовать как позитивно-нейтральный. Районные СМИ избегают конфликтных и криминальных тем, акцентируя внимание на достижениях, культурных событиях, деятельности местных организаций и повседневных историях.

Следующим этапом анализа стал частотный анализ лексики заголовков новостных публикаций, позволяющий реконструировать основные семантические поля. Полученные данные отражают не только тематическую структуру публикуемого контента, но и социальные и культурные акценты, формирующие информационную картину северо-восточных районов Республики Саха (Якутия).

Наиболее значимой составляющей лексической структуры является политико-административное поле, где в заголовках регулярно появляются номинации, обозначающие территориальную принадлежность («район», «районе», «района»), а также упоминания политических деятелей («М. Н. Ефимова»), например, «баһылык» (рус. «руководитель»), «былааһын» (рус. «флага»), «дуоһунаһыгар» (рус. «в должность»), «созывка» (рус. «созыв»), «депутаттары» (рус. «депутаты»), «инаугурацията» (рус. «инаугурация»), «судаарыстыбаннай» (рус. «государственная») и др.

Вторым крупным пластом является социально-образовательное поле, включающее в себя лексику, связанную со школой, детьми, праздничными датами, общественными мероприятиями и акциями, наиболее частотные слова вроде «ыччаппыттан» (рус. «поколение»), «библиотеката» (рус. «библиотека»), «хаһаайыстыбатын» (рус. «хозяйство»), «оскуолаларыгар» (рус. «в школах»), «үөрэх» (рус. «учеба»), «куоластааһын» (рус. «голосование») и др., делают акцент на событиях повседневной жизни, социальной активности и локальных инициативах.

Значимой частью общей лексической структуры является территориально-локальное поле, выраженное через использование в заголовках и текстах новостей географических наименований и топонимов, упоминания населенных пунктов, рек и местных объектов подчеркивают пространственную укорененность новостного дискурса, например «Кэбэргэнэ» (рус. «в Кэбэргэнэ»), «Абый улууһа» (рус. «Абыйский улус»), «Усуйаана» (рус. «в Усть-Яне»), «Арасыйа Федерациятын» (рус. «Российская Федерация»), «Хатынаахха» (рус. «в Хатынгнахе»), «Хаалас» (рус. «Канглассы»), «Орто Халыма» (рус. «Средняя Колыма»), «Алданнааһы» (рус. «Алданский»), «Өймөкөөн» (рус. «Оймякон») и др.

В новостях регулярно встречается лексика, связанная с экономикой и инфраструктурой, проявляющаяся в словах «туонна» (рус. «тонна»), «былаана» (рус. «план»), «кыстыкка» (рус. «зимовка»), «оттоһун» (рус. «сенокос»), «суоппардар» (рус. «водители»), «чохпутун» (рус. «уголь») и др., что указывает на присутствие материалов о хозяйственной деятельности, социально-экономических трансформациях, модернизации инфраструктуры и реализации проектов на местах.

Отдельного внимания заслуживает информационно-оборонительное поле, представленное использованием в заголовках лексем, связанных с темой СВО, например: «байыас» (рус. «боец»), «антифашисткай» (рус. «антифашистский»), «СВО» и др.

В совокупности лексико-семантические поля публикаций формируют многослойную структуру смыслов, сочетающую административные, социально-значимые, культурно-этнические и территориально-локальные элементы.

Анализируя использование якутского языка в текстах новостных публикаций, стоит отметить, что в структуре текстов чрезвычайно высока доля русизмов, прежде всего в сферах, связанных с современными технологиями, политико-административными процессами и социальной инфраструктурой.

Включение таких единиц в заголовки и тексты публикаций обусловлено тем, что соответствующие понятия не имеют прямых эквивалентов в якутской лексике.

В новостных текстах регулярно встречаются русизмы политико-административного характера, например: «форум» (рус. «форум»), «инаугурация» (рус. «инаугурация»), «мэрийэ» (рус. «мэрия»), «администрация» (рус. «администрация»), «депутаттары» (рус. «депутаты»), «созывка» (рус. «созыв»), «конституциятыгар» (рус. «конституция»), «нацбырайыак» (рус. «нацпроект»).

Существенный пласт образуют русизмы социально-образовательного и культурного спектра, например: «бибилэтиэкэ» / «библиотека» (рус. «библиотека»), «оскуолата» (рус. «школа»), «учуутал» (рус. «учитель»), «медицинскэй» (рус. «медицинский»), «конкурс», «олимпиада», «фестиваль», «профессионалнай» (рус. «профессиональный»).

Достаточно выделяется блок экономико-инфраструктурных, где встречаются русизмы, связанные с хозяйственной деятельностью: «тонна» / «туонна» (рус. «тонна»), «план» / «былаана» (рус. «план»), «инфраструктура», «грантарынан» (рус. «грант»), «дотацияны» (рус. «дотация»), «солкуобай» (рус. «рубль»), «процент», «ипотека».

В цифровой сфере наблюдается активное проникновение русизмов и интернационализмов: «мессенджер», «сервис», «цифровой», «ИТ», «инновация», «проект», «онлайн».

Отдельную группу составляют русизмы, связанные с военной лексикой: «антифашисткай» (рус. «антифашистский»), «СВО», «реабилитацияны» (рус. «реабилитация»), «мобилизация», «форум».

Заключение

Проведенный анализ онлайн-пространства районных СМИ северо-восточных районов (улусов) Республики Саха (Якутия) показал, что якутский язык в медиасреде используется ограниченно и неравномерно. Высокая доля новостных публикаций на русском языке (83,6%) говорит о практически полном доминировании русского языка в данном отношении.

Якутский язык используется в новостных публикациях преимущественно в рубриках, связанных с культурой, историей, спортом, образованием.

Неравномерность использования якутского языка в медиасреде районов северо-востока республики можно попытаться объяснить более высокой долей якутоязычного населения (Оймяконский, Абыйский районы), тогда как в районах с этнически смешанным составом или низкой концентрацией якутскоязычной аудитории использование языка минимально или полностью отсутствует.

Также существенное влияние может оказывать политика редакций конкретного района, сознательно поддерживающих более активное использование якутского языка в медиасреде.

Анализ заголовков и текстов новостных публикаций позволяет нам сказать, что в

исследуемой локальной медиасреде сложилась достаточно интересная ситуация, когда русский язык используется для обслуживания официальной среды, якутский применяется в основном для обозначения культурной идентичности и для подчеркивания символизма. Заголовки и тексты на якутском языке связаны, в основном, с жизнью района и населенных пунктов, семейными и календарными праздниками, культурными событиями.

Анализ текстов новостных публикаций показывает, что русизмы являются инструментом, позволяющим хоть и не в «чистом виде», но полноценно использовать якутский язык в региональной медийной среде, а их высокая частотность отражает адаптационные процессы, происходящие в условиях устойчивого билингвизма, когда русский язык выполняет роль источника терминов для обозначения новых социально-экономических и политических реалий.

В результате можно говорить о том, что современный якутский язык в региональных онлайн-СМИ функционирует как динамичная, открытая система, способная расширять свой лексико-семантический состав за счет русизмов, но при этом сохраняющая собственную структурную целостность.

При всей высокой степени проникновения русского языка в медиасреду, прежде всего в сферы управления, экономики, цифровых технологий и социальной инфраструктуры, якутский язык демонстрирует способность к адаптации, ассимиляции внешних элементов и переосмыслению заимствований в соответствии с внутренними законами собственной грамматики и словообразования, то есть якутский язык в медиасфере не вытесняется русским, а перерабатывает его элементы, интегрируя новые понятия в локальный контекст, что особенно заметно в заголовках и текстах, где сохраняется этнокультурная специфика, локальные топонимы и ценностные маркеры.

Следует сказать, что русские заимствования в данных условиях не оказывают деструктивного влияния, а выступают инструментом модернизации и медиалингвистического развития, поддерживая жизнеспособность языка в цифровой информационной среде.

Библиография

1. Аргылов Н.А. Особенности институционализации медиарынка и формирования информационного пространства Республики Саха (Якутия) // Меди@льманах. 2017. № 4 (81). С. 131.
2. Бодрунова С.С. Кросс-культурный тональный анализ пользовательских текстов в Твиттере // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2018. № 6. С. 203. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2018.191212 EDN: YUZENF
3. Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // Меди@льманах. 2018. № 5. С. 11. EDN: YRNDIL
4. Гладкова А., Мкртычева Ю. Этнические СМИ в условиях цифровой среды: итоги экспертного опроса // Медиа альманах. 2021. № 3. С. 47.
5. Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 4. С. 53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172 EDN: GZLUXO
6. Дугарова Т.Ц., Боргояков С.А., Ермошкина Е.М., Цыбаева Л.А., Ооржак А.А., Дамдинов Б.А. Сохранение и развитие языков народов России: проблемы и перспективы // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3 (137). С. 84.
7. Иванова Н.И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект). Новосибирск: Наука, 2022. С. 81-82.

EDN: FVJLGF

8. Калаврий Т. Ю., Романова Е. В. Сравнительный анализ качества жизни населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 44-56. DOI: 10.25587/SVFU.2022.55.96.004 EDN: BTSINI
9. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Харьков: Гуманитар. центр, 2017.
10. Миронова Д.А. Газетный медиатекст онлайн-формата как особый коммуникационный феномен / Д.А. Миронова // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2011. № 4. С. 13. EDN: OYMEDN
11. Орехов Б.В., Решетников К.Ю. Государственные языки России в Википедии. К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве / под ред. Е.Г. Лапиной-Кратасюк и др. М.: Новое лит. обозрение, 2016. С. 268. EDN: LRKONR
12. Позина А.А. Этническая журналистика. Структурные характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2011. № 3. С. 58. EDN: OIOEYP
13. Свитич Л.Г., Сидоров О.Г., Смирнова О.В. Улусные (районные) газеты Республики Саха (Якутия): социологическое исследование (опрос редакторов и журналистов). Новосибирск: Наука, 2017. С. 127. EDN: YXKWVP
14. Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Сидоров О.Г. Улусные (районные) газеты РС(Я): функционально-содержательная структура (по результатам опроса журналистов) // Вестн. СВФУ. 2015. № 3 (47). С. 168.
15. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 135. EDN: NCETRT
16. Шкондин М.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Этническая журналистика как объект системного анализа // Этническая журналистика: история и современность: ежегодник / отв. ред. А.А. Гладкова и др. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. № 11. С. 5. EDN: XZMKHZ
17. В Якутии откроется Единый портал районных газет / Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). 2017. 30 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2825774>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье, представленной на рецензирование, рассматривается специфика использования якутского языка в медиапространстве северо-восточных районов Республики Саха (Якутия). Отмечается, что «наличие на региональном уровне СМИ, распространяемых на родных языках народов России, является значимым аспектом реализации языковой политики». Предмет исследования достаточно актуален и определяется необходимостью изучения характера использования национального языка якутов, являющегося, наряду с русским, одним из официальных языков Республики Саха, в рамках сохранения и развития языков коренных народов Российской Федерации.

Теоретической основой исследования явились научные работы, посвященные вопросам медиа-дискурса; проблемам и перспективам сохранения и развития языков народов России; языковой ситуации в Якутии; этническим СМИ в условиях цифровой среды и др.

Библиография насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования определена спецификой предмета и объекта, целью и задачами работы и опирается на сочетание общенаучных методов анализа и синтеза, описательного метода, включающего наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, количественного анализа (для определения доли якутско- и русскоязычных публикаций, частотности появления определенных лексических единиц) и качественных методов, «позволивших сгруппировать новостные публикации по различным признакам и проанализировать содержание их текстов».

В ходе исследования проанализировано содержание новостных публикаций, опубликованных в период с 15 августа по 15 ноября 2025 года (всего 1798 новостей на сайтах 8 районных газет). В выборку включались новости, которые касались конкретного района, его событий, социальных процессов, культурной жизни, деятельности организаций и местных инициатив. Проведен количественный анализ новостных публикаций по районам (улусам), дана количественно-языковая характеристика новостных публикаций за данный период, что позволило выявить, что якутский язык в медиасреде используется ограничено и неравномерно, а высокая доля новостных публикаций на русском языке (83,6%) говорит о практически полном доминировании русского языка в данном отношении, причем якутский язык используется в новостных публикациях преимущественно в рубриках, связанных с культурой, историей, спортом, образованием. Сделан обоснованный вывод о том, что «при всей высокой степени проникновения русского языка в медиасреду,.. якутский язык демонстрирует способность к адаптации, ассимиляции внешних элементов и переосмыслению заимствований в соответствии с внутренними законами собственной грамматики и словообразования, то есть якутский язык в медиасфере не вытесняется русским, а перерабатывает его элементы, интегрируя новые понятия в локальный контекст, что особенно заметно в заголовках и текстах, где сохраняется этнокультурная специфика, локальные топонимы и ценностные маркеры».

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в комплексное изучение использования якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха, могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по медиалингвистике, информационным технологиям в журналистике, дискурсивной лингвистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, однако в рукописи встречаются многочисленные языковые ошибки, в том числе пунктуационные, которые не умаляют общего положительного впечатления от рецензируемой работы, но требуют устранения (см. «...что становится особенно важным в условиях глобализации и повсеместной цифровизации, когда более доминантный язык начинает завоевывать все виртуальное пространство вытесняя из него языки, обладающие меньшей мощностью», «Несмотря на существование отдельных сайтов районных СМИ, а также страниц в социальных сетях, поддерживаемых местными администрациями их публикационная активность остается крайне нерегулярной», «Также следует сказать, что новости о районах Якутии публикуются на сайтах, но без выделения в отдельные категории, теряясь в основной массе новостей и выделяются в основном тегами на сайтах»,

«рассматриваемые газеты имеют разную тематическую специализацию, а авторам новостей публикаций выступают местные журналисты или командированные журналисты», «комплексное исследование использования якутского языка в онлайн-пространстве СМИ», «в течении трех месяцев»).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье, представленной на рецензирование, рассматривается специфика использования якутского языка в медиапространстве северо-восточных районов Республики Саха (Якутия). Отмечается, что «наличие на региональном уровне СМИ, распространяемых на родных языках народов России, является значимым аспектом реализации языковой политики». Предмет исследования достаточно актуален и определяется необходимостью изучения характера использования национального языка якутов, являющегося, наряду с русским, одним из официальных языков Республики Саха, в рамках сохранения и развития языков коренных народов Российской Федерации.

Теоретической основой исследования явились научные работы, посвященные вопросам медиа-дискурса; проблемам и перспективам сохранения и развития языков народов России; языковой ситуации в Якутии; этническим СМИ в условиях цифровой среды и др. Библиография насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования определена спецификой предмета и объекта, целью и задачами работы и опирается на сочетание общенаучных методов анализа и синтеза, описательного метода, включающего наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, количественного анализа (для определения доли якутско- и русскоязычных публикаций, частотности появления определенных лексических единиц) и качественных методов, «позволивших сгруппировать новостные публикации по различным признакам и проанализировать содержание их текстов».

В ходе исследования проанализировано содержание новостных публикаций, опубликованных в период с 15 августа по 15 ноября 2025 года (всего 1798 новостей на сайтах 8 районных газет). В выборку включались новости, которые касались конкретного района, его событий, социальных процессов, культурной жизни, деятельности организаций и местных инициатив. Проведен количественный анализ новостных публикаций по районам (улусам), дана количественно-языковая характеристика новостных публикаций за данный период, что позволило выявить, что якутский язык в медиасреде используется ограничено и неравномерно, а высокая доля новостных

публикаций на русском языке (83,6%) говорит о практически полном доминировании русского языка в данном отношении, причем якутский язык используется в новостных публикациях преимущественно в рубриках, связанных с культурой, историей, спортом, образованием. Сделан обоснованный вывод о том, что «при всей высокой степени проникновения русского языка в медиасреду,.. якутский язык демонстрирует способность к адаптации, ассимиляции внешних элементов и переосмыслению заимствований в соответствии с внутренними законами собственной грамматики и словообразования, то есть якутский язык в медиасфере не вытесняется русским, а перерабатывает его элементы, интегрируя новые понятия в локальный контекст, что особенно заметно в заголовках и текстах, где сохраняется этнокультурная специфика, локальные топонимы и ценностные маркеры».

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в комплексное изучение использования якутского языка в онлайн-пространстве СМИ северо-восточных районов Республики Саха, могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по медиалингвистике, информационным технологиям в журналистике, дискурсивной лингвистике и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стил изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.Г. Роман, где ветвятся интерпретации: мифоанализ картины «Мастер и Маргарита» 2024 года // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.72817 EDN: DJJKUR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72817

Роман, где ветвятся интерпретации: мифоанализ картины «Мастер и Маргарита» 2024 года

Иванов Андрей Геннадиевич

ORCID: 0000-0003-1136-251X

доктор философских наук

профессор, зав. кафедрой; кафедра философии и социальных коммуникаций; Липецкий государственный технический университет
профессор; кафедра государственной, муниципальной службы и менеджмента; Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

398050, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

✉ agivanov2@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.72817

EDN:

DJJKUR

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2024

Аннотация: В последнее время в российском обществе наблюдается бум популярности художественных фильмов и телевизионных сериалов, в которых в разных модальностях обыгрывается советское прошлое – от исторических событий до экранизаций литературных произведений, написанных в советское время. В начале 2024 г. внимание обывателей привлёк выход в российский прокат ленты «Мастер и Маргарита», где режиссер М.А. Локшин, представитель младшей части так называемого «Поколения X», взялся за советское 1930-х годов. Что же в экранизации романа «Мастер и Маргарита» происходит с фантазиями и интерпретациями на тему произведения? Имеем ли мы дело с трансляцией альтернативного знания о советском времени? Что дает совмещение чисто художественного и биографического? Имеем ли мы дело с созданием так называемого практического прошлого, или же следует ввести термин «практическое настоящее»?

Частичный ответ на эти вопросы дает мифоанализ картины: события, которые разворачивались в романе и, соответственно, в фильме, охватывают период времени, довольно удаленный от настоящего, и для конструирования образа советского прошлого появляется больше возможностей. В данном случае в фокусе внимание будет находиться онтологическая часть системы современной социальной мифологии. В экранизации М.А. Локшиным романа «Мастер и Маргарита» мы фактически видим фантазии представителя «Поколения X» на тему советского прошлого 1930-х годов, которые даже в чем-то продуцируют аллюзии на сегодняшнее время. Переинтерпретировав Х. Уайта, можно использовать в отношении картины термин «практическое настоящее». Мифоанализ позволил увидеть, что обнаруживаемые в картине основные онтологические категории – пространство и время, причинно-следственная связь и соотношение части и целого – содержат мифологическое наполнение, обеспечивают актуальность картины. В дальнейшем – при осмыслении популярности сегодня художественных фильмов о советском времени – возможны обращение к метамодернистским категориям (новая чувственность, эмоциональность при романтизации советского) и попытки ответить на вопрос: призваны ли элементы метамодерна в последних художественных фильмах о Советском Союзе приукрасить советское время, в результате чего представление о советском прошлом воспринимается искаженно (особенно теми, кто это время не застал)?

Ключевые слова:

советское прошлое, мифоанализ, современная социальная мифология, онтологические категории, пространство, время, часть и целое, причинно-следственная связь, поколение, объектно-ориентированный подход

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00610 «Мифологизация советского прошлого в современном российском обществе: актуальные медийные практики и возможные социальные эффекты».

В последнее время в российском обществе наблюдается бум популярности художественных фильмов и телевизионных сериалов, в которых в разных модальностях обыгрывается советское прошлое – от исторических событий («Дорогие товарищи», «Одесса», «Игры») до экранизаций литературных произведений, написанных в советское время («Таинственная страсть», четвертая экранизация «Тихого Дона»).

В начале 2024 г. внимание обывателей привлек выход в российский прокат ленты «Мастер и Маргарита», где режиссер М.А. Локшин, представитель младшей части так называемого «Поколения X», взялся за советское. И не просто за советское, которое не так удалено, а за советское, опосредованное несколькими факторами: а) романом М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; б) 1930-ми годами в СССР; в) предыдущими экранизациями романа.

«Поколение X», детство и юность которого пришлась на позднесоветское время, становится все более влиятельным актором, участвующим в контролируемой государством посредством различных фондов (например, «Фонд кино») трансляции образов советского прошлого. Мы бы не стали сбрасывать со счетов то, что некоторые представители «Поколения X» (в случае с фильмом «Мастер и Маргарита» 2024 года в лице, прежде всего, режиссера) квиваются с советским прошлым.

Кроме того, эта экранизации романа охватывает несколько измерений отношения автора

(режиссера): а) к СССР, включая вольное прочтение романа; б) к фигуре писателя (учет автобиографических элементов); в) собственно, к самому роману. Эти обстоятельства, в свою очередь, обуславливают особенности рецепции такого фильма: у зрителей вообще может формироваться другое восприятие того времени и романа.

Период, в течение которого М.А. Булгаковым готовился роман (1930-е годы) уже перешагнул порог коммуникативной памяти (в интерпретации Я. Ассмана коммуникативная память основана на личной коммуникации и непосредственном биографическом опыте, охватывает три-четыре поколения, то есть примерно 80 лет [\[1, с. 52–54\]](#) и вступил в память культурную, не связанную с непосредственным опытом индивида. Изучение романа включено в школьную программу (изучается в 11-м классе), в Москве, например, функционирует музей «Булгаковский дом», проводятся экскурсии «Булгаков и его эпоха», персонажи романа коммерциализируются, налажено производство экранизаций романа «Мастер и Маргарита» (в частности, в России вышло уже три картины). Это свидетельствует о том, что принципиальный консенсус относительно понимания и интерпретации романа сложился.

Что же происходит в случае с последней экранизацией романа «Мастер и Маргарита», а точнее с фантазиями на тему романа? Имеем ли мы дело с трансляцией альтернативного, специфического знания о советском времени? Что дает совмещение чисто художественного и биографического: например, добавление в сюжет фильма диалогов между Мастером (отождествляемым многими зрителями с автором романа) и Воландом? Имеем ли мы дело с созданием так называемого практического прошлого (такое прошлое, по мнению Х. Уайта, в отличие от прошлого историков, переживается всеми нами более или менее индивидуально, а также более или менее коллективно; и от него зависит, как мы воспринимаем те или иные ситуации, решаем проблемы и выносим оценивающие суждения в повседневных обстоятельствах, которые никогда не переживали исторические «герои» [\[2, с. 55\]](#)? Или же следует ввести термин «практическое настоящее», ведь фильм М.А. Локшина по мотивам «Мастера и Маргариты» куда больше говорит о времени, в котором он был снят, чем о времени, которому он посвящен.

Частичный ответ на эти вопросы дает, на наш взгляд, мифоанализ картины. Дело в том, что события, которые разворачивались в романе и, соответственно, в фильме, охватывают период времени, довольно удаленный от настоящего, и для конструирования образа советского прошлого появляется больше возможностей: «Необходимо отметить, что “войны памяти” обычно ведутся по поводу относительно недавних, хорошо документированных событий. Гораздо реже они затрагивают старинные мифы об этническом происхождении <...> Возможно, это происходит потому, что в случае отдаленного прошлого отсутствует сопоставимый с недавними событиями набор из множества альтернативных историй, способных заменить существующие» [\[3, с. 25\]](#).

В случае с интерпретацией романа возможна даже мифическая отрешенность: «... мифическую отрешенность отличили от поэтической; поэтическая есть отрешенность от факта, мифическая – отрешенность от смысла, от идеи факта (ради нового смысла и идеи). Наконец, мы констатировали, что и все вообще вещи, поскольку они берутся в живом опыте, даже самые повседневные вещи, суть в этом смысле мифически-отрешенные, ибо никто никогда не воспринимает голых и изолированных вещей вне их личностного и <, след.,> социального контекста» [\[4, с. 142\]](#).

В любом случае, роман «Мастер и Маргарита» был воспринят режиссером как

неизолированный от личностного и социального контекста. Такой тип фильмов, такой взгляд на события ряд исследователей определяет как обнаженный прием: «Данный тип фильмов можно охарактеризовать как фильм-прием, в котором сама форма произведения оказывается попыткой нового типа размышления о прошлом. <...> ...под обнаженным приемом понимается особое отношение к форме произведения и концентрации на исторической травме, опыте, который невозможно до конца осмыслить и ощутить (Октябрьская революция, Большой террор) и тем более невозможно проговорить средствами жанрового нарративного кино» [\[5, с. 279-280\]](#).

Что же с учетом вышеуказанных факторов даст нам мифоанализ экранизации?

Мифоанализ, в целом, представляет собой рассмотрение объекта сквозь призму системы социальной мифологии; но не только, например, изучение через призму дихотомии «мы – они», но и, в нашем случае, посредством обращения к так называемой онтологической части системы социальной мифологии.

Посмотрим, позволит ли мифоанализ узнать больше о произведении, и, если да, то что именно, рассмотрев, как отражаются и развиваются идеи о системе социальной мифологии в плане представленности в экранизации в элементах онтологической части мифоконтентных феноменов.

Добавим, что эта статья – очередная в линейке публикаций, в которых в разных модальностях происходит обращение к системе социальной мифологии). И если в статье о документальном фильме «Краткое пособие по тому, как устроен мир» [\[6\]](#) в центре внимания находилась так называемая «работа над мифом» а в статье о художественных фильмах «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин» [\[7\]](#) на примере развития мифологемы «СССР – Запад» была показана эволюция мифа «мы – они», то в данной статье своеобразной «рамкой» будет выступать онтологическая часть системы современной социальной мифологии.

Составляющие онтологической части социальной мифологии следует рассматривать в двух аспектах: в структурном и динамическом. Структурный аспект – это, прежде всего, представления о части и целом, об их соотношении. Здесь в качестве мифоконтентных феноменов могут выступать тотемы, фигуры сакральных лидеров, жрецов, различные медиаторы, лица, обладающие символическим капиталом. К динамическому аспекту относятся представления о причинно-следственной связи, о пространстве и времени. Мифоконтентными феноменами представлений о причине и следствии являются такие актуализации социальных практик обмена, мести, реципрокности (взаимности) как жертва, дар. Мифоконтентные феномены представлений о пространстве и времени непосредственно связаны с делением бытия на сакральную и профанную сферы и со степенью структурированности континуума. Соответственно, в случае с представлениями о пространстве мы будем говорить о дихотомиях центр-периферия и космос-хаос; в случае с представлениями о времени – о времени отправления социальных ритуалов (рождение, инициация, брак, похороны) и о календарных праздниках [\[8, с. 35-47\]](#).

Обратимся далее к тому, как были представлены в романе «Мастер и Маргарита» и, прежде всего, в последней его экранизации элементы онтологической части системы социальной мифологии динамического свойства – время, пространство, причинно-следственная связь, соотношение части и целого, – учитывая, что в мифе «Одна и та же вещь, одна и та же личность может быть, следовательно, представлена и изображена бесконечно разнообразными формами, смотря по тому, в каком плане пространственно-

временного бытия мы ее мыслим» [\[4, с. 137\]](#).

Время

События, о которых повествуется в ленте довольно тревожное для молодого советского государства: 1930-е годы, везде мерещатся происки недругов. «Интервенты?», – спрашивает Берлиоз у незнакомца, когда тот сообщает, что председателю правления МАССОЛИТа отрежут голову. Такое поведение, в целом, отражает атмосферу недоверия и подозрительности к иностранцам, соответствует методичке «Интуриста»: «...сотрудники “Интуриста”, которые в силу профессиональных обязанностей регулярно контактировали с иностранцами, должны были в условиях оголтелой шпионофобии проявлять максимальную бдительность. В частности, этого требовало от них постановление Правления ВАО “Интурист” “О повышении политической бдительности работников “Интуриста” при работе с иностранными туристами” (26 мая 1937 г.). В нем подчеркивалось, что “иностраный туризм в СССР в ряде случаев используется как один из путей для легального проникновения... агентов иностранных разведок, шпионов и диверсантов”, Далее приводились конкретные рекомендации: быть внимательным к каждому слову и действию; запоминать всех советских граждан, которые хотя бы кратковременно общались с иностранцами; помнить, что скрытые враги могут прикидываться не знающими русский язык, а в действительности превосходно владеть им, и т.д. В заключение еще раз подчеркивалось: для того чтобы отличить врага от массы обычных туристов, необходимы были постоянная мобилизованность, настороженность, внимательность и бдительность (АГС. РФ. Р-250. Оп. 3. Д. 2. Л. 38-38об)» [\[9, с. 409-410\]](#).

В последнее время на фоне разных юбилеев, связанных с существованием Советского Союза (100-летие со дня образования СССР 30 декабря 1922 года, но также и 30-летие с момента распада СССР в декабре 1991 года) в высказываниях ученых, публицистов, экспертов прослеживаются какие-то очень однообразные ассоциации с Советским Союзом. Так, журналист В.Т. Третьяков предположил, что СССР был грандиозным политическим экспериментом, оставившим свой след в истории человечества [\[10\]](#). А историк А.В. Шубин заметил, что модель СССР оказалась оптимальной для задач индустриальной модернизации [\[11\]](#). Также следует вспомнить документальный фильм Д.К. Киселева «Красный проект», чтобы удостовериться в том, что мы имеем дело с довольно схожими метафорами. Их объединяет приписывание Советскому Союзу некой созданности, даже механистичности, в результате чего возникает образ СССР как искусственного образования; а метафору здесь стоит рассматривать в качестве источника мифологизации времени.

В придуманных М.А. Локшиным сценах встреч и разговоров между Мастером и Воландом в ответ на вопрос Мастера «И что Вы тут делаете?» во время первой встречи с магистром черной магии, тот отвечает следующее: «Приехал ознакомиться с вашим удивительным советским экспериментом». Воланд как бы знает, что СССР после распада будут называть именно таким техническим термином, что период существования такого государства ограничен.

Для прояснения данной позиции и для того, чтобы разобраться в новых возможностях для понимания образов прошлого обратимся к претендующему на междисциплинарный успех объектно-ориентированному подходу, прежде всего, к идеям его автора Г. Хармана. В данном подходе особый смысл придается самому понятию «объект»: объект

означает «...все, что не может быть сведено либо возведено к чему-либо, то есть все, что превышает сумму своих составных частей, но не превышает суммы своих последствий для окружающего мира» [\[12, с. 52\]](#).

Объекту нужно лишь не сводиться к своим составным частям, либо не возводиться к своим следствиям. Кроме того, мы имеем дело с двумя видами объектов – реальными и чувственными, каждый из которых может обладать также реальными и чувственными качествами. При этом реальные объекты и качества существуют сами по себе, тогда как чувственные объекты и качества – лишь как корреляты какого-либо реального объекта.

Между объектами и качествами возникают четыре напряжения, одно из которых, наиболее важное для нашего случая, – по линии «реальный объект – чувственное качество» – делает возможным существование метафоры. В метафоре объект и его свойства распадаются; и раскол между объектами и их качествами является основанием объектно-ориентированной философии. Нельзя свести объект к его свойствам или свести объект к его видимости. Весь объект всегда несколько погружен в фон. Метафора берет качества одного объекта и переносит их на другой, и никто не может высказать это обычным языком. То есть Г. Харман считает, что «...метафору можно понять как пару РО-ЧК» [\[13, с. 211\]](#). При этом связь здесь следующая: «Реальный объект оказывается прикрепленным к своим чувственным качествам только через аллюр» [\[14, с. 106\]](#).

Метафорический доступ к реальности важен для объектно-ориентированного подхода, поскольку позволяет избежать так называемого буквализма, не исчерпывающего сущности объекта. (Буквализм – это представление о том, что мы можем «перефразировать» объект так, как если бы он был не более чем суммой своих качеств или следствий. Подрыв – это описание того, из чего состоит объект. Надрыв – это описание того, что делает объект, какие он осуществляет функции, действия, какие события он инициирует). Такой эстетический опыт случается, когда чувственные качества перестают принадлежать своему обычному чувственному объекту, но вместо этого переходят на реальный объект, неизбежно изымаемый из всякого доступа. По этой причине исчезнувший реальный объект замещается самим эстетическим наблюдателем как новым реальным объектом, поддерживающим чувственные качества. И, наконец, «...любое взаимодействие человека и объекта само является особым новым объектом...» [\[15, с. 327\]](#). Таким образом, с объектно-ориентированной точки зрения «эстетику можно определить негативно как антибуквализм и позитивно как напряжение между объектом и его собственными качествами, которыми он обладает и в то же время не обладает. Это относится не только к произведениям искусства, поскольку эстетика в смысле ООО включает также опыт уходящего времени, теоретическое понимание любой сущности и даже случайные взаимодействия неодушевленных предметов» [\[15, с. 325\]](#).

Особенно важным для социально-политических отношений является период существования объекта и симбиотическая связь, в которую вступает объект в течение своей жизни. Дело в том, что из бесконечного числа отношений, в которые в течение всего периода своей жизни вступает объект, решающее значение имеет лишь их небольшое число, и именно их Г. Харман называет симбиотическими. Симбиозы зачастую невзаимные (non-reciprocal), это означает, что вещь А может быть связана с вещью Б, но не наоборот. И все симбиозы асимметричны в том же самом смысле, что и метафоры. Кроме того, «симбиоз знаменует собой необратимое изменение в жизни объекта...» [\[12, с. 130-131\]](#); и «объект становится зрелым, как только у него не остается пространства для продолжения симбиоза» [\[12, с. 118\]](#).

Отмечая вышеприведенные высказывания о Советском Союзе, можно сказать, что мы имеем дело с метафорой «СССР как конструкция-проект-эксперимент», которая также содержит в себе опыт прошлого и может приводить к возникновению новых объектов в результате разных симбиозов. Для дальнейшего политического использования данной метафоры, соединяющей вместе СССР и «проект-эксперимент-конструкцию» важно то, что речь идет не только о знании о предшествующих объектах, но и о производстве нового объекта.

Первоочередной задачей при анализе любого конкретного объекта является установление его границ во времени и пространстве. Это достаточно сложно сделать для СССР, учитывая, что последствия от исчезновения СССР физически продолжают реализовываться как во времени (то есть спустя уже более чем 30 лет после распада государственного образования), так и в пространстве (например, продолжают происходить изменение территорий бывших советских республик). Учитывая, что высказывания об СССР, которые мы обозначили как метафору «СССР как конструкция-проект-эксперимент», стремятся к однородности ввиду приписывания Советскому Союзу некоей искусственности, можно предположить, что и образ СССР стал «зрелым объектом», и дальнейшие его симбиозы маловероятны.

Наряду с передачей атмосферы гнетущей подозрительности 1930-х годов и трансляцией темпоральной метафоры «СССР как конструкция-проект-эксперимент» с мифологизацией времени в экранизации связана яркая картина первой встречи Мастера с Маргаритой, случившаяся во время отправления ритуала по случаю одного из важных советских праздников. К тому же этот праздник сопровождался парадом физкультурников, а «Физкультурные парады в 1930-е гг. становятся важным средством пропаганды советского образа жизни и инструментом укрепления культа личности Сталина» [\[16, с. 104\]](#). Налицо намеренная профанация этого праздника, ведь во время парада происходит другое сакральное событие – встреча героев.

Известно, что «Время, как и пространство, имеет складки и прорывы» [\[4, с. 132\]](#), а также, что «...мифическое время впессовано в необратимое профанное время. <...> ... профанное время имеет отверстия, в которые вечность архэ просвечивает и проникает» [\[17, с. 130\]](#).

В фильме такое сакральное действо как советский парад профанируется. Это видно в вопросе, который задает Мастеру советская активистка, участвующая в сопровождении шествия на Тверской: «Флажок? Цветочек?» (сразу вспоминается, как в романе в клинике доктора Стравинского Ивану Бездомному на выбор предлагают халатик или пижамку).

Пространство

Реализация советского проекта в Москве привела к тому, что город стал одновременно утопией для внешнего и внутреннего пользования. По легенде облик первых московских высоток (были запланированы в 1930-е гг. как окружение Дворца Советов) был навеян манхэттенскими небоскребами начала века, в частности зданием Municipal Building, к которым у нас добавили элегантные шпили. При этом и для внутреннего пользования Москва обладала особой притягательностью: «Москва со своими огнями жила где-то на недостижимой разуму планете», – описывает столицу герой романа «Люди из захолустья» [\[18, с. 363\]](#). Не удивительно поэтому то, что в сталинскую эпоху не дали

результата попытки воссоздать многомерный образ города в кино: «Фильм же, действие которого происходило бы в Москве и который создавал бы образ Москвы, в 30-е годы так и не был сделан. Не был он создан и в послевоенные годы» [\[19, с. 98\]](#).

В этом смысле значение вышедшей картины М.А. Локшина «Мастер и Маргарита» трудно переоценить. В ней Москва становится не только пространством для исследования проявлений мифосимволического (так как присутствуют все указанные Г. Гиллом аспекты мифосимволики; исследование Г. Гилла показало, что символы занимают особое место в социальном пространстве, что по его мысли делает необходимым учет как минимум четырех основных аспектов при исследовании мифосимволики: язык, визуальное искусство, физическое пространство и окружение, ритуал [\[20, p. 6-15\]](#)), но и оказывается абсолютно утопической и футуристической, с небоскребами, Лениным, дирижаблями наверху и повсеместной стройкой внизу. Например, клиника доктора Стравинского изображена в фильме удивительно похожей на клуб фабрики «Буревестник», выполненный по проекту выдающегося архитектора Константина Мельникова, творца советского авангарда.

Но картина по мотивам романа М.А. Булгакова и изображающая как фрагменты произведения, так и вымышленные события реальной жизни писателя, вызывает интерес тем, что наглядно показывает Москву, которая могла бы быть. Так, в кадре часто мелькает главная утопия сталинской Москвы – Дворец Советов. Также можно наблюдать и еще один нереализованный проект – Дом Аэрофлота, который должен был появиться на площади Белорусского вокзала и увековечить операцию по спасению чеклюскинцев. Кроме того, на заднем плане эпизода разговора Воланда с Берлиозом и Бездомным на Патриарших прудах виден еще один нереализованный объект – здание Наркомтяжпрома (Народного комиссариата тяжелой промышленности). Также в фильме мелькают реально существующие московские здания, петербургские локации, что частично подтверждает предположение, что «...советская Утопия выстраивала исторические события, произошедшие в прошлом, выбирая для них новое местоположение и новую среду» [\[21, с. 398\]](#).

Исследователи отмечали, что столица советского государства в текстах 1930–1940-х годов превращается в индекс «советского», представая «...в виде лубочной картинки со звездами на кремлевских башнях, Мавзолеем и Красной площадью. Утопизм столичного локуса определяет его виртуальность и фантастичность» [\[22, с. 26\]](#); что «В 1930-е годы Москва претерпела самые радикальные преобразования: план превращения ее в образцовый коммунистический город обернулся быстрой модернизацией и укрепил ее имидж как советской столицы. Многие большие церкви были разрушены, а центральные органы власти были собраны в Кремле. Устаревшая система городского транспорта была переделана буквально через несколько лет. Старые московские трамваи и сани были частично убраны с улиц, а великие подземные дворцы московского метро, “лучшего в мире”, были возведены благодаря колоссальному трудовому подвигу. Москва за две первые пятилетки превратилась в город блистательных подземелий и ошеломляющих перспектив. Расположенная в центре континентальной России столица тем не менее была объявлена “портом пяти морей” и радиальным центром Советской Союза и Российской Федеративной Республики» [\[23, с. 203-204\]](#).

Но в фильме по мотивам романа «Мастер и Маргарита» перед нами предстает мифологизирующаяся Москва как пример реализации мифологических же представлений о пространстве с такими дихотомиями мифоконтентных феноменов как центр / периферия

и космос / хаос. И клиника доктора Стравинского, кажется, находится недалеко от центра Москвы. В картине транслируется такой образ СССР 1930-х годов, образ Москвы, который включает в себя элементы утопии, футуризма (как продолжение идей авангарда), урбанизма. Возникают не только возможные «миры» (состоящие, в том числе и из новых сооружений), но и возможные новые крылатые фразы-аллюзии на текст М.А. Булгакова (например, «коммунизм в отдельно взятой квартире»), что можно расценивать как очередной вклад представителей «Поколения Х» в формирование мифологизирующейся Москвы. Нет той Москвы, которую Булгаков любил, а вместо нее «...что-то зловеще футуристическое: с небоскребами, Лениным, дирижаблями наверху и повсеместной стройкой внизу – даже в тихом Мансуровском переулке перекопана мостовая» [24].

В фильме наряду с безлюдными площадями с отстроеными величественными зданиями соседствуют шумные улицы, перманентное строительство новых объектов, как будто хаос и космос перемешиваются, находятся в партипационной взаимозависимости, предстают в некоем свойственном архаическому мифу синкретическом единстве.

Причинно-следственная связь

Мифоконтентными феноменами представлений о причине и следствии являются такие актуализации социальных практик обмена, мести, реципрокности (взаимности) как жертва, дар.

Само повиновение (повиноваться – беспрекословно слушаться кого-либо, подчиняться кому-либо, чему-либо; повиноваться приказу, распоряжению; повиноваться общепринятым нормам, правилам; повиноваться грубой физической силе) рассматривается нами как реализация мифологических представлений о причинно-следственной связи с соответствующими мифоконтентными феноменами в виде жертвы и дара.

В фильме просматриваются сразу несколько, так сказать, линий повиновения: 1) насильственное повиновение: советским властям в Москве, функционерам литературной организации (например, Берлиоз, который на собрании литераторов публично извиняется за проявленную политическую близорукость в ходе диспута о художественно-политической составляющей пьесы «Пилат», хотя ранее хвалил эту работу Мастера), врачам в клинике («Мы вам поможем. Вам станет лучше» (в фильме) vs «Вам здесь помогут. Вы получите облегчение» (в романе)); 2) магическое повиновение: свите Воланда (но тут особое – «магическое» – повиновение) и 3) любовное повиновение: Мастеру со стороны Маргариты (желание Маргариты в конце фильма за роль королевы на балу вернуть своего любовника, Мастера). Возникает риторический вопрос: как такие «повиновения» выглядели, будучи помещенными в советскую повседневность?

К этим линиям повиновения следует добавить еще практики мести: разгром Маргаритой квартиры критики Латунского, с чего, собственно, начинается фильм; изысканная месть Мастера своему другу Алоизию (который предаст Мастера, чтобы получить его жилплощадь), выражающаяся в том, что Мастер лаконично предсказывает финал сочиненной Алоизием музыкальной комедии про колхоз в голливудском стиле: «Всех раскулачивают и в конце весело танцуют» (но в этом, на самом деле также просматривается стремление режиссера сыронизировать над советским строем).

В общем, все поют, почти как в романе, где сотрудники городского зрелищного филиала распевали песню о священном Байкале, быстро научившись у клетчатого специалиста-хормейстера. На самом деле музыка в фильме играет важную роль, как бы иллюстрируя своеобразные линии повиновения/мести. Интересно, что композитор фильма А.С. Друбич, как и режиссер, проживает на Западе, поэтому, видимо, ударяет не только знаменитый грибоедовский джаз (хотя джазовые композиции и сопровождают, например, линию магического повиновения и мести Маргариты), но и популярный в Соединенных Штатах поп-стандарт начала 1900-х годов, одна из серии песен эпохи Tin Pan Alley, водевильная песня «Shine On, Harvest Moon» («Сияй, полная Луна»), иллюстрируя линию любовного повиновения.

Но, конечно, вершиной презрения режиссера ко всему советскому стала песня, исполняемая на мюзикле «Вперед в будущее», которую даже напевал сыгравший Воланда немецкий актер Аугуст Диль, выходя вместо с Мастером из здания театра Варьете:

«Обойдите всю округу,

Вы не сыщете страны,

Где настолько же друг другу

Люди были бы равны.

Ведь в нашей сказочной стране

Всего хватает нам вполне:

У нас всё поровну, у нас всё есть,

И что надеть, и что поесть».

Соотношение части и целого

Наконец, структурный аспект системы социальной мифологии, то есть представления о части и целом, об их соотношении. В качестве мифоконтентного феномена возьмем фигуру Мастера, отождествляемого в экранизации с самим автором романа М.А. Булгаковым.

Мгновенное превращение в фильме Мастера из мэтра в изгоя на широком обсуждении целесообразности постановки его пьесы «Пилат» демонстрирует то, что сегодня мы называем кэнселлингом. Кэнселлинг – это фактически, другое название культуры отмены, но нам хотелось бы особо подчеркнуть, что более приемлемым является именно кэнселлинг, что как бы подчеркивает, что явление выходит за рамки cultural studies, соприкасается с политикой, демонстрирует процессуальность, изменчивость, конъюнктурность. Практики культуры отмены сегодня стали важной чертой интеллектуальной жизни Запада, но, конечно, существовали всегда, в том числе, конечно, и в советское время. Восходят они, на наш взгляд, еще к архаическому мифологическому противопоставлению на своих и чужих, когда другие стигматизируются, исключаются. Культура отмены (cancel culture), по мнению О.В. Котуновой, является значимым социальным феноменом, современной формой протеста и одним из радикальных способов морального регулирования, когда объект отмены (человек, группа людей, организация или бренд) подвергается активному осуждению за

поступки или взгляды, оцененные группой активистов как недопустимые [\[25, с. 190\]](#). Однако, в более широком смысле, она восходит к разновидностям забвения, исследуемым со времен П. Рикера и набравшим популярность в *memory studies*. А. Ассман признает, что забвение – это собирательное понятие, за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии, называя соответствующие техники и формы забвения [\[26, с. 19–59\]](#), а П. Коннертон рассуждает о типах забвения, выделяя его позитивные и негативные практики [\[27, р. 34–48\]](#). В нашем случае отмена постановки пьесы «Пилат» и изъятие тиража соответствующей книги повлекли за собой полное исключение писателя из общественной жизни того времени, далее последовало заключение в больницу и попытки доктора Стравинского, сыгранного Л. Ярмольником, вернуть запутавшегося представителя литературного сообщества обратно к советской жизни. Процесс такого «возвращения» довольно ярко показал через практики карательной медицины: «Карательная медицина – орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано. Таким образом, система карательной медицины возможна лишь при большой степени единомыслия в стране, почему она и развилась в тоталитарном СССР» [\[28, с. 25\]](#).

В мифологическом представлении часть представляет целое, замещает собой целое, в практиках же культуры отмены происходит примерно то же самое: при отмене части объекта, фактически отменяется весь объект целиком. В фильме после изъятия в ресторане членского билета московской литературной ассоциации (последовавшего за отказом писателя переписывать пьесу) Мастер в буквальном смысле слова оказался на улице.

Таким образом, в экранизации М.А. Локшиным романа «Мастер и Маргарита» мы фактически видим фантазии представителя «Поколения Х» на тему советского прошлого 1930-х годов, которые даже в чем-то продуцируют аллюзии на сегодняшнее время. В альтернативном Советском Союзе с широкими площадями, футуристическими сооружениями, строящимися улицами совмещаются жизни автора романа и его героев, появляются новые сюжеты, такие как разговоры Мастера с Воландом, политические экспромты поэта Бездомного на собрании и т.п. Но мифоанализ позволяет увидеть, что основные онтологические категории – пространство и время, причинно-следственная связь и соотношение части и целого – содержат мифологическое наполнение, обеспечивают актуальность картины.

P.S. В дальнейшем – при осмыслении популярности сегодня художественных фильмов о советском времени – возможно обращение к метамодернистским категориям (метамодернистская чувственность, эмоциональность при романтизации советского). Дело в том, что причисляемые к представителям метамодернистских позиций авторы уверены, что «...“культурная индустрия” отказывается от тактик имитации в пользу мифа, от меланхолии – в пользу надежды, от эксгибиционизма – в пользу ангажмента» [\[29, с. 371\]](#); а «...метамодерн – это новая чувственность, которая выбирает то иронию, то наивность, и все это якобы отражается в современной культуре, причем лишь в некоторых ее частях – архитектуре, кино и т.д.» [\[29, с. 376\]](#). Являются ли столь распространенные элементы метамодерна (типа «новая чувственность») в последних художественных фильмах о Советском Союзе попыткой как бы приукрасить советское время, в результате чего представление об этом советском прошлом воспринимается искаженно (особенно теми, кто не застал это время)?

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.
3. Ригни Э. Воспоминание как преобразование: пересмотр памятней нации // Историческая экспертиза. 2020. № 4. С. 17–41.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Азбука, 2021. 320 с.
5. Исаев Е. Кинематограф // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 267–283.
6. Иванов А.Г. Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 15–22.
7. Иванов А.Г. «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин»: нормативный порядок современного российского кинематографа и ностальгия по советским спортивным победам // Logos et Praxis. 2022. Т. 21. № 4. С. 29–36.
8. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб.: Алетейя, 2019. 182 с.
9. Орлов И.Б., Попов А.Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 455 с.
10. Виталий Третьяков: «Есть вещи, о которых я жалею» // Литературная газета. 18–24 января 2023 г. № 1–2 (6867).
11. «СССР – конструкция, эффективная для своего времени» Беседа с А.В. Шубиным // Историческая экспертиза. 2022. № 4. С. 125–129.
12. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
13. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
14. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
15. Харман Г. Искусство и объекты. Москва: Издательство Института Гайдара, 2023. 440 с.
16. Советский спорт в контекстах холодной войны / ред. А.И. Куприянов. М.: Изд-во «Весь мир», 2023. 488 с.
17. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
18. Малышкин А. Люди из захолустья // Сочинения: в 2 томах Т. 2. М.: Правда, 1965. 495 с.
19. Добренко Е. До самых до окраин // Искусство кино. 1996. № 4. С. 97–102.
20. Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 p.
21. Недель А.Ю. Интимная идеология. Текст, кинематограф, цирк в российской культуре XX века. СПб.: Алетейя, 2024. 580 с.
22. Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
23. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
24. Кондрашов А. Подмена. Что в экранизации романа от Михаила, а что от Майкла? // Литературная газета. 7–13 февраля 2024 г. № 5 (6920).
25. Котунова О.В. Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. № 1. С. 188–201.
26. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
27. Connerton P. The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body. Cambridge:

Cambridge University Press, 2011. 192 p.

28. Подрабинек А. Карательная медицина. Нью-Йорк: Издательство «Хроника», 1979. 173 с.

29. Павлов А.В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2021. 560 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает экранизация романа «Мастер и Маргарита» (режиссер М. А. Локшин, 2024). Как справедливо отмечается, «эта экранизации романа охватывает несколько измерений отношения автора (режиссера): а) к СССР, включая вольное прочтение романа; б) к фигуре писателя (учет автобиографических элементов); в) собственно, к самому роману. Эти обстоятельства, в свою очередь, обуславливают особенности рецепции такого фильма: у зрителей вообще может формироваться другое восприятие того времени и романа», а также актуальность представленного материала.

Теоретической основой исследования выступили как фундаментальные, так и актуальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как А. Ф. Лосев, А.И. Куляпин, О.А. Скубач, Е. Исаев, А. Г. Иванов, О. В. Котунова, А. В. Павлов, Грэм Харман, Курт Хьюбер, Алейда и Ян Ассман, Хейден Уайт и др. Библиография статьи составляет 29 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, находит отражение на страницах рукописи и является достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Следует отметить, что автор(ы) апеллируют к актуальным научным трудам (изданным в последние 3 года), это еще раз подтверждает важность и перспективность изучаемой проблемы.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер. В работе используются как традиционные методы, доказавшие свою эффективность (описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный методы, контент-анализ и контекстологический анализ), так и современный метод – мифоанализ (в данном случае экранизации). Мифоанализ, в целом, представляет собой рассмотрение объекта сквозь призму системы социальной мифологии; а также (как в данной работе) посредством обращения к так называемой онтологической части системы социальной мифологии. Автор предлагает вслед за ним проследить, «позволит ли мифоанализ узнать больше о произведении, и, если да, то что именно, рассмотреть, как отражаются и развиваются идеи о системе социальной мифологии в плане представленности в экранизации в элементах онтологической части мифоконтентных феноменов». Составляющие онтологической части социальной мифологии рассматриваются в двух аспектах: в структурном и динамическом.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования выясняется, как представлены в романе «Мастер и Маргарита» и, прежде всего, в последней его экранизации элементы онтологической части системы социальной мифологии динамического свойства – время, пространство, причинно-следственная связь, соотношение части и целого, и делается вывод о том, что «в экранизации М. А. Локшиным романа «Мастер и Маргарита» мы фактически видим фантазии представителя

«Поколения X» на тему советского прошлого 1930-х годов, которые даже в чем-то продуцируют аллюзии на сегодняшнее время. В альтернативном Советском Союзе с широкими площадями, футуристическими сооружениями, строящимися улицами совмещаются жизни автора романа и его героев, появляются новые сюжета, такие как разговоры Мастера с Воландом, политические экспромты поэта Бездомного на собрании и т.п. Но мифоанализ позволяет увидеть, что основные онтологические категории – пространство и время, причинно-следственная связь и соотношение части и целого – содержат мифологическое наполнение, обеспечивают актуальность картины».

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в развитие таких современных научных направлений, как социальная мифология, когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стил ь изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сунь С. Инициатива «Один пояс, один путь»: влияние на имидж страны // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76557 EDN: DHLUGT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76557

Инициатива «Один пояс, один путь»: влияние на имидж страны

Сунь Сывэнь

ORCID: 0009-0000-6315-5753

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042238226@pfur.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76557

EDN:

DHLUGT

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является формирование и трансформация имиджа Китая в глобальном информационном пространстве под влиянием инициативы «Один пояс, один путь». Объектом исследования выступают материалы национальных (китайских), западных (в первую очередь американских и британских) и российских массмедиа, посвященные освещению данной инициативы. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как различия в подходах и тональности освещения инициативы в СМИ разных стран, влияние медиадискурса на восприятие Китая на международной арене, а также стратегии китайских национальных медиа по формированию положительного имиджа страны. Особое внимание уделяется анализу конкретных примеров медиаповестки, таких как концепции «долговой ловушки» и «культурного вторжения» в западных СМИ, а также акцент на стратегическом партнерстве и взаимной выгоде в российских медиа. Кроме того, исследуется роль крупных международных событий, таких как форумы «Один пояс, один путь», в качестве катализаторов медиаактивности. В основе исследования лежит сравнительный анализ

контента и дискурс-анализ материалов массмедиа различных стран, а также обобщение научных публикаций по теме формирования государственного имиджа. Основными выводами проведенного исследования являются выявление устойчивой тенденции к негативному освещению инициативы «Один пояс, один путь» и формированию критического имиджа Китая в западных массмедиа, в то время как российские медиа демонстрируют в целом позитивный или нейтральный тон, способствуя укреплению положительного образа КНР. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе медиастратегий и нарративов на примере конкретных СМИ (ВВС, «Россия 24», «Жэньминь жибао») в контексте десятой годовщины инициативы. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация конкретных инструментов и методов, используемых китайскими национальными медиа для формирования благоприятного имиджа страны, включая масштабные публикации в зарубежных изданиях и производство многоязычного видеоконтента для интернет-пространства. Делается вывод о том, что инициатива «Один пояс, один путь» стала ключевым фактором и инструментом формирования национального имиджа Китая, а медиapolитика государства играет решающую роль в противодействии негативным нарративам и продвижении позитивного восприятия на глобальном уровне.

Ключевые слова:

государственный имидж, одинпояс одинпуть, международная коммуникация, мировые массмедиа, медиа дискурс, информационная война, конкурентное влияние, освещение в СМИ, формирование восприятия, стратегическое партнерство

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатическая инициатива «Один пояс - один путь» впервые была озвучена Си Цзиньпинъм в Астане осенью 2013 года. За прошедшие годы она последовательно реализуется и представляет собой новую модель глобального сотрудничества и партнерства. Это - открытая «система сопряжения стратегий», так как охватывает несколько направлений (экономическое, гуманитарное, культурное) и реализуется в рамках двух основных стратегических концепций («Великий Шелковый путь» и «Морской Шелковый путь»). В последние годы к ним добавились новые («Цифровой шелковый путь, Зеленый шелковый путь, Шелковый путь здоровья и Полярный шелковый путь»). С целью укрепления глобального сотрудничества в Китае прошло два международных форума «Один пояс - один путь» в Пекине (2017, 2019, 2023), участие в которых приняли лидеры многих стран, задействованных в различные инфраструктурные проекты инициативы.

В современном мире огромное значение в формировании имиджа государства играют массмедиа. Именно они влияют на стереотипы поведения людей, их образ жизни и ценности. Ситуация, когда в виртуальном пространстве все воспринимается более реальным, чем в жизни, стала доминировать. Поэтому от того, какой имидж государства возникает в массмедиа, таким его и воспринимают жители тех или иных стран. По мнению российского политолога О.В. Зегонова, в глобальной информационной конкуренции существует два качественно новых типа: 1) «конкурентное влияние» на формирование повестки дня (СМИ оказываются способными влиять на степень востребованности или цитируемости тех или иных новостей; 2) «конкурентное присутствие» (альтернативная точка зрения дополняет основной массив

распространяемой информации или противодействуете ему)» (Зегонов, 2009, с. 12). До 2010 года для Китая было характерен второй тип, а к 2015-2016 гг. стало преобладать конкурентное информационное влияние благодаря последовательной политике руководства страны по использованию национальных массмедиа внутри страны и за рубежом. Это, в свою очередь, оказало влияние на формирование положительного имиджа Китая. Государственный имидж в научной литературе исследуется в разных направлениях гуманитарного знания (философия, социология, политология, культурология, имиджелогия (Гизатова, 2021; Мазонова, Моисеенко, 2014).

Массмедиа в современном мире считаются «самым мощным каналом политической коммуникации, а также важнейшим фактором, влияющим на общественное самосознание» (Швецова, 2012, с. 288), поэтому играют важную роль в формировании государственного имиджа и зачастую используются как эффективный инструмент в информационных войнах (Гаврилов, 2011, с. 155). С момента появления и поступательной реализации инициативы «Один пояс, один путь» мировые массмедиа постоянно уделяют ей внимание, придерживаясь разных позиций в оценке данного глобального проекта.

Позиции западных и российских массмедиа к инициативе «Один пояс, один путь»

В ходе анализа выявлено, что для западных СМИ характерно неоднозначное отношение среди западных массмедиа: более негативная реакция со стороны американских и чаще нейтральная – европейских.

Американские массмедиа чаще всего придерживаются негативной оценки инициативы и подвергают резкой критике «Один пояс – один путь», а также уделяют больше внимания политической игре, стоящей за данной инициативой. Преобладает позиция, что стратегическая концепция Китая о периферийной дипломатии имеет множество мотивов, таких как геополитика и геоэкономика. Так что американские массмедиа более склонны описывать Китай как восходящую державу с амбициями изменить азиатский порядок и бросить вызов доминированию США в регионе Юго-Восточной Азии. Американские массмедиа в большинстве своем скептически или критически относятся к этой инициативе. Их аналитики стараются найти негативные моменты в реализации инициативы в развивающихся странах, - в частности, в Африке, в арабских странах, в Юго-Восточной Азии. В американской прессе Китай даже сравнивали с колониальной державой, которая стремится экономически «завоевать» африканский континент, страны азиатского региона. Например, газета «Вашингтон пост» рассматривает инициативу с точки зрения политического антагонизма и соперничества КНР и США. Во многих статьях американской газеты «Один пояс, один путь» сравнивалась с проектом строительства Советского Союза и даже предсказывалось, что Китай распадется, как СССР.

Целенаправленная деятельность американских массмедиа по дискредитации инициативы «Один пояс, один путь» негативно влияет на политическое доверие среди стран АСЕАН. Одновременно происходит искажение достоверного образа самого Китая. С учетом того, что западные массмедиа по-прежнему доминируют в глобальном информационном пространстве, их негативные оценки находят отклик в массмедиа других стран в отношении национального имиджа Китая. Исследование китайских авторов показало, что общая тенденция сообщений основных СМИ США об инициативе «Один пояс, один путь» является негативной. В итоге влияние инициативы «Один пояс, один путь» на страны АСЕАН серьезно подорвано, что, в свою очередь, влияет на профессионализм, достоверность и публичность новостей. Например, влияние инициативы «Один пояс, один путь» на страны АСЕАН искажается, и создаются такие новостные фреймы, как

«теория долговой ловушки» и «теория культурного вторжения. Негативное влияние уже проявилось в индексе голосовании в Организации Объединенных Наций, что отражает снижение политического авторитета и является ущербом для международного авторитетного политического имиджа КНР (Юй Цинчу, Го Инчунь, 2024, с. 89-91).

Показательна в данной связи неоднозначность позиции английского телеканала БиБиСи. Несмотря на преобладание нейтральной оценки «Один пояс, один путь», его редакция стремится не замечать достижения и успехи инициативы, а смещает акцент на негативные стороны. Китай предстает в новостных выпусках БиБиСи как государство с мировыми амбициями, загнавшее ряд стран-участник в долговую ловушку. Тем самым редакция телеканала целенаправленно формирует негативный имидж Китая, тем самым пытаясь подорвать международный авторитет КНР (Хэ Нью, 2023, с. 789).

Помимо неоднозначной оценки со стороны западных массмедиа инициатива «Один пояс – один путь» часто становилась объектом для информационных атак, которые проводились накануне важных международных событий. Например, тема о «долговой ловушке» для развивающихся стран часто стала звучать в период проведения первого, второго и третьего международных форумов «Один пояс, один путь» (2017, 2019, 2023) в Пекине, целью которых была дискредитация самой инициативы. Информационные антикитайские вбросы были отмечены в период пандемии Covid-19. Помимо обвинений Китая в появлении и распространении коронавирусной инфекции, западные массмедиа стали подвергать сомнению в целом всю концепцию «Один пояс, один путь».

Одновременно подвергаются активной критике и отдельные направления в рамках инициативы «Один пояс, один путь» - в частности, в области экологии. Западные массмедиа пытаются создать образ экологических жертв ряда стран – участниц. В их новостных сообщениях, посвященных зеленой повестке, прослеживаются три новостных потока, а именно: негативное влияние ископаемой энергии на ресурсы, окружающую среду и экологию, трансформация, торговля и инвестиции в чистую энергию, а также международное экологическое сотрудничество и энергетическая конкуренция. Строительство инфраструктуры и защита дикой природы также являются важными направлениями деятельности западных массмедиа, и некоторые проекты стали типичными примерами их критики. Чаще всего речь идет о государствах, которые расположены в районах, где часто возникают нетрадиционные проблемы безопасности. В задачи западных массмедиа в данной связи входит стремление воспользоваться местными противоречиями и конфликтами с тем, чтобы политизировать и секьюритизировать экологические проблемы и превратить зеленые проблемы в дискурсивную игру власти и интересов. Например, отмечена тенденция на демонизации образа КНР. Так, сосредоточившись на исчезающих видах диких животных, западные массмедиа увязали традиционную китайскую медицину с этой проблемой, усилив образ Китая как «невежественного, отсталого и варварского». Запад неоднократно сообщал о потреблении ресурсов, загрязнении окружающей среды и экологическом ущербе, вызванном серией проектов, построенных в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». Тем самым западные массмедиа стремятся подчеркнуть несогласованность и нестабильность зеленого «Пояса и пути» в других странах и обвинить Китай в экологических преступлениях (Ян Чжичэн, Сун Чжоунин, Фэн Цзинсян, Лю Вэйдун, 2025, с. 18-19).

Российские массмедиа уделяют пристальное внимание к инициативе «Один пояс – один путь» и рассматривают ее в контексте стратегического партнерства между Россией и Китаем. Отмечены, в целом, положительная и нейтральная оценки. Если в первые годы

реализации «Один пояс, один путь» иногда возникали опасения по поводу переформатирования геополитической карты Азии и сложностей сопряжения инициативы с ЕАЭС (Чжэнь Кай, 2018, с. 37), в целом, отношение российских массмедиа была положительным (Ван Сяося, 2018, с. 14). Например, телеканал «Россия 24» последовательно формирует положительный имидж Китая, фокусируясь на достижениях инициативы «Один пояс, один путь», рассматривая его в разных ракурсах (экономика, культура, спорт, образование, экология, туризм). Одновременно редакция российского телеканала акцентирует внимание на плодотворном сотрудничестве России и Китая в рамках инициативы. Сформированный положительный имидж КНР укрепляет доверие россиян к КНР, улучшает их отношение к стране в целом (Хэ Нью, 2023, с. 86).

Формирование положительного имиджа Китая национальными массмедиа

в ходе празднования десятой годовщины инициативы «Один пояс, один путь»

С учетом важности инициативы «Один пояс, один путь» для восприятия Китая в мировом сообществе национальные массмедиа прилагают серьезные усилия по формированию положительного имиджа страны. Это отчетливо проявилось в год празднования десятилетия инициативы в публикациях зарубежной версии ведущей партийной газеты страны «Жэньминь жибао», которая выпустила 200 публикаций по данной теме, включая освещения Третьего международного форума в Пекине в октябре 2023 года. Во многих заголовках звучала тема международной важности инициативы, например: «Инициатива «Один пояс, один путь» возникла в Китае и принадлежит миру», «Мы на пути к выигрышу для всех», «Содействие совместному строительству инициативы «Один пояс, один путь» на новом этапе высококачественного развития», «Совместное строительство инициативы «Один пояс, один путь» и совместное развитие и процветание». Согласно анализу частотности слов было выявлено, что такие лексемы, как «Китай», «страна», «сотрудничество» и «развитие» встречались в публикациях газеты более тысячи раз. (Чжан, Этон, 2024, с.154-155). Отсюда следует, что, по существу, зарубежное издание «Жэньминь жибао» превратилось в ведущую информационную силу продвижения положительного образа инициативы.

С целью формирования положительного имиджа Китая в преддверии Третьего международного форума «Один пояс, один путь» в Интернет-пространстве была запущена серия видеороликов продолжительностью в три минуты на шести языках (китайский, английский, французский, русский, испанский и арабский). В них вниманию зрителей представляли разные сюжеты культурной направленности (исторические места Китая, строительства железных дорог, разных объектов инфраструктуры в странах-участницах инициативы. В онлайн-рекламном ролике основная идея инициативы «Пояса и пути» о «совместных консультациях, совместном строительстве и совместном обмене» выражена через демонстрацию фотографий экономических и торговых обменов, строительства инфраструктуры и обмена достижениями между странами. Хотя сама инициатива возникла в Китае, то она принадлежит миру. Кроме того, в онлайн-рекламном ролике были выбраны древнекитайские фрески в Дуньхуане, городская железная дорога Абуджа в Нигерии, международный сухопутный порт Урумчи, железная дорога Китай-Лаос и алжирская скоростная автомагистраль Север-Юг (Чжао Вэньлун, Юань Фэнсюэ, 2024, с. 94). Тем самым, с помощью динамических изображений, созданных с помощью виртуальной технологии, было сформировано позитивное восприятие инициативы в разных странах. Трансляция серии видеороликов во время работы в Пекине Третьего международного форума «Один пояс, один путь»

способствовали также формированию позитивной новостной повестки во многих мировых массмедиа.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что инициатива «Один пояс, один путь» является мощным инструментом формирования национального имиджа Китая. Различные ее направления охватывают экономическую, культурную, образовательную, экологическую, интеллектуальную стороны взаимодействия стран-участниц. Неслучайно данный глобальный проект стал предметом постоянного внимания со стороны мировых массмедиа.

Проведенное исследование показало, что массмедиа формируют имидж Китая через освещение инициативы «Один пояс, один путь» в зависимости от позиции государств их принадлежности. Если западные СМИ придерживаются критического подхода и зачастую стремятся дискредитировать инициативу, то российские формируют положительный имидж КНР за счет акцента на стратегическое партнерство между странами, конструктивное сотрудничество России и КНР в рамках сопряжения ЕвразЭС и данной инициативы.

Самоформирование положительного восприятия инициативы «Один пояс, один путь» китайскими массмедиа способствует тому, что во многих странах мира Китай воспринимается как дружественное государство, нацеленное на сотрудничество и процветание всех народов в сообществе единой судьбы человечества.

Библиография

1. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Имидж как конструкт социальной реальности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. С. 222-229. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229 EDN: PRKILL.
2. Сазонова А.А., Моисеенко М.В. Историко-философский аспект формирования имиджа политика // Вестник РУДН, Серия Философия. 2014. № 2. С. 167-168. EDN: SDHTCZ.
3. Хэ Ню. Имидж Китая в российских массмедиа в контексте инициативы "Один пояс-один путь" (по материалам телеканала "Россия 24") // Меди@льманах. 2023. № 2. С. 80-87. DOI: 10.30547/medialmanah.2.2023.8087 EDN: HFWBUY.
4. Хэ Ню. Формирование имиджа Китая в западных массмедиа в контексте инициативы "Один пояс-один путь" (по материалам британского новостного телеканала BBC News) // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 4. С. 784-800. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).784-800 EDN: RMVKSG.
5. Швецова М.Г. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. № 3. С. 288-292. EDN: PDXIQJ.
6. Ван Сяоя. Анализ национального образа Китая, конструируемого российскими СМИ в контексте "Одного пояса, одного пути" // Зарубежные лингвистические исследования Северо-восточной Азии. 2017. № 2. С. 10-14.
7. Чжан Этон. Отчет о 10-летию инициативы "Один пояс, один путь". Формирование имиджа Китая // Журнал связей с общественностью. 2024. С. 154-156.
8. Чжао Вэньлун, Юань Фэнсюэ. Формирование и распространение национального имиджа Китая в кросс-культурном контексте: В качестве примера рассмотрим международную серию рекламных видеороликов в Интернете "Один пояс, один путь" // Журнал Хубэйского университета науки и технологий. 2024. Т. 44. № 5. С. 89-94.
9. Чу Инь, Хуан Рихан. Формирование национального имиджа в перспективе инициативы

- "Один пояс, один путь". Анализ силы разума // Журнал Синьцзянского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2016. Т. 27. № 2. С. 78-84.
10. Юй Цинчу, Го Инчунь. Американские СМИ сообщают о заслуживающей доверия политике Китая в АСЕАН. Исследование влияния имиджа государственного управления: на основе сообщения американских СМИ об инициативе "Один пояс, один путь" // Международная пресса. 2024. № 8. С. 73-91.
11. Ян Чжичэн, Сун Чжоун, Фэн Цзинсян, Лю Вэйдун. Западное общественное мнение о построении зеленого дискурса "Один пояс, один путь" // Географические исследования. 2025. Т. 44. № 1. С. 1-20.
12. Гаврилов Г.А. Имидж страны как одна из целей информационной войны // Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Международной научной конференции. Чита, 2011. С. 154-156.
13. Зегонов О.В. Роль глобальных СМИ в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 30 с. EDN: NKUDFD.
14. Чжэнь Кай. Анализ имиджа Китая в российских СМИ с точки зрения культурного стереотипа-на основе репортажей "РИА" по теме "Один пояс-один путь": магистерская диссертация. Синьцзянский университет, 2018. 82 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена анализу влияния глобальной инициативы «Один пояс, один путь» на формирование национального имиджа Китая в международном информационном пространстве. Особое внимание уделяется роли массмедиа — китайских, западных и российских — в конструировании как позитивного, так и негативного образа КНР через освещение данной инициативы.

Автор использует сравнительно-аналитический подход, опираясь на контент-анализ публикаций ведущих СМИ (BBC, «Вашингтон пост», «Россия 24», «Жэньминь жибао»), а также на работы китайских и российских исследователей. Приводятся интересные данные частотного анализа ключевых лексем и примеры медиакампаний.

Тема исследования чрезвычайно актуальна в условиях обострения геополитической конкуренции и усиления «медиавойн». Инициатива «Один пояс, один путь» — один из ключевых инструментов китайской «мягкой силы», и её восприятие в мире напрямую влияет на международный авторитет КНР. Анализ медиадискурса вокруг проекта позволяет понять механизмы формирования национального имиджа в эпоху глобальной информационной борьбы.

Статья вносит вклад в исследования образа Китая в средствах массовой информации, выявляя дифференцированные стратегии подачи инициативы в зависимости от геополитической принадлежности СМИ. Особенно ценным является сопоставление негативных фреймов западных СМИ («долговая ловушка», «экологические преступления») с позитивной нарративной стратегией российских и китайских медиа, акцентирующих сотрудничество и взаимную выгоду.

Работа логично структурирована: от теоретического введения к анализу позиций разных медиасред, завершая выводами о роли СМИ в имиджевой политике. Язык научный, но доступный; аргументация подкреплена конкретными примерами и ссылками на источники.

Список литературы включает как российские, так и китайские источники последних лет (вплоть до 2025 г.), что свидетельствует об обширной и современной теоретической базе исследования.

Автор признаёт критику западных СМИ, но не вступает в содержательную дискуссию с их аргументами, ограничиваясь констатацией «дискредитации». Более сбалансированный подход — с анализом обоснованности отдельных обвинений — усилил бы убедительность работы.

Статья представляет интерес для специалистов в области международных отношений, медиаисследований и политической коммуникации. Она наглядно демонстрирует, как глобальные инициативы становятся ареной дискурсивной борьбы, а национальный имидж — продуктом медиатического конструирования.

Исследование обладает значительной практической ценностью. Выявленные автором различия в подаче инициативы «Один пояс, один путь» в западных, российских и китайских СМИ позволяют разрабатывать более точные стратегии медиаответа, корректировать нарративы в зависимости от целевой аудитории и предвидеть потенциальные информационные атаки. Кроме того, анализ успешных кейсов позитивного имиджмейкинга (например, видеокампании к 10-летию инициативы или освещение в «Жэньминь жибао») может быть использован как методологический шаблон для других стран, стремящихся укрепить свой международный имидж через глобальные инфраструктурные или гуманитарные проекты. Наконец, работа служит полезным учебным материалом для студентов и исследователей, изучающих взаимосвязь между геополитикой, медиадискурсом и национальным брендом.

В качестве рекомендации хотелось бы порекомендовать автору исправить опечатку в первом предложении в фамилии китайского лидера Си Цзиньпина.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Леонов В.И. Функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике //

Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76803 EDN: DHPLSY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76803

Функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике

Леонов Владислав Игоревич

ORCID: 0009-0004-2020-4761

аспирант; кафедра Литературной критики; Российский государственный гуманитарный университет,
ФГАОУ ВО "РГГУ", РГГУ

140009, Россия, Московская обл., г. Люберцы, ул. Митрофанова, д. 15, кв. 35

✉ ussr2000200@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76803

EDN:

DHPLSY

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2025

Аннотация: Игровые издания в современном мире являются очень востребованными среди своей преимущественно молодой аудитории. Данная статья рассматривает функциональную направленность социально-значимого контента в видеоигровой журналистике. Подобный контент рассматривается с точки зрения важности и актуальности для медиапространства. Статья выявляет специфику функциональной направленности социально важного контента в игровой журналистике. Целью данной статьи стало выявление специфики функциональной направленности социально значимого контента в игровой журналистике. Объектом исследования в статье является игровая журналистика. Предметом исследования в работе стал социально важный контент в игровой журналистике. Материалом исследования является контент на интернет – портале StopGame.ru. Методами исследования в данной работе стали: описательный метод, аналитический метод, а также метод сопоставления. В статье используются описательный метод со сравнением и анализ контента в качестве методологии проведения работы. В результатах исследования были определены

основные функции, которые являются значимыми для социума и выполняются игровой журналистикой, а именно: коммуникативная, интегративная, рекреационная и информационная функции. При помощи анализа контента на интернет – портале StopGame.ru были выделены специфические черты социально важного контента в игровой журналистике: информирование аудитории о волнующих ее социально значимых проблемах, формирование образа реальности для аудитории и расширение кругозора собственной аудитории. Актуальность исследования обусловлена изучением влияния социально важного контента в видеоигровой журналистике на общество и социальные процессы. Таким образом формируются новизна и практическая значимость данной статьи. В выводах, которые были сделаны в рамках статьи подчеркивается: игровая журналистика является важной частью современной медиасферы с точки зрения влияния на социум при помощи собственной специфики и функций, которые она выполняет.

Ключевые слова:

игровая журналистика, игровая индустрия, социальная проблематика, аудитория игровых сми, функции игровой журналистики, формирование образа реальности, коррекция общественного мнения, расширение кругозора аудитории, информационная функция, игровые медиа

1. Введение

Игровые издания в современном мире являются очень востребованными среди своей преимущественно молодой аудитории. Игровые СМИ зарождались в качестве любительских ресурсов, но с течением времени довольно быстро смогли переквалифицироваться в полноценные профессиональные игровые медиа. [\[1\]](#)

На сегодняшний день игровая функциональная направленность игровой журналистики не сужается сугубо до рекреационной. Игровые медиа активно вовлечены в технологическую повестку, вопросы культуры, а также в обсуждение социальной проблематики. В связи с этим, в игровой журналистике активно развивается направление с социально важным контентом, который в том числе влияет на мнение аудитории игровых изданий. [\[2\]](#)

В актуальных исследованиях игровой журналистики подчеркивается, что эта область медиа не ограничивается рекреационной функцией для аудитории. Например, Р. Баканов и Р. Сабирова в своей статье «Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие» подчеркивают, что потребности аудитории, в частности интеллектуальные, напрямую влияют на формирование игровой журналистики. Данный факт приводит к тому, что игровым авторам необходимо проводить анализ материалов на предмет соответствия высоким стандартам профессиональной журналистики. [\[2\]](#)

Более того, А. Коданина и А. Стурова в научной статье ««Игровая» журналистика как массово-коммуникационный феномен» говорят о растущей роли игровых медиа в современном информационном поле и рассматривают их как заметную часть сегодняшней массовой коммуникации. Авторы указывают, что игровая журналистика активно использует конвергентные медиа форматы и движется в сторону развития в социальных сетях. [\[3\]](#)

В рамках данной работы важно отметить, что исследователи также пишут о том, что современная игровая журналистика движется в том числе в сторону освещения социальной проблематики, тем самым выходя за рамки исключительно игрового контекста в своих материалах. Вышеупомянутое движение игровых СМИ в сторону развития в социальных сетях позволяет открывать новые возможности для контакта с аудиторией и для освещения волнующей ее социальной проблематики. Данный аспект говорит о том, что на площадках игровых СМИ могут обсуждаться и освещаться не только сугубо игровые вопросы, но и влияние видеоигр на современную культуру, современное медиаполе, отношение игровых разработчиков и издателей к аудитории, а также рассматривать видеоигры в социальном контексте. Приведенные аспекты говорят об актуальности всестороннего изучения роли игровой журналистики в освещении социальной проблематики, а также исследования функций, которые выполняет социально значимый контент в игровой журналистике. [\[4\]](#)

Целью данной статьи стало выявление специфики функциональной направленности социально значимого контента в игровой журналистике.

Объектом исследования в статье является игровая журналистика.

Предметом исследования в работе стал социально важный контент в игровой журналистике.

Материалом исследования является контент на интернет – портале StopGame.ru.

Методами исследования в данной работе стали: описательный метод, аналитический метод, а также метод сопоставления.

2. Социально значимый контент в игровой журналистике

Видеоигровые СМИ публикуют различные типы контента. Многие из того, что публикуется игровыми изданиями направлено на развлечение аудитории и предоставление ей важной информации о той или иной видеоигре. В рамках подобных материалов авторы делают упор на графическую часть видеоигры, геймплей, технологическое исполнение и рекомендацию к приобретению. [\[2, 3\]](#)

Данная статья рассматривает социально важный контент в игровой журналистике с точки зрения таких материалов, которые напрямую связаны с видеоиграми и игровой индустрией. При этом эти материалы содержат в себе или дают повод для обсуждения тем, которые актуальны для общества или непосредственно влияют на него. [\[2\]](#)

К подобного рода темам стоит отнести: этическую проблематику, социальную справедливость, политическую повестку и обсуждение положения различных социальных групп. [\[2, 3\]](#)

Социально важный контент в игровой журналистике влияет на убеждения аудитории и ее представления о реальности, оперирует фактами из реальной социальной действительности, содержит в себе обсуждение важных для общества вопросов, которые выходят за рамки исключительно игровой тематики, а также способен вызвать отклик и дискуссию внутри игровой аудитории. Подобные материалы безусловно связаны с видеоиграми, но их направленность больше смещена в сторону социальной проблематики. [\[2, 3\]](#)

3. Отличия социально важного контента в игровой журналистике от классического

видеоигрового контента

Контент в игровой журналистике который содержит в себе социально важную проблематику отличается от нейтрального игрового контента. Во-первых, в социально важных материалах поднимаются политические и моральные стороны сюжетов видеоигр, а также личностные конфликты и образы героев видеоигр. Нейтральные рецензии и обзоры зачастую ограничиваются описанием технических нюансов, игрового процесса и тем, каким образом преподносится сюжет. Во-вторых, в социально важном контенте видеоигра может рассматриваться с привлечением социального контекста, а именно: настроений в обществе, дискуссий о политике и культурных конфликтов. В материалах, которые не содержат в себе социальную проблематику, продукты игровой индустрии рассматриваются в первую очередь с развлекательной точки зрения. В-третьих, социальный контент влияет на восприятие реальности аудитории игровых СМИ. Подобные материалы делают акцент на восприятии аудиторией таких явлений как насилие, дискриминация по различным признакам, идеология и другие. При этом любые игровые материалы способны повлиять на решение аудитории о приобретении той или иной видеоигры. В-четвертых, социально важные материалы в игровой журналистике могут мотивировать аудиторию к пересмотру собственных позиций и убеждений и вычленению скрытых черт в сюжете и образах героев повествования. Сугубо развлекательные материалы зачастую больше сфокусированы на эмоциях и качественной оценке видеоигр. [\[5, 6, 7\]](#)

Так, социально важные материалы в игровой журналистике отличаются связью с общественно-политической повесткой, упором на социальную проблематику, а также влиянием на мнение аудитории и восприятие ей образа реальности. [\[2\]](#)

4. Функции журналистики и функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике

Теоретики журналистики описывают СМИ в качестве социального института, имеющего набор определенных функций. Функции СМИ напрямую связаны с удовлетворением потребностей аудитории. [\[8\]](#)

К функциям журналистики относятся: рекламно-справочная, просветительская, коммуникативная, рекреационная и информационная. В разных направлениях журналистской деятельности этот набор функций может проявляться по-разному. [\[8\]](#)

Игровой журналистике присущи общие функции журналистики. Однако, реализация этих функций отличается от традиционных видов журналистики. Ряд исследователей игровой журналистики выявили ключевые функции игровых медиа:

Одной из важнейших функций игровой журналистики является **рекреационная функция**, которая удовлетворяет потребности аудитории в отдыхе и расслаблении. Данный вид журналистики в первую очередь рассматривается с точки зрения этой функции. [\[2\]](#) О ее важности в том числе говорит тот факт, что игровая индустрия в целом и компьютерные игры в частности являются частью развлекательной сферы. Также, игровая журналистика при создании контента специализируется непосредственно на видеоиграх. [\[9\]](#)

Не менее важной функцией для игровой журналистики является **коммуникативная**. [\[8\]](#) Данный факт неразрывно связан повышенной интерактивностью аудитории игровой журналистики. В этом контексте нельзя не отметить, что повышенная интерактивность

аудитории игровых СМИ напрямую связана с тем, что интернет в современных реалиях является одним из самых эффективных и оперативных путей для получения обратной связи от аудитории. Поскольку аудитория игровых СМИ в подавляющем большинстве потребляет контент при помощи интернета, анализ потребностей этой аудитории может происходить наиболее быстро и результативно. [\[10\]](#) Более того, игроки зачастую коммуницируют друг с другом при помощи видеоигр и таким образом социализируются, создавая сообщества по интересам в интернете с целью обсуждения различных аспектов, которые могут быть связаны как с видеоиграми, так и с игровой индустрией в целом. [\[3, 10, 11, 12, 13\]](#)

Информационная функция игровой журналистики удовлетворяет потребности пользователей в оперативном получении актуальной информации из мира видеоигр и игровой индустрии. Игровые издатели и разработчики заинтересованы в том, чтобы их продукция обсуждалась и вызывала интерес у потребителей. Ввиду этого, игровые журналисты могут получать различные привилегии в виде приглашений на закрытые показы видеоигр или оборудования на крупных выставках и презентациях. Также, игровые разработчики и издатели могут присылать журналистам наборы для прессы. Эти наборы могут присылаться, как создателями видеоигр, так и создателями игровых консолей или компьютерных комплектующих. Они могут включать в себя как оборудование для тестирования, так и сами компьютерные игры или промокоды для доступа к ранним версиям компьютерных игр, которые еще не доступны для широкой аудитории. Благодаря этому, игровые журналисты могут создавать обзоры и писать рецензии еще до официального выхода продукции игровых разработчиков. Наряду с приглашениями на закрытые показы, игровым изданиям могут эксклюзивно давать интервью известные в игровой индустрии персоны. Таким образом, информационная функция является одной из ключевых для игровой журналистики и важна не только для нее самой, но и для игровых разработчиков, создателей игровых приставок и компьютерных комплектующих. [\[2, 14, 15, 16, 17\]](#)

Образовательная функция также является немаловажной для игровых СМИ. Безусловно, как и в других видах журналистики, образовательная функция приобщает аудиторию к общественным ценностям и формирует духовность. Однако, более важным аспектом для образовательной функции игровой журналистики является приобщение аудитории к определенным знаниям. Это связано с наличием ряда специфических терминов и определенного контекста в игровых материалах. В современной игровой журналистике очень распространены аналитические жанры, такие как рецензии и обзоры видеоигр. Данные жанры накладывают определенную ответственность на автора и подразумевают наличие специфических знаний у аудитории игровых изданий, без которых было бы невозможно полноценно понять и проанализировать подобный контент. [\[2, 14, 18, 19\]](#)

Просветительская функция также может заключаться в подробном разборе журналистами специфики определенной компьютерной игры, описании сюжета либо предыстории игровой вселенной, а также подробном разборе игрового процесса с технической точки зрения. Наряду с информацией об играх и игровых вселенных, может присутствовать информация о разработчиках и внутреннем состоянии игровых студий. Ввиду важности и распространенности образовательной функции в игровой журналистике, аудитория игровых изданий достаточно легко может отличить добросовестный обзор от проплаченного. Несмотря на это, компьютерная игра с множеством проплаченных обзоров и рецензий может пользоваться незаслуженной популярностью и активно обсуждаться. Однако, подобная популярность быстро угасает

после того, как аудитория, спустя определенное время, формирует собственное мнение о конечном продукте, а игровые издания, которые публиковали проплаченные положительные обзоры, стремительно теряют популярность, авторитет и доверие аудитории. [\[2, 14, 17, 18, 19, 20\]](#)

Говоря о **рекламно-справочной функции** игровой журналистики будет важным отметить, что игровая индустрия – это бизнес, который ориентирован на получение максимальной выгоды. Игровые издатели в первую очередь заинтересованы в высоком спросе на свою продукцию у аудитории. Именно поэтому рекламно-справочная функция в игровой журналистике является одной из самых важных в экономическом плане как для игровых разработчиков, так и для игровых изданий. Она позволяет выявлять интересы аудитории и поддерживать связь между игровыми изданиями и разработчиками видеоигр. [\[2, 19, 20, 21, 22\]](#)

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что игровая журналистика выполняет множество различных функций. Данный вид журналистики удовлетворяет множество потребностей игроков, а также способствует развитию игровой индустрии, индустрии технологий и мультимедийной сферы в целом.

В рамках данной статьи следует подробнее рассмотреть, какие функции реализуются при помощи социально важного контента в игровой журналистике, а также какой спецификой подобный контент обладает.

В игровой журналистике социально важные материалы по-прежнему содержат в себе функции, которые присущи игровой журналистике в целом. При этом такие материалы при реализации этих функций имеют определенную специфику и делают акцент на важных для социума темах.

Информационная функция в социально важных материалах заключается в том, что в них авторы сообщают аудитории о неоднозначных аспектах видеоигр, или тех, которые вызвали общественный резонанс. Имеются ввиду не только о содержание сюжета или игровой процесс, но и реакции общества на эти стороны игры, а именно бойкотирование видеоигр, различные скандалы и дискуссии, а также отношение игрового сообщества к этим аспектам. Игровые авторы наглядно демонстрируют, какая социальная проблематика поднимается в видеоигре, а также кто из игрового сообщества и каким образом реагирует на подобные темы, и какая аргументация приводится. [\[2, 3, 8\]](#)

Коммуникативная функция проявляется таким образом, что социально важный контент служит отправной точкой для дискуссий на социальные темы, создавая условия и пространство для общения вокруг социальных тем. [\[2, 3, 8\]](#)

Рекреационная функция, как одна из основных функций в игровой журналистике, зачастую проявляется и в социально важном контенте т.к. подобные материалы продолжают быть связанными с игровым процессом и другими в том числе техническими аспектами компьютерной игры. При этом подобный контент в первую очередь направлен на освещение социальной проблематики. [\[2, 3, 8\]](#)

Просветительская и образовательная функции в игровой журналистике с точки зрения социально важного контента помимо разборчивости в игровых механиках требуют от аудитории более глубокого понимания социальных и культурных аспектов. Авторы контента погружают аудиторию в контекст того, как устроена полемика вокруг социальной повестки, справедливости, социально-политических вопросов, а также

образов персонажей в видеоиграх с этнической, религиозной и других точек зрения. Эти материалы побуждают аудиторию рассуждать на тему общечеловеческих ценностей, тем самым реализуя просветительскую функцию. [2, 3, 8]

К функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике стоит отнести **интегративную функцию**, которая выполняется в рамках игровой журналистики. Р. Баканов и Р. Сабирова пишут, что интегративная функция в игровой журналистике присутствует и заключается в следующем: «...развитие информационного потенциала общества в сфере мультимедиа и индустрии развлечений в частности, а также непрерывное обогащение информационных ресурсов аудитории игровых изданий». [2]

Еще одной важной особенностью функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике является **расширение кругозора аудитории**. Социальные темы нередко поднимаются игровыми изданиями для того, чтобы дать возможность аудитории шире смотреть на мир и на те события, которые в нем происходят. Р. Баканов и Р. Сабирова в своей работе подчеркивают, что качественные игровые издания в современной российской игровой журналистике выделяются тем, что часто ориентированы на освещение социальных тем. [2] Достаточно большие разделы, которые находятся на главных страницах сайтов таких игровых изданий, нередко посвящены околоигровой тематике, в которую, в частности включена и актуальная для аудитории игровой журналистики социально значимая проблематика. [2]

Р. Баканов и Р. Сабирова в своем исследовании также подчеркивают важность других аспектов функциональной направленности социально важного контента в игровой журналистике. Авторы пишут о **формировании образа реальности аудитории, влиянии на преобразование социальной действительности с помощью символов, информировании аудитории игровых изданий о волнующей ее актуальной социально значимой проблематике**, а также о **коррекции общественного мнения** в контексте совершенно разных проблем жизни общества, вне зависимости от того, является это мнение позитивным или негативным. [2]

Таким образом, исходя из вышеприведенного анализа можно выявить функциональную направленность социально-значимого контента в игровой журналистике: **информирование аудитории о волнующих ее актуальных социально значимых проблемах, расширение кругозора своей аудитории, формирование образа реальности для своей аудитории, влияние на преобразование социальной действительности с помощью символов и коррекция общественного мнения в контексте разных проблем жизни общества вне зависимости от того, является это мнение позитивным или негативным.** [2]

5. Реализация функций социально значимого контента в игровой журналистике на материале интернет – портала StopGame.ru

Для наилучшего понимания функциональной направленности социально значимого контента в игровой журналистике следует провести анализ публикаций из игровых СМИ на предмет присутствия вышеприведенных специфик. Для анализа публикаций источником был выбран игровой интернет – портал StopGame.ru как один из крупных представителей российских игровых медиа. [Медиацит [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: <https://stopgame.ru/adver> (Дата обращения: 21.10.2025).]

Переходя к функциональной направленности социально-значимого контента в игровой

журналистике, приведем обзор на YouTube канале StopGame.ru «Обзор игры Call of Duty: Modern Warfare». [Обзор игры Call of Duty: Modern Warfare [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AtZgsc7dJdc&t=40s> (Дата обращения: 21.10.2025).]

В данном видеообзоре автор говорит о «Той части сюжета, которая несет ответственность за бугурт всего рунета». [Обзор игры Call of Duty: Modern Warfare [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AtZgsc7dJdc&t=40s> (Дата обращения: 21.10.2025).] Данная цитата свидетельствует о том, что заявленная автором проблематика волнует большую часть российского игрового сообщества и является актуальной для многих игроков. В дальнейшем в обзоре автор подробно рассказывает про все аспекты видеоигры, вызвавшие общественный резонанс, тем самым информирует аудиторию StopGame.ru о волнующих ее актуальных социально значимых проблемах. [Обзор игры Call of Duty: Modern Warfare [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AtZgsc7dJdc&t=40s> (Дата обращения: 21.10.2025).]

Таким образом, в данном обзоре автор **информирует аудиторию о волнующих ее социально значимых проблемах**, что является проявлением одной из черт функциональной направленности социально-значимого контента, которые были выявлены в данной статье.

Следующим материалом для рассмотрения является текстовая публикация на сайте StopGame.ru: «The Last of Us: Part II: Обзор». [The Last of Us: Part II: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Данный материал является обзором компьютерной игры The Last of Us: Part II, разработанной компанией Naughty Dog и изданной компанией Sony Interactive Entertainment 19 июня 2020 года. «The Last of Us: Part II» является сюжетным продолжением предыдущей части: «The Last of Us». [The Last of Us: Part II: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Автором обзора является бывший главный редактор StopGame.ru Дмитрий Кунгуров. [Пользователи, Дмитрий Кунгуров [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: <https://stopgame.ru/user/Kelebro> (Дата обращения: 21.10.2025).]

Анализируемый текстовый обзор, по аналогии с другими обзорами на StopGame.ru, разбит на несколько разделов, каждый из которых имеет свое название. В данной статье присутствует раздел с названием «Но есть, Элли, один нюанс...», что говорит о намерениях автора изложить читателям некоторые противоречивые моменты, которые присутствуют в игре. Автор пишет: «Я не возьмусь угадывать конкретные цифры, но условная треть игроков полюбит вторую часть. Другая условная треть возненавидит примерно половину сюжетной кампании. А оставшиеся просто откажутся признавать существование сиквела». [The Last of Us: Part II: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).] Данной цитатой автор подводит читателя к критическому восприятию сюжета игры, собираясь изложить свое отношение к современной повестке, которую разработчики часто интегрируют в свои игры. [The Last of Us: Part II: Обзор

[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

В вышеизложенной цитате автор говорит о противоречивом отношении игроков к сюжету видеоигры. Важно отметить, что для игрового сообщества серия игр The Last of Us была интересна в первую очередь из-за своего сюжета, в который погрузились миллионы игроков по всему миру. Как можно видеть из данной статьи, вторая часть в плане сюжета вышла достаточно неожиданной для игроков, мнения которых резко разделились. Вышеприведенную цитату автор продолжает следующей мыслью: «Дело даже не в каком-нибудь очевидном триггере вроде SJW-повестки. Она в игре есть и, к сожалению, подаётся максимально навязчиво. Если у вас вдруг пунктик, то готовьтесь к страданиям». [The Last of Us: Part II: Обзор[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).] Приведенное высказывание демонстрирует тот факт, что автор формирует образ реальности для своей аудитории, говоря о навязчивой повестке в современных компьютерных играх в целом. [The Last of Us: Part II: Обзор[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Важным элементом приведенной авторской мысли являются его слова о «навязчивой SJW-повестке», «проблемах первого мира, которые суют в лицо» и «гендерно-флюидном равенстве, вшитом в историю». Несмотря на то, что автор говорит о гармонии между данными явлениями с фабулой, нельзя не отметить тот факт, что автор делает акцент на очевидности наличия повестки социальной справедливости. Очевидность связана с тем, что разработчики компьютерных игр все чаще интегрируют в свои игры данную повестку, тем самым вызывая негодование у определенной части игроков: «Если у вас вдруг пунктик, то готовьтесь к страданиям». [The Last of Us: Part II: Обзор[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).] При помощи данных тезисов автор формирует образ реальности для своей аудитории, говоря о навязчивости и очевидности присутствия вышеизложенной повестки в современных играх. **Формирование образа реальности для своей аудитории**, как было выявлено в данной статье, является одной из черт функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике. [The Last of Us: Part II: Обзор[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Завершить разбор функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике следует анализом текстовой публикации на сайте StopGame.ru: «Metro Exodus: Обзор». [The Last of Us: Part II: Обзор[Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/112312/the_last_of_us_part_ii_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Данная публикация является обзором компьютерной игры Metro Exodus, разработанной студией 4A Games и выпущенной компанией Deep Silver 14 февраля 2019 года. Metro Exodus является третьей игрой во вселенной игр Metro. [Metro Exodus[Электронный ресурс] // deepsilver.com. URL: <https://www.deepsilver.com/en/games/metro-exodus/> (Дата обращения: 21.10.2025).]

Автор обзора – на данный момент бывший член команды StopGame.ru Глеб Мещеряков.

[Пользователи, Глеб Мещеряков [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: <https://stopgame.ru/user/WhaleBluesGleb> (Дата обращения: 21.10.2025).]

В своем обзоре в блоке под названием «Уже почти не про игру» автор отмечает, что его занимает тот факт «что и простые, неангажированные игроки также отмечают следы политических высказываний в Metro: Exodus». [Metro Exodus: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/102398/metro_exodus_review (Дата обращения: 21.10.2025).] Цитата связана с массовыми рассуждениями о политике в игровом сообществе в контексте сюжета игры. Автор выражает свое негодование тем, что игроки высказывают свое недовольство якобы политическими мотивами сюжета, при этом полностью отрываясь от фабулы сюжета и игнорируя контекст: «Называются прежде всего следующие якобы провокационные тезисы: «Мельник — ватник», «кругом враги», «Москва отгородилась от регионов». При этом почему-то полностью отбрасывается контекст». [Metro Exodus: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/102398/metro_exodus_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

В ходе своих рассуждений об отсутствии в игре провокационной политической повестки автор пишет следующее: «Хорошо, давайте допустим, что я зря сейчас защищаю сотрудников 4A Games и что они действительно вкладывали в игру какую-то политическую повестку. Кого и каким образом она должна оскорбить?». [Metro Exodus: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/102398/metro_exodus_review (Дата обращения: 21.10.2025).] Приведенной мыслью автор **расширяет кругозор своей аудитории**, говоря об отсутствии в игре прямой политической повестки, на которую указывали многие игроки. [Metro Exodus: Обзор [Электронный ресурс] // StopGame.ru. URL: https://stopgame.ru/show/102398/metro_exodus_review (Дата обращения: 21.10.2025).]

Проанализировав приведенную цитату, можно сделать вывод, что автор демонстрирует обратную сторону тезисов о провокационности обозреваемой компьютерной игры. В своей мысли автор старается расширить кругозор своей аудитории, объясняя, что не везде стоит искать подвох, а очевидные на первый взгляд вещи не всегда оказываются таковыми. Автор призывает читателей подумать над происходящим в игре и не радикализировать простейшие элементы геймплея. Расширение кругозора своей аудитории, которое демонстрирует автор, является одной из черт функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике, выявленной в данной статье.

Подводя общий итог анализа функциональной направленности социально-значимого контента в игровой журналистике, можно сделать вывод, что выделенные в данной статье черты этой специфики присутствуют в публикациях игрового интернет – портала StopGame.ru. **В ходе проведенного анализа были выявлены следующие специфические черты: информирование аудитории о волнующих ее социально значимых проблемах, формирование образа реальности для аудитории и расширение кругозора своей аудитории.**

6. Заключение

В данной статье были рассмотрены функции и функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике. На основе проведенного анализа можно сделать несколько выводов:

Во-первых, игровая журналистика реализует все те функции, которые выполняются традиционными видами журналистики. Игровая журналистика выполняет

информационную, коммуникативную, рекреационную, образовательную и просветительскую функции.

Во-вторых, в игровой журналистике существуют материалы, содержащие в себе общественно значимую проблематику. В подобных публикациях видеоигры и игровая индустрия становятся отправной точкой к обсуждению социально значимых вопросов, а именно: социально-политические, проблемы справедливости, актуальная общественная повестка, этика, дискриминация по различным признакам и образы различных социальных групп. Немаловажным является тот факт, что социально значимые материалы отличаются от нейтральных публикаций в игровой журналистике по ряду признаков: связью с общественно-политической повесткой, упором на социальную проблематику, а также влиянием на мнение аудитории и восприятие ей образа реальности. Стоит подчеркнуть, что в данной статье на конкретных материалах игрового интернет-издания была продемонстрирована функциональная направленность социально важного контента: информирование аудитории о волнующих ее социально значимых проблемах, формирование образа реальности для аудитории и расширение кругозора аудитории

Так, функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике и ее специфика были отражены в данной статье. Данные аспекты были продемонстрированы на теоретическом уровне и выявлены в материалах крупного российского игрового интернет-издания. Результаты данной работы могут использоваться в изучении игровой журналистики и игровых медиа, а также при анализе социально значимого контента в игровой журналистике.

Библиография

1. Подшибякин А. Время игр! / А. Подшибякин. – 1-е изд. – Москва: Эксмо, 2020. – 304 с.
2. Баканов Р. П., Сабирова Р. И. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 166-176. EDN: XREBKH.
3. Коданина А. Л., Стурова А. О. "Игровая" журналистика как массово-коммуникационный феномен // Ученые записки НовГУ. 2020. № 6 (31). С. 1-5.
4. Ильченко С. Н., Турунов Д. М. Цифровая трансформация российских игровых медиа: анализ основных онлайн-платформ // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 655-668. DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-655-668. EDN: DNPJRS.
5. Perreault G. P., Vos T. P. Metajournalistic discourse on the rise of gaming journalism / G. P. Perreault, T. P. Vos // New Media & Society. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 159-176. DOI: 10.1177/1461444819858695.
6. Braithwaite A. It's about ethics in games journalism? Gamergaters and geek masculinity / A. Braithwaite // Social Media + Society. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 1-10. DOI: 10.1177/2056305116672484.
7. Perreault G., Caberlon L., Stuart C. Audience repair as paradigm repair: Fixing the 'gamer' in games journalism / G. Perreault, L. Caberlon, C. Stuart // Journalism History. 2023. Vol. 49. No. 2. P. 95-109. DOI: 10.1080/00947679.2023.2203022. EDN: BFUTWS.
8. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: Учебник / Е. П. Прохоров. – 2-е изд. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 351 с. EDN: QWUEYX.
9. Муратова Э. С. Функции и особенности игровых СМИ / Э. С. Муратова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 3 (345). – С. 254-256. EDN: XTWWC0.
10. Тошович Бранко. Интернет-стилистика / Тошович Бранко. – 2-е изд. – Москва: Флинта, 2018. – 238 с.

11. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования / Д. В. Галкин. – Текст: электронный // Гуманитарная информатика: электрон. научн. ж.: [сайт]. – URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/4/gal2.htm> (дата обращения: 28.10.2025).
12. Салихова Е. А. Игровой контент в медиапотреблении "учащейся молодежи": результаты опроса // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2023. № 83.
13. Малышева Я. В. Особенности освещения скандала "GameRate" в российской игровой журналистике и блогосфере // Международный научный журнал "Слово в науке". 2023. № Спецвыпуск.
14. Мараховский Д. О. Видеоигры как социальный институт: различные аспекты институционализации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8.
15. Мараховский Д. О. Концептуализация феномена видеоигр в контексте неoinституционализма // Теория и практика общественного развития. 2025. № 8.
16. Тармаева В. И. Компьютерные игры и игровая журналистика // Вестник ЧелГУ. 2015. № 5 (360).
17. Коданина А. Л., Петрова Е. Д. Игровая журналистика и новые коммуникационные форматы (на примере журнала "Игромания") // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43).
18. Селютин А. А. Жанровая специфика игровых видеоблогов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 3 (29).
19. Ершова И.В., Дьяченко А.М. Жанрово-тематические особенности российской игровой видеожурналистики (на примере YouTube-каналов StopGame) // Филология: научные исследования. 2023. № 9. С. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.9.40966 EDN: YWHBYJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40966
20. Яремчук А. В. Видеоигровая журналистика и медиаиндустрия: история развития и сегментация // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2020.
21. Селютин А. А. Визуализация текстового пространства в отечественной гейм-журналистике (на примере журнала "Игромания") // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31).
22. Мальцева И. А. Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики // МНИЖ. 2022. № 4-4 (118).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность статьи не вызывает сомнения. Игровая индустрия набирает все большую популярность среди людей разных социальных групп и возрастов. Как следствие – идет рост специализированных СМИ – игровых изданий, программ, игровая журналистика как массово-коммуникационный феномен привлекает внимание многих исследователей.

Предметом исследования в данной работе стал социально важный контент в игровой журналистике, ведь сегодня функциональная направленность игровой журналистики не ограничивается рекреационной. Как отмечает автор, «игровые медиа активно вовлечены в технологическую повестку, вопросы культуры, а также в обсуждение социальной проблематики».

В статье подробно описывается функции игровой журналистики (рекреационная,

коммуникативная, информационная, образовательная, просветительская, рекламно-справочная), которые созвучны с общими функциями журналистики.

Социально важный контент в игровой журналистике связан с видеоиграми, которые связаны с этической, социальной, политической проблематикой.

Как верно отмечается в статье, «социально важный контент в игровой журналистике влияет на убеждения аудитории и ее представления о реальности, оперирует фактами из реальной социальной действительности, содержит в себе обсуждение важных для общества вопросов, которые выходят за рамки исключительно игровой тематики, а также способен вызвать отклик и дискуссию внутри игровой аудитории. Подобные материалы безусловно связаны с видеоиграми, но их направленность больше смещена в сторону социальной проблематики».

Наиболее интересной частью рецензируемой статьи является анализ материалов на портале StopGame.ru. Автор приходит к выводу о том, что рассмотренные материалы информируют аудиторию о волнующих ее социально значимых проблемах, формируют образ реальности для аудитории и расширяют ее кругозор.

Рецензируемая статья имеет ряд замечаний:

1) Автору следует существенно расширить библиографический список (как минимум до 20 источников, в том числе с рассмотрением работ зарубежных авторов). Обзор литературы по изучаемой теме отсутствует.

2) В статье много повторов, что ухудшает ее структуру. Разделы 2 «Функции журналистики в целом и игровой журналистики» и 5 «Функции и функциональная направленность социально значимого контента в игровой журналистике» следует объединить. Повторы прослеживаются и в выводах к статье: «Во-вторых, в игровой журналистике существуют материалы, содержащие в себе общественно значимую проблематику. В подобных публикациях видеоигры и игровая индустрия становятся отправной точкой к обсуждению социально значимых вопросов, а именно: социально-политические, проблемы справедливости, актуальная общественная повестка, этика, дискриминация по различным признакам и образы различных социальных групп.

В-третьих, социально важные материалы отличаются от нейтральных публикаций в игровой журналистике по ряду признаков: связью с общественно-политической повесткой, упором на социальную проблематику, а также влиянием на мнение аудитории и восприятие ей образа реальности.

В-четвертых, в данной статье на конкретных материалах игрового интернет – издания была продемонстрирована функциональная направленность социально важного контента: информирование аудитории о волнующих ее социально значимых проблемах, формирование образа реальности для аудитории и расширение кругозора аудитории».

Все эти пункты можно объединить в один.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа является актуальной, поскольку в ней осмысляются теоретические работы, посвященные изучению игровой журналистики, рассматриваются функциональные особенности данного направления современных медиа, выделяются уникальные функции, связанные с репрезентацией социально значимого контента. Цель, объект и предмет исследования обозначены вполне ясно и корректно. Методология исследования соответствует поставленной цели и является достаточной для того, чтобы сделать репрезентативные выводы. Однако требуются некоторые уточнения. Автор рецензируемой работы указывает, что им рассматривались медиапубликации, объективированные в разных жанрах и форматах современных конвергентных платформ, в частности интернет-портала StopGame.ru. Однако на этом сайте рецензент не обнаружил информации о регистрации данного издания как СМИ, в связи с чем возникает вопрос, является ли данный портал средством массовой информации с юридической точки зрения, либо же на нем представлен авторский контент блогеров, а не профессиональных журналистов. Кроме того, не уточнен объем изучаемых материалов, их количественная выборка и период.

Научная новизна исследования обусловлена возрастающим интересом современных медиаисследователей к гейм-журналистике, популярностью такого рода контента у молодежи, его влиянием на картину мира аудитории и на формирование ее представлений о реальности. Кроме того, в исследовании выделены не только базовые функции журналистики, которые репрезентированы в игровых изданиях, но также описаны их специфические функции, связанные с освещением социально значимых тем сквозь призму нарратива о компьютерных играх. В частности, автор отмечает, что «в подобных публикациях видеоигры и игровая индустрия становятся отправной точкой к обсуждению социально значимых вопросов, а именно: социально-политические, проблемы справедливости, актуальная общественная повестка, этика, дискриминация по различным признакам и образы различных социальных групп. Немаловажным является тот факт, что социально значимые материалы отличаются от нейтральных публикаций в игровой журналистике по ряду признаков: связью с общественно-политической повесткой, упором на социальную проблематику, а также влиянием на мнение аудитории и восприятие ей образа реальности». Наблюдения автора подкреплены вполне репрезентативными примерами, обозначены перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Стиль и структура рецензируемой работы соответствуют научным жанрам данного рода. Статья разбита на 6 разделов, в которых последовательно излагаются умозаключения автора. Теоретическая часть опирается на авторитетные источники, практическая — на конкретные примеры. Аргументация последовательна, выводы обоснованы. Список литературы включает 22 источника, среди которых: монографии, статьи в рецензируемых журналах, электронные ресурсы. Представлены как отечественные, так и зарубежные исследования, что говорит о широком кругозоре автора и глубине проработки темы.

Автор активно опирается на работы других исследователей (Р. Баканов, Р. Сабинова, А. Коданина, А. Стурова и др.), корректно цитируя и интерпретируя их идеи. При этом он не просто повторяет чужие тезисы, а развивает их, дополняя собственными наблюдениями и анализом. Критика оппонентов отсутствует, что оправдано: статья носит скорее синтезирующий, чем дискуссионный характер.

Данная работа будет интересна исследователям современных журналистских практик, специалистам в области игровой коммуникации, практикующим журналистам в области гейм-медиа. В целом статья может быть опубликована в журнале «Филология: научные исследования», однако следует внести уточнения, связанные с эмпирическим материалом исследования и его количественной выборкой.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Родионова О.П. Мир метафор в прозе Лю Чжэньюня // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76802 EDN: DEKDWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76802

Мир метафор в прозе Лю Чжэньюня

Родионова Оксана Петровна

ORCID: 0000-0001-9984-0795

кандидат филологических наук

доцент; Восточный факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

✉ o.rodionova@spbu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76802

EDN:

DEKDWI

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает система метафорических образов в прозе современного китайского писателя Лю Чжэньюня (р. 1958). Анализ проводится на материале семи романов, изданных в период с 2003 по 2025 год («Мобильник», «Меня зовут Лю Юэцинь», «Одно слово стоит тысячи», «Я не Пань Цзиньлянь», «Дети стадной эпохи», «Один день что три осени», «Соленые шутки»). Метафора рассматривается как структурный и содержательный стержень, формирующий уникальный авторский стиль. Основная цель работы – доказать, что метафорические конструкции являются ключевым средством для передачи культурно-философских смыслов и репрезентации острых историко-социальных проблем. Исследование призвано продемонстрировать, как метафоры, глубоко укорененные в национальной традиции, приобретают универсальное звучание, раскрывая общечеловеческий потенциал китайского литературного текста. Методология включает выявление частотных метафор в корпусе семи романов Лю Чжэньюня с последующим многоаспектным анализом. Исследование применяет инструментарий лингвокультурологии и интертекстуальный анализ для раскрытия культурно-философских и историко-социальных смыслов. Научная новизна

исследования заключается в проведении комплексного анализа метафор Лю Чжэньюня как ключевого элемента его уникального авторского стиля, который синтезирует глубокие национальные традиции с универсальными философскими проблемами. Впервые на материале семи романов писателя системно показано, как разноуровневые метафоры – от отдельных фразеологизмов до сложных интертекстуальных структур – служат для экспликации культурно-философских смыслов и раскрытия актуальных социально-исторических тем. Основной вывод работы подтверждает, что метафорический язык писателя, несмотря на укорененность в специфической китайской культуре, обладает значительной общечеловеческой ценностью. Он мастерски трансформирует обыденные, бытовые ситуации в мощный инструмент для осмысления вечных вопросов морали и человеческой природы, выступая живым мостом между культурной традицией и современностью. Таким образом, творчество Лю Чжэньюня представляет собой высокоперспективный объект для междисциплинарных исследований, открывающий новые горизонты для литературоведения, культурологии, социологии и философии.

Ключевые слова:

Лю Чжэньюнь, Китайская литература, Метафора, Фразеологизм, Идиома, Языковая игра, Интертекст, Прецедентный феномен, Китай, Художественная проза

Лю Чжэньюнь (刘震云, р. 1958) — один из значимых китайских писателей, лауреат литературной премии имени Мао Дуня 2011 года, чье творчество, благодаря переводам на многие языки стало мостом между китайской и зарубежными культурами. Как писатель и человек Лю Чжэньюнь прежде всего известен своим уникальным чувством юмора и глубоким пониманием человеческой природы, что проявляется не только в его произведениях, но и во многочисленных интервью. К примеру, рассуждая о том, кто лучше знает чью литературу, писатель отмечает: «В целом китайцы знают о русской литературе больше, чем русские о китайской: русских писателей переводят в Китае в 20 раз больше, чем китайских в России. Но я надеюсь, что русскому читателю хорошо известны такие имена, как Ли Бо, Ду Фу и Лю Чжэньюнь»^[1]. Впрочем, среди российских читателей, интересующихся современной китайской литературой, Лю Чжэньюнь и правда фигура известная. К настоящему моменту на русский язык переведено шесть романов писателя, написанных в XXI веке. Кроме того, к концу 2025 г. ожидается издание сборника повестей Лю Чжэньюня, написанных в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Лю Чжэньюнь неоднократно посещал Россию, его визиты в 2017-2024 годах включали творческие встречи, участие в культурных форумах и даже получение звания почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета. В 2024 году в московском Театре Наций состоялась премьера спектакля «Я не убивала своего мужа» по мотивам его романа «Я не Пань Цзиньянь». В новосибирском театре «Старый дом» готовится спектакль по роману «Один день что три осени».

Среди многих граней писательского таланта Лю Чжэньюня особенно хочется выделить его непревзойденную языковую игру. Рассмотрению данного аспекта была посвящена статья московского исследователя А. В. Игнатенко «Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньянь»^[2]. В ней исследователь проанализировал лингвистические аспекты языковой игры в романах Лю Чжэньюня на нескольких уровнях, включая художественные средства (метафоры, оксюмороны),

структурно-функциональный уровень (стилистика и синтаксис текста), а также когнитивно-дискурсивный уровень (концептуально-семантическое пространство текста, его связь с другими науками). Синтез перечисленных методик открыл новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

В данной статье нам хотелось бы углубиться в анализ такого аспекта языковой игры как метафора. Метафора, как важный элемент художественной литературы, всегда привлекала внимание ученых. Особенно яркий интерес к ней проявлялся в 1960-1970-е годы XX века. На пике этого интереса заметным событием стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980) [3]. Переведенная на многие языки, она до сих пор привлекает внимание ученых, в том числе и китайских исследователей [4, с. 119]. Если этот фундаментальный труд раскрывает саму природу метафоры как когнитивного механизма, структурирующего человеческое мышление и опыт, то художественная проза Лю Чжэньюня служит его блестящим практическим воплощением. Многоуровневая метафоричность его языка, укоренённая в китайской культурной почве, не просто создаёт уникальный авторский стиль, но и становится инструментом познания, позволяющим исследовать универсальные экзистенциальные темы. Именно это сочетание — глубоко национальных корней и общечеловеческой направленности — превращает тексты Лю Чжэньюня в ценный материал не только для лингвистического и культурологического анализа, но и для исследования самой возможности метафоры служить мостом между культурами и индивидуальным опытом.

В одном из своих интервью писатель прямо сказал: «Есть писатели, которые ограничиваются национальной культурой, редко выезжают за границу, плохо знакомы с кино, живописью, литературой других стран. Это сильно ограничивает их кругозор: такие писатели похожи на лягушку на дне колодца, которая видит над собой очень небольшой кусочек неба. Есть расхожее мнение: чем более национально творчество, тем более всемирным значением оно обладает. Мне кажется, всё ровно наоборот: чем больше всемирности и глобальности в творчестве отдельного писателя, тем большую национальную ценность оно имеет» [1]. В этом смысле, повторяя метафору Лю Чжэньюня, писателю удалось избежать участи «лягушки на дне колодца», поскольку его метафоры представляют собой универсальный язык человеческих переживаний, а потому находят отклик у читателей разных культур. Учитывая вышесказанное, изучение произведений Лю Чжэньюня, насыщенных разного рода многоуровневыми метафорами, требует комплексного подхода — от лингвистического и литературоведческого анализа до их интерпретации в общекультурном, общеполитическом, общесоциальном и общеисторическом масштабе.

Цель данной статьи – проанализировать метафоры в прозе Лю Чжэньюня как средство выражения культурно-философских смыслов и раскрытия историко-социальных проблем. Для этого мы выявили наиболее частотные метафоры писателя и на их примерах попытались раскрыть вышеуказанные контексты его творчества. Ключевые метафорические образы, характерные для творчества Лю Чжэньюня, мы оформили в таблицу, после которой следует их анализ, подкрепленный примерами из семи его романов. Количественный анализ метафор мы производили на основе оригинальных текстов на китайском языке. Примеры предложений, в которых содержатся выявленные метафоры, приводятся как на китайском, так и на русском языках в том виде, как они опубликованы в книгах. Исключение составляет последний роман писателя - «Соленые шутки» (2025), издание которого на русском языке запланировано на конец 2026 года.

Как известно, метафора — это творческий прием образного уподобления. При этом

«уподобление» может реализовываться с помощью самых разных инструментов. Например, Лю Чжэньюнь в качестве таких инструментов использует и отдельные слова, и уже устоявшиеся выражения, то есть фразеологизмы, и прецедентные имена и даже интертекст. Прекрасной иллюстрацией приведенного выше инструментария являются уже сами названия его романов (см. Таб. 1).

Таблица 1. Метафоры в романах Лю Чжэньюня

Название романа	哭笑不得 и смех, и слезы	蚂蚁 муравей	西瓜 арбуз	苍蝇 муха
1. 《手机》«Мобильник» (2003)	2	0	0	2
2. 《我叫刘跃进》 «Меня зовут Лю Юэцзинь» (2007)	3	5	5	1
3. 《一句顶一万句》 «Одно слово стоит тысячи» (2008)	23	1	0	1
4. 《我不是潘金莲》 «Я не Пань Цзиньянь» (2012)	6	13	10	4
5. 《吃瓜时代的儿女们》 «Дети стадной эпохи» (2017)	20	0	2	1
6. 《一日三秋》 «Один день что три осени» (2021)	4	0	0	0
7. 《咸的玩笑》 «Соленые шутки» (2025)	14	0	0	1
Итого	72	19	17	10

Для начала рассмотрим название романа «Меня зовут Лю Юэцзинь», в котором писатель, выражаясь метафорически, «убил сразу двух зайцев». С одной стороны, в имя главного героя - Юэцзинь он «спрятал» интертекст, а именно название экономической и политической кампании, известной как «Большой скачок» (1958-1960), которая вместо

ожидаемой модернизации обернулась для китайского общества большой трагедией. Таким образом, уже в самом названии романа китайский читатель видит горькую иронию. Поскольку в романе описывается современная действительность, необходимо помнить, что «конец 2000-х годов – это этап бурного роста экономики Китая, во всех городах идут масштабные стройки, растут как грибы небоскребы, на носу пекинская Олимпиада, и на волне этого роста все как помешанные ищут способы пристроиться к деньгам, урвать и надуть ближнего» [5]. Естественно, что не всегда такие мечты превращаются в реальность. Читая эту историю, мы вместо грандиозного скачка к богатству и процветанию наблюдаем отчаянный и комичный «скачок» обычного повара за своей украденной сумкой, что в итоге, как и исторический «Большой скачок», приводит его к катастрофическим последствиям, оборачиваясь целой цепочкой непредвиденных событий.

С другой стороны, простейшая стилистика фразы «Меня зовут Лю Юэцин» позволяет увидеть и социально-философский уровень проблематики, которую рассматривает в своем произведении Лю Чжэньюнь. Поскольку героями большинства историй писателя являются «маленькие люди», то данное название романа можно рассматривать как голос незаметного «маленького человека», который пытается во всеуслышание заявить о себе. Как справедливо отмечает Е. А. Завидовская, «героями романа движет желание вырваться из нищеты, они идут на крутые повороты в своей судьбе» [5]. Тем не менее, под давлением разного рода обстоятельств личная идентичность героя стирается, он никого не интересует как человек, сильным мира сего он интересен исключительно потому, что случайно превращается в «носитель информации», которая случайно попадает в его руки.

Еще одним произведением Лю Чжэньюня, в названии которого содержится имя, является роман «Я не Пань Цзиньлянь», в котором метафорой выступает литературный образ, впервые появившийся на страницах романа XIV века «Речные заводи» («水浒传»). Содержание одного из сюжетов этого романа определило основные характеристики героини Пань Цзиньлянь и закрепило за этим именем славу распутной, роковой женщины, неверной жены, которая не только изменила своему мужу, но еще и организовала его убийство. В последующем этот образ еще более детально был раскрыт в эротико-бытовом романе XVII века «Цветы сливы в золотой вазе» («金瓶梅»). Не лишним будет заметить, что оба указанных романа были переведены на русский язык еще в середине XX века, так что у русскоязычного читателя была возможность запомнить данный персонаж. Что же касается Китая, то имя Пань Цзиньлянь, благодаря активному использованию не только в литературе, но и в других сферах, окончательно закрепилось в китайском культурном пространстве, став синонимом порока и предательства. Здесь мы согласимся с утверждением Н. Н. Воропаева о том, что «проверенные временем имена активно эксплуатируются в дискурсе, и их известность только возрастает» [6, с. 28]. И здесь мы согласимся с Е. А. Завидовской, что упоминание на китайской обложке имени Пань Цзиньлянь, «безусловно, положительно сказалось на продажах книги» [7]. Поскольку имя Пань Цзиньлянь известно каждому китайцу, то при переводе романа Лю Чжэньюня мы выбрали стратегию прямого переноса китайского имени в русскоязычный текст, снабдив его необходимым комментарием. Таким образом читатель, уже знакомый с этим именем, наверняка испытает радость его узнавания в новом тексте, что подарит ему особое эстетическое удовольствие. В то же время те, кто увидит это имя впервые, прочитав комментарий, смогут приобщиться к пониманию своеобразного «культурного кода» Китая.

Интересно, что при переводе романа на другие языки прецедентное имя Пань Цзиньлянь

было передано через метафоры, которые несут культурные коды, близкие другой культуре, при этом основной оттенок – «женщина легкого поведения, распутница» сохранился. К примеру, на французском языке роман вышел под названием «Я не Мадам Бовари», а на арабском – «Я не медсестра». Если с мадам Бовари у большинства читателей ассоциативные связи уже налажены, то появление «медсестры» в арабском переводе романа требует пояснений. Как нам стало известно, это связано с тем, что «в одной из арабских стран после одной из революций женщин с пониженной социальной ответственностью отправили работать медсёстрами, поэтому это стало ругательством» [\[1\]](#). На английском языке роман получил название «Я не убивала своего мужа». Точно такой же адаптированный вариант выбрал и московский Театр наций для названия спектакля по роману Лю Чжэньюня, премьера которого состоялась в сентябре 2025 года. В данном случае мы получили расшифровку одного из оттенков метафоры Пань Цзиньянь.

Метафорическое мышление писателя проявляется и в подборе имен для героев произведений. Так, литературовед Син Вэй из Педагогического университета провинции Цзянсу отмечает, что «юмористическое и абсурдное звучание романа «Я не Пань Цзиньянь» дополнительно усиливается благодаря этим именам. Таким образом, использование метафоры в именах собственных в романе в значительной степени помогает в изображении черт характера персонажей, намёке на их судьбу, создании их образов, а также способствует выражению авторских чувств, обогащению художественного эффекта и углублению основной темы произведения» [\[4, с. 120\]](#). И действительно, для большинства персонажей романа, Лю Чжэньюнь подобрал такие имена, которые указывают на связь с их профессиями и одновременно создают ироничный эффект каламбура. Например, имя судьи Ван Гундао (王公道) дословно переводится как «Справедливость», имя члена судебной коллегии Дун Сяньфа (董宪法) переводится как - «Конституция», имя председателя уездного суда Сюнь Чжэньи (荀正义) переводится как «Справедливый», имя начальника уезда Ши Вэйминя (史为民) переводится как «Служащий народу» и т. п. Однако все эти имена, как справедливо отмечает Син Вэй, «резко контрастируют с образами персонажей, что является намеренным приёмом автора, усиливающим ироничное звучание романа и побуждающим читателя к размышлению» [\[4, с. 120\]](#). К сожалению, при переводе на русский язык этот эффект неизбежно несколько стерся. Хотя русскоязычный текст и снабжен сносками, в которых комментируется значение имен, в самом тексте все имена героев несут китайское звучание.

Продолжая тему прямого и адаптированного перевода в рамках анализа метафор, обратимся к роману «Дети стадной эпохи». В оригинальном названии, которое дословно переводится как «Дети эпохи, в которую поедают арбузы», запакован китайский интернет-мем «есть арбуз» (吃瓜). Последний в свою очередь означает «быть сторонним наблюдателем / пассивно наблюдать за каким-то скандалом или происшествием». Таким образом, когда китаец пишет в комментариях «吃瓜» или даже использует соответствующий смайлик в виде кусочка арбуза, то тем самым он говорит: «Я здесь исключительно в качестве зеваки и ни во что вступать не собираюсь». В этой связи стоит упомянуть весьма оригинальный формат презентации этого романа в Китае – «новую книгу Лю Чжэньюнь представил читателям 1 ноября 2017 г. не где-нибудь, а на бахче в Дасине — пригороде Пекина» [\[4, с. 68\]](#). Любопытно было узнать, что такое название писатель придумал не сразу. Согласно первоначальной задумке, роман должен был называться «Дети эпохи смога» («雾霾时代的儿女们»). В таком случае метафора «смога» напрямую бы отсылала читателя к существовавшей на момент написания романа проблеме китайских городов — сильному загрязнению воздуха. Вместе с тем такое

название задавало тон мрачной атмосфере, в которой живут персонажи и, благодаря игре слов, метафорично символизировало не только экологический, но и социальный, моральный «смог», который мешает людям ясно видеть правду и сбивает с верных жизненных ориентиров. Как объяснил сам автор, от этого названия ему пришлось отказаться из-за цензурных ограничений на слово «смог», поэтому он выбрал более провокационное, сатиричное название, характерное для интернет-эпохи. Обоснование перевода названия романа на русский язык мы подробно разбирали в статье «Темы и образы в романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи». В частности, в ней говорилось об отказе использования слов «есть арбуз», «ротозейство» и «ротозеи», значения которых для нашего читателя «не несут той смысловой нагрузки, которую видит в них читатель китайский. Словарь Ожегова трактует «ротозейство» как крайнюю невнимательность и беспечность, а «ротозеев» как беспечных людей или зевак, т. е. бездельников. Поэтому, принимая во внимание общее содержание романа, главным героем которого видится обезличенная толпа, а темы и образы так или иначе порождены такой чертой, как стадность, мы посчитали целесообразным предложить русскоязычному читателю название «Дети стадной эпохи»» [\[4, с. 69\]](#). Таким образом, изначальная метафора «есть арбуз» преобразовалась в словосочетание «стадная эпоха», которая, по сути, также является метафорой.

Метафорой можно считать и название романа «Мобильник». Ведь согласно содержанию произведения, обычный инструмент связи превращается в нем в метафору двойной жизни и обмана. Очень удачно центральную идею романа, которую писатель так же преподносит в виде метафоры, выделила Е. А. Завидовская, процитировав реплику одного из героев: «Наступит день, когда мобильник превратится в гранату» [\[9, с. 62\]](#). Лю Чжэньюнь как мастер абсурда высвечивает мысль о том, что телефон, изначально предназначенный для укрепления связей, систематически разрушает доверие между супругами, друзьями и коллегами. Более того, уже в начале 2000-х годов, когда мобильники только-только начали входить в нашу повседневную жизнь, Лю Чжэньюнь пророчески уловил его разрушительную силу для так называемого общения по душам. Персонажи романа постоянно говорят по телефону, но настоящего, глубокого общения между ними почти не наблюдается. Таким образом, мобильник превращается еще и в метафору поверхностных отношений. Ирония заключается в том, что, получив возможность быть на связи с кем бы то ни было в любое время суток, герои эмоционально отдаляются от самых близких людей, которые подчас находятся с ними в одной комнате.

Еще один метафоричный интертекст спрятан в названии романа «Одно слово стоит тысячи», который в 2011 г. получил самую престижную литературную премию КНР – премию имени Мао Дуня, присуждаемую один раз в четыре года. Сразу поясним, что на русский язык это название, которое дословно звучит как «Одно слово стоит десяти тысяч слов» было приведено в переводе к более устоявшемуся в русском языке фразеологизму – «одно слово стоит тысячи». Раскрывая секрет идеального общения, писатель проводит мысль о том, что «найти людей не проблема, проблема — встретить душевного собеседника» [\[10, с. 80\]](#). Простейшим критерием для оценки общения по душам в романе служат такие выражения, как «уметь находить общий язык / не уметь находить общего языка» (说得着/ 说不上), которые повторяются на страницах книги пятьдесят раз (см. подробнее [\[10, с. 80\]](#)). В одном из китайских интервью в преддверии выхода романа Лю Чжэньюню в связи с названием романа был задан прямой вопрос: «Фразу «одно слово стоит десяти тысяч слов» в свое время говорил Линь Бяо. Что подвигло Вас взять ее для названия своего романа?» [\[11\]](#). Здесь следует пояснить, что

маршал Линь Бяо (1907-1971) был правой рукой Мао Цзэдуна и немало способствовал распространению культа его личности, в частности, именно по его указанию издавался цитатник Мао Цзэдуна, разошедшийся тиражом более 800 млн. экземпляров. Однако Лю Чжэньюнь, отвечая на этот «неудобный» вопрос, так же прямо ответил, что, выбрав для названия романа этот фразеологизм, он имел в виду совсем не то, о чем говорил Линь Бяо в 1966 году. Никаких отсылок к политике в названии романа и в его содержании нет, писателя интересует исключительно тема общения между людьми. В этом смысле фразу Линь Бяо, которую тот адресовал Мао Цзэдуну, писатель воспринимает исключительно как лесть, в то время как свою фразу, давшую название роману, он адресует простым людям в качестве самого дружеского и сердечного послания (см. подробнее [\[11\]](#)). Далее писатель поясняет, что данная фраза вовсе не является изобретением Линь Бяо или его собственным, ей уже тысячи лет, наравне с другими похожими китайскими фразеологизмами типа «одна мудрость может разрушить тысячелетнюю глупость» или «одно слово решает судьбу мира» и т. д. Писатель приводит любопытное сравнение-метафору: «Мне кажется, название книги должно напоминать кусочек льда, который, попадая в воду, другими словами, в содержание, сможет в ней раствориться. Оно не должно быть камнем, который в воде так и останется камнем» [\[11\]](#).

Отличным примером такого «кусочка льда», который прекрасно растворяется в тексте произведения, является название романа «Один день что три осени». Для китайского читателя очевидно, что данное название по сути своей является идиомой, которая выступает метафорой глубокой тоски по кому-либо. Стоит отметить, что под «осенью» (秋) в этом выражении подразумеваются «годы». Это же значение, сохранилось, например, в слове 千秋 — «тысяча лет / вечность»). Таким образом, растворяясь в содержании романа, который посвящен такой излюбленной теме писателя как одиночество и общение по душам, данное название в полном объеме раскрывает глубину человеческих переживаний. Прообраз этой метафоры пусть и не в виде четырехсложного сочетания, а в виде двух отдельных двуслогов впервые появился в древнейшем памятнике китайской литературы – «Книге песен» (诗经) в разделе «Песни царской столицы» (王风) в песне «Уйду ли, мой милый, на сбор конопли» (采葛). Именно в ней содержится строка, которая и стала источником идиомы «один день что три осени»:

彼采葛兮，一日不见，如三月兮。

彼采萧兮，一日不见，如三秋兮。

彼采艾兮，一日不见，如三岁兮。

Уйду ли, мой милый, на сбор конопли,

Лишь день мы в разлуке, но кажется мне:

Три месяца был ты в дали.

Сбирать ли душистые травы иду,

Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:

Три времени года я жду.

Уйду ль собирать чернобыльник лесной,

Лишь день мы в разлуке, а кажется мне:

Три года ты не был со мной! [\[12, с. 70\]](#)

Позже эту метафору обыгрывали многие другие китайские поэты для описания тоски по другу или любимому человеку. Данную метафору в романе Лю Чжэньюня можно считать интертекстом, другими словами, писатель берет классическое выражение, уходящее корнями в глубь китайской культуры, и дает ему современное, многогранное прочтение, перенося его из сферы романтической тоски в плоскость тоски по смыслу жизни и по прошлому, в котором остались любимые люди и теплые человеческие чувства. Так, главный герой романа, Минлянь, готов заплатить любую цену за дощечку с надписью «Один день что три осени», только лишь потому, что та сделана из древесины того самого финикового дерева, которое когда-то росло во дворе его покойной бабушки, и таким образом хранит дорогую память о самом любимом человеке в его жизни. При этом слова, которые вкладывает писатель в уста Минляня лишены всякой вычурности: «Бабушка очень меня любила, хотел оставить о ней память. Думал, буду глядеть на мебель и вспоминать ее» [\[13, с. 259\]](#).

Анализируя идиомы, которые Лю Чжэньюнь широко использует в своем творчестве, добавим, что это богатейший пласт устоявшихся выражений, которые являются прекрасной иллюстрацией того, как история, культура и язык сплетаются воедино, создавая невероятно богатую и образную систему выражения мыслей. Вполне возможно, что количество фразеологизмов в китайском языке в силу особенностей образного мышления китайцев намного больше, чем в других языках. По крайней мере, в «Энциклопедии китайских идиом» (成语辞海), выпущенной издательством «Шанхай цышу чубаньшэ» их насчитывается без малого 61 тысяча единиц. По нашим подсчетам, у самого Лю Чжэньюня каждый роман вмещает в себя около сотни идиом, которые как правило тематически обусловлены. К примеру, в романе «Мобильник», темой которого является общение, многие фразеологизмы так или иначе связаны с соответствующей лексикой, например, «говорить увлеченно / балагурить» (谈笑风生), «говорить цветисто / пафосно» (花马掉嘴), «злословить / говорить подлые речи» (贫嘴贱舌) и т. д.

Наконец, название нового романа «Соленые шутки» содержит в себе слово «соль» (咸), которое также играет роль метафоры и намекает на слезы. А это уже выводит читателя на характерное для всей художественной прозы Лю Чжэньюня настроение, которое воплощается в любимой идиоме писателя «и смех и слезы» (哭笑不得), что дословно переводится как «невозможно ни плакать, ни смеяться». По нашим подсчетам, это самый частотный из всех фразеологизмов, которыми писатель украшает свои тексты. В семи обозначенных романах он используется 72 раза (См. Таб. 1)! Как известно, смысл выражения «и смех и слезы» описывает состояние растерянности и двойственности чувств, когда ситуация настолько абсурдна или нелепа, что реакция на нее неоднозначна. Метафора здесь проявляется в самом механизме описания состояния через физические действия. Глаголы «плакать» (哭) и «смеяться» (笑) используются здесь не в своем прямом значении, а как метафорические образы для обозначения двух противоположных эмоциональных реакций. В оригинальном прочтении на китайском языке окончание четырехслога – «不得» указывает на невозможность совершить то или иное действие. Таким образом, это метафора состояния своеобразного эмоционального

паралича.

Самое частое использование идиомы «и смех и слезы» наблюдается в романах «Одно слово стоит тысячи» - 23 раза и «Дети стадной эпохи» - 20 раз (См. Таб. 1). Высокая частотность этой фразы подчеркивает сатирический и абсурдистский характер произведений Лю Чжэньюня, персонажи которых постоянно оказываются в нелепых ситуациях. Например:

老詹生前, 他们拨的经费一年比一年少。现在老詹死了, 他们也没来人, 只是发了个唁电; 唁吊的是老詹, 收件人也是老詹, 让人哭笑不得 [14, с. 176].

*(Когда священник еще был жив, средств ему с каждым годом выделялось все меньше. Ну а сейчас, когда он умер, никто к нему из Кайфэна даже не приехал, пришла лишь телеграмма с соболезнованием. При этом, **хоть плачь, хоть смейся**, Лао Чжань значился получателем и покойником в одном лице.)*

Далее обратимся к самым частотным словам-метафорам Лю Чжэньюня, которые появляются в его произведениях 10 и более раз (См. Таб. 1). Это такие слова как «муравей» (蚂蚁), «арбуз» (西瓜) и «муха» (苍蝇). Прежде всего, укажем на то, что иногда некоторые из указанных слов попадают в один контекст и даже образуют устойчивые выражения. Ярким примером такого сочетания являются слова «муравей» и «арбуз», которые образуют китайскую поговорку: «Вот и вырос из семечка арбуз, вот и превратился муравей в слона» (一粒芝麻, 就这样变成了西瓜; 一个蚂蚁, 就这样变成了大象). В русском языке имеется аналог данной поговорки – «делать из мухи слона». Тем не менее во избежание путаницы и неверных ассоциаций при переводе «муравей» не был заменен на «муху», поскольку «муху» как метафору Лю Чжэньюнь также использует, но уже с несколько другой смысловой нагрузкой.

Чаще всего, а именно, 13 раз, «муравей» как часть приведенной выше поговорки встречается в романе Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (См. Таб. 1). Данная поговорка идеально отражает главную тему произведения и является ярким художественным образом, который иллюстрирует сразу несколько аспектов. С одной стороны, это метафора абсурдного преувеличения, когда клевета превращается в неопровержимую правду. «Муравей» и «зернышко кунжута» это исходное, незначительное событие или слово. Соответственно «арбуз» и «слон» это чудовищных размеров общественный скандал, клеймо «распутницы Пань Цзиньлянь», которое навешивается на главную героиню романа. Другими словами, за этой метафорой можно увидеть механизм социальной несправедливости и силу сплетни. Приведем пример из текста, погружающий нас в суть обычной семейной драмы, которая переросла в общественный скандал:

秦有才六岁那年, 李雪莲又怀了一个孩子; 正是因为这个孩子, 李雪莲和秦玉河才闹假离婚; 大半年后, 李雪莲生下一个女儿, 谁知这时秦玉河变了心, 假离婚成了真离婚; 正是因为离婚的真假, 李雪莲才告状; 二十年来, 这假的永远变不成假的, 或真的永远变不成真的; 后来跟滚雪球一样, 一级级的官员都滚了进来, 芝麻就变成了西瓜, 蚂蚁就变成了大象 [15, с. 247].

*(В тот год, когда Цинь Юцаю исполнилось шесть, она снова забеременела, именно из-за этого Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ затеяли свой фиктивный развод. Когда же через полгода Ли Сюэлянь родила дочь, у Цинь Юйхэ вдруг возникли свои планы, и их фиктивный развод превратился в самый что ни на есть настоящий. Собственно, из-за этого Ли Сюэлянь с ним и судилась. Прошло уже двадцать лет, но ей так и не удалось доказать, что есть ложь, а что — правда. С каждым годом ее дело разрасталось, словно снежный ком: прокатившись по всем инстанциям, оно обросло новыми проблемами, **вот и вырос из семечка арбуз, вот и превратился муравей в слона**).*

С другой стороны, данная метафора — это иллюстрация борьбы «маленького человека» с системой. То есть «муравей» олицетворяет здесь не слабость, а невероятную упорство и терпение Ли Сюэлянь, которая двадцать лет своей жизни потратила на судебную тяжбу. В этом смысле методом небольших, но постоянных усилий ей удалось «завалить слона», в образе которого предстает бюрократический аппарат и чиновники самых разных уровней. Каждая отдельная жалоба героини — это пусть маленький, но очень чувствительный укус в толстую шкуру бюрократического «слона». По одиночке эти укусы не смертельны, но их количество и регулярность превращают жизнь чиновников в настоящий кошмар. Ежегодные жалобы Ли Сюэлянь становятся головной болью всех инстанций, перерастая в настоящий скандал, когда часть чиновников лишается своих постов. Таким образом, данная поговорка превращается в метафору уязвимости системы перед тотальной настойчивостью. Приведем пример из текста:

一个农村妇女离婚，竟搞到了大会堂，也算千古奇事。这么小的事，怎么就搞到大会堂了呢？是她要把小事故意搞大吗？不，是我们的各级政府，政府的各级官员，并没有把人民的冷暖疾苦放到心上，层层不管，层层推诿，层层刁难；也像我现在的发言一样，人家也是逼上梁山。一粒芝麻，就这样变成了西瓜；一个蚂蚁，就这样变成了大象。一个妇女要离婚，本来是与她丈夫的事，现在呢，他要状告七八个人，从她那个市的市长，到她那个县的县长，又到法院院长，法官等等 [\[15, с. 97\]](#)。

*(Сам факт, что дело о разводе жительницы села дошло до Дома народных собраний, вызывает не меньшее удивление. Как можно с такой-то ерундой обращаться в такую инстанцию? Может, она специально все это раздула? Нет. Это произошло из-за того, что чиновники всевозможных рангов и инстанций без должного внимания отнеслись к ее жизненным передрягам, от нее повсюду отмахивались, ее избегали, ей чинили препятствия. В результате она, как я недавно выразился о себе, просто оказалась загнанной в угол. **Вот и вырос из семечка арбуз, вот и превратился муравей в слона**. Ее развод изначально касался только ее и ее мужа, а что сейчас? Сейчас в ее списке семь или восемь человек, от мэра города до начальника уезда, председателя суда, судьи и дальше).*

Писатель мастерски вводит в текст и другие китайские пословицы, которые словно «подсвечивают» сложившуюся ситуацию:

我有时琢磨啊，有些古代的成语，还是经得起琢磨的，还是大有深意的。譬如讲，‘千里之堤，溃于蚁穴’，譬如讲，‘防微杜渐’，譬如讲，‘因小失大’。言而总之，都在说一个‘小’字。许多人栽跟头，没栽在‘大’字上，皆栽到‘小’字上。或者，没领会‘小’字的深意 [\[15, с. 127-128\]](#)。

(Иногда я размышляю над некоторыми древними выражениями, которые прошли проверку временем и содержат очень глубокий смысл. Например: «Даже плотина в тысячу ли может разрушиться от маленького муравейника», или: «Искру туши до пожара», или вот еще: «Из-за малого можно потерять большое». Одним словом, тут везде идет речь о малом. Очень многие терпят фиаско, отступаясь не на чем-то большим, а на малом, то есть пренебрегая тем скрытым смыслом, который находится в малом».)

Как отмечает в своей рецензии на роман Е. А. Завидовская: «В годы, когда уже не осталось сомневающих в статусе Китая как сверхдержавы, переводы художественной прозы, как этот, дают иностранному читателю возможность лучше понять, как устроена государственная машина этого экономического гиганта. Лю Чжэньюнь показывает, в чем ее уязвимость, как «муравей может ужалить слона» [\[7\]](#).

Рассмотрим, как образ «муравья» писатель использует в других произведениях. Например, в романах «Одно слово стоит тысячи» и «Меня зовут Лю Юэцин» находим случаи употребления, в которых «муравей» все так же является метафорой некой мелкой проблемы:

这种变化, 过去也遇到过, 无非小事变成了大事, 或大事变成了小事; 但变来变去, 都是同一件事; 一只蚂蚁, 变成了另一只蚂蚁; 顶多变成一只苍蝇; 但一只蚂蚁, 突然变成了一只老虎, 老虎转头扑过来吃人; 四十多年来, 刘跃进还没遇见过。本来是刘跃进丢了东西, 变成了刘跃进要丢命 [\[16, с. 327\]](#)。

*(Проблемы или усугублялись, или, наоборот, сглаживались, но, как ни крути, механизм был один и тот же: **муравей оборачивался другим муравьем или, на самый крайний случай, мухой**. Но чтобы муравей вдруг обернулся тигром, который собирался сожрать Лю Юэциня, такого за сорок с лишним лет в его жизни еще не случалось. Потеря сумки теперь вдруг стала стоять Лю Юэциню жизни.)*

Кроме того, этот образ встречается как метафора огромного скопления народа в привычном нам выражении «людской муравейник»:

夕阳之下, 整个北京城, 尽收眼底。严格感叹:

“好风光啊。”

任保良指着脚下的街道, 街道上像蚂蚁一样蠕动的人群:

“鸡’又该出动了。” [\[16, с. 35\]](#)

(Мужчины сели в подъемный кран и забрались наверх; перед ними в лучах заходящего солнца как на ладони предстал Пекин.

— Какая красота! — восхищенно выдохнул Янь Гэ.

А Жэнь Баолян, тыча пальцем на кишачий внизу **людской муравейник**, обронил:

— *Самое время для проституток.*)

Помимо этого, находим употребление слова «муравей» в выражении «словно муравей на раскаленной сковородке», что является метафорой крайнего беспокойства и паники. Именно такое чувство полной беспомощности и загнанности в угол охватывает одного из героев романа. Что касается перевода, то в русскоязычном пространстве образ «муравья» в этой роли менее понятен и эмоционально слабее, чем, например, образ «таракана» или «ужа». Поскольку у русского человека именно таракан ассоциируется с суетливостью, паникой и хаотичным движением, именно поэтому при переводе образ «муравья» был адаптирован и превращен в «таракана»:

严格如热锅上的蚂蚁, 坐立不安 [\[16, с. 149\]](#)。

(Все это время Янь Гэ, **словно таракан на сковородке**, никак не мог найти себе места.)

Здесь стоит заметить, что креативный потенциал метафоры способен раскрываться не только в ее создании, но и в интерпретации. Об этом, в частности, пишет Л.А.Козлова в статье «Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции». В ней автор отмечает прямую зависимость понимания метафор от социального опыта и культурных ценностей (см. подробнее [\[17, с. 908\]](#)). Такую особенность особенно стоит учитывать при художественном переводе, когда встает вопрос об адаптации некоторых реалий для представителя иной культуры.

Ниже рассмотрим случаи употребления слова «арбуз». Помимо уже известной метафоры чего-то «большого», будь то проблема или удача, в романе «Меня зовут Лю Юэцзинь», «арбуз» работает еще и как оригинальное сравнение для описания «приятной, бархатной хрипоты»:

这沙哑不是那沙哑, 不是嘶哑的沙, 而是西瓜瓢的沙 [\[16, с. 57\]](#)。

(В её хрипотце не было какой-то больной надсадности, это была **бархатная хрипота, подобная зернистой мякоти спелого арбуза**).

Кроме того, «арбуз» встречается как прямая метафора чего-то круглого при описании круглого лица:

... 一笑, 圆脸成了西瓜 [\[16, с. 76\]](#)。

(...когда он улыбался, его лицо напоминало **арбуз**.)

Наконец обратимся к слову «муха», чей образ можно найти практически в каждом из романов Лю Чжэньюня. Как метафора это слово чаще всего фигурирует в романе «Я не

Пань Цзиньлянь» (См. Таб. 1). Достаточно подробно значение и функции этой метафоры рассмотрел в своей статье А. В. Игнатенко. В частности, исследователь отмечает, что метафора Лю Чжэньюня «не ограничена логическим пространством фразы» и может использоваться в языковой игре: «Как следствие, в форме метафор обыгрываются скрытые значения слов. Так, в городе, очищенном от мух мэром, главная героиня «превращается» в назойливую, докучающую властям муху» [\[2, с. 511-512\]](#).

...蔡富邦...让全市的干部市民,上街捉苍蝇。机关干部,规定每人每天交十只苍蝇,跟年终考核联系在一起。苍蝇不禁捉,半个月之后,干部们十只苍蝇的指标就完不成了,个个怨声载道。而怨声载道中,全市确实不再飞一只苍蝇。蔡富邦知道怨声载道,但不过枉就不能矫正。捉过苍蝇,又让小学生唱歌,老太太跳舞。这回蔡富邦去北京,就是汇报“精神文明城市”的创建成果 ...没想到一回到市里,市政府门口有一个静坐的,而且已经坐了三天,还没人出来管。说句不好听的,全市的苍蝇都消灭了,市政府门口,却出现了一只大苍蝇 [\[15, с. 55-56\]](#)。

*(Цай Фубан отдал распоряжение чиновникам и населению выйти на улицы города и уничтожить всех **мух**. Для работников госучреждений вышло постановление, что если ежедневно сотрудники будут сдавать по десять **мух**, то это увяжут с их аттестацией в конце года. На мух была объявлена настоящая охота, и уже через полмесяца установленный норматив в десять **мух** превратился в невыполнимую задачу, что вызвало среди служащих ропот недовольства. Но ропот ропотом, а в городе действительно не осталось ни одной **мухи**. Цай Фубан был в курсе возмущенных голосов, однако на попятную не пошел. В конце концов ловля **мух** сопровождалась песнями школьников и танцами бабушек. В этот раз Цай Фубан съездил в Пекин, чтобы доложить о результатах построения «города высокой духовной культуры»... По возвращении он никак не ожидал, что прямо у входа в городскую администрацию обнаружит на ступеньках жалобщицу, которая сидела там уже три дня, и которой еще никто не занялся. Может это покажется и грубоватым, но выходило, что в городе, полностью очищенном от **мух**, прямо у входа в администрацию вдруг появилась **огромная муха**).*

Трижды в этом романе «муха» как метафора обыгрывается в выражении «как муха, которая увидела мёд», которое в оригинале звучит как «муха, которая увидела кровь» (苍蝇见到了血). Как метафора неудержимого, инстинктивного влечения это слово чаще используется при описании отношений между мужчинами и женщинами:

老胡看到李雪莲, 像苍蝇见了血... [\[15, с. 24\]](#).

*(По дороге ей встретился мясник Лао Ху. Заметив Ли Сюэлянь, он устремился к ней **словно муха на мед**».)*

Подобную функцию этой метафоры встречаем и в романе «Дети стадной эпохи»:

制衣产门口左侧, 开着一家洗浴中心, 里面有东北的小姐, 招得客人像苍蝇似的 [\[18, с. 21\]](#)。

(Справа от входа на швейную фабрику находился спа-салон, в котором работали услужливые девицы, приехавшие с северо-востока Китая, и клиенты слетались сюда,

словно мухи на мед).

Как видим, при переводе на русский язык мы использовали самый близкий для таких случаев эквивалент «словно муха/мухи на мёд». От себя добавим, что в китайском языке данное выражение звучит гораздо жестче и циничнее, что придает ему более яркий оттенок алчности и даже некоторой низменности. В частности, в статье Син Вэй «Исследование метафор в романе «Я не Пань Цзиньлянь» с прагматической точки зрения» отмечается, что с помощью такого сравнения писатель «мастерски описывает алчное состояние Лао Ху при виде Ли Сюэлянь. Именно возбуждённое состояние мухи, увидевшей кровь, передаёт его похотливость. Использование этого сравнения позволяет более живо и образно описать действия и даже психологическое состояние персонажа, производя на читателя глубокое впечатление и позволяя в одной простой фразе разглядеть похотливость героя (см. подробнее [\[4, с. 119\]](#)).

В этом проявляется этнокультурная специфика метафоры, суть которой состоит в том, что «когнитивной основой процессов метафоризации является соответствие в опыте, обуславливающее способность нашего сознания концептуализировать одну сущность на основе ее аналогии с другой, освоенной в результате опыта взаимодействия с миром. А поскольку накопление этого опыта всегда осуществляется в рамках определенной культуры, процесс метафоризации всегда оказывается в той или иной мере культурно-обусловленным» [\[17, с. 909\]](#).

Примером такого рода культурной обусловленности является и дважды встречающийся в романе «Мобильник» оригинальный образ «безголовой мухи», который выступает как метафора, описывающая либо состояние паники и суесть, либо отсутствие цели. Близкий по смыслу аналог в русском языке – «курица с отрубленной головой», но мы в данном случае решили сохранить близость к оригиналу. Приведем примеры из текста:

于文娟清醒过来，打了一个寒战，一双湿脚直接从脚盆里拔出来，踏到地上，开始像没头苍蝇一样在屋里乱走 [\[19, с. 72\]](#)。

*(Тогда она вытащила из воды мокрые ноги и как была, босая, стала беспорядочно, словно **безголовая муха**, метаться по комнате)*

接下来几天，严守一觉得自己像一个没头的苍蝇，毫无目的地四下里乱转 [\[19, с. 218\]](#)。

*(Следующие несколько дней Янь Шоуи, словно **безголовая муха**, бесцельно слонялся по окрестностям)*

Подобный метафорический образ встречаем в романе «Одно слово стоит тысячи» при описании ситуации, когда У Моси бросается в погоню за похитителем приемной дочери:

又跑向城里找，像没头苍蝇一样，四处乱撞到中午，也没个结果 [\[14, с. 199-200\]](#)。

*(Все утро он, точно **безголовая муха**, тыкался в самые разные места, но безрезультатно).*

Другим примером может служить построенная на гиперболе фраза «нас не то, что люди, даже мухи боялись»:

孩子他爹在的时候, 别说是人, 就是苍蝇蚊子, 也不敢落下叮一口; 自他一死, 我们就成了没用的人了^[14, с. 155]。

*(Пока у моего ребенка был жив отец, так нас даже **мухи** боялись, а про людей и говорить нечего. Но он помер, и остались мы неприкаянные.)*

В данном случае фраза «даже мухи боялись» означает, что авторитет отца был сильнее законов природы. Отец словно создавал вокруг семьи невидимый барьер, который отталкивал как целенаправленную вражду людей, так и бессмысленную назойливость мух. Когда же отца не стало, семья стала уязвимой как со стороны людей, так и со стороны всех мелких несправедливостей этого мира.

Наконец, в романе «Соленые шутки» Лю Чжэньюнь увязывает образ мухи с мусором и раскрывает его через развернутую метафору чрезмерного любопытства и лицемерия.

人跟苍蝇一样, 还是爱翻垃圾呀, 一件事翻出另一件事, 接着翻出所有的陈年往事; 陈年往事已经发馊了, 为啥还不停地翻呀? 你们是捡垃圾吃的苍蝇吗?^[20]。

*Люди сродни **мухам**: их так и тянет покопаться в мусоре, цепляют одну сплетню, затем - другую, пока не доберутся до всякого допотопного хлама; от этого допотопного хлама уже давно разит душком, так к чему его бесконечно ворошить? Неужто вы и впрямь **мухи**, что питаются отбросами?*

Приводя такие строки, автор указывает на то, что «допотопный хлам», принадлежащий прошлому, не просто бесполезен, от него «уже разит душком». Тут же следует риторический вопрос «так к чему его ворошить?», который подчеркивает излюбленный писателем акцент на абсурде. В романе данная метафора встречается дважды. Второй раз ее объяснение более лаконично и в то же время прямолинейно:

人跟苍蝇一样, 还是爱翻垃圾呀^[20]。

*Люди, как и **мухи**, что ты будешь делать, обожают копать в отбросах.*

Констатируя этот низменный инстинкт, автор приравнивает человеческий интерес к

сплетням, чужим секретам к примитивному инстинкту мух. Более того, он признает, что избавиться от болезненной одержимости этим занятием не так-то просто.

Юваль Ной Харари в своем труде «Краткая история человечества» (2011) ссылается на занимательную гипотезу, согласно которой язык «родился из любви посплетничать... Мы выживаем и размножаемся благодаря постоянному взаимодействию. Людям недостаточно знать, где бегают львы и бизоны, им гораздо важнее выяснить, кто в племени кого ненавидит, кто с кем спит, кто надежен, а на кого положиться нельзя» [21, с. 21]. В этом смысле романы Лю Чжэньюня, в особенности «Соленые шутки» и «Дети стадной эпохи», являются прекрасной иллюстрацией современного китайского общества, где люди поглощены взаимным «перемыванием костей». Лю Чжэньюнь в одном из интервью замечает, что с приходом Интернета настала «лучшая эпоха для зрелищ и пересудов» [22]. Разоблачая механизм сплетен и общественного осуждения, писатель показывает, что под маской «моральной озабоченности» часто скрывается низменное удовольствие от сплетен. Таким образом, в данной метафоре можно увидеть одну из центральных идей творчества Лю Чжэньюня – осуждение общественного механизма сплетен, лицемерия и того, как «маленькие люди» сами становятся соучастниками собственного уничтожения.

Проанализировав наиболее частотные слова-метафоры в текстах Лю Чжэньюня, мы пришли к выводу о том, что они далеки от вычурности, в основном это самые простые слова. Здесь важно подчеркнуть, что Лю Чжэньюнь является ярким представителем такого течения как неореализм, для которого свойственна фокусировка на безыскусном описании повседневных мелочей жизни, нарочитая естественность и простота языка. Перечисленные черты часто присутствуют в статьях, характеризующих стиль писателя, например: «Написанные простым языком и насыщенные юмором романы Лю Чжэньюня повествуют об обыденной жизни простых китайцев: мелких торговцев, крестьян, строителей, поваров» [23].

Как отмечают исследователи из Яньаньского университета Бай Чжэнью и Вэнь Синь: «Природные качества, темперамент, мировоззрение, характер и жизненный опыт являются субъективными причинами формирования языковой стилистики прозы Лю Чжэньюня, в то время как региональная культура и социально-исторический контекст выступают объективными причинами» [24, с. 46]. В статье «О стилистических особенностях языка в прозе Лю Чжэньюня» они выделяют следующие моменты, оказавшие влияние на формирование нарочито безыскусной поэтики писателя. Во-первых, это эмоциональная чуткость автора, его устремленность к искренности и отражению жизненной правды. Вспоминая учебу в Пекинском университете, писатель вспоминает, что пока его однокашники делали ставку на создание вычурных текстов, сам он сознательно выбирал простоту. По этому поводу он самоиронично замечает: «Это как носить обычную одежду в толпе экстравагантных людей — тебя не сразу заметят, но именно ты отражаешь правду жизни» [25]. В интервью газете «Цинняньбао» писатель в том же ключе замечает: «В мире есть четыре вида слов, обладающих силой: простые, правдивые, задушевные и непохожие на другие» [26]. От себя добавим, что и сегодня Лю Чжэньюнь остается верен этому принципу. Во-вторых, исследователи отмечают, что на языковой стиль писателя повлияло его мировоззрение, включая деревенское происхождение. «Он любит общаться с рабочими-мигрантами, и когда пишет, всегда исходит из позиции простых людей, выступая от их имени. Более того, в отличие от отчаяния Лу Синя, Лю Чжэньюнь описывает страдания маленьких людей легко и тонко, даря читателям тепло, что также отражает оптимизм и юмор его натуры, формируя простой и юмористический языковой

стиль» [24, с. 50]. И действительно, описывая тяготы реальной жизни, Лю Чжэньюнь чаще всего разрешает их с юмором, вселяя в читателя надежду. Наконец, третьей составляющей, повлиявшей на формирование художественного стиля писателя, является региональный фактор. Сам писатель по этому поводу замечает: «Когда я пишу роман, мне не нужно ломать голову над тем, что едят мои герои. Ведь их судьбы, переживания, черты лица, житейская пыль, их смех и слёзы, слова и мысли — всё это мне до боли знакомо, а потому ложится на страницу гораздо легче и выходит куда ярче» [26]. Как известно, родной уезд Лю Чжэньюня, Яньцзинь, расположен в северной части провинции Хэнань. Как отмечают авторы статьи, истощенные почвы привели к экономической отсталости региона, а скудные природные условия породили самый простой образ жизни людей, что определяет выбор писателя в пользу простоты, будь то построение сюжета или языковые средства. Кроме того, в романах писателя часто встречаются диалектизмы. Хэнаньский диалект прост и лаконичен, излучает дух удалы, а также содержит множество характерных поговорок, включая ругательства, которые часто появляются на страницах его произведений, становясь основой для его юмористического стиля (см. подробнее [24, с. 50-51]).

Отмечая особенности художественного языка писателя, китайские исследователи также делают акцент на том, что Лю Чжэньюнь предпочитает использовать простой и понятный язык метафор, что делает его произведения доступными для широкой аудитории. «Метафора — это искусство заключать многосложное в простую форму» (цит. по [24, с. 48]). По нашему мнению, использование просторечий, юмора и образных выражений делает тексты Лю Чжэньюня не только доступными, но и глубокими, позволяя читателям осмысливать социальные и человеческие проблемы. Метафоры Лю Чжэньюня – это своего рода прожекторы, которые из самых обычных на первый взгляд бытовых ситуаций высвечивают вечные вопросы морали и человеческой природы, остающиеся актуальными вне времени и контекста. Вместе с тем метафоры в романах Лю Чжэньюня, в особенности, если это касается прецедентных феноменов, взаимодействуют с богатейшим наследием Китая, транслируя культурную память через реалии современной жизни. Тем самым, процесс интерпретации становится диалогом между разными временами, а в случае с переводом произведения на другой язык - еще и диалогом между разными культурами. В этой связи язык метафор Лю Чжэньюня чрезвычайно перспективен для междисциплинарных исследований — от литературоведения и культурологии до социологии и философии. Его метафоры представляют собой уникальный сплав китайской традиционной образности и актуальных вызовов нашего времени, что делает его произведения важным источником для понимания не только китайской специфики, но и вечных общечеловеческих вопросов.

Библиография

1. В Китае книга стоит как стакан кофе: известный китайский писатель рассказал о себе и России [Электронный ресурс] // Gazetametro.ru. 2024. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/v-kitae-kniga-stoit-kak-stakan-kofe-izvestnyj-kitajskij-pisatel-rasskazal-o-sebe-i-rossii-12-09-2024> (дата обращения: 15.10.2025).
2. Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа "Я не Пань Цзиньлянь" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 507-523. DOI: 10.21638/spbu13.2022.308 EDN: ATGTTG.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
4. Син Вэй. Исследование метафор в романе "Я не Пань Цзиньлянь" с прагматической

- точки зрения // Вестник общественных наук Университета Цзямусы. 2017. Т. 35. № 3. С. 119-121. 邢玮. 语用学视角下《我不是潘金莲》的隐喻研究 // 佳木斯大学社会科学学报. 2017. 第35卷. 第3期. 119-121 页.
5. Завидовская Е. А. Рецензия на роман Лю Чжэньюня "Меня зовут Лю Юэцзинь" [Электронный ресурс] // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/review/765351-menya-zovut-lyu-yuetszin-lyu-chzhenyun> (дата обращения: 15.10.2025).
6. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Москва: ВКН, 2015. 400 с. EDN: YRAVEQ.
7. Завидовская Е. А. Рецензия на роман Лю Чжэньюня "Я не Пань Цзиньлянь" [Электронный ресурс] // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/review/524618-ya-ne-pan-tszinlyan-lyu-chzhenyun> (дата обращения: 15.10.2025).
8. Родионова О. П. Темы и образы в романе Лю Чжэньюня "Дети стадной эпохи" [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 66-87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp-id=42799001> (дата обращения: 15.10.2025). DOI: 10.21638/spbu13.2020.105 EDN: OSBLCC.
9. Завидовская Е. А. Роман Лю Чжэньюня "Мобильник": общение между людьми в эпоху мобильной связи // Институт Конфуция (русско-китайское издание). 2016. Вып. 35, № 2. С. 62-65.
10. Родионова О. П. Проблема одиночества в романе Лю Чжэньюня "Одно слово стоит тысячи" [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 75-91. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/1097/957> (дата обращения: 15.10.2025). EDN: YWRBPO.
11. Лю Чжэньюнь: "Я имел в виду не то, о чем говорил Линь Бяо" [Электронный ресурс] // Chinanews.com. 2009. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/news/2009/03-16/1603510.shtml> (дата обращения: 15.10.2025).
12. Шицзин. Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина. Москва: Художественная литература, 1987. 351 с.
13. Лю Чжэньюнь. Один день – что три осени. Гуанчжоу: Издательство "Хуачэн", 2021. 306 с. 刘震云. 一日三秋. 广州: 花城出版社, 2021. 306 页.
14. Лю Чжэньюнь. Одно слово стоит тысячи. Ухань: Издательство "Чанцзян вэньи", 2009. 362 с. 刘震云. 一句顶一万句. 武汉: 长江文艺出版社, 2009. 362 页.
15. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь. Ухань: Издательство "Чанцзян вэньи", 2012. 290 с. 刘震云. 我不是潘金莲. 武汉: 长江文艺出版社, 2012. 290 页.
16. Лю Чжэньюнь. Меня зовут Лю Юэцзинь. Гуанчжоу: Издательство "Хуачэн", 2022. 388 с. 刘震云. 我叫刘跃进. 广州: 花城出版社, 2022. 388 页.
17. Козлова Л. А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 899-925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925 EDN: OXIUJZ.
18. Лю Чжэньюнь. Дети стадной эпохи. Ухань: Издательство "Чанцзян вэньи", 2017. 297 с. 刘震云. 吃瓜时代的儿女们. 武汉: 长江文艺出版社, 2017. 297 页.
19. Лю Чжэньюнь. Мобильник. Ухань: Издательство "Чанцзян вэньи", 2019. 253 с. 刘震云. 手机. 武汉: 长江文艺出版社, 2019. 253 页.
20. Лю Чжэньюнь. Солёные шутки. Пекин: Издательство "Жэньминь вэньсюэ", 2025. 刘震云. 咸的玩笑. 北京: 人民文学出版社, 2025.
21. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. Москва: Синдбад, 2019. 512 с.
22. Выход нового творения Лю Чжэньюня: Мне претит пустозвонство [Электронный ресурс] // People.cn. 2017. URL: <http://culture.people.com.cn/n1/2017/1109/c1013-29636275.html> (дата обращения: 15.10.2025).

23. Лю Чжэньюнь. У юмора много плоскостей [Электронный ресурс] // Godliteratury.ru. 2017. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/11/13/lyu-chzhenyun-u-yumora-mnogo-ploskostey> (дата обращения: 15.10.2025).
24. Бай Чжэнью, Вэнь Синь. О стилистических особенностях языка в прозе Лю Чжэньюня // Вестник Ичуньского института. 2023. Т. 45, № 11. С. 46-52. 白振有, 温馨. 论刘震云小说的语言表现风格 // 宜春学院学报. 2023. 第45卷, 第11期. 46-52 页.
25. Только он может позволить себе подшучивать над Мо Янем, спорить с Лян Вэньдао и остроумно высмеивать Ван Шо [Электронный ресурс] // Weixin. URL: https://mp.weixin.qq.com/s-__biz=MzU3NTAxMDc0Mg==&mid=2247590719&idx=2&sn=2f2936c904ee8acbbc911e72b7bd803d&chksm=fd2a81e6ca5d08f032f628a979f4c250aba9777fca14db1b14be364b5cb162bc4fec13572ab3&scene=27 (дата обращения: 15.10.2025).
26. Лю Чжэньюнь: Любовный роман с литературой [Электронный ресурс] // Китайские писатели. 2022. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2022/1226/c405057-32593555.html> (дата обращения: 15.10.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи является описание специфики метафор и идиом в творчестве китайского писателя, лауреата государственной литературной премии Лю Чжэньюнь в контексте мировой и современной литературоведческой мысли. Исследователь статьи рассматривает его творчество в качестве "моста" между китайской и зарубежной культурой. Однако, название статьи, на наш взгляд, необходимо скорректировать, так как "мир метафоры"-это слишком обширное название, автор в статье не предлагает классификацию или типологию метафор его творчества. Возможные корректировки названия статьи могут быть следующие: Особенности идиом и метафор в творчестве Лю Чжэньюнь или Специфика метафористических названий тестов и идиом в творчестве Лю Чжэньюнь и так далее, но название статьи должно быть сужено до предмета.

Методология статьи охватывает анализ метафор и идиом текстов китайского автора, однако не предлагает их классификацию, типологию, возможно, в будущих исследованиях автору следует задуматься над данным литературоведческим исследовательским приёмом, возможно, использовать его активно в новых исследованиях, так как от этой классификации и типологии статья значительно бы выиграла.

Актуальность статьи заключается в том, что метафоры Лю Чжэньюнь становятся диалогом между временами и различными культурами. Наглядно данная приемственность авторских текстов с мировой философской метафористической мыслью представлена во французских, английских и арабских переводах. Например, "Я не Мадам Бовари" и так далее.

Однако статья значительно выиграла бы, если бы автор разграничил типы и виды метафор, дал их классификацию. Тем более, что представленные отрывки из переводных текстов дают возможность увидеть метафору скрытого и прямого сравнения, сопоставление, полную метафору, метонимию.

Стиль, структура и содержание статьи отвечают требованиям, которые предъявляют к научным текстам. Автор заявляет в начале теоретический тезис, даёт его иллюстрацию в

тексте Лю Чженьюна, а потом делает свое умозаключение. Интересен авторский подход в статье к представлению метафор в творчестве писателя, они представлены в оригинале и в переводе, в результате последующие исследователи могут обратить внимание как на сами метафоры, так и оценить достоверность перевода, внести свои исследовательские корректировки.

Статья логична структурирована. Однако подчеркнём, что в представленных примерами текста имеются разнообразные по типу метафоры и идиомы, если описывать мир метафор, следуют дать их типологию и классификацию, можно дать их сравнительную характеристику и определить частотность употребления.

Библиография статьи показывает современную глубокую проработку исследуемого вопроса, так как использованы источники и критические литературоведческие исследования за последние 5 лет.

Выводы по статье закономерны и являются итогом авторских рассуждений и обобщают все микровыводы, которые были на протяжении всей статьи.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Белова А.П. Чемодан, портфель, котомка (О семантике вещей в трилогии В. И. Белова "Час шестой") //

Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76832 EDN: DGTBTF URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76832

Чемодан, портфель, котомка (О семантике вещей в трилогии В. И. Белова "Час шестой")

Белова Анна Павловна

учитель литературы; академический департамент; Образовательная автономная некоммерческая организация "Школа "Летово"
методист отдела методологии и перспективной дидактики; Институт содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета

108802, Россия, г. Москва, поселение Сосенское, ул. Зимёновская, д. 3, стр. 6, кв. 31

✉ anna_p_b@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76832

EDN:

DGTBTF

Дата направления статьи в редакцию:

18-11-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье является функционирование вещей в трилогии В. И. Белова «Час шестой». В ходе наблюдений за одним из слагаемых предметно-вещного мира романов (чемодан, портфель, котомка) изучается символично-метафорический потенциал авторского художественного письма, способность последнего к интенсивному насыщению смыслом отдельных объектов, что позволяет рассматривать изображенные в трилогии вещи в онтологическом ракурсе. Целью настоящей статьи является анализ онтологии и поэтики вещей, которые сопровождают героев трилогии в их странствиях. Опираясь на принципы онтологической поэтики, автор работы устанавливает, как вещи, изображенные в трилогии В. И. Белова «Час шестой», включаясь в бытие человека, создают исходный смысл произведения, становятся составной частью художественного текста. Для анализа романного материала применяются: сравнительно-типологический метод, необходимый для выявления элементов предметного описания, их сопоставления; структурно-семиотический метод, позволяющий реконструировать фрагмент "предметного мира" трилогии, в итоге

раскрывающий особенности мирозерцания персонажей. В результате проведенного исследования делаются выводы о том, что вещи (чемодан, портфель, котомка) в трилогии В. И. Белова «Час шестой» составляют онтологическую основу «видимых» сюжетов и оформляют их логику, репрезентируют судьбы героев, являют собой вещный аналог устройства внутреннего мира персонажей. В совокупности все три предмета (и чемодан, и портфель, и котомка) указывают на то, что в трилогии запечатлен особый момент в жизни крестьянской Вселенной – исчезновение главного принципа мироустройства русской деревни – лада. Обездоленные герои отправляются с котомкой в странствие по дорогам России и по дороге жизни. Котомка становится знаком бесприютности, неустроенности, мытарств, а также своеобразной моделью нового человека. Научная новизна работы состоит в том, что впервые вещи в трилогии рассматриваются в связи с их бытийным статусом.

Ключевые слова:

вещь, онтология, странствие, персонаж, чемодан, портфель, котомка, пустота, проводы души, лад

Культура дороги – отдельная специфическая сфера народной традиции [\[21, с. 10\]](#). Дорога представляет собой некий текст, в котором пространство, время, вещи и действия становятся его элементами, и все они обладают не только внешними характеристиками, но и знаковыми. Семантика вещей, являющихся элементами «дорожного» текста, в русском православном сознании формируется с учетом того, что движение человека по дороге переосмысливается как странствие. В «Первом послании апостола Петра» говорится: «И если вы называете Отцом Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего» (1Пет 1:17) [\[15\]](#). В приведенном фрагменте время земной жизни христианина уподобляется странствию. Комментируя Святое Писание (например, Псалом 118 Псалтири), и свт. Феофан Затворник, и свт. Игн. Брянчанинов говорят, что жизнь земная – это странничество, вечное путешествие. Таким образом, отношение к дороге как особому странствию позволяет рассмотреть вещи, которые выступают спутниками человека, в онтологическом ракурсе.

Герой русской литературы постоянно в дороге. Поэтому среди предметов, в окружении которых живет персонаж художественного произведения, есть те, что сопровождают его в дороге/на дороге жизни (чемодан повествователя «Писем русского путешественника», поистасканный чемодан белой кожи Чичикова, новый чемодан Обломова, чемодан с рукописями Печорина, котомка странника Луки, котомка Тихона Вялова, бедная котомка героя в лирике А. Ахматовой, ветхая – героя лирики И. Бунина, лыковая в одном случае, наполненная бренными пожитками в другом – героя лирики С. Есенина, чемоданы господина из Сан-Франциско, котомка Юрия Живаго, чемоданчик Венички и др.). Анализируя предметный мир произведений, исследователи редко уделяют внимание бытовым предметам – тем вещам, которые путешественник возит с собой, которыми пользуется или покупает в дороге [\[10, с. 29\]](#). Так, например, при интерпретации «Писем русского путешественника» Н. А. Карамзина, по замечанию Л. Киселевой, мир путешественника интересовал ученых в части того, что герой видит вокруг себя, думает, чувствует, мотив чемодана рассмотрен не был. Л. Киселева анализирует мотив чемодана как микросюжет, отчасти интертекстуальный. Именно чемодан, его онтология и поэтика становятся предметом исследования в работе О. С. Качеревской и С. А. Валюлис,

посвященной циклу рассказов С. Довлатова «Чемодан» [\[9\]](#).

Думается, что различия между персонажами и их чемоданами, котомками в некоторый момент начинают выступать как различия несущественные, а их общая бытийная и одновременно со-бытийная основа становится зримой и ощутимой [\[8, с. 77\]](#). Такой подход к интерпретации образов вещей в художественном тексте, по мнению Л. В. Карасева, можно считать онтологически ориентированным. Вещи и вещества наравне с людьми становятся героями текста. Человек и мир уравниваются друг с другом через общее для них свойство существования и вещественности. Тело человека оказывается в одном ряду с «телами» вещей и теперь уже на вполне законном основании разговаривает с ними на универсальном языке вещества – кровью, бледностью, падучей, тлетворным духом [\[8, с. 77\]](#). Вещь как имя – это способ говорить/размышлять о мире, Качествах, Материи, Событиях [\[16, с. 2930\]](#). Онтологически ориентированный подход дает возможность услышать голос живой души как в вещи, так и в теле человека. Этот голос становится слышимым в определенные моменты истории, когда мир приходит в движение, одна эпоха сменяет другую, обе они некоторое время сосуществуют.

В романах трилогии В. И. Белова «Час шестой» вещи «живут» в особое время – накануне, в год великого перелома и в час шестой (в названиях романов трилогии и в их подзаголовках – «Кануны. Хроника конца 20-х годов», «Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов», «Час шестой» – актуализируется пороговое состояние мира: лад крестьянской Вселенной сменяется разладом, персонажи, пытаясь укрыться от властей, от произвола местных активистов, покидают дома, полные чаши, бросают имущество и добро, берут с собой самое необходимое и уезжают неизвестно куда). В произведении изображаются пути-дороги разных героев, иногда эти пути-дороги проходят параллельно в двух пространствах: в мире внешнем и мире внутреннем (вспоминая о том, как приходилось в детстве бродить с корзинкой и просить милостыню, как в юности довелось везти спрятанную на дне чемодана запрещенную литературу, персонажи переосмысливают жизненную дорогу, свое настоящее, в котором они, с чемоданом/портфелем/котомкой, вновь куда-то идут/едут).

Целью настоящей статьи является анализ онтологии и поэтики вещей в трилогии В. И. Белова «Час шестой», которые сопровождают героев в их странствиях. Опираясь на принципы онтологической поэтики, попытаемся установить, как вещи, изображенные в трилогии, включаясь в бытие человека, создают исходный смысл, становятся составной частью художественного текста. Новизна исследования состоит в том, что впервые образы вещей в трилогии В. И. Белова рассматриваются в связи с их бытийным статусом (нам известны только работы А. В. Федоровой, в которых анализируется «вещный» мир в повести В. И. Белова «Привычное дело») [\[19\]](#).

В определенный период жизни героев трилогии В. И. Белова «Час шестой» их спутником становится чемодан. Этот предмет сопровождает персонажей в их путешествиях из города в деревню (на каникулы к теткам из Петербурга едет с чемоданом Прозоров), из деревни в город (женившийся Василий Пачин отправляется из Шибанихи в училище в Ленинград), из Москвы куда-то по месту назначения («в командировку» едет Арсентий Шиловский), из родной деревни в тюрьму (осужденный Андрей Никитин входит в камеру с фанерным чемоданом).

Чемодан может укрыть, спрятать, как кажется его владельцу, что-то важное, секретное, что является для него материальным доказательством некоей его исключительности (ему довелось больше узнать, больше увидеть, участвовать в какой-то важной, скрытой от

других, деятельности). Размышления о спрятанных на дне чемодана бумагах или запрещенных брошюрах, энергия этих вещей, передаваемая герою, его физическое, эмоциональное состояние, в котором пребывает персонаж, когда он убирает/прячет в чемодан что-то, его мысли о том, что станет, если другие обнаружат/воспользуются тем, что он спрятал в чемодане, наконец, мысли героя о том, что он ведет двойную жизнь, его отношение к этой двойной жизни – все эти маркеры используются в трилогии при создании образов разных владельцев таких чемоданов.

Юный Прозоров изображается романтиком, который, взяв пролетку, с «чувством радостного волнения» [\[1, с. 244\]](#) выехал на Невский, в пролетке он вез чемодан. Только ему была известна тайна чемодана: в нем было устроено второе дно, под ним лежало с десяток нелегальных брошюр. Прозоров смотрел на прохожих и пассажиров других пролеток «глазами человека, причастного к чему-то большому и тайному» [\[1, с. 244\]](#), когда ехал в пролетке. Ощущение причастности к тайне наполняло Прозорова гордостью. «С захватывающим холодком в левом боку» [\[1, с. 244\]](#) он взял билет на поезд и вместе с чемоданом устроился в вагоне второго класса. Прозоров не спал всю ночь, был очень возбужден бессонницей. Приехав в уездный городишко, он выполнил задание, но как-то буднично, поэтому быстро вернулся к своему нормальному состоянию. Об этом эпизоде Прозоров вспоминает, уже будучи взрослым, зрелым человеком, и всплывающие в памяти картины заставляют его краснеть до корней волос. Брошюры следовало передать местным социал-демократам, один из них – Яков Меерсон – познакомил Прозорова со своей сестрой Женей (черноглазой и полногрудой). Если юный подпольщик был молчалив, испуган, то его сестра наоборот – весела, остроумна, разговорчива. Она предложила Прозорову загорать и, ничуть не стесняясь, тут же разделась. Владимир Сергеевич и сейчас мучительно переживает эти события, вспоминая о них. Раскрепощенное поведение Жени «ошарашило» его, он сидел рядом, «боясь шевельнуться». То есть всё предыдущее движение как физическое (пролетка, поезд), так и эмоциональное (радость, волнение, бессонница) Прозорова остановилось (он и боится, и не шевелится). В словаре В. Даля указывается, что одно из значений слова «ошарашить» – озадачить, охватить мороком (морок – мгла, мрак, темнота, туман, затмение сознания, помрачение рассудка) [\[6, с. 2024\]](#). Пока Прозоров ехал с чемоданом, он смотрел на мир, других людей, его глаза выдавали его состояние, присутствие этой вещи рядом наполняло его жизнь тайной; когда Прозоров освободился от чемодана, оказалось, что мир и другие люди способны ослепить, обездвижить Владимира, сорвать покров с тайны. Фамилия героя (Прозоров) происходит от слов «прозреть», «зреть». Отметим, что «взор» и «позор» (в его первоначальном значении «зрелище») восходят к одной и той же основе. В первой трети XIX века семантика слова изменилась, слово «позор» стало употребляться в значении «бесчестье, постыдное положение». Фамилия персонажа подчеркивает, что для него особенно важен зрительный контакт с миром и людьми: взирая на лица и предметы, Владимир Сергеевич хочет за ними увидеть их истинную суть, себя самого он постоянно выставляет на позор (его взгляд направлен внутрь себя), то есть он постоянно созерцает. Обозревая прошедшую жизнь, герой прозревает главное – чувство стыда невозможно изжить, то, что вызывало его раньше, вызовет его и сейчас, оно даже станет еще сильнее (не случайно при воспоминаниях о чемодане, брошюрах, Жене он краснеет до корней волос).

Возможно, в контексте жизни героя особую роль играют такие детали образа чемодана, как указание на его принадлежность другому человеку (это отцовский чемодан), на материал (он кожаный), его устройство (в нем сделали второе дно) и другой материал, который добавили (саржа – ею закрыли второе дно). Отцовский чемодан указывает на

то, что для Прозорова мучительно чувство одиночества, он ищет родные души, для него важно ощущать (пусть и в камере тюрьмы) свою связь с близким человеком. Кожа – традиционный материал для изготовления чемоданов, однако из этого материала создают мягкие его модели; при этом кожа должна быть прочной, чтобы обеспечить долговечность вещей, хранящихся в нем. Мягкая модель чемодана – это своеобразный аналог состояния души и разума Прозорова (он вбирает в себя разные впечатления, события его жизни становятся воспоминаниями – в результате он либо приспосабливается к новому миру, либо нет). Не случайно в одном из своих путешествий по окрестностям деревень Шибанихи и Ольховицы Прозоров, мучительно странствуя в своей памяти, с отвращением ощущает материальность своего тела, в том числе кожи, и переживает изматывающие душу и разум чувства – желание покончить с собой и разочарование (не хватает смелости для этого). В меняющейся реальности Прозоров, потомок дворянского рода, живет во флигеле барского дома, затем становится административно высланным, заключенным, ценным кадром, вредителем. Он мог бы напомнить новым властям о своем революционном прошлом, однако не делает этого (это спрятано в его памяти, как брошюры под вторым дном чемодана). Саржа, которой прикрыли второе дно в чемодане, соотносится с покровом, которым Прозоров укрывает самые важные, дорогие ему чувства и воспоминания. Однако отметим, что слово «саржа» обозначает и материал, и (как сокращенное от «саржевый») способ переплетения нитей, при котором нити утка смещаются относительно нити основы. Прозоров – такая нить, которая сместилась относительно нити основы (дворянин по происхождению, он не причиняет вреда советской власти, мог бы принести пользу, благодаря своим знаниям; когда же ему как человеку, владеющему иностранными языками, предлагают проводить «воспитательную работу» среди иностранных матросов, он отказывается).

Другой герой трилогии – Арсентий Шиловский – тоже является обладателем чемодана. Он едет в купе. Во время стоянки поезда он случайно увидел на перроне своего друга – Петьку Гирина. Сейчас Шиловский – сотрудник НКВД, его друг, бывший сотрудников органов, некоторое время назад бежал из Москвы. Шиловский достает из чемодана лист почтовой бумаги, начинает писать донос. Арсентий полагает, что Гирин скрывается от органов. Однако жизненный опыт подсказывает Шиловскому, что это может быть и не так («...вдруг его осенила новая мысль: «Откуда тебе знать, что он скрывается? Может, его выслали из Москвы специально... Нет, нельзя торопиться. Не стоит. Бумага пусть полежит, время есть». И Шиловский сунул донос на дно чемодана, где лежал его номерной маузер, бритвенный прибор и смена теплого байкового белья» [2, с. 24]). Шиловский убирает бумагу на дно чемодана – он не размышляет о том, как сейчас живет его друг Петьке, в его памяти не возникают картины радостного прошлого, общие с другом переживания, заботы, объединявшие их дела, события. Набор предметов, под которыми оказался донос, символичен – это и маузер, и бритвенный прибор (бумага в этом ряду обладает такой же смертельной силой для того, против кого она написана). Смена теплого байкового белья, принадлежит, конечно, Шиловскому, но в некотором смысле может являться и знаком будущего Петьки Гирина: убегая от властей, органов, судьбы, он меняет обличье, фамилию, меняет костюм, но это именно «смена» – переменить один костюм на другой не значит обрести прочное положение в новой жизни, утвердиться в ней, это значит на время спасти себя, пока не износится эта новая пара белья. Покидая Москву, Петька и сам берет с собой гимнастерку и две сатиновые рубахи, складывает их в свой служебный портфель, в котором ранее носил иные вещи. Рассмотрим подробнее историю портфеля Петьки Гирина.

Первое изображение Петьки с портфелем напоминает фотографию/парадный портрет:

«Петька в черных с калошами валенках, в суконном черном пиджаке и богатой пыжиковой шапке выходил из машины, держа в руках толстый портфель» [\[1, с. 150\]](#). Все детали (и калоши, и шапка, и портфель, и машина) указывают на достаточно высокий статус Гирина в Москве (он служит курьером в канцелярии Калинина). Увидевший Петьку Данило Пачин бросается навстречу Гирину, однако тот останавливает односельчанина вопросом «Что?», скрывается в подъезде, Данило, придя в отчаяние, трижды именует Петьку прохвостом.

Вся дальнейшая история службы Петьки изображается как цепочка действий Гирина, связанных с портфелем: придерживая портфель, он торопится домой, не закончив служебные дела, потому что спешит увидеться с приехавшими в Москву земляками; все выходные портфель с бумагами находится у Петьки дома; в понедельник утром Петька ощущает тревогу, а портфель ждет его в нижнем ящике горки (и если в выходные, забыв про портфель, герой ощущает себя Петькой, то в понедельник утром, вспомнив про него, чувствует себя Петром Николаевичем); Петьку увольняют и портфель исчезает из его жизни; Гирин спасает товарища Шуба (человека с портфелем), митинговавшего на заводе; восстановленный на службе, Петька вынужден покинуть Москву, он складывает в портфель маузер, завернутый в полотенце, гимнастерку и две сатиновые рубашки; схватив портфель, он покидает город.

Петька Гирин относится к тем персонажам трилогии В. И. Белова, которые, прибыв из одного пункта в другой (это одна из остановок в жизни героя), вместо чемодана или корзины берут другой предмет – портфель. Замена одной вещи на другую может свидетельствовать не только о переезде из деревни в город или из одного города в другой, о смене образа жизни, статуса, но и о душевной тоске, некоем раздвоении человека, его «промежуточном состоянии» между реальной жизнью и желаемой (так, например, Петька Гирин, вернувшись из родной Шибанихи в Москву, выполняет свои служебные обязанности курьера канцелярии Калинина с портфелем в руках, но стоит ему увидеть у дверей в комнату корзину, плетенную в виде сундучка, как он начинает испытывать необыкновенную радость от предстоящей встречи с близкими людьми, родиной, к этим чувствам присоединяется и другое – тоска по деревне; герой осознает, что город, его ритм, его порядки, служба – это та жизнь, от которой Петька хотел бы отказаться). Петька – вечный странник. Потому примечательно, что на страницах трилогии он никогда не изображается с чемоданом. Вероятно, это можно объяснить тем, что Петька понимает: ни одно из его путешествий не имеет точного пункта прибытия и может стать для него последним. Его служба (а он вынужден постоянно ее менять) связана с движением: то он курьер с портфелем, то сотрудник НКВД с кобурой, встречающий спецсоставы с переселенцами, то странный военный с планшетом, внезапно захватывающий окоп вымышленного противника на военных учениях. Он с детства в дороге: когда умер его отец, маленький Петька ходил с корзиной, просил милостыню. Вся его взрослая жизнь – переезд с места на место, но без чемодана (Петька не обзавелся семьей, его жилье всегда временное, он не может остановиться, убегая от службы или от судьбы), так как это переезд-бегство, которое в итоге заканчивается его расстрелом. В этом контексте корзина, с которой маленький Петька как нищий ходил в детстве, предсказывает его будущее, ее заместители во взрослой жизни героя – кобура, планшет, портфель – подтверждают это предсказание (служба становится формой жизни персонажа, но не его сутью, Петька так и остается в некотором смысле бездомным, мимолетный возврат к себе настоящему – Гирину, а не Гиринштейну, Гириневскому, Штыреву – случается с ним в церкви, в которой он как спецсотрудник во время молебна должен опознать совслужащих: при описании героя внимание читателя акцентируется на внутреннем состоянии персонажа, а не на его

внешнем облике, в тексте не фиксируются такие детали, как кобура, планшет; однако, выйдя из церкви, Петька возвращается с небес на землю – возвращается к исполнению служебных обязанностей). В данном случае вещи отражают смену жизненных этапов героя, важным является вопрос о том, как герой относится к каждому из этих этапов, осознает ли духовную необходимость выйти за пределы формы (расстаться с портфелем, кобурой, планшетом). Такой выход был найден героем: из Послесловия автора читатель узнает, что в 1934 г. Петька был расстрелян чекистами.

Главные герои трилогии В. И. Белова «Час шестой» (Павел Рогов, Евграф Миронов, Игнаха Сопронов) скитаются по свету с котомкой за плечами. Отправляясь в дорогу, они знают, что им предстоит долгий тяжелый путь, преодолев который, они не обретут счастья. Потому по дороге жизни эти герои идут не с чемоданом и не с портфелем, а с котомкой.

Котомка играла очень важную роль в русских обрядах и обычаях. Ее собирали человеку, если он отправлялся в дорогу или если он отправлялся в последний путь, то есть проводы в дальнюю дорогу прямо соотносились с похоронно-поминальным обрядом, который способствовал переходу человека в иной мир. В котомку складывали поминальную еду, посуду, одежду, свечу, ладан; процесс сбора сопровождался исполнением специальной поминальной лирики с перечислением содержимого котомки [11, с. 39]. Иногда в перечень предметов, которые необходимо было положить в котомку, включались не только материальные вещи (например, в некоторых духовных стихах в такой перечень входили моление и покаяние). Это свидетельствует о том, что в котомке можно нести и такие вещи, которые являются нематериальным богатством человека (знания, умения, профессиональные навыки, магические качества, жизненный опыт и др.). Отметим, что с котомкой ходили калики перехожие – слепцы, распевавшие духовные песни [14], богомольцы.

Очень редко котомка упоминается в мифологической прозе (иномирных сновидениях, рассказах о встречах с нечистой силой – с лешим). Но и в этом контексте котомка маркирует принадлежность персонажа к иному миру. На другом полюсе текстов, в которых присутствует образ котомки, – жития святых. В одном из них рассказывается о преподобном Еллии, который несет тяжелую ношу с пищей для монахов, переправляется со своей котомкой на спине крокодила на другой берег и таким же образом возвращается.

Образ котомки присутствует и в трудах русского философа Н. А. Бердяева. Размышляя об особенностях психологии русского народа, он пишет, что для России характерен тип странника. Странник — свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах [4]. То есть котомка, с одной стороны, не освобождает человека от связи с жизнью, ее трудностями (от забот, связанных с земной жизнью, не уйти), но с другой – указывает на то, что для этого человека важнее духовные поиски, а не забота о материальных благах. По Бердяеву, русский человек стремится идти к концу, пределу, к выходу из этого «мира», из этой земли, из всего местного, прикрепленного.

В первом романе трилогии (в «Канунах») с котомкой постоянно изображается Игнаха Сопронов.

Павел Рогов предлагает человеку, которого встретил по дороге, подвезти его. Незнакомец не называет своего имени, Пашке кажется это странным, он уже сказал, что едет в Шибаниху к дяде Евграфу Миронову, ждет, что в ответ человек представится, а

вместо этого молчаливый спутник дает нелицеприятную характеристику Евграфу. Пашка, «наливаясь бешенством», кричит незнакомцу, чтобы тот освободил воз. «Ездок не торопясь взял котомку, угрожающе крякнул: «Хорошо!» [\[1, с. 121\]](#). Человек с котомкой, так и не назвавший своего имени Павлу, – Игнаха Сопронов. В первом романе трилогии его вечное движение – метафора его неприкаянности (он не нашел своего места в мире, не нашел места в родной деревне). Не случайно его котомка нередко пуста (он часто чувствует физический голод, жажду ненависти) или наполнена минимальным количеством вещей, истлевающих, случайных. В этом контексте котомка Игнаха ассоциируется с его сознанием и сердцем (которые питаются злостью, жаждой мести – котомки других шибановцев наполнены совсем другими вещами и чувствами). Когда Игнаху обвинили в троцкизме и выбрали на его место Веричева, Сопронов «не захотел оставаться в волости, сложил котомку и уехал на лесозаготовки. Он и сам не знал, чего ему надо...» [\[1, с. 269\]](#). Сменная пара белья, которая была в котомке, вся изорвалась. Котомка Игнахи в некотором смысле становится кладбищем отживших вещей, его душа так же постепенно опустошается, выветривается, тело приспособляется к голоду и холоду. Пустая котомка Игнахи – это его пустая душа.

Первый этап странствий Игнахи заканчивается в Ленинграде: Сопронов должен найти некоего начальника, чтобы подписать у него ордер, в начальнике по фамилии Гириневский Игнаха неожиданно узнает Петьку Гирина. Выходя из его кабинета, Сопронов придерживает пустую котомку. В коридоре Игнаха берет уголек и вымарывает на табличке последние шесть букв в фамилии начальника. Именно после этого он незаметно для себя оказывается на Николаевском вокзале, покупает билет и ночью уезжает в родные места. Душевная «котомка» Игнахи наполнилась: «вернув» Гирину его настоящую фамилию, Сопронов заканчивает ленинградские скитания; обретя некоторую целостность (недаром накануне возвращения домой он возвращается к характерной для него манере поведения), Игнаха спешит на родину, но по-прежнему с пустой котомкой. В данном контексте образ пустой котомки можно истолковать как метафору безрезультатности его мытарств как в материальном, так и в духовном смысле (герою приходится вернуться домой ни с чем; чужая сторона ничему не научила Игнаху: встретив такого же странника, как и он, гонимого жизнью, вместо того чтобы промолчать, Сопронов выдает односельчанина; примечательна деталь – он вымарывает буквы угольком, словно «вымарывает» другого человека из жизни).

По прибытии в родную деревню Сопронов решает обратиться к Меерсону или Ерохину: Игнаха ни за что не хочет возвращаться домой «в теперешнем виде». В ожидании вызова он, сидя в коридоре, развязывает котомку и ест хлеб вприкуску с постным (фруктовым) сахаром, купленным в Ленинграде. Судя по всему, свою внутреннюю пустоту он пытается заполнить пищей. И в этот момент на душе Игнахи копится тревога и пустота. Негодуя на судьбу, Игнаха засыпает («Его сморило на коридорной скамье»). Сопронову снится пустой отцовский дом, по которому он всё ходит и ходит и не может найти место, где бы он мог лечь и уснуть. Отметим, что в этом сне переплетаются два мотива, связанные с образом Игнахи, – мотив пустоты и мотив бессмысленного хождения в поисках своего места.

После пробуждения Игнаха идет в кабинет начальника. Он оставляет свою котомку в коридоре, и чувства его меняются: он испытывает почтительность, подобострастие и готовую вырваться в любую минуту злобную решительность. Ерохин приказывает Сопронову сдать партбилет, объявляет его механически выбывшим. Сопронов с трудом гасит вспышку гнева (так, например, отмечается, что глаза его не подчинялись рассудку, и Игнаха был готов ударить Ерохина, в качестве орудия глаза Игнахи выбрали

тяжелый медный письменный прибор, в виде каких-то башен – форма, материал, вес предмета, вероятно, могли бы заполнить пустоту души Игнахи). Выйдя из кабинета Ерохина, Игнаха, в оцепенении, берет котомку. Таким образом, котомка становится своеобразным двойником персонажа: как бы он ни старался изменить свой жизненный путь, «наполнить» котомку чем-то полезным, важным для него (получить должность, заработать денег, закрепиться в партии, осесть в деревне, не скитаться более по свету), она остается пустой; если Игнаха оставляет ее где-то (в надежде расстаться со скитальческой жизнью), то в скором времени он вынужден вновь взять ее в руки.

Главная характеристика сопроновской котомки, которая многократно повторяется в романе, – пустота. В разные исторические эпохи пустота понималась по-разному (то как условие и пространство свободы человека, то как предвестник конца, смерти, который заставлял человека наполнять жизнь хоть каким-то содержанием, то как знак отсутствия духовности) [12], [17]. В философии пустота толкуется как фактор хаотизации мира, маркер его смысловой и ценностной неоднозначности, знак его непредсказуемости, знак его непознаваемости (в силу его сакральности или иллюзорности) [7, с. 4249]. Трактую понятие пустоты в библейском языке, исследователи связывают его с другим: пустота препятствует усилиям в направлении добра, красоты, счастья, пустота в своем пределе – это не просто «ничто», а активный разрушительный процесс, в то же время пустота – это пустыня – место-возможность, возможность рая, а значит, и полноты [20]. Пустота сопроновской котомки поддерживается пустотой его желудка (голодный Игнаха даже способен на кражу: он ворует пироги из котомки Пашки Рогова) и пустотой его глаз (одна из часто повторяющихся примет его внешнего облика). Заполнив пустоту внутреннюю (то есть утолив голод той пищей, которая была в его собственной или чужой котомке), Игнаха начинает заполнять пустоту внешнюю: он готов ударить человека, вступить с ним в драку, выстрелить в него, причинить ему другой вред. Таким образом, пустота, живущая внутри Сопронова, поглощает его – не случайно в своих странствиях он неоднократно переживает приступы падучей (сильная головная боль сигнализирует ему о том, что скоро случится припадок, во время которого он проваливается в пустоту, позже с трудом приходит в себя). Таким образом, пустая котомка Игнахи – знак пустоты-свободы, ложной, эфемерной онтологии. Опираясь на подход Л. В. Карасева, можно реконструировать внутреннее устройство беловского человека (вернее, античеловека – человека, каким он не должен быть): пустые глаза, выветренная душа в теле, которое притерпелось к голоду и морозу, окоченевшая душа в онемевшем теле, которое впадает в оцепенение, то есть живой мертвец (мертвая душа), который периодически выпадает и телом и душой из жизни, когда с Игнахой случаются припадки.

Устав странствовать по свету, Игнаха настойчиво пытается закрепиться в родной деревне (в какой-то момент его даже объявляют левым загибщиком). Он больше не ходит по стране с котомкой. Но теперь (во втором и третьем романах трилогии) с ней по дорогам идут другие герои романа – Павел Рогов и Евграф Миронов, которых так сильно ненавидит Игнаха.

Часть своего жизненного пути Павел проделает с котомкой. В дороге (Павел едет в Вологду, его вызвали повесткой, Рогов думал, что на допрос, однако это уже был суд, на решение которого Павел повлиять не мог) между Павлом и Митькой Усовым состоялся важный разговор. Митька присоединился к Павлу примерно на середине пути. Павел случайно увидел, что в телеге у Митьки под сеном спрятано ружье – тогда-то Павел и догадался, что Митька, скорее всего, сопровождает его по чьему-то приказу и ружье прикрито сеном не случайно. Усов откровенно признался, что ему велели сопровождать Павла до Вологды, но Митька не может предать друга и предлагает ему уйти: «Вот што я

тебе скажу! Это... Уходи! Вон кустики, лес рядом. Я для виду пальну в другую сторону. А ты котомку на плечи и в лес!», «Говорю тебе, уезжай куда глаза глядят. Беги в лес! Потом смекнешь. Тпры! Забирай котомку! Беги! Пока нет никого...» [2, с. 303]. Усов дважды, настаивая на том, чтобы Павел сейчас сбежал, упоминает котомку. Митька отправляет Павла в лес и «куда глаза глядят». В словах Усова можно услышать отголоски традиционных представлений, бытовавших у русских, о том, что душа умершего человека, покидающая дом, нуждается в ритуальной помощи со стороны живых. В поминальной обрядности эти представления выражаются специальными действиями (совместная трапеза на улице с душой умершего, прощание с нею, обмывальщик/обмывальщица разыгрывали уход души: уходили с котомкой на некоторое расстояние от дома), известных в фольклористике и этнографии под названием «проводы души» [13, с. 52]. Некоторые исследователи полагают, что в этих обрядовых действиях можно увидеть символический диалог двух партий – живых и мертвых [18, с. 100]. Если рассматривать речь Митьки в этом контексте, то можно прийти к выводу, что живой Усов сопровождает душу еще живого Павла по направлению к другому миру (лесу, куда глаза глядят), а Павел не соглашается на вариант спасения, предложенный другом, так как в некотором смысле для него это значит «похоронить» себя. В этом диалоге разговор ведут два живых персонажа – и это примета эпохи (в любую минуту живой человек может осознать, что судьба его уже решена и жить ему осталось считанные минуты). В одном из вариантов обряда используется слово, называющее заместителя, которое обозначает «провожающий, отправляющий» [13, с. 59], то есть важным элементом обряда является мотив действий – проводить, отправить (Митька же в речи пытается отправить Павла в лес). С другой стороны, настойчивое желание Усова отправить Павла с котомкой в лес можно трактовать и как попытку Митьки исправить то, что он сделал, пока это можно исправить (на сорочинах родные кладут в котомочку тот необходимый предмет, который забыли положить в гроб, – это возможность «исправить» отношения с умершим, исправить ранее совершенные ошибки, которые субъективно воспринимаются как нарушение ритуального поведения и вызывают негативные переживания). Митька понимает, что нарушил представления о товариществе, и сейчас хочет исправить это, доказав Павлу, что в его дружбе сомневаться не нужно. Павел на эту речь друга отвечает не словами, а действиями: «Павел развязал котомку, достал рыбник и посыпущу. Усову хотелось сказать, что пироги-то Рогову надо бы экономить» [2, с. 303].

Судьба Павла Рогова в некоторой степени дублирует судьбу его дяди – Евграфа Миронова (когда-то они вместе начинали строить мельницу): Павел с котомкой направляется домой в деревню, когда в Вологде, в пасхальный день, встречает Евграфа с котомкой (Евграфа переводят из следственного изолятора в тюрьму), позже и самому Рогову предстоит этот путь – в город, на суд, оттуда – в тюрьму. Эту дорогу он пройдет с котомкой. Обоим героям (и Павлу, и Евграфу) суждено после заключения вернуться домой. Евграф отсидит свой срок, весь путь из вологодского домзака до родной деревни он проделает с котомкой; Павел сбежит с Печоры, добираться до родной Шибанихи будет тайком, котомка при этом не упоминается. Символична в этих двух историях возвращения героев на родину и другая деталь – Евграфу нужны сапоги, чтобы добраться до деревни (часть пути он должен пройти пешком), эти сапоги ему подарит золотарь; у Павла, пробирающегося домой, обуви нет, так как его сапоги украли, поэтому он вынужден идти босиком, прокалывая ноги (его дорога идет через лес). Таким образом, Евграф, который всю дорогу славит Господа (в этом смысле он чем-то похож на калик перехожих), постепенно обретает целостность, что подчеркивается и вещами: они

не покидают его (как котомка), находят к нему путь (как сапоги), а Павел, поддавшись влиянию горьких мыслей, постоянно думая о неверности жены, изводя себя ревностью, эту целостность утрачивает (у него нет котомки, сапоги «ушли» к другому).

Котомка Евграфа Миронова, возвращающегося из тюрьмы домой, наполняется новыми вещами (они появляются по мере того, как он преодолевает на своем пути всё новые препятствия). Так, например, отработав золотарем и получив за это деньги, Евграф купил внуку Витальке радужного, пахнущего лаком, веселого игрушечного петуха. Петух в народной традиции – райская птица [5, с. 29]. Игрушечный петух радужного цвета (радуга, по народным поверьям, до потопа была одноцветной, после потопа Бог сделал ее разноцветной в знак того, что потопа больше не будет) [3, с. 386] выступает заместителем живой птицы, мысль Евграфа о том, что в котомке он несет гостинец внуку, наполняла Миронова радостью. Отметим, что его котомка, из которой он достает подарок, вонючая (это материальный след его мытарств: когда Евграф работал золотарем, он насквозь пропитался специфическим запахом, и вся его одежда, и его котомка стали источать сильный неприятный запах). Человек и предмет (одежда, котомка) здесь как бы уравнились в правах: они «разговаривают» на одном и том же языке – языке запаха. Смердящий мир не может не повлиять на человека, однако Евграф (Миронов от слово «миро» – благовоние) точно знает, что этому миру противопоставить: в своей вонючей котомке он несет радужного петуха для внука (спасение – в любви к Господу, родным).

Особого упоминания заслуживают женские персонажи, образ которых на страницах трилогии создается в том числе и через соотнесение судьбы героини с котомкой/котомками, которые она несет.

На одной из дорог (в зимнем лесу, вечером) Павел Рогов встретил женщину, на спине ее висела котомка, в платке, перевязанном через плечо, она несла ребенка. Украинская выселенка Параска бродила по дорогам Вологодской губернии в поисках мужа, деверя (свекор и свекровь уже умерли). От всего имущества, с которым семья Малодубов приехала в Вологду, осталась только эта котомка. Самое ценное – сына Хведю – Параска несла в платке. Павел не сразу догадался, почему ребенок «не сказывается» («Он через свой полушубок, через ее казакин и через котомку почувствовал, как затряслась она в страшных рыданиях, как сдерживала свой животный, нутряной крик, не вмещаемый ею» [2, с. 92]). Крик, распиравший мать изнутри, был задушен ею, он сгустился вокруг ее сердца и твердел, пока, как пишет автор, «не сдавил ее сердце в железный комок» [2, с. 92]. И тогда сердце Павла тоже сжалось, сдавливалось холодом и железом. В рассматриваемом эпизоде используется прием повтора – одно сердце уподобляется другому: живое сдавливается, материя меняется (сердце превращается в железный комок). В этой одинаковой ответной реакции двух разных людей, почти незнакомых, подчеркивается способность человека к безграничному состраданию, когда чужое горе становится своим (недаром образ Параски с мертвой ношей на руках потом будет преследовать Павла, и в этих вновь и вновь повторяющихся картинах вместо лица Параски он будет видеть лицо жены Веры). Таким образом, котомки женщины в трилогии удваиваются: это и котомка странницы, оставшейся без родины, дома, семьи, и котомка матери, в которой она несет самую страшную ношу.

Итак, вещи (чемодан, портфель, котомка) в трилогии В. И. Белова «Час шестой» составляют онтологическую основу «видимых» сюжетов и оформляют их логику. Структурообразующая роль вещей здесь, как правило, проявляется опосредованно. Так, ни чемодан Прозорова, ни портфель Гирина, ни котомка Сопронова никак не

функционируют в сюжетах образующих трилогию романов. Но эти вещи оказываются включенными в бытие человека, поэтому являются его образом (чемодан с двойным дном – не желающий рассказывать о своем прошлом Прозоров, взгляд которого обращен, прежде всего, внутрь себя, в свое прошлое; портфель Гирина – не соответствующая душе героя оболочка; пустая котомка Игнахи – его пустая душа; двойная котомка Параски – ее трагедия). В художественном мире трилогии именно вещь репрезентирует судьбу героя, так как она является знаком культурно-исторической эпохи и одновременно его личностных особенностей. В совокупности все три предмета (и чемодан, и портфель, и котомка) указывают на то, что в трилогии запечатлен особый момент в жизни крестьянской Вселенной – исчезновение главного принципа мироустройства русской деревни – лада. Разлад приводит к тому, что из деревни по разным дорогам уходят герои романов В. И. Белова: почти каждый персонаж отправляется в странствие, что свидетельствует о нарушении привычного ритма жизни северного крестьянина, о том, что возврата этого идеального мира не будет. Котомка – символ обездоленности русского крестьянина, с одной стороны, с другой – его внутренней силы (как у Евграфа Миронова) или слабости (как у Игнахи Сопронова).

Библиография

1. Белов В. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3: Повесть. Роман. М.: РИЦ "Классика", 2011. 512 с.
2. Белов В. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4: Романы. М.: РИЦ "Классика", 2011. 616 с.
3. Белова О. В. Радуга // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2009. С. 386-389.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. Москва: Сов. Писатель, 1990. 346 с.
5. Гура А. В., Узенева Е. С. Петух // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 28-35.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб., М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
7. Житко Р. Г. Онтологизация категории Пустота в философии, эстетике и поэтике литературы русского постмодернизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Вып. 11. С. 4246-4252. DOI: 10.30853/phil20240600 EDN: CFTKZV.
8. Карасев Л. В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. 400 с.
9. Качеревская О. С., Валюлис С. А. С. Довлатов. Цикл рассказов "Чемодан": онтология и поэтика вещей // Русистика и компаративистика. 2011. № 6. С. 92-103.
10. Киселева Л. Багаж путешественника (к поэтике "Писем русского путешественника") // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild.* Тарту, 2019. С. 28-40.
11. Ключикова Е. "Вы кладите мне котомочку...": семантика предмета и локальная традиция // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Сборник тезисов. СПб., 2013. С. 40-44.
12. Козырьков В. П. Социокультурные аспекты пустоты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 57-64. EDN: PFQIAZ.
13. Королева С. Обряд "проводов души" с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52-76. EDN: ТВРРХ.
14. Котомка // Русский народ. Этнографическая энциклопедия в 2-х томах. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1. А–Н. 792 с.
15. Первое послание апостола Петра. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://azbyka.ru/biblia/-1Pet.1> (дата обращения: 18.11.2025).

16. Пучкова А. Е. Предметный мир в российской массовой прозе второй половины XVIII в. (Михаил Чулков, Матвей Комаров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Вып. 7. С. 2929–2934. DOI: 10.30853/phil20250409 EDN: MLMQIE.
17. Саенко Н. Р. Семиотическая универсальность пустоты в искусстве // Современные философские исследования. 2010. № 3. С. 80–85. EDN: NCITTN.
18. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
19. Федорова А. В. "Вещный мир" в повести В. И. Белова "Привычное дело" // Мова – Літаратура – Культура: матеріялы VIII Міжнар. навук. канф., Мінск, 15-16 вер. 2016 г. У 2 ч. Ч. 2. Мінск: РІВШ, 2016. С. 133–136.
20. Шмаина-Великанова А. О пустоте и пустыне // Духовное противостояние пустоте и пустыне. Избранные материалы международной конференции. М.: Свято-Филаретовский институт, 2022. С. 11–18.
21. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор статьи «Чемодан, портфель, котомка (О семантике вещей в трилогии В. И. Белова "Час шестой")» обращается к изучению предметного мира трилогии В.И. Белова, которую называют «эпопеей крестьянской Голгофы». Характеризуя жанровую природу произведения, исследователи выявляют в ней элементы летописи, исторического романа, хроники и включают в характерный типологический ряд – «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Вместе с тем уже название трилогии обозначает иной – не столько исторический, сколько библейско-онтологический характер постижения процессов, которые определяются понятием «Великий перелом». Библейский пласт, житийное начало в трилогии и обуславливает необходимость переосмысления крестьянского предметного, вещного мира на ином – символическом – уровне.

В центре внимания автора статьи предметы, которые связаны с хранением и дорогой. При этом выстраивается триада – с одной стороны, «древний» предмет, который известен еще из фольклорной традиции (котомка), с другой – вещи современного человека (чемодан, портфель), предназначенные для разных целей – путешествия, служебной деятельности. Исходный тезис автора статьи следующий – «Семантика вещей, являющихся элементами «дорожного» текста, в русском православном сознании формируется с учетом того, что движение человека по дороге переосмысливается как странствие». Более того, как странствие в пределах собственной судьбы. Именно этим обстоятельством и обусловлена цель исследования – показать символический потенциал «дорожных» предметов, выявить те смыслы, ассоциации, которые актуализирует В.И. Белов. Автор статьи рассматривает котомку, чемодан и портфель в художественном мире романа в двух аспектах: выявляет их роль в создании образа повседневной жизни человека, а также выходит на более высокий уровень обобщения, когда говорит об онтологии вещи. Такой подход мотивирован самим укладом жизни крестьянина, его мировосприятием, когда окружающее его пространство, предметы имеют не только

утилитарное значение, но и несут важную символическую нагрузку. В раскрытии этой особенности вещного мира произведения В.И. Белова и состоит научная новизна статьи. Автор статьи впервые рассматривает образы «дорожных» предметов в трилогии В. И. Белова в связи с их бытийным статусом. Вывод о том, что предметы «составляют онтологическую основу «видимых» сюжетов и оформляют их логику» глубоко проиллюстрирован глубоким анализом текста.

Достоинством работы является тщательность анализа, подкрепленность всех выводов текстовым материалом, выявление механизма включения предмета в бытие человека, а не только в быт, соотнесение «дорожных» предметов с главной категорией художественного мира писателя – Ладом. Изучение онтологии вещи приводит автора к выводу, что в трилогии В.И. Белова переосмысливается и мотив странствия, дороги в целом.

Статья написана хорошим языком, у нее продуманная структура. Она будет интересна как исследователям, так и широкому кругу читателей.

Статья рекомендуется к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Халиуллина А.Г., Макарова В.Ф. Философские параллели в новелле «Превращение» Ф. Кафки и повести «Озерная рыба» Ф.Байрамовой // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76694 EDN: DELGTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76694

Философские параллели в новелле «Превращение» Ф. Кафки и повести «Озерная рыба» Ф.Байрамовой

Халиуллина Альбина Габитовна

ORCID: 0000-0002-1392-1867

кандидат филологических наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра татарской филологии и культуры; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, Кировский р-н, ул. Заки Валиди, д. 32, каб.411

✉ ahmali76@mail.ru

Макарова Венера Файзиевна

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник; отдел литературоведения; Институт языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

420111, Россия, Респ. Татарстан, г. Казань, ул. К.Маркса, 12, каб. 3

✉ makarova_vf@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76694

EDN:

DELGTQ

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2025

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу новеллы австрийского писателя Франца Кафки «Превращение» (1912) и повести татарского писателя Фаузии Байрамовой «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984) в контексте интертекстуальности и традиции репрезентации анималистических/мифических метафор, выполняющих функцию художественного обобщения и раскрывающие ключевые социально-

философские интенции авторов. Несмотря на культурные и временные различия, данные произведения объединены сквозным мотивом метаморфозы и проблемой отчуждения. Предметом исследования определены философские темы (параллели) и национально-художественные различия в их раскрытии. Центральной темой исследования является трагедия личности, отвергнутой обществом из-за своей отличительной внешности. В центре научного изыскания находится репрезентация трагической коллизии между индивидуальным сознанием, маркированным как «другой», и репрессивными структурами коллективного социума. Методологический аппарат исследования включает сравнительный метод, герменевтический, философский, культурологический анализ, что позволяет всесторонне раскрыть специфику художественного мира писателей. Научная новизна заключается в том, что впервые исследуется повесть «Озерная рыба» Ф. Байрамовой в сравнении с новеллой «Превращение» Ф. Кафки. В результате анализа, проведенного в данной статье, исследователями выявлены общие мотивы в вышеуказанных произведениях: метафорическое превращение, экзистенциальное отчуждение личности и утрата идентичности. Несмотря на схожесть исходной ситуации (сохранение человеческого сознания в «чужом» теле – насекомого у Ф. Кафки и рыбы-девушки у Ф. Байрамовой), авторы по-разному раскрывают трагедию. Ф. Кафка через абсурд и нормализацию чудовищного показывает пассивное принятие героем своего отчуждения в бездушном обществе, что рождает чувство безысходности. Ф. Байрамова через психологизм и «поток сознания» изображает активный, жертвенный протест героини. Её трагедия связана с конфликтом индивидуальности и коллектива, а финал, несмотря на гибель, оставляет трагическую надежду, укорененную в национальной мифологии. Авторы статьи подчёркивают, что, опираясь на интеллектуальную аллегорию, Ф. Байрамова поднимает повесть до уровня философского обобщения о потере человеческой сущности, проблеме свободы личности и вечном конфликте между индивидуальностью и коллективом.

Ключевые слова:

образ рыбы-девушки, образ насекомого, трансформация, метаморфоза, психологизм, трагедия одиночества, конфликт, литература абсурда, философская проза, сравнительный анализ

В истории всемирной литературы существует устойчивая традиция использования образов мыслящих и чувствующих животных и насекомых, которые служат инструментом для социально-философского и эстетического анализа. Эта галерея берёт начало в античности («Золотой осёл» Апулея (II век до н.э.)) и продолжается в XX веке такими ключевыми произведениями, как «Превращение» (1912) Ф. Кафки, «Собачье сердце» (1925) М. Булгакова, «Клоп» (1928) В. Маяковского, «Скотный двор» (1945) Дж. Оруэлла, «Хроники Нарнии» (1950-1956) Клайва С. Льюиса, «Жизнь насекомых» (1993) В. Пелевина и др. Ярким примером рецепции новеллы самого Франца Кафки «Превращение» являются произведения «Превращение» (1946) Р. Бредбери и «Превращение II» (1988) М. Успенского. В конце столетия татарская писательница Ф. Байрамова, опираясь на авторскую концепцию миропорядка, пополняет этот ряд повестью «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984), где центральный образ – гибрид рыбы и девушки – выступает связующим звеном с предшествующими текстами, наглядно демонстрируя явление интертекстуальности.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современного

литературоведения к транскультурному анализу, направленному на выявление универсальных идей и архетипов в рамках национального и жанрового разнообразия. В центре такого анализа часто оказываются общегуманистические ценности. Несмотря на культурно-исторические различия, фундаментальные основы человеческого бытия – вера в любовь, потребность в живом общении, ощущение принадлежности к общности – остаются неизменными. Одновременно с этим, мотив экзистенциального отчуждения, ведущего к личностной трагедии, выступает одной из ключевых проблем мировой литературы. Противопоставление этих категорий – общечеловеческой связи и разрушительного отчуждения – определяет необходимость сравнительного изучения произведений, принадлежащих к различным культурным ареалам.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ повести Франца Кафки «Превращение» (1912) и повести Фаузии Байрамовой «Күл балыгы» («Озерная рыба», 1984). Основной фокус работы направлен на выявление схожих и дискретных признаков в поэтике и проблематике произведений, а также на определение общей для них гуманистической философской идеи.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Провести сравнительный анализ центральных образов-метафор в повестях: насекомого («Превращение») и рыбы («Озерная рыба»).
2. Выявить и систематизировать общие мотивы, такие как мотив физической и психологической трансформации, семейного отчуждения, утраты идентичности.
3. Определить специфику авторского воплощения темы отчуждения в контексте западноевропейского экзистенциализма (Ф. Кафка) и восточной национально-культурной традиции (Ф. Байрамова).
4. Сформулировать общегуманную философскую идею, объединяющую произведения Ф. Кафки и Ф. Байрамовой, несмотря на их культурно-исторические различия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы, полученные в ходе сопоставительного и концептуального анализа, могут быть использованы при дальнейшем изучении современной прозы, в частности, творчества Ф. Байрамовой. Они также применимы в академической практике – при чтении курсов по литературному анализу художественных произведений, выявлению концепции развития литературной мысли изучаемой эпохи.

Теоретическую основу исследования составили исследования в области мифопоэтики и интертекстуальности, а также достижения современной филологической науки в области анализа художественного текста, системы образов.

Художественный мир новеллы Франца Кафки «Превращение» стал предметом пристального внимания довольно большого количества зарубежных и отечественных литературоведов. В своих работах эти ученые сосредоточились на текстуальном анализе произведения, интерпретируя его ключевые темы в контексте модернистской традиции и своеобразия поэтики Ф. Кафки.

Творчество татарской писательницы Ф. Байрамовой анализируется в трудах таких исследователей, как Д.Ф. Загидуллина ^[5], которая рассматривает его в контексте психологического анализа; Л.Х. Давлетшина ^[4], акцентирующая внимание на мифологизации сюжета; и А.А. Шамсутова ^[11], обращающаяся к религиозно-

философскому контексту. Молодой ученый Б.Х. Ибрагимов [\[6\]](#), выявляя интеллектуальное начало в прозе Ф. Байрамовой, указывает на продуктивность изучения литературных параллелей между ее творчеством и сказочным сюжетом «Русалочки» датского писателя Г.-Х. Андерсена.

Методологический аппарат исследования включает сравнительный метод, герменевтический, философский, культурологический анализ, что позволяет всесторонне раскрыть специфику художественного мира писателей.

В целом, повесть Ф. Байрамовой «Озерная рыба» представляет собой сложное многогранное произведение, в котором синтезируются элементы мифологического реализма, философской притчи и психологической прозы. Её художественное своеобразие и глубина проблематики наиболее рельефно раскрываются при сравнительном анализе с классикой европейского экзистенциального абсурда, в частности, с новеллой Франца Кафки «Превращение».

В центре этих произведений лежит мотив телесной трансформации. Изначальная предпосылка в обоих случаях схожа и носит шокирующий характер: человеческое тело претерпевает чудовищное изменение, переходя в иную, низшую форму – в тело рыбы у Ф. Байрамовой или в насекомое у Ф. Кафки. При этом ключевым условием трагедии является сохранение неизменной человеческой души, сознания и системы ценностей внутри нового, отчужденного тела. Это создает ситуацию фундаментального разлада, экзистенциального кризиса, где читатель осознает весь ужас не физического уродства, а тотального непонимания со стороны окружающих и отчуждения.

Однако каждый писатель достигает сходного эффекта эмоционального и философского воздействия принципиально разными художественными средствами. Специфика и гениальность Ф. Кафки заключается в методичном применении приема абсурдизации и нормализации невероятного. Он повествует о чудовищном событии – превращении коммивояжера Грегора Замзы в жука – как о повседневном, почти обыденном явлении. Тон повествования сух, объективен и лишен какой бы то ни было патетики. Даже сам герой, обнаружив свою метаморфозу, реагирует не криком ужаса, а тревогой об опоздании на работу и практическими проблемами, связанными с управлением своим новым телом. Его рефлексия сосредоточена не на экзистенциальной катастрофе, а на чувстве физического неудобства и социальных обязательствах.

Именно эта индивидуальная особенность героя Ф. Кафки – его прагматизм, привычка к рутине и глубинная покорность – становится главным инструментом раскрытия философского аспекта. Метафора превращения работает здесь на нескольких уровнях. Во-первых, это метафора отчуждения человека в бюрократическом, бездушном обществе, где он ценится лишь как функция. Во-вторых, это метафора телесности как тюрьмы для души и, в-третьих, – метафора вины без вины, абсурдности человеческого существования как такового. Спокойное, почти апатичное восприятие героем собственной чудовищности заставляет читателя с еще большим ужасом осознать, что настоящая трагедия – не в самом превращении, а в том, как легко система (в этом случае семья, работа) отторгает ставшего неудобным индивида, и как сам он внутренне соглашается с этой логикой.

Ключевой особенностью повести «Күл балыгы» («Озерная рыба») Ф. Байрамовой является ослабленная традиционная событийность повествования. Сюжет здесь не движется цепью внешних действий, а строится как «поток сознания» [\[8, 773\]](#) и переживаний главной героини. В повести, маркированной автором как поэма-фантазия,

мир и человеческие отношения преломляются через призму её восприятия, что рождает «сильную экспрессию, плач души» [\[10, 138\]](#). Этот эффект достигается за счёт точки зрения «рыбы-девушки», чужой в обоих мирах – водном и человеческом. Писатель сумел создать «авторскую модель мира, реализуемую через художественное пространство земли и дна озера, являющихся аллегорическим образом современности» [\[4, 174-175\]](#).

Центральным становится не событие, а состояние: мучительное неприятие собственной новой телесности, описанное с пронзительным психологизмом. «Кинэт мин каршымда үземнең сурәтемне күрәм... Мин, гажәпләнеп, куркып, үз-үземә карап торам. Юк, мин кешегә охшамаганмын. Куркыныч зур яшькелт күзләр, ялварулы караш... һәм бөтенләй чит тән... Таш булып каткан жансыз бер тән. Күккә таба сузылган ап-ак куллар. һәм... балык койрыгы» [\[2: 68\]](#) («Вдруг я вижу перед собой свое изображение... Я смотрю на себя с удивлением и страхом. Нет, я не похожа на человека. Страшно большие зеленые глаза, умоляющий взгляд... И совершенно чужое тело... Бездушное тело, застывшее, как камень. Белые руки, тянущиеся к небу. И... рыбий хвост»), (здесь и далее подстрочный перевод А.Г. Халиуллиной. – А.Х., В.М). Приведённый монолог, где русалка с «удивлением и страхом» созерцает своё отражение – «страшные зеленоватые глаза», «бездушное тело, застывшее, как камень», «рыбий хвост» – является квинтэссенцией этого приёма. Отдельные детали складываются в целостный физический и психологический портрет, где внешнее уродство контрастирует с живой, страдающей душой, что и вызывает мощный эмоциональный отклик у читателя.

Повесть Ф. Байрамовой «на матрице разветвленной интеллектуальной аллегории» [\[5, 141\]](#) поднимает фундаментальные экзистенциальные вопросы. История рыбы-девушки, обитающей в озере, стремящейся к земному человеку, символизирует извечное стремление личности к своему началу, к поиску утраченной целостности. Фраза «Мин үземнең бу күлгә ничек килеп элэгүемне хәтерләмим (...) Мин эле башта үземнең балык икәнемне дә белмәдем» [\[2, 65\]](#) («Я не помню, как я очутилась в этом озере...() Вначале я даже не знала, что я рыба»), указывает на глубинную связь с человеческим обществом, ощущение себя его частью, что делает её изгнание ещё более трагичным. По наблюдению литературоведа Л.Х. Давлетшиной, в творчестве Ф. Байрамовой, через повесть «Озерная рыба», «мотив внеземного происхождения людей и существ, населяющих землю, возникает впервые» [\[4, 173\]](#).

Общество, изображённое в повести, враждебно ко всему, что выходит за рамки обыденного. Земной мужчина, поверивший в девушку-рыбу, подвергается насмешкам; его земная возлюбленная олицетворяет собой коварство и условность человеческих отношений. Любовь русалки, её жертвенность (попытки выйти на лёд, окровавленное тело, ползущее к людям) сталкиваются с непониманием, страхом и жестокостью. Это метафора продолжительной борьбы женщин за индивидуальность и свободу.

Писательница подчёркивает разобщённость людей, их неспособность объединиться ради «общей идеи» – в данном случае, идеи принятия иного. Мир мыслей людей, который способна читать, видеть насквозь, рыба-девушка, полон «безжалостных, подлых, сомнительных» помыслов. Таким образом, главный вопрос повести: кто на самом деле чудовище – внешне непохожая, но любящая и мыслящая рыба-девушка или «бездушное» общество, утратившее милосердие?

Оба персонажа, в сущности, лишены голоса. Если девушка-рыба у Ф. Байрамовой возмущена коллективным движением мелких рыбешек, то это отражает более общую проблему немоты. Эта немота, подобная немоте насекомого у А. Кафки, пронизывает

человеческое существование: сиюминутная суета остается на поверхности, а подлинное, «пресуществленное, скрывается в глубинах души, не умеющей или не смеющей вставить на поверхность моря житейского наши ужасные видения и мечты» [\[1\]](#).

Таким образом, расширенная метафора Ф. Байрамовой – превращение человека в рыбу при сохранении души – раскрывает философские вопросы через уникальные черты своей героини. В отличие от социально-экзистенциального отчуждения у Ф. Кафки, внутренний мир героини Ф. Байрамовой иной. Ее трансформация – это глубоко личное экзистенциальное переживание, вызванное тоской по любимому и безмолвным существованием на дне озера в окружении мелких рыб. Философский замысел образа раскрывается через её уникальные качества – способность читать мысли, парить над водой и всецело верить в любовь, чуждую прагматизму земных людей. «Любовь, понимаемая автором как движущая сила нравственной эволюции человека» [\[4, 174\]](#) создает глубоко эмоциональный фон произведения. Отчуждённость рыбы-девушки от обычного мира, обусловленная связью с природой и устремлённостью к небесам, воплощает метафору телесности как темницы для души, что создаёт прямую параллель с метафорическим миром Франца Кафки. Героиня наделена памятью, которая воскрешает обрывистые картины разных временных моментов трагического прошлого народа, делая ее не просто жертвой обстоятельств, а хранительницей коллективной истории. Г. Гильманов усматривает в повести общественно-политический подтекст [\[3, 98\]](#).

Таким образом, как у Ф. Кафки, так и у Ф. Байрамовой, исходная «жуткая история» является основой для философского обобщения. Однако его конечная форма и эмоциональная окраска определяются не самим фактом метаморфозы, а тем, какими индивидуальными чертами наделен герой и как он взаимодействует с миром через призму своей новой природы. В творчестве Франца Кафки эффект леденящего ужаса достигается через нормализацию абсурда и изображение пассивности «маленького человека», что обнажает механизмы социального и экзистенциального отчуждения. Развивая сходный метафорический каркас, Ф. Байрамова наполняет его иным философским содержанием, выводя на первый план темы утраты человеческой сущности, проблемы свободы личности и извечного конфликта между индивидуальностью и коллективом, которые разрешаются через идею всеобъемлющей любви как поиска утраченной целостности.

Сопоставление с произведением Ф. Кафки «Превращение» выявляет общность в изображении трагедии отчуждения, но и подчёркивает национально-культурное своеобразие произведений.

В обоих произведениях используется приём аллегорического абсурда. У Ф. Кафки метаморфоза Грегора Замзы в насекомое – это яркая метафора, материализующая его ощущение ничтожности и отчуждения в семье и обществе, характерное для западноевропейской литературы того времени. У Ф. Байрамовой превращение в рыбу также является внешним воплощением внутреннего одиночества и «чужеродности» личности. Начав свой литературный путь с психологической повести «Болын» («Луг», 1983), автор в своём втором произведении углубляет психологический анализ, создавая ситуацию, которая позволяет полнее раскрыть внутренний мир человека.

Важнейшим символом в обоих текстах становится преграда. У Ф. Байрамовой – это озеро, покрытое льдом; у Кафки – комната Грегора. Оба пространства одновременно являются убежищем и тюрьмой. Герои предпринимают отчаянные попытки преодолеть этот барьер (русалка бьётся об лёд, Грегор пытается выйти послушать музыку сестры), но

эти попытки лишь наносят им новые душевные и физические раны.

Грегор Замза постепенно примиряется со своим состоянием, его трагедия – в пассивном принятии. Трагедия русалки – в её активном, жертвенном протесте. Она не может смириться и до конца борется за свою любовь и место среди людей. Однако общество в обоих случаях оказывается неготовым к принятию «другого». Оно либо уничтожает его морально и физически, либо доводит до безумия и смерти от отчаяния. Как и Грегор Замза у Ф. Кафки, героиня Ф. Байрамовой сталкивается с жестокостью и непониманием бездушного общества, ее ждёт трагическая гибель: она погибает, отбиваясь о лёд своего родного озера. Земной человек, который поверил в любовь рыбы-девушки, не смог доказать эту истину остальным. Сочтя его безумцем, люди отправляет его в психиатрическую больницу. В этом и проявляется болезнь этого общества.

Смерть Грегора Замзы наступает от гнилого яблока, брошенного отцом. Это не только биологический финал, но и аксиологическое стирание его человеческой сущности. Яблоко, выступая библейской аллюзией на грехопадение и тление, становится инструментом символического умерщвления.

Кафка изображает финальную сцену, где семья, сбросившая с себя бремя заботы о чудовищном сыне, предается светлой, почти идиллической прогулке. Этот эпизод, пронизанный ощущением освобождения и возрождения, демонстрирует жестокий механизм коллективного забвения, где устранение «другого» становится залогом возвращения к гармонии и жизни.

Различие финалов обусловлено авторским стилем писателей. Ф. Кафка описывает смерть Грегора с сухой, почти протокольной бесстрастностью, что усиливает абсурд и ужас происходящего. Татарская писательница Ф. Байрамова, напротив, использует всю силу экспрессии: агония девушки-рыбы на льду, «красные пятна крови», её предсмертная мольба – это кульминация «плача души».

Её гибель и таит в себе надежду: уход в небеса с обещанием вернуться «каплей росы» коренится в диалектике жизни и смерти, в которой сплетаются народная мифология, отголоски исламского мировоззрения и древние языческие верования.

Таким образом, повесть Ф. «Күл балыгы» («Озерная рыба») – это целостное художественное высказывание о трагедии «другого» в бездушном обществе. В повести акцент ставится на внутренний, духовный мир героини, чья экспрессия становится главным сюжетообразующим элементом. Через призму образа рыбы-девушки писатель поднимает остросоциальные и глубоко философские проблемы отчуждения, утраты человеческой сущности, свободы личности и жертвенной любви.

Сопоставление с новеллой «Превращение» Ф. Кафки демонстрирует универсальность темы столкновения личности и общества, но и в то же время подчеркивает национальный колорит произведения Ф. Байрамовой: если Ф. Кафка показывает безысходность и абсурд человеческого существования как такового, то Ф. Байрамова, через связь с народной мифологией и диалектикой жизни, оставляет трагический, но не окончательно безнадежный взгляд на вечное стремление души к свободе и любви, даже ценой гибели.

Библиография

1. Белоножко В. Превращение Владимиром Набоковым "Превращения" Франца Кафки [Электронный ресурс] // Сайт "Франц Кафка". URL: <http://www.kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya>

2. Бәйрамова Ф. Күл балыгы / Ф. Бәйрәмова // Бәйрамова Ф. Моң. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. Б. 65-88.
3. Гыйльман Г. Заман сүз сорый: әдәби тәнкыйть мәкаләләре / Г. Гыйльман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 208 б.
4. Давлетшина Л.Х. Современная татарская проза в контексте актуальной мифологической традиции. Монография, Казань, 2022. 312 с. EDN: UMQEDQ
5. Заһидуллина Д.Ф. Хәзерге татар әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2008. 420 б.
6. Ибрагимов, Б. Х. Интеллектуальные тенденции в прозе Фаузии Байрамовой / Б.Х. Ибрагимов // Филология и культура. 2016. № 3(45). С. 96-100. – EDN XCSXZD.
7. Кафка Ф. Превращение: Рассказы, афоризмы. СПб.: Азбука-классика. 2009. 320 с.
8. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. редактор и составитель А. Н. Николюкин. Москва: НПК "Интелвак", 2001. 1594 с. EDN: SBSDDP
9. Татар халык иҗаты: 25 томда. Т.1.: Мифология. Төз Л.Х. Дәүләтшина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 511 б.
10. Халиуллина А. Заман һәм герой. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2007. 206 с. EDN VVVCOZ.
11. Шәмсутова А. А. Фәүзия Бәйрәмова прозасы (фәлсәфи-эстетик карашлар, образлар системасы, психологизм һәм мотивлар). Казан: ТДГИ нәшр., 2005. 100 б.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Философские параллели в новелле "Превращение" Ф. Кафки и повести "Озерная рыба" Ф. Байрамовой» представляет собой тщательно разработанное сравнительное исследование, направленное на выявление универсальных экзистенциальных и гуманистических мотивов в произведениях двух писателей, принадлежащих к разным культурным и историческим традициям. Предметом исследования выступает философско-эстетическая природа метаморфозы как художественного приёма, а также проблема отчуждения личности в социокультурной среде. Автор статьи предпринимает удачную попытку не просто сопоставить две ключевые фигуры – Грегора Замзу и рыбу-девушку, – но и рассмотреть их как знаки универсальных экзистенциальных архетипов, объединённых идеей поиска человечности в условиях тотального непонимания и изоляции.

Методологически работа построена на прочной научной основе. Автор использует сравнительный, герменевтический, философский и культурологический методы, сочетая текстуальный анализ с интерпретацией символов, архетипов и мотивов. Такой подход позволяет выявить общие и отличительные черты мировоззрения писателей, показать, как схожие мотивы воплощаются в разных художественных системах – западноевропейского модернизма и татарского неомифологизма. Использование междисциплинарных подходов, включающих мифопоэтику и философию экзистенциализма, придаёт исследованию теоретическую глубину. Однако в рецензируемом тексте методологическая часть могла бы быть расширена за счёт более явного обозначения концептуальных источников (например, ссылок на работы Ж.-П. Сартра, А. Камю или Э. Фромма, к которым так или иначе восходит анализ отчуждения), что придало бы дополнительную стройность и философскую аргументированность.

Актуальность статьи несомненна. В современном литературоведении всё больше

внимания уделяется транскультурным сопоставлениям, которые выявляют универсальные закономерности художественного мышления. Исследование выстраивается в логике гуманистического диалога культур, где Кафка и Байрамова представлены не как представители противоположных миров, а как создатели созвучных по смыслу художественных вселенных. Особую значимость придаёт исследованию обращение к творчеству Фаузии Байрамовой — писательницы, в научной литературе ещё недостаточно осмысленной в контексте мировой философской традиции. Введение в научный оборот сравнительного анализа её повести с новеллой Кафки можно считать важным вкладом в развитие межкультурного компаративизма.

Научная новизна работы заключается в том, что автор рассматривает мотив метаморфозы как общую философскую парадигму, связывающую западноевропейский экзистенциализм и восточную мифопоэтическую традицию. Сопоставление Грегора Замзы и героини Байрамовой строится не по внешним признакам сюжета, а на глубинном уровне — как осмысление духовной дегуманизации общества и попытка человека сохранить внутреннюю целостность. Автор статьи убедительно показывает, что у Кафки отчуждение предстает как социально-экзистенциальная катастрофа, тогда как у Байрамовой — как духовная драма, вписанная в метафизический контекст, где любовь выступает высшей формой сопротивления отчуждению. Этот акцент на женской жертвенности и мифопоэтической символике делает исследование особенно ценным для понимания национальной специфики татарской прозы.

Статья отличается ясной структурой и последовательным развитием мысли. От введения, в котором обозначены цели, задачи и теоретическая база, автор логично переходит к анализу текстов, сопровождая его точными цитатами и обоснованными комментариями. Сравнительный анализ центральных образов выполнен на высоком уровне, при этом автор умело избегает пересказа сюжета, сосредоточиваясь на философской и художественной интерпретации. Особое внимание уделено символике пространств (озеро и комната), проблеме немоты героев, мотиву любви и жертвенности — всё это демонстрирует глубокое проникновение в поэтику сравниваемых произведений. Однако можно отметить, что в заключительной части текста несколько не хватает синтетического обобщения — стоило бы более чётко сформулировать, как выявленные философские параллели раскрывают универсальные закономерности литературного сознания XX века. Стиль изложения выдержан в академическом регистре, отличается логичностью, аргументированностью и образностью. Автор успешно сочетает научную строгость с художественно-аналитической выразительностью. Использование цитат на татарском языке с переводом усиливает аутентичность и демонстрирует компетентность исследователя в работе с оригинальными текстами. В работе отсутствуют речевые и пунктуационные ошибки, стиль единообразен, язык научно корректен.

Библиография подобрана тщательно и отражает современный уровень филологического знания. Представлены как фундаментальные источники по теории литературы и философии, так и актуальные исследования татарской прозы. Источники систематизированы, приведены в соответствии с академическими требованиями. Для усиления аргументации в дальнейшем можно было бы включить англоязычные работы о рецепции Кафки и исследования по философии метаморфозы в контексте постмодернизма.

Автор корректно соотносит свою позицию с мнениями оппонентов, ссылаясь на труды Давлетшиной, Загидуллиной, Ибрагимова, Шамсутовой, демонстрируя знание состояния научной дискуссии о творчестве Ф. Байрамовой. Апелляция к оппонентам выдержана в научно-конструктивном тоне, без излишней полемики, что усиливает академическую взвешенность изложения.

В целом, статья представляет собой зрелое, концептуально выстроенное исследование,

демонстрирующее высокий уровень аналитической культуры и глубокое понимание литературного материала. Она вносит вклад в развитие сравнительного литературоведения и философии литературы, предлагая оригинальное прочтение известных текстов через призму межкультурного диалога.

Полагаем, что рецензируемую статью можно рекомендовать к публикации без существенных замечаний. Возможными точками для незначительной доработки в будущих работах могут стать: более развернутая характеристика методологической базы (включение философских источников по экзистенциализму) и уточнение обобщающих выводов в финале для усиления теоретического акцента.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в якутском языке: модель начала существования, события, действия // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76944 EDN: DBQYCH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76944

Бытийные конструкции в якутском языке: модель начала существования, события, действия

Сивцева Наталия Александровна

ORCID: 0000-0001-5569-022X

кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник; Институт гуманитарных проблем и малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб 205.

✉ sivnanat@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76944

EDN:

DBQYCH

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию синтаксических моделей бытийных конструкций в якутском языке. В ней рассматривается модель начала существования, события, действия в аспекте проблемы выявления ядерных и периферийных средств выражений как элементов поля функционально-семантических категорий. Актуальность данной статьи обусловлена современными подходами в изучении якутского языка как системы, представленной разноуровневыми средствами ее выражения. Предложение как основная синтаксическая единица отображается в модели, «объединяющей инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих завершенность предложения, и соотношенные с ними обобщенные пропозиции». Структурная схема модели начала существования, события, действия в якутском языке состоит из субъекта и предиката экзистенциального типа, выраженного глаголами бытия. Типовое значение модели – «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться,

происходить». Основу данного исследования составляет функционально-семантический подход в изучении явлений языка, предполагающий целостную организацию универсальных семантических категорий. В исследовании применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, метод глоссирования для представления иллюстративного материала. Новым является представление модели начала существования, события, действия как составляющей функционально-семантического поля бытийности в якутском языке. Определено, что субъект рассматриваемой синтаксической модели может быть изложен именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в форме основного падежа во множественном или единственном числе, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо. Предикат указанной модели может быть выражен базовыми глаголами, представляющими подгруппу начала существования лексико-семантической группы глаголов бытия, саҕалан 'начинаться', төрөө 'рожать, родиться, рождаться', үөскээ 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'. Определено, что синтаксическая модель начала существования в якутском языке представлена 4 структурными типами. Выявлено, что данная модель может быть конкретизирована локализатором, выраженным именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в дательном падеже.

Ключевые слова:

функциональная грамматика, категория, бытийность, семантика, функция, модель, конструкция, средства выражения, глагол, якутский язык

Введение. В данной статье излагаются результаты исследований, посвященных бытийным конструкциям в якутском языке в аспекте проблемы выявления ядерных и периферийных средств выражений как элементов поля функционально-семантических категорий. Актуальность данной статьи обоснована необходимостью применения современных подходов в изучении якутского языка как системы, состоящей из разноуровневых средств ее выражения. Исследование основано на функционально-семантическом подходе в изучении явлений языка, согласно которому системная организация универсальных семантических категорий представлена их определенным содержанием и средствами выражения [\[3, с. 52-53; 4, 208 с.\]](#). Статья представлена в целях изложения синтаксической модели начала существования, события, действия в соответствии с принципами функционально-семантического анализа на материале якутского языка. Исследование основано на тезисе о том, что предложение, как основная синтаксическая единица, выражается в модели, представляющей образец, заключающий в себе инварианты минимальных структурных схем, которые обеспечивают завершенность предложения и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции [\[11, с. 64-76; 16, с. 56-61; 17, с. 6; 18, с. 46-57\]](#). Данная статья основана на положениях теоретических исследований, посвященных бытийным синтаксическим единицам [\[1, с. 229-238; 2, 198 с.; 9, 25 с.; 10, с. 149-154; 15, с. 26 с.; 19, с. 78-81; 20, с. 203-206; 21, 22 с.; 22, с. 115-123\]](#). В ней применены метод сплошной выборки при формировании материала из лексикографических источников, метод моделирования, а также метод глоссирования для представления иллюстративного материала. Статья является продолжением изысканий, посвященных изучению бытийных конструкций в якутском языке, их текстообразующей функции [\[12, 13, 14\]](#). В исследовании впервые рассматривается

синтаксическая модель начала существования в аспекте проблемы определения средств выражения функционально-семантического поля категории бытийности в якутском языке.

Модель начала существования, события, действия.

Типовая семантика модели – «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться, происходить» [4, с. 367]. В указанной ситуации задействованы следующие актанты: 1) субъект, представленный именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в основном падеже; 2) предикат экзистенционального типа, выраженный глаголом начала существования, события, действия. Субъект может быть изложен именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо.

Структурная схема модели имеет следующий вид:

N(ADJ, PRON) Vex,

где N – имя существительное в основном падеже, ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже, PRON – местоимение в основном падеже, Vex – глагол бытия.

Базовые глаголы лексико-семантической группы, выражающей ситуацию начала существования, события, действия, *са алаҥ* 'начинаться', *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо' могут выступить в качестве предиката конструкций данной модели.

Структурные типы синтаксической модели начала существования, события, действия. В соответствии с их формами варианты данной модели делятся на следующие структурные типы:

1) N Vex, где N – имя существительное в основном падеже, Vex – глагол бытия, выражающий ситуацию начала существования, события, действия. Пример:

Үчүгэй-кээн торбос төрөө-тө

Хороший-ADJ теленок родиться-PRET-3SG

'Хорошенький теленок родился';

2) ADJ Vex, где ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже, Vex – глагол бытия, выражающий ситуацию начала существования, события, действия. Пример:

Үчүгэй үөскээтэ, кырдьык төрөөтө, сана саҕаланна

Хороший происходить-PRET-3SG, правда возникнуть-PRET-3SG, новый начинаться-PRET-3SG

'Хорошее произошло, правда возникла, новое началось'.

3) PRON Vex, где PRON – местоимение в основном падеже, Vex – глагол бытия, выражающий ситуацию начала существования, события, действия. Пример:

Кини төрөөбүтэ

Он родиться- NPST-3SG

‘Он родился’;

4) Рассматриваемая модель N(ADJ, PRON) Vex может быть конкретизирована локализатором, выраженным именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в дательном падеже:

N(ADJ, PRON) N(ADJ, NUM, PRON)-DAT Vex,

где N – имя существительное в основном падеже, PRON – местоимение в основном падеже, ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже, NUM – имя числительное, PRON – местоимение, Vex – глагол бытия, выражающий ситуацию начала существования, события, действия, DAT – дательный падеж. В состав указанного варианта модели начала существования входят: 1) субъект; 2) локализатор, выраженный именем существительным, именем прилагательным, именем числительным, либо местоимением в дательном падеже; 3) предикат экзистенционального типа, изложенный глаголом начала существования, события, действия. Примеры:

- N N-DAT Vex:

Үчүгэй-кээн торбос хотонно төрөө-тө

Хороший-ADJ теленок хлев-DAT родиться- PRET-3SG

‘Хорошенький теленок родился в хлеву’;

N ADJ-DAT Vex:

Торбос үчүгэйгэ төрөө-тө

Теленок хороший-DAT родиться- PRET-3SG

‘Теленок родился к хорошему’;

N NUM-DAT Vex:

Торбос иккигэ төрөө-тө

Теленок два-DAT родиться- PRET-3SG

‘Теленок родился к двум (часам)’;

N PRON-DAT Vex:

Торбос киниэхэ төрөө-тө

Теленок он(она)-DAT родиться- PRET-3SG

‘Теленок родился у него (нее)’;

- ADJ N -DAT Vex:

Үчүгэй үөрүүгэ үөскээтэ

Хороший радость-DAT возникнуть- PRET-3SG

‘Радость возникла к хорошему’;

ADJ ADJ -DAT Vex:

Үчүгэй үчүгэйгэ үөскээтэ

Хороший хороший-DAT возникнуть-PRET-3SG

‘Радость возникла к хорошему’;

ADJ NUM-DAT Vex:

Үчүгэй үскэ үөскээтэ

Хороший три-DAT возникнуть- PRET-3SG

‘Радость возникла у троих (Радость возникла в три (часа))’;

ADJ PRON-DAT Vex:

Үчүгэй киниэхэ үөскээтэ

Хороший он (она)-DAT возникнуть- PRET-3SG

‘Радость возникла у него (нее)’;

- PRON N-DAT Vex:

Кини дьиэбэ төрөөбүтэ

Он дом-DAT родиться- NPST-3SG

‘Он родился в доме’;

- PRON ADJ -DAT Vex,

Кини үчүгэйгэ төрөөбүтэ

Он хлев-DAT родиться- NPST-3SG

‘Он родился в хлеву’;

- PRON NUM -DAT Vex,

Кини иккигэ төрөөбүтэ

Он два-DAT родиться- NPST-3SG

‘Он родился к двум (часам)’;

- PRON PRON-DAT Vex,

Кини биһиэхэ төрөөбүтэ

Он (она) мы-DAT родиться-NPST-3SG

‘Он (она) родился у нас’.

В синтаксической модели начала существования, события, действия и ее структурных типах субъект всегда представлен в форме основного падежа во множественном или единственном числе.

Глагол в синтаксической модели начала существования. Базовыми глаголами лексико-семантической группы глаголов, обозначающей начальную фазу бытия, существования, являются глаголы *саᠰалан* 'начинаться', *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться', *үөскээ* 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо'.

В конструкциях с глагольным предикатом *саᠰалан* 'начинаться' выражается семантика 'иметь начало, возникать, появляться; начинаться' [5, с. 135]:

Өлүөнэ өрүс Байкал таһыттан саᠰаланар

Лена река Байкал POST начинаться-PRES-3SG

'Река Лена начинается с Байкала';

Сайынны сылаас күннэр саᠰаланнлар

Летний теплый день-PL начинаться-PRET-3PL

'Начались летние теплые дни'.

В конструкциях с глагольным предикатом *саᠰалан* представлено и значение 'начинать совершаться, происходить, начинаться' [5, с. 135]:

Устудьуон олоҕо саᠰаланар

Студент жизнь-POSS-3SG начинаться-PRES-3SG

'Начинается жизнь студента';

Мунньах саᠰаланар

Собрание начинаться-PRES-3SG

'Начинается собрание';

Оттуур кэм саᠰаланна

Сено-PRES-3SG время начинаться-PRET-3SG

'Началось время сенокоса'.

Конструкции с глаголом бытия *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться' встречаются в следующих значениях [6, с. 556-558]:

ЛСВ1: 'производить на свет младенца, детёныша, давать жизнь младенцу, детёнышу, рожать (о женщине, самке животного)':

Лена бокуойа суох сыл аайы төрүүр

Лена покой-POSS-3SG NEG год POST рожать-PRES-3SG

'Лена без покоя рождает каждый год';

Ынах үксүн муус устарга уонна ыам ыйыгар төрүүр

Корова обычно апрель-DAT и май-DAT рожать/телиться-PRES-3SG

‘Корова обычно телится в апреле и мае’;

ЛСВ2: ‘появляться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)’:

Кыыс оҕо төрөөтө

Девочка ребенок родиться-PRET-3SG

‘Родилась девочка’;

Биэс куоска оҕото төрөөтө

Пять кошка ребенок-POSS-3SG родиться-PRET-3SG

‘Родилось пять котят’;

ЛСВ3: ‘появляться, возникать, рождаться (о чём-л. новом)’:

Кырдьык мөккүөртэн төрүүр

Правда спор-ABL родиться-PRES-3SG

‘Правда рождается из спора’;

Ырыам изйииттэн төрүүр

Песня-POSS-3SG вдохновение-ABL родиться-PRES-3SG

‘Моя песня рождается из вдохновения’.

Конструкции с глаголом бытия *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’ встречаются в следующих значениях [\[7, с. 504-505\]](#):

ЛСВ1: ‘появиться, возникнуть в результате чего-л., происходить от чего-л.’:

Ырыа үөрүүттэн үөскүүр

Песня радость-ABL появиться-PRES-3SG

‘Песня появляется из радости’;

Олонхо былыр үөскээбит

Олонхо древность появиться-NPST-3SG

‘Олонхо появилось в древности’;

ЛСВ2: ‘плодиться, размножаться’:

Куобах үөскээбит

Заяц плодиться-NPST-3SG

‘Заяц расплодился’.

Үөн сииктээххэ үөскүүр

Насекомое влажность-PROPR-DAT насекомое размножаться-PRES-3SG

‘Насекомое размножается во влажности’.

ЛСВЗ: ‘происходить от кого-л., откуда-л., быть родом откуда-л., вырастать где-л.’:

Кини ыраах хайаба үөскээбит

Он (она) далекий гора- DAT вырасти-NPST-3SG

‘Он (она) вырос (выросла) в далеких горах’.

Глагол *са□алан* ‘начинаться’, представляющий форму возвратного залога от глагола *са□алаа* ‘приступать к какому-либо действию; начинать’ с аффиксом – *н*, обозначающим действие, совершаемое грамматическим субъектом, мыслимое как направленное прямо или косвенно на самого производителя действия [8, с. 260], выражает ситуацию начала существования, события, действия в значениях ‘иметь начало, возникать, появляться; начинаться’ и ‘начинать совершаться, происходить, начинаться’. Глагол *төрөө* ‘рожать, родиться, рождаться’ обозначает указанную ситуацию в следующих лексико-семантических вариантах: ‘производить на свет младенца, детёныша, давать жизнь младенцу, детёнышу, рожать (о женщине, самке животного)’; ‘появляться на свет в результате родов, родиться (о человеке, животном)’. Ситуация начала существования, события, действия в якутском языке обозначается глаголом бытия *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’ в следующих значениях: ‘появиться, возникнуть в результате чего-л., происходить от чего-л.’; ‘плодиться, размножаться’; ‘происходить от кого-л., откуда-л., быть родом откуда-л., вырастать где-л.’.

Заключение. Рассмотренная синтаксическая модель с типовой семантикой «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться, происходить» в якутском языке состоит из субъекта, представленного именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в основном падеже, и предиката экзистенционального типа, выраженного глаголом начала существования, события, действия. Субъект может быть изложен именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в форме основного падежа во множественном или единственном числе, обозначающими одушевленное либо неодушевленное лицо. Предикат указанной модели может быть выражен базовыми глаголами, представляющими подгруппу начала существования лексико-семантической группы глаголов бытия, *са□алан* ‘начинаться’, *төрөө* ‘рожать, родиться, рождаться’, *үөскээ* ‘рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо’. Определено, что синтаксическая модель начала существования, события, действия в якутском языке представлена 4 структурными типами. Выявлено, что данная модель может быть конкретизирована локализатором, выраженным именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, местоимением в дательном падеже.

Условные обозначения

З – третье лицо, ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже,

ABL – исходный падеж, DAT – дательный падеж, N – имя существительное в основном падеже, NEG – отрицательная форма глагола, NPST – преждепрошедшее повествовательное время, NUM – местоимение, PL – множественное число, POST – послелог, POSS – имя притяжательное, принадлежность, PRES – настоящее-будущее время, PRET – недавнопрошедшее время, PRON – местоимение в основном падеже, PROP – показатель обладания; проприетарный суффикс *-лаах*, SG – единственное число, Vex – глагол бытия.

Сокращение

ЛСВ – лексико-семантический вариант.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. № 3. С. 229-238.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
3. Бондарко А.В. Бытийность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак, И.Б. Долинина. СПб.: Наука, 1996. Т. 6. С. 52-53.
4. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 1999. 576 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 8 / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 10 / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. 576 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 12 / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 600 с.
8. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 495 с.
9. Дурова М.В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке: автореф. канд. д. филол. наук. Новосибирск, 2016. 25 с. EDN: ХВКJMQ.
10. Ефремов Н.Н. Бытийные конструкции в эпическом тексте (по материалам эпического героического эпоса олонхо) // Гуманитарный вектор. 2013. № 4. С. 149-154. EDN: RTVFVL.
11. Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 64-76. EDN: HYRSFN.
12. Сивцева Н.А. Бытийные конструкции в прозаическом тексте П.А. Ойунского: модель начала существования, события, действия // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 354-363. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76074 EDN: CRYURD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76074
13. Сивцева Н.А. Textoобразующие возможности глаголов бытия *баар* 'быть, существовать', *сырыт* 'жить, быть, пребывать, находиться где-либо' в инициальных формулах якутских волшебных сказок // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2020. № 4. Т. 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>.

14. Сивцева Н.А. Текстобразующий потенциал глагола начала существования *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться' в якутском языке // Мир науки. Социология, филология и культурология. 2022. № 2. Т. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>.
15. Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в алтайском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 26 с. EDN: QDPFIR.
16. Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 56-61. EDN: TNEZHV.
17. Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: изд-во "Любава", 2008. 205 с. EDN: RUOALH.
18. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 1996. № 4. С. 46-57. EDN: TBXINZ.
19. Чугунецова А.Н. Бытийно-перцептивные модели предложений в хакасском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 78-81. EDN: SKHLKN.
20. Чугунецова А.Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 1. С. 203-206. EDN: PUVAUX.
21. Шилова В.В. Система пространственных моделей элементарных простых предложений в ненецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 22 с. EDN: QDTAIN.
22. Шилова В.В. Бытийно-перцептивные модели элементарных простых предложений в ненецком языке: модели исчезновения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. Выпуск 12. С. 115-123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Бытийные конструкции в якутском языке: модель начала существования, события, действия», предложенной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», стала категория бытийности в якутском языке, анализируемая с позиций функционально-семантического подхода, согласно которому «системная организация универсальных семантических категорий представлена их определенным содержанием и средствами выражения». Актуальность проблемы, поднимаемой в статье, определяется необходимостью использования новых исследовательских приемов в изучении языка как системы, в данном случае – якутского языка.

Статья четко структурирована. Вначале автор представляет типовую модель начала существования, события, действия, которая имеет вид $N(ADJ, PRON) Vex$ (N – имя существительное в основном падеже, ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже, $PRON$ – местоимение в основном падеже, Vex – глагол бытия), где последнее выражается базовыми глаголами типа *саҕалан* 'начинаться', *төрөө* 'рожать, родиться, рождаться'.

Далее определяются 4 основных структурных типа синтаксической модели начала

существования, события, действия:

1) N Vex; 2) ADJ Vex (где ADJ – субстантивированное имя прилагательное в основном падеже); 3) PRON Vex (где PRON – местоимение в основном падеже); 4) N(ADJ, PRON, N(ADJ, NUM, PRON)-DAT Vex (NUM – имя числительное, DAT – дательный падеж).

В выявленных типах модели субъект «всегда представлен в форме основного падежа во множественном или единственном числе». Круг глаголов бытия, используемых в данных конструкциях, довольно ограничен, автор отмечает саҕалан 'начинаться', төрөө 'рожать, родиться, рождаться', үөскээ, который имеет развернутый ряд значений: 'рождаться, происходить из чего-либо, происходить, быть родом откуда-либо, вырастать где-либо' используется в значениях 'появиться, возникнуть в результате чего-л., происходить от чего-л.'; 'плодиться, размножаться'; 'происходить от кого-л., откуда-л., быть родом откуда-л., вырастать где-л.'. В исследовании анализируются семантические возможности изучаемых глаголов. Однако, на наш взгляд, при анализе можно было бы уделить внимание и использованию глаголов бытия в устойчивых выражениях, фразеологизмах и поговорках, в которых могли быть обнаружены случаи отклонения от общепринятой модели.

Исследование структуры предложения в зависимости от семантики наполняемых их лексических единиц позволяет устанавливать системные отношения в языке. В рецензируемой статье дается характеристика синтаксической модели с типовой семантикой «начинать (начать) свое существование, появляться (появиться), становиться (стать) существующим; начинать (начать) осуществлять какие-либо действия, совершаться, происходить» в якутском языке, однако, следует отметить, что такая конструкция свойственна и другим тюркским языкам, что обусловлено особенностями синтаксической типологии тюркских языков, предполагающими определенный порядок слов в предложении.

Стиль изложения в статье соответствует научному, содержание раскрывает тему статьи. Использованные в качестве подкрепления авторской мысли библиографические источники тщательно отобраны.

Считаем, что статья «Бытийные конструкции в якутском языке: модель начала существования, события, действия», представленная для публикации в журнале «Филология: научные исследования», будет иметь интерес среди читательской аудитории. С учетом исправления некоторых речевых недочетов (требуется поработать над устранением тавтологий) статья рекомендуется в печать.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рахими Л., Голами Х., Камранзад Н. Соматические фразеологии с компонентом «нос» в русском и персидском языках // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76746 EDN: CZKBYM
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76746

Соматические фразеологии с компонентом «нос» в русском и персидском языках

Рахими Лейла

ORCID: 0009-0007-2707-0390

аспирант; кафедра русского языка и литературы; Тегеранский университет

Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали

✉ l.rahimi1377@gmail.com

Голами Хоссейн

ORCID: 0000-0002-6343-2690

кандидат филологических наук

профессор; кафедра русского языка и литературы; Тегеранский университет

Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали

✉ hgholamy@ut.ac.ir

Камранзад Негин

ORCID: 0009-0005-1786-7238

магистр; кафедра русского языка и литературы; Тегеранский государственный институт

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали

✉ nkamranzad2@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76746

EDN:

CZKBYM

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2025

Аннотация: настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу фразеологических единиц с соматическим компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) в русском и персидском языках. Фразеологизмы рассматриваются как отражение национальной картины мира, в которых закреплены особенности мышления, эмоций и культурных установок каждого народа. Предметом исследования являются фразеологические единицы, содержащие лексику «нос» в русском языке и её персидский эквивалент «دماغ» (дамаг), а также их семантические, структурные и аксиологические особенности. Методологическую основу работы составляют сопоставительный и контекстуальный методы, элементы аксиологического и семантико-культурного анализа. Материал исследования извлечён из толковых и фразеологических словарей, литературных источников и пословичных сборников. В процессе исследования выявлены как универсальные, так и национально-специфические черты функционирования фразеологических единиц с данным компонентом. Установлено, что в обеих лингвокультурах «нос» / «دماغ» (дамаг) выполняет символическую функцию, отражая физические и психологические особенности человека, его отношение к миру, эмоции, поведенческие и социальные характеристики. Русская фразеология демонстрирует когнитивно-поведенческую направленность (самооценка, гордость, отношение к обстоятельствам), тогда как персидская акцентирует эмоционально-психологическую сферу (настроение, бодрость, внутреннее равновесие). Научная новизна исследования заключается в системном подходе к анализу фразеологических единиц с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг), впервые рассмотренных в аксиологическом и культурологическом аспектах в сопоставительном контексте. Полученные результаты подтверждают, что фразеологизмы данной группы играют ключевую роль в формировании национальной картины мира, являясь средством выражения духовных и культурных ценностей. Выводы исследования могут быть использованы в практике преподавания русского и персидского языков, в курсах межкультурной коммуникации, переводоведении и фразеологии. Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом современной лингвистики к вопросам взаимодействия языка и культуры, а также необходимостью изучения способов репрезентации человеческого тела в языковой картине мира разных народов. Анализ фразеологических единиц с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) позволяет выявить сходства и различия в восприятии человека и его эмоциональных состояний в русской и персидской лингвокультурах.

Ключевые слова:

фразеология, аксиологический анализ, сравнительный анализ, картина мира, значение, нос, соматическая фразеология, русский язык, персидский язык, фразеологические единицы

Введение

Фразеологические единицы, являясь неотъемлемой частью лексической системы языка, представляют собой одно из наиболее ярких проявлений национального мышления и коллективного опыта народа. Они концентрируют в себе многовековую мудрость, традиции, ценностные ориентиры и культурные установки, передаваемые из поколения в поколение. Как отмечают лингвисты, фразеология — это своеобразная «энциклопедия народной жизни», в которой отразились особенности мировосприятия, эмоциональные реакции и духовная культура этноса.

В последние десятилетия интерес к изучению фразеологических единиц значительно возрос. Это связано с тем, что фразеология занимает центральное место в антропоцентрической парадигме современного языкознания. Фразеологизмы рассматриваются не просто как устойчивые словосочетания, а как элементы языковой картины мира, в которых закреплены культурно-национальные стереотипы и символы. Они выражают отношение человека к действительности, передают оценку, эмоции и мировоззренческие установки.

Особое место в фразеологической системе любого языка занимают соматические фразеологизмы — выражения, в состав которых входят названия частей человеческого тела. Именно тело, как наиболее близкая человеку реальность, служит источником многочисленных метафор и символов. Через тело человек познаёт внешний мир, оценивает окружающее и выражает внутреннее состояние. Не случайно многие фразеологические единицы, включающие соматические компоненты, характеризуют черты характера, эмоциональные состояния, социальные отношения и поведение человека.

Исследования в области соматической фразеологии русского и персидского языков показывают, что данные выражения отличаются богатством образов и высокой степенью экспрессивности. Однако при всём разнообразии можно выделить общие закономерности: большинство соматических фразеологизмов формируются на основе универсальных человеческих представлений о теле и его функциях. При этом каждый народ придаёт этим представлениям собственные культурно-оценочные оттенки, что делает их важным материалом для сопоставительного анализа.

Одним из самых интересных и в то же время малоизученных компонентов соматической фразеологии является нос — орган, который одновременно выполняет физиологические и символические функции. В русском и персидском языках слово «нос» / «دماغ» (дамаг) часто встречается не только в прямом, но и в переносном значении, отражая различные аспекты человеческого поведения, психологии и взаимоотношений. Через данный компонент в языке реализуются такие понятия, как гордость, любопытство, неудача, усталость, радость, уныние и другие эмоциональные состояния.

Нос, как часть человеческого тела, с древности рассматривался не только как орган дыхания и обоняния, но и как важный элемент внешности, влияющий на восприятие личности. В фольклоре и народных пословицах многих народов нос связывается с умом, характером, гордостью, настойчивостью и даже судьбой человека. Не случайно в русском языке появились выражения «задирать нос», «вешать нос», «держат нос по ветру», а в персидском — (дамаг сухтан) «دماغ سوختن», (дамаге чаг даштан) «دماغ چاق داشتن», (дамаг пейда кардан) «دماغ پیدا کردن» и др. Подобные единицы не только украшают речь, но и несут глубокий культурный смысл, отражая отношение народа к определённым чертам характера и моделям поведения.

Цель настоящей работы — провести сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом «нос» / (дамаг) «دماغ» в русском и персидском языках и определить, какие культурные, психологические и оценочные значения они выражают.

Основная часть

Фразеологические единицы представляют собой одну из наиболее выразительных и устойчивых форм национального языкового сознания. В них концентрируются многовековые наблюдения народа над жизнью, человеческими отношениями, эмоциональными состояниями и явлениями окружающего мира.

По определению Н. М. Шанского, «фразеологизм – это устойчивое сочетание слов, значение которого воспроизводится в речи как готовая единица и не складывается из значений его компонентов» [\[1, с. 4,6\]](#).

Такое понимание подчёркивает семантическую целостность и особый образный характер данных единиц. Фразеологизмы служат не только средством номинации, но и выражением эмоциональной оценки, национальных традиций и коллективного опыта народа.

Как отмечает Даль В. И., фразеологизмы выполняют в языке не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию: через них «народ выражает своё отношение к действительности, фиксирует коллективный опыт и национальные традиции» [\[2, с. 3\]](#). Они позволяют языку не просто обозначать предметы и явления, но и передавать эмоции, интонации, оценки, социальные и культурные смыслы. Именно этим объясняется устойчивость фразеологизмов и их активное употребление в разговорной и литературной речи.

Особый интерес в системе фразеологии представляют соматические фразеологизмы – выражения, в составе которых присутствуют названия частей тела человека. Такие единицы образуют крупное семантическое поле, в котором тело выступает как метафора внутреннего мира, характера, настроения и поведения человека. С. Г. Мехтиханлы подчёркивает, что соматизмы «являются одним из древнейших и наиболее продуктивных источников фразеологических единиц, поскольку тело человека служит универсальной моделью познания мира» [\[3, с. 17\]](#). Части тела – глаза, рука, сердце, язык, голова, нос – выполняют особую роль в формировании образов и оценок. Через них человек описывает не только физические состояния, но и психические, эмоциональные и моральные категории. Именно соматическая лексика чаще всего становится источником экспрессивных оборотов: «тело человека – это зеркало эмоций, поэтому названия его частей служат основой метафорической системы языка».

Среди соматических компонентов особенно выделяется нос, который обладает богатым культурно-символическим потенциалом. В русском языке слово нос – одно из наиболее продуктивных в создании фразеологических сочетаний. Оно отражает широкий спектр понятий: от физических характеристик до эмоциональных и моральных состояний. Слово нос в русском языке имеет богатую семантику. Согласно толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, нос – это «выступающая часть лица, предназначенная для дыхания и обоняния; передняя часть чего-либо, выступ». В толковом словаре русского языка нос определяется не только как часть лица, но и как элемент, способный обозначать «переднюю часть, выступ, начало чего-либо» – что уже само по себе способствует переносным ассоциациям и метафоризации [\[4, с. 596\]](#).

В персидском языке слово (дамаг) «دماغ» обладает многоуровневой семантикой, выходящей далеко за пределы анатомического значения. Согласно толковому словарю персидского языка М. Му'ина, слово (дамаг) «دماغ» обозначает не только «орган обоняния», но и «центр жизненных сил, настроение, дух и гордость человека». В персидской традиции слово (дамаг) «دماغ» нередко воспринимается как символ внутреннего состояния личности: жизненной энергии, радости или, напротив, уныния и поражения. Так, выражения (дамаге чаг даштан) «دماغ چاق داشتن» – букв. «иметь толстый нос» – означает «быть в хорошем настроении, чувствовать бодрость», а «دماغ کسی سوختن» – «нос кого-то сгорел» – передаёт смысл «обидеться, испытать

поражение» [5].

Таким образом, и в русском, и в персидском языках «нос» / (дамаг) «دماغ» является не просто частью тела, а активным культурным символом, способным отражать характер человека, его эмоции и социальные отношения. При этом система значений и ассоциаций в каждом языке развивалась по-своему: в русском — в направлении когнитивных и поведенческих характеристик, а в персидском — в эмоционально-оценочном и психологическом плане.

Кроме того, сопоставительное изучение таких фразеологизмов в русском и персидском языках даёт возможность выявить общие и национально-специфические элементы мировосприятия. Марьям Моради подчеркивает, что «фразеологизмы с компонентами, обозначающими органы тела, в каждом языке формируются на основе собственных культурных стереотипов и отражают национальное представление о человеке» [6, с. 13]. Сравнение этих единиц позволяет понять, как разные народы концептуализируют человеческое тело и какие качества проецируются на общественные и моральные категории.

Следовательно, анализ этих выражений помогает понять не только языковую систему, но и особенности национального мышления, где тело выступает неотъемлемой частью картины мира. Изучение фразеологизмов с компонентом «нос» / (дамаг) «دماغ» открывает возможность увидеть, каким образом физиологическое превращается в метафорическое, а личное — в коллективное, что в целом подтверждает тезис о единстве языкового и культурного опыта человека.

В русском и персидском языках существует множество фразеологизмов со словом «нос» / «دماغ» (дамаг), однако в рамках данной статьи будут рассмотрены лишь некоторые из них.

Гордыня и высокомерие

В русском языке существуют два выражения со словом «нос», которые передают чувства гордости и высокомерия. Первый термин — задирать/ задрать нос и означает чваниться, важничать, зазнаваться. Другими словами, это означает вести себя высокомерно, зазнаваться/ зазнаться. Эту фразу можно передать и другим эквивалентным идиоматическим выражением, например: нос кверху означает тот, кто важничает, зазнаётся [7]. Таким образом, данные словосочетания выступают как синонимы, при этом их компоненты также находятся в синонимических отношениях и выражают тождественное значение.

Значение гордости и высокомерия в персидском языке можно выразить именно этими словами. Фразеологизм «дамаге ход ра бала герефтан» ((دماغ خود را بالا گرفتن), который буквально означает задирать нос [8, с. 3322]. В этом же семантическом ключе это идиоматическое выражение обозначает принятие дискурсивного состояния гордости и высокомерия.

Разумеется, в персидском языке существуют и иные термины с компонентом «нос», используемым для выражения гордости и высокомерия. В качестве примера можно привести выражение «дамаге чаг даштан» (دماغ چاق داشتن), которое обозначает гордыню и надменность [5], а в буквальном переводе соответствует выражению «иметь толстый нос». В русском языке аналогичного термина не существует.

Существует также фразеологизм «дамаге каси бад даштан» (دماغ کسی باد داشتن), которое

употребляется для обозначения высокомерия или надменного поведения. Его буквальный перевод – «у кого-то опухли носы» [9]. В русском языке аналогичного выражения не существует, и данный образ не имеет прямого фразеологического соответствия.

Существует также другой фразеологизм «аз дамаге фил йа шир офтадан» (از دماغه فیل یا شیر افتادن), обозначающий чрезмерное тщеславие, высокомерие или убежденность в собственном превосходстве [5]. Что буквально переводится как упасть с носа слона или льва, данное выражение отсутствует в русском языке и не имеет прямого лексического или фразеологического аналога.

Близость

В русском языке зафиксированы два устойчивых сочетания с лексемой «нос», функционирующие в значении предельной пространственной близости: «нос к носу» и «нос в нос» [10]. Оба выражения являются вариантами одной фразеологической единицы и рассматриваются как полные синонимы, совпадающие в семантическом объеме.

Аналогичная фразеологическая единица существует и в персидском языке — «дамаг бе дамаг» (دماغ به دماغ), которая в буквальном переводе также означает «нос к носу». В персидской языковой традиции данное выражение употребляется в значении «лицом к лицу, вплотную» [8].

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что русский и персидский фразеологизмы характеризуются полным структурно-компонентным и семантическим совпадением. Это свидетельствует о наличии универсальной когнитивной модели репрезентации предельной близости в обоих языках.

Огорчение и страдание

Во фразеологической системе русского языка функционирует фразеологизм «вешать нос», который интерпретируется как «приходить в уныние, расстраиваться, огорчаться» [11, с. 496]. Сходное значение передаётся и другими устойчивыми сочетаниями, построенными с использованием лексем, обозначающих части тела, например: «опускать руки», «падать духом», «повесить голову». Эти выражения репрезентируют универсальную для русской языковой картины мира метафору эмоционального упадка через телесные образы.

В персидском языке фиксируется семантически близкий фразеологизм «дамаг сухтан» (دماغ سوختن) со словом «дамаг» — «нос». В буквальном переводе это выражение означает «жжение носа». Однако в переносном употреблении оно характеризует состояние сильного раздражения, уныния либо интенсивных душевных страданий [5].

Сопоставительный анализ показывает, что и в русском, и в персидском языках реализуется устойчивая связь между соматической лексикой и обозначением психоэмоциональных состояний. Несмотря на различие в образных компонентах (в русском — метафора понижения или падения, в персидском — метафора жжения), семантический результат оказывается тождественным: оба выражения отражают переживание субъекта, связанное с утратой душевного равновесия и эмоциональным спадом.

Радость и приподнятое настроение

В русском языке зафиксирован фразеологизм «комар носа не подточит» с компонентом нос, значение которой сводится к следующему: действие выполнено столь тщательно и безупречно, что придраться невозможно. В переносном смысле данное выражение указывает на идеальный порядок или безукоризненность результата.

В персидском языке функционирует фразеологизм «дамаге чаг даштан» (دماغ چاق داشتن), дословно — «иметь толстый нос». Указанное выражение является многозначным и реализует, по крайней мере, два семантических варианта. Первый связан с обозначением хорошего расположения духа, позитивного эмоционального состояния. Второй фиксирует ситуацию благоприятного стечения обстоятельств, когда «всё идёт удачно и благополучно» [5]. Очевидно, что именно второй вариант употребления может быть рассмотрен как функциональный аналог русской пословицы «комар носа не подточит», поскольку передаёт близкий прагматический эффект.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на наличие общего компонента нос в обоих фразеологизмах, их структурные элементы и буквальные значения существенно различаются. Это свидетельствует о независимом формировании соответствующих фразеологических единиц в двух языках, при сходстве отдельных семантических аспектов.

Неопытность

Фразеологизм «нос не дорос» используется, чтобы выразить кто-либо ещё молод и неопытен, чтобы делать что-либо [10]. «не дорос» — буквально означает «не вырос», что метафорически указывает на недостаточную зрелость, опыт или статус. При анализе переводческих соответствий выявляется, что некоторые семантические единицы языка-источника не имеют прямого эквивалента в персидском языке. В таких случаях наблюдается частичное расхождение в объемах значений и коннотациях. Данное значение не может быть передано на персидском языке при помощи данных слов, поскольку их семантические поля не совпадают с соответствующими структурами исходного языка.

Безумие

В персидском языке существует фразеологизм «дамаге каси хошк шодан» (دماغ کسی خشک شدن), буквальный перевод которого — «у кого-то нос высох». Данный фразеологизм метафорически описывает состояние потери рассудка или умопомешательства или сойти с ума [12]. При сопоставительном анализе лексических единиц персидского и русского языков выявляется, что отдельные слова, обладающие определённым значением в персидском языке, не имеют прямого соответствия в русском. Различия касаются как объёма значения, так и его коннотативных оттенков. В русском языке рассматриваемые лексемы не выражают данного семантического содержания, что свидетельствует о расхождениях в способах концептуализации данного понятия в двух языках.

Смущение после неудачи

Ярким примером ироничного обращения к неудаче является персидский фразеологизм «дамаг сухте михарим» (دماغ سوخته میخاریم), что буквально переводится на русский язык как «мы покупаем обожжённый нос». Данная идиома метафорически обыгрывает ситуацию провала или публичной неудачи, как бы предлагая её «выкупить» у человека,

оказавшегося в неловком положении. Устойчивое выражение имеет шутливую, снисходительную коннотацию и используется для того, чтобы с юмором указать собеседнику на его промах, смягчая критику [8, с. 3325]. В русском языке рассматриваемые лексемы не выражают данного семантического содержания.

Радость

Фразеологизм «дамаг пейда кардан» (دماغ پیدا کردن), используемый в персидском языке, имеет буквальный перевод «найти нос» и передаёт значение «прийти в себя» или «радость» [8, с. 3323].

Персидская идиома «дамаг даштан» (دماغ داشتن), буквальный перевод которой — «иметь нос», описывает состояние повышенного эмоционального тонуса и может означать как «быть в приподнятом, оживлённом настроении», так и, в ином контексте, «быть раздражённым» или «испытывать досаду» [9]. В персидском языке функционируют два термина, выражающие данное значение с использованием лексемы «нос». В русском языке лексема «нос» для передачи данного значения не употребляется.

Воображение напрасно

Фразеологизм «дамаг похтан» (دماغ پختن), буквально переводящаяся как «сварить нос», означает «переутомить ум бесплодными размышлениями» или «заниматься пустым фантазированием» [12]. В русском языке лексема «нос» не реализует указанное значение.

Устранение ментальной тьмы

Персидская идиома «дамаге каси ра тар кардан» (دماغ کسی را تر کردن), буквальный перевод которой — «смочить/освежить нос кому-либо», метафорически описывает процесс избавления от умственной и духовной вялости. Её значение связано с освежением сознания, прояснением мыслей и общим укреплением духа [12]. В русском языке лексема «нос» не функционирует с данным значением.

Победа над кем-то

фразеологизм «дамаге каси ра малидан» (перс. دماغ کسی را مالیدن), дословно переводящийся как «потирание чьего-то носа», является фразеологизмом, используемым в разговорной речи. Оно означает нанесение поражения кому-либо, а также уничтожение его гордыни и высокомерия [9]. В русском языке слово «нос» не реализует рассматриваемое значение.

Неизбежность события

Фразеологизм «быть на носу» используется для обозначения неизбежности события, которое должно произойти в ближайшее время [13].

Русский язык использует нос в образных конструкциях, связанных с временной близостью события. В персидском материале такие функции носа не представлены, что свидетельствует об оправданной тезисной формулировке: часть семантических пластов образа «нос» в одной культуре может отсутствовать в другой — и наоборот. Здесь также наблюдается национально-специфическая метафора.

Ограничение восприятия

В русском языке существуют фразеологизм «не видеть дальше своего (собственного) носа», обозначающий неспособность замечать происходящее вследствие ограниченности восприятия или отсутствия интереса [14]. В персидском языке аналогичное значение передается фразеологизмом «جلو دماغش را نمی‌بیند» (джоло дамагаш ра немибинад) (бук. Не видеть дальше своего носа) [11, с. 496]. Эти выражения демонстрируют полную семантическую эквивалентность и могут рассматриваться как функциональные синонимы в рамках своих языковых систем. Данный пример свидетельствует о том, что метафоры, связанные с ограничением видения, представляют собой универсальные когнитивно-культурные концепты, отражающие сходные способы восприятия мира в разных языках.

Приспосабливаться к обстоятельствам

В русском языке существуют фразеологизм «держаться нос по ветру», обозначающее способность гибко реагировать на изменяющиеся обстоятельства, корректировать свои взгляды, убеждения или поведение в зависимости от ситуации [15, с. 75]. В персидском языке точного аналога этому выражению нет, что указывает на культурную специфику данного метафорического концепта в русском языке. Этот пример демонстрирует, что идиоматические выражения часто отражают уникальные когнитивно-социальные особенности культуры и не всегда имеют прямые семантические эквиваленты в других языках.

Память, запоминание (напоминание)

Русский эквивалент: Зарубить себе на носу — «твёрдо запомнить» [16]. В русском языке имеется уникальная метафорическая функция носа, связанная с долговременной памятью и напоминанием. Отсутствие аналогичной персидской конструкции в представленном материале подчёркивает различие в семантических опциях: нос в русской картине мира может выступать как «мнемонический» маркер (напоминание, зафиксировать в памяти), тогда как в персидской семантике этого пласта либо нет, либо он оформлен иначе. Это указывает на уникальность русской модели, где нос связан с функцией памяти.

Итоговое сопоставление (кратко)

1. Сходства: Многие базовые метафоры совпадают: нос как символ гордыни, вмешательства, близости/конфронтации, усталости и уныния — присутствуют и в персидской, и в русской фразеологической системе. Эти совпадения объясняются универсальными телесно-пространственными опорами (лицо/нос = центр социального взаимодействия; нос = видимая часть, граница обзора и т. п.).

2. Различия: Персидская система демонстрирует несколько специфических пластов: более развитые положительные коннотации (семантика радости/бодрости: (дамаге чаг даштан) دماغ چاق داشتن и т.п.), эмоционально-телесные обороты, использующие «горение/сушка/стрела» для передачи душевного состояния.

Русский язык, в свою очередь, содержит специфические функции носа, связанные с памятью (зарубить на носу) и с временной/ситуационной ориентировкой (быть на носу, держать нос по ветру).

3. Стилиевые особенности. Большинство приведённых единиц в обоих языках относится к разговорному регистру; некоторые — экспрессивно-поэтические или пословичные. Русские эквиваленты часто более кратки и метафорически «сдержаны», персидские —

чаще образны и детализированы.

4. Практическое замечание для сопоставления и перевода. При переводе фразеологизмов «нос»/ (дамаг) «دماغ» важно учитывать не только буквальный компонент, но и прагматический контекст (ирония, осуждение, эмоциональная интенция) — во многих случаях придётся выбирать между калькой, описательным переводом и поиском более свободного аналогичного образа в языке-цели.

Заключение

Проведённое исследование фразеологических единиц с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) в русском и персидском языках позволило установить, что данные выражения занимают особое место в системе соматической фразеологии и являются важным средством отражения национальной картины мира. Через них проявляется отношение человека к самому себе и к окружающему миру, выражаются эмоциональные состояния, поведенческие реакции, моральные оценки и культурные ценности.

В ходе анализа стало очевидно, что соматическая лексика в обоих языках отличается высокой степенью образности и символичности. Человеческое тело, и особенно лицо, выступает в качестве зеркала внутреннего мира личности. Компонент «нос» / «دماغ» (дамаг) не ограничивается своим физиологическим значением: он становится носителем смыслов, связанных с восприятием, интуицией, гордостью, достоинством, успехом, неудачей, радостью и унынием.

Сравнение показало, что и в русском, и в персидском языках данные фразеологизмы отражают универсальные черты человеческого опыта. В обеих культурах нос связан с представлениями о самооценке, поведении и эмоциональной устойчивости человека. Русские выражения, такие как задирать нос, остаться с носом, вешать нос, несут в себе оценку поступков, социальных отношений и психических состояний, тогда как персидские обороты (дамаге чаг даштан) «دماغ چاق داشتن», (дамаге каси сухтан) «دماغ کاسی سوختن», (дамаг бала герефтан) «دماغ بالا گرفتن» передают оттенки внутреннего настроения, гордости и эмоционального состояния.

Несмотря на сходство семантических полей, выявлены и культурно-специфические различия. Русская фразеология демонстрирует преимущественно рационально-поведенческую направленность, где основное внимание уделяется внешним проявлениям личности и её социальным характеристикам. Персидская же фразеология акцентирует внимание на внутреннем мире человека — его эмоциях, самочувствии и духовном равновесии. Это различие отражает особенности мировосприятия: в русском языке нос выступает как показатель отношения к миру, а в персидском — как индикатор внутренней гармонии.

Особое значение имеет то, что фразеологические единицы с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) функционируют не изолированно, а в тесной связи с другими соматическими выражениями, создавая целостную систему представлений о человеке. Через эти устойчивые обороты формируется своеобразная «телесная метафора культуры», в которой тело становится средством интерпретации духовных и социальных явлений.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) выполняют в языке многофункциональную роль:

1. познавательную, поскольку отражают способы восприятия и осмысления действительности;

Примеры: • Русский фразеологизм «держат нос по ветру» демонстрирует способность человека ориентироваться в обстоятельствах, быстро воспринимать изменения и принимать решения на основе наблюдения — что представляет собой когнитивную стратегию адаптации. • В персидском фразеологизме «دماغ پیدا کردن» (найти нос) наблюдается аналогичный познавательный смысл: выражение означает «прийти в себя», «осознать происходящее», то есть возвращение к ясности сознания.

- Русский фразеологизм «зарубить себе на носу» служит средством фиксации знания и памяти, что подчёркивает когнитивную роль соматической метафоры «нос» как инструмента запоминания и осмысления.

2. оценочную, выражая отношение народа к определённым чертам характера и моделям поведения;

Фразеологизмы данной группы выражают отношение носителей языка к поведению, эмоциям и социальным качествам человека.

Примеры: • Русский фразеологизм «задирать нос» используется для отрицательной оценки высокомерия и заносчивости, обозначая чрезмерную гордость и пренебрежительное отношение к другим.

- Персидский фразеологизм «دماغ کسی باد داشتن» (у кого-то опухли носы) несёт ту же отрицательную оценку, символизируя надменность и самодовольство.

- В противоположность этому, фразеологизм «دماغ چاق داشتن» (иметь толстый нос) употребляется с положительной коннотацией, обозначая бодрое настроение и удовлетворение жизнью, что отражает позитивную ценностную установку в персидской культуре.

3. эмоционально-экспрессивную, наполняя речь живостью, национальным колоритом и культурной спецификой;

Через данные фразеологизмы выражаются внутренние эмоциональные состояния человека — радость, грусть, раздражение или уныние.

Примеры: • В русском языке фразеологизм «вешать нос» служит эмоциональным маркером грусти, разочарования и потери духа.

- фразеологизм «دماغ سوختن» (жжение носа) передаёт состояние раздражения и душевного страдания, усиливая эмоциональную окраску речи.

- Фразеологизм «دماغ داشتن» (иметь нос) может обозначать радость и оживлённость, демонстрируя, как телесный образ носа передаёт эмоциональные колебания и настроение человека.

4. культурно-символическую, закрепляя в языке коллективные представления о человеке и его месте в мире.

Эта функция проявляется в том, что фразеологизмы фиксируют устойчивые культурные образы и ценности, передавая традиционные представления о человеке и обществе.

Примеры: • В русском фольклоре фразеологизм «комар носа не подточит» символизирует идеал точности и совершенства, где нос служит знаком одобрения и уважения к мастерству. • Персидский фразеологизм «دماغ کسی را مالیدن» (потирание чьего-то носа) отражает идею победы над противником и культурное значение чести и достоинства в межличностных отношениях. • фразеологизм быть на носу связана с

символикой времени и неизбежности, что иллюстрирует восприятие носа как предельной точки — границы между настоящим и будущим, между личным и общественным пространством.

Результаты исследования подтверждают, что язык является не просто средством общения, но и важнейшим инструментом познания культуры. Через фразеологические единицы народ осмысляет жизненные ситуации, выражает своё мировоззрение и передаёт моральные установки следующим поколениям. Образы тела, воплощённые в фразеологии, служат универсальным кодом, связывающим внешнее и внутреннее, индивидуальное и коллективное, материальное и духовное.

Далее можно отметить, что сопоставительное изучение фразеологизмов с компонентом «нос» / «دماغ» (дамаг) открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в области когнитивной и культурной лингвистики. Оно способствует более глубокому пониманию общечеловеческих и национальных особенностей языкового мышления, помогает выявить, как в различных культурах тело становится инструментом выражения духовной жизни и эмоционального опыта.

Таким образом, фразеология, основанная на соматических образах, остаётся важнейшим источником знаний о народе, его чувствах, привычках, традициях и мировоззрении. Исследование выражений с компонентом «нос» / «دماغ» не только обогащает представление о языке, но и раскрывает внутреннюю связь между словом, культурой и человеческой сущностью.

Библиография

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1996. С. 4, 6.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. С. 3.
3. Мехтиханлы, С. Г. Названия частей тела в составе фразеологизмов русского и персидского языков. Филологические ведомости. 2017. № 3. С. 16-22.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственный институт "Советская энциклопедия", 1935. Т. 1. 1565 с.
5. Му'ин, М. Толковый словарь персидского языка: в 6 томах. Тегеран, Иран, 2003. Т. 2. 1094 с.
6. Марьям Моради. Фразеологизмы семантического поля "органы тела человека" в персидском языке и способы их перевода на русский язык. Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 1 (483). С. 12-21. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-12-21. EDN: ТМУМХВ.
7. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 880 с. EDN: QYNEOX.
8. Анвари, Х. Большой словарь Сохан: в 8 томах. Т.: Сохан, 2003. 4561 с.
9. Рубинчик, Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2 томах. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 800 с.
10. Степанова, М. И. Школьный фразеологический словарь: Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 348 с. EDN: QUNCIP.
11. Восканян, Г. А. Русско-персидский словарь / Ред. и ассис. М. Шоджаи. Т.: Фарханге Моасер, 2023. С. 496.
12. Декххода, А. А. Толковый словарь персидского языка. Рузане. Тегеран, Иран, 1996. 2455 с.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 27-е издание, ок. 100000 слов,

терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л. И. Скворцова. М.: 000 Изд.

Ониск, 2010. EDN: RXPFPPT.

14. Быстрова, Е. А., Окунева, А. П., Шанский, Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 304 с.

15. Мясников, Л. Н. "Нос" во фразеологии европейских языков. Известия Великолукской ГСХА. 2025. № 2. С. 71-79. EDN: ZDTCVR.

16. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 3195 с.

17. Блюм, А. Семантические особенности соматической фразеологии: учеб. пособие. М.: АСТ-пресс, 2000.

18. Шанин, А. В. Нос и его фундаментальное значение в жизни человека. Успехи современного естествознания. 2013. № 9. С. 33-37. EDN: QZACIN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Соматические фразеологии с компонентом «нос» в русском и персидском языках»

Предмет исследования - научная работа посвящена сопоставительному анализу соматических фразеологизмов, которые включают в себя компонент «нос», в двух языках (русском и персидском). В статье рассматриваются лексико-фразеологические единицы, где «нос» является ключевым семантическим элементом. В исследовании автор особое внимание уделяет сравнению семантических оттенков в русском и персидском языках, предоставляя возможность определить общее и специфическое двух языковых систем.

Методика исследования. В работе применяется сравнительный фразеологический анализ с использованием лингвокультурологического подхода. Автор применяет методы корпусного анализа в научной работе как для сбора, так и для систематизации ФЕ в русском и персидском языках, проводился семантический анализ. В исследовании проводится контекстуальный анализ, который помогает учитывать прагматический аспект в контексте употребления рассматриваемых выражений (нос).

Актуальность научной работы состоит в том, что недостаточно представлены темы ФЕ при сопоставлении 2-х языков, которые являются представителями разных языковых семей. Автор научной работы фокусирует свое внимание на компоненте нос, который является важным соматическим компонентом.

Научная новизна работы состоит в комплексном сравнительном анализе ФЕ. Данный компонент не рассматривался ранее в контексте двух языков (русского и персидского). В работе определены семантические поля, а также выявлена специфика функционирования ФЕ с компонентом нос.

Автор в своем исследовании представляет систематизированную классификацию ФЕ с компонентом нос.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, основных глав, которые посвящены соматическим фразеологизмам с компонентом «нос» в русском и персидском языках, заключения и библиографии с текущими исследованиями в рассматриваемой области.

Технических замечаний к научной статье нет.

Заключение подводит итоги проведенного исследования, в том числе, формулируя

рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1996. С. 6.

2. Даль, В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. С. 3.

Замечания к статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность, объект и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.

2. В Список источников рекомендуется добавить публикации за последние пять лет.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Филология: научные исследования» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Соматические фразеологии с компонентом «нос» в русском и персидском языках» является самостоятельным глубоким исследованием.

Объектом исследования в данной статье являются соматические фразеологические единицы русского и персидского языков с компонентом «нос», а предметом исследования – семантические особенности этих фразеологизмов и сравнительный анализ смыслов, передаваемых ими в двух языках.

Актуальность работы не вызывает сомнений, поскольку изучение фразеологических единиц не теряет актуальности никогда. Фразеология как «душа народа» отражает его культурную специфику, концептуальную и языковую картины мира, подчеркивая национальное своеобразие. Изучение именно соматических фразеологизмов позволяет лучше понять менталитет нации, её обычаи и стереотипы поведения. Через метафорические образы, связанные с соматическими фразеологизмами возможно лучше понять менталитет нации, её обычаи и стереотипы поведения.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в выборе объекта исследования. Соматические фразеологизмы с компонентов «нос» относительно малоизучены на материале русского языка, а комплексного сравнительного исследования данных фразеологизмов к настоящему моменту не существует.

Методология исследования сочетает как собственно лингвистические методы и методики (контекстуальный анализ, компонентный анализ) так и общепсихологические и общенаучные методы сравнения, анализа и сопоставления.

Структура работы соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям. Во введении четко формулируются цели исследования, его объект и методология. В большой по объёму основной части автор отражает результаты проведенного исследования, снабжая все убедительной аргументацией и подробным лингвистическим комментарием. Статья написана хорошим научным языком, выводы автора логичны и

содержательны.

Особого внимания заслуживает содержательная часть исследования. Автор выделяет 15 семантических подгрупп исследуемых фразеологизмов. Среди них «гордыня и высокомерие», «близость», «огорчение и страдание», «радость и приподнятое настроение», «неопытность», «безумие», «смущение после неудачи», «радость», «победа над кем-то», «неизбежность события», «ограничение восприятия». В рамках каждой из групп проводится анализ семантики и функционирования фразеологизмов в каждом из языков.

В результате анализа выявляются сходства (совпадение многих базовых метафор в двух языках), различия (несколько специфических пластов для каждого из языков), стилистические особенности исследуемых фразеологизмов, а также приводятся практические замечания для сопоставления и перевода.

К важнейшим выводам следует отнести многофункциональную роль, выполняемую фразеологизмам с компонентом «нос» / «غلو» (дамаг) в обоих языках. Трудно не согласиться с автором, в том, что сопоставительное изучение фразеологизмов с компонентом «нос» открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в области когнитивной и культурной лингвистики.

Библиография отличается внушительным объёмом и составляет 18 источников, среди которых авторитетные лексикографические источники (Толковый словарь русского языка, Толковый словарь персидского языка: в 6 томах, Фразеологический словарь русского литературного языка, Толковый словарь русского языка, Персидско-русский словарь: в 2 томах, Русско-персидский словарь, Большой словарь Сохан: в 8 томах), труды ведущих специалистов в области фразеологии. Это подчеркивает теоретическую значимость исследования.

Данная статья может быть интересна специалистам различных областей языкознания, в частности лексикологии, фразеологии, а также широкому кругу специалистов, интересующихся английской и персидской фразеологией и культурой.

Несмотря на общее положительное впечатление о работе после прочтения статьи остаются вопросы, которые требуют пояснения. В заглавии статьи автор использует термин «соматические фразеологии». Далее по тексту работы этот термин не используется, а употребляется устоявшийся в лингвистической науке варианты «соматические фразеологизмы», «соматический компонент», «соматическая лексика», «соматическая фразеология». В целом понятно, что речь идет о соматических фразеологизмах. Возможно, в заглавии статьи допущена опечатка. Представляется, что использование общепринятых и более понятных формулировок «фразеологизмы с компонентом "нос"» или «фразеологические единицы с соматизмом «нос»» только украсит работу. Также формулировки «воображение напрасно» и «Устранение ментальной тьмы» звучат несколько необычно и поэтично для подзаголовка статьи, однако это субъективное мнение рецензента.

Данные замечания не снижают общего положительного впечатления о проделанной автором работе. Статья, безусловно, может быть рекомендована к печати.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю., Байыр-оол А.В. Глагольная лексика тюркских языков Саяно-Алтая: общее и специфичное // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76871 EDN: DCODVV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76871

Глагольная лексика тюркских языков Саяно-Алтая: общее и специфичное

Тюнтешева Елена Валерьевна

ORCID: 0000-0002-4819-8306

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Советский р-н, ул. Николаева, д. 8

✉ tyunteshvae@mail.ru

Шагдурова Ольга Юрьевна

ORCID: 0000-0003-1372-8685

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Советский р-н, ул. Николаева, д. 8

✉ kokoshnikova@mail.ru

Байыр-оол Азияна Витальевна

ORCID: 0000-0003-2844-2700

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Советский р-н, ул. Николаева, д. 8

✉ azikoa@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76871

EDN:

DCODVV

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Аннотация: Объектом исследования являются глаголы разных лексико-семантических групп алтайского, хакасского и тувинского языка. Привлекается также материал других тюркских языков. Рассматриваются соответствия, объединяющие эти гетерогенные по происхождению языки Саяно-Алтая, и не встречающиеся в других тюркских языках. При этом авторы опираются на такие параметры, как: 1) наличие однокоренных лексем с близким значением; 2) общность / различия в их семантике; 3) общность / различия в словообразовательной структуре глаголов. На основе этих параметров выявляются следующие типы соответствий, которые подвергаются анализу: 1) эквиваленты («полные» соответствия); 2) соответствия, имеющие различия в семантике; 3) соответствия, имеющие различия в словообразовательной структуре. Принимается во внимание также происхождение слова (тюркское или монгольское). Такой подход позволяет определить близость тюркских языков Сибири между собой, учитывая и конвергентные процессы на этой территории. При исследовании лексических единиц использовались методы: описательный, сравнительный, сравнительно-исторический и метод компонентного анализа. При сборе материала применялся метод сплошной выборки. Новизна работы состоит в том, что сравнительно-сопоставительный анализ глаголов разных лексико-семантических групп проводится по нескольким параметрам. Установлено, что своеобразие общей глагольной лексики рассматриваемых языков проявляется не только в наличии специфичных лексем, часть которых зафиксирована в древнетюркских памятниках, но и в образовании вторичных форм от общетюркских основ, и в моделях, по которым образованы глаголы, и в развитии семантики. Соответствия, образованные от общетюркских основ в большинстве своем имеют различия в семантике или словообразовательной структуре. Важной частью общей лексики этих языков являются также монголизмы – полностью заимствованные лексемы и слова, образованные от монгольских основ. Такие общие глаголы чаще всего представляют собой эквиваленты и соответствия, имеющие различия в семантике. В ряде случаев общие глаголы связывают рассматриваемые языки Саяно-Алтая с якутским и киргизским языками.

Ключевые слова:

тюркские языки Саяно-Алтая, глагольная лексика, семантика, эквивалент, словообразование, заимствование, алтайский язык, тувинский язык, хакасский язык, монгольский язык

Введение

Проблема происхождения тюркских языков Сибири, их связи друг с другом и с несибирскими тюркскими языками, а также с нетюркскими языками сибирского региона до сих пор является актуальной и вызывает интерес лингвистов. Тюркские языки Сибири, не всегда близкородственные друг другу генетически, «вследствие длительного взаимодействия как друг с другом, так и с монгольскими языками (а также, возможно, с каким-либо общим субстратом) ... приобрели ряд общих черт на всех уровнях языковой системы, в т.ч. на лексическом» [\[1, с. 13\]](#). Так, в области лексики, кроме общетюркского лексического пласта, выделяются слова, принадлежащие определенным классификационным группам тюркских языков, а также распространенные только на территории Сибири в целом или в определенном регионе. Общая лексика связывает

языки Саяно-Алтая (алтайский, хакасский, шорский, тувинский и др.). Развитие тематических и лексико-семантических групп общей тюркской лексики, семантические сдвиги в разных языках, в том числе сибирских, отражены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [2; 3], в монографическом исследовании А. В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)» [4], в сборнике статей «Историческое развитие лексики тюркских языков» [5]. Имеются также специальные монографии и диссертационные работы, посвященные сравнительно-сопоставительному описанию и исследованию происхождения лексики тюркских языков Сибири [6; 7; 8; 9], сопоставлению ее с монгольскими языками [10; 11], выявлению монгольских заимствований [12]. В том числе такие исследования проводились по глагольной лексике. В основном описываются глаголы какой-либо лексико-семантической группы (глаголы поведения [13], движения [14], интеллектуальной деятельности [15], эмотивные глаголы [1]), семантическая структура глагольных лексем в одном сибирском языке в сравнении с другими сибирскими языками [16] или с кыпчакскими, а также с языками древнетюркских памятников (огузских, уйгурских, караханидских). Глагольная лексика разных тюркских языков Саяно-Алтая в сравнительном плане представлена и в небольших по объему словарях: «Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая» [17]; «Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках» [18].

Цель нашей статьи – сравнительно-сопоставительный анализ глагольных лексем, встречающихся только в тюркских языках Саяно-Алтая – алтайском, хакасском, тувинском, – выявление общего и специфичного в их семантической и словообразовательной структуре. Мы рассматриваем однокоренные слова в разных языках с близким значением, считая их лексико-семантическими соответствиями. Новизна нашей работы состоит в том, что сравнительно-сопоставительный анализ глаголов разных лексико-семантических групп проводится по нескольким параметрам: 1) наличие однокоренных лексем с близким значением; 2) общность / различия в их семантике; 3) общность / различия в словообразовательной структуре глаголов.

Исследуемые соответствия представляют собой глаголы, образованные от общетюркских корней, древние лексемы, сохранившиеся в этих языках, лексемы неясного происхождения и заимствования.

Материал – глаголы, принадлежащие разным лексико-семантическим группам, – был выбран из национально-русских словарей: «Алтайско-русского словаря» [19], «Хакасско-русского словаря» [20], «Тувинско-русского словаря» [21], «Якутско-русского словаря» [22], двухтомного «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина [23, 24] и четырехтомного «Большого академического монгольско-русского словаря» [25, 26, 27, 28].

1. Глагольная лексика тюркского происхождения

В сибирских тюркских языках выявляются глаголы, образованные от общетюркских основ с помощью тюркских же словообразовательных аффиксов, но по моделям, не встречающимся за пределами Сибири. Общетюркские глаголы могут также употребляться в специфичных основных значениях, противопоставляя по этому признаку языки Сибири остальным тюркским языкам. В ряде случаев в алтайском, хакасском, тувинском и других сибирских языках наблюдается сохранение древних основ, не зафиксированных в

других современных языках.

Среди соответствий с основами тюркского происхождения в рассматриваемых языках отмечаются эквиваленты, соответствия с различиями в значениях и словообразовательной структуре.

1.1. Эквиваленты глаголов в тюркских языках Саяно-Алтая

Эквивалентами мы называем лексемы с идентичной словообразовательной структурой и тождественными или близкими значениями. Межъязыковую эквивалентность лексики «следует воспринимать с известной долей условности и подводить под нее только такие лексико-семантические соответствия языков, которые имеют максимальное совпадение в составе и содержании семантических признаков, входящих в структуру их лексических значений» [\[28, с. 125\]](#).

Этот тип лексико-семантических соответствий представлен немногочисленными глаголами. Среди эквивалентов встречаются в основном поздние, производные формы с новым значением:

алт. *буурза*- 'испытывать теплые чувства; проявлять милость, жалость';

хак. *паарса*- 1) проявлять внимание, расположение, ласку, нежность; 2) ласкаться (*паар* 'печень');

< *буур* ~ *паар* 'печень'; ср. др.-тюрк. *baŷır* 'печень'. хак. *хуй* - 1) испугаться, разгорячиться (о лошади); 2) убежать, разбежаться;

В качестве примера древней лексемы, сохранившейся только в сибирских тюркских языках, включая якутский, можно привести следующий:

тув. *хой*- 'пугаться, шарахаться (о животных)';

ср. як. *куой*- 'пугаться, страшиться чего-л.';

др.-т. *qij*- 'пугаться, шарахаться'.

Иногда соответствия сибирским языкам выявляются в киргизском как языке, происхождение которого связано с сибирским регионом:

алт., хак., тув. *узан*-

1) алт., хак., тув. 'мастерить, столярничать, плотничать';

2) алт., тув. 'заниматься ремеслом (о кузнеце)'; 'ковать железо';

3) хак. 'заниматься бондарным мастерством';

якут. *уһан*- 1) работать кузнецом; 2) мастерить;

кирг. *узан*- 'работать, заниматься ремеслом' (гл. обр. о кузнеце)

общетюрк. *u:z* 'искусный', 'мастер' + глаголообразующий афф. + форма возвратного залога *-(bl)н*.

Выделяются глаголы, образованные от общетюркских основ по специфичным «сибирским» моделям. Так, глагол алт. *анда*- ~ хак., тув. *аңна*- 'охотиться' (ср. также шор. *аңна*-) образован от общетюрк. *аң* ~ *аң* 'зверь' посредством присоединения

глаголообразующего афф. -ЛА. Производная лексема противопоставляет южносибирские языки другим тюркским языкам, где употребляется *av/a-* 'охотиться'; 'ловить (рыбу и др.)' от *av* 'охота' + афф. -ЛА. Аффикс -ЛА является общетюркским, но модель «зверь / конкретное название зверя / рыбы / растения + -ЛА → -охотиться / добывать зверя / рыбу / растение, названного / названное основой» имеется только в языках Сибири: алт. *анда-кушта* ~ хак. *аңна-хуста* ~ тув. *аңна-кушта* - 'охотиться' (< *ан* ~ *аң* 'зверь' + *куш* ~ *хус* 'птица'); алт. *тийинде* ~ хак. *тиинне* ~ тув. *диинне* - 'охотиться на белок' (< *тийин* ~ *тиин* 'белка'); алт., *кузукта* ~ хак. *хузухта* - 'шишковать' (< *кузук* ~ *хузух* 'кедровая шишка; орех', ср. др.-т. *qusīq* 'орех'). Единичный пример зафиксирован в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина: *кийикте* - 'охотиться на *кийика*' (раздельнокопытное дикое животное) [20, с. 385]. Эта же модель присутствует в якутском языке: *дьэдьэннээ* - 'собирать землянику', *тэллэйдээ* - 'собирать грибы', а также в нетюркских языках на территории Сибири (тунгусо-маньчжурских, уральских, кетском) [29]. Таким образом, можно говорить об общесибирской модели образования глаголов.

Характерная для языков Саяно-Алтая словообразовательная модель, не встречающаяся в других тюркских языках – «существительное-название народности + -ЛА → говорить на каком-либо языке» [30, с. 454]: алт., хак. *орыс-та* ~ тув. *орус-та* - 'говорить по-русски' (< *орыс* / *орус* 'русский').

Целый ряд эквивалентов представляют глаголы, образованные от общетюркских основ путем присоединения монгольского аффикса -ырка, -ырха, -ыырга [13, с. 163]: алт. *байырка* ~ хак. *пайорха* ~ тув. *байыырга* ~ якут. *байырбаа* - 'хвастать, кичиться своим богатством' < *бай* 'богатый'; алт., хак. *күчүрке* ~ тув. *күчүүрге* - 'хвастать силой; гордиться силой, могуществом' < *күч* 'сила'. За пределами Сибири лишь единичные примеры с этим аффиксом имеются в киргизском языке: *жатырка* - 'чуждаться' < *жат* 'чужой'.

1.2. Соответствия, имеющие различия в значении

Данный тип соответствий характеризуется некоторыми различиями в значениях при наличии в них общих смысловых компонентов:

алт. *какта* - 1) трясти, вытряхивать; 2) забрать последнее, обобрать;

хак. *хахта* - 1) трясти, вытряхивать; 2) вытрясти, выскребать; 3) забрать последнее, обобрать;

тув. *какта* - 1) выколачивать, выбивать (например, одежду палкой); 2) тратить, расходовать (< *как* - 'бить, вбивать; вколачивать').

В отличие от алтайского и хакасского глаголов, являющихся эквивалентами, тувинский развил вторичное значение 'тратить, расходовать'. Оно конверсивно по отношению к значению 'забрать последнее, обобрать': вытряхивать у себя (тув.) – вытряхивать у других (алт., хак.).

В тюркских языках Сибири прослеживается тождественность развития некоторых вторичных значений, что также говорит об определенной общности этих языков:

алт. *өчөш*-, хак. *өчес*-, тув. *өжеш*-

1) алт., хак., тув. 'зловредничать, делать назло';

2) алт., хак., тув. 'упрямиться'; тув. 'спорить';

якут. *өһөс*- 'упрямиться, противиться';

ср. кирг. *өчөш*- 'злобствовать, злиться'.

По мнению В. И. Рассадина, слово *өч* 'мечь' отнес к общей тюрко-монгольской лексике [31, с. 11], ср. монг. *өшөө(н)* 'мечь, злоба'. Глаголы, образованные от этого слова, имеют семантику 'испытывать злобу, ненависть', 'враждовать'. Однако в сибирских тюркских языках у данной лексики развилось значение 'упрямиться'.

Языки Саяно-Алтая оказываются противопоставлены другим тюркским языкам идентичным развитием семантики некоторых глаголов. Так, основное значение алт., тув. *сук*-, хак. *сух*-, как и в древнетюркских памятниках, 'вкладывать, всовывать, засовывать; спрятать', на основе которого в рассматриваемых языках развивается вторичное значение 'надевать (узду)', чего не отмечается за пределами региона.

Глагол алт., хак., тув. *ур*- только в языках Саяно-Алтая имеет значения 'сыпать, насыпать', 'лить, наливать'. В древних и современных языках он зафиксирован в значениях 'бить' и 'класть, ставить'. Дж. Клоусон предположил, что это значение могло возникнуть на основе того, что оба действия производятся руками [32, с. 195]. Это значение можно сопоставить со значением *ur*- 'вкладывать', также отмеченным в древнетюркских памятниках, ср. як. *уур*- 'класть', тув., хак. *ур*- 'класть (седло на спину коня)'.

1.3. Соответствия, имеющие различия в словообразовательной структуре

Лексико-семантические соответствия этого типа различаются словообразовательной структурой при идентичных или несколько различающихся в разных языках значениях, при этом различия в семантике не обусловлены словообразовательным значением аффикса.

алт. *тушта*- 'встречать', *тушташ*- 'встречаться';

тув. *душ*- 'видеться, встречаться';

др.-т. *tuš*- 'встречаться'.

В тувинском языке данный глагол является эквивалентом древнетюркскому, в то время как алтайский – производным от утраченной в современном языке именной основы + глаголообразующий афф. -Л А + аффикс взаимно-совместного залога -(Ы)ш. Глагол характерен в основном для различных письменных памятников [33, с. 303-304], а также сохранился в небольшом количестве современных тюркских языков (алтайском, тувинском, тофском, в туркменском и сарыг-югурском языках).

хак. *örin*- 'радоваться, веселиться, ликовать';

тув. *өөрү*- 'радоваться, ликовать';

ср. як. *үөр*- 'радоваться';

др.-т. *ögir* / *ögür*- 'радоваться'.

Хакасский глагол выделяется аффиксом возвратного залога -(Ы)н.

алт. *капчык*- 1) сердиться, раздражаться; 2) враждовать;

хак. *хыпчахтан*- 'проявлять, выражать злобу, норов, раздражение; раздражаться'; *разг.*

‘злوبي́ться’; *хыпчаңна*- ‘проявлять злобу к кому-л.’

Т. А. Козырев предположил связь этого слова с др.-т. *qavčī*- 1) набрасываться, кидаться; 2) предаваться гневу, раздражаться [34, с. 436], ср. узб. *капчи*- ‘набрасываться, кидаться’ [1, с. 92].

Таким образом слой общей глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая, который объединяет гетерогенные по происхождению алтайский, хакасский и тувинский, составляют:

- 1) слова, имеющие общетюркскую основу, но образованные по специфичным моделям, характерным для языков Сибири. Такие лексемы объединяют не только языки Саяно-Алтая, но и якутский. Единичные примеры обнаруживаются также в киргизском языке;
- 2) глаголы, зафиксированные в древнетюркских памятниках и только или преимущественно в языках Сибири. В эту общность часто включается якутский язык.
- 3) глаголы, имеющие в языках Саяно-Алтая специфичные основные значения, которые не отмечаются за пределами региона.

2. Глагольная лексика монгольского происхождения

Чаще всего глагольные соответствия, объединяющие тюркские языки Саяно-Алтая, а иногда якутский и киргизский, имеют монгольское происхождение. Они представляют собой как заимствованные глагольные лексемы, так и вторичные образования от монгольских основ. Среди таких слов встречаются эквиваленты, глаголы, имеющие различия в семантике и в меньшей степени – в словообразовательной структуре.

2.1. Эквиваленты

Среди эквивалентов монголизмы встречаются чаще, чем глаголы тюркского происхождения.

алт. *адарка*-, хак. *атарха*-, тув. *адаарга*- ‘завидовать’

< монг. *атаарха*- 1) завидовать; ревновать; 2) недоброжелательствовать; 3) конкурировать, соперничать; состязаться; 4) вредить.

алт. *маказы кан*-, хак. *махазы хан*-, тув. *мага хан*-

алт., хак. ‘получать удовлетворение, удовольствие’ (хак. *маха* ‘чувство удовлетворения’); тув. ‘быть полностью удовлетворённым’;

< монг. *бага qana*- / *бах ханах* 1) веселиться; удовлетворяться, получать удовольствие; 2) злорадствовать, торжествовать над кем-чем-л. [35, с. 30] (п.-монг. *баq-а*, монг. *бах* ‘восхищение, радость; гордость, желание, охота; довольствие, удовлетворение, наслаждение’). Заимствовано «с заменой монгольского двухсложного варианта глагольной основы на однослож. тюрк. (*кан*- ~ *хан*-)» [Там же].

Соответствия с якутским и киргизским:

алт. *јемеле*- ‘грозить; бранить, упрекать; делать выговор’;

хак. *чимеле*- 1) бранить, упрекать, журить; 2) читать нравоучение, поучать;

тув. *чемеле*- ‘упрекать, укорять; порицать’;

як. *сэмэлээ*- 'порицать, осуждать';

кирг. *жемеле*- 'упрекать';

< монг. *зэмлэ*- 'порицать, осуждать, упрекать'; 'делать замечание; пожуришь; дать взбучку; дать нагоняй'.

алт. *кайка*- 'удивляться',

хак. *хайха*- 'удивляться, поражаться, изумляться';

тув. *кайга*- 1) удивляться; 2) смотреть в упор;

як. *хайжаа*- 'хвалить; одобрять, поощрять';

монг. *гай хах* 1) удивляться, изумляться, приходить в изумление; дивиться, повергнуть в изумление; любоваться; 2) поражаться, ахать от удивления; 3) восхищаться, восторгаться, приходить в восторг, восхищение.

В данном случае видно единство южносибирских языков в отношении семантики этого глагола, в отличие от якутского. По сравнению с исходным монгольским словом семантика якутского глагола претерпела изменения.

Если приведенные выше лексемы были заимствованы полностью, то следующий образован от монгольской основы уже с помощью тюркских аффиксов:

алт. *jugуйлан*- '1) прислуживать кому-л.; 2) подхалимничать, подлизываться' < *jugуй* 'угодливый, заискивающий';

кирг. *жуйкурлан*- 1) льстить; двуличничать; 2) пакостничать, интриговать

< *jugуй* 'подлизывающийся', кирг. *жуйкур*- 'льстивый, двуличный; пакостник, интриган' < монг. *зуйгар* 1) льстивый, оболстительный; 2) хитрый + -ЛАН (глаголообразующий аффикс. -ЛА + аффикс. возвратного залога -(Ы)Н).

2.2. Соответствия, имеющие различия в семантике

Примером некоторых различий в семантике может служить следующий глагол:

алт. *чечерке*- 'острить, остроумничать, говорить колкости', 'умничать';

тув. *чечээрге*- 1) хвастаться своим красноречием; 2) говорить образно;

кирг. *чечерке*- 'быть многословным';

монг. *цэцэрхэх* 'хвастаться своей мудростью; умничать, мудрствовать; умствовать' < *цэцэн* 'мудрый'.

Иногда многозначное монгольское слово заимствуется в языки в разных своих значениях, поэтому в языках-реципиентах семантика глагола будет различаться:

алт. *тоо*- 'почитать, уважать';

тув. *тоо*- 'обращать внимание, принимать во внимание; считаться, слушаться';

хак. *тооба*- 'уважать, принимать в расчет, во внимание, считаться с кем-л.';

< монг. *тоох* 'принимать во внимание; считаться с кем-л., уважать'.

В отличие от алтайского и тувинского языков, в хакасском отмечается оба значения монгольского слова.

алт. *табар*- 1) ударяться; сталкиваться; 2) нападать; наносить удары; 3) оказывать негативное влияние; 4) заходить, заезжать в гости;

тув. *тавар*- 1) заходить, заезжать; идти (ехать) через что-либо; 2) наступать, наезжать;

< монг. *давир*- 1) понукать, погонять лошадь ударами ног или стремями по бокам; прищипывать коня; 2) ставить подножку, подсекать (в борьбе); 3) взять верх; 4) проезжать мимо, заезжать; 5) задевать'.

Во всех трех языках отмечается общее значение 'заходить, заезжать', в алтайском наблюдается развитие значений: монг. 'погонять лошадь ударами ног или стремями по бокам' → 1) ударяться; сталкиваться; 2) нападать; наносить удары, ср. в тув. 'наступать, наезжать'

алт. *кичээ*- 1) заботиться; 2) присматривать, ухаживать;

алт. *кичээн*- 'стараться, стремиться';

хак. *кичен*- 1) заботиться о чем-л.; 2) настаивать на чем-л.; 3) прилагать усилия; 4) быть внимательным;

тув. *кичээн*- 'быть внимательным (осторожным)';

монг. *хичээ*- 'стараться, стремиться; быть прилежным, усердным; заботиться о чём-л.; добиваться'.

Наиболее полно значения монгольского слова представлены в хакасском. При этом в хакасском и тувинском языках выделяется аффикс возвратного залога, в алтайском же семантика монгольского глагола распределена по двум формам: без залогового и с залоговым показателем.

2.3. Соответствия, имеющие различия в словообразовательной структуре

Примеров на этот тип соответствий среди заимствованных глаголов немного.

алт. *карамда*-; хак. *харамна*- 'скупиться, жадничать';

тув. *харамнан*- 'скупиться';

хак. саг. *харан*- 'скупиться, жадничать'.

ср. монг. *харамлах, харамнах* 'жалеть; скупиться; завидовать'.

< *карам* ~ *харам* 'скупой, жадный' < монг. *qaram* 'скупой' + алт., хак. -ЛА, тув. -ЛАН. Хакасский глагол *харан*- образован по конверсии (чередование м / н).

Монгольские заимствования в тюркских языках Сибири являются разновременными, среди них преобладают соответствия с расхождением в семантике и эквиваленты.

Заключение

Языки Саяно-Алтая имеют много общего не только в отношении специфичной лексики, но и в образовании вторичных форм, словообразовательных моделях, и в развитии семантики. Некоторые из лексико-семантических соответствий выявляются также в

якутском и характерны для сибирских тюркских языков в целом. В ряде случаев соответствия с сибирскими языками имеет киргизский. Среди глаголов, объединяющих рассматриваемые языки, сохранился ряд лексем, встречающихся в древнетюркских памятниках. Такие соответствия чаще имеют различия в словообразовательной структуре.

Особой многочисленностью среди глаголов, связывающих рассматриваемые языки, а иногда также якутский и киргизский, выделяются соответствия монгольского происхождения – полностью заимствованные лексемы и слова, образованные от заимствованных основ. Эти общие разновременные заимствования представляют собой эквиваленты и соответствия, имеющие различия в семантике.

Библиография

1. Козырев Т. А. Лексикологические связи казахского языка с тюркскими языками Саяно-Алтая (на примере лексико-семантической группы эмотивных глаголов). Астана, 2015. 371 с.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. 908 с.
4. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры, 1996. 389 с. EDN: RBAFVP.
5. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. 468 с.
6. Попов Г. В. Слова "неизвестного происхождения" якутского языка: сравнительно-историческое исследование. Якутск: Якутск. книжн. изд-во, 1986. 148 с.
7. Левин Г. Г. Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков. Новосибирск, 2001. 187 с.
8. Малышева Н. В. Отношение якутского языка к уйгурскому и древнетюркскому языкам (фоноструктурные и структурно-семантические особенности). Дисс. ...канд. филол. наук. Якутск, 2015. 182 с. EDN: OWVANH.
9. Малышева Н. В. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Дисс. ...д-ра филол. наук. Москва, 2024. 503 с. EDN: OTHZOC.
10. Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск, 2008. 115 с.
11. Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгальском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте). Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 190 с. EDN: ZNZNLR.
12. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской общности. СПб, 2019. 608 с.
13. Салчак А. Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте). Дисс. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 242 с. EDN: NNOWQL.
14. Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте). Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 339 с. EDN: NOJQJD.
15. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск, 2007. 168 с.
16. Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск, 2004. 144 с.
17. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-

Алтая. Новосибирск: Омега Принт, 2013. 176 с.

18. Чертыкова М. Д., Салчак А. Я. Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках. Идеографический словарь-справочник. Абакан, 2017. 112 с. EDN: KTLNУН.

19. Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.

20. Хакасско-русский словарь. Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006. 1112 с.

21. Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968. 465 с.

22. Якутско-русский словарь. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 606 с.

23. Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энциклопедия, 1985. Книга 1: А – К. 504 с.

24. Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энциклопедия, 1985. Книга 2: Л – Я. 480 с.

25. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Т. 1: А – Г. 485 с.

26. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Т. 2: Д – О. 506 с.

27. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Т. 3: О – Ф. 437 с.

28. Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2004. Т. 4: Х – Я. 501 с.

29. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004. 326 с. EDN: QQYYDV.

30. Тютешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Плотников И. М. Глагольная лексика собирательства в языках Саяно-Алтая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 43-55. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-43-55 EDN: HAWEKY.

31. Гаджиева Н. З., Коклянова А. А. Глаголы речи в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 322-460.

32. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с. EDN: UDVGQD.

33. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. In 2 vols. Oxford, 1972.

34. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "В", "Г" и "Д". М.: Наука, 1980. 395 с.

35. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

36. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 4. 442 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Глагольная лексика тюркских языков Саяно-Алтая: общее и специфичное», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», автор ставит перед собой цель проанализировать в сравнительно-сопоставительном плане глагольные лексемы гетерогенных по происхождению алтайского, хакасского и тувинского языков, выявить общее и специфичное в их

семантической и словообразовательной структурах. Предметом исследования стали глаголы разных лексико-семантических групп, образованные от общетюркских корней, древние лексемы, сохранившиеся в изучаемых языках, в т.ч. лексемы неясного происхождения, а также заимствованная глагольная лексика. Новизна работы видится в том, что автор стремится провести анализ глаголов одновременно по нескольким параметрам: по структуре (выявляются и рассматриваются в словообразовательном плане однокоренные лексемы с близким значением) и семантике (обнаруживаются общность или различия в семантике глаголов).

Исследование хорошо структурировано. В первой части речь идет о глагольной лексике тюркского происхождения. В ней большое внимание уделяется выявлению этнокультурных особенностей именования действий в изучаемых языках. На основе использования сравнительно-исторического метода автор выделяет глаголы, образованные от общетюркских основ по специфичным моделям, названным им «сибирскими». К ним относятся модели «'зверь' / конкретное название зверя / рыбы / растения + -ЛА → -охотиться / добывать зверя / рыбу / растение, названного / названное основой»; модель «существительное-название народности + -ЛА → говорить на каком-либо языке»; модель глаголов, образованных от общетюркских основ путем присоединения монгольского аффикса -ырка, -ырха, -ырга.

Выявленные далее семантические особенности глаголов в языках Саяно-Алтая характеризуют их единое движение в плане развития семантики глагольной лексики, включая развитие вторичных значений глаголов в данных языках, что «говорит об определенной общности этих языков». Также интересны наблюдения автора об обнаружении сохранности некоторых древнетюркских лексических единиц в составе тюркских языков Сибири, которые не встречаются в других тюркских языках.

Анализ глагольных соответствий в изучаемых языках позволил выявить примеры, имеющие одинаковое значение, но различающиеся в структурном плане. Автор стремится обосновать функционирование в языках подобных слов поиском исходного слова в древнетюркском языке.

Вторая часть статьи посвящена глагольной лексике монгольского происхождения. Собственно заимствования из монгольского языка, а также слова, образованные деривацией от монгольских основ, оказались устойчивыми по структуре, но претерпели изменения в семантике.

Таким образом, на основе изучения материала трех языков автор приходит к выводу о том, что тюркские языки Сибири имеют много общего в глагольной лексике и ее словообразовании. При анализе исследователь также подмечает наличие подобных соответствий в якутском и киргизском языках. В целом, считаем, что автор достиг поставленной перед собой цели, раскрыл общее и специфичное глагольной лексики языков Саяно-Алтая. Список используемой теоретической литературы (36 наименований в библиографии) показывает достаточную осведомленность автора по изучаемому вопросу. Материалы статьи «Глагольная лексика тюркских языков Саяно-Алтая: общее и специфичное», будут интересны читательской аудитории, поэтому работа может быть опубликована в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Скрыпник Е.Р. Специфика представления невербальных компонентов общения в перволичном повествовании (на материале повестей А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека», «Огни», «Моя жизнь»): лингвистический аспект // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76764 EDN: DCPOSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76764

Специфика представления невербальных компонентов общения в перволичном повествовании (на материале повестей А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека», «Огни», «Моя жизнь»): лингвистический аспект

Скрыпник Елизавета Романовна

ассистент, институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93

✉ elskrypnik@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76764

EDN:

DCPOSA

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу невербальных компонентов общения в трех повестях А. П. Чехова, написанных от первого лица («Рассказ неизвестного человека», «Огни», «Моя жизнь»). Предметом исследования являются лингвистические средства, с помощью которых читателю представлены невербальные компоненты общения в ремарках к репликам, в репликах персонажей, в авторском повествовательном фрагменте. Цель работы – определение специфики введения невербальных компонентов общения в перечисленные выше структурные части произведения, написанного от первого лица. В работе обращается внимание на одиночные глаголы, на глаголы говорения с нейтральным значением, имеющие распространители со значением способа говорения. Эти глаголы включаются в основном в ремарки и обозначают разные паралингвистические особенности произношения: громкость-негромкость, четкость-нечеткость, эмоциональность. В ходе исследования были использованы следующие

методы: метод контекстного анализа фрагмента текста, метод семантического и структурного анализа языковых единиц, метод обобщения, описательно-аналитический метод. Новизна работы заключается в системном анализе невербальных компонентов общения, являющихся характерными для персонажей, что позволяет ввести понятие «невербальная личностная константа персонажа». В результате работы были сделаны следующие выводы: 1. Включение невербальных компонентов в авторский повествовательный фрагмент свидетельствует о том, что повествователь не остается нейтральным. Он не только описывает невербальные компоненты, непосредственно сопровождающие речь персонажей или включенные в реплики персонажей, но также сам обращает на них внимание и дает им интерпретацию. 2. Невербальные компоненты общения могут быть представлены в тексте с помощью одиночных глаголов, глагольных сочетаний и распространенных предложений. В ремарки и в авторский фрагмент может быть включено также характеризующее персонажа жестовое поведение, часто интерпретирующееся автором и являющееся личностной константой персонажа. 3. Общение персонажа формируется в тексте не только в виде чередующихся друг за другом реплик, но и в форме свернутого диалога, в котором может быть дано как описание содержания речи персонажей, так и описание невербальных компонентов. В реплику персонажа, реально произнесенную или потенциальную, при описании какой-то ситуации, участником которой был персонаж, могут быть включены и невербальные компоненты произносящего речь персонажа.

Ключевые слова:

перволичное повествование, повествовательный речевой план, речь персонажа, ремарки к репликам, личностная невербальная константа, невербальное общение, диалог, персонаж, повествователь, паралингвистические компоненты

Введение

Способ повествования в произведении определяет, как история, написанная автором, будет представлена читателю. В зависимости от типа повествования персонажи и события в произведении воспринимаются и осмысляются читателем по-разному. Как отмечает Н. А. Кожевникова, «форма лица в рассказе связана со степенью участия рассказчика в событиях. В форме первого лица передается рассказ свидетеля или участника, его жизнеописание, исповедь. <...> В форму третьего лица повествование облекается тогда, когда повествователь находится вне той жизни, о которой повествует, рассказывает о том, чему он не был свидетелем» [9, с. 28]. Повествовательная перспектива и способы представления основных речевых планов (повествовательный речевой план, персонажный речевой план) в прозе А. П. Чехова неоднократно рассматривались исследователями [7, 13, 14, 20]. Множество концепций и позиций объединяется выделением ряда характерных черт художественного метода писателя: «свободное обращение с точками зрения в авторском повествовании, включение сознания персонажей в авторский голос, невозможность провести четкую грань между словом персонажа и словом автора» [11, с. 1].

В процессе восприятия произведения важно определить точку зрения, через которую проходит осмысление персонажей и событий. Повествование от третьего лица является более объективным, чем повествование от первого, для которого характерны оценочность, недосказанность, эмоциональность, т.к. повествователь наделяется

возможностью не только изображать, но и комментировать поведение персонажей с точки зрения своего осмысления. Отметим, что под повествователем (или рассказчиком) в работе понимается «персонифицированный субъект речи, организующий повествование своей точкой зрения» [\[11, с. 12\]](#). Вслед за Н. А. Кожевниковой и А. П. Чудаковым термины 'повествователь' и 'рассказчик' не разграничиваются, а используются как синонимы [\[9; 20, с. 10\]](#).

Повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека», «Огни», «Моя жизнь» написаны от первого лица. Рассказчик «рисует картину события, создает образы его участников», описывает поведение персонажей, в том числе и невербальное, «и обладает правом завершения их образов» [\[15, с. 40\]](#). Включенность повествователя в осмысление ситуаций общения позволяет более детально характеризовать невербальную коммуникацию. Как отмечает А. Д. Степанов, при слиянии авторской оценивающей инстанции с «оптической позицией, голосом и оценкой героя – изображенная коммуникация "внутри" художественного мира становится более автономной» [\[12, с. 21\]](#). Рассказчик определяет, что, согласно его представлениям, является важным при воспроизведении диалога, и выделяет и описывает значимые для коммуникации детали. В выбранных произведениях повествователем актуализируется невербальная составляющая общения.

Описание исследования

Невербальные компоненты общения в художественной прозе могут быть включены писателем в разные структурные части произведения: в ремарки к репликам персонажей, в речь персонажей, в повествовательный речевой план автора. В статье анализ невербальных компонентов проводится по месту их расположения в указанных структурных частях произведения.

Рассмотрим первую группу примеров – ремарки к репликам.

1. Невербальные компоненты общения могут быть представлены в ремарках одиночными глаголами, в лексическом значении которых содержится, кроме значения говорения, сема громкости (например, в глаголе '*кричать*') или сема нечеткости произношения (например, в глаголе '*бормотать*'), что позволяет отнести их к паралингвистическим средствам:

«– Не рассуждай, болван! – **крикнул** он» [\[19, с. 141\]](#).

«– Извозчик! – **крикнул** я, выйдя за ворота» [\[18, с. 124\]](#).

«– А кто виноват? – **крикнул** отец» [\[17, с. 278\]](#).

«– Кисочка, ну что ты хочешь? – **забормотал** я» [\[18, с. 130\]](#).

«– Великолепная Маша... – **бормотал** я» [\[17, с. 261\]](#).

Глаголы говорения «кричать», «бормотать» в структуре ремарки могут иметь дополнительные компоненты, выраженные именами прилагательными и словосочетаниями с конкретизирующим значением паралингвистического средства. Они расширяют осмысление рассказчиком голосовых и акустических характеристик персонажей и уточняют, таким образом, представление читателя о ситуации общения:

«– Не смей так разговаривать со мною, глупец! – **крикнул он тонким, визгливым голосом**» [\[17, с. 196\]](#).

«– Я не могу больше... – **забормотала Кисочка голосом плачущей девочки**» [\[18, с. 127\]](#).

Введение прямой речи, согласно принятым классификациям, осуществляется глаголами говорения [\[4, 8, 10 и др.\]](#) нейтрального значения (например, глаголы 'говорить', 'звать', 'спросить', 'сказать'). При этом они сочетаются с другими словами, которые обозначают с помощью распространителей паралингвистические характеристики (громкость/негромкость, скорость произношения):

«– Господи! – **говорила она протяжно и плача**» [\[18, с. 126\]](#).

«– Мамаша! – **звал он вполголоса**» [\[17, с. 218\]](#).

«– И барыня дома? – **спросил у меня шепотом** Кукушкин» [\[19, с. 155\]](#).

«– Отчего вы переменялись? – **сказала она тихо**» [\[19, с. 164\]](#).

В представленных примерах содержатся различные описания способа произношения речи, выраженные сочетанием глагола и наречия или глагола и существительного в функции наречия. Комментирование рассказчиком процесса говорения может сопровождаться и «другим неречевым действием, протекающим параллельно и представленным в форме деепричастия» [\[4, с. 204\]](#).

Распространители наречного характера, наречия и предложно-падежные формы имен существительных с наречным значением в сочетании с глаголом говорения также могут характеризовать, вместе с голосом, внутреннее состояние персонажа:

«– От Никитина... – **отвечал угрюмо** чей-то бас» [\[18, с. 139\]](#).

«– Мне жить хочется! – **проговорил я искренно**» [\[19, с. 207\]](#).

«– А вы эти мысли бросьте... – **сказал инженер серьезно и наставительно**» [\[18, с. 107\]](#).

«– Когда ты начинаешь говорить о физическом труде, то это выходит глупо и пошло! – **сказал отец с раздражением**» [\[17, с. 193\]](#).

Примеры содержат наречия «угрюмо», «искренно», «серьезно», «наставительно», а также существительное с предлогом «с раздражением». Лексические единицы в первую очередь указывают на внутреннее состояние говорящего, подчеркивают отношение участника общения одновременно и к предмету диалога, и к собеседнику. Опираясь на значения глаголов и их распространителей, включенных в структуру ремарки, можно считать, что процесс произношения речи сопровождается паралингвистической характеристикой, которая необходима для полноценного описания диалогической ситуации.

Характеристики голоса, включенные в ремарочные части диалогического фрагмента текста, который понимается как «определенным образом структурированное сочетание персонажного и авторского речевых планов, в совокупности представляющих диалогическое общение персонажей художественного произведения», могут

сопровождаться описанием мимики, глазного поведения, поз [\[6, с. 63\]](#). Соединение разных невербальных действий позволяет представить эмоциональное состояние говорящего. Структура ремарки, включающая одновременно описания голоса, мимики, глазного поведения и поз, всегда является расширенной, потому что содержит кроме обязательных компонентов (существительного или местоимения в сочетании с глаголом, обозначающих субъект говорения и процесс говорения, что является минимальной необходимой информацией для диалогического общения) дополнительные, которые интерпретируются повествователем. В этом случае функциональную характеристику невербальных компонентов общения можно считать интерпретантой – «авторским объяснением смысла жеста» [\[16, с. 125\]](#):

«– Господи, да почему же они анафемские? – спросил, улыбаясь, студент, и по его голосу и по лицу было заметно, что он отвечает только из простой вежливости и что спор, затеваемый инженером, нисколько не интересует его» [\[18, с. 108\]](#).

«– Что ж ты, тварь, понапрасну лаешь? – сказал он тоном, каким добродушные люди разговаривают с детьми и с собаками» [\[18, с. 107\]](#).

Ремарки в примерах содержат подробные характеристики голоса, одна из которых сопровождается описанием мимики. Информация о невербальном поведении персонажей представлена с помощью распространенных предикативных частей.

«– Отчего вы не бываете у меня? – спросила она, поднимая свои умные, ясные глаза, а я сильно смутился от радости и стоял перед ней навтыжку, как перед отцом, когда тот собирался бить меня; она смотрела мне в лицо, и по глазам ее было видно, что она понимает, почему я смущен» [\[17, с. 241\]](#).

Рассказчик изображает со стороны не только окружающих, но и себя. Описание своего невербального поведения повествователь представляет после изображения реакции другого участника диалога. При этом, поза, которую он принимает, является привычной для него в определенных коммуникативных ситуациях. Ее значение («стоял перед ней навтыжку, как перед отцом, когда тот собирался бить меня») противоречит эмоциям, которые испытывает повествователь.

Описания невербального – паралингвистического и неречевого – поведения персонажей свидетельствуют о высокой степени включенности рассказчика в ремарочные части диалогического фрагмента текста. Осмысление невербального поведения участников диалогической ситуации не является объективным. Субъективность интерпретации определяется типом расширенной структуры ремарки, использованием оценочной лексики.

Рассмотрим вторую группу – повествовательный речевой план.

2. Повествовательный речевой план включает описания поведения персонажей в диалоге и вне ситуации общения.

А). В речевом плане повествователя, как правило, дана необходимая информация об участниках диалогической ситуации, включающая в том числе описания внешнего вида определенного персонажа, его эмоционального состояния, невербального поведения. Невербальные характеристики могут «закрепляться» за персонажем и становиться личностной константой. Невербальная личностная константа – это повторяющиеся невербальные паттерны, характерные для отдельного персонажа и коррелирующие с его личностными особенностями. В произведениях, написанных от первого лица,

невербальные личностные константы могут быть включены в портретные характеристики персонажей. Специфика способа повествования влияет на развернутость описания невербального поведения персонажей. В перволичном повествовании эта характеристика представлена подробно:

«...когда Орлов брался за газету или книгу, какая бы она ни была, или же встречался с людьми, кто бы они ни были, то **глаза его начинали иронически улыбаться и все лицо принимало выражение легкой, не злой насмешки**. Перед тем, как прочесть что-нибудь или услышать, у него всякий раз **была уже наготове ирония**, точно щит у дикаря. Это была **ирония привычная**, старой закваски, и в последнее время **она показывалась на лице уже безо всякого участия воли, вероятно, а как бы по рефлексу**» [\[19, с. 140-141\]](#).

«Инженер Ананьев, Николай Анастасьевич, был плотен, широк в плечах, <...> **в обращении с окружающими проявлял уже то покойное, невозмутимое добродушие, какое приобретает порядочными людьми, когда они переваливают в штаб-офицерские чины и начинают полнеть**. <...> **Движения его и голос были покойны, плавны**, уверенны, как у человека, который отлично знает, что он уже выбился на настоящую дорогу, что у него есть определенное дело, определенный кусок хлеба, определенный взгляд на вещи...» [\[18, с. 109\]](#).

«За сценой, в дверях стояла Анюта Благово, тоже в шляпке, с темною вуалькой. <...> Так как она была высока ростом и хорошо сложена, то участие ее в живых картинах считалось обязательным, и когда она изображала какую-нибудь фею или Славу, то **лицо ее горело от стыда**; но в спектаклях она не участвовала, а заходила на репетиции только на минутку, по какому-нибудь делу, и не шла в зал. И теперь **видно было, что она зашла только на минутку**» [\[17, с. 202\]](#).

Особенность личностной невербальной константы заключается и в том, что невербальные характеристики, относящиеся к отдельному персонажу, сопровождают его на протяжении всего произведения. Например, Орлову из «Рассказа неизвестного человека» свойственно ироническое выражение лица при общении с другими и наедине с собой. Эта черта включена как в портретную характеристику персонажа, так и в ремарки к его репликам («– Тургенев в своих произведениях учит, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая девица уходила с любимым мужчиною на край света и служила бы его идее, – сказал Орлов, **иронически щуря глаза**» [\[19, с. 156-157\]](#), «Он нисколько не изменился: все то же холеное, неприятное лицо, **та же ирония**» [\[19, с. 210\]](#), «Проклятая, холодная кровь, азиат, лошадиный смех – это мило и характерно, – **продолжал он, иронически улыбаясь**» [\[19, с. 212\]](#) и т.д.). Другому персонажу, Анюте Благово из повести «Моя жизнь», свойственно краснеть и иметь определенное выражение лица. Описание невербальных характеристик представлено в портретной характеристике Благово и в ремарках к репликам персонажа («Узнав меня, Анюта **вспыхнула**», [\[17, с. 217\]](#); «Она была в шляпе, под вуалью, и, **как всегда, имела такой вид, будто зашла только на минуту**», [\[17, с. 267\]](#)). На регулярность проявления Анютой мимических движений указывает вводное сочетание «как всегда» со значением «полная неизменность и регулярность проявления какого-л. качества, совершения какого-л. действия» [\[3, с. 405\]](#).

Невербальный компонент можно считать личностной невербальной константой, если он системно характеризует персонажа в разных ситуациях общения.

Б). Свернутый диалог

В повествовании от первого лица общение может быть свернутым. Повествователь не воспроизводит реплики дословно, а обобщает их и представляет результат взаимодействия персонажей.

«Когда она, вернувшись из магазина, **спешила похвалиться** перед ним обновками, то **он мельком взглядывал** на них и **холодно говорил**, что чем больше в квартире лишних вещей, тем меньше воздуха» [\[19, с. 163\]](#).

В примере сочетанием «спешила похвалиться» выражено намерение персонажа. В структуре составного глагольного сказуемого представлен вспомогательный компонент «спешила» с модальным значением волеизъявления, а именно волеизъявление с оттенком готовности, решимости совершить действие. Значение же глагола «похвалиться» ('Рассказать о себе или о чем-либо относящемся к себе с похвалой; похвастаться', [\[2, с. 946\]](#)) полифункционально, т.к. совмещает факт говорения, предположительное содержание высказывания в том числе, и характер произношения речи. Стремление Зинаиды Федоровны демонстрировать мужу покупки сталкивается с безэмоциональной реакцией Орлова. Незаинтересованность персонажа подчеркивается характеристикой его взгляда, способом произношения реплики, которая вводится сочетанием наречия и глагола «холодно говорил» и представлена в виде косвенной речи.

«Дела с каждым днем заметно становились хуже. После того вечера, когда говорили о службе, Орлов, не любивший слез, стал видимо бояться и избегать разговоров; когда Зинаида Федоровна **начинала спорить или умолять, или собиралась заплакать**, то он под благовидным предлогом уходил к себе в кабинет или вовсе из дому» [\[19, с. 170\]](#).

Значения глаголов «спорить», «умолять», «заплакать» также полифункциональны. С одной стороны, они определяют потенциальное содержание и направленность речи ('спорить', 'умолять') или проявление эмоциональной реакции ('заплакать'), с другой стороны – представляют невербальные характеристики, проявляемые Зинаидой Федоровной в определенной диалогической ситуации – при обсуждении службы Орлова. Действия персонажа, выраженные глаголами несовершенного вида, перечисляются с помощью союза «или». Вариативность действий и значение глаголов несовершенного вида, указывающее на повторяемость реакций и неограниченность их осуществления пределом, свидетельствует о сложности взаимоотношений Зинаиды Федоровны и Орлова.

Рассмотрим третью группу – речевой план персонажа.

3. В речевом плане персонажа также содержатся описания невербальных компонентов общения, которые введены в реплики персонажей – они включаются в воспоминания о прошлых событиях, предположения о реакциях собеседника. Например, реплика Зинаиды Федоровны содержит воспоминания о прошлом. Она описывает и внешнюю, наблюдаемую, и внутреннюю, скрытую, сторону неприятного события:

«– Да, мой друг, пока нервы мои были подняты, все шло прекрасно, – рассказывала она, – но как только наступила ночь, я пала духом. <...> В два часа ночи муж вошел ко мне и говорит: «Вы не посмеете уйти. Я вытребую вас со скандалом через полицию». А немного погодя гляжу, он опять в дверях, как тень. «Пощадите меня. Ваше бегство может повредить мне по службе». Эти слова подействовали на меня грубо, **я точно заржавела** от них, подумала, что это уже начинается возмездие, и **стала дрожать от**

страха и плакать [\[19, с. 152\]](#).

Невербальные компоненты общения могут сопровождать предполагаемые повествователем реплики. Рассказчик интерпретирует невербальное поведение персонажей, на основе которого создается потенциальное высказывание:

«Все это было таинственно и **вызывало** у Поли, благоговевшей перед барскими шалостями, **хитрую усмешку; она как будто хотела сказать: «Вот какие мы!» – и все время ходила на цыпочках»** [\[19, с. 150\]](#).

«...и когда она вздыхала или двигалась, чтобы лечь поудобнее, то я **читал на ее лице: «"О, поскорее бы утро!"»** [\[17, с. 263\]](#).

Потенциальными могут быть не только реплики, но и невербальные компоненты общения. Если в первом случае их предполагает повествователь, то во втором – один из участников общения на основе собственных представлений о собеседнике и особенностях его поведения.

«– Как? Ты думаешь, она поймет меня? Помилуй, мы мыслим так различно! По ее мнению, уйти от папаши и мамыши или от мужа к любимому мужчине – это верх гражданского мужества, а по-моему это – ребячество. <...> Зинаида же Федоровна отдает любви не су, а всю свою душу. Я, пожалуй, сделаю ей внушение, а **она в ответ искренно завопиет**, что я погубил ее, что у нее в жизни ничего больше не осталось» [\[19, с. 158\]](#).

В приведенном примере Орлов не только описывает потенциальную паралингвистическую реакцию Зинаиды Федоровны, выраженную глаголом «завопить», но и моделирует диалогическую ситуацию целиком. Он сначала предполагает способ выражения внутреннего отношения Зинаиды Федоровны к реплике-стимулу, обозначенной существительным 'внушение', и затем представляет потенциальное содержание ее речи. Глагол «завопить», «издавать голосом громкие протяжные звуки, крики, неистово кричать; в своем значении содержит сему громкости произношения, что указывает на отрицательный характер содержания потенциального высказывания [\[1\]](#).

Результаты исследования

Невербальные компоненты общения могут быть представлены в разных структурных частях произведения: ремарках к репликам, в репликах персонажей, в авторском повествовательном фрагменте. Способы и средства выражения невербальных средств различны. Они могут быть выражены одиночными глаголами говорения нейтрального значения с распространителями, одиночными глаголами, содержащими в своем значении паралингвистические характеристики, глагольными сочетаниями в простых и расширенных структурах. Развернутое комментирование в разных структурных частях произведения обусловлено спецификой перволичного повествования. Рассказчик не только описывает невербальные компоненты общения, но и выделяет и интерпретирует их в диалогических ситуациях, в которых считает необходимым ввести свое видение невербального поведения персонажа.

Библиография

1. Большой толковый словарь русских глаголов / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под общ. ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
4. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
5. Дюзенли М. В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 25. – № 2. – С. 199-210.
6. Изотова Н. В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. – РнД: Издательство СКНЦ ВШ, 2006. – 246 с. EDN: XWGXPV.
7. Изотова Н. В., Скрыпник Е. Р. Способы репрезентации невербальных компонентов общения в повести А. П. Чехова "Степь" // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 47-57. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-1-47-57. EDN: IMMOXV.
8. Кодухов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. – Л.: Учпедгиз, 1957. – 87 с.
9. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. – М.: ИРЯ РАН, 1994. – 333 с.
10. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. – РнД: Ростовское книжное издательство, 1958. – 240 с.
11. Моргулева О. М. Формы авторского повествования в прозе А. П. Чехова конца 80-х – 900-х гг.: Автореф. дисс.. канд. филол. наук. – М., 2005. – 21 с. EDN: NNJEFF.
12. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с. EDN: QRHHMF.
13. Степанов С. П. Организация повествования в художественном тексте (языковой аспект). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2002. – 188 с. EDN: VHKUCT.
14. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 184 с.
15. Тютелова Л. Г. Коммуникативные стратегии А. П. Чехова в пьесе Аси Волошиной "Дама с собачкой" // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 37-47. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-1-37-47. EDN: AKKSZM.
16. Хроленко А. Т. Параязык в художественной прозе // Русская речь. – 2020. – № 6. – С. 117-128. DOI: 10.31857/S013161170012882-9. EDN: OHJWXB.
17. Чехов А. П. Моя жизнь. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 9. – С. 192-280.
18. Чехов А. П. Огни. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 7. – С. 105-140.
19. Чехов А. П. Рассказ неизвестного человека. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 8. – С. 139-213.
20. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с. EDN: VUHMOP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного](#)

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Специфика представления невербальных компонентов общения в перволичном повествовании (на материале повестей А. П. Чехова "Рассказ неизвестного человека", "Огни", "Моя жизнь")» представляет собой масштабное и теоретически выверенное исследование, посвящённое анализу паралингвистических и невербальных средств коммуникации в художественном тексте. Предметом работы является система средств передачи невербальных элементов общения (мимика, жесты, позы, интонация, особенности голоса и др.) в рамках повествовательной структуры, организованной от первого лица. Исследование основано на тщательном лингвистическом анализе чеховской прозы и раскрывает малоизученные аспекты взаимодействия речевых и неречевых элементов в формировании художественного образа.

Методологическая основа статьи отличается глубиной и продуманностью. Автор использует комплексный подход, объединяющий элементы лексико-семантического, синтаксического и коммуникативно-прагматического анализа. Работа опирается на труды ведущих специалистов в области чеховедения и теории повествования – Н. А. Кожевниковой, А. П. Чудакова, С. П. Степанова, И. Н. Сухих – а также включает современные исследования по паралингвистике (А. Т. Хроленко) и теории прямой речи (В. И. Кодухов, М. К. Милых). Последовательно разграничиваются три структурных плана, в которых реализуются невербальные элементы: ремарки к репликам, повествовательный план и речевой план персонажей. Такая классификация представляется удачной, поскольку позволяет не только систематизировать наблюдения, но и проследить функциональную зависимость между повествовательной позицией и способом репрезентации невербального поведения. Впрочем, можно было бы рекомендовать расширить методологическую часть кратким обзором современных когнитивных и психолингвистических подходов к анализу невербальной коммуникации (работы П. Экмана, Ю. С. Степанова и др.), что придало бы исследованию междисциплинарный объём.

Актуальность темы несомненна. Вопрос о репрезентации невербальных компонентов общения в художественном тексте является одним из ключевых в современной лингвистике текста и поэтике повествования. Особое внимание к перволичному повествованию оправдано: именно оно позволяет исследовать, как субъективная перспектива рассказчика влияет на интерпретацию невербальных сигналов. В условиях роста интереса к проблемам нарративной лингвистики и к речевой структуре прозы А. П. Чехова исследование вносит весомый вклад в понимание взаимодействия речевых и экстралингвистических уровней художественной коммуникации.

Научная новизна статьи заключается в выявлении и описании закономерностей функционирования невербальных компонентов общения именно в перволичном повествовании. Автор показывает, что при таком типе наррации невербальные детали утрачивают объективность и становятся инструментом субъективной интерпретации персонажем происходящего. Важным является введённое понятие «невербальной личностной константы» – устойчивого невербального паттерна, сопровождающего определённого персонажа и отражающего его психологический тип. Этот термин, обладающий высокой объяснительной силой, может быть использован в дальнейшем развитии теории повествовательной эмотивности. Таким образом, статья выходит за рамки традиционного стилистического анализа и формулирует новые теоретические категории, расширяющие инструментарий лингвистики художественного текста.

Работа отличается логической структурой и ясной организацией материала. Введение

четко обозначает цели и задачи исследования, методологическую базу и объект анализа. Основная часть статьи подразделена на несколько разделов, каждый из которых демонстрирует убедительные примеры из чеховских текстов. Автор демонстрирует высокий уровень владения материалом, умело сочетая теоретические положения с подробным разбором конкретных фрагментов. Особо впечатляет работа с цитатами из повестей: они грамотно интегрированы в текст, снабжены комментариями, иллюстрирующими тезисы исследования. Аргументация выстроена последовательно, с переходами от наблюдений на уровне лексики к более широким синтаксическим и композиционным закономерностям. Вместе с тем, заключительная часть могла бы быть расширена более явным подведением итогов и формулировкой общих принципов функционирования невербальных средств в нарративе Чехова.

Стиль статьи выдержан в академической традиции, отличается точностью терминологии, логичностью и стилистической цельностью. Изложение свободно от избыточных цитат или громоздких конструкций; текст читается легко и демонстрирует высокий уровень языковой культуры. Синтаксис разнообразен, при этом соблюден баланс между теоретической строгостью и научной выразительностью.

Библиография богата, репрезентативна и отвечает требованиям современной филологической науки. В ней гармонично сочетаются классические источники по чеховедению и современные публикации, включая работы последних лет из ведущих российских журналов. Особенно положительно следует отметить обращение к изданиям 2022–2024 гг., что свидетельствует о включённости автора в актуальный научный контекст.

Автор корректно взаимодействует с предшествующими исследованиями, не вступая в прямую полемику, но органично развивая идеи, высказанные в трудах предшественников. Апелляция к оппонентам выполнена в академическом ключе – через уточнение и конкретизацию существующих теорий. Таким образом, статья демонстрирует высокую степень зрелости научного мышления и методологической культуры.

В целом, представленное исследование отличается концептуальной целостностью, оригинальностью постановки вопроса и убедительностью анализа. Оно имеет безусловную научную ценность, а также представляет интерес для специалистов в области лингвистики текста, теории повествования и преподавателей-филологов.

На основании вышеизложенного полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к публикации без существенных замечаний. В качестве небольших предложений можно рекомендовать автору добавить в методологическую часть отсылки к современным междисциплинарным исследованиям невербальной коммуникации и уточнить обобщающие выводы в финале. Указанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей высокой оценки работы.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шашкова В.Н. Модальность необходимости в официальных сообщениях полиции: сравнение императивных и деонтологических конструкций в русских и английских пресс-релизах // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76784 EDN: IYZCSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76784

Модальность необходимости в официальных сообщениях полиции: сравнение императивных и деонтологических конструкций в русских и английских пресс-релизах

Шашкова Валентина Николаевна

ORCID: 0000-0003-0977-3061

кандидат филологических наук

профессор; кафедра иностранных и русского языков; Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова

302000, Россия, Орловская обл., г. Орёл, ул. Трудовых резервов, д. 6, кв. 1

✉ valentina.shash@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76784

EDN:

IYZCSG

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: Исследование направлено на анализ модальных стратегий в пресс-релизах полиции двух языковых культур – русской и английской – с целью выявления частотности и типологии модальных значений, подлежащих актуализации. Объект исследования – официальные сообщения полиции (конкретно – русскоязычные и англоязычные пресс-релизы), как жанр официально-деловой и публичной коммуникации. Предмет исследования – императивные и деонтологические модальные конструкции, то есть языковые средства выражения обязательства, разрешения, запрета. Материалом для исследования послужил корпус из 60 пресс-релизов, из которых 30 пресс-релизов были на русском языке (от МВД России и региональных управлений), 30 пресс-релизов были на английском языке (от the Metropolitan Police of London, Los Angeles Police Department (LAPD) и других). Методологию исследования

составили дискурс-анализ, корпусный анализ, сопоставительный анализ, элементы прагматического анализа, а также анализ функциональной семантики высказывания. Анализ выявил, что наиболее частотными являются подзначения необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами (социальными, служебными, правовыми) и воздействием институциональной воли. В пресс-релизах правоохранительных органов русского и английского языков преобладают косвенные императивные акты, представленные деонтологическими конструкциями. Русскоязычные тексты используют преимущественно институционально-нормативные структуры, подчёркивающие правовую легитимность распоряжений, тогда как англоязычные отдают предпочтение перформативным и рекомендательным формам, отражающим стратегию партнерства. Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации языковых стратегий выражения обязательства, разрешения и запрета, а также способов смягчения/усиления директивности, характерных для русскоязычных и англоязычных полицейских сообщений, что вносит вклад в сопоставительную типологию модальных значений и способов их выражения. Результаты исследования могут быть применены при подготовке специалистов в области правоохранительной деятельности, сотрудников пресс-служб, а также при обучении переводу официальных текстов институционального дискурса. Выводы могут служить основой для разработки методических рекомендаций для сотрудников пресс-служб правоохранительных органов.

Ключевые слова:

модальность, модальное значение, модальная шкала, необходимость, императив, директивное высказывание, функциональная семантика высказывания, функционально-семантический тип высказывания, деонтологическая конструкция, пресс-релиз

Введение

В условиях растущей информационной насыщенности и повышенного общественного внимания к деятельности правоохранительных органов, пресс-релизы становятся не просто инструментом информирования населения, но и важным элементом дискурсивного управления общественным мнением. Пресс-релизы, публикуемые в средствах массовой информации (далее – СМИ) и на официальных сайтах полиции, выполняют важные функции предупреждения преступлений, регуляции общественного порядка и развития социальной ответственности граждан. В этом контексте особую значимость приобретает лингвистическая стратегия выражения модальности – тот способ, которым представители правоохранительных органов передают значения деонтической необходимости, запрета, рекомендации и призыва к сотрудничеству.

Сопоставление русского и английского языков в этой сфере способствует выявлению тех черт избирательного использования модальных значений и подзначений, которые обусловлены не только языковым строем, но и культурной спецификой коммуникативного взаимодействия полиции с общественностью.

В основе анализа модальности в официальных полицейских пресс-релизах лежит концепция модального компонента высказывания. Предложение является естественным носителем модальности, поэтому мы обращаемся именно к рассмотрению «модального аспекта функциональной семантики высказывания» [\[1, с. 254\]](#).

Источником используемого в ходе исследования определения модальности является Санкт-Петербургская лингвистическая школа функциональной грамматики, основателем которой считается А. В. Бондарко. Согласно подходу, разработанному в рамках этой школы, модальность — это семантико-прагматическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и/или к ситуации его высказывания, а также к адресату как участнику коммуникации [\[2, с. 57\]](#). «Функционально-семантическое поле — термин функциональной грамматики, базирующаяся на определённой семантической категории группировка средств различных уровней языка, а также комбинированных языковых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [\[3, с. 392\]](#). При таком подходе модальность можно представить как функционально-семантическое макрополе, в котором каждое модальное значение представляет собой поле, объединяющее средства разных языковых уровней, а также супraseгментные средства, объединяющие интонационное оформление выраженности различных модальных значений и подзначений. При этом каждое модальное значение — это шкала, имеющая градацию основного семантического признака внутри поля. Таким образом, модальный компонент не сводится исключительно к грамматической форме (например, модальному глаголу или наклонению), а рассматривается как интегративный содержательный план предложения-высказывания, избирательно реализуемый на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях под воздействием прагматических условий коммуникации.

Мы дифференцированно рассматриваем внутрипропозициональную модальность, которая охватывает различные значения, отражающие соотношение пропозиционального содержания с действительностью в плане реальности, ирреальности и потенциальности, а также внешнепропозициональную модальность, которая объединяет различные значения, передающие отношение коммуникативного субъекта к содержанию пропозиции [\[4, с. 114\]](#).

Официальные пресс-релизы – это разновидность текстов, относящихся по социолингвистическим признакам к «институциональному типу дискурса» [\[5, с. 250\]](#). Ввиду дискурсивной природы текстов этого типа в них нивелируется субъективная оценка необходимости реализации ситуации, обозначенной в пропозиции, со стороны коммуникативного субъекта, то есть внешнепропозициональная модальность. В этом случае нас интересует внутрипропозициональная оценка необходимости реализации конкретных действий или следования определённой модели поведения с точки зрения дифференциации коммуникативных типов высказываний — предписания, разрешения, рекомендации, запрета, а также типов модальных значений, за ними закреплённых.

Исследование актуализации оценки степени необходимости как модального значения приобретает особое значение, так как выступает ключевым средством реализации директивной функции институционального дискурса в жанре пресс-релизов полиции. Для разграничения подзначений, объединённых семантической доминантой необходимости, мы опираемся на типологию, предложенную С. Н. Цейтлин, которая выделяет модальность необходимости, продиктованную внешними обстоятельствами: а) социальными обстоятельствами и б) служебным положением; модальность необходимости, продиктованную внутренним состоянием субъекта речи; модальность необходимости, продиктованную воздействием чужой воли; модальность необходимости, продиктованную тем, «как устроен мир», или тем, что «так обычно бывает» в данной среде; модальность необходимости, продиктованную наличием у субъекта речи конкретной цели [\[6, с.154–156\]](#).

На предварительном этапе исследования была сформулирована его основная гипотеза, которая заключалась в том, что для пресс-релизов доминантными по частотности актуализации будут подзначения необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами, а также необходимости, продиктованной воздействием чужой воли.

Модальность необходимости, таким образом, представляет собой широкую по охвату подзначений функционально-семантическую категорию, включающую все перечисленные подзначения, среди которых может быть и объективная, и субъективная необходимость совершения действия или наличия некоторого состояния. Деонтическая модальность обычно рассматривается как подтип модальности необходимости, связанный не с фактами или логикой, а с нормами, правилами, обязанностями, моралью, законом, социальными ожиданиями. Иными словами, деонтическая модальность — это тоже функционально-семантическое поле, состоящее из серии микрополей, образованными на основании перечисленных семантических признаков. Модальность необходимости и деонтическая модальность соотносятся как родо-видовые понятия.

Ещё два понятия, требующие терминологического уточнения при разработке аналитической программы исследования, — это императив и деонтологические конструкции.

А. В. Бондарко отмечает, что «императивный акт направлен на преобразование ирреального (желаемого) в данной реальной ситуации в реальное (действительное) в планируемой новой ситуации, которая будет отличаться от реальной ситуации, существующей в момент речи» [7, с. 85]. Реализуется императивный акт специализированной формой глагола. При этом помимо собственно императива, получающей в русском языке выражение при помощи глагольной формы 2-го лица единственного или множественного числа, существует масса «транспонируемых форм и неимперативных по своей природе конструкций» [8, с. 70]. В этой связи мы дифференцируем прямые и косвенные императивные акты и предлагаем для прямых императивных актов рассматривать императив в качестве основного средства выражения значения необходимости.

Таким образом, императив — это грамматическая форма глагола повелительного наклонения, направленная на побуждение адресата к выполнению действия. В институциональном дискурсе прямой императив («*Не подходите к подозрительным предметам!*» / «*Do not approach suspicious objects!*») встречается редко из-за его высокой директивности и потенциального нарушения норм прагматической вежливости; чаще используются косвенные императивные конструкции: безличные предложения («*Рекомендуется воздержаться...*» / «*It is recommended to refrain from ...*», «*Вам необходимо обратиться в дежурную часть*» / «*You are required to contact the duty office*»), инструктивные клише («*Просьба сообщить...*» / «*Kindly report ...*», «*Мы ценим ваше сотрудничество*» / «*Your cooperation is appreciated*», «*Пожалуйста, убедитесь в том, что ...*» / «*Please, ensure that ...*»). Все такие формы и в русском, и в английском языках, используемые в косвенных императивных актах для выражения побуждения адресата к выполнению действия, мы относим к деонтологическим конструкциям. Иными словами, деонтологическая конструкция — это языковое выражение, реализующее модальность необходимости в косвенном императивном речевом акте, то есть грамматическая или лексико-синтаксическая структура, в которой выражено предписание, обязанность, разрешение или запрет.

Результаты исследования

Для представления результатов исследования были отобраны наиболее частотные случаи актуализации модальности необходимости. Поэтому примеры, приведённые для иллюстрации способов выражения различных подзначений по шкале необходимости в русском и английском языках, были отобраны с учётом семантики необходимости и способа её выражения.

Пример 1: *Не выходите из дома без крайней необходимости* (МВД РФ, 2023, при угрозе террористической атаки). Модальность необходимости актуализирована в этом предложении дважды, в атомарных пропозициях P1 и P3 в рамках общего пропозиционального содержания: P1 (ассертивная часть): [Addr не должен выходить из дома]; P2: [при P3 Addr может выйти из дома], при этом P3 (пресуппозитивная часть): [крайняя необходимость наличествует]. В пропозиции P1 получает выражение модальность необходимости, продиктованная внешними обстоятельствами; в пропозиции P3 выражена необходимость, обусловленная внутренним состоянием субъекта.

В первом случае это — прямой императив: глагол-сказуемое стоит в повелительном наклонении в отрицательной форме. Фактически речь идёт о прохибитивном предложении. В таких предложениях «сферу действия оператора отрицания составляет всё предложение за исключением смысла 'волеизъявление', выражаемого императивной глагольной формой» [\[9, с. 210\]](#). Прохибитивные предложения не допускают смягчающих обстоятельств. Их отличает ярко выраженная иллокутивная сила приказа. Поэтому значение необходимости коррелирует со значением потенциальности безоговорочной реализации действия, обозначенного в пропозиции. Гражданин как коллективный адресат сообщения воспринимается как субъект приказа, а не как участник диалога. Во втором случае необходимость, обусловленная внутренним состоянием субъекта, выражена посредством существительного модальной семантики «*необходимость*», служащим средством номинации типа модального значения. Необходимость при этом сопряжена со значением «интеллектуальной оценки по шкале интенсивности признака» [\[10, с. 163\]](#), которая выражена посредством прилагательного «*крайний*».

Пример 2: *Сообщите в полицию о подозрительных предметах или лицах* (Пресс-релиз МВД РФ, 2024, в рамках профилактики террористических угроз).

Модальность необходимости актуализирована в единственной атомарной пропозиции P: P: [Addr должен сообщить в полицию о подозрительных предметах или лицах]. Здесь отсутствует пресуппозитивная модальность (нет условий или оговорок — действие предписывается безоговорочно в рамках текущей угрозы). Тем не менее, подтекстовая пресуппозиция угрозы ([подозрительные предметы/лица могут представлять опасность]) делает высказывание прагматически обоснованным, но грамматически она не выражена — следовательно, формально это простая ассертивная пропозиция с модальностью необходимости, обусловленной социальными обстоятельствами.

В предложении реализуется форма прямого императива: глагол «сообщите» стоит в повелительном наклонении (форма 2-го лица множественного числа). По своей функциональной семантике это директивное высказывание, несущее иллокутивную силу призыва/инструкции, но с меньшей силой по сравнению с прохибитивом в Примере 1: *сообщить* — кооперативное, социально одобряемое действие; предложение смягчено тем, что адресат воспринимается как потенциальный помощник, а не как нарушитель закона. В отличие от прохибитивов, здесь допускается элемент добровольности, что снижает прагматическую директивность. При этом императив реализует норму

гражданской обязанности (ст. 13 ФЗ–35 «О противодействии терроризму»): обязанность информировать органы власти о потенциальной угрозе. Таким образом, в этом случае можно говорить о выраженности именно деонтической модальности, продиктованной законом и одновременно обусловленной внешними обстоятельствами. Кроме того, глагол «сообщить» сочетается с направленностью на объект — *в полицию*, что указывает на институциональную обусловленность и легитимацию требования.

Пример 3. *Водителям запрещено останавливаться в зоне эвакуации* (Оперативное распоряжение ГИБДД при ЧС, 2024).

Модальность необходимости (в данном случае — модальность запрета, т.е. отрицательная необходимость) выражена в ассертивной пропозиции P1: [Водителям запрещено останавливаться в зоне эвакуации]. Пресуппозитивная часть высказывания может быть реконструирована следующим образом: P2: [зона эвакуации официально обозначена и функционирует в режиме ЧС]; P3: [остановка в этой зоне может нарушить оперативные действия / создать угрозу]. Так как ни в P2, ни в P3 необходимость не выражена, мы обращаемся к рассмотрению только пропозиции P1.

Прямой императив здесь отсутствует. Вместо него — деонтологическая пассивная конструкция с модальным предикатом «запрещено». «Запрещено» — краткое страдательное причастие от глагола «запретить». Конструкция относится к институционально-нормативному регистру и выражает объективную внешнюю необходимость: запрет исходит от закона, а не от говорящего. Такие конструкции типичны для регламентирующих текстов, к которым относятся правила дорожного движения, приказы, распоряжения; они не адресуются конкретному лицу, а задают общую норму. С этим связана и структурная особенность предложения-высказывания: субъект действия (водители) стоит в форме дательного падежа, что характерно для русских нормативных предложений с *запрещено / разрешено / предписано* — это снижает персональную агрессивность, но сохраняет универсальность предписания. Кроме того, несмотря на то, что значение необходимости получает выражение в косвенном речевом акте посредством деонтологической конструкции на уровне синтаксиса, высказывание обладает высокой иллокутивной силой, поскольку опирается на правовую базу (КоАП РФ, ст. 12.19).

Пример 4: *Всем гражданам необходимо соблюдать режим повышенной готовности* (Официальное сообщение МВД РФ, 2025).

Модальность необходимости выражена в ассертивной пропозиции:

P: [всем гражданам необходимо — т.е. они обязаны — соблюдать режим повышенной готовности].

Форма выражения модальности — деонтологическая конструкция с модальным предикатом «необходимо» + инфинитив. «Необходимо» — краткое прилагательное, функционирующее как модальный предикат в безличной конструкции. Это — косвенный императивный акт, поскольку нет повелительного наклонения, но выражена объективная, внешняя необходимость, обусловленная обстоятельствами. Семантика необходимости здесь усилена указанием на широкого адресата (*всем гражданам*), а также лексемой «режим повышенной готовности», представляющей собой термин, заимствованный из военно-административного дискурса и несущий коннотацию чрезвычайности и строгости. Структурная особенность, заключающаяся в постановке существительного, называющего адресата сообщения, в дательный падеж, характерна для официально-делового стиля и подчёркивает институциональный источник требования

(не личная просьба, а общенациональная обязанность). Конструкция «необходимо + инфинитив с субъектом в дательном падеже» — один из самых частотных способов выражения обязательной нормы в русском институциональном дискурсе, сочетающий безличность (дистанцирование от говорящего), универсальность (охват всех граждан), легитимность (опора на закон).

Таким образом, четыре рассмотренных примера в ассертивной части высказывания реализуют модальность необходимости, обусловленную внешними обстоятельствами, но для этого использованы разные грамматические средства — от прямого императива до безличных конструкций, что отражает разные степени директивности, легитимизации и адресности в институциональном дискурсе.

Пример 5. *We urge residents to remain indoors and avoid the area* (The Metropolitan Police of London, 2023 — during a bomb threat). — Мы призываем граждан оставаться дома и избегать этого района.

Общая структура косвенного императива может быть представлена следующим образом: The communicative subject (*police as an institution*) + performative verb (*urge*) + object (*residents*) + to-infinitive phrase.

Пропозициональная структура анализируемого предложения-высказывания распадается на следующие атомарные пропозиции:

P1 (ассертивная часть): [Residents should remain indoors].

P2 (ассертивная часть): [Residents should avoid the area].

P3 (пресуппозитивная часть): [The area is potentially dangerous / a threat is active].

P4 (пресуппозитивная часть): [The police have authority to issue such guidance].

Модальность необходимости в подзначении совета реализована здесь посредством такого функционально-семантического типа высказываний, как констатация необходимости вести себя указанным образом. По иллокутивной силе мы имеем категорическое директивное высказывание. На уровне коллективного адресанта это — официальное волеизъявление, исходящее от института власти (*we urge* — мы призываем). *Urge* — сильный вербальный оператор, выражающий интенсивную рекомендацию, приближенную к обязательству, но формально этот глагол сохраняет значение добровольности. На уровне адресата это — действие, рекомендованное как необходимое (*to remain* — оставаться, *to avoid* — избегать). Инфинитивы *to remain*, *to avoid* служат лексическими средствами выражения косвенного императива, но они функционально эквивалентны ему в институциональном контексте. В данном предложении-высказывании мы констатируем деонтическую модальность, обусловленную внешними обстоятельствами.

Пример 6. *You are advised to report any suspicious activity to the police* (LAPD, 2024).

Пропозициональная структура анализируемого высказывания комплексная по своей природе и распадается на несколько атомарных пропозиций:

P1 (ассертивная часть): [You should report any suspicious activity to the police].

P2 (пресуппозитивная часть): [Suspicious activity is an indicator of potential crime / threat].

P3 (пресуппозитивная часть): [The police are the legitimate recipient of such reports].

Модальное значение необходимости в подзначении совета актуализируется в пропозиции P1. В предложении констатируем пассивную деонтологическую конструкцию с модальным предикатом *be advised to*. Это — форма смягчённого императива. *Be advised to* выражает рекомендацию, облечённую в форму совета, но с скрытой нормативной силой (часто используется в законодательных и регламентирующих текстах). Семантически модальный предикат *be advised to* приближен к модальному модификатору *should*, но обладает более высоким уровнем формализации: совет исходит от авторитета, а не от частного лица. Форма пассивного залога модального предиката дистанцирует источник волеизъявления — полицию.

Пример 7. *It is recommended that you do not travel to this area unless absolutely necessary* (Police of Scotland, 2023).

Пропозициональная структура предложения-высказывания включает в себя 5 атомарных пропозиций:

P1 (ассертивная часть): [You should not travel to this area].

P2 (пресуппозитивная часть): [Exception is permitted if P3].

P3 (пресуппозитивная часть): [Absolute necessity is present].

P4: (пресуппозитивная часть): [Travel to this area poses a risk].

P5 (пресуппозитивная часть): [Only exceptional circumstances justify non-compliance].

Этот пример интересен тем, что модальность необходимости в нём получает выражение 3 раза: в пропозициях P1, P3 и P5. Анализируемое предложение по своему функционально-семантическому типу является превентивным. «В превентивных предложениях выражается адресованное волеизъявление относительно неисполнения действия, но оно предстаёт как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил названное действие» [9, с. 213]. Таким образом, в пропозиции P1 выражена модальность негативной необходимости (не ехать), обусловленная воздействием чужой воли. В P3 выражена положительная необходимость, обусловленная внутренним состоянием субъекта (ехать — только если необходимо), где *absolutely necessary* — градуированное модальное выражение. В таких случаях необходимость всегда коррелирует с модальным значением внешней деонтической возможности [11, с. 134].

В P5 получает выражение отрицательное значение по шкале необходимости: несоблюдение требований, то есть отсутствие необходимости, допустимо лишь в случае чрезвычайной ситуации.

Основная деонтологическая конструкция, служащая средством выражения перечисленных типов модальности необходимости, — сложноподчинённое предложение, в котором главное предложение является безличным с модальным сказуемым: *It is recommended that...* + изъяснительное придаточное в сослагательном наклонении (*you do not travel* — форма Present Subjunctive). *Recommended* — более слабый по своей иллокутивной силе модальный оператор, чем *required* или *ordered*, но в сочетании с *unless absolutely necessary* создаёт эффект сильного ограничения. *Absolutely necessary* — интенсифицированная форма лексического выражения модальности необходимости:

absolutely усиливает *necessary*, передавая максимально высокий порог допустимости. Здесь реализуется модальность интеллектуальной оценки по шкале интенсивности выраженности признака [\[10, с. 163\]](#).

Пример 8. *If you have any information, please contact us. We appreciate your cooperation* (New York Police Department, 2024).

Пропозициональная структура предложения-высказывания состоит из 3-х пропозиций:

P1 (условная пресуппозиция): [You may possess relevant information].

P2 (ассертивная часть): [If P1, then you should contact us].

P3 (пресуппозитивная часть): [Your cooperation is voluntary but valued].

Деонтологическая структура, являющаяся формальным средством выражения такого функционально-семантического типа высказывания, как констатация необходимости совершения указанных действий, представляет собой условно-побудительную конструкцию со смягчающим оператором вежливости *please* и финальной вежливой фразой *We appreciate your cooperation*. Фактически это — двойной речевой акт: директив (*please contact us*), и экспрессив (*We appreciate...*). Модальность необходимости, обусловленная внешним социальным фактором, выражена вежливым прямым императивом: *please, contact ...* По иллокутивной силе эта форма слабее, чем констатирующее сообщение с глаголом *urge*, она близка к просьбе. Такая вежливая формулировка для директивного высказывания с формой императива характерна для правоохранительных органов. Она предусматривает акцент на добровольности, отказ от директивного тона и создание образа «партнёрства» с обществом. При этом условие — *If you have any information* — создаёт пресуппозицию потенциальной вовлечённости адресата, что повышает ответственность коллективного адресата. Формула вежливости — *We appreciate your cooperation* — перформатив признания, который в данном контексте работает как стимул к действию (предварительное признание → мотивация).

Анализ корпуса примеров на английском языке позволяет заключить, что прямой императив в пресс-релизах правоохранительных органов отсутствует. Даже в условиях угрозы используются косвенные или смягчённые деонтологические конструкции, что отражает доминирование стратегии вежливости в англоязычном институциональном дискурсе. Модальность необходимость выражается опосредованно через перформативные глаголы (*to urge, to advise*), через пассивные конструкции (*are advised, is recommended*), через придаточные предложения условия и цели. Градуированная модальность (с оговорками *unless absolutely necessary, if you have ...*) — инструмент баланса между эффективностью директивного высказывания и соблюдением прав и свобод граждан.

Выводы

В пресс-релизах правоохранительных органов как русскоязычного, так и англоязычного дискурса наблюдается чёткое предпочтение косвенных императивных актов, выраженных через деонтологические конструкции. Прямой императив встречается крайне редко и, как правило, только в условиях высокой угрозы (например, при террористической опасности), причём даже там его использование сопровождается высокой степенью прагматической легитимации. В англоязычных текстах прямой императив практически отсутствует, что свидетельствует о приоритете стратегий вежливости и партнёрского взаимодействия с аудиторией.

В русскоязычных пресс-релизах доминируют институционально-нормативные конструкции («запрещено», «необходимо», «предписано»), часто оформленные в виде безличных или пассивных предложений с субъектом в дательном падеже. Эти конструкции подчёркивают объективный, внешний характер необходимости и опираются на правовую легитимность.

В англоязычных текстах предпочтение отдается перформативным и рекомендательным стратегиям («*we urge*», «*you are advised*», «*it is recommended*»), часто дополненным условными придаточными («*unless absolutely necessary*», «*if you have...*»). Это позволяет сохранять директивную функцию, одновременно поддерживая имидж полиции как партнёра, а не авторитарного субъекта.

Анализ подтвердил гипотезу о том, что наиболее частотными являются подзачатки необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами (социальными, служебными, правовыми) и воздействием институциональной воли. Внутренняя, субъективная необходимость (мотивированная личной оценкой или эмоциональным состоянием) практически не актуализируется — что типично для институционального дискурса, где субъективная оценка сознательно редуцируется в пользу объективной нормы.

Отмечено широкое использование интенсификаторов («крайне необходимо», «*absolutely necessary*»), позволяющих дифференцировать степень обязательности действия. Это создаёт модальную шкалу, в рамках которой можно калибровать силу директивы в зависимости от контекста угрозы, аудитории и стратегических целей коммуникации. Особенно развита такая градуированность в английских текстах пресс-релизов.

Выявленные особенности свидетельствуют о том, что выбор модальной стратегии является важным инструментом управления общественным восприятием: он влияет на доверие, готовность к сотрудничеству и соблюдение предписаний. Умение адекватно калибровать директивность (от строгого запрета до вежливой просьбы) — компетенция, критически важная для пресс-служб правоохранительных органов. Эти выводы обобщают эмпирические наблюдения, подтверждая как общие тенденции (универсальность деонтологической модальности в институциональном дискурсе), так и культурно-языковую специфику. Они открывают перспективу для дальнейших исследований — в направлении анализа восприятия этих стратегий целевой аудиторией или расширения корпуса за счёт пресс-релизов других инстанций.

Библиография

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Изд. 7, испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2024. 360 с.
2. Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 59-67.
3. Дыртый А. Т. Функционально-семантическое поле вопросительности (Методологический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 391-393. EDN: TJLNRP.
4. Шашкова В. Н. Специфика актуализации модальных значений в текстах Правил дорожного движения Российской Федерации // Филологический аспект. 2025. № 3 (119). С. 111-121. EDN: MCGEXY.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 142-156. EDN: QKCWSM.
7. Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности:

императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 80-89.

8. Усманова А. М., Тупчибоева М. К., Абдыкадырова С. Р. Отражение императивов во французском языке (в сравнении с кыргызскими императивами) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1-3(64). С. 69-75. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-3-69-75. EDN: NOLUXN.

9. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 185-238.

10. Шашкова В. Н. К вопросу о типологии оценок // Высокие технологии и инновации в науке: материалы Международной научной конференции (28 июля 2018 г.). Санкт-Петербург, 2018. С. 160-164. EDN: YHEMYN.

11. Беляева Е. И. Возможность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 126-141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья направлена на дешифровку одной из дискуссионных проблем лингвистики, ибо вариант разверстки проблемы модальности явно имеет место быть в ряде дискуссионных вопросов. Автор обращается к вопросу оценки модальности в официальных сообщениях полиции, при этом ориентируясь на сравнение императивных и деонтологических конструкций в русском и английском пресс-релизах. Думаю, что указанный вектор вполне рационален, они соотносим с рядом конструктивных магистралей, при этом и общий фон рассмотрения проблемы уместно выверен. Стиль работы научный, например, «В основе анализа модальности в официальных полицейских пресс-релизах лежит концепция модального компонента высказывания. Предложение является естественным носителем модальности, поэтому мы обращаемся именно к рассмотрению «модального аспекта функциональной семантики высказывания», или «императив — это грамматическая форма глагола повелительного наклонения, направленная на побуждение адресата к выполнению действия. В институциональном дискурсе прямой императив («Не подходите к подозрительным предметам!» / «Do not approach suspicious objects!») встречается редко из-за его высокой директивности и потенциального нарушения норм прагматической вежливости; чаще используются косвенные императивные конструкции...» и т.д. Работа имеет цельно-завершенный вид, формальные требования учтены. Общие принципы рассмотрения вопросы методологически верны; текст не нуждается в серьезной правке. Позиция автора объективна и точна. Иллюстративный фон достаточен: например, «Пример 1: Не выходите из дома без крайней необходимости (МВД РФ, 2023, при угрозе террористической атаки). Модальность необходимости актуализирована в этом предложении дважды, в атомарных пропозициях P1 и P3 в рамках общего пропозиционального содержания: P1 (ассертивная часть): [Addr не должен выходить из дома]; P2: [при P3 Addr может выйти из дома], при этом P3 (пресуппозитивная часть): [крайняя необходимость наличествует]. В пропозиции P1 получает выражение модальность необходимости, продиктованная внешними обстоятельствами; в пропозиции P3 выражена необходимость, обусловленная внутренним состоянием субъекта...» и т.д. Считаю, что аргументационный блок выверен, автор старается свою позицию

манифестировать точно и правильно: например, «Модальное значение необходимости в подзначении совета актуализируется в пропозиции P1. В предложении констатируем пассивную деонтологическую конструкцию с модальным предикатом *be advised to*. Это — форма смягчённого императива. *Be advised to* выражает рекомендацию, облечённую в форму совета, но с скрытой нормативной силой (часто используется в законодательных и регламентирующих текстах). Семантически модальный предикат *be advised to* приближен к модальному модификатору *should*, но обладает более высоким уровнем формализации: совет исходит от авторитета, а не от частного лица. Форма пассивного залога модального предиката дистанцирует источник волеизъявления — полицию...» и т.д. Работа содержательна, информативна, она может быть полезна в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. Автор в итоге приходит к выводу, что «выбор модальной стратегии является важным инструментом управления общественным восприятием: он влияет на доверие, готовность к сотрудничеству и соблюдение предписаний. Умение адекватно калибровать директивность (от строгого запрета до вежливой просьбы) — компетенция, критически важная для пресс-служб правоохранительных органов» и т.д. Общие требования издания учтены, материал соотносится с одной из рубрик издания. Рекомендую статью «Модальность необходимости в официальных сообщениях полиции: сравнение императивных и деонтологических конструкций в русских и английских пресс-релизах» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильева А.П. Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. С. 354-368. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76885 EDN: IZKKJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76885

Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ)

Васильева Алина Петровна

ORCID: 0000-0001-6748-8459

научный сотрудник; Международная научно-исследовательская лаборатория "Лингвистическая экология Арктики"; ФГАОУ ВО "Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова"

677013, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42

✉ alinavasilyeva88@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76885

EDN:

IZKKJW

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2025

Дата публикации:

04-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является этнолокальная специфика языкового сознания носителей якутского языка, репрезентированная в ассоциативно-вербальных сетях ключевых концептов водного пространства. Объектом исследования выступают ассоциативные поля стимулов өрүс ('река'), күөл ('озеро'), балык ('рыба'). Цель исследования заключается в выявлении и анализе этнолокальных особенностей языкового сознания носителей якутского языка Абыйского района Арктической зоны России через количественный и семантический анализ данных ассоциативного эксперимента. Эмпирическую основу работы составили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного автором в 2025 г. среди 32 респондентов в селе Куберганя Абыйского района Республики Саха (Якутия). Для сопоставления

использованы данные Ассоциативного словаря якутского языка, что позволило выявить как общенациональные тенденции, так и локальную специфику. Методологическую основу исследования составил психолингвистический подход с использованием методов количественного и семантического анализа вербальных ассоциаций в соответствии с универсальной классификацией (смежность, сходство). Полученные данные свидетельствуют о доминировании непосредственных реакций по сходству (69–97%), что отражает устойчивость базовых семантических структур. Особый научный интерес представляет выявленная дифференциация культурных кодов: сакрально-символического для реки, утилитарно-гастрономического для рыбы и пространственно-геометрического для озера. Значительная частотность пространственно-геометрических признаков в ассоциативно-вербальной сети указывает на формирование особого типа пространственного мышления, обусловленного жизнью в горно-таёжной и тундровой среде. Особый интерес представляет контраст между динамическим восприятием реки и статично-структурированным восприятием озера. Полученные результаты убедительно демонстрируют, что ассоциативно-вербальная сеть аккумулирует ключевые культурные константы, обеспечивающие сохранение этнокультурной идентичности коренного населения Севера и Арктики в условиях современных социокультурных трансформаций.

Ключевые слова:

языковое сознание, образ мира, языковая картина мира, объекты водного пространства, ассоциативный эксперимент, якутский язык, Абыйский район АЗРФ, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативное поле, ассоциативные связи

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению No 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation "Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)" No 25-78-30006 (22.05.2025)

Введение

Язык представляет собой не только средство коммуникации, но и уникальную форму коллективной памяти, требующую специальных методов для своей экспликации. За привычной тканью языка скрывается целостный и многомерный образ мира. Многоуровневая система представлений о действительности, формирование которого на протяжении жизни индивида неизбежно опосредовано культурными значениями и коллективным социальным опытом. Непосредственной областью, в которой этот образ находит своё отражение, выступает языковое сознание, понимаемое как система психических образов, стоящих за языковыми знаками и фиксирующих специфику национального мировосприятия. Актуальность его изучения как уникального памятника культуры, хранящего ключевые фрагменты национальной картины мира, сохраняется, несмотря на солидную историю и развитие исследовательских традиций в рамках ведущих научных школ (Московской, Тверской, Воронежской и др.), каждая из которых разработала собственный категориальный аппарат и методический инструментарий.

Современный этап исследования языкового сознания характеризуется повышенным вниманием к его динамическому аспекту, что обусловлено интенсивными социально-

культурными трансформациями [\[1\]](#). В данном контексте особую значимость приобретает анализ изменяющихся образов сознания, позволяющий реконструировать не только актуальное состояние этнического мировидения, но и выявить векторы его трансформации под влиянием внешних факторов. Данный подход предполагает фиксацию и сопоставление образов, «овнешняемых» через ассоциативные поля, в диахроническом и межпоколенческом разрезе, что открывает возможность для объективного моделирования фрагментов динамичной картины мира.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения связей языковых знаков с ментальными образами, в целом ментального лексикона, формирующегося под влиянием экстралингвистических факторов — хозяйственно-экономического уклада, природной среды и системы ценностных ориентаций этноса [\[2\]](#). Именно эти факторы обуславливают различную концептуализацию действительности в языковых картинах мира, что проявляется в избирательности признаков номинации, степени разработанности тематических групп лексики и несовпадении культурных смыслов за внешне эквивалентными единицами. Особую актуальность эти вопросы приобретают в контексте сохранения языкового многообразия народов России. На современном этапе промышленное освоение северных и арктических территорий, несмотря на положительные экономические эффекты, приводит к сокращению земель традиционного пользования и разрушению естественной языковой среды. Это делает особенно востребованными исследования, направленные на фиксацию и анализ ещё сохранившихся фрагментов языкового сознания носителей арктических субдиалектов.

Проблематика, связанная с семантикой водных объектов и их местом в традиционной культуре, является одной из ключевых в этнологических и культурологических исследованиях народов Якутии. Сформировался комплексный подход, рассматривающий водные экосистемы не только как источник жизнеобеспечения, но и как фундаментальный компонент сакральной топографии, мифоритуальных комплексов и этнической идентичности. Так, в работах, посвященных народу саха, детально исследуются пространственные представления, связанные с реками, озерами и морем, их амбивалентная символика как источника жизни и границы с потусторонним миром [\[3; 4\]](#). Шаманский фольклор и обрядовая практика, направленные на взаимодействие с духами-хозяевами воды, проанализированы в контексте региональных традиций (верхоянской, вилуйской) [\[5\]](#). Параллельно исследуются аналогичные концепции у коренных малочисленных народов Севера, в частности, эвенов, у которых река выступает структурной осью мироздания и центральным объектом календарной обрядности [\[6\]](#). Таким образом, в научной литературе тема осмысления водной среды получила многоплановое освещение через призму мировоззрения, фольклора, обрядов и социальных практик различных этнических групп региона.

Цель данной статьи заключается в анализе языковой репрезентации образов водного пространства и выявлении этнолокальных особенностей языкового сознания носителей якутского языка, проживающих в Абыйском районе Республики Саха (Якутия). Изучение проводится на материале ассоциативных полей (АП), отражающих ключевые доминанты окружающего ландшафта, репрезентативных для описания языковой картины мира жителей Севера Якутии: *өрүс* (река), *күөл* (озеро), *балык* (рыба).

Научная новизна заключается в выявлении на основе полевого ассоциативного эксперимента устойчивой пространственно-геометрической доминанты в языковом сознании носителей якутского языка Арктической зоны, что свидетельствует о формировании особого типа пространственного мышления, обусловленного жизнью в

горно-таежном и тундровом ландшафте.

Практическая ценность исследования состоит в разработке методологического инструментария для мониторинга трансформаций языкового сознания в условиях глобализации и климатических изменений в арктическом регионе.

Материалы и методы. Согласно теоретическим основам психолингвистики, разработанным в рамках теории речевой деятельности, вербальные ассоциации целесообразно изучать не в качестве готового продукта, а в динамике их формирования. Приоритетным объектом исследования становится сам процесс порождения ассоциаций, наблюдаемый как в живом человеческом общении, так и, что является основным методом, в условиях эксперимента. Одним из способов «реконструкции лексикона человека» является ассоциативный эксперимент [7].

Эмпирическую основу данной работы формируют данные ассоциативного эксперимента, полученные из двух различных источников. Свободный ассоциативный эксперимент служит эффективным инструментом доступа к содержанию языкового сознания, позволяет выявить его этнокультурную специфику, иерархию ценностных приоритетов и ключевых концептов, актуальных как для индивидуального, так и для коллективного сознания носителей языка [8]. В психолингвистической традиции совокупность реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, интерпретируется как ассоциативное поле, выступающее операциональным аналогом семантического поля [9]. Ключевое отличие данного метода заключается в его ориентации не на анализ текстов, а на фиксацию непосредственных реакций носителей языка, что позволяет реконструировать не только ядерные семантические компоненты значения, но и его периферийные коннотативные, оценочные и образные характеристики. Как подчеркивается в современных исследованиях, ассоциативные поля обладают динамической природой, отражая трансформации в языковом сознании под влиянием актуальных коммуникативных и когнитивных процессов [10]. По материалам массового ассоциативного эксперимента выстраивается ассоциативно-вербальная сеть (АВС), которая представляет собой «неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой», это «модель образа мира носителя языка, отвечающий системно-целостному принципу» [11, с. 43]. Под образом мира мы понимаем «реальный предметный мир, отраженный в сознании через систему значений слов, включающих в себя не только универсальные пространственно-временные характеристики, но и рационально-чувственный опыт, полученный в разных ситуациях взаимодействия с окружающей средой» [Там же, с. 163].

В качестве основного источника выступили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в 2025 году в селе Куберганя (Абыйский район Республики Саха (Якутия)). Участниками эксперимента стали 32 носителя языка, преимущественно якутской (81%) и эвенской (19%) национальности, практически все из которых (99%) указали якутский как язык повседневной коммуникации. Дополнительным источником послужили материалы Ассоциативного словаря якутского языка (прямой и обратный) [12], отражающие реакции студентов-носителей якутского языка, опрошенных в период с 2005 по 2010 год в рамках ассоциативного эксперимента на базе СВФУ им. М.К. Аммосова. Список слов-стимулов (164 слова) соответствует списку, на базе которого был составлен Ассоциативный словарь якутского языка, однако дополнен 25 лексемами. Приводится интерпретационный семантический анализ ассоциативных полей с выявлением семантических признаков и возможных культурных кодов.

В основу анализа ассоциативных полей якутских слов-стимулов также положена универсальная классификация вербальных ассоциаций, редуцирующая всё многообразие связей к двум фундаментальным типам – смежности и сходству, которые относятся к непосредственным реакциям [7; 13; 14]. Согласно данной схеме, традиционные синтагматические связи (например, *өрүс — долгуннаах*, 'река — волнистая') квалифицируются как ассоциации по сходству, где признак входит в семантику стимула; парадигматические связи (*балык — собо* 'рыба — карась' как вид рыб) — как сходство на основе общих категориальных признаков; а тематические связи (*былык — аһылык*, 'рыба — еда') — как смежность в пространстве или ситуации. Такой подход позволяет не только систематизировать реакции, но и выявить, какие типы отношений (смежность в реальном опыте или категориальное/признаковое сходство) доминируют в организации данных ассоциативных полей в якутском языковом сознании. Также выделяются опосредованные реакции, которые возникают при отсутствии прямой связи между стимулом и ответом; их соотношение устанавливается через имплицитное, формально не выраженное звено. Синкретические ассоциации характеризуются совмещением различных типов отношений (например, смежности и сходства), что затрудняет их однозначную категоризацию. Отдельную группу составляют неопределённые реакции, в которых связь со стимулом не поддаётся чёткой интерпретации [7; 13].

Абыйский район представляет собой административный район на северо-востоке Якутии, географически расположенный в зоне перехода от горной тайги к тундре. Для рельефа территории характерны многочисленные горные возвышенности и водные экосистемы, что органично вписывает регион в общий ландшафт республики, отличающийся обилием рек и озер и развитой озерно-речной культурой. Коренное население района, представленное якутами и эвенками, исторически сложило свой жизненный уклад в тесной связи с водными ресурсами, ключевым из которых является река Индигирка. Её бассейн, протекающий вдоль территории района, выступает не только важной природной артерией, обеспечивающей транспортную связность и биоразнообразие, но и основой традиционного хозяйства. Доминирующим видом деятельности для местных жителей испокон веков остается рыболовство, что и обуславливает особую значимость анализируемых природно-ландшафтных концептов в структуре их языкового сознания, формируя уникальные фрагменты локальной картины мира.

Согласно Н.К. Даниловой, в современной научной парадигме, где «пространство» тождественно «традиционному миру» (Головнев, 1995), территория этноса рассматривается через призму его комплексного — прагматического и смыслового — освоения. Центральные элементы ландшафта (горы, леса, водоемы) приобретают статус мировоззренческих доминант, чья символика задает основные конфигурации картины мира [15, с. 55].

В исследовании, посвященном формированию историко-культурного ландшафта якутов, отмечается, что северные якуты, освоив долинные очаги бассейнов рек Яны, Индигирки и Колымы, в суровых климатических условиях сумели сохранить устойчивое воспроизводство системообразующих элементов культуры — язык, высокий уровень этнического самосознания, традиционные стереотипы поведения, материальную и духовную культуру. Благодаря относительной изолированности от основных миграционных потоков центральных районов, компактности расселения и особенностям ландшафта, они сохранили в своей традиционной культуре архетипы пространственной памяти о родине южных предков [4, с. 251].

Далее приведем анализ ассоциативных полей слов-стимулов.

Ассоциативное поле «Өрүс» (Река)

Во многих культурах мира река является символом жизни и вечного движения. Согласно суждениям М.Н. Теребихина на примере священной географии Северной Фенноскандии (Лапландии), образ реки обладает особым значением, отражая глубокие культурные и религиозные аспекты региона. Реки не только служат источником воды и жизни для местных обитателей, но и воплощают в себе духовные и символические значения. Образ реки в священной географии. Также формирование больших рек имеет геополитическое значение для отдельного региона с точки зрения коммуникации и жизнеобеспечивающего водного ресурса. «Река — универсальный символ священной географии народов Севера, развёртывающий всю гамму «речных» мифологических сюжетов, мотивов и образов: мировая (космическая) шаманская река; ось вселенной; небесная и подземная реки; дорога в мир мертвых; граница; запирающие воды; потоп; наводнение; космический поединок; окаменение вод; иссечение вод и т.д.» [\[16, с. 51\]](#). Реки могут рассматриваться как символы жизни и плодородия. В то же время, реки символизируют и время, истекающее непрерывным потоком, что подчеркивает неизбежность перемен и изменений. В этом смысле образ реки может восприниматься как напоминание о бесконечном круговороте жизни и цикличности природы. Кроме того, реки часто ассоциируются с понятием очищения и возрождения.

Таблица 1

Ассоциативное поле слова- стимула Өрүс ('Река')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Өрүс (Река)	Индибир (4), өрүс/река (2), сүүрүк/течение (2), устар/течет (2), баай/богатая, балык/рыба, барда/начался ледоход, долгуннаах/волнистая, жизнь, Индигирка, киэ/широкая, күүс/сила, Кэбэргэнэ/Куберганя, модун/мощная, муус/лед, от/трава, төрдө/устье, устун/по (реке), уу/вода, үрдүгэр/на поверхности, үрэх/речка, хаат..., эбээ/бабушка, эстиитэ/ледоход (1) (32, 24, 2, 20)

В Таблице 1 представлено ассоциативное поле слова-стимула Өрүс (Река). Реакции упорядочены по убыванию частотности. В скобках указаны следующие количественные показатели: (1) количество респондентов, давших реакцию; (2) количество разных реакций; (3) число отказов; (4) количество единичных реакций.

Как отмечают исследователи, в традиционной культуре наделение ландшафта сакральным статусом нередко находит прямое отражение в топонимии. Определение «святой» может выступать не просто характеристикой, а становиться ядерным компонентом самого имени места, тем самым фиксируя результат религиозного ритуала — как языческого, так и христианского происхождения. Такой топоним, таким образом, маркирует переход локации из пространства повседневности в область сакрального. Топонимическая составляющая якутского культурного ландшафта формируется через взаимодействие различных языковых представлений о мире, что придает ей уникальный смысл, независимо от языка, и обладает определенной регулярностью [\[17, с. 130–131\]](#). Так, в ассоциативном поле можно выделить номинативно-идентифицирующие реакции:

Индибир (13%), *өрүс/река* (7%), *Кэбэргэнэ*, *Индибирка* (3%). Доминирование в ответах респондентов конкретного гидронима *Индибир* свидетельствует не только о его высокой актуальности в языковом сознании, но и о глубокой ценностной значимости, связанной с конкретным, топонимически определённым объектом. Данный факт указывает на то, что река воспринимается носителями не как абстрактный географический феномен, а как уникальное, именованное и личностно освоенное явление жизненной среды, что подчёркивает её важную роль в формировании локальной идентичности и аксиологической картины мира.

В Ассоциативном словаре якутского языка мы находим следующие наиболее частотные реакции на слово-стимул *Өрүс/Река* (цифрами указаны частотность реакций): *уу/вода* 307; *Лена/река Лена* 61; *күөл/озеро* 59; *Бүлүү/Виллюй* 48; *сүүрүк/течение* 43; *уһун/длинная* 41; *эбэ/река* 40; *үрэх/речка* 39; *балык/рыба* 35; *муора/море* 31; *Өлүөнэ/Лена*, *устар/течет* 28; *ыраас/чистая* 25 и др. В Обратном словаре, который представлен по схеме от реакции к стимулу, лексема *Өрүс* выступает частотной реакцией на слова-стимулы *уу/вода* 126; *муус/лед* 48; *муора/море* 33; *хайа/гора* 10; *тыал/ветер*, *эбээ/бабушка* 3. В языковом сознании жителей Абыйского района частично присутствуют тождественные реакции. В Прямом словаре интерес представляют топонимические примеры (*Лена/река*, *Бүлүү/Виллюй*, *Өлүөнэ/Лена*).

По мнению Н.К. Даниловой, река выступает не только важным географическим объектом, но и «мифическим прародителем, источником жизни и культуuroобразующим феноменом» [3, с. 163]. Река маркирует границы между мирами живых и мёртвых, а её течение символизирует путь в загробный мир. Особое значение имеет река Лена, одна из крупнейших и длиннейших рек в России и мире, обладает особым значением как для местных жителей, так и для всей страны, что находит отражение в образах сознания носителей языка. Она рассматривается как колыбель якутского этноса и ключевой элемент региональной идентичности. Как указывает исследователь, «народ саха свою локальную идентичность прежде всего связывает с речным ландшафтом» [Там же]. Это находит отражение в самоназваниях этнолокальных групп, производных от гидронимов: *бүлүү сахалара* ('виллюйские якуты'), *дьааны сахалара* ('яньские якуты'), *дойду дьоно*, или *илин энэрдэр* ('центральные якуты, населяющие долины Лены'). отождествление происхождения с «водным миром» позволяет предположить о существовании в прошлом высокоразвитой «водной мифологии/культуры». Таким образом, в геоэтнической панораме Якутии река Лена и её притоки (Виллюй, Оленек), а также северные реки (Яна, Колыма, Индибирка) являются средой зарождения локальных культур и основным гидромаркером, формирующим национальную ментальность [Там же].

В священной географии Якутии, где суровый климат и дикая природа играют важную роль в культуре и религии, река Лена занимает важное место как символ жизни, силы и духовного богатства. Для абыйцев, река Индибирка также является не только источником воды и ресурсов, но и священным местом и можно сказать, что данная культурная константа ярко отражена в образах сознания носителей языка и культуры.

Как отмечает М.М. Содномпилова, в традиционном мировоззрении монгольских народов речная система осмысливалась через образ мирового древа, где главное русло ассоциировалось со стволом, а притоки и родники – с его ветвями, что нашло отражение в языковых моделях. Крупные реки, внушавшие опасение, служили основными пространственными ориентирами, выполняя роль «стержня» локальной вселенной. При этом в практическом опыте бурят переправа через реки становилась актуальной лишь в период сезонных разливов, а зимой замёрзшие или пересыхающие русла превращались

в ключевые транспортные пути, связывавшие отдалённые и труднодоступные районы [\[18, с. 112-113\]](#). В условиях Якутии, где многие северные районы отличаются крайней труднодоступностью и отсутствием развитой дорожной сети, сезонные зимники, проложенные по замёрзшим руслам рек, остаются единственным надёжным путём сообщения между отдалёнными поселениями.

В АП присутствуют признак динамической характеристики: *сүүрүк/течение* (7%), *устар/течет* (7%), *барда/начался ледоход*, *долгуннаах/волнистая*, *күүс/сила*, *модун/мощная* (3%). Данная группа реакций актуализирует семантику движения, мощности и нестатичности реки. Река воспринимается не как объект, а как процесс, живая сила природы. Образ реки и ледохода в языковой картине мира жителей центральной Якутии на материале Ассоциативного словаря якутского языка исследуют И.С. Хохолова и К.А. Пестерева. Как отмечают авторы, в ассоциативном поле *Өрүс* (Река) у жителей Центральной Якутии ключевой является семантика движения, времени и направления, что проявляется в реакциях *течение*, *дорога*, *жизнь*, *бежит* [\[19\]](#). Исследователи подчеркивают, что река (в частности, Лена) выступает главным транспортным каркасом и пространственным ориентиром, динамика которого напрямую определяет ритм жизни и организацию хозяйственной деятельности. Это находит отражение в высокой значимости сезонных фаз реки (ледоход, ледостав, паводок) и таких понятий, как «зимник» и «распутица», когда сообщение между населенными пунктами полностью прекращается [Там же].

Таким образом, река воспринимается не как статичный объект, а как воплощение непрерывного процесса, связывающее в единую систему пространство, время и жизненный уклад.

В реакциях *балык/рыба*, *баай/богатая* отражается хозяйственно-утилитарный код. Эти реакции свидетельствуют о восприятии реки как источника ресурсов (пищи, благосостояния), что является ключевым для жизнеобеспечения в северном регионе.

По мнению О.А. Лавреновой и В.В. Филипповой, ландшафты, приносящие умиротворение, отражают гармонию Космоса и являются центрами местной вселенной. Они могут стать частью ритуального пространства или оставаться святыми в своей красоте, символизируя божественное совершенство. Некоторые местности могут иметь антропоморфные черты в своих названиях [\[17, с. 132\]](#). Согласно традиционным воззрениям коренных народов Якутии, каждый природный объект, включая ручьи, озёра и реки, обладает своим духом-хозяином, что обуславливает необходимость поддержания с ним гармоничных отношений [\[6\]](#). Это представление находит яркое выражение в дуалистичном образе духа озера/реки у якутов, который может выступать как в женской ипостаси (*Эбэ Хотун* 'Госпожа Бабушка'), от которой зависит благополучие рода, так и в мужской (*Эрилик*, *Чыкчылын*, *Уукан*), определяющей успех промысла [\[4\]](#). Соответствующие ритуальные практики сохраняют свою актуальность и в современный период.

Так, в периферии ассоциативного поля присутствует реакция *эбээ/бабушка*. Данный гидроним, означающий «бабушка, матушка», выражает почитание водных объектов. Считается, что слово «Эбэ» «применяется в уважительном назывании гидронимов без указания их наименования» [\[17, с. 132\]](#). В якутской традиции существовал запрет на употребление имени реки, основанный на вере в то, что это может разгневать ее духа и навлечь несчастье [\[19\]](#). В этом проявляется культурно-символический код: в якутской, а

также в более широкой тюркской традиции, река часто персонифицируется и наделяется статусом прародительницы-кормилицы, что свидетельствует о сакральном и уважительном отношении к водному объекту как к живому существу и хранителю рода.

В рамках распределения по типам реакций наибольшее количество составляют непосредственные реакции – 84%, из них по сходству — 85%; реакции по смежности — 15% (*жизнь, күүс/сила, эбээ/бабушка*). Доля парадигматических реакций — 52% (*Индибир, сүүрүк/течение, үрэх/речка, өрүс/река*), синтагматических — 48% (*долгуннаах/волнистая, эстиитэ/ледоход, устун/по (реке)*). 6% ответов представляют синкретические реакции (*муус/лед, балык/рыба*). Стоит отметить, что предложенная классификация вербальных ассоциаций носит относительный характер, поскольку одна и та же ассоциативная пара может демонстрировать признаки разных типов связей одновременно, совмещая, к примеру, парадигматические и синтагматические отношения или отношения смежности и сходства [\[13\]](#). Таким образом, границы между выделяемыми типами являются в значительной степени условными.

Ассоциативное поле «Күөл» (Озеро)

Таблица 2

Ассоциативное поле слова-стимула Күөл ('Озеро')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Күөл (Озеро)	уу/вода (7), балык/рыба (3), ортото/середина (2), собо/карась (2), төгүрүк/круглое (2), балыктаах/рыбное, барбыт/уплыть, водоем, күөл/озеро, күөх/синий, голубой, зеленый; кыра/маленькое, кырыта/край, мунду/гольян озерный, муус/лед, от/трава, рыба, үрдэ/поверхность, чүөмпэ/омут, хараал/загон, төкүнүк/круглое, улакан/большое (1) (32, 21, 1, 16)

В традиционном мировоззрении саха озеро (*күөл*) наделяется сакральным статусом и рассматривается как источник благополучия и жизнеобеспечения. Как отмечалось ранее, оно воспринималось как «хранительница и кормилица рода», а его дух-хозяйка (*Эбэ*) ассоциировалась с устойчивой и благополучной жизнью [\[3, с. 162\]](#).

В ассоциативном поле слова-стимула «Күөл» (Озеро) (табл. 2) наиболее частотной является реакция *уу/вода* (23%), что подчеркивает восприятие озера прежде всего какместилища водной стихии. Присутствие вещественно-номинативных реакций, таких как *балык/рыба* (10%), в том числе сильная связь с конкретными видами рыб (*собо/карась, мунду/гольян*), указывает на его важность как источника специфических пищевых ресурсов, в отличие от реки.

Отдельную интересную группу составляют реакции по признаку «Пространственно-геометрические характеристики»: *ортото/середина* (6%), *кырыта/край, төгүрүк/круглое* (6%), *кыра/маленькое, чүөмпэ/омут, улакан/большое* (3%). Данные ассоциации свидетельствуют о четком пространственном осмыслении озера, его ограниченности и структурной организованности (центр-периферия). Озеро воспринимается как статичный, очерченный объект.

Реакции *күөх* (синий, голубой, зеленый) и *муус* (лед) комплексно характеризуют озеро,

где первая отражает его визуальный облик, обобщая цвет воды и окружающего ландшафта, а вторая — его сезонное состояние, указывая на значительную часть года, когда водоём скован льдом. Это создаёт образ, тесно связанный с природными циклами Севера.

В отличие от реки, озеро в языковом сознании предстает как локализованный, статичный водоем, важный с точки зрения конкретных хозяйственных практик (рыболовство), но лишенный динамической и сакральной семантики, присущей реке.

В анализируемом ассоциативном поле интересно отметить одну фонетическую особенность среди единичных реакций, которая заключается в возможном использовании диалектного варианта слова *улакан* (большой), вместо литературного *улахан* (большой), где происходит переход увулярного [x] на смычный глухой заднеязычного [к]. Данное явление характерно для северо-восточной диалектной группы, в том числе абыйском, колымском, верхоянском говорах [20, с. 29]. Как отмечает М.С. Воронкин, «реализация заднеязычных согласных вместо увулярных является одной из значительных особенностей говоров якутского языка в области консонантизма», «география этого явления неопровержимо свидетельствует о его субстратном характере, т.е. его обусловленности влиянием эвенкийского и эвенского языков» [21, с. 77, 79].

Рассмотрим распределение в ассоциативном поле типов реакций: непосредственные реакции — 69%, из них по сходству — 95%; по смежности — 5%. Всего парадигматических реакций 43% (*уу/вода*), синтагматических — 57% (*балыктаах/рыбное, ортото/середина, төкүнүк/круглая*). Процент синкретических реакций составляет 22% (*балык/рыба, собо/карась*).

Ассоциативное поле «Балык» (Рыба)

Наряду со скотоводством и охотой, рыболовство было ключевым элементом хозяйства якутов, что обусловило глубокую символическую значимость образа рыбы в их культуре. Как отмечает У.П. Суздалова, этот образ наделен широким спектром значений: от тотема и символа плодородия до посредника между мирами и атрибута водных духов [22, с. 128–129]. Он также закреплён в якутской геральдике. Ярким примером служит флаг Абыйского района, где на лазоревом фоне, символизирующем реку Индигирку, изображены три серебристые рыбы, олицетворяющие идею циклического обновления природного мира [Там же, с. 139].

Таблица 3

Ассоциативное поле слова-стимула *Балык* ('Рыба')

Стимул/перевод	Реакция/перевод
Балык (Рыба)	ыама/икрометание (4), өрүс/река (3), то□/мороженная (3), ас/еда (2), балык/рыба (2), собо/карась (2), аһылык/пища, бултуур/охотиться, вкус, искэх/икра; миин/суп, минньигэс, то□/вкусный, мороженный, продажа, сордо□/щука, строганина, туустаах/соленая, устар/плывет, хатырык/чешуя, чир, чыыр/чир, эмис/жирная (32, 21, 1, 15)

В анализируемом ассоциативном поле (табл. 3) доминирует гастрономический код: *тон/мороженная* (10%), *аһылык/пища*, *ас/еда* (10%), *миин/уха*, *строганина*,

туустаах/соленая, вкус, минньигэс/вкусный (3%). Подавляющее большинство реакций однозначно относят рыбу к сфере питания. При этом акцент на способах заготовки («мороженная», «соленая») отражает адаптацию к условиям Севера и важность рыбного промысла для выживания. Особое место в этом гастрономическом коде занимает строганина, ставшая настоящим гастрономическим брендом Якутии [23, с. 15]. Её прямая ассоциация с рыбой не только фиксирует традиционный способ потребления, но и ярко актуализирует северную идентичность, выступая узнаваемым символом всего региона. В современном культурном пространстве Якутии данная тема получает новое звучание, например, в виде праздника рыбы-строганины (ежегодно проводится с 1999 г. в рамках фестиваля «Зима начинается в Якутии»), напрямую связывающего гастрономический код с региональной идентичностью [22, с. 138].

Далее можно выделить биолого-промысловый код: *ыама/икрометание* (13%), *искэх/икра*, *бултуур/охотиться*, *сордо/щука*, *собо/карась*, *үрэх/речка*, *хатырык/чешуя чир*, *чыыр/чир* (3%). Реакция *ыама* (нерест) является ключевой, так как связана с важнейшим природным циклом, определяющим время и масштабы промысла. В кухне народов Севера, наряду с олениной и жеребятиной, рыба безусловно занимает важное место, в том числе и эндемичная порода чир, относящаяся к числу популярных местных продуктов [23, с. 15].

Так, в языковом сознании абыйцев рыба осмысливается практически исключительно в утилитарно-пищевом ключе. Её ценность определяется как источник пищи, а её восприятие тесно связано с промысловой деятельностью и способами длительного хранения, что является отражением северного культурного кода выживания.

В Ассоциативном словаре якутского языка лексема *балык* присутствует в качестве слова-реакции лишь в Обратном словаре, где она является ответом на следующие слова-стимулы: *өрүс/река* 35; *муора/море* 16; *тоус/тунгус* 13; *уу/вода* 8; *чукча/чукча* 5; *эбэки/эвенк* 4; и др. Данная статистика свидетельствует не только о прочной связи *балык* → *өрүс*, но и о наличии важного этнографического подтекста. Реакции на стимулы *чукча* и *эбэки* (эвенк), также вошедшие в обратный словарь, косвенно указывают на то, что образ рыбы в сознании носителей тесно переплетен с межэтническими взаимодействиями и, вероятно, с традиционными промыслами этих народов. Таким образом, ассоциативное поле *рыбы* выходит за сугубо природные рамки, включая в себя социально-культурный компонент.

Рассмотрим распределение в ассоциативном поле типов реакций: Все реакции, за исключением одного отказа, являются непосредственными (97%). Реакции по сходству — 77% (парадигматические — 54%, синтагматические — 46%); реакции по смежности — 23%.

Заключение

На основании полученных данных можно утверждать, что ассоциативно-вербальная сеть образует устойчивые связи, которые взаимосвязанно проходят через призму каждого анализируемого ассоциативного поля и формируют в ментальном лексиконе определенные семантические кластеры. Схематично это можно представить как фрагмент вербальной памяти усредненного носителя языка — жителя Севера: *балык* (рыба) → *өрүс* (река) → *муус* (лед) → *улахан* (большой). Данная цепочка ключевых понятий выступает в роли универсальных культурных констант, формирующих целостный «северный» образ мира. В рамках этих понятий сохраняются ключевые культурные коды, что создает нерушимый фундамент для устойчивости и дальнейшей трансляции

этнокультурной идентичности. Выявление более полной картины требует расширения круга респондентов.

Проведенный анализ выявляет общую структуру ассоциативных полей. Во всех случаях абсолютно преобладают *непосредственные реакции*, подавляющая часть которых строится по сходству (от 77% до 95%). Это свидетельствует о том, что ядерные значения слов-стимулов устойчивы и четко отделены в сознании носителей. Ключевое различие наблюдается в соотношении парадигматических и синтагматических реакций. Для АП *Балык* ('Рыба') и *Өрүс* ('Река') их доля примерно равна, что указывает на баланс между категоризацией объекта и описанием его действий и признаков. Напротив, АП *Күөл* ('Озеро') демонстрирует сходную, но менее контрастную тенденцию.

Кроме этого проведенный анализ выявил устойчивую тенденцию к актуализации пространственно-геометрических параметров в ассоциативно-вербальной сети исследуемых носителей языка и культуры. Эта черта позволяет говорить о специфике пространственного восприятия окружающего мира, сформированного в условиях горно-таежной и тундровой местности. В ассоциациях, связанных с рекой, пространственное восприятие носит динамический характер. Река осмысливается не как статичный объект, а как направленный поток, что отражается в реакциях, описывающих ее движение и форму: *сүүрүк* 'течение', *устар* 'течет', *долгуннаах* 'волнистая', *киэ* 'широкая'. Важно отметить реакции *төрдө* 'устье', *үрдүгэр* 'на поверхности', которые указывают на четкое понимание структурных частей реки. Это свидетельствует о детальном, практически-ориентированном знании речного пространства, и его практическом применении в локальном узусе. Восприятие озера, напротив, отличается статичностью и структурной расчлененностью. Респонденты четко фиксируют его замкнутость и геометрию: *төгүрүк* 'круглое', *кыра* 'маленькое', *улакан* 'большое'. Ключевыми являются реакции, обозначающие внутреннюю организацию пространства: *орто то* 'середина', *үрдэ* 'поверхность' и *кырыыта* 'край'. Это указывает на восприятие озера как четко ограниченного, измеримого объекта, что контрастирует с бесконечным потоком реки.

Высокая частотность пространственно-геометрических ассоциаций (вертикаль/горизонталь, центр/периферия, размер, форма, движение) является маркером особого типа «пространственного мышления», характерного для жителей Абыйского района. Необходимость постоянной навигации в сложном рельефе, ориентации по природным объектам и практического освоения ландшафта формирует языковое сознание, в котором пространственные отношения выдвигаются на первый план. В отличие от жителей равнинных урбанизированных территорий, для которых пространство может быть более абстрактным, здесь оно является конкретным, детализированным и жизненно важным измерением повседневного опыта. Таким образом, язык фиксирует не просто знание природы, но глубоко усвоенную «топографическую грамотность», обеспечивающую эффективную адаптацию к условиям Арктики.

Библиография

1. Баландина Е.С. Актуальность изучения динамики образов языкового сознания // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 5-3(26). С. 67-68. EDN: UULDPW.
2. Абишева К. М., Досанова А. Ж., Тлегенова К. А. Проблема ментального лексикона языковых картин мира // МНКО. 2012. № 6. С. 131-133. EDN: PLUURL.
3. Данилова Н. К. Водные экосистемы: пространственные представления и духовный универсум (по этнографическим материалам народа саха) // Теория и практика

общественного развития. 2015. № 16. С. 160-163. EDN: UIQGKJ.

4. Данилова Н. К. Формирование историко-культурного ландшафта якутов: этнолокальные модели и пространственные представления / Н. К. Данилова // Научный диалог. 2019. № 8. С. 243-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257. EDN: JIGBKB.

5. Ефимова Л. С., Миронова М. Т. Поклонение духу-хозяину воды в шаманском фольклоре якутов // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 2 (42). С. 59-67. DOI: 10.52782/KRIL.2024.2.42.009. EDN: LFVZLE.

6. Варавина Г. Н. Символика реки и водная этика коренных народов Якутии (на примере эвенов) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64).

7. Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 93-99.

8. Артыкбаева Ф. И. Отражение специфики языкового сознания этноса в материалах свободного ассоциативного эксперимента: межкультурные аспекты // Полилингвильность и транскультурные практики. 2016. № 2. С. 27-37. EDN: WAWNMF.

9. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191-207. EDN: SIJQLH.

10. Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 4. С. 589-603. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603. EDN: PLOKRM.

11. Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с. EDN: YJUSQF.

12. Заморщикова Л. С., Романенко А. А. Ассоциативный словарь якутского языка. 2012. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения: 10.09.2025).

13. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143-146.

14. Овчинникова И. Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 85-92. EDN: PVCLUZ.

15. Данилова Н. К. Сакральный ландшафт: ментальный образ Горы у северных якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3(28). С. 55-61. EDN: IRWILB.

16. Теребихин Н. М. Образы и символы реки в священной географии Северной Фенноскандии (Лапландии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 51-55. EDN: MWPCLN.

17. Лавренова О. А., Филиппова В. В. Топонимика в культурном ландшафте Якутии: проблема текстуализации // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 129-136. DOI: 10.31857/S2587-556620192129-136. EDN: ZENTFZ.

18. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с. EDN: UMYUCL.

19. Хохолова И. С., Пестерева К. А., Иконникова А. Н. Образы реки и ледохода в языковой картине мира жителей Центральной Якутии // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7(51). С. 37-42. DOI: 10.24158/fik.2018.7.7. EDN: UUAWLP.

20. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 268 с. EDN: YGZUVX.

21. Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 197 с.

22. Суздадова У. П. Репрезентация и трансформация образа рыбы в якутской культуре //

Человек. Культура. Образование. 2024. № 3. С. 125-146. DOI: 10.34130/2233-1277-2024-3-125. EDN: QJSZRX.

23. Ангуа А. Н., Борисова И. З. Культурологические и социокультурные аспекты гастродипломатии в Якутии и Африке // Арктика XXI век. 2025. № 2. С. 6-31.
<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-6-31>. EDN: TFKKZC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа «Этнолокальная специфика языковой репрезентации объектов водного пространства (на примере Абыйского района АЗРФ)» является глубоким, интересным, своевременным исследованием. Она посвящена рассмотрению специфики представления в языковом сознании носителей якутского языка ряда концептов, составляющих основу их существования в непростых природных условиях.

Предметом исследования являются особенности репрезентации образов водного пространства в якутском языке.

Методология исследования основана на использовании антропоцентрического подхода к языку и применении полевого ассоциативного эксперимента, являющегося неотъемлемой частью всех психолингвистических исследований. Эмпирическую основу данной работы, помимо данных ассоциативного эксперимента, формируют также данные, полученные из Ассоциативного словаря якутского языка. Сочетание двух различных источников обеспечивает работе большую достоверность и практическую значимость.

Актуальность проведенного исследования не вызывает сомнений. Во-первых, в настоящее время как никогда остро стоит вопрос сохранения языкового и культурного наследия народов Севера, что требует его тщательного изучения в рамках различных дисциплин. Сохранение языков и культур коренных малочисленных народов РФ представляет собой безусловный приоритет в государственной культурной и этнополитической стратегии. Во-вторых, психолингвистика и когнитивная лингвистика всё больше внимания уделяют динамике языкового сознания в рамках антропоцентрической парадигмы.

Хотя проблематика, связанная с семантикой водных объектов и их местом в традиционной культуре, является одной из ключевых в этнологических и культурологических исследованиях народов Якутии, филологический аспект — особенно на уровне ассоциативного сознания и диалектного узуса — исследован недостаточно. Этот факт обеспечивает новизну рецензируемой работе. Новым является также выбор в качестве приоритетного объекта исследования процесса порождения ассоциаций, который наблюдался авторами работы, как в живом человеческом общении, так и в условиях эксперимента.

Работа написана и структурирована в соответствии с современными требованиями к научным публикациям.

В соответствии со спецификой психолингвистических исследований авторы проводят ассоциативный эксперимент в селе Куберганя (Абыйский район Республики Саха (Якутия)). Состав участников эксперимента достаточно репрезентативен (32 носителя языка, преимущественно якутской (81%) и эвенской (19%) национальности, практически все из которых (99%) указали якутский как язык повседневной коммуникации). Исследование дополняют данные авторитетного лексикографического источника –

материалы Ассоциативного словаря якутского языка, отражающие реакции студентов-носителей якутского языка, опрошенных в период с 2005 по 2010 год в рамках ассоциативного эксперимента на базе СВФУ им. М.К. Аммосова. Внушительный список слов-стимулов (164 слова) соответствует списку, на базе которого был составлен Ассоциативный словарь якутского языка, дополнен 25 лексемами.

В ходе исследования авторы проводят интерпретационный семантический анализ ассоциативных полей с выявлением семантических признаков и возможных культурных кодов. В основу анализа ассоциативных полей якутских слов-стимулов – универсальная классификация вербальных ассоциаций. Всего анализируются три поля: «Өрүс» (Река), «Күөл» (Озеро), «Балык» (Рыба). Анализ каждого ассоциативного поля представлен в виде таблицы, упорядоченной по убыванию частотности. Указаны также следующие количественные показатели: (1) количество респондентов, давших реакцию; (2) количество разных реакций; (3) число отказов; (4) количество единичных реакций. Данный многоступенчатый вдумчивый анализ позволил авторам статьи прийти к следующим выводам. Река воспринимается не как статичный объект, а как воплощение непрерывного процесса, связывающее в единую систему пространство, время и жизненный уклад. Река часто персонифицируется и наделяется статусом прародительницы-кормилицы, что свидетельствует о сакральном и уважительном отношении к водному объекту как к живому существу и хранителю рода. Озеро в языковом сознании предстает как локализованный, статичный водоем, важный с точки зрения конкретных хозяйственных практик (рыболовство), но лишенный динамической и сакральной семантики, присущей реке. Образ рыбы также имеет глубокую символическую значимость в языковом сознании абыйцев. Рыба не только ценный источник пищи, но воспринимается в тесной связи с промысловой деятельностью и способами длительного хранения, что является отражением северного культурного кода выживания.

Главным результатом проведенного исследования является выявление устойчивых связей, образуемых ассоциативно-вербальной сетью, которые взаимосвязанно проходят через призму каждого анализируемого ассоциативного поля и формируют в ментальном лексиконе определенные семантические кластеры.

Ценными являются выводы авторов о специфике пространственного восприятия окружающего мира жителями Абыйского района. В языке людей, чье сознание сформировалось в условиях горно-таежной и тундровой местности высока частотность пространственно-геометрических ассоциаций (вертикаль/горизонталь, центр/периферия, размер, форма, движение). Это позволяет авторам говорить об особом типе «пространственного мышления».

Библиография включает 23 источника, составивших теоретическую и практическую базу исследования. Источники современные, но в качестве пожелания хотелось бы рекомендовать автору обратиться к нормативным источникам, например к стратегии Стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 г. (<https://strategy.arctic2035.ru/>). От этого работа только выиграет.

Данная статья будет интересна специалистам в области лингвистики и психолингвистики, исследователям якутского языка и культуры, этнографам и антропологам Севера, экспертам в области сохранения языкового и культурного наследия Арктики, а также когнитивистам.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пяткин С.Н., Клековкина К.С. Дуальный концепт душа-сердце в первой книге С.А.Есенина "Радуница" //

Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76643 EDN: JEFOAU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76643

Дуальный концепт душа-сердце в первой книге С.А.Есенина "Радуница"

Пяткин Сергей Николаевич

ORCID: 0000-0002-8659-7543

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка и литературы; Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского"

607233, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, мкр. 11-й, д. 41, кв. 18

✉ nikolas_pyat@mail.ru

Клековкина Ксения Сергеевна

ORCID: 0009-0005-2157-5326

студент; историко-филологический факультет; Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского"

607233, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Жуковского, д. 7

✉ klekovkinak@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и поэзия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76643

EDN:

JEFOAU

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2025

Аннотация: Изучение концептосферы художественного текста, способствующее глубокому и многогранному представлению об индивидуально-авторской картине мира, бесспорно относится к актуальным направлениям в современной филологической науке. Концепты, используемые автором, являются ключом к пониманию его мировоззрения,

культурной идентичности, интенций, духовных и эстетических ориентиров, а также к раскрытию глубинных смыслов произведения. Предметом настоящего исследования является концептосфера первой книги крупнейшего русского поэта начала XX века С. А. Есенина «Радуница», в которую вошли лирические произведения поэта, написанные в период с 1910 по 1915 годы. Цель данной статьи состоит в теоретическом обосновании и выявлении особенностей идейно-художественной репрезентации дуального концепта душа-сердце в книге С. А. Есенина «Радуница». Для языковой экспликации и анализа когнитивной модели дуального концепта душа-сердце в лирических произведениях первой книги С. А. Есенина «Радуница» в исследовании были использованы компонентно-семантический, контекстологический, сравнительно-сопоставительный и концептуальный методы. Концепт душа в книге «Радуница» С. А. Есенина органично связан с концептом сердце, что дает основание для выделения дуального художественного концепта душа-сердце. Художественная картина мира поэта в его первой книге основывается на гармонии телесного и духовного, воплощая идеи красоты, юности, добра и истины. Семантические отношения между лексемами «душа» и «сердце» в когнитивной модели дуального концепта манифестируют единение телесного и духовного начал, обусловленное константным для лирических произведений «Радуницы» сопоставлением земной и Вечной (в христианском понимании) жизни. Единственным отличием между двумя концептами является связь сердца, существование которого невозможно вне пределов человеческого тела, с телесностью и пространственной локализацией внутри человека. Напротив, душу же можно «вынуть», она, как «небесных нив жилища», обладает, по выражению Есенина, скрытой возможностью отделяться от тела как от чешуи. Изучение лексической и текстовой репрезентации дуального концепта душа-сердце на материале последующего творчества С. А. Есенина позволит отчетливее и обстоятельнее передать качественные изменения в духовном мировидении поэта.

Ключевые слова:

Есенин, Радуница, книга, концептосфера, дуальный художественный концепт, когнитивная модель концепта, лирический герой, религия, духовное, телесное

Введение

В новейшей исследовательской практике творчества С. А. Есенина изучение концептосферы художественного текста является одним из приоритетных научных направлений, о чем свидетельствует объемный и представительный корпус публикаций, посвященных анализу концептуальной сферы есенинской поэзии. При этом обращают на себя внимание две вполне сложившиеся тенденции, определяющие пути и содержание научного поиска. Во-первых, наибольший интерес для ученых вызывают те концепты, что непосредственно связаны с ключевыми темами творчества Есенина, имеющими богатый опыт исследовательского прочтения: *Родина* [\[3, 21, 26\]](#), *Россия* [\[16\]](#), *природа* [\[21\]](#), *деревня* [\[12\]](#), *дом* [\[2\]](#), *сад* [\[10\]](#). Не меньшей ценностью обладают и работы, в которых уникальное многообразие поэтической картины мира Есенина убедительно демонстрируется посредством рассмотрения таких концептов, как *время* и *пространство* [\[17\]](#), *сиротство* [\[28\]](#), *странник* [\[15\]](#), *радость* [\[11\]](#), *сердце* [\[7\]](#).

Во-вторых, экспликация и анализ того или иного концепта осуществляется на материале всей есенинской поэзии. И не всегда в таких работах представляемая когнитивная

модель концепта в полной мере учитывает особенности его лексической и текстовой репрезентации в произведениях, принадлежащих разным этапам духовно-эстетического развития Есенина.

Поэтому дальнейшие пути плодотворного изучения концептуальной системы творчества поэта видятся нам в расширении диапазона исследуемых концептов (перспективы такого подхода намечены в трудах О. Е. Вороновой [\[6\]](#) и Ю. А. Южаковой [\[32\]](#)), а также анализе как концептосферы, так и структуры определенных концептов в контексте отдельной книги, цикла или крупного программного произведения Есенина.

В центре нашего внимания – первая книга поэта «Радуница» (1916), на художественном материале которой (33 стихотворения) предлагается анализ концептов *душа* и *сердце*. Отметим, что в поэтическом творчестве Есенина лексемы «душа» и «сердце» (без учета билексем) употребляются равное количество раз – 151 (см.: [\[31, с. 118; 395\]](#)). В текстах «Радуницы» соответственно – 4 и 10 раз («душа» – в стихотворениях «Выткался на озере алый свет зари...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Сыплет черемуха снегом...» и лирической поэме «Микола»; «сердце» – в стихотворениях «Выткался на озере алый свет зари...», «Задымился вечер, дремлет кот на брус...», «Шел Господь пытаться людей в любви...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Я странник убогий...», «Черная, потом пропахшая выть!..», «Белая свитка и алый кушак...», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...», «Туча кружево в роще связала...», «Девичник»). (Все цитаты из лирических произведений С. А. Есенина приводятся в работе по Академическому собранию сочинений поэта [\[13, с. 26–65\]](#); ссылки на них не оговариваются; курсив в цитатах наш. – К. К., С. П.).

Материалы и методы

Специалисты в области теории и практики изучения концепта отмечают, что концепты *душа* и *сердце* входят в ядро самых сложных когнитивных систем национальной ментальности и играют особую роль в отражении религиозной сферы жизни человека, что представляется нам важным для выборочного исследования концептосферы книги «Радуница», заглавная идея которой связана «с православным идеалом Святой Руси, христианским идеалом незримого Божьего града, небесного Иерусалима» [\[19, с. 165\]](#) (см. также: [\[20, 5, с. 17–78, 28 и др.\]](#)).

В своем исследовании мы опираемся на литературоведческую дефиницию понятия «концепт» есениноведа О. Е. Вороновой. Она, обобщая опыт существующих научно-методологических определений, полагает, что концепты – это «"мини-матрицы" исходных понятий о мире и человеке, понятийные "конструкты", "ядра", "кванты", "зёрна" художественных смыслов, единицы ментальности, способные приобретать в литературном произведении, в языке и художественном мире писателя сквозной, лейтмотивный, системообразующий характер» [\[6, с. 4\]](#).

Согласно классификации художественных концептов А. В. Прохоровой, все концепты делятся на парные художественные концепты и биполярные художественные концепты [\[24\]](#). Если в парном художественном концепте имеется два ядра-синонима, репрезентированных в одном художественном произведении, то в биполярном – это два ядра-антонима. Концепты, диада ядер которых не репрезентирована ни синонимами, ни антонимами, но языковыми единицами, объединенными контекстуально, носят название дуальный художественный концепт. Дуальный концепт имеет в своей архитектонике два ядра, но эти ядра объединены контекстуально, и каждое из ядер имеет ближнюю

периферию и дальнюю периферию номинативного поля.

Как отмечают авторы монографии «Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код» [23], ядра дуального концепта посредством интенции писателя могут или сближаться, или отдаляться, то есть они «подвержены центростремительному и центробежному семантическому воздействию, что проявляется в наличии или в отсутствии тех или иных лексических единиц в структуре номинативного поля, которые входили бы сразу в два сопряженных сегмента общего номинативного поля дуального художественного концепта» [23, с. 54].

К числу репрезентантов дуального концепта, как правило, относят следующие группы номинантов: пейзажные единицы, коннотативно-окрашенную лексику, нейтральную лексику, эмотивную лексику, маркеры невербального кода (сенсемы, проксемы, кинемы, хронемы, такемы), колоративы, топонимы, глутгонимы) [23, с. 58].

Результаты и обсуждение

В произведениях первой книги С. А. Есенина «Радунца» нами выделен дуальный концепт *душа-сердце*. Ядра этих концептов мы определяем словарными значениями, данными В. И. Далем. «Душа – это, прежде всего, бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей; в общем знач. человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; ... душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство» [8, с. 467]; «Сердце – есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце» [9, с. 127].

Интересующий нас концепт имеет все признаки дуальности: ядра не являются ни синонимами, ни антонимами, денотативное значение концептов обусловлено контекстуально (косвенно это подтверждают работы Т. А. Агапкиной «Сердце в восточнославянском фольклоре» [1] и О. А. Филатовой «Образ души в поэзии Сергея Есенина» [29]).

Номинативное поле дуального концепта *душа-сердце* состоит из сопряженных полей, образованных вокруг диады ядер: ядра «душа» и ядра «сердце». Рассмотрим сопряжение полей. Ядро «душа»: «Радуют тайные вести, / Светятся в душу мою», «Только мне не плачется – на душе светло». Ядро «сердце»: «Васильками сердце светится». Номинантом в данном контексте является нейтральная лексика, выраженная глаголами *светятся/светится* и словом категории состояния *светло*. Исходя из этого, можно утверждать, что понятия «сердце» и «душа» у Есенина олицетворены и одухотворены; прослеживается тесная связь с концептом *свет*, который зафиксирован в слове категории состояния («светло») и глаголах («светятся»/«светиться»). Таким образом, дуальный концепт *душа-сердце* включает в свое смысловое поле, конституирующее символическое световое пространство, содержание которого тождественно традиционному пониманию образа света.

Ядра дуального концепта *душа-сердце* выступают в качестве пациенса: «Ваши души к подорожью / Тянет с посохом сума», «Все встречаю, все приемлю / Рад и счастлив душу вынуть»; «Видно, мол, сердца их не разбудишь». Ядра лишены актантных отношений, большей частью выступая в качестве объекта: «Радуют тайные вести, / Светятся в душу мою»; «На сердце лампадка, / А в сердце Иисус». Лирический герой устанавливает границы, где дуальный концепт *душа-сердце* становится всего лишь ипостасью личности.

Пересечение номинативно-семантических полей дуального концепта *душа-сердце* происходит и за счет использования религиозной лексики. Ядро «душа»: «Ваши *души* к подорожью / Тянет с посохом *сума*» (*сума* здесь как вместилище, которое следует наполнить духовными колосьями). Ядро «сердце»: «На *сердце* лампадка, / А в *сердце* Иисус», «В *сердце* почивают тишина и *мощи*».

Следует отметить, что тематическая группа *религия* занимает центральное место в поэтических текстах «Радуницы» и представлена большим количеством лексем, репрезентирующих в книге Есенина христианскую (православную) картину мира: *канон, крест, молитва, псалмы, Спас, инок, скуфья, поп, епитрахиль, обедня* и проч.

Функционирование дуального концепта *душа-сердце* происходит в русле народно-песенной традиции. Так, народно-свадебная терминология наиболее полно представлена в стихотворении «Девичник», где прослеживается связь данного концепта с внутренним состоянием брачующейся на одном из этапов свадебного обряда. В частности, в плаче невесты нередко находит свое отражение мотив ее «почти смертельной болезненности – запекания кровью сердечка, подламывания ножек, озноба тела» [25, с. 118] – «Ах, подружки, стыдно и неловко; / *Сердце* робкое *охватывает* *стужа*».

Дуальный концепт *душа-сердце* сочетает в себе художественный мотив и образ тайны: «С тихой тайной для кого-то / Затаил я в *сердце* мысли», «Радуют тайные вести, / Светятся в *душу* мою». По пронизательной мысли Е. А. Самоделовой, «в понимании поэта [Есенина] мотив тайны сопричастен деяниям Господа и сонма Его святых, поэтому в есенинской поэтике оказываются частотными “тайные” персонажи, творящие “тайные” дела как божественную прерогативу» [25, с. 319].

Рассмотрим по отдельности концепт *душа* и концепт *сердце* в лирических текстах «Радуницы». Эти концепты манифестированы в контексте традиционной символики и лишены резких семантических сдвигов. Употребление концептов происходит без деконструкции традиционного образа, внедрения иронического кода и резкого разрыва денотата и референта, как это свойственно некоторым современникам Есенина: О. Мандельштаму, Б. Пастернаку и В. Маяковскому (см.: [30]).

Эпитеты, сопровождающие концепт *сердце*, имеют экспрессивно-эмоциональный смысл: «Маком *влюбленное* сердце цветет», «Сердце *робкое* *охватывает* *стужа*». Более того, привязанность концепта *сердце* к семантическому полю природного мира обусловлено, по убеждению А. М. Марченко, и тем, что «в “Радунице” изобразительной доминантой был пейзаж» [18, с. 97]. Развивая гоголевскую живописную традицию, Есенин относится к природе «как к совершеннейшему из построений – терему, храму, собору ... совмещает в описании сюжета две точки зрения – “языческую” и “христианскую”, переживая этот сюжет двояко – “церковно и бытом”» [18, с. 40].

Лексема «сердце» в поэтическом сборнике «Радуница» коррелирует с идеей сна: «В сердце почивают...», «Сердца не разбудишь...», «Сердцу снятся...» и пр. Идея сна в данном случае наследует романтическую традицию: сон-мечта («В *сердце* *почивают* тишина и *мощи*») и мертвый сон («Видно, мол, *сердца* их не *разбудишь*»).

В первом поэтическом сборнике Есенина лексема «сердце» являет собой вместилище веры и Божественного света: «На *сердце* лампадка / А в *сердце* Иисус», «К *сердцу* вечерняя льнет благодать». Здесь в когнитивной модели концепта «сердце» вполне отчетливо сказывается поэтическая преемственность. По наблюдению Ю. Шатина, у Пушкина образ сердца – магнит, притягивающий «весь спектр душевных состояний

лирического героя» [\[30, с. 190\]](#). У Есенина, что очевидно, в номинативное поле концепта *сердце*, как и концепта *душа*, входит лексика со значением тяготения: «К *сердцу* вечерняя *льнет* благодать», «Ваши *души* к подорожью / *Тянет* с посохом сума» и пр.

Концепт *сердце* в ранней лирике Есенина развивается благодаря народно-песенной основе: «Что же, красив ты, да *сердцу* не люб», «*Сердце* гложет плакучая дума» и пр. Исследователь Н. И. Неженец, видя главную особенность есенинского таланта в его напевной тональности, отмечал: «*ранние стихотворения Есенина создавались на песенной основе. Автор использовал в них не только традиционные образы и мотивы, но и композиционно-сюжетную канву*» [\[22, с. 25\]](#). Более того, лексема «сердце» входит в индивидуально авторские метафоры: «Напоенный *сердцем* взгляд», «Васильками *сердце* светится» и пр.

Концепт *душа* в первом сборнике Есенина «Радуница» воспринимается как временное пристанище Святого Духа, воплощенного в своей огненной природе в виде голубя: «Голубиный дух от Бога, / Словно огненный язык». Позднее в «Ключах Марии» Есенин рассуждал по этому поводу: «Изображается голубь с распростертыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы ... Он бы выгнал их, как торгующих из храма, как хулителей на Святого Духа» [\[14, с. 192\]](#).

Обратимся к концептосфере книги «Радуница», в которой воплощается мифотектоника свертхтекстового единства и в которую входит концепт *душа*. Как обстоятельно указывает О. Е. Воронова, картина мира и образная система в поэзии Есенина формируются во многом под влиянием эстетики православного храмового действия, что позволяет говорить о том, что поэт унаследовал от народа – «отчаря» не только дар образного языкотворчества, но и особую «литургическую чуткость» [\[5, с. 80\]](#). Именно эстетизм и красота священнодействия обусловили когда-то выбор православия в качестве государственной религии, определили его самобытность и обособленность от других религий. Один из видных мыслителей русского религиозного ренессанса протоиерей Сергей Булгаков позднее напишет: «в православном богослужении элемент красоты ... занимает свое самостоятельное место; наряду с молитвой и назиданием, оно есть, по крайней мере, в своем устремлении, умное художество» [\[4, с. 277\]](#). Храмовая эстетика дает основание для выделения особого литургического подтекста, целостное и всестороннее влияние которого органично входит в структуру духовного контекста «Радуницы». Литургический принцип мирозерцания в первом сборнике С. Есенина проявляет себя многогранно – через «литургизацию» крестьянского быта и пейзажа, ориентацию на чинопоследование кругов богослужения с сопутствующими им таинствами, литургический символизм и т.д.

«Литургичность», как важнейшая составляющая «радуничной» концептосферы, содержит в себе множество взаимосвязанных ядерных, околядерных и периферийных концептов. Особого внимания в этом отношении заслуживает концепт *время*, который во многом проясняет духовный синкретизм «Радуницы».

Приобретая наиболее глубокий и системный характер, «литургизация» есенинского поэтического мирообраза органично сопрягается с ощущением времени. Так, соединение земного временного процесса и устремленность к чаемому Воскресению наиболее ярко проявило себя в стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...», где концепт *душа* занимает важнейшее место в литургическом принципе мирозерцания: «Все встречаю, все приемлю / Рад и счастлив *душу* вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее

покинуть». Время, проясняя сложный духовный генезис поэтического контекста «Радуницы», выступает в своем космологическом аспекте, то есть являет собой цепь непрерывного цикла вечного и сакрального действия.

Второй раздел первого издания «Радуницы» носит название «Маковые побаски». С этим разделом открывается новая для сборника любовная тематика, заявленная семантикой названия. Как подчеркивает исследователь раннего творчества Есенина, «автор делит книгу на две части. Если первая – “Русь” – является заглавной, общезначимой, то вторая – более лирическая, личностная, душевная. Это различие, заметное на уровне названий, подтверждается и текстами, входящими в каждый из разделов» [27, с. 336].

Любовный подтекст «радуничной» концептосферы являет собой систему с центром из полиядерного концепта *любовь*, который в свою очередь сочетает в себе два семантических компонента: «чувство глубокой привязанности к Родине» и «чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством» [32, с. 361]. В «Радунице» Есенина концепт *душа* связан со вторым значением. Являясь периферийным компонентом номинативного поля с центром из концепта *любовь*, он проявляет себя в отношении контекстуальной синонимии и состоит из идиомы «*на душе светло*», значение которой актуализируется интенциями лирического субъекта: «*Зацелую допьяна, изомну, как цвет...*», «*Унесу я пьяную до утра в кусты*» («Выткался на озере алый цвет зари...»). В другом случае, это проявление соотносится с внутренним любовным переживанием лирического героя («Радуют тайные вести / Светятся в *душу* мою») и образом возлюбленной («Думаю я о *невесте*»).

Заключение

Таким образом, концепт *душа* в книге «Радуница» С. А. Есенина органично связан с концептом *сердце*, что дает основание для выделения дуального художественного концепта *душа-сердце*. А подробное описание номинативно-семантических полей как дуального концепта, так и каждого концепта по отдельности, позволяет сделать вывод, что в контексте первой книги Есенина главенствующей темой становится единство человека и природы, их слияние и устремленность к чаемому Небесному Иерусалиму.

Художественная картина мира поэта в его первой книге основывается на чувстве этого единства и, как следствие, гармонии телесного и духовного начал в человеке, что и манифестируют семантические отношения между лексемами «душа» и «сердце» в когнитивной модели дуального концепта.

Отличием между двумя концептами становится репрезентация сердца как импульсивного центра природно-антропного мира. Душа, напротив, может принадлежать только человеку. И если рассматривать сердце как центр антропного мира, то его существование будет невозможно вне пределов человеческого тела, оно непосредственно связано с телесностью и пространственной локализацией внутри человека. Напротив, *душу* же можно «вынуть», она, как «небесных нив жилища», обладает, по выражению Есенина, скрытой возможностью отделяться от тела как от чешуи. Изучение лексической и текстовой репрезентации дуального концепта *душа-сердце* на материале последующего творчества С. А. Есенина, а именно: этапных произведений поэта – «необиблейского эпоса» (1917-1920), книги «Москва кабацкая» (1921-1923), цикла «Персидские мотивы» (1924-1925), поэм «Черный человек» (1923-1925) и «Анна Снегина» (1924-1925) – позволит отчетливее и обстоятельнее передать качественные изменения в духовном мировидении поэта.

Библиография

1. Агапкина Т. А. Сердце в восточнославянском фольклоре // Образ человека в языке и культуре. Т. 20. М.: Индрик, 2018. С. 21-63. EDN: VNIPWA.
2. Афонина Ю. В. Концепт "Дом" в творчестве С. А. Есенина и фильмах А. Тарковского // Современное есениноведение. 2017. № 4(43). С. 66-71.
3. Бабулевич С. Н. Цветообозначения как средство реализации концепта "Родина" в художественной картине мира С. Есенина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград, 2004. 181 с. EDN: NMQKSZ.
4. Булгаков С. Богослужение в православии. Православие. Очерки учения православной церкви. Paris: YMCA-press, 1989. 403 с.
5. Воронова О. Е. Концепт "сердце" в образной системе лирики С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2024. № 1(68). С. 50-52. EDN: AVUVKU.
6. Воронова О. Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты. Рязань: [б. и.], 2013. 356 с. EDN: STVXOJ.
7. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорожье, 2002. 520 с. EDN: TKEQBJ.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1. А-З. 752 с. EDN: QSBIDD.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. Р-Я. 672 с. EDN: QSBIDD.
10. Доманский В. А. Радость как ментальный концепт есенинской национальной картины мира // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XV международной научно-практической конференции. Вып. 12. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 19-30. EDN: ВТОРHD.
11. Доманский В. А. Художественный концепт сада в поэзии С. А. Есенина // Поэтика и проблематика С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 113-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.: Лазурь, 2009. С. 102-116.
12. Дроснейка Р. П. Концептуально-языковое пространство русской деревни в лирике Сергея Есенина // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 6. С. 10-35. EDN: VWRRCP.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Наука; Голос, 1995. 672 с.
14. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Проза. М.: Наука; Голос, 1997. 560 с.
15. Злобина А. А. Духовный концепт странник в языковой картине мира С. А. Есенина // Актуальные проблемы культуры речи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: МГОУ, 2002. С. 82-87.
16. Колупанова Т. Ю. Динамика концепта Россия в идиостиле С. А. Есенина. Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 31-33. EDN: XGVGVH.
17. Кривошапко С. А. Концепты время и пространство в лирической поэзии С. А. Есенина: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2019. 198 с.
18. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972. 312 с.
19. Межебовская В. В. Концептосфера сборника С. Есенина "Радуница" // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2020. № 3(16). С. 165-178. EDN: GVMPXX.
20. Мекш Э. Б. Художественный мир "Радуницы" Сергея Есенина // Русская новокрестыанская поэзия. Даугавпилс: ДГУ, 1991. С. 44-66.
21. Михайлова Е. В., Лазовская А. И. Концепты "Родина" и "Природа" в языковой картине мира С. Есенина // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2007. № 1(16). С. 89-94.

22. Неженец Н. И. Поэзия народных традиций. М.: Наука, 1988. 208 с.
23. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М.: Эдитус, 2021. 208 с. EDN: WVMWTG.
24. Прохорова А. В. Речевая репрезентация биполярности художественной картины мира: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Елец, 2018. 26 с. EDN: ZFJFWU.
25. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житнетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2006. 920 с. EDN: SUQHOT.
26. Саносян А. Г., Купчик Е. В. Концепт "Родина" в поэзии С. А. Есенина и А. А. Блока // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. 2012. № 1. С. 176-180.
27. Скороходов М. В. Сергей Есенин: истоки творчества (вопросы научной биографии). М.: ИМЛИ РАН, 2014. 383 с. EDN: TLWKBV.
28. Суворкина Е. Н. Концепт "сиротство" в жизни и творчестве С. А. Есенина: филолого-культурологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 125-135. DOI: 10.17223/22220836/38/12 EDN: BEGGIO.
29. Филатова О. А. Образ души в поэзии Сергея Есенина // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 18, ч. 2. С. 102-104. EDN: UYUXLL.
30. Шатин Ю. В. Концепт "сердце" и его художественная деконструкция в русской поэзии XX века. Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 189-196. EDN: TNFCAF.
31. Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку: Мутарджим, 2013. 588 с.
32. Южакова Ю. А. Поэтическая картина мира С. А. Есенина: обзор лексико-семантических групп и полей. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book jet), 2024. 226 с. EDN: KLOEUN.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает дуальный концепт 'душа-сердце' в первой книге С. А. Есенина "Радуница". Актуальность работы не вызывает сомнения: когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления («в новейшей исследовательской практике творчества С. А. Есенина изучение концептосферы художественного текста является одним из приоритетных научных направлений, о чем свидетельствует объемный и представительный корпус публикаций, посвященных анализу концептуальной сферы есенинской поэзии»). В то же время отмечается, что «не всегда в таких работах представляемая когнитивная модель концепта в полной мере учитывает особенности его лексической и текстовой репрезентации в произведениях, принадлежащих разным этапам духовно-эстетического развития Есенина».

Теоретической основой научной работы явились труды отечественных ученых, посвященные поэтической картине мира Сергея Есенина; концептуальной системе творчества поэта; вопросам дуальности художественного концепта и др. Библиография насчитывает 32 источника, в том числе литературные и лексикографические (Толковый

словарь живого великорусского языка В. И. Даля и Словарь языка Есенина Г. И. Шипулиной), представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, количественный и качественный анализы; сравнительно-сопоставительный и контекстуально-интерпретационный методы; семантический и культурологический анализы; концептуальный и когнитивный анализы. Эмпирической базой послужила первая книга поэта «Радуница» (1916), на художественном материале которой (33 стихотворения) предлагается анализ концептов 'душа и сердце'.

В ходе исследования рассмотрены теоретические аспекты изучаемой проблематики (понятие «концепт», классификация художественных концептов, специфика дуального концепта), признаки дуальности концепта 'душа-сердце' («ядра не являются ни синонимами, ни антонимами, денотативное значение концептов обусловлено контекстуально»), номинативное поле дуального концепта 'душа-сердце'. Проведен анализ концептов 'душа' и 'сердце' в лирических текстах «Радуницы» («эти концепты манифестированы в контексте традиционной символики и лишены резких семантических сдвигов», «употребление концептов происходит без деконструкции традиционного образа, внедрения иронического кода и резкого разрыва денотата и референта, как это свойственно некоторым современникам Есенина»). В заключение сформулированы обоснованные выводы о том, что «концепт 'душа' в книге «Радуница» С. А. Есенина органично связан с концептом 'сердце', что дает основание для выделения дуального художественного концепта 'душа-сердце'; «художественная картина мира поэта в его первой книге основывается на чувстве единства человека и природы и, как следствие, гармонии телесного и духовного начал в человеке, что и манифестируют семантические отношения между лексемами «душа» и «сердце» в когнитивной модели дуального концепта» и др.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом полученных результатов в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, в изучение концептосферы художественного текста и индивидуально-авторской картины мира С. А. Есенина. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвистике текста, теории дискурса, стилистике, анализу и интерпретации художественного текста. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Храпко-Магала М.В. Практика употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюдива в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX в. (на примере форм имперфекта, аориста и настоящего времени) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.77022 EDN: JHAXHG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77022

Практика употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюдива в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX в. (на примере форм имперфекта, аориста и настоящего времени)

Храпко-Магала Мария Валерьевна

преподаватель; факультет журналистики; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 9 стр. 1

✉ koulenkamfp@ya.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.77022

EDN:

JHAXHG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Аннотация: Статья посвящена изучению грамматических маркеров эвиденциальности в болгарском языке конца XIX в. Автор подробно рассматривает случаи употребления форм л-причастий с глаголом-связкой и без глагола-связки в 3-м лице в конструкциях пересказа, в которых передаваемая информация вводится с помощью референциального глагола. Материалом для исследования является переписка второй половины XIX века болгарского лингвиста Найдена Герова и его адресатов (всего 18 авторов). Приводятся и анализируются количественные показатели употребления глагольных форм в указанных конструкциях. Автор дает интерпретацию грамматических эвиденциальных маркеров, обращаясь к широкому контексту и учитывая когнитивную классификацию информации в сознании носителя языка как полученную с чужих слов или как собственную опосредованную информацию на основе общего опыта. В данной статье для исследования материала автором применяется описательный метод, метод

компонентного анализа, а также лингвотекстологический метод. В результате исследования мы пришли к выводу, что в конструкциях пересказа с референциальным глаголом может передаваться информация, по-разному классифицированная в сознании автора текста. О том, к какому типу она относится, можно судить по глагольной форме, которая используется адресантом. Самой частотной формой в указанных конструкциях становится л-причастие без глагола связки в 3-м лице. В этом случае нет столкновения значений лексического и грамматического эвиденциального показателя: оба говорят о дистанцировании авторов текста от передаваемой информации и выдвижении на первый план семантики пересказа. В случае использования л-причастия с глаголом-связкой информация характеризуется как входящая в сферу собственных опосредованных знаний пишущего, что при наличии такого лексического эвиденциального маркера, как референциальный глагол, усложняет интерпретацию высказывания и требует привлечения широкого контекста.

Ключевые слова:

болгарский язык, история болгарского языка, косвенная эвиденциальность, контекст, глагол, пересказ, ренарратив, конклюдив, перфект, когнитивная классификация информации

Определяя значение категории эвиденциальности, ученые выделяют в качестве основного разные аспекты ее семантики: так, для А. Айхенвальд [\[1\]](#) определяющим является источник информации, для В. Плунгяна – способ доступа к информации [\[2\]](#), а Р. Ницолова говорит о том, что «эвиденциальность представляет собой выражаемое языковыми средствами когнитивное состояние говорящего, связанное с получением информации из определенного источника, а также ее когнитивную классификацию, которая может быть различной для одного и того же сообщения в разное время» [\[3, с. 27–28\]](#). А. Айхенвальд, классифицировав существующие в языках мира эвиденциальные системы, отнесла болгарский язык в числе других балканославянских языков к типу А1, в основе которого лежит бинарная оппозиция [\[4, с. 59\]](#). Однако впоследствии ученые, исследующие болгарскую эвиденциальную систему, обратили внимание на ее более сложное устройство. Так, М. Макарец придерживается мнения, что в основе болгарской системы лежит не двучленная, а тернарная, то есть трехчленная, оппозиция, в которой противопоставляются формы прямые, косвенные и нейтральные по отношению к эвиденциальности [\[4, с. 101\]](#). Г. Герджиков, Р. Ницолова и ряд других исследователей считают, что в болгарском языке представлена четырехчленная система (индикатив, конклюдив, ренарратив и дубитатив). К. С. Алексова также поддерживает эту точку зрения и говорит о том, что в классификации, предложенной А. Айхенвальд, нет индекса, который бы в полной мере описывал болгарскую эвиденциальную систему, и потому может быть введен новый тип С4 [\[5, с. 29\]](#).

В болгарском языке категория эвиденциальности находит выражение как в лексических, так и грамматических средствах. В настоящей статье предметом изучения стали формы л-причастий со связкой и без нее в 3-м лице единственного и множественного числа, которые были использованы в конструкциях пересказа совместно с лексическим маркером эвиденциальности — референциальным глаголом. Материалом для исследования послужила переписка второй половины XIX века болгарского языковеда, преподавателя и представителя болгарского Возрождения Найдена Герова и его

адресатов (всего 18 авторов). Письменные источники болгарского языка данного периода представляют большой интерес: с одной стороны, они демонстрируют болгарский язык до момента кодификации грамматиками, с другой – фиксируют тот этап языка, на основе которого и возникла академическая грамматическая норма. На протяжении длительного времени формы л-причастий со связкой и без нее, использованные в конструкциях пересказа, вызывали и порой до сих пор вызывают обсуждения: грамматики в качестве нормативного употребления для ренарратива (пересказа) фиксируют использование л-форм в 3-м лице без глагола связки, однако на практике и в современном языке, и в исторических текстах можно встретить использование указанных л-форм с глаголом связкой даже в таких случаях, когда лексические средства (например, глаголы речи) однозначно маркируют ситуацию как ренарратив, например в конструкциях подобных *[Адресант сказал (написал) адресату, что...]* или *[как мне сказали (написали)...]*, где, без сомнения, источником информации является не сам говорящий, а третье лицо.

В грамматиках л-формы со вспомогательным глаголом отражаются, но закрепляются не за ренарративом, а за другими парадигмами, например за перфектом и конклюдивом [\[6\],\[7\]](#). В научных исследованиях отмечаются трудности в интерпретации подобных форм, ввиду того что они «лежат на границе перфекта и конклюдива или пересказа» [\[8, с. 186\]](#). В художественном и историческом тексте наблюдается «конкуренция между формами перфекта и пересказа при обозначении ненаблюдаемых событий и передаче информации, полученной из некоторого источника» [\[9, с. 119\]](#). Одновременно с этим в языке отмечается произвольное колебание связки в 3-м лице, что вообще дает некоторым исследователям возможность ставить под сомнение целесообразность разделения парадигм, так как за исключением 3-го лица они омонимичны. Однако даже если закрыть глаза на подобные случаи колебания связки, то не все ученые согласны и с тем, что на основании только лишь ее наличия или отсутствия в третьем лице можно говорить о разграничении парадигм (подобного мнения придерживаются, например, В. Станков и М. Макарец [\[4, с. 102\]](#)).

Не отрицая возможности колебания связки, мы придерживаемся гипотезы о том, что объяснение наличия/отсутствия вспомогательного глагола в формах 3-го лица может лежать в области когнитивной классификации информации говорящим. Подробно путь восприятия информации и возможная последующая ее поэтапная трансформация от опосредованного знания к «сильному» в сознании носителя болгарского языка описан применительно к современному этапу развития языка Н. Ницоловой: «В болгарском языке <...> наблюдается перемещение информации из „ящика“ дубитатива или ренарратива, где она может быть поставлена в самом начале ее получения с чужих слов, в „ящик“ конклюдива (имеется в виду неинференциальное значение конклюдива, когда выражается собственная опосредованная информация на основе общего опыта), и наконец информация может попасть в „ящик“ индикатива, когда говорящий ее классифицирует как „сильное“ знание» [\[3, с. 33\]](#). Не противоречат этому и данные, полученные в ходе изучения текста исторической тематики, в котором была отмечена конкуренция форм перфекта (т. е. формы л-причастия со глаголом-связкой в третьем лице. — *Примеч. авт.*) и пересказа. Ю. Григоренко отмечает, что формы используются в очень близких контекстах и порой даже соседствуют в одном предложении [\[9, с. 123\]](#). Говоря об их основных значениях, исследователь обращает внимание на то, что л-формы со связкой используются, «когда автор пытается показать свою объективность, апеллируя к истории» [\[9, с. 121\]](#), обозначает передаваемую информацию как

«объективный факт, а не просто сообщение из источников» [9, с. 123]; также для некоторых случаев не исключается у л-форм и наличие определенного модального значения, указывающего «на убежденность автора [текста] в сообщаемом» [9, с. 123].

Однако особенно сложна и не всегда однозначна на первый взгляд оказывается трактовка случаев, когда в одном высказывании при передаче вторичной информации л-формы как без глагола-связки, так и со связкой встречаются в конструкциях с ренарративным глаголом. То есть помимо грамматического эвиденциального маркера присутствует еще один – лексический. В такой ситуации может возникнуть противоречие грамматической формы и других показателей косвенной эвиденциальности (пример 1). Так, при использовании ренарративной формы (л-форма без глагола-связки в 3-м лице) говорящий передает не свою собственную информацию, а информацию чужую, известную со слов третьего лица. Формы конклюдива (л-форма с глаголом-связкой в 3-м лице) характеризуют информацию как собственное незасвидетельствованное знание (надо отметить, что эти формы передают несколько значений; так, они могут обозначать и «собственную информацию, базирующуюся на умозаключении, которое строится на основе определенных данных» [3, с. 30]). Отмечается также, что «при этом способ получения информации не характеризуется» [3, с. 30]. Однако в нашем же материале л-формы со связкой попадают в синтаксические конструкции с глаголом речи, когда указывается источник передаваемой информации и каким образом она получена. При анализе подобных случаев исследователи достаточно часто ограничиваются краткими фрагментами высказывания, которое не может дать полноценного понимания когнитивной квалификации автором информации (например, возможно обращение непосредственно к предложению, в котором встречается форма, фоновая информация же при этом не привлекается). Мы ставили задачей, с одной стороны, описать формы, которые встречаются в речи авторов, отметить наличие или отсутствие у них вспомогательного глагола, отследить их частотность, с другой – постараться дать анализ их семантики, привлекая для трактовки более широкий контекст, для того чтобы получить дополнительные сведения, раскрывающие возможный характер классификации информации говорящим.

(1) *Г-нь Начевичь, кой-то дойде преди един день тука, **каза**, че Правителство-то **е решило** да отвори училище...* [10, с. 23] (В. Богданов) – *Господин Начевич, который прибыл сюда день назад, сказал, что правительство приняло решение открыть школу (училище)...* (Здесь и далее примеры представлены в упрощенной орфографии. – Примеч. авт.)

Из корреспонденции Н. Герова и его адресатов – всего 18 авторов – были отобраны 129 употреблений л-форм 3-го лица со связкой и без нее, которые вводятся при пересказе глаголами речи. На эту выборку из 129 случаев пришлось 108 примеров использования л-форм без глагола-связки и 21 примера со связкой. Таким образом, хорошо видно преобладание форм без вспомогательного глагола: они присутствуют у 16 авторов. В то же время формы со связкой распределены неравномерно: практически половина примеров (таблица 1) приходится на речь Н. Герова (их количество составляет половину всех случаев 11 из 21); в корреспонденции Евлогия Георгиева только 4 примера, что значительно уступает формам л-причастия без связки, которые у него встречаются 25 раз. Единичные употребления этих форм в письмах присутствуют еще у пяти авторов.

Таблица 1. Формы л-причастий с глаголом-связкой в 3-м лице и без глагола-связки

.	..	.	..	.

Адресант	кол-во форм л- причастия без связки в 3-м лице	кол-во форм л- причастия со связкой в 3-м лице
Н. Геров	26	11
Евл. Георгиев	25	4
В. Каракановский	17	-
В. Иванов	10	-
З. Княжески	7	1
В. Богданов	5	1
С. Костов	3	-
Хр. Георгиев	3	-
К. Геров	2	1
Ф. Стоянов-Бурмов	2	-
Г. Золотович	2	-
Б. Петков	2	-
Д. Врачанский	1	-
Аверки	1	-
Р. Гурова	1	-
К. Васильев	1	-
Сп. Иванов	-	1
Н. Чалики	-	2

Таким образом, наиболее частотным и, соответственно, предпочтительным при передаче несвидетельской информации в конструкциях с глаголами речи для языка второй половины XIX в. является использование л-форм без вспомогательного глагола. Подобное употребление мы можем видеть в примерах 2, 3, 4: в них авторы дистанцируются от передаваемой информации и не дают ей личной оценки.

(2) *Печатарь-ть Шварц <...> не работи хубаво, **казва**, че **нямал** инструменти, и че го **излъгал** Карниол, та трябва да принудите Карниола или да дойде да свърши работа-та или да повърне пары-ты, дето гы е зел, та да тръсимь другыго да направи печати-ты* [10, с. 163] (Н. Геров) – Печатник Шварц <...> не работает хорошо, говорит, что у него нет инструментов и что его обманул Карниол, и требует, чтобы заставили Карниола или прибыть сюда, чтобы он закончил работу, или вернуть деньги, которые он взял, и [говорит], чтобы мы искали другого, чтобы он осуществил печать.

(3) *...г-н Манеоглу трябва да е много сребролюбец, защото много **ся оплакуваше**, че харчове-ты **станалы** големи, а печяла **нямало*** [10, с. 117]. (Ев. Георгиев) – ...г-н Манеоглу должно быть большой сребролюбец, потому что он жаловался, что расходы стали большие, а прибыли не стало.

(4) *Хортува **ся** иоще че **приминали** две шайки от Сърбия с Хильо воевода и **ся ударили***

на няколко места с Турцы-те [10, с. 750]. (В. Каракановский) – Говорят еще, что пришли две банды из Сербии с Ильо Воеводой и вступили в столкновения в нескольких местах с турками.

Стоит обратить внимание на тот факт, что при появлении эпистемически окрашенного глагола речи информация также передается л-формой без связки, которую по-прежнему стоит читать как нейтральную. При этом эпистемическая семантика референциального глагола может быть поддержана эпистемическими частицами, например частицей **уж**. Подобный случай представлен в примере 5.

(5) Хрисант **наклеветил** Българы-ты, че **уж искали** да вдигнат глава въз Турци-ты на Великдень [10, с. 224]. (Н. Геров) – Хрисанф оклеветал болгар, сказал, что будто они хотели бунтовать против турок на Пасху. (Письмо датируется 17 апреля 1857 г., Пасха отмечалась 5 апреля. – Примеч. авт.)

Как отмечалось, в конструкциях пересказа [Г сказал (написал) С, что...] / [как мне сказали (написали)...] особый интерес именно вызывает использование л-форм с глаголом-связкой. Восприятие их вслед за Н. Ницоловой как форм неумозаключительного конклюдива, отражающих слабое незасвидетельствованное знание, основанное на общем опыте, значительно усложняет интерпретацию. В высказывании уже существует ссылка на источник информации и способ ее получения в виде глагола речи. Однако Болгарская грамматика Р. Ницоловой [7] в том числе по источнику информации «разводит» значения конклюдива и ренарратива. В этом, на наш взгляд, и может заключаться основная трудность в интерпретации: в одном высказывании информация сначала через референциальный глагол маркируется как чужая, а затем грамматической формой обозначается как уже свое опосредованное знание. Однако такие случаи, вероятно, требуют отдельного прочтения лексического эвиденциального маркера и грамматической формы глагола.

Для того чтобы прояснить случаи подобного употребления л-форм со связкой, мы обратились к контексту, в некоторых случаях достаточно широкому. Например, рассматривали описываемую ситуацию не самостоятельно и даже не в рамках одного письма, а при необходимости принимали в учет все письма, которые в той или иной степени могли касаться передаваемой информации. Подобный подход позволил во многих случаях уточнить значение употребленной формы и дал основание предполагать, что л-форма со связкой была в таких случаях использована сознательно и ее появление можно объяснить когнитивной классификацией автором полученной информации. Так, подобные формы появляются в тех случаях, когда описываемая информация входит в категорию слабого знания автора – описываемые факты/действия известны определенному кругу лиц (они могут быть получены от 3-го лица, но уже восприняты говорящим, поэтому далее передаются уже как собственная опосредованная информация).

Рассмотрим пример 6 из письма Велйо Богданова. В нем мы видим, как глагол речи «каза» вводит л-форму со связкой «е решило». На первый взгляд, использование такой глагольной формы совместно с референциальным глаголом может показаться немотивированным, однако анализ более широкого контекста проясняет ситуацию. Из него мы узнаем, что информация, передаваемая автором, уже полноценно воспринята им и вошла в категорию его знаний. Об этом нам говорит тот факт, что в дальнейшем Богданов с опорой на данную информацию строит свои планы на будущее: автор предполагает связать свою деятельность с упоминаемым учебным заведением (*Моля Ви*

се да ми кажете да ли ще строя добре, ако вляза и аз в това училище или не). Таким образом, Богданов, вероятно, вполне намеренно использует глагольную форму со связкой (*Правителство-то е решило*), так как это не просто передача слов 3-го лица об учреждении школы, а уже полноценный факт для него.

(6) *Г-нь Начевичь, кой-то дойде преди един день тука, **каза**, че Правителство-то **е решило** да отвори училище, въ кое-то да ся приготвят хора за служители при Русскы-те чиновници въ България. <...> Моля Ви се да ми кажете да ли ще строя, ако вляза и аз в това училище или не* [10, с. 231]. (В. Богданов) – Господин Начевич, который прибыл сюда день назад, сказал, что правительство приняло решение открыть школу (училище), в которой будут готовить служащих для русских чиновников в Болгарии. <...> Прошу Вас, скажите мне, будет ли возможно мое участие [в качестве учителя] в этой школе или нет.

К собственным опосредованным знаниям мы можем отнести и еще один пример использования формы глагола со связкой после лексического эвиденциального маркера (7). Он касается ситуации негативных разговоров о Н. Герове и реакции на них паши. Автор на протяжении длительного времени сталкивался с оговорами, он пытался восстановить свое честное имя (был на приеме у паши и доказывал свою невиновность; после визита ему передали, что паша во всем разобрался): Геров включен в ситуацию и, видимо, вследствие этого не дистанцируется от передаваемой информации, а наоборот, активно верит в благополучный исход дела.

(7) *Паша-та **казва**, че **е отбрал**, какво всичко-то е било от клевета и зависть, и че ще даде такъв отговор, каквото аз да бъда оправдан.* [10, с. 216]. (Н. Геров) – Паша говорит, что понял, что все это было вызвано клеветой и завистью и даст такой ответ, чтобы я был оправдан.

Примеры (8) и (9) показывают в одном случае воспроизведение информации из газет (в них, как известно, преобладает подача информации как факта действительности), которую автор письма Н. Геров передает как общеизвестный факт; а в другом – воспроизводятся слова собеседника, от которых автор также намерено не дистанцируется, а наоборот, они маркированы как опосредованное знание: об этом может свидетельствовать факт ожидания дальнейшего разворачивания ситуации после указанного события (*нъ тука и до сега не ся е явило такова нещо и по тая причина общиниты и не са правили жялбы*) – реакции властей (например, письменной) и возможности в дальнейшем для общин подавать жалобы.

(8) *В Европейскы-ты газеты пишат, какво не са доволни от него нито Турци-ти, нито Христиане-ти. Истинно ли е това, и зашто да е така? **Казват**, че Христиане-ти и Ерманлии-ти **са протестували** против него* [10, с. 185]. (Н. Геров) – В европейских газетах пишут, что им (султанским указом) не довольны ни турки, ни христиане. Это правда и почему это так? Говорят, что христиане и армяне протестовали против него.

(9) ***Казвате** ми, чи от тамо ся **е пратил** образ за жялба към Митрополията за представител, нъ тука и до сега не ся е явило такова нещо и по тая причина общиниты и не са правили жялбы...* [10, с. 111]. (Евл. Георгиев) – Вы говорите мне, что оттуда отправили образец жалобы в Митрополию на представителя, но сюда и до настоящего момента ничего не пришло и по этой причине [городские] общины и не подавали жалоб.

Факт того, что формы лежат на границе конклюдива, перфекта и ренарратива, очень хорошо виден в двух следующих ниже примерах из писем Н. Герова, в которых описана фактически одна и та же ситуация, в первом случае (10) используется л-форма без

связки, а во втором (11) – со связкой. В обоих примерах речь идет о словах митрополита Хрисанфа, которые Н. Геров оценивает как ложные: эпистемическая оценка выражена не грамматическими, а лексическими средствами (*уж, наклеветил, клевета*) и поддержана контекстом.

(10) Хрисант **наклеветил** Българи-ты, че **уж искали** да вдигнат глава въз Турци-ты на Великдень [\[10, с. 224\]](#). (Н. Геров)

(11) [Владыка Хрисант]... на Цариград **писал** на патриарха, **у ж** че Българе-ти **са вдигнали** глава да въведат с сила тука французский уряд и другы такывы клеветы. <...> и паша-та откак **ся увери**, че това **е было** клевета, отишъл си в Едрене преди два дни [\[10, с. 213\]](#). (Н. Геров) – [Митрополит (епископ[?]) Хрисанф]... в Царьград, говорят, писал патриарху, что будто болгары взбунтовались, чтобы ввести силой здесь Французский порядок, и другую подобную клевету. <...> и паша, когда убедился, что это было клеветой, отбыл в Эдирне два дня назад.

Пример (10) хронологически более поздний, в нем намерение болгар бунтовать против турок на Пасху (Пасха к данному моменту уже прошла) описывается л-формой от глагола несовершенного вида. В то же время точно известно, что никакого бунта не было, да и в подобные намерения Геров не верит. Пример представляет случай многоуровневого пересказа (т. е. факт того, что Хрисанф что-то говорил, известен с чужих слов). В примере (11) л-форма со связкой также появляется внутри многоуровневого пересказа. Митрополит Хрисанф (субъект высказывания) сознательно обманывает патриарха, сообщая о восстании болгар как о свершившемся факте (используется форма совершенного вида), то есть перед нами утверждение факта, а не пересказ цепочки событий. Таким образом, именно позиция Хрисанфа (утверждение конкретного факта, результата) могла способствовать появлению вспомогательного глагола.

Проанализировав случаи употребления л-форм с глаголом-связкой в речи Н. Герова, на корреспонденцию которого приходится основное количество примеров, мы пришли к выводу, что автор в своей речи при использовании конструкций с глаголом речи стремился к различению л-форм со связкой и без нее. Небольшое количество употреблений этих форм в речи остальных корреспондентов (6 авторов) не дает возможности сделать вывод о норме, представленной в идиолекте каждого из них, однако позволяет говорить все о той же тенденции к разграничению указанных форм. Так, Сп. Иванов – племянник Н. Герова – пишет дяде о том, что его двоюродный брат сожалеет, что не уведомил Герова о своей поездке (отсутствие сообщения является объективным фактом, известным как Сп. Иванову, так и Н. Герову) (пример 12).

(12) Братовчед ми, Христио, стигна в село. Той си **признава**, че **е направил** голяма погрешка, гдето не е щял ди Ви ся обади на тръгание... [\[10, с. 712\]](#). (Сп. Иванов) – Мой двоюродный брат Христио прибыл в село. Он признается, что совершил большую ошибку, что не хотел Вам сообщить об отправлении.

Характер когнитивной классификации информации, переданной л-формой со связкой, в тексте письма Евл. Георгиева (пример 13) становится более определенным при подробном анализе контекста: автор, рассуждая о факте, известном со слов третьего лица и переданном л-формой со связкой (написание письма пашой с распоряжением о просмотре книг), говорит о том, что будет ясно, создаст ли в будущем эта проверка книг препятствия (*Не ся знай, тая мера да не направи някоя спънка за внасянието на църковны-ты книги в турска-та Дръжва* *това ще стане явно, кото дойдат някому такыва книги в Гюмрукат*), то есть автор уже полностью воспринял информацию и оперирует ею,

когда размышляет о будущем.

(13) *В Свищов като бях **казаха** ми Г-на Д. Начович и И. Станчогу, че Видянският Паша **е писал** на тамошният Мудирян да прегледа какви книги идат от вън за България и да му явява [\[10, с. 118\]](#). (Евг. Георгиев) — Когда я был в Свиштове, г-да Д. Начович и И. Станчогу сказали мне, что видинский паша написал тамошнему мудиряну, чтобы проверял, какие книги идут из-за границы в Болгарию, и показывал ему.*

В некоторых случаях фоновой информации не хватает, чтобы точно определить, как квалифицируется информация в сознании автора (примеры 14, 15). Так, в примере (14) из письма К.Герова нет дополнительных данных, которые могли бы свидетельствовать о том, что автор передает высказывание как собственное незасвидетельствованное знание. Это мы можем предполагать лишь из выбора л-формы со связкой (*е захванал*).

(14) *От Г. Иоакима Груева приях писмо от Филибе, в което ми известява, че е захванал там работа-та си в наше-то училище» [\[10, с. 426\]](#). (К. Геров) — От г. Иоакима Груева получил писмо из Пловдива, что он начал там работать в нашей школе (училище).*

Фрагмент письма Н.Чалики (15) содержит несколько предикативных частей, первая из которых вводится конструкцией с референциальным глаголом (*турците са пратиле една голема воиска*) и, без сомнения, принадлежит жителю Казанлыка, последующие же части можно воспринять как продолжение первого высказывания или же как размышление самого Н.Чалики (*ако Руссите са принудат да бегат назват сички българе са готват да бегат тоже от Казанкльк*). Если автор строит свои рассуждения с опорой на высказывание жителя Казанлыка, то это подтверждает, что новая информация уже воспринята им и вошла в фонд собственных опосредованных знаний, что и отражается в выборе л-формы со связкой (*турците са пратиле*). Однако прочтение может быть и иным. Стоит также отметить, что в целом в переписке Н.Чалики часто встречаются отклонения от грамматической нормы, поэтому колебание связки нельзя исключить.

(15) *Какту ми **казва** вчера един Казанкликлия турците **са пратиле** една голема воиска въ Гени-загора и тиа дни са готви война, ако Руссите са принудат да бегат назват сички българе са готват да бегат тоже от Казанкльк [\[10, с. 777\]](#). (Н.Чалики) – Как мне сказал вчера один житель Казанлыка, турки отправили большую армию в Ени-Загре, и в эти дни готовится война, если русские будут вынуждены бежать назад все болгары также будут готовы бежать из Казанлыка. (Сейчас город Нова-Загора. 18 июля 1877 г. произошла одна из ключевых битв Русско-турецкой войны – сражение при Ени-Загре. Письмо, отправленное из Пловдива, датировано 21 июля 1877 года, однако в нем идет речь о подготовке к сражению. Возможно, или письмо было написано раньше, или автор недостаточно оперативно получал сведения. – Примеч. авт.)*

Итак, основная трудность при анализе л-форм в конструкциях с референциальным глаголом, на наш взгляд, заключается в столкновении сразу нескольких значимых показателей эвиденциальности: с одной стороны, выступают лексические маркеры (глаголы речемыслительной деятельности), которые выдвигают на первый план семантику пересказа, показывая способ получения информации и ее источник, а с другой — грамматическая форма глагола, которая отражает когнитивную классификацию передаваемой информации (дистанцированность или, напротив, включенность в сферу собственных опосредованных знаний говорящего). Для данной переписки в конструкциях с глаголами речи стандартным способом для введения передаваемой информации становится использование форм л-причастия без связки. В этом случае они несут семантику нейтрального пересказа, лишены эпистемического компонента в

значении и требуют совместного прочтения с лексическим эвиденциальным маркером (глаголом речи).

Появление в конструкциях с референциальным глаголом форм л-причастий со связкой в третьем лице заметно усложняет семантику предложения и требует более внимательного прочтения, а также учета по возможности экстралингвистических факторов. Обращение к широкому контексту при анализе позволило уточнить, как в сознании автора классифицируется передаваемая информация. В подавляющем большинстве случаев формы л-причастия со связкой описывают именно собственное опосредованное знание, несмотря на то что выступают совместно с ренарративным лексическим маркером, который относит передаваемое сообщение к третьему лицу. Таким образом, хотя и не во всех случаях при анализе контекста нам удалось найти соответствующие подтверждения, на основании рассмотренных примеров можно говорить об определенной тенденции в использовании форм л-причастия со связкой в 3-м лице в ситуации пересказа.

Библиография

1. Aikhenvald A. Evidentialy. Oxford: Oxford University Press, 2004.
2. Плунгян В. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
3. Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категорией времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 26-45.
4. Макарец М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.-СПб.: Нестор-История, 2013.
5. Алексова К. С. Эвиденциальная система болгарского языка // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Избранные доклады. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2025. С. 12-33. EDN: XUKBSS.
6. Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. София: Издателска къща "Петър Берон", 1998.
7. Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетското издателство "Св. Климент Охридски", 2008.
8. Васильева О. В. Функционирование перфекта изъявительного наклонения в современном болгарском литературном языке: дисс. ... канд. филологических наук. СПб., 2006. EDN: NOBEWZ.
9. Григоренко Ю. А. Функционирование форм перфекта в переводе научного текста с русского на болгарский язык // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 117-123. EDN: RPXZIV.
10. Изъ архивата на Найдень Геровъ: писма, доклади и материяли за възражданието на българския народъ. Книга I. Корреспонденция съ частни лица: А-Л (Аверки – Лобановъ) / под ред. на Т. Панчевъ. София: Българската академия на науките, 1911.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена специфической и в то же время актуальной проблематике: практике употребления и интерпретации форм ренарратива и конклюдива

в конструкциях с глаголами речи в болгарском языке конца XIX века. Автор анализирует эвиденциальные л-формы в контекстах пересказа, опираясь на эпистолярные материалы Найдена Герова и его корреспондентов, что делает предмет исследования чрезвычайно ценным для исторической болгаристики, славянского языкознания и теории эвиденциальности. Уже сама постановка задачи — выявить семантические механизмы распределения л-форм со связкой и без нее при наличии лексического эвиденциального маркера — демонстрирует глубокое понимание сложности взаимодействия грамматических и когнитивных факторов в болгарском языке рассматриваемого периода.

Методология исследования отличается продуманностью и тщательностью. Автор использует сочетание количественного анализа (129 примеров употребления форм) и контекстно-ориентированного качественного анализа, привлекая широкий контекст писем, включая фоновые социальные и биографические сведения, когда это необходимо. Такой подход позволяет избежать редукционизма, свойственного исследованиям, где л-формы анализируются в изоляции. Особенно значимым является то, что автор выявляет необходимость чтения формы не только в пределах непосредственного предложения, но и на фоне всего корпуса корреспонденции, что даёт возможность реконструировать когнитивную классификацию информации говорящим.

Актуальность работы обусловлена тем, что несмотря на многолетнюю традицию изучения эвиденциальности в болгарском языке, проблема пересечения ренарратива и конклюдива, особенно при наличии глагола речи как лексического маркера косвенной информации, недостаточно исследована. Статья восполняет данный пробел, предлагая интерпретацию, выходящую за рамки строгих грамматических классификаций и учитывающую реальную языковую практику XIX века. Данные статьи позволяют уточнить динамику развития болгарской эвиденциальной системы и вносят вклад в понимание эволюции категорий, которые и сегодня вызывают интерпретационные трудности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей выбора форм со связкой и без нее в контекстах, где уже есть лексический ренарративный маркер. Автор показывает, что употребление форм со связкой не может быть интерпретировано лишь как нарушение нормативной парадигмы или как тривиальная вариативность. На основе тщательного сопоставления примеров делается важный вывод: л-форма со связкой в конструкциях пересказа в большинстве случаев указывает на когнитивную переработку информации автором, на её переход из разряда чужих слов в категорию собственных опосредованных знаний. Это существенный вклад в понимание взаимодействия эвиденциальности и эпистемической модальности в болгарском языке XIX века.

Стиль и структура статьи выдержаны в академическом формате: плавный переход от теоретической базы к анализу материала, детальная аргументация и большое количество примеров. Особенно важным достоинством является тщательная работа с текстом источника: автор не ограничивается иллюстрациями, а показывает, как меняется значение формы в зависимости от коммуникативной ситуации, контекста письма, предшествующих событий. В то же время можно рекомендовать небольшое усиление аналитического обобщения — некоторые разделы содержат детальный разбор примеров, но несколько уступают в синтетичности выводов, которые могли бы быть представлены в более компактном сопоставительном виде.

Библиография статьи представлена широко и релевантно. Автор опирается на ключевые труды по болгарской эвиденциальности (А. Айхенвальд, Р. Ницолова, М. Макарецев, К. Алексова и др.), а также на исторические источники, что обеспечивает достоверность данных и глубину анализа. Корпус литературы охватывает как классические работы, так

и современные исследования, что свидетельствует о глубокой проработанности темы. Апелляция к оппонентам представлена корректно: автор сопоставляет различные модели интерпретации болгарской эвиденциальной системы (двухчленную, трехчленную, четырехчленную), показывает, что существующие подходы не всегда позволяют объяснить реальные употребления, что делает исследование особенно значимым в научной дискуссии.

Выводы статьи убедительны и логично вытекают из анализа: автор показывает, что л-формы со связкой в конструкциях пересказа в большинстве случаев отражают эпистемическое включение информации говорящего, а не механическую вариативность. Для читательской аудитории исследование представляет высокий интерес — как для историков языка, так и для специалистов по эвиденциальности и балканистике.

Статья производит впечатление зрелой и высококачественной научной работы. Обладает актуальностью и научной новизной и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования»

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гилемшин Ф.Ф., Гилемшина А.Г. Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76769 EDN: JFJVUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76769

Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина)

Гилемшин Флер Фоатович

ORCID: 0000-0003-1957-5042

доктор филологических наук

доцент; институт международных отношений, истории и востоковедения; Казанский (Приволжский) федеральный университет
главный научный сотрудник; Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ; Академия наук Республики Татарстан
ведущий научный сотрудник; Лаборатория МГКФ ФИЦ КазНЦ РАН

420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

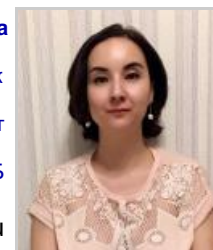
Гилемшина Айсылу Габделзямилевна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского и татарского языков; Казанский государственный медицинский университет

г. Казань, улица Центральная 2-ая, д. 136 Б

✉ miss.gilemschina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76769

EDN:

JFJVUV

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования эмотивной лексики в произведениях современных татарских писателей Айгуль

Ахметгалиевой и Рустама Галиуллина. В исследуемых текстах эмоциональность эксплицируется преимущественно посредством глагольной лексики и эмоционально-экспрессивной единицей. Глаголы, репрезентирующие аффективные состояния (радость, горе, страх, гнев), выполняют ключевую роль в репрезентации внутреннего мира персонажей, обеспечивают эмоциональное вовлечение реципиента и отражают историко-культурный контекст произведений. Семантическое многообразие эмоциональной лексики, богатство синтаксических форм и контекстуальная обусловленность их употребления формируют глубину и выразительность художественных текстов. Цель исследования заключается в анализе функционирования эмоциональной лексики в текстах, выявлении её семантических и стилистических особенностей, а также в определении характера эмоционального воздействия произведений на реципиента. Методологическая база исследования сформирована в рамках теоретических концепций текстологии, лингвистики и литературоведения. Труды таких учёных, как Ш. Балли [1], Н.Д. Арутюнова [2], И.С. Носенко [3], занимают важное место в изучении репрезентации эмоциональности языковыми средствами. В качестве методологического инструментария применяются структурно-семантический анализ, контекстуальная интерпретация и компаративные методы. Научная новизна статьи заключается в комплексном исследовании лексико-семантических особенностей выражения эмоций в татарском языке с учетом культурного и когнитивного контекстов. Отмечается специфическая роль эмоциональных конструкций в формировании национальной картины мира и в межкультурной коммуникации, а также показана значимость контекстуальной интерпретации при переводе эмоциональных выражений на другие языки, например на русский. Основные выводы: • В татарском языке эмоции выражаются разнообразной лексикой, включающей слова, междометия, устойчивые выражения и фразеологизмы, что отражает богатство эмоционального спектра и национальные особенности восприятия чувств. • Выделены группы положительных, отрицательных и амбивалентных эмоций с примерами, что помогает структурировать понимание эмоциональной лексики. • Рассмотрены случаи, когда татарские эмоциональные фразы не имеют точных аналогов в русском языке, что подчеркивает уникальность татарской эмоциональной картины мира. Таким образом, статья вносит значимый вклад в татарскую лингвистику и этнолингвистику, расширяя знания о способах выражения эмоций и их культурном значении, а также служит фундаментом для дальнейших исследований.

Ключевые слова:

эмотивная лексика, позитивные эмоции, чувство, художественное произведение, радость, страх, персонаж, эмоционально-экспрессивная лексика, фразеологизмы, эстетические особенности

Художественный текст служит инструментом репрезентации картины мира, раскрытия человеческих переживаний и духовной сферы посредством языковых средств. Эмоциональная лексика играет значимую роль в демонстрации внутреннего мира героев, эмоциональном воздействии на читателя и усилении экспрессивного потенциала произведения.

В исследуемых произведениях эмотивная лексика играет значительную роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и отражении историко-культурного контекста. Особого внимания заслуживает лексика, выражающая позитивные эмоции. Концепт радости

широко представлен в произведениях и эксплицируется лексемами *шатлану* «радоваться, обрадоваться, ликовать» [4, с. 609], *сөөну* «радоваться, обрадоваться» [4, с. 250], *куану* «радоваться, порадоваться, восторгаться» [5, с. 643]. В толковом словаре татарского языка глаголу *шатлану* «радоваться» даётся следующее определение: «Испытывать чувство радости, ликовать, радоваться, испытывать чувство удовлетворения» [6, с. 679]. Указанные лексемы, в зависимости от контекста, передают различные градации эмоциональной глубины:

1. Внешняя радость: *Аларны шатланып кабул иттеләр* [7, с. 64] «Их встретили с радостью»; *Шатлыгыннан үрле-кырлы сикерде, күзләре йолдыз күк балкып янарга тотынды* [8, с. 59] «Она подпрыгивала от радости, глаза её загорелись, как звезда»; *Карашы ... Әхмәтнең күзләре белән очрашкан, сөөнеченнән йөзенә кояш кунды* [8, с. 120] «Когда её взгляд встретился с глазами Ахмета, от радости словно солнце осветило её лицо». В данном предложении радость выступает как внешний индикатор, то есть проявляется через видимые эмоции персонажей.

2. Глубокая внутренняя радость: *Ир бала туса, алар моны кешеләргә шатланып хәбәр иткән* [7, с. 174] «Если у него родился сын, то он с радостью сообщал об этом людям»; *Вәли кулларын угалап шатлыгыннан чыдый алмый торгач ...* [8, с. 175] «Протирая руки, Вали не мог сдержать радости»; *Динә Мөстәкыймовна алтын тапкандай шатланды* [7, с. 270] «Дина Мустакимовна обрадовалась, так, как будто нашла золото». В этих примерах радость раскрывает глубокие чувства героев.

3. Радость, связанная с удовлетворением: *Остаз инде ул шәкертнең үзеннән уздыруын күреп куана* [7, с. 93] «Наставник обрадовался увидев, что его ученик превзошел его»; *Ялчыгол хәзрәт ... улының әле һаман да гыйлемгә сусавын күреп куанды* [7, с. 129] «Ялчигол хазрат обрадовался, увидев, что его сын все еще имеет тягу к знаниям». В этих случаях глагол *куану* «радоваться» выражает чувство гордости и удовлетворения.

Ещё одна важная лексема, передающая чувство радости – *көлү* «смеяться» часто употребляется в исследуемых произведениях. В словаре лексема *көлү* определяется как «Выражать радость, удовольствие, веселье» [6, с. 320]. Авторы варьируют употребление данной лексемы с различными определениями, что указывает на степень эмоциональности:

1. Нежный, сдержанный смех: *Кыз тыйнак кына көлдә* [7, с. 171] «Девушка скромно рассмеялась»; *Хәзер исә чырык-чырык көлә* [7, с. 274] Теперь он смеется во весь голос.

2. Сильный, безудержный смех: *Азат абый кычкырып көлдә* [7, с. 291] «Азат абый громко рассмеялся»; *Табиб, башын артка ташлап, чын күңеленнән рәхәтләнеп көлдә* [7, с. 347] «Доктор запрокинул голову и от души рассмеялся»; *Аннары башын артка ташлап, рәхәтләнеп көләргә тотынды* [8, с. 44] «Потом он запрокинул голову и начал от души смеяться»; *Көлеп үлә яздым* [8, с. 68] «Чуть не умер со смеху»; *Фатихның шулай диюеннән рәхәтләнеп көлештеләр* [8, с. 70] «Они с удовольствием посмеялись над словами Фатиха».

3. Указание на уровень воспитанности: *Габделкәримнең сүзләреннән ирләр тагын шаркылдап көлдә* [7, с. 54] «Мужчины снова рассмеялись, услышав слова Абдулкарима»; *Фатыйма ... көтмәгәндә, пырхылдап, көлеп жибәрде* [8, с. 71] «Фатима неожиданно,

пофыркивая, засмеялась».

При выражении негативных эмоций в произведениях активно используются такие лексемы, как *кайгыру* «горевать, печалиться, скорбеть» [5, с. 512], *курку* «страшиться, бояться, опасаться» [5, с. 656], *ачулану* «ругать, бранить» [5, с. 149].

Глагол *кайгыру* определяется в Толковом словаре татарского языка как «Испытывать чувство печали, огорчаться, беспокоиться» [6, с. 222]. Текстах исследуемых произведений часто эти слова:

1. Выражают печаль, связанную с пассивностью, бессилием: *Габдерәхим бик кайгырган, әмма нишләсен* [7, с. 208] «Абдурахим был очень опечален, но что он мог сделать?».

2. Отражают дух протеста: *Әби патша, губернатор өчен кайгырмый алар* [7, с. 30] «Они не переживают за царицу Екатерину и за губернатора».

3. Указывают на конкретный объект страха: *Бар курыкканы шул иде* [7, с. 52] «Это все, чего он боялся»; *Нишләп эле ... мин һаман кемнәндер **куркып**, дөнья матурлыгыннан йөземне яшереп яшәргә тиеш ди?* [8, с. 72] «Почему я должна постоянно жить в страхе перед кем-то и скрывать свое лицо от красоты мира?».

Для передачи чувства страха авторы в произведениях часто используют также глагол *шүрләү* «трусить, струсить, пугаться, испугаться, бояться, страшиться» [4, с. 639]. Этот глагол в предложениях передаёт более мягкую форму страха, боязни: *Мәрьям абыстайның ... иренең касыгына төртеп кисәтәсе килә, әмма шүрли.* [7, с. 183] «Марьям абыстай хотела предупредить мужа, подтолкнув его в пах, но боялась»; *Ул үзе корт чагудан шүрли* [7, с. 362] «Он сам боится от ужаления пчел»; *Хәсәен аның шүрләп калуын аңлады бугай, энесен дусларча кочып алды* [8, с. 51] «Хүсейн, кажется, понял, что его брат почувствовал страх, и он по-дружески обнял брата».

При передаче чувств огорчения, беспокойства зафиксировано активное использование лексемы *хафа* «тревога, беспокойство, волнение» [4, с. 524], а также глагола *хафалану* «беспокоиться, волноваться, тревожиться, расстраиваться» [4, с. 524] и конструкции *хафага кал-* «быть в тоске, печали, быть удрученным» [4, с. 524]: *Миңлебикә Тажеддин хәзрәтнең хафасы шул гына икәннен ишеткәч, сөенеп куйды* [7, с. 189] «Минлибика была рада услышать, что единственное беспокойство Тажуддина Хазрата заключалось в этом»; *Инде утызга якынлашкан Жәмилә чын-чынлап хафага калды* [7, с. 328] «Джамиля, возраст которой приближался к тридцати, по-настоящему была встревожена»; *Ул алда булачак хәлләр өчен артык хафаланмады* [7, с. 71] «Его не слишком беспокоило то, что произойдет дальше».

Чувства беспокойства, страха в текстах также передаются с помощью арабизмов – слова *хәвеф* «опасность, угроза» [4, с. 525] и глагола *хәвефләнү* «опасаться, тревожиться» [4, с. 525]: *Әти – старшина, ул хәвефне алдан ук чамалый* [7, с. 150] «Папа — старшина, он предвидит опасность»; *Әллә сөенеп, әллә хәвефләнеп, ул тагын да суза төште* [7, с. 234] «То ли от радости, то ли от тревоги, он решил тянуть время»; *Тагын да хәвефлесе – шул наданнар әллә ниткән мисаллар уйлап чыгарып, халыкны дер калтыратып, ахырзаман белән куркытып тора* [7, с. 167] «Но что еще более опасно, так это то, что эти невежественные люди выдумывают надуманные истории, запугивая людей страхом конца

света».

В книге «Завещание» значительное место занимают и слова, передающие концепт гнева. В толковом словаре татарского языка это понятие определяется следующим образом: «Ачулану – 1. испытывать гнев по отношению к кому-либо или чему-либо, находиться в состоянии гнева, сильно сердиться. 2. Ругаться, ссориться» [6, с. 57].

В большинстве произведений данный глагол используется для передачи мягкого гнева, недовольства. Например: *Ачуланма, хэзрэт, изге догада бул, хәер-фатихаңны бир* [7, с. 148] «Не гневайся, хазрат, помолись за меня и дай мне свое благословение»; *Әй, мине ачуланмагыз инде* [7, с. 216] «Эй, не сердитесь уж на меня!»; *Миңа ачуланма, син әйбәт малай, үз итәм мин сине, – диде ул һәм кулын сузды* [7, с. 238] «Не сердись на меня, ты хороший парень, я тебя уважаю», — сказал он и протянул руку».

Однако, в сочетании со словом *жен* «черт», данное слово используется для выражения сильного гнева или ярости: *Әнисенең соңгы араларда «кияү» сүзен кирәгеннән артык еш телгә алуы Сахибжамалның жен ачуларын чыгара* [8, с. 90] «Слишком частое употребление в последнее время матерью слова «жених» приводит Сахибджамал в ярость».

Для выражения концепта гнева часто используется глагол *сүгү* «ругать, обругать, бранить» [4, с. 273]. Это слово передаёт сильный, агрессивный гнев: *Кычкырсын, сүксен иде ул – анысы берни түгел, әмма шулай тешен кысып, иренен тешләп кенә еламасын* [7, с. 241] «Пусть кричит, пусть ругает — это ничего, но только пусть не плачет, стиснув зубы и кусая губу»; *Әгәр тотып сүксә, кычкырса, болай ук авыр булмас иде, бу сүзләре исә аңымны томалады* [7, с. 251] «Если бы он отругал меня, накричал на меня, все было бы не так тяжело, но его эти слова затуманили мой разум»; *Аның кадәр үк сүкмә инде аларны, Әтәч дус* [7, с. 359] «Так сильно не ругай уж их, братец Петух»; *Гыймад хәлфә белән Фатихны баддога укый-укый сүкте* [8, с. 60] «Он с учителем Гимадом, проклиная, отругали Фатиха».

В произведениях также часто встречается лексема *елау* «плакать, рыдать, реветь» [5, с. 370], передающая негативные эмоции: *Еларга ярамый иде* [7, с. 246] «Плакать было нельзя»; *Үзем елыйм, үзем куркам, әмма авылга да кайтмыйча булмый* [7, с. 25] «Сама плачу, мне страшно, но я не могу не вернуться в деревню»; *Аның әнисе Мәрьям турындагы юлларны елый-елый укый торган иде* [7, с. 18] «Его мать, плача, читала строки о Мәрьям»; *Тәрәзә турысына чүгәләдем дә әллә нәрсәсенә Искәндәргә кушылып елыйсым килә башлады* [7, с. 240] «Я присела у окна и почему-то захотела заплакать вместе с Искандером».

Процесс плача также отличается своим многообразием и передаётся с помощью различных конструкций. Эти конструкции также используются для отражения степени эмоций героев. Например, в произведениях конструкции *иңрәп елау* «рыдая плакать», *акырып елау* «всхлипывая плакать», *өзгәләнәп елау* «надрывно плакать», *зар-зар елау* «рыдая навзрыд плакать», *тыйлыгып елау* «сдерживаясь плакать», *тәгәрәп елау* «заливаясь слезами плакать» передают глубину и интенсивность горя: *Вәли кинәт аны кочаклап алды да, иңрәп еларга кереште* [7, с. 181] «Вали вдруг обнял её и рыдая заплакал; *Әлеге сүзне ишеткәч, Аллаһияр зар-зар еларга керешә* [7, с. 201] «Услышав

это, Аллахъяр, рыдая навзрыд, заплакал»; *Акырып еларга керештем* [7, с. 237] «Я всхлипывая заплакал»; *Бер үк вакытта шашынып-шашынып йодрык селкисе һәм тыйлыгып-тыйлыгып елыйсы килә* [7, с. 91] «Мне хочется одновременно потрясать кулаками и сдерживаясь плакать»; *Сабиржан кызы Өммегөлсем өзгәләнеп елый* [7, с. 148] «Дочь Сабиржана Уммегульсум надрываясь плачет»; ... *шул каенлык янында булсам, сикереп төшәм дә тәгәрәп елыйм* [7, с. 248] «Как только окажусь рядом с той березовой рощей, я спрыгиваю вниз и начинаю плакать, заливаясь слезами».

Эмотивная лексика в произведениях также выполняет функцию моста, соединяющего исторические события и личные переживания героев. Предложения, описывающие чувства плача, смеха, моментально раскрывают чувства-переживания персонажей, одновременно погружая читателя в эмоциональную атмосферу произведения.

«Эмоции, наряду с интеллектом, образуют ядро личности, а естественный язык репрезентирует их как специфические человеческие «знаки» [11, с. 142]. Часто с целью разнообразить язык произведения, при выражении концепта плача используются также конструкции, образованные с помощью сложного слова *күз яше* «слезы» [5, с. 666]. Например: *Ул арада Вәли тагын күз яшен түгә башлады* [7, с. 182] «Тем временем Вали снова заплакал (букв. начал лить слезы)»; *Тажеддин инде күз яшен тыя алмады* [7, с. 123] «Таджеддин больше не мог сдерживать слез»; *Ирнең күз яше тәгәри – ул аны сөртәргә жыенмый да иде* [7, с. 332] «По щеке мужчины покати́лась слеза — но он даже не сделал попытки стереть её».

Факт наличия подобных фразеологизмов и в старых татарских письменных памятниках свидетельствует о глубоком понимании авторами языка и широком использовании его внутренних возможностей: *Бу мискин, Мәүлә Колый, яшьләр түксен, / Иман әйтеп, тәгать кылып, гомер кичсен* [9, с. 25] «Этот бедняга, Маула Кулый, пусть слёзы льёт, / С верой в душе, творя молитвы, свой век проживёт».

Глаголы *куркырга* «бояться», *көләргә* «смеяться», *еларга* «плакать» часто употребляются в тексте, ясно показывая волнение, страх, радость или печаль героев. Активное употребление этих глаголов создаёт у читателя эмоциональный резонанс и повышает динамичность произведения.

Часто в исследуемых текстах произведений наблюдается активное использование глагола *кызганырга* «жалеть» при выражении чувства жалости. Например: *Петров фамилияле укытучы Нугайбәкне ... бу юлы да кызганмады* [7, с. 28] «Учитель по фамилии Петров не пощадил Нугайбека и на этот раз»; *Олылап каршы алдың, ачык чыраеңны кызганмадың* [7, с. 146] «Ты встретил меня с почтением, не поскупившись на свой светлый лик»; *Анда исә ул үз-үзенә мактауны да, тәнкыйтьне дә кызганмады* [7, с. 354] «Там же он не жалел ни похвалы, ни критики себе».

Лексика, передающая концепт зависти *көнләшү*, то есть «Завидовать успеху или положительному качеству кого-либо; проявлять зависть» [6, с. 321], также занимает значительное место в текстах произведений. Например: *Нугайбәк шундук аңлады: күптән инде аның абруеннан көнләшеп, яшертен генә теш кайрап йөргән берничә сәләтсез малайның эше бу* [7, с. 27] «Нугайбек сразу понял: это дело рук нескольких бездарных мальчишек, которые долгое время втайне, скрежеща зубами, завидовали его репутации»; *Кара бу Миңлебикәне! – дип көнләште көн дә Аллаһы Тәгаләдән юньле кияү*

сораган кызлар [7, с. 178] «Посмотрите на эту Минлебике! — говорили девушки, которые каждый день с завистью просили у Всевышнего хорошего мужа»; *Сәбәбе һаман да шул бер: алар аның гыйлеменнән, халык арасындагы абруеннан көнләште* [7, с. 200] «Причина все та же: они завидовали его знаниям и репутации среди народа».

Кроме этого, наблюдается использование лексема *көнләшү* в исследуемом произведении А. Ахметгалиевой в значении «ревновать, приревновать» [5, с. 633]: *Янәшәмдә нинди генә егет заты булмасын, курыкма да, көнләшмә дә — минем йөрәгем башкалар өчен бикле. Анда сиңа гына урын бар* [8, с. 118] «Какие бы парни ни были рядом со мной — не страшись и не ревнуй: моё сердце для других заперто. В нём есть место лишь тебе одному».

В произведениях для выражения чувств смущения, нерешительности, неловкости героев широко используется лексема *оялу* «стесняться». Например: *Ир, оялып, нидер әйтмәкче булды, әмма ихтияры житмәде* [7, с. 21]; «Мужчина смутился и хотел что-то сказать, но у него не хватило духу»; *Китсәнә, Әдрән, Казан галимнәре алдында оялмыйча тагын! Булмаганны, юк-юк!* [7, с. 260] «Да брось, ты это, Адран, не хочу стыдиться перед казанскими учёными! Чего не было, того и нет!»; ... *тавышымның үземә хас булмаганча сыекланып чыгуыннан оялып, карашымны өстәлдәге кәгазьләргә батырдым* [7, с. 339] «... смущенный непривычно тихим звуком своего голоса, я усталился на бумаги на столе»; *Үз карашыннан үзе оялып, тиз-тиз атлап, кучер ачкан олы капкадан ишегалдына кереп китте* [8, с. 38] «Стыдясь своего взгляда, он быстро вскочил и вошел во двор через открытые кучером большие ворота»; *Эчкә үткән кызлар башта берәз тартынып, оялып калдылар* [8, с. 63] «Девочки, которые прошли во внутрь, сначала немного смущались и стеснялись».

В книге «Завещание» для передачи того же чувства также активно используется лексема *кыенсыну* «стесняться, испытывать неловкость». Это слово передаёт данное чувство в более мягкой форме по сравнению с лексемой *оялу*. Например: ... *сиңа иде, – диде Тажеддин, кыенсынып кына* [7, с. 150] «... к тебе уж, — сказал Таджуддин, слегка смутившись»; *Шул арада Габдерәхим хәзрәт кыенсынып басып торган Тажеддин хәзрәтне кочаклап алды* [7, с. 133] «Тем временем Габдрахим-хазрет обнял Таджеддина-хазрета, который стоял в смущении»; *Кирәк булганда мәрәжәгать итегез, кыенсынмагыз* [7, с. 342] «Обращайтесь, если понадобится, не стесняйтесь».

В текстах эмотивная лексика играет важную роль в создании психологического портрета. Глаголы, насыщенные эмоциональностью, раскрывают внутренний мир персонажей, их реакции и чувства.

Удовлетворённость – одно из лучших качеств человека. Автор передаёт это состояние читателю с помощью конструкций *канәгать калу* «остаться довольным», *канәгать булу* «быть довольным». Например: *Бу җаваптан Габдерәхим хәзрәт бик канәгать калды кебек* [7, с. 225] «Похоже, Габдрахим хазрат остался очень доволен этим ответом»; *Инде барыннан да канәгать булдым дип уйлыйсың* [7, с. 169] «Думаете, вы уже всем довольны?»; *Якут агае канәгать көлемсерәде* [7, с. 303] «Мужчина из Якутии довольно улыбнулся».

Однако, хотя и редко, в текстах описываются и случаи неудовлетворённости героев: *Ул күзен кәгазь буйлап йөгертте – укыган кадәресе күңелендә канәгатьләну хисе*

тудырмады булса кирәк [\[7, с. 155\]](#) «Он пробежал глазами бумагу — видимо, прочитанное не вызвало у него чувства удовлетворения»; Казанцев канәгатьсезлек белән йөзен жьерды [\[7, с. 153\]](#) «Казанцев недовольно нахмурился»; Бу эш миңа һич тә канәгатьлек бирми [\[7, с. 239\]](#) «Эта работа не приносит мне никакого удовлетворения».

Глагол *кичерергә* «прощать», передающий чувство «... отказываться от наказания, мести за чью-либо ошибку, злодеяние, обиду, дурной поступок и т.д.; прощать» [\[6, с. 260\]](#), гафу «прощение, извинение» и конструкции *гафу кыл*- «извини, прости», *гафу ит*- «извини, прости» [\[5, с. 310\]](#), *гафу үтен*- «просить прощения, извинения, извиняться» [\[5, с. 310\]](#) широко представлены в произведениях. В их употреблении не наблюдается различий в семантике или передаче эмоциональности. Например: Сөзгә яхшылык кына эшләргән, патшадан сезне кичерүегезне сорармын [\[7, с. 53\]](#) «Я сделаю тебе только добро и попрошу царя простить тебя»; Нугайбәк, адәм баласы хатадан хали түгел. Кичерә белергә кирәк [\[7, с. 63\]](#) «Нугайбек, люди не свободны от ошибок. Мы должны уметь прощать»; Кичерерлек дип табасыз икән – жибәрегез; Жәза тиешле икән – бирегез [\[7, с. 54\]](#) «Если считаешь это простительным – отпусти; Если заслужено наказание – накажи»; Бәндәчелек белән ачык кылган, яшерен кылган, белеп кылган, белми кылган барча гөнаһларыбызны да гафу кылсана [\[7, с. 108\]](#) «Прости нам все наши грехи, совершаем ли мы их явно или тайно, сознательно или несознательно, будучи Твоими рабами»; Шушы бәндәңә рәхмәтләреңне иңдер, гөнаһларын гафу ит! [1:113] «Ниспошли милость Свою на этого раба Твоего и прости ему грехи!»; Гафу итегез, Жәмилә Жәлиловна [\[7, с. 231\]](#) «Простите меня, Джамиля Джалиловна»; Гафу, туташлар, сез дигәндә аяк идәндә [\[8, с. 58\]](#) «Извините, барышни, когда вы сказали, я уже был наготове».

С целью успокоить человека, переживающего горе-печаль, поднять ему настроение, остановить плач, авторы в своих произведениях часто используют глагол *юату* «утешать, утешить» [\[4, с. 683\]](#). Например: Әмма ни әйтергә, үзен ничек юатырга белмәүдән гажиз иде [\[7, с. 200\]](#) «Но что он мог сказать, он был беспомощен, не зная, как утешить её»; Искәндәр үзен артыннан калмыйча юатып йөри [\[7, с. 286\]](#) «Искандер ходит за ней, утешая её»; Үзезбәз өчен яшәп калыйк әле, – дип юатты [\[7, с. 328\]](#) «Давайте жить для себя, утешал он».

Писатели часто доносят до читателя чувство сожаления посредством слова *үкенеч* «раскаяние, сожаление, досада, жалость» [\[4, с. 495\]](#) и глагола *үкенү* «каяться, раскаиваться» [\[4, с. 495\]](#). Например: Элеккеге гамәлләре өчен үкенәдер [\[7, с. 62\]](#) «Вероятно, он раскаивается в своих прошлых поступках»; Үзе дә үкенәдер [\[7, с. 63\]](#) «Он, наверное, тоже раскаивается»; Бер генә... үкенечем кала... [\[7, с. 344\]](#) «У меня остается только одна досада...»; Бернәрсәгә дә үкенмим [\[7, с. 356\]](#) «Я ни о чём не раскаиваюсь»; Фатыйма, поезд кузгалып китүгә, үзенең гамәленә **үкенә** башлады бугай, йөзенең курку, борчылу, кайгыру чаткылары пәйда булды

[\[8, с. 154\]](#) «Похоже, когда поезд тронулся, Фатима начала раскаиваться в своём поступке; на её лице появились отблески страха, беспокойства и тоски». Слова *тәүбә* «раскаяние, покаяние» [\[4, с. 348\]](#) и конструкции *тәүбә ит*- «каяться, раскаиваться» [\[4, с. 348\]](#), *тәүбәгә кил*- «раскаиваться, раскаяться» [\[4, с. 348\]](#), передающие близкое по значению чувство, также часто наблюдаются в произведениях: Бәлки, чыннан да, мин уйлаганча, тәүбә иткәндер [\[7, с. 63\]](#) «Может быть, он действительно раскаялся, как я думал»; Ялгышуым да бар, аннары,

бэлки, адәм баласы тәүбәгә килгәндер? [7, с. 62] «Может быть, я ошибаюсь, и, может быть он, человек, раскаялся?»; *Тәүбә, тәүбә, диген, Хәсәнжан!* [7, с. 25] «Скажи: «Каюсь, каюсь!», Хасанджан!». В их употреблении не наблюдается различий в семантике или передаче эмоциональности.

При описании чувства тоски героев, то есть переживания «... ностальгического чувства по знакомому человеку, увиденной вещи или прошлому событию, вспоминая его положительную сторону» [7: 457], писатели часто прибегают к глаголу *сагыну* «тосковать, скучать, соскучиться» [4, с. 204]: *Сажидәне уйламаган, сагынмаган көне юк* [7, с. 103] «Нет ни дня, чтобы я не думал о Саджиде или не скучал по ней»; *Мөхәммәдшакир оныгымны бик сагындым* [7, с. 230] «Я очень соскучился по своему внуку Мухаммадшакиру»; *Гыйззәтулла гаиләсен сагынган иде* [7, с. 219] «Гизатуллах скучал по своей семье»; *Әти, әти, мин сине сагындым!* [7, с. 344] «Папа, папа, я скучал по тебе!»; *Мәктәптәге кызлар аны тәмам телдән тешермиләр, бик еш сагынып искә алалар* [8, с. 66] «Девушки в школе совсем её не забывают, очень часто вспоминают с теплотой».

Частое употребление слов, передающих эмоциональное и психическое состояние персонажей в исследуемых произведениях, свидетельствует об активности такого художественного приёма, как психологизм.

Существуют также случаи, когда негативные эмоции передаются и с помощью слов, насыщенных экспрессивностью, таких как *эт «собака, пес»* [4, с. 673], *шайтан «чёрт, дьявол, бес»* [4, с. 600], *жен «джинн, черт»* [5, с. 389]. Например: *Эт икәнсең, малай, ну да!* [7, с. 297] «А ты и в правду, собака (подлец), парень, ну да!»; *Кит, кеше көлдермә, карт шайтан!* [7, с. 351] «Иди, не смей людей, старый черт!»; *Их, әйләндереп каплайсы, жен хатыны!* [7, с. 373] «Эх, перевернуть бы лицом вниз, чертовку»; *Жен карчыгы, тәки эштән алдырган икән!* [7, с. 300] «Ну, и ведьма, все-таки добилась его увольнения с работы»; *Мин ул кашын песи ялаган жен хатынын тирмәсе-ние белән ... чыгарып ташлыйм! – дип, әрле-бирле йөрөнөп алды* [7, с. 310] «Я, эту чертову бабу, бровей которой облизала кошка, вышвырну вместе с пристанищем, сказал он, расхаживая туда-сюда в ярости».

Негативная эмоция может передаваться читателю и с помощью словосочетаний *хәйләкәр төлке* «хитрая лиса» или *карт төлке* «старая лиса». Эти словосочетания используются в случаях, связанных с отношением к хитрым людям, разоблачением их неблагоприятных поступков. Например: *Тик хәйләкәр төлке Кыдрач сүзендә тормый* [7, с. 62] «Но хитрый лис Кидрач не держит своего слова»; *Карт төлке Мертвецов утлы табага басканмыни ...* [7, с. 65] «Старый лис Мертвецов как будто наступил на горячую сковороду ...»; *Шунда башың бетсен, карт төлке!* [7, с. 67] «Там и сдохни, старый лис!»; *Ул бу хәйләкәр төлкенең ... Вәлитне тотып бирергә вәгъдә биүләрен уена да кертәп карамаган иде* [7, с. 86] «Он даже не подумал, что этот хитрый лис обещал поймать Валита».

Предложения, содержащие слова, обозначающие названия животных, такие как *сарык* «овца» [4, с. 219] и *ат* «лошадь, конь» [5, с. 135], также насыщены негативной эмоцией. Слово *сарык* в данном случае включает в себя значение «кроткий, невежественный человек» [5:464]. Например: *Нугайбәк аңлады: әйе, алар өчен халык – сарык, болар бары тик үз иминлеген генә кайгырта* [7, с. 31] «Нугайбек понял: да, для них народ — это овцы, а эти заботятся лишь о собственной безопасности»; *Димәк, фетнә халыкны тәмам*

сарыкка тиңли башлаган хөкүмәт кешеләренә күңеленә курку оеткысын шактый ук салган булып чыга [7, с. 100] «Выходит, смута посеяла в душах людей из правительства, которое стало приравнивать народ к бесправным овцам, довольно сильное семя страха»; *Патшасы халыкны сөйми, аңа ышанычы юк, сарыкка караган кебек карый* [7, с. 220] «Царь не питает любви к своему народу, не доверяет ему и воспринимает его как стадо овец»; Сравнение *ат хәтле, ат кебек* «как лошадь, лошадиный» в данном случае использовалось для передачи значения «крупный, статный человек» [7: 53] *Әллә ат хәтле малайның имчәгеңне тотып ятуын телисеңме?* [7, с. 24] «Или ты хочешь, чтобы парень, крупный как лошадь, лежал, обняв тебя за талию?».

В текстах для передачи негативной эмоции также используются слово *кабахәт* «подлец, мерзавец, поганец, гад, гадина, тварь, мразь» [5, с. 502] в значении «Человек, вызывающий отвращение» [6, с. 216], слово *албасты* «злой дух, дух-мучитель, дух угнетатель, страшилище, чудовище» [5, с. 1,77] в значении «Проявляющий жестокость, насилие; совершающий злодеяния; злая сила» [6, с. 33], и слово *аждаха* «изверг, вампир, лютый» [5, с. 53] в значении «Говорится об очень злом, жестоком человеке» [6, с. 25]. Например: *Кабахәт! Мин аны шушы кулларым белән!* [7, с. 63] «Мерзавец! Я его этими руками...!»; *Теге кабахәт аны халыкка өләшүдән тыйды* [7, с. 30] «Тот мерзавец запретил раздавать это людям»; *Өсләренә төрле ертык-сәләмә киеп, кулларына сәнәк, чалгы, казык тоткан бу ирләр Осип күзенә урман албастылары булып күренә башлады* [7, с. 53] «Эти люди, одетые в разные тряпки и лохмотья, держащие топоры, косы и колья, стали казаться Осипу лесными чудищами»; *Хәзер дәрәсән әйт: сине абыйның аждаһасы рәнжетәмә? – дип сорап куйды* [7, с. 310] «А теперь скажи мне правду: тебя изверг твоего брата обижает? – спросил он».

В произведениях также наблюдаются случаи, когда эмоциональность часто передается междометиями: *валлаһи, билләһи* «Ей-богу, клянусь богом» [5, с. 241] (клятвенные междометия), выражающими одобрение; *менәтерәк* «Вот», част.усил. разг. [4, 2, с.37]; *каһәр суккан* «проклятый» [5, с. 549]; *рәхмәт төшкере* «Да будет милость божья» [4, с. 183], выражающее благодарность/радость). Например: *Нәкъ син инде, валлаһи!* [7, с. 254] «Ей-богу, вылитый ты!»; *Әгәр кемдер мине читтән карап торса, хайран калыр иде, билләһи* [7, с. 237] «Если бы кто-то посмотрел на меня со стороны, ей-богу, удивился бы»; *Рәхмәт төшкере, әтисенәң дуслы сүзчән, иң мөһиме, тарихтан хәбәрдар кеше иде* [7, с. 115] «Да будет милость божья, друг отца был добродушным, красноречивым, а самое главное, знающим историю человеком»; *Менә Казан артында Аты юлы бар, анда сикергәләп кенә барасың инде, менәтерәк* [7, с. 5] «За Казанью есть конная дорога, по которой едешь подпрыгивая и подсакивая, вот»; *Ә беркөнне... шул каһәр суккан көнне ... Жһһанның башында яман шеш тапканнар* [7, с. 330] «И вот однажды, в тот проклятый день, у Джихана обнаружили злокачественную опухоль в голове».

В передаче эмоциональности и экспрессивности велика роль и уменьшительно-ласкательных суффиксов -чык/-чек, -кай/-кәй, -кәш. Они используются, главным образом, для создания позитивных эмоций, выражения чувств любви и ласки [10, с. 240]. Например: *Әбиләрем шулкадәрле зиннәтле күлмәкләрне күрәп аһ итте. – Әнекәчкәем лә генә!* [7, с. 291] «Мои бабушки ахнули, увидев столь нарядные платья. — Ой, мамочки!»; *Ашыкма әле, жанкисәккәем* [7, с. 335] «Не спеши же, моя душечка»; *Әй остазым,*

кызчыгым бер дә умартадай гөжләми, татлыдан татлы бал сыман [7, с. 93] «О учитель мой, моя доченька вовсе не жужжит как улей, она слаще сладкого мёда»; *Менә яучы жибәртим генә, атаң шунда ук риза булыр, кошчыгым* [7, с. 179] «Вот пошлю гонца, отец твой тут же согласится, птенчик мой»; *Кызчык жавап кәтә иде. – Мин дә... сезне сагындым, кызым* [7, с. 345]; «Девчушка ждала ответа. – Я тоже по вам скучал, доченька»; *Аннан өйдә энекәш кала барыбер* [7, с. 247] «А дома всё равно остаётся младший братик»; *Мин аңа: «Сиңа энекәш алып кайтабыз», – дигәндә, мәчеттә азан әйтә башладылар* [7, с. 334] «Когда я сказал ей: "Привезём тебе младшего братика", в мечети начали читать азан»; *Әй балакаем! ... Мин дөньядан үткәч, каберемне ялгыз калдырма* [7, с. 8] «О, дитя моё!... После того как я уйду из этого мира, не оставляй могилу мою в одиночестве...».

Проведенное исследование эмотивной лексики в произведениях Айгуль Ахметгалиевой и Рустама Галиуллина позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Эмотивная лексика выполняет ключевую функцию в создании психологических портретов персонажей. Глаголы эмоциональных состояний (*шатлану* «радоваться», *куану* «радоваться», *көлү* «смеяться», *кайгыру* «горевать», *курку* «бояться», *ачулану* «гневаться», *елау* «плакать», *сүгү* «ругать») и их разнообразные синтаксические конструкции не просто называют чувства, а детально раскрывают внутренний мир героев, показывая динамику их переживаний — от сдержанной радости до безудержной ярости и от тихой печали до глубочайшего горя.

2. Выявлена четкая классификация способов передачи эмоций, отражающая их глубину и характер:

- Внешние, демонстративные эмоции («радость», «смех») передаются через видимые физические реакции и действия персонажей.
- Глубокие внутренние переживания («удовлетворение», «сожаление», «тоска») раскрываются через сложные чувства, связанные с нравственным выбором, рефлексией и духовными поисками.
- Социально обусловленные эмоции («справедливость» / «несправедливость», «зависть», «ревность», «стыд») служат для отражения взаимоотношений персонажей в обществе и их моральных установок.

3. Установлено, что эмоциональность в исследуемых текстах обладает культурной спецификой. Она выражается через:

- Уникальные метафоры и сравнения: *халык – сарык* (народ — овцы), *ат хәтле* («как лошадь», о статном мужчине), *кузләре йолдыз күк балкып янарга* тотынды («глаза загорелись, как звезда»).
- Фразеологизмы, уходящие корнями в национальную культуру: *күз яше түгү* («лить слезы»), *жен ачуларын чыгару* («приходить в ярость», букв. «выпускать джиннского гнева»).
- Активное использование арабо - персидской лексики (*хәвеф* «страх, боязнь, опасение», *тәүбә* «покаяние, раскаяние», *гафу* «прощение», *иман* «вера») для передачи сложных религиозно-этических понятий, что подчеркивает связь эмоционального мира с исламской духовной традицией.

4. Определена роль стилистических средств в усилении экспрессии:

- Экспрессивная лексика (эт «собака, пес», *шайтан* «чёрт, дьявол, бес», *албасты* «злой дух, чудовище», *аждаха* «изверг, вампир, лютый», *кабахэт* «подлец, мерзавец, тварь») используется для создания резко негативных характеристик и накала страстей.
- Уменьшительно-ласкательные суффиксы (-чык / чек, -кай / кэй, -кэш) систематически применяются для передачи позитивных эмоций, любви, ласки и сострадания, создавая эмоциональный контраст и углубляя психологизм.
- Междометия и формулы клятв (*валлаһи*, *билләһи* «Ей-богу, клянусь богом», *рәхмәт төшкере* «Да будет милость божья») придают речи персонажей живость, аутентичность и культурное своеобразие.

5. Доказано, что эмотивная лексика служит мостом между историческим контекстом и личными драмами героев. Описания чувств страха, гнева, тоски и надежды не просто иллюстрируют индивидуальные переживания, но и погружают читателя в конкретную социально-историческую атмосферу, отражая дух времени и общественные конфликты.

Таким образом, эмоциональная лексика в произведениях А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина предстает не как вспомогательный элемент, а как системообразующий компонент художественного мира. Ее богатство, разнообразие и глубокие культурные корни позволяют авторам не только создать убедительные психологические портреты, но и донести до читателя духовное богатство и уникальное мироощущение татарского народа. Данное исследование наглядно демонстрирует, что современная татарская литература, опираясь на традиции, продолжает развивать и обогащать язык для выражения всей полноты человеческих чувств.

Библиография

1. Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Москва: Наука, 1976. EDN: YLAVZX
3. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского университета, 1975.
4. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 2. (М-Я). Казань: Магариф, 2007.
5. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 1. (А-Л). Казань: Магариф, 2007.
6. Толковый словарь татарского языка. Казань: Матбугат йорты, 2005. 848 с. / Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: "Матбугат йорты" нәшрияты, 2005.
7. Галиуллин Р. Г. Завещание. Казань: Татарское книжное издательство, 2017.
8. Әхмәтгалиева А. Г. Туташ: роман / Айгөл Әхмәтгалиева. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019.
9. Валиева М. З. Устойчивые словосочетания в старых татарских письменных памятниках XVII–XVIII веков // Фәнни Татарстан. 2024. № 3. С. 22-30. EDN: YMYRMG
10. Лексикология татарского языка: в трёх томах / рук. проекта М. З. Закиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казань: ИЯЛИ, 2016. Т. II.
11. Калимуллина Л. А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка: синхронический и диахронический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. EDN: QDEXIP

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина)» представляет собой глубокое и системное исследование эмоционально-оценочной составляющей татарской художественной речи. Предметом анализа является функционирование эмотивной лексики — слов, выражающих различные эмоциональные состояния, — в структуре текста и их роль в формировании психологического портрета персонажей, а также в передаче национального мировидения и культурных установок. Автор продемонстрировал высокий уровень филологической подготовки, сочетая лингвистический, культурологический и литературоведческий подходы.

Методологически работа выполнена строго и убедительно. Используются методы лексико-семантического, контекстуального и сопоставительного анализа, что позволяет автору всесторонне рассмотреть функции эмоциональных слов и конструкций в произведениях двух современных татарских писателей. Привлечение большого корпуса текстовых примеров делает выводы достоверными и убедительными. Исследование опирается на нормативные источники татарского языка — толковые и двуязычные словари, а также на теоретические труды по семантике и стилистике (Ш. Балли, Н. Арутюнова и др.). Отдельного упоминания заслуживает тщательная систематизация эмотивной лексики по семантическим полям (радость, страх, гнев, сожаление, зависть, смущение и т.д.), а также выделение уровней эмоциональной интенсивности, что демонстрирует чёткую исследовательскую логику. Вместе с тем, можно рекомендовать автору включить элементы количественного анализа — например, частотность употребления определённых глаголов или фразеологических единиц, — что усилило бы научную доказательность работы и позволило бы наглядно показать доминирующие эмоции в произведениях Ахметгалиевой и Галиуллина.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам эмотивности, экспрессивности и языковой картины мира в национальных литературах. Тема исследования органично вписывается в контекст современной татарской филологии, ориентированной на изучение взаимодействия языка, культуры и личности. Эмотивная лексика как индикатор национального мироощущения представляет особый интерес для понимания специфики татарской художественной традиции, её духовных и этических ориентиров. Кроме того, обращение к современным авторам делает работу не только теоретически значимой, но и практически полезной для анализа современной литературы, в том числе в аспекте преподавания татарского языка и культуры.

Научная новизна статьи состоит в системном описании и классификации эмоциональной лексики в текстах конкретных авторов, а также в выявлении национально-культурных особенностей её употребления. Автор убедительно показывает, что эмоциональные слова и конструкции не просто выражают чувства, но служат инструментом репрезентации внутреннего мира персонажей и нравственных ценностей. Особое внимание уделено роли арабо-персидских заимствований (хәвеф, тәүбә, гафу и др.), передающих сложные духовные и религиозные состояния. Впервые на материале татарской прозы конца XX — начала XXI веков выявлены закономерности употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов (-чык, -кай, -кәш) как средства позитивной

эмотивности и создание культурно маркированных речевых образцов. Это придаёт исследованию новизну и делает его значимым вкладом в развитие татарской лингвостилистики.

Структура статьи логична, а стиль изложения отличается ясностью и академической точностью. В тексте нет избыточных описаний, каждая часть аргументированно связана с предыдущей, а выводы соответствуют поставленным задачам. Особенно удачно выполнены фрагменты анализа, где подробно рассматриваются контексты употребления ключевых глаголов (шатлану, кайгыру, ачулану, елый, сагynu и др.) с опорой на реальные цитаты из произведений. Это позволяет проследить динамику эмоциональных состояний героев и оценить выразительные возможности татарского языка.

Библиография статьи тщательно составлена, включает фундаментальные источники по стилистике, лексикологии, психолингвистике, а также современные татарские словари и художественные тексты, послужившие материалом исследования.

Апелляция к оппонентам в статье выражена корректно: автор не вступает в прямую полемику, а опирается на существующие научные позиции, развивая их и конкретизируя в рамках своего материала. Это создает впечатление исследовательской зрелости и научной этики.

В целом статья отличается высоким уровнем научной культуры, продуманной структурой и оригинальностью подхода. Она делает значимый вклад в развитие лингвостилистического анализа татарской художественной речи, открывает перспективы дальнейшего исследования эмоционально-семантических категорий в национальных литературах и может быть полезна для преподавателей, исследователей и студентов филологических направлений.

Полагаем, что рецензируемую статью можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кошкарёва Н.Б., Чепрасова А.А. Каузативные динамические пространственные модели простых предложений корякского языка // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76744 EDN: JIBDNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76744

Каузативные динамические пространственные модели простых предложений корякского языка

Кошкарёва Наталья Борисовна

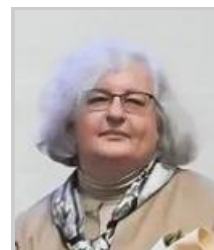
ORCID: 0000-0002-4578-6591

доктор филологических наук

заведующий сектором; сектор языков народов Сибири; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

✉ koshkar_nb@mail.ru

Чепрасова Александра Андреевна

ORCID: 0009-0001-4353-5529

младший научный сотрудник; сектор языков народов Сибири; Институт филологии СО РАН

Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

✉ a.cheprasova@alumni.nsu.ru

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76744

EDN:

JIBDNG

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2025

Аннотация: Объектом исследования являются простые предложения корякского языка, описывающие каузативные динамические пространственные ситуации (субъект перемещает объект из одной точки пространства в другую), предметом – структура и семантика таких предложений. Цель – провести классификацию простых предложений, репрезентирующих отношения перемещения, а также охарактеризовать типичные для данных предложений признаки. Выявлена гипермодель перемещения, в состав которой входят субъект – каузатор перемещения, объект перемещения, серия локализаторов, обозначающих начальную, конечную точку движения и трассу, а также предикат – глагол с семантикой перемещения. Выделены три типа моделей: адлативный (движение по направлению к конечной точке), делативный (движение из начальной точки), транслативный (движение по трассе), для каждого типа описан набор структурно-семантических вариантов. В ходе исследования использован ряд общенаучных и лингвистических методов: наблюдение и описание, систематизация, метод компонентного анализа и др., основными являются метод синтаксического моделирования структуры и семантики предложения как двустороннего языкового знака, а также метод классификации, основанный на особенностях структуры и семантики ЭПП. Новизна исследования обусловлена тем, что простые предложения с семантикой перемещения в корякском языке представлены как система двусторонних языковых знаков, в которой план выражения и план содержания соотносятся друг с другом. Впервые выделены языковые синтаксические единицы, проведена их классификация, определены дифференциальные признаки, по которым они противопоставляются другим моделям пространственной семантики и друг другу в пределах охарактеризованного класса. В результате проведенного исследования установлено, что модели перемещения по способу выражения локализаторов составляют единую систему с моделями движения. Каждая из моделей представлена сходным набором структурно-семантических вариантов, которые разграничиваются в зависимости от способа выражения локализатора. Типологически значимой особенностью корякской системы пространственных отношений является совмещение в пределах одной и той же словоформы обозначений конкретных локализаций при помощи пространственных суффиксов и абстрактных ориентаций, выражаемых падежными формантами.

Ключевые слова:

корякский язык, эргативный язык, простое предложение, пространственные модели, каузативные модели движения, перемещение, глаголы перемещения, латив, аблатив, пролатив

Введение

Объектом данной работы являются простые предложения корякского языка, описывающие каузативные динамические пространственные ситуации (субъект перемещает объект из одной точки пространства в другую), предметом – структура и семантика таких предложений. Цель – провести классификацию простых предложений, репрезентирующих пространственные отношения перемещения, а также охарактеризовать типичные для данных предложений признаки.

Исследование опирается на теорию моделирования элементарного простого предложения, которая была разработана в рамках Новосибирской синтаксической школы

[\[1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; и др.\]](#). На синтаксическом уровне языка выделяется основная и единственная единица – элементарное простое предложение (ЭПП), которое, как и всякий языковой знак, является двусторонним: в плане содержания ему соответствует одна пропозиция – объективное содержание предложения, отвлеченное от всех сопровождающих его субъективных значений; планом выражения ЭПП является его структурная схема, которая представляет собой последовательность условных символов, отражающих количество характерных для какого-либо типа предложения элементов и их отношения между собой. Пропозиция как план содержания и структурная схема как план выражения составляют модель ЭПП – способ репрезентации ЭПП как языкового знака.

На данный момент теория моделирования элементарного простого предложения использована для исследования синтаксиса многих языков Сибири [\[9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; и др.\]](#). Однако по отношению к корякскому языку она применяется впервые. Синтаксис корякского языка в целом описан крайне поверхностно, чем определяется новизна и актуальность данного исследования.

Кроме этого, теоретической базой исследования послужили работы исследователей чукотско-камчатских языков и, в частности, корякского языка [\[16; 17; 18; 19; 20\]](#).

При описании разновидностей пространственных отношений используется терминология, разработанная И. А. Мельчуком, в соответствии с которой различаются эссивные (статические) и лативные (динамические) ориентации и локализации типа IN- «внутри», SUPER- «над», SUB- «под», APUD- «сторона» и др. [\[21\]](#). Комбинация понятий, характеризующих локализации и ориентации, дает возможность конструирования терминов для описания системы пространственных отношений, таких как *инлативный* (направленный внутрь), *инэлативный* (направленный изнутри), *суперлативный* (направленный на поверхность), *суперэлативный* (направленный с поверхности) и под.

Большую роль в представлении пространственных отношений в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах сыграли работы современных зарубежных исследователей, таких как Л. Талми [\[22; 23\]](#), С. Левинсон [\[24; 25\]](#) и др.

Внутри блока бытийно-пространственных предложений существует оппозиция элементарных (ЭПП) и неэлементарных (неЭПП) простых предложений. В данной статье описываются неэлементарные простые предложения корякского языка, в которых передается значение перемещения: «субъект-каузатор делает так, что предмет перемещается из начальной точки пространства в конечную точку по определенной трассе». Такие предложения системно связаны с ЭПП движения, но осложнены семантикой каузации.

Обязательными компонентами таких предложений являются субъект, выраженный формой эргативного или инструментального падежа, объект – имя в форме абсолютива, а также набор локализаторов, способы выражения которых разнообразны: это наречия, имена существительные в формах пространственных падежей, которые дополнительно могут конкретизироваться пространственными аффиксами, обозначающими локализации внутри, снаружи, с задней или с передней стороны ориентира и т. п.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач в ходе исследования был использован ряд общенаучных и лингвистических методов: наблюдение и описание, систематизация, метод компонентного анализа и др., основными являются метод синтаксического

моделирования структуры и семантики предложения как двустороннего языкового знака, а также метод классификации, основанный на особенностях структуры и семантики ЭПП.

Материалом исследования являются собрания текстов на корякском языке [26; 27; 28], основой для которых послужили устные рассказы носителей корякского языка. Жанры текстов включают в себя мифы, сказки, исторические предания, рассказы о традициях, а также автобиографические нарративы. Все тексты сопровождаются переводом, глоссированием и комментариями. В первой строке примеров представлено предложение в оригинальной записи в соответствии с первоисточником. Во второй строке дается поморфемное членение каждого слова в предложении, которое транслитерировано в латиницу. Третья строка содержит поморфемный перевод каждого слова. В четвертой строке приводится переводной эквивалент оригинального предложения.

Результаты и обсуждение

Гипермодель каузативного направленного движения имеет следующий вид:

$$N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} LEX^{DF} LEX^{DS} LEX^{TR} V_f Tr.$$

Типовое значение гипермодели – «субъект перемещает объект из одной точки пространства в другую по определенной трассе».

В состав гипермодели входят следующие компоненты:

- 1) $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR}$ – субъект-каузатор, который выражается именами существительными или личными местоимениями в форме эргатива или инструменталиса; это активно действующий субъект агенсного типа, который каузирует перемещение того или иного предмета в пространстве и осуществляет действие активно, целенаправленно, контролирует достижение цели;
- 2) N^{Obj}_{ABS} – объект перемещения, который выражается именем в форме абсолютива; он обозначает лицо или предмет, на который направлено воздействие со стороны субъекта, приводящее к изменению его положения в пространстве;
- 3) серия локализаторов: LEX^{DF} (директив-финиш, или начальная точка движения, в форме латива), LEX^{DS} (директив-старт, или конечная точка движения, в форме аблатива), LEX^{TR} (транслатив, или трасса, в форме пролатива), они выражаются словами разных частей речи (наречиями, именами существительными) и имеют в своем составе аффиксы соответствующих пространственных падежей, например:

...и в'эйчитэ наколлаламык чемлянкайтың. [26, с. 33, предл. 26]

wejčit=e	na=ko=l=la=la=mək	čemljanka=jtəŋ
ходить	LowA=PRES=CAUS=идти=PL=1nsgP	землянка=LAT
пешком=CV.instr		

'...и пешком ведут нас в посёлок.'

Яркой отличительной особенностью чукотско-корякских языков является наличие специализированных пространственных суффиксов, указывающих на конкретные локализации («внутри», «снаружи», «над», «под», «рядом» и под.), конкретизирующие пространственные ориентации типа «куда?», «откуда?», «по какой трассе?», задаваемые падежами [20, с. 63–66], благодаря которым общее направительное значение уточняется и

формируются структурно-семантические варианты данной модели. В записи структурных схем позиция пространственных аффиксов отмечается в скобках как факультативная. Ср. примеры, в которых перед суффиксом латива находятся пространственные суффиксы с семантикой «внутри» и «на верхней поверхности»:

...то җоҗйольгычыкойтың накутҗыңын җаен гымтал [\[26, с. 11, 93, предл. 44\]](#)

to qoq=jolj җ=ə=җəko=jtəŋ na=ku=th=ə=ŋ=ə=n
и дыра=NMLZ.вместилище=E=**IN=LAT** LowA=PRES=лить=E=PRES=E=3sgP
җа=jen həm=ta
вон=ADJ.sg кость=толочь.ABS.sg
'...и в яму высыпают ту костную дроблёнку.'

Ыпав'койҗыльҗэтың мыткуйичиңын җаен мытқил. [\[26, с. 10, 92, предл. 33\]](#)

эра=w=kojŋ=ə=lj q=etəŋ mət=ku=jiči=ŋ=ə=n
похлёбка=VBLZ=чашка=E=**SUPER=LAT** 1nsgA=PRES=собрать=PRES=E=3sgP
җа=jen mətqil
вон=ADJ.sg жировая масса.ABS.sg
'В миску собираем ту жировую массу.'

4) V_f^{Tr} – глагол перемещения, который может являться самостоятельной лексической единицей или представлять собой каузативную производную от глагола движения: в корякском языке при помощи каузативных префиксов от непереходных глаголов движения регулярно образуются переходные глаголы перемещения, ср.:

И җанҗо эльг'а нэкуеньҗын. [\[28, с. 112, 113, предл. 12\]](#)

и җан=qo eljha ne=ku=**jenj**=ŋ=ə=n
вон=ADV.abl девушка.ABS.sg LowA=PRS=**принести**=PRS=E=3sgP
'И оттуда девушку привозят.'

Кулэйвыткулҗ'аты□ нота□□о, ынней в'ытв'ыто конаян□ынэн, то почкав',
в'ытнаяв' кунаятывыҗнэн. [\[28, с. 22, 23, предл. 64\]](#)

ku=le=jv=ə=tku=lhat=ə=ŋ	nota=ŋqo	ənj=njej
PRS=идти=INTENS=E=ITER=HABIT=E=PRS тундра=ABL	тот=ADJ.nsg	
wət.wət=o ko= n=aj.an =ŋ=ə=nen	to	
лист=ABS.pl PRS= CAUS=падать =PRS=E=3sgA+3P	и	
ро́чка=w amin wət= n=aj.aw		
почка=ABS.pl ну лист= CAUS=падать		
ku= n=aj.at =ə=jv=ə=ŋ=nen		
PRS= CAUS=падать =E=INTENS=E=PRS=3sgA+3P		

'Гуляет по тундре, эти листья роняет, и почки, семена так и роняет [Огэля].'

В речи гипермодель реализуется в виде высказываний, в которых эксплицитно заполняются не все позиции. Из локализаторов чаще всего выражается только один из них, при этом возможны также и разные комбинации локализаторов. Соответственно, далее в описании мы различаем конкретные модели, репрезентирующие данную гипермодель, с адлативной, делативной и транслативной семантикой, каждая из которых, в свою очередь, представлена набором структурно-семантических вариантов.

1. Адлативная каузативная модель

$N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} LEX^{DF} V_f^{Tr}$

«субъект перемещает объект в какую-либо точку пространства»

В состав данной модели входит локализатор, указывающий на конечную точку, в которую совершается перемещение.

Структурно-семантические варианты данной модели различаются в зависимости от морфологического способа выражения локализатора: это могут быть наречия или падежные формы имен существительных, формирующие варианты модели с адвербиальным или субстантивным локализатором соответственно. Локализатор содержит показатель одного из направительных падежей – датива *-н* или латива *-йтән*.

1.1. Адвербиальный вариант адлативной каузативной модели

В позиции локализатора используются серийные или несерийные наречия, показатели которых восходят к лативу или дативу. Данный вариант имеет дейктическое значение и обозначает самую общую ориентацию движения типа «туда»:

а) $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} ADV=LAT^{DF} V_f^{Tr}$

Иняннлгытатэ һакые, [то һанко кымиңу мытэтонав']. [\[28, с. 100, 101, предл. 20\]](#)

ina=n^j=n^jal^yet=at=e

һа=kəje

1sgP=CAUS=кочевать=VBLZ=3sgA.PFV **вон=ADV.lat**

‘Увез меня туда, [и там детей мы родили].’

б) $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} ADV=DAT^{DF} V_f^{Tr}$

Гэллэлин елы□, [кив'□ынин: «□ыгит, □ано митг'айин эльг'апэль□». [\[28, с. 168, 169, предл. 22\]](#)

ye=l=le=lin

jel=ə=η

PP=CAUS=идти=3sgP **прочь=E=DAT.adv**

‘Привёл его туда, [сказал ему: «Смотри, вон красивая девушка».].’

1.2. Субстантивный вариант адлативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR}$

$N^{Obj}_{ABS} N(=SFF^{Loc})=LAT^{DF} V_f^{Tr}$

В субстантивном варианте адлативной модели позицию локализатора занимают имена существительные в форме латива, перед которым факультативно может располагаться пространственный суффикс, конкретизирующий ту часть пространства, к которой направлено движение, ср.:

Мэткэ нотачыкойты□ мынолгыв'лан? Мэткэ г'эг'эты□ мынын□эв'ылан. [\[28, с. 22, 23, предл. 70, 71\]](#)

metke

nota=**čəko=jtəŋ**

mən=ol^yəw=la=n

ли

тундра=**IN=LAT**

1nsgA.IMP=закапывать=PL=3sgP

metke

heh=**etəŋ**

mən=ə=n.ŋew=ə=la=n

ли

небо=**LAT**

1nsgA.IMP=E=посылать=E=PL=3sgP

‘Или в землю закопаем? Или на небо отправим?’

или в форме латива или на него сформировано.

Структурно-семантические варианты адлативной каузативной модели различаются в зависимости от локализации, которая выражается либо в обобщенном виде лативом, либо более конкретно при помощи комбинации пространственных суффиксов с показателем латива, либо предопределяется семантикой существительного в позиции локализатора.

1.2.1. Директивный вариант адлативной каузативной модели

$N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} N=LAT^{DF} V_f Tr$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект по направлению к пространственному ориентиру». В силу обобщенности направительного значения имя в позиции локализатора стоит чаще всего в форме латива без пространственных суффиксов:

Яёлата гамалпэннь ылин, гамалупынг'ылилин ынкые, в'аямэты□. [28, с. 52, 53, предл. 67]

jajola=ta	ya=mal=pen'in=ə=lin	
лиса=INSTR	PP=слишком=напасть=E=3sgP	
ya=mal=up=ə=n.həli=lin	ən=kəje	wajam= etəŋ
PP=слишком=упираться=E=совать=3sgP	тот=ADV.lat	река= LAT

‘Лиса как напала, как толкнула туда, в речку.’

Данная конструкция является синтаксическим полисемантом: кроме реализации в физической сфере, она допускает метафорический перенос в социальную сферу и выражает значение обладания или социальные отношения:

Мыев' □элвылг'у нэйив'лынэв'совхосэты□, [то тэг'и нанпаёчав'нав' чинин □элвылг'у.] [28, с. 98, 99, предл. 10]

məjew	ŋelv=ə=lh=u	ne=j.iwl=ə=ne=w	sovhos= etəŋ
потому что	табун=E=ATR=ABS.pl	LowA=тащить=E=3nsgP=PL	совхоз= LAT

‘Потому что табуны передавали в совхозы, [и совсем маленькими оставили личные табуны.]’

1.2.2. Суперлативный вариант адлативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} N=SFF^{Super}=LAT^{DF} V_f Tr$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект на поверхность определенного пространственного ориентира». Локализатор выражается именем существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом -лꞑ- / -льꞑ- / -тꞑ-, который имеет значение ‘на поверхности’:

Ыпав'койꞑыльꞑэтыꞑ мыткуйичиꞑын ꞑаен мытꞑил. [26, с. 10, 92, предл. 33]

əpa=w=kojŋ=ə=ꞑq= etəŋ	mət=ku=jiči=ŋ=ə=n
похлёбка=VBLZ=чашка=E= SUPER=LAT	1nsgA=PRES=собирать=PRES=E=3
ꞑa=jən	mətqil
вон=ADJ.sg	жировая масса.ABS.sg

‘В миску собираем ту жировую массу.’

1.2.3. Адлативный вариант адлативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS}$ $N=SFF^{Ad}=LAT^{DF} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект по направлению к склону пространственного ориентира». Локализатор выражается именем существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом *-нол* / *-ноль* который имеет значение 'на склоне чего-либо'.

«Этун, г'ачаллэ ныг'ыннэлживын нано, аңканольэтун?» [28, с. 50, 51, предл. 50]

etun	hača=lijo	nəh=ə=n.ne=lqiv=ə=n	ηano
пожалуй	моча=поместить	CON=E=вынести=INCH-	это
		DUR=E=3sgP	

аңқа=*noliη=etəη*

море=*AD.склон=LAT*

'«Может быть, горшок ты вынесла бы туда, на берег моря?»'

1.2.4. Апудлативный вариант адлативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS}$ $N=SFF^{Apud}=LAT^{DF} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект по направлению к стороне пространственного ориентира». Локализатор выражается именем существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом *-қал-* / *-қуқал-* / *-қуқала-* 'сторона чего-либо'.

Гыммо еппы калэченма, мынгытык мыллыэн гэвэгыйо, мытыптыккола анольг'атык, нэллы наңвон, в'аямтайнэтың нэныпкитын. [26, с. 34, 126, предл. 2]

ηellə	na=ηvo=n	wajam= <i>tajn=etəη</i>
табун.ABS.sg	LowA=начать(ся)=3sgP	река= <i>APUD=LAT</i>
ne=n=ə=pkij=et=ə=n		

LowA=CAUS=E=подходить=VBLZ=E=3sgP

'Я ещё училась, пятнадцать лет [мне было], мы закончили весенний забой, табун начали, на берег реки пригнали.'

1.2.5. Инлативный вариант адлативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS}$ $N=SFF^{In}=LAT^{DF} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект внутрь пространственного ориентира». Локализатор выражается именем существительным в лативе в сочетании с пространственным суффиксом *-чыку-* / *-чыко-*, который имеет значение 'внутренняя часть чего-либо'.

Выг'аёк уччев' гэл'ив'линэв' в'аямчыкойты, а уччев' гапаёчаллэнав' аңжак. [28, с. 58, 59, предл. 2]

vəhajok	quč=čew	ye=je=lqiw=line=w
потом	один из=ADJ.pl	PP=дом=VBLZ.inch-dur=3nsgS=PL

waiam= <i>čako=itan</i>	nuč=čew	va=nainč=al=ləna=w

Типовая семантика – «субъект перемещает объект от определенной точки пространства». Локализатор выражен именем существительным в аблативе.

Гамгаянҕо ыннҕа кимитг'ав' нэтынэв'. [28, с. 164, 165, предл. 73]

ҕамҕа=ja=ηqо әнj=njaq

kimitha=w

ne=jet=ә=ne=w

каждый=дом=ABL тот=что

одежда=ABS.pl

LowA=принести=E=3nsgP=PL

'И вот из каждой яранги одежду принесли.'

2.3.2. Элативный вариант делативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS}$ $N(=SFF^{In})=ABL^{DS} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «перемещение объекта изнутри пространственного ориентира». Локализатор выражается именем существительным аблативе в сочетании с пространственным суффиксом -чыко- / -чыку-, который имеет значение 'внутренняя часть чего-либо':

□ычвов' нымэй□ы□инэв', уттурям ночаль□ычыко□□о нэкути□у□нэв'. [26, с. 25, 115, предл. 4]

qәčvo=w

n=ә=mejη=ә=qine=w

utt=u

прям

кедрач=ABS.pl

QUAL=E=большой=E=3nsgS=PL дерево=ABS.pl

ноҕа=liq=ә=čәko=ηqо

ne=ku=tiju=η=ne=w

тундра=SUPER=E=IN=ABL LowA=PRES=тянуть=PRES=3nsgP=PL

'Кедрачи огромные, деревья прям из земли тянут.'

3. Транслативная каузативная модель

$N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} LEX^{TR} V_f^{Tr}$

«субъект перемещает объект по какой-либо трассе»

Локализатор обозначает трассу и выражается именем в пролативе с пространственным суффиксом или без него.

3.1. Пролативный вариант транслативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} N=PROLAT^{TR} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект по трассе», характер которой не дифференцирован. Локализатор выражается именем существительным в форме продольного падежа с показателем -йпын:

Документы тыни□лылинэв'оунойпы□ [и ты□тогаг'ыкоунойпы□]. [26, с. 45, 140, предл. 14]

документы

t=ә=niηl=ә=line=w

оqno=jpәη

1sgA=E=бросить=3nsgP=PL

окно=PROL

'Документы я выбросила через окно [и вышла через окно].'

3.1. Суперлативный вариант транслативной каузативной модели $N^{CAUSR}_{ERG/INSTR} N^{Obj}_{ABS} N=SFF^{Super}=PROLAT^{TR} V_f^{Tr}$

Типовая семантика – «субъект перемещает объект по поверхности определенной трассы». Локализатор выражается именем существительным в пролативе в сочетании с пространственным суффиксом *-лѵ- /-льѵ- / -тѵ-* 'на поверхности':

[Ынпы□лавол эвы□: «Мэткэ ынно гынин лыг'ук,] г'и□ыт□эпы□ гакалилин?» [\[28, с. 160, 161, предл. 34\]](#)

hiŋ=ə=**tq=epəŋ**

ya=kali=lin

нос=E=**SUPER=PROL**

PP=рисовать=3sgP

'[Старик говорит: «А тебе видно,] она вдоль поверхности носа татуирована?»'

Заключение

Модели перемещения по способу выражения локализаторов составляют единую систему с моделями движения и делятся на три типа: адлативные модели, характеризующие направленное движение субъекта в определенную точку пространства; делативные модели, характеризующие движение субъекта от той или иной точки пространства; транслативные модели, указывающие на трассу, по которой совершается движение.

Каждая из моделей представлена сходным набором структурно-семантических вариантов, которые разграничиваются в зависимости от способа выражения локализатора.

Если в позиции локализатора стоит наречие, оно содержит в своем составе формант, восходящий к суффиксу пространственного падежа (дativa, латива или аблатива). Предложения с локализаторами-наречиями обозначают направление перемещения в самом общем виде, не конкретизируя начальную или конечную точку, пространство предстает максимально неопределенным или предполагается референция к пространству, названному в ближайшем контексте.

Локализаторы, выраженные именами существительными, оформляются падежными аффиксами латива, аблатива или пролатива, передающими соответствующее направление перемещения. Основа существительного может включать пространственные суффиксы, указывающие на ту часть пространственного ориентира, от которой, по направлению к которой или вдоль которой осуществляется перемещение, – по отношению к его верхней, нижней, боковой, внутренней или др. части.

Типологически значимой особенностью корякской системы пространственных отношений является совмещение в пределах одной и той же словоформы обозначений конкретных локализаций при помощи пространственных суффиксов и абстрактных ориентаций, выражаемых падежными формантами.

Теоретически возможны любые комбинации падежных и пространственных суффиксов, однако в естественных текстах на корякском языке чаще всего встречаются примеры реализации адлативной модели, в которой показатель латива свободно сочетается с самыми разными пространственными суффиксами. Делативная модель представлена меньшим количеством структурно-семантических вариантов, транслативная модель допускает минимальное варьирование.

Библиография

1. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3-18. EDN: YFJMIL.
2. Черемисина М. И. Исследование моделей элементарного простого предложения в

- тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997.
3. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Строение предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1992.
4. Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3-29. EDN: WOHZRT.
5. Кошкарёва Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, Вып. 2. С. 64-76. EDN: HYRSFN.
6. Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007. 47 с. EDN: QDYTVB.
7. Кошкарёва Н. Б. О полисемии синтаксических единиц // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, Вып. 9. С. 164-171.
8. Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14-26. EDN: TWKTLN.
9. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 304 с. EDN: QOKXMT.
10. Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 53-65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.
11. Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53-65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.
12. Серээдар Н. Ч. Бытийные модели в тувинском языке: характеризующие значения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 680-683. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10295 EDN: EQLZNQ.
13. Серээдар Н. Ч. Структурно-семантические типы моделей бытийных предложений в тюркских языках южной Сибири // Мир науки, культуры, образования. 2014. С. 220-222.
14. Чугунекова А. Н. Формально-семантические модели предложений с предикатами движения, построенные по схеме $N=1\ N=6\ V=дв.$ (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (18): в 2 ч. Ч. 1. С. 219-221. EDN: PGEWMF.
15. Чугунекова А. Н. Модели элементарных простых предложений каузированного перемещения объекта в пространстве (на материале хакасского языка). Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 208-224. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-208-224 EDN: PPEESI.
16. Bogoras W. Chukchee // Handbook of American Indian Languages / Ed. by F. Boas. Washington, 1922.
17. Стебницкий С. Н. Нымаланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 47-83.
18. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: фонетика, морфология. Л.: Наука, 1972. 323 с.
19. Жукова А. Н. Корякский язык: учебник для учащихся педагогических училищ. Л.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1987. 256 с.
20. Мальцева А. А. Релятивные слова в чукотско-корякских языках // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 57-95. EDN: OWROJN.
21. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр. / Общ. Редакция Н.В.

Перцова и Е.Н. Саввиной. Москва – Вена: "Языки русской культуры", венский славистический альманах, 1998. 544 с. EDN: SUMCHF.

22. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 57-149.

23. Talmy L. How language structures space // Spatial orientation. Theory, research, and application. Ed. by H. Pick & L. Acredolo. New York & London: Plenum Press, 1983: 225-282.

24. Levinson S. C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 621 p.

25. Levinson S. C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 415 p.

26. Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство "Гео", 2015. 172 с. EDN: VUNYUH.

27. Культура камчатских коряков-чавчуменов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынэтэгина / Сост. Т. А. Голованева. Новосибирск: СО РАН, 2022. 252 с.

28. Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во "Гео", 2019. 288 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью «Каузативные динамические пространственные модели простых предложений корякского языка»

Предмет исследования – каузативные динамические пространственные модели простых предложений корякского языка. В научной работе автор представляет анализ синтаксико-семантических конструкций и подробно описывает способы кодирования каузативности.

Материалы и методы.

Для решения поставленных задач в ходе исследования был использован ряд общенаучных и лингвистических методов: наблюдение и описание, систематизация, метод компонентного анализа и др., основными являются метод синтаксического моделирования структуры и семантики предложения как двустороннего языкового знака, а также метод классификации, основанный на особенностях структуры и семантики ЭПП. В работе автор применяет комплексный подход, который соединяет в себе типологический анализ и корпусный метод, в работе представлен эмпирический материал, который обеспечивает достоверность полученных данных.

Научное исследование актуально в связи с продолжающимися дискуссиями о дефиците научных работ по корякскому языку. Также анализ каузативных конструкций поможет расширить теоретические представления о языках малочисленных народов Севера.

Научная новизна. Научная статья вносит вклад в лингвистику. В научной работе представлена авторская классификация каузативных динамических пространственных моделей простых предложений корякского языка (определяет в них общее и специфическое).

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, основных глав, которые посвящены каузативным динамическим

пространственным моделям простых предложений корякского языка, заключения и библиографии с текущими исследованиями в рассматриваемой области.

Технических замечаний к научной статье нет.

Заключение подводит итоги проведенного исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Стебницкий С. Н. Нымаланский (корякский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 47-83.
2. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: фонетика, морфология. Л.: Наука, 1972. 323 с.
3. Жукова А. Н. Корякский язык: учебник для учащихся педагогических училищ. Л.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1987. 256 с.

Замечания к статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.
2. В раздел материалы исследования рекомендуется добавить словари на корякском языке.
3. В Список источников рекомендуется добавить публикации за последние пять лет.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Филология: научные исследования» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой работе рассматриваются простые предложения корякского языка, описывающие каузативные динамические пространственные ситуации. Актуальность работы обусловлена, во-первых, необходимостью комплексного изучения малых языков Российской Федерации с целью их развития и сохранения («синтаксис корякского языка в целом описан крайне поверхностно, чем определяется новизна и актуальность данного исследования»), во-вторых, важностью изучения каузативных динамических пространственных моделей простых предложений корякского языка с применением теории моделирования элементарного простого предложения, разработанной новосибирской синтаксической школой под руководством Майи Ивановны Черемисиной («по отношению к корякскому языку она [теория] применяется впервые»).

Теоретической базой исследования послужили труды, охватывающие широкий круг вопросов по типовым синтаксическим структурам и их семантике в языках разных систем, в т. ч. в чукотско-корякских языках и других языках Сибири и др. Библиография

статьи составляет 28 источников, представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. С учётом специфики предмета, объекта и цели работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдение, описательный метод, методы классификации и систематизации, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, а также метод синтаксического моделирования структуры и семантики предложения как двустороннего языкового знака. Эмпирическим материалом послужили собрания текстов на корякском языке, основой для которых явились устные рассказы носителей корякского языка.

В ходе исследования подробно рассмотрены модели перемещения по способу выражения локализаторов: адлативные, делативные и транслативные модели («в естественных текстах на корякском языке чаще всего встречаются примеры реализации адлативной модели, в которой показатель латива свободно сочетается с самыми разными пространственными суффиксами», «делативная модель представлена меньшим количеством структурно-семантических вариантов, транслативная модель допускает минимальное варьирование»). Выявлена типологически значимая особенность корякской системы пространственных отношений, а именно: «совмещение в пределах одной и той же словоформы обозначений конкретных локализаций при помощи пространственных суффиксов и абстрактных ориентаций, выражаемых падежными формантами». В заключении обобщены полученные результаты. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в изучение особенностей синтаксиса корякского языка, в частности простых предложений, репрезентирующих пространственные отношения перемещения, а также в возможности использования данных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории синтаксиса, синтаксису русского языка и языков коренных народов Сибири и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Обращаем внимание на повтор источника Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53–65 (см 10 и 11).

Также в рукописи встречается отсутствие пробелов между словами: см Объектомданной работы, Материаломисследованияявляются.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пак Л.Е., Марус Н.Д. Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности локализации на русский язык (на материале видеоигры Disco Elysium) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.75662 EDN: JIIRPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75662

Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности локализации на русский язык (на материале видеоигры Disco Elysium)

Пак Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-2181-0259

кандидат филологических наук

доцент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский государственный университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Гоголя, 41, ауд. 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru

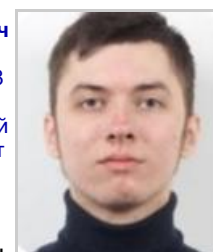
Марус Николай Дмитриевич

ORCID: 0009-0005-8246-2958

ассистент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения (МКП); Владивостокский государственный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, ауд. 5511

✉ marus.nikolay@wsu.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.75662

EDN:

JIIIRPM

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2025

Аннотация: Настоящая работа посвящена изучению онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе. Цель исследования заключается в выявлении и описании специфики актуализации и перевода онимов романской этимологии на

примере видеоигрового дискурса. Объект исследования – англоязычный видеоигровой дискурс. Предмет – специфика актуализации и особенности переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в пределах дискурса видеоигр. Актуальность заключается в обращении к проблеме изучения онимов романского происхождения, что соответствует современным тенденциям в лингвистике, где в приоритете находятся мультидисциплинарные исследования, сочетающие инструментарий когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и дискурсивного анализа. Кроме того, анализ способов перевода онимов в различных типах дискурса решает прикладные проблемы переводческой науки, вследствие того, что переводчик сталкивается с такими трудностями как необходимость сохранения фонетической и культурной идентичности, внутренней структуры и интертекстуальных связей. Также, видеоигровой дискурс выступает в качестве площадки, на которой апробируются и закрепляются новые языковые средства, в том числе онимы. Методы исследования: сопоставительный, описательный, функциональный, прагматический. Кроме того, использовался метод компонентного анализа, комплексный лингвистический анализ. Новизна исследования: впервые проводится анализ переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе. Выводы: наименьшие трудности при актуализации онимов романского происхождения возникают в работе с именами собственными, передающими настоящие имена и фамилии (Acele, Andre, Eugene), т.к. они требуют проверенных и отработанных годами методов и техник переводческой работы – транслитерации или транскрипции. Значительные трудности возникают при переводе онимов, передающих культурные реалии (Call Me Mañana, Boiadeiro), топонимов (Insulinde, Face-a-la-mer), переносно-образных словосочетаний (Esprit De Corps, Savoir Faire) и структурно-специфических антропонимов (Cunoesse). При работе с данными онимами переводчики применяют полукалькирование, создание неологизмов и функциональные замены. Указанные способы являются комплексными приемами передачи лексики с одного языка на другой, и требуют более взвешенного подхода. При применении перечисленных приемов проверяется не только знание переводчиком тех или иных выражений и их значений, но и умение творчески перевести лексическую единицу.

Ключевые слова:

видеоигровой дискурс, оним, переводческий прием, топоним, калькирование, транскрипция, транслитерация, переносно-образные словосочетания, полукалькирование, функциональная замена

Введение.

Настоящая работа посвящена изучению онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе.

Обзор теоретической базы исследования. Наука о языке давно и плодотворно занимается проблемами исследования онимов. Как отечественные, так и зарубежные ученые уделяли внимание онимам еще в конце XX века. К фундаментальным трудам в данной области можно отнести работу А. В. Суперанской. В книге произведена систематизация функций имени собственного, приводится развернутая классификация онимов, описываются особенности их функционирования на различных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, семантическом. Работа конкретизировала методологический аппарат исследований, которым до сих пор пользуются современные

лингвисты [11]. Философско-лингвистический труд о референции имен собственных С. А. Крипке оказал важное влияние на теорию значений и интерпретацию онимов в лингвистике: выявлен статус семантического наполнения онима, описаны способы закрепления референции в сообществе говорящих [2].

В фокусе научных изысканий современных лингвистов проблемы онимов также занимают значимое место. Изучается этнонимика как историко-филологическая дисциплина [3], выявляются особенности антропонимов неславянского происхождения [4], анализируются индивидуальные прозвища с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах [5]. По мнению Р. А. Мусаевой, антропонимы становятся элементами ономастического пространства и требуют подробного типологического и функционального анализа [6]. Внимание уделяется прецедентным онимам. Исследуются прецедентные онимы, заимствованные из канона и используемые в политическом дискурсе с метафорической функцией, которая придает политическим текстам критические коннотации [7]. Авторы другой работы, посвященной прецедентным онимам, рассматривают названия литературных произведений и имена русских писателей в англоязычных карикатурах. Работа по-новому освещает культурно-оценочные стратегии [8].

Специфика перевода и передачи имен собственных весьма важна в рамках обозначенной проблематики. К фундаментальным трудам в данной области, прежде всего, относится работа Л. С. Бархударова «Язык и перевод», в которой рассмотрены базовые принципы перевода (лексические, лексико-грамматические, и грамматические трансформации) применительно к именам собственным. Приведенные автором подходы до сих пор актуальны для современного переводоведения [9]. Другим основополагающим научным изысканием является труд Д. И. Ермоловича по теории и практике межъязыковой передачи онимов. Подробно описываются переводческие приемы (транскрипция/транслитерация, калькирование, семантический перевод, адаптация) при работе с антропонимами, топонимами, эргонимами и др. [10]. Также ученые-лингвисты изучают особенности формирования имен собственных и способы их передачи на русский язык [11], способы перевода антропонимов и топонимов в современной английской литературе [12], интерпретационные проблемы окказиональных имен собственных и специфику их передачи в русскоязычных переводах [13].

В зарубежной переводческой науке предпринимается как комплексное, так и аспектное изучение особенностей перевода онимов. Классической работой о передаче имен собственных является труд П. Ньюмарка, который обосновывает значимость концепции переноса («transference») для имен и классифицирует случаи, когда целесообразно применять тот или иной переводческий прием при работе с онимами [14]. В работе «Перевод имен собственных: функциональный подход» представлена типология онимов, обсуждаются различия подходов при их переводе в текстах информативной и эстетико-выразительной направленности, кроме того, сформулированы методические и практические рекомендации, основанные на функциональной роли онимов в тексте [15]. Также уделяется внимание развитию и конкретизации существующих процедур перевода онимов (трансфер, замещение, описательный перевод и т.д.), предлагается набор уточненных критериев для аналитики переводческих решений [16]. Среди наиболее современных статей, посвященных аспектному изучению онимов в рамках обозначенной проблематики, следует отметить работу Г. Мамбели о переводе на итальянский язык

вымышленных антропонимов в произведениях Р. Р. Толкиена. Автор подробно описывает специфику переводческих приемов при работе с антропонимами, анализирует, как указанные приемы влияют на восприятие мира текста [\[17\]](#). В другом научном изыскании о факторах, важных для перевода топонимов, автор указывает на значимость онтологического статуса топонима, его этимологию и уровень узнаваемости как на основные критерии при выборе стратегии перевода географических названий [\[18\]](#). Зарубежные авторы описывают результаты сопоставительного анализа стратегий экранного перевода имен собственных, выявляя культурно-обусловленные особенности выбора переводческих приемов из набора возможных альтернатив [\[19\]](#).

Вопросам научного осмысления видеоигрового дискурса уделяется не так много внимания, однако следует отметить некоторые работы на эту тему. В зарубежных статьях предлагаются формализованные мультимодальные дискурсно-семантические модели анализа видеоигр. Авторы стараются применить подход дискурсивной семантики к текстам видеоигрового дискурса, выявляя типичные дискурсивные отношения [\[20\]](#). Кроме того, проводится гендерный анализ видеоигровых диалогов, изучается опциональность игровых реплик на примере корпуса текстов [\[21\]](#). Также зарубежные лингвисты рассматривают проблемы языковой вариативности в цифровых играх, связывая элементы игрового дизайна с характером и объемом игровых языковых данных, которые продуцируются игроками [\[22\]](#). По мнению Ф. Фурианта, игровой контекст формирует новые языковые средства, которые распространяются за пределами игрового сообщества. Автор проводит анализ игрового языка, выделяя особенности на лексическом и прагматическом уровне [\[23\]](#). Определенный научный интерес представляет статья о взаимосвязи цифровых игр и прироста словарного запаса у изучающих иностранный язык. В работе постулируется тезис о том, что регулярный контакт с коммерческими цифровыми играми способствует расширению словарного запаса и положительно влияет на мотивацию [\[24\]](#). В отечественных исследованиях предпринимается фреймовый анализ высказываний, которые возникают в процессе коммуникации внутри игрового мира, описываются когнитивные фреймы, формирующие ментальное пространство видеоигр [\[25\]](#). Сам видеоигровой дискурс, вслед за А. А. Селютиным, мы будем определять как сложное, многомерное явление, которое включает речевые и текстовые компоненты, функционирующие внутри видеоигр и в сопутствующих игровых пространствах [\[26\]](#).

Изучению особенностей передачи онимов с английского языка на русский в локализациях видеоигр, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Следует отметить статью А. А. Шагеевой и К. В. Ануфриева, в которой исследуется ономастикон игры «Pillars of Eternity». Авторы показывают, что игровые имена зачастую реализуются через графо-фонемные соответствия, делают вывод о несогласованности переводческих приемов передачи архаизованных онимов и предлагают собственную методику передачи, учитывающую диахронические графо-фонемные особенности оригинала [\[27\]](#). Исследование о переводе имен собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр освещает типичные стратегии перевода (транслитерацию, транскрипцию, калькирование) и особенности их применения именно в мультиплатформенных релизах [\[28\]](#).

Актуальность данной работы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, изучение онимов романского происхождения соответствует современным тенденциям в лингвистике, где в приоритете находятся мультидисциплинарные исследования,

сочетающие инструментарий когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и дискурсивного анализа. Обращение к онимам позволяет выявить особенности их функционирования в разных сферах общения и расширяет понятийный аппарат ономастики. Во-вторых, анализ способов перевода онимов в различных типах дискурса решает прикладные проблемы переводческой науки, так как переводчик сталкивается с такими трудностями, как необходимость сохранения фонетической и культурной идентичности, внутренней структуры и интертекстуальных связей. Решение данных задач весьма ценно для практики локализации видеоигр и для всего переводоведения в целом. В-третьих, видеоигровой дискурс выступает в качестве площадки, на которой апробируются и закрепляются новые языковые средства, в том числе онимы. Рассмотрение особенностей их актуализации в игровом дискурсивном пространстве может позволить сделать релевантные выводы о специфике цифровой коммуникации.

Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится анализ переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении и описании специфики актуализации и перевода онимов романской этимологии на примере видеоигрового дискурса.

Материалом исследования являются онимы романского происхождения из видеоигры *Disco Elysium*. Исследование проведено на основе полного сценария игры, общий объем составляет около 10 000 реплик персонажей. Материал отбирался в ходе прохождения видеоигры в течение 105 игровых часов. Онимы отобраны методом целевой выборки (онимы романского происхождения), далее производилась стратификация по типологическим особенностям: антропонимы (**Acele, Andre, Eugene, Cunoesse**); топонимы (**Insulinde, Face-a-la-mer**); переносно-образные выражения (**Esprit De Corps, Savoir Faire**); сложные культурные реалии (**Call Me Mañana, Boiadeiro**). Всего проанализировано 60 единиц в 500 различных контекстах. Указанный подход позволяет системно изучить актуализацию онимов и особенности их перевода в англоязычном видеоигровом дискурсе.

Объект исследования – англоязычный видеоигровой дискурс.

Предмет – специфика актуализации и особенности переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в пределах дискурса видеоигр.

Методы исследования: сопоставительный, описательный, функциональный, прагматический. Кроме того, использовался метод компонентного анализа, комплексный лингвистический анализ.

Основная часть.

Процедура исследования заключалась в последовательном выполнении нескольких этапов. На первом этапе в ходе прохождения видеоигры были отобраны онимы романского происхождения (метод целевой выборки). На втором этапе производилась стратификация онимов по типологическим особенностям. На третьем этапе иллюстративные примеры были сгруппированы и описаны по следующей унифицированной схеме: 1. Исходный оним. 2. Способ имяназвания. 3. Прием перевода. 4. Перевод в официальной локализации. 5. Прагматический эффект (для онимов вызывающих трудности при переводе). 6. Альтернативный авторский вариант перевода (в случае, если перевод в официальной локализации может быть улучшен). На четвертом этапе проводилась верификация альтернативных переводческих решений для

онимов романского происхождения (посредством опроса игрового сообщества Disco Elysium). Результаты были представлены в табличной форме.

Перейдем к рассмотрению способов актуализации онимов романского происхождения в написанном на английском языке сценарии. Также проанализируем проблемы передачи онимов на русский язык и степень полноты отображения их смысло-функциональных параметров. Анализируемые языковые единицы были сгруппированы в соответствии с их типологическими особенностями.

Антропонимы.

Первый рассматриваемый пример *Eugene* [29]. Способ имяназвания в данном случае – заимствование традиционного христианского имени из классического греко-латинского фонда. Для перевода данного антропонима используется *транскрипция*. Пример демонстрирует французскую направленность перевода имен собственных. Если переводить с английского на русский язык получится «Юджин», однако мировой язык вселенной Disco Elysium французский, поэтому переводчики корректно передали имя персонажа как «Эжен».

Следующий пример, демонстрирующий подобную тенденцию *Andre* [29]. Способ имяназвания здесь традиционный (использование романизированной формы классического греческого имени). Использованный переводческий прием – *транскрипция*: «Андре».

Далее рассмотрим антропоним «*Acele*» [29]. Способ имяназвания – искусственный, создание индивидуально-авторского неологизма с фонетикой, подражающей романской традиции. Переводческий прием – *транскрипция*. Вариант «Асель», использованный при локализации в официальной версии представляется корректным, так как имя персонажа подвержено влиянию французского языка как лингва франка и точно передает особенности произношения на французском языке.

Следующим проанализируем антропоним «*Jean-Herion Vicquemare*» [29]. Способ имяназвания: создание традиционного антропонима с трехкомпонентной структурой (личное имя + орнитоним + топонимическая фамилия). Для перевода данного антропонима в официальной локализации игры используется *транскрипция*: «Жан-Эрон Викмар». Указанный пример, также демонстрирует французскую направленность перевода имен собственных, однако в отличие от односоставных «*Andre*» и «*Eugene*» является более комплексным и обладает рядом реферативных компонентов, отсылающим игроков к реально существующим вещам.

Рассмотрим оригинальный антропоним «*Beaufort*» [29]. Способ имяназвания: создание однословной фамилии-топонима. Использованный переводчиками прием перевода – *транскрипция*: «Бофор». Оним содержит отсылку к французским герцогствам во Франции.

Антропоним «*Cunoesse*» [29] характеризуется структурно-специфическими особенностями: указанная единица с точки зрения структуры может являться производным словом: корень «*Cuno*» + французский суффикс «*esse*» (используется для обозначения категории женского рода на лексическом уровне). Вторая трактовка заключается в предположении, что часть «*esse*» представляет собой глагол «*быть*» латинской этимологии, что делает оним «*Cunoesse*» сложным словом с двумя основами. Способ имяназвания – искусственный, так как создается неологизм, стилизованный под

романский антропоним. Переводческий прием, использованный при локализации игры на русский язык также *создание неологизма*: «Куна» (механическое образование женской версии имени).

В данном ониме («*Cupoesse*») заложена принадлежность одного человека к другому, подчеркнута полная зависимость персонажа от Куно, отсутствие собственной идентичности, принадлежность другому человеку. В этом заключается *прагматический эффект* данного онима: показать игрокам насколько она принадлежит другому персонажу. Оригинал отражает это в полной мере. В переводе («Куна») с передачей данного *прагматического эффекта* возникли определенные трудности. Проблема заключается в том, что в попытке передать заложенную принадлежность, обозначенную в оригинале, переводчики смогли отразить только элемент про женскую версию текущего имени. При рассмотрении данных языковых единиц, без знания контекста, получается стандартная дихотомия: «мальчик-девочка»: Куно-Куна (Александр-Александра, Виктор-Виктория, Евгений-Евгения, Богдан-Богдана и т.д.). В данном имени утрачена исходная семантика оригинала, вследствие чего снижается прагматический эффект: значение сводится к предположению о родственной связи носителей имени или о схожем именовании детей вследствие близкого общения родителей.

Учитывая изложенное выше, мы предлагаем альтернативные варианты перевода, учитывающие семантику и прагматический эффект оригинала: *Куноэсса, Куноэс, Кунова*.

Топонимы.

На следующем этапе исследования, согласно типологическим особенностям выделенных онимов, будут рассмотрены топонимы.

«*Insulinde*» – топоним, который называет одну из изол (континентов) местного мира. ^[29] Способ имянаращения: образование книжного композита с использованием латинизированных корней. При локализации на русский язык использовался прием *создания неологизма*: «Островалия». Семантика оригинала в данном случае сохранена, так как прямо из названия понятно, что речь идет об островном государстве.

Прагматический эффект оригинала призван отразить специфику расположения данного государства – оно располагается на острове или островах. Главная особенность заключается в том, что слово «*Insulinde*» содержит отсылку к реально существующему французскому наименованию «*Малайского Архипелага*». Выбор данного названия не случаен, так как многие исторические события из нашей жизни, перекликаются с событиями, которые происходили на данном континенте в ходе игрового процесса.

Перевод («Островалия») в целом следует оригиналу в его первичной прагматической функции. Однако после создания неологизма была потеряна отсылка к реальным событиям, вследствие чего теряется его вторичная лорная (лор – события, имевшие место в игровом мире) характеристика.

Альтернативный авторский вариант перевода: «Инсулинд» или «Исулин». Данный вариант точнее передает семантику оригинала.

«*Face-a-la-mer*» – исходный топоним англоязычной версии игры, который отвечает за название страны ^[29]. Способ имянаращения: создание описательного топонима, построенного на базе предикативной конструкции (трансференция нарицательного выражения в функцию имени). Переводческий прием, использованный при локализации – создание неологизма: «Лик-а-ла-Мер». В данном случае часть онима переведена, а

другая часть калькирована. В итоге, семантический разбор выстраивается следующим образом. Имеется «лик», что наиболее вероятно отвечает за «лицо», и есть «а-ла-Мер», что является загадкой для любого прочитавшего это название человека. Если играющий человек начнет прохождение на русском и не будет переключаться на оригинальный язык, он вероятнее всего не догадается, что «Лик» – сокращенная форма слова «лицо». В связке с этим будет идти непонятное «а-ла-Мер», которое может не вызвать никаких ассоциаций.

С точки зрения *прагматического эффекта*, оригинал и перевод призваны отразить одну функцию, что страна располагается у моря. Однако в отличие от оригинала перевод данным способом справляется хуже потому, что применяется непопулярная лексика и используется калька с французского, непонятная массовому пользователю.

Остается неясным решение команды переводчиков перевести одну часть, но оставить другую. Для обозначения наименований географических единиц и объектов полукалькирование является не самым продуктивным методом. При передаче названий стран, городов и т.д. с одного языка на другой полная калька является более частым явлением. Если переводчики хотели все же перевести данный оним, то можно было назвать страну как: «Лик-у-брега», «Лик-Приморье». При этом основной альтернативный вариант, который мы предлагаем в исследовании: «Фейс-а-ла-Мер».

Топоним «*Rue de Saint-Ghislaine*» ^[29] является одним из немногих примеров корректного перевода онимов в оригинальной версии игры. Способ имянаращения: создание топонима-одоронима (название улицы). Использованный прием перевода – *транскрипция*: «Рю-де-Сен-Гислен». Благодаря указанному переводческому приему, локализаторам удалось отразить французский культурный след.

Переносно-образные выражения.

Переносно-образное выражение «*Esprit De Corps*» (выражение с французского языка передает семантику корпоративного духа) – использованный в оригинальной версии игры оним ^[29]. Способ имянаращения: фразеологический (перенос устойчивого выражения, которое в видеоигровом дискурсе становится названием навыка.) Прием перевода, использованный в официальной локализации – *контекстуальная замена*: «Полицейская волна». Здесь прослеживается отсылка к выражению «полицейская частота», означающему радиочастоты, на которых проходят переговоры органов правопорядка. Из имеющегося контекста и прямого перевода данного выражения выстраивается следующий *прагматический эффект*: данный оним должен передавать особенности полицейской жизни и корпоративной культуры, раскрывать суть общения с коллегами.

Прагматически перевод не представляет никакого функционала для реципиента. В нем отсутствует изначальная интенция. Единственное, что можно привязать по функционалу к данному ониму – профессиональную занятость главного героя. В переводе изменена ключевая черта: «корпоративный дух». Это изначальное значение оказывает ключевое влияние на понимание сути онима. Когда в игре происходит диалог с применением данного навыка, то информация, которую главный герой и игрок получает в процессе диалога, составляет «духовную оболочку», связанную с местом работы протагониста, его полицейским участком и людьми, которые там работают. «Волна» в данном контексте перевода выступает в роли чего-то бесформенного. Ближайшая аналогия у этого выражения: «настроиться на волну», что означает «войти в резонанс с кем или чем-либо», но даже так игрок не получает полного понимания сути онима.

Таким образом, мы предлагаем два альтернативных варианта перевода: *«Esprit De Corps»* (адекватный с точки зрения мира игры и частоты использования французской лексики персонажами) и *«Жандармский дух»* (более точный, так как сохраняет отсылку к французской культуре).

Следующий англоязычный оним *«Savoir Faire»* (семантика оригинала передает способность делать и говорить правильные вещи, уметь с чем-либо справиться) [29]. Способ имяназвания: описательно-семантический (использование описательного словосочетания для наименования навыка). Для перевода указанного онима на русский язык в официальной локализации используется *контекстуальная замена*: *«Эквилибристика»*. Перевод семантически переносит нас в профессиональное поле, потому что *эквилибристика* чаще всего воспринимается как умение выполнять акробатические трюки четко и корректно.

Прагматический эффект данного онима в оригинале, заключается в том, чтобы обозначить, что данный навык будет отвечать за профессионализм и четкость исполняемых действий. Прагматика перевода предлагает воспринимать указанный оним, как если он отвечает за описание умения исполнения акробатических трюков: хождение по канату, совершение прыжков в воздухе через голову и т.п.

Оригинал можно переводить как *«ноу-хау»*, *«мастерство»*, *«профессионализм»*. Изначальный термин был заимствован в английский язык именно в этом значении. В итоге перед нами в оригинале предстает именная конструкция, призванная отразить профессиональные навыки главного героя как полицейского с точки зрения развитой ловкости движений. В данном случае мы предлагаем два основных альтернативных варианта перевода, чтобы отразить более широкое поле действий, которое описывает оригинальный оним: *«Ноу-хау»* и *«Сноровка»*.

Онимы, передающие сложные культурные реалии.

Следующий оним из англоязычной версии игры, *«Call Me Mañana»*, является синтезом английского и испанского языков [29]. Способ имяназвания: фразовый с элементами креолизации (перенос целого словосочетания в оним + синтез испанского и английского языков). Переводческий прием – *полукалькирование*: *«Зови-меня-Маньяна»*. (передан определенный культурный оттенок оригинального онима). Сохранив лексическую единицу *«Маньяна»*, переводчики показали, что персонаж является представителем культуры, отсылающей к той, которая в реальности является испаноязычной.

Прагматический эффект онима в оригинале заключается в необычной игре слов, где персонаж буквально подшучивает над всеми своим прозвищем. Он живет своей жизнью, сам ей хозяин, поэтому фактически оним означает: позови меня потом, когда я сам решу, а желательно никогда. Маньяна – боядейро, и его псевдоним – отражение философии жизни. Данный эффект в переводе был утрачен. Следует отметить, что в русском языке семантика прозвища такова: *«зови-меня-Маньяна»*, где финальная часть выражения вызывает непонимание у аудитории, так как семантика данного слова неясна для русскоязычного игрока. Вместе с этим теряется оригинальная прагматика. Отсутствует оригинальная идея и шутка про несбыточное завтра.

Отметим, что в данном примере более корректно с точки зрения раскрытия персонажа было бы передать его прозвище полностью на русском. Соответственно, мы предлагаем следующие альтернативные варианты: *«Позови меня Потом»* или *«Да, зови меня Потом»*.

В качестве примечания отметим, что у локализаторов игры не было единой стратегии для

передачи данной конкретной группы лексических единиц. Сеем предположить, что все переводилось от идеи к идее, а не с применением четко выстроенного алгоритма, потому что наравне с сохранением коннотаций оригинала и культурных реалий другого языка, существуют примеры, которые полностью русифицируют ономастические конструкции.

Следующий оним, передающий сложные культурные реалии: *«Boiadeiro»* (семантически оригинал означает слово «ковбой» на португальском языке. В игре используется применительно к местным носителям подобной субкультуры.) [29]. Способ именования: *апеллятивный* (трансференция нарицательного обозначения занятия/профессии в функцию имени). Использованный в официальной локализации прием – *калька*: *«Боядейро»*. Несмотря на то, что калькирование является одним из наиболее рациональных инструментов в переводческой практике для передачи характера определенной культуры, возникает проблема с тем, что *«боядейро»*, как заимствованного слова нет в русском языке, так как место данной лексической единицы занимает слово *«ковбой»*. Из-за данного факта значение перевода почти неуловимо.

Прагматический эффект оригинала заключается в указании на то, что в данной вселенной существуют такие же свободные люди своего Дикого Запада, но только в данной конкретной ситуации, с большим уклоном в испаноязычную культуру. В переводе в прагматическом аспекте теряется определенная особенность. Несмотря на то, что вероятнее всего почти каждый так или иначе знаком с вестернами – не всем понятна в деталях культура и философия ковбоев. Таким образом, для игрока, проживающего в странах СНГ, описание указанного умения не содержит прозрачной отсылки к реально существовавшей практике, на которую намекают используемое слово и обозначаваемые им люди.

Стоит признать, что перевод данного слова представляет определенные трудности, так как для аутентичности необходимо отразить аспект испаноязычности или как минимум присутствия романского языка в оригинальном названии. С другой стороны, также важно показать, к чему отсылает оригинал, если описание не позволяет получить требуемый максимум информации. И несмотря на то, что вариант с калькированием в виде *«Боядейро»*, выглядит вполне адекватным, мы, в связи с изложенным выше, предлагаем два альтернативных варианта: *«Ковбойро»* или *«Ковборио»*.

Верификация альтернативных авторских вариантов перевода.

Верификация предложенных нами вариантов перевода онимов романского происхождения проводилась при помощи опросов членов игрового сообщества. Данный подход можно считать легитимным, так как он соотносится с методологией прикладной лингвистики и переводческих исследований. Была использована общедоступная платформа «Яндекс.Формы» с гибкой логикой вопросов. Всего в опросах поучаствовало 998 человек. Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1. Верификация альтернативных переводческих решений для онимов романского происхождения (посредством опроса игрового сообщества Disco Elysium)

Оним	Официальная локализация	Предлагаемый вариант	Верификация
Cunoesse	Куна (создание неологизма)	Куноэсса (калькирование (транслитерация)), Куноэс (калькирование (транскрипция)), Кунова	В результате опроса, было выявлено, что около 57% игроков согласны с предложенным вариантом,

		(создание неологизма)	43% против.
Call Me Mañana	Зови-меня-Маньяна (полукалькирование)	Позови меня Потом или Да, зови меня Потом (контекстуальная замена)	В результате опроса, было выявлено, что около 82% игроков согласны с предложенным вариантом, 18% против.
Boiadeiro	Боядейро (калькирование)	Ковбойро или Ковборио (создание неологизма)	В результате опроса, было выявлено, что около 77% игроков согласны с предложенным вариантом, 23% против.
Esprit De Corps	Полицейская волна (контекстуальная замена)	Esprit De Corps (культурный омаж)	В результате опроса, было выявлено, что около 61% игроков согласны с предложенным вариантом, 39% против.
		Жандармский дух (этика, культура) (контекстуальная замена)	В результате опроса, было выявлено, что около 75% игроков согласны с предложенным вариантом, 25% против.
Savoir Faire	Эквилибристика (описательный перевод)	Ноу-хау или Сноровка (контекстуальная замена)	В результате опроса, было выявлено, что около 72% игроков согласны с предложенным вариантом, 28% против.
Insulinde	Островалия (создание неологизма)	Инсулинд (калькирование (транслитерация)), Исулинд (калькирование (транскрипция))	В результате опроса, было выявлено, что около 65% игроков согласны с предложенным вариантом, 35% против.
Face-a-la-mer	Лик-а-ла-Мер (полукалькирование)	Фейс-а-ла-Мер (калькирование)	В результате опроса, было выявлено, что около 90% игроков согласны с предложенным вариантом, 10% против.

Заключение.

Таким образом, наименьшие трудности при актуализации онимов романского происхождения возникают в работе с именами собственными, передающими антропони́мы (**Acele, Andre, Eugene** и др.), т.к. они требуют применения проверенных и отработанных годами методов и техник переводческой работы (например, транскрипции и транслитерации). В данном случае переводчики работают с именами, написанными латиницей, которые нужно передать на русский с учетом специфики французского произношения.

Однако, когда переводчики работают с онимами, передающими культурные реалии (**Call Me Mañana, Boiadeiro**), топонимами (**Insulinde, Face-a-la-mer**), переносно-образными словосочетаниями (**Esprit De Corps, Savoir Faire**) и структурно-специфическими антропони́мами (**Cunoesse**) требуются другие приемы. Здесь специфика отражается не

только в произношении, но и в работе с понятиями, являющимися реалиями для определенных культур (исп. **Mañana**, **Boiadeiro**, фр. **Insulinde**), идиомами романского происхождения и их значениями (фр. **Esprit De Corps**, **Savoir Faire**), производными словами (фр. и лат. «-esse» в **Cunoesse**; «-a-la-mer» в **Face-a-la-mer**; «L'» в топониме **L' Insulinde**, который отсылает к игровому топониму **Insulinde**; «De» в **Esprit De Corps**). При работе с данными онимами переводчики применяют полукалькирование, создание неологизмов и функциональные замены. Указанные приемы являются комплексными способами передачи лексики с одного языка на другой и требуют более взвешенного подхода. При применении перечисленных приемов проверяется не только знание переводчиком тех или иных выражений и их значений, но и умение творчески передать лексическую единицу.

При работе с лексикой, которая является неассимилированной даже в том языке, на котором в основном написан текст (как в настоящей работе, где основной сценарий написан на английском, но имеется много отсылок к французскому языку) возникают трудности по сохранению изначальных значений в русском языке (ключевой язык перевода, рассматриваемый в данном исследовании).

Учитывая данные положения мы, используя перечисленные выше способы перевода онимов романского происхождения, предложили собственные переводческие варианты. Предложенные варианты были верифицированы посредством опроса членов игрового сообщества. Данный способ легитимен, так как является приемом экспертной оценки, где в качестве экспертов выступают сами игроки и потенциальная целевая аудитория. Таким образом, анкетирование в контролируемой среде (Яндекс.Формс) позволило выявить, что предложенные варианты перевода естественны и узнаваемы, встраиваются в ассоциативный ряд реципиентов и не вызывают искаженных или нежелательных коннотаций.

Отметим, что прикладное значение результатов настоящего исследования для переводческой работы видится в определении оптимальных способов перевода различных типов онимов. Применение перечисленных выше методов повышает адекватность перевода, способствует точности передачи культурных реалий и оттенков значений. Результаты исследования могут послужить основой для разработки методических рекомендаций переводчикам по работе с мультязычными текстами, снижая риск потери коннотаций оригинальных произведений. Кроме того, полученные выводы можно применить в лекционных курсах по актуальным проблемам современного переводоведения.

Таким образом, актуализация онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе требует дальнейшего рассмотрения для построения конкретных техник их передачи в текстах, которые обладают многогранным культурно-языковым портретом.

Библиография

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
2. Kripke, S. A. Naming and Necessity. – Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1980. – 172 p.
3. Напольских, В. В. Этнонимика как историко-филологическая дисциплина: общие и конкретные решения, случайность и системность // Вопросы ономастики. – 2025. – № 2 (22). – С. 9-30. DOI: 10.15826/vopr_onom.2025.22.2.014 EDN: AWPERR
4. Журавлёва, Н. В., Кабинина, Н. В. Антропонимы неславянского происхождения в "Актах Соловецкого монастыря" (I) // Вопросы ономастики. – 2024. -№ 3 (21). – С. 93-

116. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.033 EDN: IPNJBE
5. Борисова, Е. О. К изучению индивидуальных прозвищ с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах // Вопросы ономастики. – 2024. – № 3 (21). – С. 156-177. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036 EDN: IZZAJW
6. Мусаева, Р. А. Антропонимы в ономастическом пространстве кумыкских фольклорных сказок // Кавказология. – 2025. – № 1. – С. 298-311. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-298-311 EDN: RVTXJK
7. Буркова, Т. А. Прецедентные онимы в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 4 (59). – С. 15-23. DOI: 10.37724/RSU.2021.59.4.002 EDN: YYAQHJ
8. Дзюба, Е. В., Еремина, С. А., Рогозинникова, Ю. В. Прецедентные онимы сферы "Русская литература" в англоязычной карикатуре // Вопросы ономастики. – 2023. – № 1 (20). – С. 202-222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.012 EDN: BVJRDH
9. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
10. Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 416 с. EDN: QRQHVH
11. Шаповалова, Е. О. Особенности формирования имен собственных и способы их передачи на русский язык (на материале сказки Дж. Родари "Приключения Чиполлино") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 9 (16).
12. Смирнова, Д. А., Абдульманова, А. Х. Способы перевода антропонимов и топонимов в современной английской литературной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 2 (13).
13. Воробец, Т. А., Гердт, Е. В., Лобкова, Е. В. Проблема интерпретации окказиональных имен собственных и особенности их передачи в русскоязычных переводах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 6 (16).
14. Newmark, P. A Textbook of Translation. – Hemel Hempstead: Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
15. Parianou, A. Translating Proper Names: a Functionalist Approach // Names: A Journal of Onomastics. – 2007. – №55 (4). – URL: <https://doi.org/10.1179/nam.2007.55.4.219> (дата обращения: 30.08.2025).
16. Afrouz, M. Expanding Vermes's (2003) Model of Translation Strategies // Lebende Sprachen. – 2021. – №66 (1). – URL: <https://doi.org/10.1515/les-2021-0003> (дата обращения: 30.08.2025).
17. Mambelli, G. Translating English Fictional Names: An Analysis of Anthroponyms in the Italian Translations of The Lord of the Rings // Onomastica. Rivista di teoria e pratica dei nomi propri. – 2022. – № 4. – URL: <https://doi.org/10.6092/issn.2724-0905/14504> (дата обращения: 30.08.2025).
18. Kubaszczyk, J. Factors Affecting the Translation of Toponyms // Onomastica. – 2025. – №69. – URL: <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.69.11> (дата обращения: 30.08.2025).
19. Chen, L. N. Cross-Linguistic Comparison of Screen Translations of Names in Hayao Miyazaki's Animated Films // Вопросы ономастики. – 2021. – № 1 (18). – С. 195-208. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.009 EDN: BYSXAL
20. Wildfeuer, J., Stamenković, D. The discourse structure of video games: A multimodal discourse semantics approach to game tutorials // Language & Communication. – 2022. – № 82. – P. 28-51. DOI: 10.1016/j.langcom.2021.11.005 EDN: TCQMMO
21. Rennick, S., Roberts, S. G. The Video Game Dialogue Corpus // Corpora. – 2024. – №1 (19). – URL: <https://doi.org/10.3366/cor.2024.0299> (дата обращения: 03.05.2025).
22. Dixon, D. H. The Linguistic Environments of Digital Games // CALICO Journal. – 2022. – №39 (1). – URL: <https://doi.org/10.1558/cj.20065> (дата обращения: 30.08.2025).

23. Furianto, F., Simanjuntak, R. R. Gaming Language as a Language Variation in Digital Contexts // Proceedings of the 4th International Conference on Business and Applied Science (ICOBAR 2023). – 2023. – URL: https://doi.org/10.2991/978-2-38476-094-0_36 (дата обращения: 30.08.2025).
24. Vnucko, G. Exploring the Relationship between Digital Gaming and Vocabulary Learning / Attitudes to L2 // Education and Information Technologies. – 2024. – №29. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12450-7> (дата обращения: 30.08.2025).
25. Вдовиченко, С. С. Фреймовый анализ речевых актов в англоязычном дискурсе видеоигр (на материале видеоигры Dota 2) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 (2). – С. 27-31. EDN: TWQSCR
26. Селютин, А. А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 10 (318). – С. 138-144. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10318 EDN: XRMYY
27. Шагеева, А. А., Ануфриев, К. В. Graph-phonemic aspect of the transfer of stylistically archaic onyms in computer-game localization (based on the material of Russian and English languages) // Philology. Theory & Practice. – 2024. – 7 (17). – URL: https://www.researchgate.net/publication/382617724_Graph-phonemic_aspect_of_the_transfer_of_stylistically_archaic_synonyms_in_computer-game_localization_based_on_the_material_of_Russian_and_English_languages?__cf_chl_tk=eo0pC0I3vHv4TGZNgZCkfh2EOK3ATgcHZKEJGF8ae4-1757127202-1.0.1.1-S6Y2I.Aenwf.emWOWTI.ya1XLo7IpnckdWSfHS2ivhE (дата обращения: 06.09.2025).
28. Рюкова, А. Р., Филимонова, Е. А. Перевод имен собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр // Вестник Башкирского университета. – 2016. – № 4 (21). – С. 968-973. EDN: XSBIEF
29. Disco Elysium – The Final Cut – [Компьютерный игровой продукт] – ZA/UM, 2016.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью «Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности актуализации и перевода»

Предмет исследования

В рецензируемой статье рассматриваются онимы романского происхождения, функционирующие в англоязычном видеоигровом дискурсе, а также их перевод на русский язык. В качестве материала анализа выбран сценарий компьютерной игры *Disco Elysium*. Работа направлена на выявление особенностей актуализации онимов в виртуальной среде и анализ переводческих стратегий, применяемых при их локализации.

Методология исследования

Автор применяет комплексный подход, включающий сопоставительный, описательный, функциональный, прагматический методы, а также метод компонентного анализа и элементы дискурсивного анализа. Такой набор инструментов обеспечивает всестороннее рассмотрение проблемы. Вместе с тем методическая часть требует большей конкретизации: в тексте не обозначены принципы выборки материала, его объем и классификация, что затрудняет воспроизводимость исследования.

Актуальность

Тема исследования представляется безусловно актуальной по следующим причинам:

1. Развитие ономастики как важного направления современной лингвистики.
2. Рост интереса к проблемам перевода имен собственных и их культурно-прагматических функций.
3. Новизна изучения видеоигрового дискурса, являющегося уникальной площадкой для апробации языковых инноваций и межкультурной коммуникации.

Таким образом, работа отвечает современным научным запросам и обладает прикладной значимостью для переводоведения и практики локализации медиапродуктов.

Научная новизна

Новизна статьи заключается в том, что впервые проведен целенаправленный анализ онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе. Автор показывает отсутствие единой стратегии перевода у локализаторов *Disco Elysium* и указывает на прагматические потери, возникающие при передаче отдельных имен. Работа демонстрирует, что перевод подобных онимов требует не только лексико-семантической, но и культурной адаптации.

Стиль, структура и содержание

Статья написана в академическом стиле, обладает логичной структурой: введение, постановка целей, методология, аналитический раздел, заключение. Используемый иллюстративный материал (примеры онимов и их переводов) делает анализ наглядным и убедительным. Вместе с тем, избыточная детализация при рассмотрении отдельных примеров перегружает текст. Рекомендуется часть материала представить в виде таблиц или схем.

Библиография

Список литературы корректно отражает современное состояние исследуемой проблемы и включает как фундаментальные, так и новейшие работы (2021–2025 гг.). Однако ощущается недостаток англоязычных источников по направлению «game studies», что могло бы придать исследованию больший международный контекст.

Апелляция к оппонентам

Статья вызывает интерес и открывает перспективы для дальнейших исследований. В то же время возможные возражения могут касаться:

- ограниченности корпуса одной видеоигрой, что сужает репрезентативность выводов;
- субъективного характера некоторых предложенных переводов, не подтвержденных эмпирическими данными (опросами игроков, корпусным анализом, статистикой).

Тем не менее работа обозначает проблемные зоны и стимулирует научную дискуссию, что является несомненным достоинством.

Выводы и рекомендации автору

1. Конкретизировать корпус материала: указать объем сценария, принципы выборки примеров и их классификацию.
2. Сократить избыточные описания и структурировать анализ (оригинал / перевод / стратегия / прагматический эффект / возможная альтернатива).
3. Расширить теоретическую базу за счет англоязычных исследований в области *game studies* и перевода онимов.
4. Подкрепить предложенные переводческие решения эмпирическими данными: опросами игроков, анализом форумов, статистикой частотности.
5. Возможно, предложить собственную классификацию стратегий перевода онимов романского происхождения.
6. Уточнить прикладное значение результатов для переводческой практики.

В целом представленная работа отличается актуальностью, научной новизной и методологической продуманностью. Несмотря на отдельные недостатки, статья имеет

высокий научный потенциал, может быть интересна как теоретикам ономастики и переводоведения, так и практикам локализации.

Все вышесказанное позволяет заключить, что статья рекомендуется к публикации после доработки с учетом вышеизложенных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности актуализации и перевода».

Предмет исследования – специфика актуализации и особенности переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в пределах дискурса видеоигр.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением сопоставительного, описательного, функционального и прагматического методов, кроме того, использовался метод компонентного анализа и комплексный лингвистический анализ.

Актуальность работы заключается в релевантности её проблематики, обусловленной существующим в настоящее время научным интересом к вопросам локализации компьютерных игр, трудностям передачи имён собственных, а также в уникальности анализируемого материала.

Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой анализ способов передачи имён собственных при локализации видеоигр для русскоязычной аудитории на материале онимов романского происхождения из видеоигры *Disco Elysium*. Стиль изложения научный, структура, содержание. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (дан краткий обзор теоретической базы исследования; содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы; сформулированы актуальность, научная новизна, цель, предмет, дана характеристика эмпирического материала, приведены методологические основы проведенного исследования); основная часть (представлены результаты исследования; рассмотрены особенности перевода онимов романского происхождения из видеоигры *Disco Elysium*; проанализированы проблемы передачи онимов на русский язык и степень полноты отображения их смысло-функциональных параметров; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами; проведена верификация предложенных автором вариантов перевода онимов романского происхождения при помощи опросов членов игрового сообщества); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 24 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием проблемы перевода онимов в видеоигровом дискурсе при локализации игр. Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы на занятиях по теории и практике перевода, а также в спецкурсах

переводоведения.

Рекомендации автору:

1. Было бы уместно скорректировать название статьи, указав, что в исследовании рассматривается проблема перевода онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе при локализации видеоигры для русскоязычной аудитории.

2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ: стоит подробнее рассмотреть фундаментальные работы, освещающие специфику перевода и передачи имен собственных и классические приемы перевода онимов в различных типах дискурса, а также привести современные исследования особенностей передачи онимов с английского языка на русский в официальных локализациях игр.

3. Для лучшего восприятия текста стоит ввести подзаголовки, было бы также уместно пересмотреть логику представления материала: иллюстративные примеры, возможно, стоит сгруппировать по типу онима или в соответствии с приемом его передачи на русский язык. Стоит унифицировать оформление иллюстративных примеров (например: 1. Исходный оним: ...; 2. Способ именования: ... 3. Прием перевода: ... 4. Перевод в официальной локализации: ... 5. Альтернативный авторский вариант перевода: ...). Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть повторно рассмотрен редакцией журнала «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья касается вопроса перевода онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе. Данный вектор, на мой взгляд, наукообразен, да и сама тема достаточно актуальна, даже при имеющейся базе конструктивных наработок. В целом статья имеет правильную структуру, она информативна, полновесна; точка зрения исследователя верифицирована. Отмечу также, что автору удалось систематизировать работы, в которых онимы являются главной категорией. Стиль данного труда соотносится с научным типом, считаю, что вариант аргументации удачен. Например, «в фокусе научных изысканий современных лингвистов проблемы онимов также занимают значимое место. Изучается этнонимика как историко-филологическая дисциплина, выявляются особенности антропонимов неславянского происхождения, анализируются индивидуальные прозвища с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах...», или «в зарубежной переводческой науке предпринимается как комплексное, так и аспектное изучение особенностей перевода онимов. Классической работой о передаче имен собственных является труд П. Ньюмарка, который обосновывает значимость концепции переноса («transference») для имен и

классифицирует случаи, когда целесообразно применять тот или иной переводческий прием при работе с онимами...» и т.д. Основные требования издания учтены; цель исследования как таковая достигнута. Считаю, что работа имеет прикладной / практический характер; материалы можно использовать далее. Автор отмечает, что «новизна исследования заключается в том, что впервые проводится анализ переводческих приемов при работе с онимами романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе», бесспорно, с этим можно согласиться. Исследование проведено на основе «полного сценария игры *Disco Elysium*, общий объем составляет около 10 000 реплик персонажей. Материал отбирался в ходе прохождения видеоигры в течение 105 игровых часов. Онимы отобраны методом целевой выборки (онимы романского происхождения), далее произведена их стратификация по типологическим особенностям. Таким образом, методологическая основа исследования объективна, с помощью указанного подхода автору удается дать удачную версию альтернативных переводческих решений для онимов романского происхождения. Примеров, которые введены в текст статьи достаточно, они типологически точны. В данном случае серьезная правка излишня. Например, «следующий пример, демонстрирующий подобную тенденцию Andre. Способ имяназвания здесь традиционный (использование романизированной формы классического греческого имени). Использованный переводческий прием – транскрипция: «Андре», или «рассмотрим оригинальный антропоним «Beaufort». Способ имяназвания: создание однословной фамилии-топонима. Использованный переводчиками прием перевода – транскрипция: «Бофор». Оним содержит отсылку к французским герцогствам во Франции», или «При передаче названий стран, городов и т.д. с одного языка на другой полная калька является более частым явлением. Если переводчики хотели все же перевести данный оним, то можно было назвать страну как: «Лик-у-брега», «Лик-Приморье». При этом основной альтернативный вариант, который мы предлагаем в исследовании: «Фейс-а-ла-Мер» и т.д. Наличного текста достаточно для раскрытия темы, решения поставленных исследовательских задач. Полученные наработки прошли т.н. «апробацию» в рамках опроса, обобщение внесено в таблицу «Верификация альтернативных переводческих решений для онимов романского происхождения (посредством опроса игрового сообщества *Disco Elysium*)». Список источников достаточен, хорошо, что в него включены работы разных типов. Общие выводы относятся с основной частью; автор в итоге отмечает, что «актуализация онимов романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе требует дальнейшего рассмотрения для построения конкретных техник их передачи в текстах, которые обладают многогранным культурно-языковым портретом». Рекомендую рецензируемую статью «Онимы романского происхождения в англоязычном видеоигровом дискурсе: особенности локализации на русский язык (на материале видеоигры *Disco Elysium*)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Булгарова Б.А., Дуань С., Козловская Е.С., Гафурова Л.Р. Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76583 EDN: JMGQHV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76583

Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина

Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Дуань Сяосяо

ORCID: 0009-0007-1896-8641

аспирант, кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042248252@pfur.ru

Козловская Екатерина Станиславовна

ORCID: 0000-0002-6308-725X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Русского языка №5; РУДН им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ kozlovskaya_es83@mail.ru

Гафурова Линара Раисовна

ORCID: 0009-0001-2294-5342

Педагог ДО; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ belamie22@gmail.com

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76583

EDN:

JMGQHV

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает динамичная эволюция китайской мифологии, рассматриваемая через призму теории Бахтина. Авторы статьи исследуют мифологию Китая от форм первобытных верований до современных кино- и телевизионных адаптаций, раскрывая ее культурную сущность как "сцены вечного диалога". Анализируются ключевые исторические этапы развития китайской мифологии: полифонические нарративы осевой эпохи, в которых такие фигуры, как Даю, переосмысливались различными философскими школами; диалог и взаимное конструирование религиозного и светского дискурсов, примером чего является фигура Гуань Юя, из династии Вэй, Цзинь, Тан и Сун; продолжающийся диалог между официальными лицами и народом, священным и светским, историческим и современным, воплощенный в литературе времен Мин и Цин о "Посвящении богов"; визуальная нарративная конструкция "хронотопа", воплощенная в современной цифровой игре "Black Myth: Wukong". Данное исследование обеспечивает методологическую поддержку для творческой трансформации современной мифологии, отвечает на вопрос о национальной культурной идентичности в контексте глобализации и обеспечивает важную теоретическую основу для изучения возможности мультикультурной идентичности. Методология исследования строится на "теории диалогизма" Бахтина, переосмысливается эволюционная логика китайской мифологии, утверждается, что этот процесс, по сути, представляет собой непрерывные переговоры между множеством дискурсов: официальными повествованиями, народными интерпретациями, философскими заимствованиями и межкультурными обменами. Исследование расширяет сферу применения карнавальная поэтики и концепции "хронотопа" от литературной критики до мифологических исследований. Научная новизна исследования заключается в применении ключевых концепций Бахтина к процессу эволюции мифологии Китая как к культурному феномену, а не к литературному тексту. Такой исследовательский подход переводит траекторию литературного анализа в область кросс-культурных исследований и мифологии. Авторы статьи предлагают новый взгляд на изучение китайской мифологии как на процесс непрерывного дискурса (исторического и философского, народного и официального, светского и религиозного, современного и традиционного). Вывод, к которому приходят авторы исследования заключается в следующем: суть китайской мифологии кроется в трансформационной динамике на протяжении всего исторического этапа: культурные мифологические архетипы продолжают передаваться через новые формы коммуникации, в том числе и цифровые, отвечая глобальным вызовам современности и тенденциям к междисциплинарности.

Ключевые слова:

Китай, Бахтин, мифология, трансформация, диалог, образ, адаптация, реконструкция, интерпретация, коммуникация

Введение

В конце 1950-х годов Е. М. Кожинев систематизировал неопубликованные научные рукописи и заметки Бахтина и впервые раскрыл основные принципы своих лингвистических и эстетических исследований, отметив завершенность идеологической системы Бахтина [\[4\]](#). В 1960-х годах французский специалист по семиотике Юлия Кристева опубликовала книгу под названием "Семиотика: исследования в области анализа знаков", в которой впервые представила французскому академическому сообществу "теорию диалогизма" Бахтина и "карнавальную поэтику" и включила ее в дискуссию между структурализмом и постструктурализмом [\[5\]](#). Это событие способствовало популяризации и интеграции подхода Бахтина в западные теории; его концепции использовались в различных исследованиях в сфере теории литературы, философской антропологии и культурологии, что в конечном итоге закрепило за ним академический статус важного мыслителя и теоретика литературы 20 века.

Философский краеугольный камень системы мышления Бахтина, "диалогизм", является основной логикой его лингвистических, поэтических и философских исследований [\[12, С. 151-155\]](#). Он определяет "диалогизм" как онтологические характеристики человеческого сознания и существования языка, подчеркивая, что смысл генерируется в вечном взаимодействии различных субъектов, различных дискурсов и различных культурных форм.

В данном исследовании теория "диалогизма" выступает концептуальным инструментом для изучения китайских мифологических нарративов, выходящих за рамки дисциплинарных границ: китайская мифология развивалась на протяжении тысячелетий, от примитивных символов "Классики гор и морей" до визуальной реконструкции современного кино и телевидения. Мифология Китая всегда была в центре внимания и выступала синергией множества дискурсов: диалог между примитивными тотемами и исторической рациональностью, игра между официальными повествованиями и народными легендами, интертекстуальность между местными традициями и мировой культурой. Современный исследовательский подход к изучению мифологии Китая строится на таких ключевых понятиях как: "незавершенность", "внешняя перспектива" и "карнавальная деятельность", актуализируя историческое измерение мифологических исследований, обеспечивая надежную теоретическую основу для современной трансформации традиционных нарративных текстов и демонстрируя гибкость интерпретации и жизнеспособность классических идей в разнородных культурных контекстах.

1. Исследование мифологического текста и теория Бахтина

1.1 Диалогичность: индивидуальность и системность мифологических образов

В "Проблемах поэтики Достоевского" Бахтин возвел диалогизм к уровню онтологии и предложил "существование как диалогизм", подчеркивая многоуровневые диалогические отношения внутри текста, включающие взаимодействие различных субъектов дискурса и согласование исторических и текущих значений [\[1\]](#). В китайской мифологической системе мифологические образы не существуют изолированно, а устанавливают свои значения посредством интертекстуальных связей между различными мифологическими текстами. Образ Нувы с "человеческой головой и телом змеи" (Классика гор и морей, классика Великого Дикого Запада) образует "двойственность творения" с Фуси в первобытных верованиях [\[2, С. 191-201\]](#). Его повествовательная

функция - "восстановление неба" и "создание людей" - по сути, является целостным объяснением естественного порядка вещей и происхождения человечества от предков. В то же время последующие поколения осознавали диалог между мифологическими текстами-прототипами посредством реконструкции.

Классика гор и морей

*Нува и Фуси
Фигура человека и змеи*

*Нува
чинит небеса*

Рисунок 1. Изображение Нувы

Династия Хань Хуайнаньцзы включила Нуву в космологию "Инь-Ян и пять элементов", сделав ее хранительницей порядка, которая "очищала пятицветные камни, чтобы починить небеса", сформировав историческое объединение мифов посредством дискурса власти (Рис. 1). Смысловые границы китайских мифологических образов постоянно расширялись при столкновении дискурсов в разные эпохи.

1.2 Полифоническое повествование: смыслопорождение мифа и многоголосие

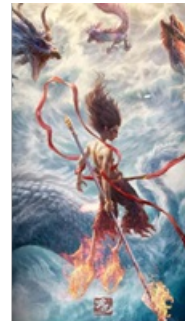
Бахтин утверждал: суть полифонических романов заключается в "множестве независимых и неинтегрированных голосов и сознаний, в истинной полифонии, состоящей из полноценных разных голосов [\[1\]](#). Полифонический характер китайской мифологии отражается в сосуществовании различных интерпретаций конфуцианства, буддизма и даосизма. История о том, как Мулян спас свою мать, впервые была описана в "Улламбана сутре Будды", которая была привезена в Китай из Индии во времена ранней династии Хань. Позже, в процессе локализации в Китае, индийская буддийская концепция реинкарнации была интегрирована в даосскую концепцию ада и конфуцианскую этику сыновней почтительности [\[3, С. 42-51\]](#).

Мулиан спасает свою мать

Кунг-фу Панда

Нежа

Рисунок 2. Трансформация образов

Серия фильмов "Кунг-фу Панда" трансформировала китайские символы, такие как

“дракон” и “феникс”, в символы западного личного героизма, в то время как “Нежа: дитя дьявола приходит в этот мир” стала ответом на голливудские нарративы местным дискурсом “моя судьба определяется мной самим, а не Богом” [9, С. 73-76]. Подобный межкультурный диалог – не являет собой противостояние, а представляет собой то что Бахтин называет “гетероглоссией”, достижение временного консенсуса по универсальной теме различных культурных голосов, демонстрирующее полифонический потенциал мифа как “культурной среды” (Рис. 2).

1.3 Карнавализация: воссоздание порядка и разрушение сакрального

Теория карнавала интерпретирует карнавал как символический феномен сопротивления власти. Посредством словесной игры, обмена ролями и других форм он использует ритуал “коронованный-развенчанный”, чтобы подорвать иерархический порядок и реконструировать дискурс равенства [11]. Карнавальное выражение в китайской мифологии сосредоточено в растворении сакрального в народных повествованиях. В “Путешествии на Запад” Сунь Укун крадет персики, подделывает книгу жизни и смерти, называет Нефритового императора “старым императором” и устраивает бунт в Небесном дворце, что является “утопией в карнавальном стиле”, используя словесные оскорбления и физическое насилие, чтобы “свергнуть” власть о небесном мире. Более символично, что Сунь Укун, “Великий мудрец, равный Небесам”, просит Нефритового императора “позволить мне, Великому Мудрецу, Равному Небесам, жить в этом Небесном дворце” (глава 4) [15, С. 171-185].

Великий хаос на небесах

Возвращение Великого мудреца

Белая змея

Рисунок 3. Современные кино- и телевизионные адаптации мифологии

Это “коронное” поведение, по сути, заключается в противопоставлении себя верховной власти и создании карнавального пространства “равенства всех существ”. Современные кино- и телевизионные экранизации мифологии подчеркивают “десакрализацию”. Король обезьян в “Возвращении великого мудреца” теряет свой ореол “Великого мудреца” и становится “разочарованным героем”, зараженным духом рынка; “Белая змея: Происхождение” превращает Белую Змею из “демона под пагодой Лэйфэн” в обычную женщину, стремящуюся к истинной любви [8, С. 62-68]. Карнавальная стратегия “падения и подъема” устраняет трансцендентные атрибуты мифологии и позволяет ей войти в секулярное эмоциональное пространство (Рис.3).

1.4 Время и пространство: согласование исторических и современных ценностей

В 1937 году Бахтин впервые предложил концепцию “хронотопа” в работе “Временная форма и пространственно-временная форма романа”, предположив, что “как когнитивное

целое временные и пространственные отношения органично интегрированы в художественный текст". Знак времени должен быть отображен в пространстве, а пространство понимается и измеряется через время [7, с. 30-33]. От древнегреческих эпосов до реалистических романов хронотоп претерпел трансформацию от абстрактного к конкретному, от публичного пространства к частному и отражает влияние социальной культуры в разные периоды на концепцию времени и пространства. В "Записях великого историка: основные летописи пяти императоров" Сыма Цянь включил мифологические фигуры, такие как Хуанди, Яо и Шунь, в линейные временные рамки, такие как "Хуанди умер и был похоронен в Цяошане" и "Яо был у власти 70 лет и победил Шуня". В космологии он построил географическую систему координат, согласно которой "Хуанди жил на холме Сюаньюань и женился на дочери Силина" [3, с. 42-51]. Сопоставляя мифологические события со сменой династий и конкретными географическими пространствами, он создал единую идеологию и превратил мифологических персонажей из трансцендентных богов в исторических монархов, которые могут быть подтверждены.

2. Первобытная вера: создание священных образов в хаотичном пространстве и времени.

Бахтин отмечал, что истинные художественные тексты "незакончены", и их смысл всегда открыт, ожидая постоянного вмешательства более поздних интерпретаций [11]. Таотийский узор на бронзовых изделиях династии Шан символизировал "божественную власть" в династии Шан, но постепенно превратился в моральный символ предупреждения "избегать жадности" в династии Чжоу [10, с. 83-92]. Значение божественности тотема не зафиксировано в одном тексте, но постоянно перестраивается племенами в процессе миграции, войн и интеграции. Изменение значения тотемного культа подтверждает природу "незавершенного носителя", который всегда находится в противоречии между сакральностью и светскостью. Эта незавершенность также отражается в полифонической структуре

тотемных

функций.

Рисунок 4. Многоголосое повествование о животном-тотеме

Одно и то же животное-тотем (например, тигр) может играть несколько ролей в разных племенах, таких как бог войны (племя Чию) [16, с. 103-107], бог размножения (тотем Башу) [14, с. 87-91] и страж природы (культ Либайши) [6], образуя "полифоническое повествование" о примитивных верованиях (Рис. 4).

Примитивные ритуалы жертвоприношения - это доисторическая практическая область теории карнализации. Суть состоит в том, чтобы создать "равное пространство" для общения между людьми и богами посредством иррациональных телесных действий (таких как ношение масок, подражание мифическим животным и пьяное веселье), а также укрепить коллективные убеждения в процессе подрыва повседневного порядка. Ритуал "Юджи", зафиксированный в надписях на костях оракулов из Иньсу (жертвоприношение вина богам в сопровождении танца), представляет собой карнавальную сцену, которая

следует диалектической логике Бахтина "коронация-недраматизация". Волшебник впадает в "состояние экстаза" из-за опьянения, и его речь превращается из повседневного общения в "оракул". Человеческие индивидуумы в повседневном порядке "не драматизируются" в ритуале и становятся участниками хаотического состояния, но "коронуются" как носители священной силы в слиянии с образом богов.

Стоит отметить, что карнавализация примитивных жертвоприношений - это не просто нарушение общественного порядка. Основная логика заключается в том, чтобы добиться наведения порядка путем периодического ниспровержения принципа "коронованный-развенчанный". Например, карнавальное подражание богу земледелия на фестивале восковых фигур в конечном счете указывает на подтверждение порядка сбора урожая; танец, призванный прогнать бога Нуо в опере "Нуо", призван усилить коллективное стремление к чистоте (порядку) путем имитации хаоса (злых духов). Это подтверждает основную мысль Бахтина: за ниспровержением карнавала стоит скрытое поддержание глубинного культурного порядка - примитивный мифологический образ обретает реалистичное существование в карнавальном ритуале, и его сакральность утверждается в процессе диалога "разрушение-реконструкция"^[1].

3.Осевая эпоха: зарождение полифонического повествования (до Цинь-Хань)

Наиболее ярким проявлением "диалогической" теории Бахтина в Осевую эпоху стал кросс-дискурсивный диалог "мифологических метатекстово-философских интерпретаций", сформированный различными философскими школами в весенне-осенний период и период воюющих царств, которые строили свои идеологические системы путем переписывания мифологических образов ^[17, С. 106-116]. Такого рода интерпретация - это не одномерное присвоение смысла, а двустороннее взаимодействие между различными школами и мифологическими архетипами, а также между разными школами через мифологические архетипы. Это многоголосое повествование не только заложило идеологическую основу для объединения династий Цинь и Хань, но и заложило традицию диалога "гармония в многообразии" в китайской цивилизации.

Дайю - ключевая фигура в древнекитайских мифах и исторических легендах. Его основные деяния - "борьба с наводнениями для спасения людей" и "установление границ девяти государств". Согласно "Классике гор и морей, в эпоху Яо и Шун, когда жил Дайю, наводнения были в разгаре. Отец Дайю был привлечен к ответственности за неспособность справиться с наводнениями, и он перенял контроль своего отца. В отличие от метода "блокирования", который применял его отец, Дайю применил стратегию "дноуглубления", заставив людей рыть реки и извлекать ил. После тринадцати лет напряженной работы он, наконец, успешно справился с наводнениями и позволил людям жить в мире. Образ Дайю сочетает в себе мифологические и исторические элементы: с одной стороны, его история имеет мифологическую окраску, например, легенда о том, что он пользовался помощью мифических зверей, таких как черепаха и Инлун; с другой стороны, более поздние поколения рассматривали его как реальную историческую личность и даже считали главным героем, основателем первой династии Китая, "династии Ся" ^[2, С. 191-201]. Эта характерная черта образа "наполовину бога, наполовину человека" сделала Дайю важным культурным символом для более поздних мыслителей, объяснявшим различные взгляды.

Конфуцианство превратило действия Дайю по борьбе с наводнениями в носителя моральной дисциплины, превратив их в идеальную модель "самосовершенствования - устройства семьи - управления страной - умиротворения мира": развитие личности

(самоконтроль) проявляется в восстановлении общественного порядка (управлении страной) посредством наводнения - практики контроля (управление страной), и, наконец, достигается идеализированное политическое видение: "земля ровная, небо безупречное, а шесть министерств и три министерства внутренних дел управляются должным образом" (мир во всем мире) [\[17, С. 106-116\]](#). Даосизм интерпретирует действия Дайю по борьбе с наводнениями как философскую метафору "Дайю следует природе" (следуя законам природы), и через стратегию Дайю по борьбе с наводнениями "плыть по течению" объясняет даосскую практическую мудрость "следования неотъемлемым законам вещей". В даосском дискурсе успех Дайю заключается не в покорении человека, а в согласии с "путем природы", что является мифологическим примером для даосской философской системы "гармонии между человеком и природой" [\[17, С. 106-116\]](#). Моисты верили, что Дайю был образцом утилитаризма, который "усердно трудился на благо мира" (все раны были от макушки до пяток, что характеризовало физический труд на благо мира), и подчеркивали его дух "всеобщей любви" - борьба с наводнениями была не для него путем к «установлению мира и устранению его вреда», превращая мифического героя в утилитарное воплощение "содействия благу всех людей" [\[17, С. 106-116\]](#). Образ Дайю подобен "вместилищу смысла", которое продолжает подвергаться "семантическому расщеплению" в моральном дискурсе конфуцианства, философском дискурсе даосизма и утилитарном дискурсе мохизма, что полностью подтверждает теорию Бахтина о "разноречии" [\[1\]](#). Суть его первоначального мифа была в той или иной степени ослаблена, но основное повествование о "борьбе с наводнениями и спасении людей" всегда присутствует, становясь смысловым стержнем диалога между тремя школами.

4. От династий Вэй и Цзинь к династиям Тан и Сун: интеграция и взаимоисключение религии и светскости

В период культурного перехода от династий Вэй и Цзинь к династиям Тан и Сун образ Гуань Юя претерпел двойственную трансформацию - от "исторического военачальника" к "конфуцианскому моральному богу" и "народному богу". Этот процесс - не одностороннее придание смысла, а непрерывный диалог между официальной идеологией и народной культурой через образ Гуань Юя [\[3, С. 42-51\]](#). Гуань Юй был знаменитым полководцем времен поздней династии Восточная Хань. Он следовал за Лю Бэем, императором-основателем династии Шухань в период Троецарствия, и был известен своей верностью и храбростью. Хотя его жизнь не имела четкой мифологической окраски, в последующих поколениях она была совместно сконструирована официальными лицами и народом и стала культурным символом, имеющим большое символическое значение.

В 19-м году правления Кайюань (731) император династии Тан Сюаньцзун издал указ о создании "Храма войны", который отменил статус Гуань Юя как местного божества и превратил его в национальный символ "защиты страны и народа", а также основных конфуцианских ценностей, таких как "верность". Слова "праведность" и "боевые искусства" были явно внесены в название. Более поздние тексты избирательно подчеркивали верность Гуань Юя императору и его честность, постепенно устраняя человеческую слабость "жесткости и сомнений" Гуань Юя в "Троецарствии", превращая его в морально совершенного человека с "великой праведностью", становящегося военным воплощением "Троецарствия". Конфуцианский идеал короля-вассала, служащий продвижению ценностей "верности императору и патриотизма" централизованными режимами династий Тан и Сун [\[3, С. 42-51\]](#).

Во времена династий Вэй и Цзинь народные предания начали наделять Гуань Юя божественными качествами после его смерти. При династии Тан народные легенды получили дальнейшее развитие. В "Юйцюань цзы чжэньлу" говорится, что Гуань Юй появился как буддийское божество-хранитель "бодхисаттва Галан" на горе Юйцюань в Данъяне, совершив ключевой скачок от человека к Богу [3, С. 42-51]. Народные предания намеренно сохраняют и усиливают смертные качества Гуань Юя. Он отличается от абстрактных богов, которые находятся высоко над нами. Хотя он и является "богом войны", в его обязанности также входит привлечение богатства и изгнание злых духов (Рис. 5). Эта стратегия повествования превращает его в светского защитника, который "чуткий, ему можно помочь" и пользуется широкой любовью в светском мире.

Гуань Юй

Бодхисаттва Галан

Бог богатства

Рисунок 5.

Народные предания

Официальный и частный секторы проводят межклассовые диалоги на основе общих принципов "лояльности и праведности", создавая культурный консенсус при взаимной интеграции и расширяя границы понимания при взаимном исключении. Официальный "моральный дискурс" (конфуцианская верность и праведность) и частный "утилитарный дискурс" (защита народа и стремление к богатству) не заменяют друг друга, а образуют "полифоническую" структуру. В то же время интерпретация каждой эпохи является ответом на предыдущий текст и выходит за его рамки. Во времена династии Тан чиновники наделяли Гуань Юя значением "лояльности", частный сектор во времена династии Сун добавил к нему функцию "защиты народа", а династии Мин и Цин еще больше превратили его в "бога богатства". Именно в этой "незавершенности" и заключается жизненность текста, подчеркиваемая Бахтиным [1]. Он постоянно расщепляется при взаимодействии различных дискурсов. Его первоначальные исторические атрибуты (полководцы трех царств) постепенно отступали, в то время как символические атрибуты культурного строительства (символ верности и праведности, светский святой-покровитель) продолжали расширяться.

5. Династии Мин и Цин: пик диалога между божественностью и человечеством

Эволюция мифологии во времена династий Мин и Цин продемонстрировала четкую двойственную траекторию политизации и секуляризации. На фоне усиления авторитарной имперской власти правительство превратило традиционную мифологию в нарративный инструмент легитимации режима посредством институциональной инкорпорации и идеологической дисциплины. Народная религия прорвалась сквозь официальные запреты благодаря теоретической реконструкции "Трех религий в одной". Эта интеграция породила повествовательную основу противостояния "Чанцзяо и Цзецзяо" в "Романе о богах", сформировав уникальную систему политических аллегорий [2, С. 191-201]. Реконструируя древние легенды, литераторы династии Мин превратили исторические события, такие как революция Шан и Чжоу и завоевание королем У власти

короля Чжоу, в средство критики реальной политики, а революцию Шан и Чжоу превратили в символическую систему для укрепления легитимности режима, осмысления бюрократической системы и борьбы с коррупцией. Дилемма индивидуальных ценностей во времена династий Мин и Цин становится типичным текстом для интерпретации политических метафор древнекитайской мифологии.

На первый взгляд, «Облечение богов» изображает древнюю легенду о «завоевании царем У царя Чжоу», но на самом деле оно содержит метафорические размышления о реконструкции политического порядка во времена перехода от династии Мин к династии Цин [\[2, С. 191-201\]](#). После падения династии Юань режиму династии Мин необходимо было доказать свою легитимность «Мандатом Небес». Во времена поздней династии Мин и ранней династии Цин люди также использовали «революцию Шан-Чжоу» как метафору сложного менталитета династии Цин, формируя диалог между официальной идеологией и народными историческими взглядами. Трехэлементная бессмертная система «Чанцзяо-Цзецзяо-Человечество», построенная на Посвящении богов, по сути, является мифологической деформацией бюрократии династии Мин. Чанцзяо представляет «ортодоксальную элиту», Цзецзяо символизирует «еретические силы», а борьба за власть между ними вокруг «Посвящения в боги» отсылает к партийной борьбе в эпоху поздней династии Мин и внутренним противоречиям бюрократии [\[2, С. 191-201\]](#).

Боги в «Посвящении богов» полностью повторяют бюрократическое разделение труда шести министерств и девяти министров во времена династии Мин. Здесь раскрывается «коронованное и некоронованное» в теории «карнавализации» Бахтина: боги, «некоронованные» в войне между Шан и Чжоу, становятся личностями, участвующими в человеческой битве, и, наконец, «коронуются» как институционализированные бюрократические боги, подразумевая скрытую критику бюрократической системы, которая включает в себя «сверхъестественное», «индивидов» и «институциональные механизмы» [\[1\]](#). Траектории судеб таких персонажей, как Нежа, Ян Цзянь и Инь Цзяо, в этой истории представляют собой пространство напряженности между «божественными требованиями» и «человеческой борьбой», что является метафорой ценностной дилеммы отдельных людей в условиях автократической системы во времена династий Мин и Цин [\[2, С. 191-201\]](#).

«Посвящение в боги» использует революции Шан и Чжоу в качестве основы, а политику Мин и Цин - в качестве основы. С помощью мифологических сюжетов оно завершает тройное метафорическое размышление о легитимности режима, бюрократической системе и судьбах отдельных людей. Его глубина заключается в том, что он превращает абстрактную политическую философию в конкретные истории о богах и чудовищах. Это не монотонный идеологический рупор, а поле непрерывного диалога между чиновниками и народом, священным и светским, историей и реальностью.

6. Современный подход: визуальная реконструкция и диалогизм во времени и пространстве

Являясь своеобразным кодом национальной культуры, мифология в своем построении времени и пространства следует бинарной логике «священного времени» и «центрального пространства». После династий Мин и Цин в популярной литературе стали проявляться признаки деконструкции этого повествования. «Путешествие на Запад» разрушает святость благодаря разнице во времени и пространстве: «один день на небесах, один год на земле» [\[15, С. 171-185\]](#). Современная индустрия кино, телевидения и игр использует цифровые технологии, чтобы высвободить мифологические символы из линейной истории

и создать виртуальное пространство-время, переплетенное с "прошлым-настоящим-будущим". В наше время мифологическое время и пространство превратились из "неприкосновенных сакральных зон" в "визуальные ландшафты, на которые можно смотреть и которые можно реконструировать". Это больше не носитель единой идеологии, а поле для множества дискурсивных игр.

В то время, когда индустрия кино и телевидения, а также игровая индустрия тесно интегрированы, "Черный миф: Укун" превращает традиционные мифологические повествования в современные философские басни. Сохранив тему "поиска священных писаний", он завершил разрушительную реконструкцию мифологической логики времени и пространства [\[13, С. 130-137\]](#). В отличие от односторонней коммуникации традиционного кино и телевидения, механизм интерактивного повествования реализует воплощение времени и пространства через "присутствие игроков". "Черный миф: Укун" использует технологию цифрового двойника для сканирования и моделирования 36 древних памятников, таких как храм Шаньси Фогуан и наскальные рисунки Чунцин Дацзу, позволяя висячим скульптурам династии Тан, фрескам династии Мин и эстетике киберпанка сосуществовать, создавая перекрытие времени и пространства "история-фэнтези-будущее", а также создавая уникальную архитектуру - цифровую Вавилонскую башню, которая позволяет вести диалог между традициями и современностью, сакральностью и светскостью, отдельными людьми и институтами [\[13, С. 130-137\]](#).

В мифологическом тексте "Путешествия на Запад" "время поиска священных писаний" присутствует одномерное воплощение духовного времени "совершенствования ума и становления святым" в физическом времени "четырнадцати лет". «Черный миф: Укун» трансформирует теорию пространства-времени Бахтина в наглядное визуальное повествование с помощью цифровых технологий и использует "пространственно-временные складки", чтобы завершить диалог между сельскохозяйственной цивилизацией, стремящейся к порядку и вечности, и цифровой цивилизацией, которая придерживается деконструкции и разнообразия [\[13, С. 130-137\]](#). Когда игрок управляет Укуном, который разрушает купол храма Лейин, и наблюдает, как солнце освещает останки Будды, лежащие на земле, эта сцена является не только визуальным зрелищем, но и символическим разрушением традиционного мифологического порядка современными людьми. Эта деконструкция не является отрицанием, но благодаря реконструкции пространства-времени мифы обретают способность к диалогу с современными людьми.

Заключение: Миф как место постоянного диалога

1. Суть диалогической эволюции: "метаморфозы" культурных генов

От примитивных тотемов до изображений в кино и на телевидении, основные культурные гены китайской мифологии (такие как "отношения между небом и человеком" и "дух сопротивления") присутствуют всегда, но они передаются через постоянную "трансформацию" (например, Нува из бога-творца превращается в символ феминизма) [\[2, С. 191-201\]](#). Это подтверждает точку зрения Бахтина о том, что истинные культурные традиции - это не копии, а непрерывное порождение новых смыслов в диалоге со временем [\[1\]](#).

2. Вечная игра между карнавалом и дисциплиной

Переосмысление каждой эпохи включает в себя ниспровержение в карнавальном стиле (например, разрушение "патриархального порядка" современным кино и телевидением) и

внедрение основных ценностей (например, окончательное принятие Нежей социальной ответственности), образуя спираль "ниспровержения-реконструкции" [9, с. 73-76]. Суть этой игры заключается в механизме самообновления человеческой культуры, подобно тому, как "карнавальная сцена" Бахтина всегда является полем борьбы множества сил [11].

3. Современная ценность незавершенности

Отказ от фиксированной сути и принятие множества интерпретаций - вот источник жизнеспособности мифа в современную эпоху. Когда Ян Цзянь исследует гендерное равенство в фильме "расколоть гору, чтобы спасти свою мать" [2, с. 191-201], а «Глубокое море» реконструирует "Миф о Шане" с использованием современных визуальных эффектов [8, с. 62-68], мы видим не отход от "оригинального мифа", а современную практику теории Бахтина о "незаконченном тексте" — значение миф всегда присутствует в следующем диалоге [1].

От надписей на костях оракулов до света и тени на экране, эволюция китайских мифологических образов представляет собой историю цивилизации, в которой люди ведут диалог с самими собой через древние повествования. В период примитивных верований это был таинственный диалог между человеком и природой; в осевую эпоху - интеллектуальный диалог между сакральностью и рациональностью [17, с. 106-116]; на этапе светской литературы - карнавальным диалог между властью и народом [15, с. 171-185]; в контексте современного кино и телевидения - это межкультурный диалог между традицией и глобализацией [13, с. 130-137]. Теория Бахтина интерпретирует эти диалоги не разрозненными историческими событиями, а процессом порождения смысла, разделяющим единую культурную логику [1, 12]. Продолжение всех культур - это глубокий диалогизм между современниками и прошлым на площади истории, а мифы - самые древние и наиболее жизненно важные голоса в этом диалоге.

Библиография

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / пер. с рус. Бай Ч., Гу Ю. М.: Издательство "Сяньган саньянь шудянь", 1988.
2. Чэнь С., Ян Ю. Пересказывание истории, воображение мифов и современная трансформация образов традиционной культуры – на примере "Возведение в ранг духов. Часть I: Ветры и облака Чаогэ" // Нинся социальные науки. 2024. № 1. С. 185-193.
3. Хэ Ш., Чэнь Ц. Мифы, легенды и история // Журнал историографии. 2007. № 4. С. 42-51.
4. Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Духакиным / Под ред. В. В. Кожина. М.: Согласие, 1996.
5. Кристева Ю. Желание в языке: Семиотический подход к литературе и искусству / Под ред. Т. Горы, А. Жардин, Л. С. Рудиеза. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1980. URL: https://archive.org/details/desireinlanguage0000kris_b8k4.
6. Лю Ю. Исследование истоков китайской цивилизации: Даосизм и космология тигра И; Серия исследований культуры И. Куньмин: Издательство Юньнаньского народного издательства, 1993.
7. Лю Б. Перечитывая Тодорова: Размышления об основных концепциях теории диалога Бахтина // Исследования по иностранным языкам. 2015. № 1 (182). С. 30-33.
8. Лю Ц., Ху Х. Этничность, современность и космополитизм "Трилогии Белой змеи" от

студии Chasing Light Animation // Литература кино. 2025. № 6. С. 62-68.

9. Лю Л. Миф и реальность: Современная адаптация китайских анимационных фильмов: Сравнение "Шалости Нечжи в море" и "Низвержение Нечжи в мир" // Обзорение кино. 2020. № 11. С. 73-76.

10. Пэн Ч. "Исторические сущности" в нарративе мифологии: Обзор мифологических теорий в антропологии // Этно-национальные исследования. 2003. № 5. С. 83-92.

11. Тодоров Ц. Бахтин, теория диалога и не только / пер. с фр. Цзян Ч., Чжан П. Тяньцзинь: Издательство "Байхуа вэнь", 2001.

12. Ван М. Природа символа и теория диалога – Исследование мысли Бахтина // Журнал иностранных языков. 2010. № 6. С. 151-155.

13. Сюй Ц., Юань Ю. Как цифровые игры рассказывают китайские истории: Анализ межкультурной коммуникации "Black Myth: Wukong" // Журнал Юго-Западного университета национальностей (Гуманитарные и социальные науки). 2024. Т. 45, № 12. С. 130-137.

14. Ян Ц., Ван Ч. Анализ темы тигра и жизни в древних орнаментальных портретах – Анализ культур тыквы-тигра и дракона-тигра // Медицина и философия (А). 2016. Т. 37, № 2. С. 87-91.

15. Ян Ю. Путешествие на Запад: Поздний представитель китайской мифологии и культуры // Социальные науки в Китае. 1995. № 1. С. 171-185.

16. Чжан Б. Чи Ю и возникновение китайского театра // Журнал Синьянского педагогического колледжа (Философия и общественные науки). 2019. Т. 39, № 3. С. 103-107.

17. Чжан К. Повествование и расколдование китайской мифологии осевого времени // Журнал Нанкинского университета (Философия-Гуманитарные науки-Общественные науки). 2024. Т. 61, № 4. С. 106-116.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина» представляет собой масштабное междисциплинарное исследование, в котором философские и литературоведческие принципы бахтинской теории диалогизма применяются к анализу китайской мифологии. Предметом работы является выявление диалогической природы китайского мифологического дискурса, проявляющейся в многоуровневом взаимодействии культурных, философских и художественных текстов, от древнейших источников до современных аудиовизуальных интерпретаций. Автор демонстрирует, как мифологические образы и сюжеты обретают новые смыслы через постоянное «взаимоотражение» различных дискурсов — религиозного, исторического, художественного и цифрового.

Методологически исследование опирается на принципы бахтинской философии языка и литературы: полифонизм, хронотоп, карнавализация, незавершенность текста. Автор умело сочетает эти категории с анализом китайских культурных реалий, выявляя системные параллели между бахтинской концепцией диалогизма и китайской идеей «гармонии в многообразии». Научная аргументация строится на сопоставлении текстов разных эпох — от «Классики гор и морей» и хроник Сыма Цяня до романов

«Путешествие на Запад» и «Посвящение в боги», а также современных кинопроизведений и видеоигр. Особенно интересным представляется обращение к категории «незавершенности» применительно к эволюции мифологических образов, что позволяет показать их непрерывную реконфигурацию в контексте исторического и культурного развития Китая.

Актуальность статьи несомненна. Она определяется не только обращением к фундаментальным вопросам культурной памяти и идентичности, но и попыткой переосмыслить классическую бахтинскую теорию в межкультурной перспективе. В условиях глобализации и активного взаимодействия гуманитарных традиций Востока и Запада подобные исследования способствуют формированию нового поля сравнительной мифопоэтики и философской антропологии. Автор убедительно показывает, что бахтинская идея диалогизма применима не только к литературе европейского модернизма, но и к архаическим и современным китайским нарративам, включая феномены массовой культуры.

Научная новизна работы заключается в оригинальном синтезе западной философии диалога и китайской мифологической традиции. Автор впервые предлагает целостную модель «диалогической эволюции» китайской мифологии, где каждая эпоха (от первобытных культов до цифровых реконструкций XXI века) рассматривается как этап непрерывного семиотического взаимодействия. Особенно продуктивным является введение категории карнавала для объяснения феномена десакрализации мифологических образов в народной культуре и медиаискусстве. Этот подход позволяет рассматривать миф не как статичную систему символов, а как динамическое пространство смыслов, постоянно обновляющееся в диалоге между сакральным и профанным.

Стиль и структура статьи соответствуют академическим стандартам. Текст отличается логичностью построения и композиционной завершенностью: после теоретического введения последовательно анализируются этапы мифологической трансформации (от первобытных верований и Осеовой эпохи до династий Мин и Цин и современного периода). Обширный иллюстративный материал (включая рисунки и описания визуальных источников) делает изложение наглядным и межмодальным. Научный стиль выдержан, аргументация подкрепляется цитатами и ссылками на первоисточники и современные исследования. Отдельно следует отметить языковую чистоту текста и богатство терминологического аппарата, органично сочетающего философскую, филологическую и культурологическую лексику. В некоторых фрагментах наблюдается избыточная плотность цитирования, что несколько снижает динамику восприятия, однако это компенсируется глубиной анализа.

Библиография статьи представляется сбалансированной и отражает широкий теоретический и культурный контекст исследования. В ней сочетаются источники на русском, китайском и английском языках, что подчеркивает межкультурный характер работы. Особенно ценным является обращение к оригинальным изданиям трудов М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, а также к современным китайским исследованиям 2020–2025 годов, что свидетельствует о внимании автора к новейшей научной повестке. Тем не менее, для усиления международного резонанса статьи можно было бы добавить ссылки на актуальные англоязычные публикации по компаративной мифологии и теории нарратива.

Апелляция к оппонентам выражена имплицитно, через диалог с западными и восточными теориями. Автор полемизирует с традиционным восприятием мифа как замкнутого текста и показывает, что в контексте бахтинской концепции миф представляет собой живой процесс смыслопорождения. Эта позиция открывает пространство для дальнейших дискуссий о трансформации сакрального в

постмодернистской культуре и о взаимодействии между цифровыми медиа и архаическими структурами сознания.

В заключение можно отметить, что статья обладает высокой научной и культурной ценностью. Она демонстрирует зрелое владение философским аппаратом, глубокое знание китайской традиции и умение мыслить на стыке дисциплин. Исследование представляет интерес для специалистов в области компаративного литературоведения, культурологии, философии культуры и востоковедения. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Корнадут К.Д. Освещение деятельности П. И. Якира и В. А. Красина в советской прессе и эмигрантской газете «Новое русское слово» в 1973 г // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76706 EDN: JMJICG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76706

Освещение деятельности П. И. Якира и В. А. Красина в советской прессе и эмигрантской газете «Новое русское слово» в 1973 г.

Корнадут Карина Дмитриевна

ORCID: 0009-0004-5847-9859

соискатель; институт массмедиа и рекламы; Российский государственный гуманитарный университет

125252, Россия, г. Москва, Хорошевский р-н, ул. Зорге, д. 20, кв. 45

✉ kkornadut-97@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76706

EDN:

JMJICG

Дата направления статьи в редакцию:

10-11-2025

Аннотация: Предметом исследования являются приемы пропаганды, которые использовались при освещении деятельности П.И. Якира и В. А. Красина в советской и эмигрантской прессе 1973 г. Процесс над лидером правозащитного движения Якиром и его соратником Красиным носил показательный характер и широко освещался в Советском Союзе. Поскольку сотрудничество подсудимых со следствием стало одной из причин кризиса правозащиты, их положение в эмигрантской прессе так же обрело неоднозначный характер. В данном исследовании сопоставляются публикации центральных советских изданий «Известия» и «Литературная газета» со статьями консервативной газеты «Новое русское слово» в США, которую возглавлял представитель первой волны эмиграции А. Седых. Как правило, редакция нейтрально освещала процессы против правозащитников, в случае с Якиром и Красиным демонстрировала эмоциональность. Сопоставление ее публикаций с советской печатью позволяет провести более разностороннее исследование о пропагандистских приемах в статьях о правозащитниках. В процессе изучения периодики был применен

сравнительно-аналитический метод, позволивший сопоставить материалы, опубликованные в советских и эмигрантских изданиях. Новизна работы заключается в том, что статьи о правозащитниках в «Известиях», «Литературной газете» и «Новом русском слове», опубликованные в 1973 году, сопоставляются впервые. Поскольку процесс над Якиром и Красиным проходил в разгар переговоров по достижению разрядки международной напряженности, данное исследование дополнит работы на тему медиаконфронтации эпохи Холодной войны. Также впервые сопоставляются материалы советской официальной прессы с газетой «Новое русское слово». В результате исследования публикаций о деятельности Якира и Красина в советских и эмигрантских изданиях были выявлены следующие приемы пропаганды: дискредитация посредством навешивания ярлыков, противопоставление «свои» – «чужие», а также апелляция к безопасности как высшей ценности. В статьях приведено множество эмоционально-окрашенных высказываний и идеологемы. Был сделан вывод, что в публикациях используются схожие методы воздействия на аудиторию, в соответствии с повесткой изученных изданий.

Ключевые слова:

самиздат, П. И. Якир, В. А. Красин, советская пресса, эмигрантская пресса, Новое русское слово, пропаганда в печати, Хроника текущих событий, идеологема, правозащитное движение

Правозащитное движение и борьба государственных органов с ним — неотъемлемая часть исторического процесса в позднем СССР. В советской печати велась пропаганда против правозащитников, тогда как в эмигрантской прессе отношение к ним было более терпимым, а в некоторых случаях демонстрировалась солидарность. В процессе исследования мы опирались на определение Г. Лассуэлла, согласно которому пропаганда — это управление коллективными установками путем манипулирования символами [\[1, с. 627-631\]](#). Цель исследования — выявить основные приемы пропаганды, которые использовались в публикациях о деятельности П. И. Якира и В. А. Красина в официальных советских газетах и эмигрантском издании «Новое русское слово» в 1973 г.. Предметами исследования являются приемы пропаганды, которые применялись при освещении правозащитного движения советской и эмигрантской прессой 1973 г.

Новизна работы заключается в том, что статьи о правозащитниках в «Известиях», «Литературной газете» и «Новом русском слове», опубликованные в 1973 г., сопоставляются впервые. Поскольку процесс над Якиром и Красиным проходил в разгар переговоров по достижению разрядки международной напряженности, данное исследование дополнит работы на тему медиаконфронтации эпохи Холодной войны.

В процессе изучения периодики был применен сравнительно-аналитический метод, позволивший сопоставить материалы, опубликованные в советских и эмигрантских изданиях. Приемы пропаганды были изучены с помощью следующих категорий анализа: тематика, эмоционально-окрашенная лексика, идеологемы и коммуникативные тактики. Под идеологемой подразумевается дефиниция, введенная М. М. Бахтиным: идеологема — это экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии. Среди коммуникативных тактик в процессе исследования были рассмотрены: дискредитация посредством навешивания ярлыков, противопоставление «свои» — «чужие», апелляция к безопасности как высшей ценности.

Выбор хронологических рамок статьи обусловлен тем, что в 1973 г. состоялся судебный процесс над Якиром и Красиным, а также их покаянное выступление на пресс-конференции перед иностранными корреспондентами. Одновременно проходили выступления в прессе против А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, чья деятельность, по мнению руководства страны, могла помешать попыткам наладить советско-американские отношения [2, 3]. Ранее имена Якира и Красина не появлялись на страницах официальной прессы — об участниках движения в советских газетах сообщали только в случае судебных процессов («Процесс четырех» 1968 г.) и протестных выступлений («Демонстрация семерых» на Красной площади 1968 г.). В 1973 г. в советских газетах появились осуждающие материалы об интервью Сахарова иностранному журналисту У. Стенхолму и о публикации запрещенного романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» за рубежом. В других, менее резонансных случаях, советская пресса о правозащитниках не сообщала.

Одним из источников работы стала книга Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР», в которой приведена классификация направлений деятельности правозащитников. Участники движения не только настаивали на соблюдении прав человека, но и поднимали проблему эмиграции, сообщали о национальных проблемах, ограничениях деятелей культуры. Алексеева подробно описывает ключевые процессы над правозащитниками, но не затрагивает тему освещения в официальной прессе.

За последнее время было опубликовано несколько статей с обзором движения, без фокуса на освещении дела Якира и Красина. Также материалы о правозащитниках были изучены Ю. А. Русиной в статье «Пресса 1987-1991 гг. о диссидентах: размышления над источником», однако хронологические рамки статьи не затрагивают период, исследуемый в нашей работе. О феномене правозащитного движения в эмигрантской прессе писала Т. С. Кулепанова (Шугайло) в статье «Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.». Автором были изучены материалы газет «Новое русское слово», «Русская жизнь», «Русский голос» [4].

В данной работе изучены статьи в «Известиях» и «Литературной газете», а также публикации в газете «Новое русское слово», которую с 1910 г. издавали русские эмигранты в США. Ее главным редактором с 1973 г. был представитель первой волны эмиграции А. Седых, покинувший страну в 1919 г.. Материалы издания в первую очередь посвящены международным отношениям, новостям Соединенных Штатов и Советского Союза. Кроме того, несогласная с советским строем редакция газеты публиковала статьи о борьбе за права человека в СССР. Ее материалы представляют особый интерес, поскольку создатели издания не принимали советскую власть, а правозащитники относились к другому поколению, выросли при ней и заявляли о необходимости демократических преобразований в рамках текущего строя.

Для более полного анализа статей было необходимо обратиться к бюллетеню «Хроника текущих событий», который выходил в формате самиздата с 1968 по 1983 г. и сообщал о случаях нарушения прав человека в СССР. Сообщение под заголовком «Суд над Петром Якиром и Виктором Красиным» также было взято в качестве источника исследования.

Процесс, а особенно выступление Якира и Красина на пресс-конференции, спровоцировали кризис правозащитного движения. Это исключительный случай, когда отрывки речи инакомыслящих были показали по телевидению и включены в документальный фильм «Паутина» Л. В. Махнача, посвященный так называемому антисоветскому заговору США и Западной Европы 1960-1970-х гг.. Особую роль в

начавшемся кризисе сыграла личность Якира, который считался одним из главных представителей правозащитного движения. Красин до ареста был участником Инициативной группы по правам человека — авторского коллектива, который занимался составлением различных обращений, связанных с нарушениями прав советских граждан, и направлял их в международные инстанции и в зарубежную прессу [5]. Наступление на движение и бюллетень правозащитников «Хроника текущих событий» готовилось с декабря 1971 года, когда ЦК КПСС принял специальное постановление о прекращении существования, распространения и утечки самиздата на Запад. Ранее, в докладе Ю. В. Андропова, утверждалось, что «Хроника» выпускается группой «демократического движения» во главе с Якиром [6]. Именно по так называемому делу «Хроники» №24 обвинялись Якир и Красин, а именно: в распространении бюллетеня, составлении и передаче материалов самиздата на Запад, получении оттуда антисоветской литературы и финансовых средств, выделенных организацией «Народно-трудовой союз», которую советская власть называла вражеской.

Несмотря на то, что добиться закрытия «Хроники текущих событий» не удалось, положение участников движения значительно ухудшилось. Якир, которого соратники считали «живым символом борьбы со сталинизмом», и Красин выдали следствию более двухсот человек. Суд вынес приговор 1 сентября: по три года лагеря и три года ссылки. В Доме журналистов состоялась пресс-конференция, на которой подсудимые рассказали в действиях, «способствовавших враждебной деятельности антисоветских организаций за рубежом», а Якир назвал заявления о психиатрических репрессиях в отношении инакомыслящих в Советском Союзе клеветой. После дачи показаний Верховный суд сократил обоим сроки заключения до уже отбытых: Якир был сослан в Рязань на один год и четыре месяца, а Красин — в Калинин на год и месяц [7]. Кризис правозащиты в СССР, усугубившийся выступлениями писателей и членов Академии Наук против А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, продолжал развиваться [8, с. 250].

Незадолго до пресс-конференции Якира и Красина в «Известиях» была опубликована заметка «Судебный процесс в Москве». Говоря о героях публикации, ее автор, корреспондент ТАСС Е. Майоров использует эмоционально-окрашенную лексику («поставщики фальшивок», «клеветнические материалы», «оплачиваемые информаторы <...> иностранных корреспондентов»). Он прибегает к тактике дискредитации посредством навешивания ярлыков, утверждая, что Якир и Красин распускают «слухи и домыслы», пользуются «денежными подачками» из-за рубежа, и намекает на тунеядство Красина, подчеркивая, что благодаря заграничным деньгам тот оставил работу. Майоров использует идеологемы «центры западной буржуазной пропаганды», «антисоветская организация», упоминает «Народно-трудовой союз» и его журнал «Посев», которые использовались советской прессой в негативной коннотации. В заключение автор добавляет, что Якир и Красин «снабжали» антисоветскую организацию «Народно-трудовой союз» клеветническими материалами через «нелегально выпускавшийся сборник «Хроника текущих событий», который систематически перепечатывался журналом «Посев» [9, с. 4]. Согласно Лассуэллу, задача военной пропаганды — возбуждать в гражданах ненависть к неприятелю. Это свойство отражено в публикации Майорова и является характерным, поскольку процесс проходил в разгар Холодной войны.

Обратимся к материалу о пресс-конференции Якира и Красина, которая состоялась 5 сентября в Центральном Доме журналиста. По словам ее автора М. Максимова, статья «После прозрения» была опубликована в ответ на материалы «в некоторых буржуазных

органах печати». Максимов задается вопросом, что именно двигало Якиром и Красиным в правозащитной деятельности, и что помогло им изменить свою точку зрения и раскаяться. Описывая биографию Красина, в качестве манипулятивного приема Максимов использует антитезу и прибегает к идеологемам: окончил аспирантуру, писал диссертацию, в 1949 г. был «необоснованно осужден», а оказавшись в местах заключения, перенял от находившихся там «власовцев» и «бандеровцев» негативное отношение к советскому строю. Журналист пишет, что Красин и после освобождения продолжал «тянуться ко всему антисоветскому», таким образом нелегальная литература и передачи зарубежных радиостанций стали «питательной средой его идеологического воспитания» [\[10, с. 9\]](#). С одной стороны, Максимов оправдывает Красина, считая, что он оступился в заключении, с другой — прибегает к противопоставлению его прошлого и настоящего, чтобы читателю стал очевиден «регресс» героя. Автор ставит правозащитника в один ряд с участниками антисоветских формирований и объясняет его политическую позицию зависимостью от чужого мнения.

В этой публикации также поднимается тема «Народно-трудового союза»: автор подчеркивает, что именно «логика образа мыслей» привела Якира и Красина к преступлению закона и связи с НТС, «Международным комитетом защиты прав человека», «Фондом имени Герцена» и другими организациями, считавшимися антисоветскими. Также Максимов утверждает, что вся литература, которую привозили участники вышеперечисленных иностранных организаций, имела отметку «НТС», а ее поставщиков называет эмиссарами, помогающими в борьбе за свержение существующего строя. Максимов, как и автор статьи «Судебный процесс в Москве», упоминает, что НТС в прошлом был связан с нацизмом. К данной организации автор отнес и термин «движение за гражданские права», к которому относится «группка Якира и Красина». Таким образом, Максимов приравнял правозащитников к врагам советского государства, выступавших за свержение строя, используя тактику обращения к безопасности как высшей ценности [\[11\]](#).

Данный прием используется не раз. Пытаясь понять причину резкого изменения позиции осужденных, автор приводит цитату журналиста The Times Дэвида Бонавия, передавшего слова Якира: «Если в суде я начну во всем сознаваться, знайте — это говорит другой Якир» [\[11\]](#). Максимов опровергает ее, поскольку не увидел страха на лицах правозащитников: во время выступления Якир и Красин говорили без запинки, их речь была четкой и свободной. Кроме того, заключенные опровергли сделанное ранее заявление о пытках во время следствия, а Красин назвал свое раскаяние «результатом переоценки прошлых заблуждений» [\[11\]](#). Максимов использует противопоставление «свои» — «чужие», утверждая, что Якир и Красин поняли: «выступая против государства...они выступали против народа», поскольку у народа и советской власти общие цели и идти против них бессмысленно. Автор снова обращается к образу врага, называя Якира, Красина, Сахарова и Солженицына «помехами», которые необходимо убрать для скорейшего достижения разрядки международной напряженности [\[11\]](#).

Также дискредитации подверглись западные СМИ: по словам Максимова, до суда Якира и Красина считали на Западе «великомучениками», бескорыстными борцами за идеалы свободы, а после пресс-конференции те же самые издания резко изменили свое отношение к бывшим «корреспондентам». Он также подчеркивает, что в зале присутствовали представители зарубежных агентств и газет, которые получали от осужденных «сфабрикованные материалы, порочащие советский общественный строй», и насмехается над бывшими правозащитниками, называя эту ситуацию «пикантной» [\[11\]](#).

Согласно исследованиям, Якир действительно информировал западные издания о положении граждан в Советском Союзе. Среди прочего, были найдены публикации, авторы которых предполагают, что причиной смены поведения подсудимых могли стать угрозы КГБ. Корреспондент одной из таких статей в The New York Times назвал процесс показательным и сравнил его с репрессиями 1930-х гг., когда подозреваемые часто сознавались в содеянном под давлением [\[12\]](#).

В газете «Новое русское слово» дело Якира и Красина освещалось более подробно, по сравнению с «Процессом четырех» и делом «Демонстрации семерых». Наибольшее внимание авторы уделяют фигуре Якира — его биографии, попыткам понять, почему несломленный сталинскими репрессиями борец за права человека, сын расстрелянного командарма И. Э. Якира, пошел на сделку со следствием и дал показания против соратников по движению. Рассмотрим статью, которая вышла вскоре после его ареста в марте 1973 г. и состояла из трех частей, опубликованных в выпусках от 5, 6 и 7 марта. Автор В. Гершович — советский правозащитник, эмигрировавший в Израиль. Согласно «Хронике текущих событий», Гершович — математик и преподаватель, который находился у здания суда во время процесса над участниками «Демонстрации семерых». После дискуссии со студентами, членами народной дружины ЗИЛа, написавшими на него донос, был уволен с работы [\[13\]](#).

Статья начинается с рассказа о детстве Якира и жизни в колонии как сына «врага народа». Автор подробно и эмоционально перечисляет трудности, с которыми столкнулся младший Якир, оправдывая его сделку со следствием. Гершович использует драматичное сравнение его жизни с Адом «Божественной комедии» Д. Алигьери [\[14, с. 2\]](#). Согласно повествованию, после реабилитации отца, чье имя появилось на страницах школьных учебников истории, Якира долгое время не трогали, несмотря на его деятельность. Но связь с «Хроникой текущих событий», выходявшей на тот пятый год, беспокоила КГБ. Автор использует прием дискредитации в отношении советских спецслужб, прибегая к навешиванию ярлыков: агенты «искусственно популяризировали» квартиру Якира, которую и раньше регулярно посещали единомышленники. В его доме была установлена слежка, появлялись «униженные и обездоленные» люди, искавшие адвоката и просившие совета, среди которых оказывались стукачи. В 1968 г. Якира вместе с женой уволили с работы, но он продолжил помогать тем, кто столкнулся с несправедливостью [\[14, с. 2\]](#).

В статье прослеживается симпатия автора к герою материала и движению, его отношение выражено с помощью эмоционально-окрашенной лексики. Гершович негодует по поводу появления в советской прессе «сенсационной новости» о том, что подсудимый регулярно употребляет алкоголь, и объясняет это тем, что Якир рос в лагерях, где из-за нехватки мест подростков содержали в одной камере с взрослыми преступниками, «профессорами по наркотикам». Гершович восклицает: «Пусть стыдно будет тем, кто в Якире разглядел лишь то, что он пьет! Еще несколько лет назад он не злоупотреблял алкоголем», — и вспоминает, что несмотря на среду, в которой вырос Якир, ему удалось получить высшее образование и написать диссертацию [\[14, с. 2\]](#).

Не менее эмоциональны заявления автора по поводу обвинений Якира в бездействии со стороны единомышленников. Его отсутствие на протестах Гершович объясняет задержаниями перед началом правозащитных выступлений. По его словам, спецслужбы нейтрализовывали активного оратора, а также получали легитимную возможность не задерживать Якира на глазах у участников демонстрации. Гершович уверен, что целью было бросить тень на Якира и использует высказывание «с дьявольским расчетом»:

анонимы, звонившие к нему домой, спрашивали, как чувствует себя «Петр Гапон», пока арестовывают его друзей. Автор считает, что у властей была цель обменять Якира на «летопись беззаконий» «Хронику текущих событий», по делу которой шло следствие, и заявляет: «Усилия ваши — тщетны. «Хроника» — бессмертна так же, как бессмертны «Феникс» и его творец — Юрий Галансков» [\[14, с. 2\]](#). В высказывании использована отсылка к одному из участников «Процесса четырех», Ю. Т. Галанскову, погибшему в заключении за полгода до публикации Гершовича, 2 ноября 1972 г.. Осужденный издавал подпольный альманах «Феникс», который был передан на Запад и перестал выходить в 1966 г. [\[15\]](#).

Следующие публикации в «Новом русском слове» редакционные — их можно назвать информационными, поскольку в основном в них используется нейтральная лексика. В статье, вышедшей в августе 1973 г. под заголовком «Якир и Красин дают показания», впервые подробно говорится о Красине и его отношениях с Якиром. Красин стал участником правозащитного движения в 1968 г., вместе с Якиром подписывал письмо протеста против ввода войск в Чехословакию, а в 1969 г. они основали «Группу действия» по защите прав человека.

Статьи о Якире и Красине в «Новом русском слове» выходили и после раскаяния на пресс-конференции. 8 октября 1973 г. на первой полосе была опубликована редакционная заметка «Почему сдался Якир». Из заголовка можно сделать вывод, что фигура Якира и в этом материале занимает центральное положение. Редакция пытается оправдать подсудимых, которые в отличие от В. К. Буковского, П. Г. Григоренко и других несогласных, сдались следствию. Размышления преподносятся в более нейтральной форме, чем в статье Гершовича. Приведена точка зрения, что оба боялись тюрьмы и не раз повторяли, что не выдержат давления следствия. Спустя три года Красин расскажет прессе, что оклеветал участников движения под угрозой расстрела. По его мнению, процесс был показательным, и в КГБ не стали бы идти на попятную [\[16, с. 120\]](#). Также в этой заметке говорится, что КГБ планировал использовать пресс-конференцию подсудимых против Сахарова и Солженицына для воздействия на умы творческой и научной интеллигенции. Завершается заметка эмоциональной цитатой из интервью правозащитника В.Н. Чалидзе газете The New York Times: «КГБ празднует победу над очень усталым человеком — Петром Якиром», который незаслуженно оказался в сталинских лагерях, пробыл там семнадцать лет, и постепенно разочаровался в коммунизме, в который когда-то верил так же сильно, как его отец [\[17, с. 1\]](#).

В результате исследования публикаций о деятельности Якира и Красина в советских и эмигрантских изданиях были выявлены следующие приемы пропаганды. В материалах «Известий» и «Литературной газеты» затронуты темы тунеядства правозащитников, антисоветской печати, которую они распространяли, а также неоднократно говорится об организации «Народно-трудовой союз». Среди коммуникативных тактик были выделены: дискредитация посредством навешивания ярлыков, противопоставление «свои» — «чужие», а также апелляция к безопасности как высшей ценности. В статьях приведено множество эмоционально-окрашенных высказываний таких, как: «клеветнические материалы», «поставщики фальшивок», «оплачиваемые информаторы некоторых иностранных корреспондентов в Москве», и прочие. Также были выявлены идеологемы «западная буржуазная пропаганда», «власовцы», «бандеровцы».

В статьях «Нового русского слова» затронуты темы нарушения прав человека в Советском Союзе, советский самиздат, а также упоминаются репрессий 30-х гг.. В некоторых материалах авторы прибегают к эмоционально-окрашенной лексике и

средствам художественной выразительности, а также используют антисоветские идеологемы «стукачи», «репрессии». Как и в советской прессе, применяется тактика дискредитации с помощью навешивания ярлыков в отношении агентов КГБ и советской милиции. Таким образом, можно сделать вывод, что в статьях о деятельности Якира и Красина в исследованных изданиях используются схожие методы воздействия на аудиторию, в соответствии с повесткой газет.

Библиография

1. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. American Political Science Association. 1927. Vol. 21, No. 3. Pp. 627-631.
2. Письмо советских литераторов о поведении А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына // Правда. 1973. № 243. С. 3.
3. [Б.а.] Некий "гуманист" выступает против разрядки. Статья Ива Моро в "Юманите" // Известия. 1973. 24 авг. С. 3.
4. Кулепанова (Шугайло) Т.С. Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 2. С. 228-237. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-228-237. EDN: OLHBRA.
5. Даниэль А.Ю. Первая антисоветская организация [видеолекция] // Rutube. URL: <https://rutube.ru/video/bba95e4eb28e9d1f844441fdec26fec7/> (дата обращения: 13.06.2024).
6. КГБ СССР Андропов Ю.В. – в ЦК КПСС. Анализ "самиздатовской" литературы за 5 лет // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/2312> (дата обращения: 15.03.2024).
7. [Б.а.] Суд над Петром Якиром и Виктором Красиным // Хроника текущих событий. 1973. № 30. URL: <http://hts.memo.ru/> (дата обращения: 07.07.2023).
8. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. 384 с.
9. Майоров Е. Судебный процесс в Москве // Известия. 1973. 28 авг.
10. Максимов М. После прозрения // Литературная газета. 1973. 12 сент.
11. Shabad T. Soviet Dissidents and Confession // The New York Times. 1973. Sept. URL: <https://www.nytimes.com/1973/09/07/archives/soviet-dissidents-and-confession-yakirkrasin-case-recalls-stalins.html> (дата обращения: 5 июня 2025).
12. [Б.а.] Дополнения к списку внесудебных политических репрессий 1968 года // Хроника текущих событий. № 5. URL: <https://hts.memo.ru/> (дата обращения: 07.05.2025).
13. Гершович В. Петр Якир и движение за гражданские права // Новое русское слово. 1973. 6 мар.
14. Гершович В. Петр Якир и движение за гражданские права // Новое русское слово. 1973. 7 мар.
15. [Б.а.] Феникс-66 // Антология самиздата / Сост. М. Барбакадзе. URL: <http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/fenix-66/> (дата обращения: 09.11.2025).
16. Красин В.А. Суд. New York: Chalidze Publications, 1983. 119 с.
17. [Б.а.] Почему сдался Якир // Новое русское слово. 1973. 2 окт.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет, методология, цель и научная новизна рецензируемого исследования сформулированы автором четко и корректно. Указано, что предметом исследования рецензируемой научной работы являются приемы пропаганды, репрезентированные при освещении правозащитного движения советской и эмигрантской прессой в 1973 году.

Цель статьи – выявить и описать основные приемы пропаганды, которые использовались в публикациях, вышедших в 1973 году и посвященных деятельности П.И. Якира и В.А. Красина в официальных советских изданиях «Известия» и «Литературная газета» и эмигрантской газете «Новое русское слово. Кроме того, автор обращается к публикациям, представленным на страницах эмигрантского бюллетеня «Хроника текущих событий». Однако не уточняется количественная выборка проанализированных статей, что, безусловно, было бы интересно. Автором также объяснен выбор хронологических рамок эмпирического материала, отмечается, что именно в этот период «состоялся судебный процесс над Якиром и Красиным, а также их покаянное выступление на пресс-конференции перед иностранными корреспондентами. Одновременно проходили выступления в прессе против А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, чья деятельность, по мнению руководства страны, могла помешать попыткам наладить советско-американские отношения».

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в трудах подобного рода впервые сопоставляются публикации советской и эмигрантской прессы, посвященные делу правозащитников. Доминантным методом исследования является сравнительно аналитический метод, что релевантно цели исследования – сопоставить тексты разной идеологической направленности и определить наиболее частотные приемы пропаганды. Кроме того, автор подчеркивает, что в ходе исследования были проанализированы тематика публикаций, интенции, стилистически маркированные лексические единицы, идеологемы и коммуникативные тактики. Сказанное выше доказывает безусловную актуальность предпринятого исследования, его своевременность с учетом нынешней нестабильной геополитической ситуации и поляризации идеологических доминант в российских и зарубежных медиа.

Стиль исследования соответствует научному. Представлены и охарактеризованы основные термины, корректно цитируются научные работы других исследователей. Структура работы в целом понятна, однако рекомендуем автору выделить подразделы: «Введение», «Эмпирический материал и методы исследования», «Результаты исследования», «Выводы», которые позволят упорядочить текст работы, сделать его более логичным и последовательным. Внутри раздела «Результаты исследования» допустимо выделить подразделы, которые будут эксплицировать выводы автора о тематических доминантах, лексических единицах, коммуникативных стратегиях и идеологемах, репрезентированных в исследуемых текстах.

Список библиографических источников вполне репрезентативен, в статье представлены как исследовательские работы, так и публикации анализируемых изданий. Приведены релевантные примеры, представлен анализ контекста и обзор исторических событий, что является значимым для настоящего исследования.

Автор не вступает в полемику с опубликованными ранее исследованиями, а дополняет и расширяет контекст имеющихся научных работ. Выводы верифицированы, автор постулирует, что в советских изданиях доминируют тактики дискредитации, противопоставления «свои» – «чужие», апелляции к безопасности; в анализируемом зарубежном СМИ преобладает тактика дискредитации агентов КГБ, советской милиции и идеологии Советского Союза в целом. В эмпирическом материале репрезентирована эмоционально-окрашенная лексика («клеветнические материалы», «поставщики фальшивок»). Автором определены частотные идеологемы (в советских изданиях –

«западная буржуазная пропаганда», «власовцы», «бандеровцы»; в западном – «стукачи», «репрессии»). Представлен круг доминантных тем (в «Известиях» и «Литературной газете» – тунеядство правозащитников, распространение антисоветской печати, осуждение деятельности организации «Народно-трудовой союз»; в газете «Новое русское слово» – нарушения прав человека в Советском Союзе, деятельность советского самиздата, репрессии 1930-х годов). В целом делается вывод, что «в статьях о деятельности Якира и Красина в исследованных изданиях используются схожие методы воздействия на аудиторию, в соответствии с повесткой газет», что доказывает универсальность пропагандистских приемов.

Рецензируемая научная работа может быть интересна широкому кругу читателей, например, историкам, политологам, культурологам, филологам, медиаисследователям, теоретикам журналистики. С учетом рекомендаций рецензента статья может быть опубликована в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The Poetics of Psychologism in Zinaida Katkova's Short Russian Prose

Pendel'skaya Elena Aleksandrovna

Postgraduate student; Institute of National Culture and Intercultural Communication; Mari State University
424000, Russia, Rep. 44 Kremlevskaya St., Yoshkar-Ola, Mari El

✉ elena8080@list.ru

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University
424002, Russia, Respublika Marii El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the growing interest of modern Russian literary studies in the works of national (transcultural) authors who write in Russian rather than their native (ethnic) language, and in the specifics of psychologism in their Russian-language works. The article examines the poetics of psychologism in the short Russian-language prose of Zinaida Fyodorovna Katkova, a Mari writer of the second half of the 20th century, based on six of her short stories published between 1958 and 1979: "The Stranger" (1958), "The Return" (1964), "Little Samar" (1969), "Help Me Fall in Love with You" (1972), "The Unexpected Guest" (1975), and "For the Sake of Love" (1979). These stories have never been the subject of special literary analysis in regional or national studies, either in terms of psychological analysis or in any other aspect.

The work uses a system-typological method, a comparative-historical analysis, and an in-depth textual analysis aimed at identifying the artistic features of psychologism in Zinaida Katkova's short Russian-language prose. Based on the analysis of Zinaida Katkova's short stories from different years, the article traces the evolution of psychologism in her Russian-language prose, from socially conditioned psychologism to existential psychologism. The article reveals the special role of artistic details in the short prose of a Mari writer in revealing the inner world of characters, and analyzes specific techniques for creating psychological portraits. The author pays great attention to the compositional features of the stories and the speech characteristics of the characters as means of psychologizing the narrative. It is concluded that Zinaida Katkova's work is of significant interest for studying the specifics of psychologism in the Russian-language prose of national authors and deserves further careful research as an original artistic phenomenon that organically combines the traditions of the Russian psychological school and the national worldview.

Keywords: artistic detail, methods of psychologism, psychologism, character, poetics, story, short prose, Zinaida Katkova, Russian-language Mari prose, Mari literature

References (transliterated)

1. Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury KhKh-KhKhI vekov: kollektivnaya monografiya / Mar. gos. un-t; sost. i nauch. red. R.A. Kudryavtseva. Ioshkar-Ola, 2019.

- 353 s.
2. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. 443 s.
 3. Esin A.B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury. M.: Prosveshchenie, 1988. 176 s.
 4. Karpov I.P., Kudryavtseva R.A. Russkoyazychnaya proza Zinaidy Katkovoi (tsennostnye aspekty personazhnoi sistemy romana "Gde ty, schast'e moe?") // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 13. № 4. S. 567-577. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-4-567-577 EDN: LXHLVA
 5. Katkova Z.F. Adresat vybyl: povesti i rasskazy. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 271 s.
 6. Kudryavtseva R.A. Genezis i dinamika mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya: monografiya / Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2011. 312 s.
 7. Kudryavtseva R.A. Khudozhestvennaya detal' kak priem psikhologizatsii povestvovaniya v mariiskom rasskaze kontsa XX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 5 (143). S. 61-66. EDN: KOHIYV
 8. Ryabinina M.V. Mariiskaya povest' vtoroi poloviny KhKh veka: poetika psikhologizma: dis. ... kand. filol. nauk. Ioshkar-Ola, 2005. 215 s.

English borrowings in German veterinary terminology

Khakimova Gulnara Ansarovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Head of the Department of Foreign and Russian languages, Mbscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin

109472, Russia, Mbscow, Akad street. Scriabin, 23

✉ g.khakimowa@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to examining the peculiarities of the functioning of English borrowings in the veterinary terminology of contemporary German language. The author aims to analyze English-language borrowings in German veterinary terminology in terms of their share in lexicographic sources and the methods of their penetration into the veterinary sublanguage. The subject of our research consists of English borrowings used in the German language in the field of veterinary medicine. The focus of the study is the specificity of the functioning of English borrowings in German veterinary discourse. A brief overview of the scientific discourse on this topic is provided. The author places particular emphasis on elucidating the concept of "borrowing" and studying the discourse on the influence of the English language on modern German. During the analysis of the linguistic material, it has been revealed that the German veterinary terminology includes borrowings of purely English origin, as well as, in most cases, hybrid forms involving Greco-Latin heritage that came through the French language into English and then into German. To address the set task, the study employs the following methods of linguistic analysis: method of continuous sampling, method of structural analysis of factual material, method of linguistic observation and description, as well as some techniques of linguostatistics. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the pathways of penetration and types of English borrowings that enrich the veterinary terminology in contemporary German. The main conclusions of the conducted research indicate that the enrichment of veterinary terminology in the German language with anglicisms occurs through syntactic methods of word formation, morphological-syntactic methods (abbreviation and compounding), as well as morphological methods

(suffixal and suffixal-prefixal). The author has established that structurally, the German veterinary terminology predominantly features English terminological phrases, English abbreviations, and anglicism composites. Among the terminological phrases, two-component ones are the most productive group, constructed in the NN (noun-noun) and AN (noun-adjective) types. The most frequent group among abbreviations consists of three-letter initial abbreviations. Structural analysis of English composites has revealed the highest productivity of compound words consisting of two simple components. It is concluded that anglicisms enrich German veterinary terminology, becoming an integral part of it. The process of borrowing continues, reflecting the dynamics of the development of veterinary science and practice.

Keywords: composite, terminological phrase, syntactic way of word formation, word composition, abbreviation, morphological and syntactic ways of word formation, borrowing, modern German, veterinary terminology, Anglicism

References (transliterated)

1. Abrosimova, E. A., Madzhaeva, S. I. Veterinarnyi diskurs v zerkale sovremennykh nauchnykh issledovaniy: sistematicheskii obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15, № 3. S. 751-758. DOI 10.30853/phil20220140. EDN: TTRSUX.
2. Akhmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. 608 s. EDN: IMNYVY.
3. Beskhlebov, V. A. Nemetsko-russkii veterinarnyi slovar' (s ukazatelem russkikh terminov) : Ok. 25000 terminov / Pod red. kand. biol. nauk V.A. Beskhlebova. M.: RUSSO, 1996. 464 s.
4. Blumfeld, L. Yazyk. Per. s angl. pod red. i s predisl. M. M. Gukhman. M.: Progress, 1968. 608 s.
5. Volodarskaya, E. F. Zaimstvovaniya kak otrazhenie russko-angliiskikh kontaktov // Voprosy yazykoznaniya. 2002. № 4. S. 96-118. URL: http://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2002-4_96-118.pdf (data obrashcheniya 13.08.2025).
6. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2008. 304 s. EDN: VRDUHV.
7. Krysin, L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 888 s. (Studia philologica).
8. Lotte, D. S. Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov. M., 1982. S. 7-112. EDN: VUPXFZ.
9. Nikitina, O. A. O konkurentsii anglitsizmov i novoobrazovannykh slov v sovremenном nemetskom yazyke // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2011. № 130. S. 119-129. EDN: NWGQHZ.
10. Paul', G. Printsipy istorii yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1960. 500 s.
11. Slozhenikina, Yu. V. Osnovy terminologii: Lingvisticheskie aspekty teorii termina. Izd. Stereotip. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2016. 120 s. EDN: YUKXWD.
12. Timkina, Yu. Yu. Klassifikatsiya veterinarnoi terminologii v angliiskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 6-1(72). С. 156-158. EDN: YNGOLV.

13. Khakimova, G. A. Zaimstvovanie kak odin iz istochnikov popolneniya nemetskoj veterinarnoi terminologii // Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh. 2021. № 66-3(66). S. 36-40. DOI 10.31618/nas.2413-5291.2021.3.66.414. EDN: GCWXUN.
14. Khakimova, G. A. Istochniki popolneniya terminosistemy veterinarnoi parazitologii (na materiale nemetskogo yazyka) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. № 2. S. 1-14. DOI 10.7256/2454-0749.2022.2.37502. EDN: PERCLU.
15. Khakimova, G. A. Slovoslozhenie kak odin iz produktivnykh sposobov slovoproizvodstva veterinarnykh terminov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 10. S. 3575-3583. DOI 10.30853/phil20230550. EDN: TOZLCV.
16. Kaugen, E. Protsess zaimstvovaniya // Novoe v lingvistike. M.: Progress, 1972. Vyp. VI. S. 344-382.
17. Kaugen, E. Yazykovoi kontakt // Novoe v lingvistike. M.: Progress, 1972. Vyp. VI. S. 61-80.
18. Yagevich, L. V. K voprosu o klassifikatsii terminologii veterinarnoi meditsiny v sovremennom angliiskom yazyke // Prepodavatel': XXI vek. 2020. № 1-2. S. 342-351. DOI 10.31862/2073-9613-2020-1-342-351. EDN: QUTZTT.
19. Adler, M. Form und Häufigkeit der Verwendung von Anglizismen in deutschen und schwedischen Massenmedien. Diss. Universität Jena. 2004. 2., neu bearb. Fassung. 165 S.
20. Barz, I. Fremdwortbildung. Duden. Band 4. Die Grammatik. 7. völlig neu erarb. und erw. Aufl. Mannheim, 2005. S. 690-695.
21. Betz, W. Lehnwortschatz // Stammerjohann, H. (Hrsg.). Handbuch zur Linguistik. München, 1975. S. 250.
22. Burmasova, S. Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004). Bamberger Beiträge zur Linguistik. Bd. 2. Hrsg. von Thomas Becker, Martin Haase, Sebastian Kempgen, Manfred Krug und Patrizia Noel Aziz Hanna. University of Bamberg Press, 2010. 291 S.
23. Busse, U. Typen von Anglizismen: von der heilago Geist bis Extremsparing // Stickel, Gerhard (Hrsg.). Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. Berlin, New York: de Gruyter, 2001. S. 131-155.
24. Busse, U., Görlach, M. „German“ // Görlach, M. (Hrsg.). English in Europe. Oxford: Oxford University Press, 2004.
25. Bussman, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Alfred Kröner Verlag, 2002. 3. aktualisierte und erw. Aufl. Stuttgart. 783 S.
26. Carstensen, Broder & Ulrich Busse. Anglizismenwörterbuch. Der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945. 3 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 1993–1996.
27. Carstensen, B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945. Heidelberg: Springer-Verlag, 1965. 295 S.
28. Duden. Das Fremdwörterbuch. Unentbehrlich für das Verstehen und den Gebrauch fremder Wörter. Bd. 5 / Bibliographisches Institut, 2015. 11 Aufl. Berlin. 1136 S.
29. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Bd. 7 / Bibliographisches Institut, 2020. 6. vollständig überarb. und erw. Aufl. Berlin. 960 S.
30. Duden. Die deutsche Rechtschreibung. Das umfassende Standardwerk auf der Grundlage der aktuellen amtlichen Regeln. Bd. 1 / Bibliographisches Institut, 2009. 25. völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Zürich. 1216 S.

31. Eisenberg, P. Anglizismen. URL: uol.de>f/3/inst/germanistik/fach/... (data obrashcheniya: 10.02.2025).
32. Galinsky, H. Amerikanisch-englische und gesamtenglische Interferenzen mit dem Deutschen und anderen Sprachen der Gegenwart. Ein kritischer Forschungsbericht. (1945–1976) // Kolb, H./Lauffer, H. (Hrsg.). Festschrift f. Werner Betz. Tübingen, 1977. S. 463-517.
33. Kirkness, A. Europäismen/Internationalismen im heutigen deutschen Wortschatz. Eine lexikographische Pilotstudie // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz: aktueller lexikalischer Wandel. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001. S. 105-130.
34. Muhr, R. EUROSPEAK – Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende // Kettemann, B. (Hrsg.). Peter Lang Verlag, 2002. S. 9-54. URL: <http://www.oedeutsch.at/OEDTBIB/Muhr-2002> Anglizismen%20und%20Sprachpflege%20AT.pdf (data obrashcheniya 13.08.2025).
35. Pfitzner, J. Der Anglizismus im Deutschen. Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse. Stuttgart: Nimeyer, 1978. 237 S.
36. Sörensen, I. English im Deutschen Wortschatz: Lehn- und Fremdwörter in der Umgangssprache. Berlin: Cornelsen / Volk und Wissen, 1995. 167 S.
37. Tomaschett, G. Anglizismen – Ist die deutsche Sprache gefährdet? Zunahme der Anglizismen in den Inseraten der Schweizer Zeitungen Bote der Urschweiz und Weltwoche bzw. NZZ am Sonntag von 1989–2005. 237 S., 2005.
38. Viereck, W. Studien zum Einfluss der englischen Sprache auf das Deutsche. Tübinger Beiträge zur Linguistik, Bd. 132, Günter Narr Verlag, Tübingen, 1980. 323 S.
39. Wiesner, E., Ribbeck, R. Lexikon der Veterinärmedizin. Enke im Hippokrates Verlag GmbH, 2000. 4., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart. 1630 S.
40. Yang, W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins Der Spiegel. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. 237 S.

The variation of memoir translation as a result of translational interpretation

Kornilova Ludmila Evgen'evna

PhD in Philology

Professor; Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University

690025, Russia, Primorsky Krai, Mdivostok, Sovetsky district, Alexandrovicha str., 50A, sq. 40

✉ kornilova.le@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of variation in the translation of memoir texts, using the second part of P. P. Unterberger's memoirs "Between Two Stools. Observations, Thoughts and Memoirs" as a case study. The subject of the research is the processes of formation and manifestation of variation in the translation of memoir texts. The object of the study comprises the mechanisms of variation in the translation of memoir-biographical texts. The aim of the work is to identify the mechanisms that determine the degree of variation and the methods of overcoming difficulties in rendering culturally and historically significant elements. Particular attention is paid to the relationship between the concepts of translation adequacy and variation, as well as to identifying the main sources of variation. The research methodology includes comparative analysis of the source and target texts, examination of the subjective factor in translation practice, and application of structural analysis and functional semantics methods, which allow for identifying patterns in the reproduction of authorial style

and cultural markers. The scientific novelty of the research lies in the systematization of translation techniques applied in working with memoir texts and in the development of principles for minimizing the negative consequences of variation. The main contribution consists in identifying the sources of variation and describing the spectrum of translation solutions at various text levels (lexical, grammatical, stylistic). Concrete examples demonstrate methods of rendering geographical names, proper names, military ranks, cultural and historical realia, and individual features of authorial style. The translator's work with a memoir or biographical text requires an analysis of its typological features, lexical characteristics, and the interplay between factual accuracy and the author's subjectivity.

Keywords: lexical correspondences, the Far East, Peter Unterberger, cultural and historical context, translation interpretation, memoir text, translation adequacy, translation variation, translation theory, German language

References (transliterated)

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2006.
2. Alekseeva I. S. Tekst i perevod. Voprosy teorii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2008.
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 4-e, stereotipnoe. M.: KomKniga, 2007.
4. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. M.: LKI, 2010.
5. Katford Dzh. Lingvisticheskaya teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. M.: R. Valent, 2004.
6. Komissarov V. N. Slovo o perevode (ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973.
7. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Uchebnik dlya studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. M.: Al'yans, 2013.
8. Prunch E. Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi assimetrii k politicheskoi. M.: R. Valent, 2015.
9. Tartakovskii A. G. 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1980.
10. Tyulenev, S. V. Teoriya perevoda: Uchebnoe posobie. M.: Gardariki, 2004.
11. Fedorov, A. V. Osnovy obshchei teorii perevoda. M.: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1983.
12. Shveitser, A. D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty. M.: Nauka, 1988.
13. Unterberger P. P. Mezhdvukh stul'ev. Nablyudeniya, mysli i vospominaniya Petra Unterbergera. Ch. 1. "Detstvo, otrochestvo, yunost'" / Perevod s nemetskogo L. E. Kornilova; Red.-sost., kommentarii R. S. Avilov, V. I. Kalinin. Vladivostok: Izd-vo "LIT", 2021.

The poetics of narrative space in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"

Abstract. The subject of the research is the spatial paradigm of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov." The relevance of the work is due to the insufficient study of the spatial organization of the text in contemporary Dostoevsky studies. Space in the novel is examined as a structure possessing dual semiotic nature. It serves both as a narrative construct for organizing the plot and as a profound philosophical-religious symbol. The aim of this work is to conduct a comprehensive analysis of this paradigm. The study systematizes various types of artistic space: topographical, symbolic, and psychological. Their functions in constructing a system of images, organizing plot connections, and representing the author's key philosophical ideas are analyzed. Through the investigation of spatial structures, new aspects of Dostoevsky's anthropological, existential, and theological inquiries are revealed, enriching the modern understanding of his work. The methodology of the research is comprehensive, based on a synthesis of structural-semantic, narratological, and hermeneutic approaches. Within the framework of narrative topology, a comparative analysis of parallel and synchronic spaces is employed, as well as the method of "close reading" for interpreting symbolic images. The novelty of the research and its conclusions: The scientific novelty lies in the development of a comprehensive methodology for analysis and the introduction of differentiation in artistic space into parallel and synchronic dimensions. This allows for the unveiling of the metaphorical nature of space as a means of conceptualizing anthropological phenomena. The main conclusions of the study are: 1. The analysis of parallel narrative spaces enables the contrast to reveal the characters' natures, oscillating between good and evil (Dmitry), residing in hell (Smerdyakov), and becoming God-men (Alyosha). 2. The analysis of synchronic narrative spaces demonstrates that Dostoevsky creates a polyphonic structure, where the dialectic of free choice and the variability of human existence are revealed. 3. The interpretation of metaphorical spaces (the road, the post station, the gazebo) showed that they serve to express fundamental antinomies and reflect the author's reflections on the crisis of family and society. Thus, the spatial organization of the novel is key to reconstructing the ideological complex and philosophical-anthropological concept of Dostoevsky.

Keywords: metaphor, narratology, chronotope, Russian spiritual tradition, narrative space, poetics of space, The Brothers Karamazov, F.M. Dostoevsky, parallel space, synchronicity

References (transliterated)

1. Belinskii V. G. Vzgl'yad na russkuyu literaturu 1846 goda. Sobranie sochinenii: v 13 t. Moskva: AN SSSR, 1956. T. 10: 7-48.
2. Grossman L. P. Dostoevskii. Moskva: Molodaya gvardiya, 1962.
3. 黄德泉. 论电影的叙事空间. 北京: 电影艺术, 2005. (Khuan Detsyuan'. O narrativnom prostranstve v kino. Pekin: Iskustvo kino, 2005.)
4. Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy. Sobranie sochinenii: v 30 t. L.: Nauka, 1976.
5. Gor'kii M. O "karamazovshchine". Sobranie sochinenii: v 30 t. Moskva: GIKhL, 1953. T. 10: 156.
6. Borkhes Kh. L. Sobranie sochinenii: v 4 t. Sankt-Peterburg: Amfora, 2005. T. 1: 302.
7. Berdyaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. Praga: YMCA-Press, 1923.
8. Lakoff D., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem. Moskva: Progress, 1990.

9. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPb, 2000.
10. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moskva: Sovetskii pisatel', 1963.
11. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst*. Moskva: Nauka, 1983.
12. Podoroga V. A. *Fenomenologiya tela*. Moskva: Ad Marginem, 1995.
13. Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii: v 30 t. L.*: Nauka, 1986. T. 29: 84.
14. Strakhov N. N. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom*. Literaturnaya kritika: Sb. statei. Moskva: Sovremennik, 1984.

Moral-ascetic prose of Paisius Velichkovsky: ideological foundations, specificity of argumentation, language and style

Smolina Andzhella Nikolaevna

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language, Literature and Speech Communication; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Siberian Federal University'

660125, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Prospekt Svobodny str., 82A, office 2-42

✉ angelic2009@mail.ru

Abstract. The moral-ascetic work of the church writer Paisius Velichkovsky titled "On Intelligent or Internal Prayer" is being explored in the context of religious-Christian culture. The subject of the research is the ideological content of the moral-ascetic texts of Paisius Velichkovsky, the peculiarities of their argumentative components, and their linguistic-stylistic specifics. The aim of this work is to demonstrate the ideological, artistic, and argumentative features of the author's spiritual prose—texts that focus on the study of the process of spiritual improvement, achieving the Christian ideal, and the struggle of a person against their vices. The relevance of the work is determined by its foundation in the field of theolinguistics and stylistics—directions of modern philology that have been actively developing for several decades—as well as the attention of contemporary linguists to the axiological component of literary works. The main methods of research include the theolinguistic approach, which studies the relationship between language and religion, and the linguistic-stylistic approach, aimed at establishing patterns of language unit functioning influenced by extralinguistic factors. It has been established that the author addresses issues related to the spiritual and moral improvement of a person, achieving internal harmony, and a conscious desire to control one's inner life at the level of thoughts in the pursuit of salvation, which correlates with the ideological premises of the religious-philosophical teachings of hesychasm. It is emphasized that the ideological foundations of the moral-ascetic prose of Paisius Velichkovsky derive from the hesychastic teachings that were affirmed in the works of the Church Fathers, including those that the author translated from Greek to Russian. It is noted that the ideological foundations linked to hesychasm set the direction for the content of the analyzed texts, determining the development of ideas of humility and self-abasement, represented through kenotic units; ideas of the intelligent practice, embodied through the use of language units that serve the subject area of hesychasm; ideas of salvation, asserted through soteriological vocabulary; ideas of sobriety, realized through theological-ascetic terms, mainly from the thematic group "nepsis"; ideas of silence, whose linguistic representatives become the terms of hesychasm and analogous tropes. It is shown that the author employs arguments in the structure of "model – anti-model," testimony, and norm; the linguistic characteristics of the texts include the use of theological-ascetic vocabulary, allegories, and metaphors typical for church-religious texts; a feature of the author's style is adherence to the traditions of monastic literature.

Keywords: allegory, vocabulary of hesychasm, arguments for the testimony, soteriological vocabulary, church-religious text, ideas of hesychasm, ascetic prose, Paisii Velichkovsky, intertextual inclusions, kenotic units

References (transliterated)

1. Chuvatova N. E. Khristianskaya aksiologiya v tvorchestve K. D. Ushinskogo i F. M. Dostoevskogo // Integratsiya obrazovaniya. 2001. № 1. S. 35-36. EDN: QBCEUL.
2. Kazantseva I. A. Pravoslavnaya aksiologiya v russkoi proze XX–XXI vekov: dis. ... d-ra filol. nauk. Tver', 2011. 484 s. EDN: QFKXAP.
3. Luk'yanov V. G. Russkaya religioznaya aksiologiya. SPb: Alteiya, 2015. 224 s. EDN: TIESSH.
4. Kireev M. N. Aksiologiya i vospitatel'nyi potentsial otechestvennoi pravovoi kul'tury: komparativnyi analiz: dis. ... d-ra filos. nauk. Belgorod, 2019. 367 s. EDN: FVJVGd.
5. Mironov A. S. Aksiologicheskie dominanty v sisteme tsennostei russkogo epicheskogo geroya // Problemy istoricheskoi poetiki: nauchnyi zhurnal. Petrozavodsk, 2023. T. 21, № 2. S. 38-65. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12423. EDN: GMOSGF.
6. Krysin L. P. Religiozno-propovednicheskii stil' i ego mesto v funktsional'no-stilisticheskoi paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka // Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. M., 1996. S. 135-138. EDN: VXSZHP.
7. Krylova I. A. Sovremennaya pravoslavnaya propoved' v funktsional'no-stilisticheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005. 227 s. EDN: NNPWNN.
8. Listrova-Pravda Yu. T., Rastorgueva M. B. K voprosu o funktsional'nom tserkovno-religioznom stile sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika". 2006. № 1. S. 49-54. EDN: IBVFYP.
9. Khudyakova E. S. Sotsial'naya obuslovlennost' sistemy zhanrov i zhanrovoy kompetentsii v tserkovno-religioznoi sfere: dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2009. 339 s. EDN: QEMWGJ.
10. D'yachkova N. A. Monasheskaya rechevaya kul'tura // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. 2024. № 5. S. 344-353. EDN: YGERBC.
11. Smolina A. N., Lubkina O. A. Intertekstual'nost' kak stilevaya cherta tserkovno-religioznykh tekstov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya: mezhdunarodnyi zhurnal. 2012. № 5 (36). S. 268-270. EDN: PFZWCP.
12. Smolina A. N. Russkoe dukhovnoe pis'mo KhKh veka: mirovozzrencheskie osnovaniya, kompozitsiya, stil': monografiya. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2023. 263 s. (Studia philologica). EDN: DPRUJJ.
13. Russkaya filosofiya: Slovar' / Pod obshch. red. M. A. Maslina. M.: Respublika, 1995. 655 s.
14. Shafazhinskaya N. E. Tvorcheskii diapazon russkogo monashestva vtoroi poloviny XVIII veka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. № 3. S. 30-34. EDN: KUWYFX.
15. Popova T. G. Rukopisi "Lestvitsy" Ioanna Sinaiskogo perevoda Paisiya Velichkovskogo // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya. 2017. Vyp. 50. S. 36-43. DOI: 10.15382/sturIII201750.36-43. EDN: YLFSBP.
16. Paisii (Bui), ierom. Prepodobnyi Paisii (Velichkovskii) kak predstavitel' uchenogo monashestva // Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii. 2021. № 2 (15).

- S. 139-147. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_139. EDN: XMOOKC.
17. Pentkovskii A. M. Venetsianskaya Φιλοκαλία v perevodcheskoi deyatelnosti Paisiya Velichkovskogo // Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta. 2024. T. 16. Vyp. 2 (50). S. 151-206. DOI: 10.25803/26587599_2024_2_50_151. EDN: POFJLB.
 18. Solodov N. V. Perevod sbornika "Kriny sel'nye" na russkii yazyk i ego perevodchiki // Slovesnost' i istoriya. 2025. № 1. S. 177-193. DOI: 10.31860/2712-7591-2025-1-177-193. EDN: FBSRNM.
 19. Dionisii (Shlenov), igumen. Dobrotolyubie // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XXVII. Dimitrii – "Dopolneniya k aktam istoricheskim" [Tekst] / Pod obshch. red. Patriarkha Mosk. i vseya Rusi Aleksiya II. M.: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2007. S. 491-512.
 20. Likhachev D. S. Nekotorye zadachi izucheniya vtorogo yuzhnoslavlyanskogo vliyaniya v Rossii. M., 1958. 68 s.
 21. Ob umnoi ili vnutrennei molitve. Sochinenie blazhennogo startsa skhimonakha i arkhimandrita Paisiya Velichkovskogo nastoyatelya Nyametskogo i drugih monastyrei v Moldavii i osnovatelya russkogo Il'inskogo skita na Afone. Moskva, 1902.
 22. Dunaev A. G. Isikhazm // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XXVII. Isaak Sirin – istoricheskie knigi [Tekst] / Pod obshch. red. Patriarkha Mosk. i vseya Rusi Kirilla. M.: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2011. S. 240-254.
 23. Bronzov A. A. Khristianskaya dobrodetel' – smirenie // Khristianskoe chtenie. 1900. № 2. S. 161-182.
 24. Glubokovskii N. N. Bibleiskii slovar'. Sergiev Posad – Dzhordanvill': Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2007. 864 s.
 25. Skurat K. E. Svyatost' Rusi. Yakhroma: Troitskii sobor, 2011. 728 s.
 26. Nikita Stifat. Vtoraya sotnitsa estestvennykh psikhologicheskikh glav ob ochishchenii uma // Dobrotolyubie: v russkom perevode, dopolnennoe. T. 5. M., 1900. 482 s.
 27. Volkov A. A. Kurs russkoi ritoriki. Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: Izdatel'skii dom "Russkaya panorama"; Izdatel'stvo "Kafedra", 2013. 416 s.

Communicative strategies for popularizing medical knowledge in the video blog

Savelev Aleksey Sergeevich

Assistant Professor; Department of Cultural Studies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Yaroslav the Wise Novgorod State University
Junior Researcher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Omsk State University named after F.M. Dostoevsky'

173002, Russia, Novgorod region, Veliky Novgorod, Voskresenskiy b-r, 13, sq. 54

✉ alex111-2@yandex.ru

Abstract. The science popularization via video blog is an element of the modern system of formats for science communication, belonging to the category of digital formats and standing out as a unique digital project within the blogosphere. In turn, the low entry threshold for authors into the digital space fosters high user activity in shaping science popularization media discourse, leading to the emergence of various authorial types within this discourse, ensuring a diversity of strategic repertoires of speech influence. The subject of the study is the implementation of communicative strategies in the popularization of scientific knowledge in the field of medicine by journalist and science popularizer A. V. Vodovozov, as an author with experience in professional medical and journalistic activities. The aim of the study is to explore the characteristic features of the strategic repertoire of the language personality of

the popularizer in the dynamics of various communicative situations. To achieve this goal, an author's methodology for investigating the strategic repertoire was developed, based on methods of selective monitoring, aspectual discourse analysis, and personal linguistic profiling. Based on the concept of communicative strategies and tactics of Russian speech by O. S. Isseris, a questionnaire for the strategic repertoire was created, according to which the unique specifics of the speech strategies of the popularizing author were identified. The main results showed the dominance in all studied cases of the main cognitive strategy of subordination (ranging from 34.3% to 52.2% of the author's communicative moves) with a complete absence of discrediting and dramatization strategies, complemented by auxiliary strategies of emotional mood formation, self-presentation, topic control, initiative, and attention grabbing, the frequency of which demonstrates high dynamics. The area of application of these findings can be characterized as research-oriented—the methodology, results, and conclusions of the study can be used in further examination of science popularization media discourse and the communicative strategies employed therein. The novelty of the study lies in the fact that it offers a systematized analysis of communicative strategies for the popularization of medical knowledge within the framework of science popularization media discourse for the first time. As a result of the study, it was concluded that A. V. Vodovozov, possessing a unique strategic repertoire, demonstrates both adherence to general canons of science popularization and different patterns of strategic elaboration depending on the communicative situation of interaction with the audience during the popularization of medical knowledge.

Keywords: speech impact, popular science video blogs, blogosphere, new media, Internet communication, popularization of scientific knowledge, medical media discourse, popular science media discourse, media communication, communication strategies

References (transliterated)

1. Savel'ev A.S. Nauchno-populyarnyi diskurs v sovremennoi internet-kommunikatsii: k postanovke problemy // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 6(45). S. 702-705. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).702-705. EDN: TARUWA.
2. Volkova E.V. Kommunikativnoe povedenie professional'noi yazykovoi lichnosti vracha v mediadiskurse (na materiale televizionnykh programm o zdorov'e) // Medialingvistika. 2022. T. 9. № 4. S. 369-392. DOI: 10.21638/spbu22.2022.405. EDN: PPGIUV.
3. Kamneva N.A. Osobennosti stilya rechevogo vozdeistviya v stomatologii // Tambovskii meditsinskii zhurnal. 2022. T. 4. № 4. S. 22-27. DOI: 10.20310/2782-5019-2022-4-4-22-27.
4. Adkhamova A.A., Samusenko K.V. Rechevye strategii spetsialista v oblasti meditsiny kak sostavlyayushchie professional'no-orientirovannoi kommunikatsii // Professional'naya orientatsiya. 2025. № 1. S. 20-24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_80331534_58023660.pdf (data obrashcheniya 15.09.2025).
5. Ershova V.E. Kommunikativnye strategii samoidentifikatsii professionala meditsinskoi sfery v sotsial'noi seti // Gumanitarnaya informatika. 2019. № 16. S. 13-21. DOI: 10.17223/23046082/16/2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp-id=44039632> (data obrashcheniya 15.09.2025).
6. Burdina O.B., Mishlanova S.L. Professional'nyi imidzh meditsinskikh i farmatsevticheskikh rabotnikov v mediatekstakh // Gumanitarnye issledovaniya. 2018. № 2(19). S. 50-53. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18020309_94031350.pdf

(data obrashcheniya 15.09.2025).

7. Polyanskaya I.L., Tsvetkova A.B. Rol' imidzhevoi kommunikatsii v formirovanii obraza meditsinskogo uchrezhdeniya // *Prakticheskii marketing*. 2012. № 11 (189). S. 40-46. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18042575_22083260.pdf (data obrashcheniya 15.09.2025).
8. Zhura V.V. Rechevye strategii vracha v ustnom meditsinskom diskurse // *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya: Yazykoznanie i literaturovedenie v sinkhronii i diakhronii i metodika prepodavaniya yazyka i literatury*. 2007. № 3. С. 59-61. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18020309_32203042.pdf (data obrashcheniya 11.10.2025).
9. Tubalova I.V., Emer Yu.A., Ershova V.E. Kommunikativnye strategii prodvizheniya professional'nogo imidzha vracha v sotsial'nykh media (na materiale Facebook) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 447. S. 73-82. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41436609_22764413.pdf (data obrashcheniya 11.10.2025).
10. Petrosyan M.M. Osnovnye kommunikativnye strategii i taktiki meditsinskogo mediadiskursa (na materiale russkogo i armyanskogo yazykov) // *Diskurs professional'noi kommunikatsii*. 2024. № 6(2). S. 62-81. DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-2-62-81.
11. Chernova O.E. Kommunikativnye strategii i taktiki v gazetnykh publikatsiyakh o zdorov'e // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2023. Т. 7, № 2. S. 42-48. DOI: 10.18503/2658-3186-2023-7-2-42-48.
12. Cappola R.A., Cohen S.K. Strategies to Improve Medical Communication / R.A. Cappola, S.K. Cohen // *JAMA*. 2023. № 1. P. 70-71. DOI: 10.1001/jama.2023.23430.
13. Chen W., Chung O.K., Molassiotis A. End-of-life communication strategies for healthcare professionals: A scoping review / W. Chen, J. Chung, A. Molassiotis // *Palliative Medicine*. 2022. № 37(1). P. 61-74. DOI: 10.1177/02692163221133670.
14. Sharkiya S. Quality communication can improve patient-centred health outcomes among older patients: a rapid review / S. Sharkiya // *BMC Health Services Research*. 2023. № 886. DOI: 10.1186/s12913-023-09869-8.
15. Musayeva S., Usmanov F. Ways to expand network marketing and e-commerce in the wholesale of medicines / S. Musayeva, F. Usmanov // *International Journal of Research in Commerce, IT, Engineering, and Social Sciences*. 2022. № 16(66). P. 113-116. DOI: 10.5281/zenodo.7837952.
16. Cham T., Lim Y., Sigala M. Marketing and social influences, hospital branding, and medical tourists' behavioural intention: Before-and after-service consumption perspective / T. Cham, Y. Lim, M. Sigala // *Tourism Research*. 2022. № 24(1). P. 140-151. DOI: 10.1002/jtr.2489.
17. Thapliyal K., Thapliyal M., Thapliyal Musayeva D. Social Media and Health Communication: A Review of Advantages, Challenges, and Best Practices / K. Thapliyal, M. Thapliyal, D. Thapliyal // *Emerging Technologies for Health Literacy and Medical Practice*. 2024. P. 364-384. DOI: 10.4018/979-8-3693-1214-8.ch017.
18. Jeyaraman M., Ramasubramanian S., Kumar S., Jeyaraman N., Selvaraj P., Nallakumarasamy A., Bondili S., Yadav S. Multifaceted Role of Social Media in Healthcare: Opportunities, Challenges, and the Need for Quality Control / M. Jeyaraman, S. Ramasubramanian, S. Kumar, N. Jeyaraman, P. Selvaraj, A. Nallakumarasamy, S.K. Bondili, S. Yadav // *Cureus*. 2023. № 15(5). DOI: 10.7759/cureus.39111. EDN: JFRPPC.

19. Kisa S., Kisa A. Comprehensive Analysis of COVID-19 Misinformation, Public Health Impacts, and Communication Strategies: Scoping Review / S. Kisa, A. Kisa // Journal of Medical Internet Research. 2024. № 26. DOI: 10.2196/56931.
20. Kalocsanyiova E., Essex R., Fortune V. Inequalities in Covid-19 Messaging: A Systematic Scoping Review / E. Kalocsanyiova, R. Essex, V. Fortune // Health Communication. 2023. № 38(12). P. 2549–2558. DOI: 10.1080/10410236.2022.2088022.
21. Pöyry E., Reinikainen H., Luoma-Aho V. The Role of Social Media Influencers in Public Health Communication: Case COVID-19 Pandemic / E. Pöyry, H. Reinikainen, V. Luoma-Aho // Strategic Communication and the Global Pandemic. 2022. № 16(3). P. 469-484. DOI: 10.1080/1553118X.2022.2042694.
22. Arsen'eva T.E. Realizatsiya taktiki kommunikativnogo ravenstva v prosvetitel'skom radiodiskurse (na materiale programmy "govorim po-russki") // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013. № 5(42). S. 293-296. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20679149_88135812.pdf (data obrashcheniya 11.10.2025).
23. Vityazeva Yu.A. Kommunikativnaya strategiya "Privlechenie i uderzhanie vnimaniya" v mediadiskurse na primere nauchno-populyarnogo seriala // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 403. S. 5-9. DOI: 10.17223/15617793/403/1.
24. Vorontsova T.A. Strategii i taktiki prezentatsii spetsial'nykh znaniy v nauchno-populyarnom diskurse // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 86. № 37(328). S. 26-29. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21194234_15361001.pdf (data obrashcheniya 11.10.2025).
25. Pokotylo M.V. Kommunikativnye strategii v nauchnom diskurse: funktsional'no-pragmaticheskii potentsial i spetsifika realizatsii // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2017. № 2. S. 167-173. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-61-2-107-112.
26. Prokof'eva N.A. Vozrazhenie v novostnom osveshchenii dostizhenii nauki i tekhniki strany: konteksty, tekhnologii i yazykovye tekhniki // Pred'yavlenie nauchnogo znaniy v dialogue media. 2023. S. 85-92. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59690419_87649667.pdf (data obrashcheniya 15.10.2025).
27. Prokof'eva N.A., Shcheglova E.A. Taktiki vozrazheniya v nauchno-populyarnom meditsinskom блоге // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2023. № 3(49). S. 94-105. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_55827459_76813027.pdf (data obrashcheniya 15.10.2025). DOI: 10.47475/2070-0695-2023-49-3-94-105.
28. Sukhaya E.V. Diskursivnye strategii populyarizatsii nauchnogo znaniya // Vestnik Moskovskogo gos. lingvist. un-ta. Diskurs kak sotsial'naya deyatel'nost': priority i perspektivy. 2012. Ch. 2. Vyp. 6(639). S. 212-219. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17876825_81029031.pdf (data obrashcheniya 15.09.2025).
29. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. Izd. 9-e, dop. M.: LENAND, 2024.
30. Savel'ev A.S. Strategii i taktiki meditsinskogo mediadiskursa (na materiale stomatologicheskikh videoblogov) // Kommunikativnye issledovaniya. 2025. T. 12. № 2. S. 294-309. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(2).294-309.
31. Vodovozov A. Vrach, kollektzioner meditsinskogo sharlatanstva. URL: <https://web.archive.org/web/20170203075913/http://brights-russia.org/lyudi->

- sajdbar/alexey-vodovozov.html (data obrashcheniya: 01.05.2024).
32. Vodovozov A. URL: <https://www.youtube.com/@AlekseyVodovozov> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 33. Vodovozov A. Meditsina budushchego 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=JftljErjVcU> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 34. Strashnyi zver' radiatsiya (2023). URL: <https://www.youtube.com/watch-v=hjvYVzBgbgw> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 35. Istoriya isterii. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=Od41uAGamUE> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 36. Oshibki pervoi pomoshchi | Dubna. URL: https://www.youtube.com/watch-v=NRF_aoHL3Og (data obrashcheniya: 01.05.2024).
 37. Faktcheking | Kak ne soiti s uma ot (nauchnykh) novostei. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=9mZtpBt3ObA> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 38. A kogda na more kachka | Lektsiya pro ukachivanie. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=p1bsNEN3X6g&t=283s> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 39. Chai ili kofe – chto poleznee. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=H0LsYOMPILI> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 40. Grib vsemogushchii – lektsiya v SPb. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=0QWQoRqjHAM> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 41. Dokazatel'naya meditsina | Interv'yu dlya kanala "Baiesyatina". URL: <https://www.youtube.com/watch-v=S3ISpburbD4> (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 42. Public Talk – Aleksei Vodovozov – Saratov – radio. URL: <https://www.youtube.com/watch-v=Z0hCSig06qM> (data obrashcheniya: 03.05.2024).
 43. Pol'za i vred chaya | Interv'yu. URL: https://www.youtube.com/watch-v=67DsI_Uop38 (data obrashcheniya: 02.05.2024).
 44. Kak otdokhnut' na prirode i ostat'sya v zhivyykh – radio. URL: https://www.youtube.com/watch-v=RGEs_clSc6o (data obrashcheniya: 02.05.2024).

On the Composition and Literary Significance of Iakin'f (Bichurin)'s Book "China: Its Inhabitants, Customs, Practices, and Enlightenment"

Cheng Chengbian

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature ; MSU–BIT University in Shenzhen/
Lomonosov Moscow State University

1 Guojidaxueyuan Street, Guangdong, China, 518000

✉ 865657038@qq.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of Archimandrite Iakin'f's (N. Ya. Bichurin's) book "China: Its Inhabitants, Customs, Practices, and Enlightenment" (St. Petersburg, 1840), one of the first systematic works on Chinese civilization to appear in Russia. The aim of the study is to identify the structure and conceptual foundations of the book, and to determine its place in the development of Russian sinology and in the formation of the image of China in the literary culture of the first half of the nineteenth century. The article interprets Iakin'f's work as an encyclopedic compendium of knowledge that brings together linguistic, ethnographic, historical, and philosophical observations into a coherent picture of a "rationally organized East." Special attention is given to how the book constructs a model of scientific

description of China, based on the understanding of language as a form of thought and of knowledge as the foundation of civilization. The methodological framework of the study combines textual, structural-compositional, and cultural-historical approaches aimed at identifying the principles underlying the composition of Iakinf's book and analyzing its literary features within the context of early nineteenth-century Russian letters. The scholarly novelty of this research lies in its comprehensive approach to China: Its Inhabitants, Customs, Practices, and Enlightenment as both a scientific study and a literary work. The author examines the book not only as an early example of Russian sinology, but also as a text possessing independent artistic value. It is demonstrated that the book's composition is organized according to a principle of gradual transition—from linguistic and ethnographic observations to a philosophical interpretation of Chinese civilization. This structure reflects a movement from the systematization of knowledge to its aesthetic and cultural interpretation. The language and style of the work combine elements of scientific discourse and Enlightenment prose, forming a distinctive narrative mode that lies at the intersection of scholarship and literature. The literary significance of the work resides in its construction of a rational image of China—an "ordered East"—which embodies the intellectual aspirations of its time.

Keywords: scientific description of the East, Enlightenment discourse, oriental studies, Russian sinology, composition, literary significance, language and thought, cultural reception, the image of China, Iakinf Bichurin

References (transliterated)

1. Alekseev M. P. Pushkin i Kitai // Alekseev M. P. Pushkin i mirovaya literatura. L.: Nauka, 1987. S. 314-350.
2. Belinskii V. G. "Kitai v grazhdanskom i нравstvennom otnoshenii. Sochinenie monakha Iakinf" // Belinskii V. G. Sobranie sochinenii: V 9 t. T. 8: Stat'i, retsenzii i zametki. Sentyabr' 1845 – mart 1848. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. S. 595-599.
3. Belkin D. I. Russkie literaturny 20-kh – 40-kh gg. XIX v. i kitaeved N. Ya. Bichurin // Formirovanie gumanisticheskikh traditsii otechestvennogo vostokovedeniya (do 1917 g.). M.: Nauka, 1984. S. 53-99.
4. Belkin D. I. Bichurin Nikita Yakovlevich [v monashestve o. Iakinf, Ioakinf] // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. T. 1 (A-G). M., 1992. S. 270-272.
5. [Bichurin N. Ya.] Otvet na voprosy, predlozhennye g. Virstom g. Kruzenshternu otnositel'no Kitaya. SPb.: Tipografiya Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma, 1827. 63 s.
6. [Bichurin N. Ya.] Kitai, ego zhiteli, navy, obychai, prosveshchenie. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1840. VIII, 442 s.
7. Bichurin N. Ya. Kitai. Ego zhiteli, navy, obychai, prosveshchenie / [biogr. ocherk, komment. i primech.: V. Yas'kov]. M.: Eksmo, 2016. 448 s.
8. Bichurin N. Ya. Kitai v grazhdanskom i нравstvennom sostoyanii / [Vstup. st. A. N. Khokhlova; primech. K. M. Tertitskogo]. M.: Vostochnyi dom, 2002. 432 s. (Seriya "Klassiki otechestvennogo i zarubezhnogo vostokovedeniya").
9. Mal'kevich B. A. Materialy k bibliografii trudov N. Ya. Bichurina // Bichurin N. Ya. Sobranie svedeni o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena: [V 3 t.]. T. 3. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. S. 87-92.
10. Chen' Peitszyun'. Stil' nauchnykh trudov N. Ya. Bichurina ("Kitai, ego zhiteli, navy, obychai, prosveshchenie"). Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2019.

The role of media framing in creating political narratives and public opinion based on English-language mass media texts

Maksimova Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Indo-European and Oriental Languages; State University of Enlightenment

10A Radio str., building 2, Basmanny district, Moscow, 105005, Russia

✉ natalie.maximova@gmail.com

Sitnikov Andrey Konstantinovich

Bachelor's Degree; Department of Indo-European and Oriental Languages; State University of Enlightenment

10A Radio str., building 2, Basmanny district, Moscow, 105005, Russia

✉ woshiande2495@gmail.com

Abstract. Modern mass media play a key role in shaping public opinion, especially in conditions of high political polarization. One of the main tools of media influence is framing, a strategy of presenting information through certain semantic frameworks that set some interpretation of events. The study focuses on the types of frames and the way they are used by English-language mass media, by CNN in particular, to create political narratives. Based on two articles from CNN devoted to protests against the policies of the Donald Trump administration and migration crisis, the key tools for framing are identified and their role in creating political narratives is analyzed. The study shows that media texts not only inform the audience but also shape its opinion setting certain frameworks for interpreting events. Discourse analysis served the main research method. Macro- and microstructural features of the texts of the articles were found. At the micro level lexical and phraseological means, key lexemes, collocations, evaluative constructions (for example, adverbs and attributive phrases) were analyzed. At the macro level the structure and composition of the texts as a whole are studied. The main conclusion of the study is that the media use a wide range of frames to create political narratives and shape public opinions. The identified frames were compared with the typology proposed by S. Iyengar, H.A. Semetko, P.M. Valkenburg, D. Chong, J.N. Druckman and others. In the CNN article devoted to protest actions is dominated by thematic, moral and conflict frames as well as elements of emphatic framing seen in the emphasis of the consequences of political decisions and emotionally charged expressions. This approach contributes to the narrative of a confrontation between civil society and authoritarian tendencies, which reflects characteristic values of CNN. The CNN article on the migrant crisis builds the narrative around the theme of human rights violations, abuse of power and the crisis of separation of powers. Here, the emphatic, moral and human interest frames activated.

Keywords: political narrative, macrolevel, microlevel, discourse analysis, strategy, public opinion, media discourse, framing, frame, lexical and phraseological means

References (transliterated)

1. CNN. Hands-off protests: Trump, Musk, and the future of free speech. URL: <https://edition.cnn.com/2025/04/05/us/hands-off-protests-trump-musk/index.html> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
2. CNN. Abrego-Garcia deportation: Trump and El Salvador's CECOT. URL:

<https://edition.cnn.com/2025/04/21/politics/abrego-garcia-deportation-trump-el-salvador-cecot> (data obrashcheniya: 25.04.2025).

3. AllSides Media Bias Rating Methods. URL: <https://www.allsides.com/media-bias/media-bias-rating-methods> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
4. Van Deik, T. A. Diskurs i znanie // Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. 2013. № 13 (156). Vypusk 18. S. 5-23. EDN: RPAWAP. .
5. Van Deik, T. A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Per. s angl. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2013. 344 s.
6. Iyengar, S. Is anyone responsible? How television frames political issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 206 p.
7. Semetko, H. A., Valkenburg, P. M. Framing European politics: A content analysis of press and television news // Journal of Communication. 2000. N 50 (2). P. 93-109. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x> (data obrashcheniya: 09.05.2025).
8. Chong, D., Druckman, J. N. Framing Theory // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 103-126. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.072805.103054> (data obrashcheniya: 09.05.2025).
9. Fillmor, Ch. Freimy i semantika ponimaniya // NZL. 1988. Vyp. 23: Kognitivnye aspekty yazyka. S. 24-25.
10. Entman, R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51-58.
11. Samkova, M. A. Freimirovanie v opyte mediinogo konstruirovaniya obraza goroda // Politicheskaya lingvistika. 2021. № 5 (89). DOI 10.26170/1999-2629_2021_05_18 (data obrashcheniya: 09.05.2025).
12. D'Angelo, P. Framing: Media Frames // The International Encyclopedia of Media Effects / P. Roessler, C. A. Hoffner, L. van Zoonen (eds.). New York: Wiley, 2017. P. 1-10.
13. Ponomarev, N. F. Freiming mediapovestki dnya i tipologiya mediafreimov // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2010. N 3. S. 62-67. EDN: MSPVIP.

Functional Features of a Multimedia Dictionary of the Syrian Arabic Dialect

Novospasskaya Natalia Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ novospasskaya-nv@rudn.ru

Haddad Aida Dzhikhadovna

Assistant at the Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
PhD student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ khaddad-a@rudn.ru

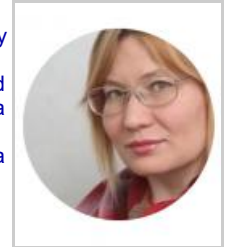
Bubnova Natalia Aleksandrovna

PhD in Philology

Senior Lecturer; Department of General and Russian Linguistics; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ bubnova-na@rudn.ru

Abstract. This article presents a model for a new type of multimedia dictionary of the Syrian dialect of Arabic. The lexicographic resource under development builds upon and modernizes the principles of Russian dialect lexicography while simultaneously integrating contemporary digital technologies. This integration enhances the possibilities for word semanticization and data representation. The object of this study is the functional features of the multimedia dictionary, while its subject encompasses the principles for selecting lexical units for the dictionary's wordlist and identifying the categories of its potential users, taking their needs into account. The aim of the work is to develop the concept and implement a practical multimedia dictionary for the Syrian dialect of Arabic that integrates text, audio, and video content into a unified information system. The research employs methods of thematic classification and systematization of linguistic material, used for organizing the lexical entries, alongside semantic and linguocultural analysis. The novelty of the study lies in the developed universal model for a dialect-specific multimedia dictionary of Arabic, based on the Syrian dialect. The study demonstrates that the creation of this new type of dictionary represents a significant step in the development of digital linguistics and lexicography as a whole, serving as a tool for documenting and studying Arabic dialectal diversity. The development of such resources addresses key challenges in modern lexicography, such as enabling the dynamic updating of dictionary entries and providing users with comprehensive information on the dialect's lexicon, pronunciation, and contextual word usage. Furthermore, it conveys extralinguistic data through the inclusion of media files (audio, video, and illustrations). By serving as a synchronic snapshot, the dictionary establishes a valuable foundation for future diachronic research.

Keywords: polycode text, Syrian dialect, multimedia dictionary, semantic analysis, cultural analysis, semanticization, dialectology, Arabic language, dictionary entry, lexicography

References (transliterated)

1. Novikova M. L., Markelova T. V. Gumanitarnye nauki v mire tsifrovizatsii: novye obrazovatel'nye instrumenty, gorizonty izucheniya yazyka i kul'tury // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2024. № 07/2. S. 72-76. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.7-2.22. EDN: FGSPBC.
2. Antopol'skii A. B., Bonch-Osmolovskaya A. A., Borodkin L. I. Tsifrovye gumanitarnye issledovaniya: monografiya. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2023. 272 s. EDN: JEIADA.
3. Haddad A. D., Novospasskaya N. V. Specificity of the Analysis of Syrian Arabic Words and Expressions // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024. Vol. 15. P. 1359-1373. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1359-1373. EDN: QOFKGA.
4. Bal'zhinimaeva B.D., Lavrent'eva N.Z. Nazvaniya posudy i kukhonnoi utvari dlya prigotovleniya kumysa i molochnoi vodki v mongol'skikh yazykakh* // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2025. № 10. S. 399-411. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76245 EDN: CSZPDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76245

5. Dugalich N. M., Shavtikova A. T., Izildin O. Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series "اختيار" // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. № 3. P. 946-959. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959. EDN: ISLZAW.
6. Dubinina N. V., Savvin I. A. Katarskii dialekt arabskogo yazyka: foneticheskii aspekt // Arabistika Evrazii. 2025. T. 8. № 1. S. 16-25. DOI: 10.26907/2619-1261.2025.8.1.16-25. EDN: VYWSNP.
7. Demin P. E. Maksimal'naya edinita perevoda (na materiale arabskogo yazyka) // Nauchnyi rezerv. 2024. № 3(27). S. 85-93. EDN: DOCYKQ.
8. Hallman P. Comparative constructions in Syrian Arabic // Brill's Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics. 2022. № 14. P. 210-254. DOI: 10.1163/18776930-01402006. EDN: JVEQUL.
9. Khrisat A., Alharthy Z. Arabic Dialects and Classical Arabic Language // Advances in Social Sciences Research Journal. 2015. Vol. 2. № 3. P. 254-260. DOI: 10.14738/assrj.24.1048.
10. Hodeib C. Conceptualizations and evaluations of (im)politeness in Syrian Arabic // Journal of Politeness Research. 2023. Vol. 20. P. 297-318. DOI: 10.1515/pr-2020-0016. EDN: PJYQ GK.
11. Khanafeeva A. M. Arabskaya yazykovedcheskaya traditsiya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 9. S. 157-163. EDN: MSVVRZ.
12. Zainullin G. G. Problemy sovremennoi arabsko-russkoi i arabsko-tatarskoi leksikografii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7-3 (73). S. 115-119. EDN: WHRQDA.
13. Opyt oblastnogo velikorussskogo slovary, izdannyyi Vtorym otdeleniem Akademii nauk / A. Kh. Vostokov. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1852. [2], XII, 275 s.
14. Myznikov S. A. Dialektnaya akademicheskaya leksikografiya i lingvogeografiya // Filologicheskaya regionalistika. 2011. № 2. S. 15-22. EDN: TLQWQP.
15. Tolkovy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka : izbr. st. / V. I. Dal' ; sovmeshch. red. izd. V. I. Dal' i I. A. Boduena de Kurtene. Moskva: Olma-Press : Kras. proletarii, 2004. 700 s. EDN: OZQIOT.
16. Otechestvennye leksikografy XVIII-XX veka / G. A. Bogatova ; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. Moskva: Nauka, 2000. 508 s. EDN: RBNPUX.
17. Ivanishcheva O. N. Printsipy leksikografirovaniya slov v slovare leksiki dukhovnoi kul'tury kol'skikh saami // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal). 2012. № 9. S. 80. EDN: PFLQOX.

The Image of China in Russia: An Overview of Chinese and Russian Academic Tradition

SONGDANDAN

Educator, the department of Oriental Languages, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarskii krai, g. Krasnoyarsk, pr. Svobodnyi, 82A, kab. 3-36

✉ song0301@mail.ru

Abstract. This study presents a comprehensive analysis of the achievements of Chinese and Russian scientific circles in the field of studying the "image of China in Russia." The object of

the research is the methodological approaches and substantive conclusions of the two academic traditions, examined through the lens of comparative analysis. The research applies methods of systematization and comparative analysis, allowing for the identification of not only obvious discrepancies but also hidden parallels in the development of this field of knowledge in the two countries. The conducted study revealed five stable paradigms in the Chinese scientific tradition: comprehensive studies, media analysis, public opinion studies, analysis of literary images, and intellectual history research. Despite the methodological diversity, the Chinese school is characterized by certain limitations, specifically insufficient attention to historical retrospection and fragmentary use of archival materials. The Russian research tradition, in turn, demonstrates three main directions: generalizing studies, periodization studies, and regional studies, which are distinguished by a rich source base but insufficient theoretical reflection. The main innovative contribution of this research lies in identifying a fundamental problem common to both academic traditions – the lack of specialized empirical studies based on archival documents and memoirs as primary sources. This finding not only reveals the structural limitations of existing research but also defines a promising direction for scientific breakthrough, which is of great importance for the development of the history of mutual perception between China and Russia and for promoting interdisciplinary research. The conclusions of the study create a theoretical foundation for future inquiries in the fields of imagology and cross-cultural studies.

Keywords: research overview, history of science, Russia, archival research, memoirs, literature analysis, imagology, image of China, research paradigm, Russian-Chinese relations

References (transliterated)

1. Yan' Godun. Istoriya rossiiskogo kitaevedeniya. M.: Izdatel'stvo "Zhen'min'", 2006. 731 s.
2. Lin' Tsyun'. Kitaisko-sovetskie otnosheniya 1689–1989. Kheiluntszyanskoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1989. 246 s.
3. Su Fenlin'. Issledovanie po istorii rannikh kitaisko-rossiiskikh otnoshenii. Kheiluntszyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1999. 256 s.
4. Li Min'bin'. Istoriya rossiiskogo kitaevedeniya. M.: Izdatel'stvo "Dasyan", 2008. 276 s.
5. Li Vei. Kitaiskie predstavleniya v vospriyatii rossiyan. Pekinskii universitet, 2016. 328 s.
6. Li Chen'yui. Konstruirovaniye obraza Kitaya v "Rossiiskoi gazete" v kontekste pandemii COVID-19 // Gumanitarnye issledovaniya Evrazii. 2021. № 1. S. 64-90.
7. Van Syaosi. Analiz obraza Kitaya, konstruirovannogo rossiiskimi media v kontekste "Poyasa i puti" // Issledovaniya stran Severo-Vostochnoi Azii. 2017. № 2. S. 10-14.
8. Tsui Sin'yui. Analiz obraza Kitaya v rossiiskikh media (2019) // Publichnaya diplomatiya. 2021. № 10. S. 87-88.
9. Din Syaoni. Issledovanie materialov o Kitae v "Rossiiskoi gazete" (2012–2019): diss. ... kand. filol. nauk. Dallyan', 2021. 89 s.
10. Khuan Yan'yui. Issledovanie obraza Kitaya v sovremennykh rossiiskikh osnovnykh media na primere "Rossiiskoi gazety" (1993–2017). Syamyn'skii universitet, 2018. 88 s.
11. Syui Chun. Vospriyatie obraza Kitaya rossiiskim naseleniem za poslednee desyatiletie // Forum mirovoi ekonomiki i politiki. 2012. № 2. S. 92-104.
12. Chzhu Tszintao. "Antinomiya" v vospriyatii obraza Kitaya rossiiskim obshchestvennym mneniem // Zhurnal Ukhans'kogo universiteta. 2015. № 1. S. 103-108.
13. Yan Sin'mo. Kratkii analiz izmenenii obraza Kitaya v Rossii // Vestnik Khunan'skogo

- universiteta tekhnologii. 2009. T. 1. S. 21-24.
14. Li Suian'. Kitai i Rossiya: sravnitel'nyi analiz natsional'nykh obrazov // Sibirskie issledovaniya. 2007. № 8. S. 53-55.
 15. Chzha Syaoyan'. Interpretatsiya "inakovosti": obraz Kitaya v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka // Russkaya literatura i iskusstvo. 2000. № 12. S. 57-61.
 16. Si Tszin. Issledovanie obraza Kitaya v russkoi literature XIX veka // Zhurnal obshchestvennykh nauk Tsyamusskogo universiteta. 2016. № 10. S. 124-126.
 17. Van Shufu. Vostochnaya illyuziya v russkoi literature: obraz Kitaya v romanakh V. Pelevina // Tendentsii zarubezhnoi literatury. 2013. № 3. S. 18-21.
 18. Lyu Yadin. Kitaiskie predstavleniya v Rossii: glubinnaya struktura i fazovye metafory // Vestnik Syamyn'skogo universiteta. 2006. № 6. S. 54-60.
 19. Chen' Tszin'pen. Obraz Kitaya v rossiiskom diskurse XIX veka: polemika S.M. Georgievskogo i grafa I.I. Tolstogo // Zarubezhnye obshchestvennye nauki. 2010. № 4. S. 88-94.
 20. Lin' Tszinkhua. Reinkarnatsiya obraza Kitaya v Rossii i ee evropeiskaya samoidentifikatsiya // Zarubezhnye obshchestvennye nauki. 2010. № 2. S. 117-126.
 21. Sidikhmenov V.Ya. Kitai: stranitsy proshlogo. M., 1974. 277 s.
 22. Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vekakh. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 598 s.
 23. Kychanov E.I. Obraz Kitaya v Rossii XVII v. // Vestnik Vostochnogo instituta. 1997. T. 3. № 2 (6). S. 78-86.
 24. Titarenko A. S. Obraz Kitaya v rossiiskom soznanii vo vtoroi polovine XIX-nachale XX v. // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2012. T. 104. № 3. S. 291-297.
 25. Blyakher L. E., Grigorichev K. V. Vglyadyvayas' v zerkale smyslovye transformatsii obraza Kitaya v rossiiskom sotsiume // Obshchestvennoe soznanie. 2015. № 1. S. 24-38.
 26. Goryaina Yu. Spetsifika "vnutrennego" i "vneshnego" obraza Kitaya v nachale XXI v. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2009. № 2. S. 25-37. EDN: KZUUEP
 27. Litovskaya M. A. Kitai i kitaitsy na stranitsakh ural'skikh periodicheskikh izdaniy 1920–1930-kh gg. // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2016. № 2(51). S. 143-151. EDN: VZBGAL
 28. Zabiyako A. A., Senina E. V. Obrazy vospriyatiya Kitaya i kitaitsev v sovetskoj literature i publitsistike 1920–1940 gg. // T. 15. № 4. 2018. S. 212-219.
 29. Larin A. G. K voprosu o kitaiskoi "demograficheskoi ekspansii" // Problemy Dal'nego Vostoka. 2002. № 6. S. 56-70.
 30. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Obrazy Kitaya v soznanii russkikh Baikal'skogo regiona // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. T. 8. S. 47-56.
 31. Kruzhalina A. A. Obraz Kitaya i Kitaiskogo naroda na stranitsakh sibirskoi pressy v istoricheskoi retrospektive // Rossiya i Kitai: perspektivy sotrudnichestva: materialy 2-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Blagoveshchensk, 2012. S. 53-59. EDN: TOOAJX
 32. Litovskaya M. A. Kitai i kitaitsy na stranitsakh ural'skikh periodicheskikh izdaniy 1920–1930-kh gg. // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2016. № 2(51). S. 143-151. EDN: VZBGAL

The ideological matrix of media discourse on military conflicts: invariance of strategies and variability of implementation.

Lecturer, Department of English (Basic); Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ mary_breit@mail.ru

Abstract. The object of the study is the English-language media discourse on military conflicts as an institutional communicative practice that implements the functions of informing and ideological influence on the mass audience. The subject of the study includes discursive strategies and tactics for realizing ideological modality in English-language media texts covering the Yugoslav wars of the 1990s (1991–2001), the Israeli-Palestinian conflict (2023–2025), and the Russian-Ukrainian conflict (2022–2025), as well as the factors determining the invariance and variability of their functioning in different geopolitical and chronological contexts. The aim of the research is to identify invariant discursive strategies and mechanisms for the implementation of ideological modality in English-language media discourse on military conflicts and to determine the factors dictating the variability of their specific manifestation. The research is based on texts of news reports and analytical articles from authoritative English-language publications. The methodological framework of the study includes methods of critical discourse analysis, comparative analysis, and paradigmatic, semantic, and contextual analyses. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time a systematic comparative analysis of media representation of three chronologically and geographically distinct military conflicts has been conducted using a unified methodological framework, which has allowed for the identification of patterns in the functioning of ideological modality in media discourse. It has been established that the media representation of military conflicts is characterized by the systematic reproduction of identical patterns regardless of the historical period and geographical location of the conflict, indicating the existence of a stable ideological matrix in Western media discourse. At the same time, significant variability in the intensity of linguistic representation has been found, correlating with the degree of geopolitical confrontation, along with a diachronic evolution of strategies towards increasing the directness and categorical nature of nominations. A systematic nature of the functioning of the identified strategies has been established: legitimation/delegitimation provides a rational-cognitive level of impact, dramatization offers an emotional-affective one, and polarization acts as an overarching principle structuring the entire representation system, creating a synergistic effect of ideological influence.

Keywords: delegitimization strategy, dramatization strategy, legitimization strategy, polarization strategy, impact, ideological modality, mediatext, military conflict, mediadiscourse, discourse

References (transliterated)

1. Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. Macmillan + ORM, 2025.
2. Akhrenova N. A., Golubtsova E. V., Zenenko N. V. i dr. Informatsionnaya voina: formy vedeniya i metody lingvisticheskogo analiza. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "FLINTA", 2025. EDN: NGWNQO.
3. Informatsionnaya voina v usloviyakh spetsial'noi voennoi operatsii. Opyt lingvisticheskogo analiza: Kollektivnaya monografiya. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "FLINTA", 2024.
4. Kalinin O. I. Metafora i informatsionnaya voina // Kognitivnye issledovaniya yazyka.

2023. № 4(55). S. 124-127. EDN: YNTZEF.
5. Lupanova E. V., Balkanov I. V. Transgranichnaya dinamika angloyazychnogo voennogo diskursa v period spetsial'noi voennoi operatsii RF na Ukraine // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16, № 11. S. 3745-3750. DOI: 10.30853/phil20230574. EDN: LARGKX.
 6. Surkova E. V. Vozdeistvuyushchii potentsial voennoi frazeologii v publitsistike v period vooruzhennogo konflikta (na materialakh angloyazychnykh mediatekstov na temu SVO) // *Voenno-filologicheskii zhurnal*. 2024. № 3. S. 26-36. EDN: FRTFOE.
 7. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988.
 8. Dijk van T. *Discourse and Power*. Bloomsbury Publishing, 2017.
 9. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003.
 10. Wodak R., Meyer M. *Methods for Critical Discourse Analysis*. SAGE, 2009.
 11. Ullah I. et al. A critical discourse analysis of language patterns and power dynamics in social media discourse // *Journal of Applied Linguistics and TESOL (JALT)*. 2024. Vol. 7. № 4. Pp. 914-925.
 12. Liang L., Wang H., Li F. Representing the other: a critical discourse analysis of British media coverage of China's role in climate change // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. № 1. Pp. 1-10.
 13. Dobrosklonskaya T. G. Aktualizatsiya kategorii ideologicheskoi modal'nosti v angloyazychnom diskurse pressy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2025. T. 28. № 2. S. 119-133. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8. EDN: PCHCYC.
 14. Akhrenova N. A., Zaripov R. I. Lingvopragmaticheskie kharakteristiki sovremennogo polikodovogo mul'timodal'nogo mediateksta v kontekste informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya // *Medialingvistika*. 2023. T. 10, № 4. S. 428-449. DOI: 10.21638/spbu22.2023.401. EDN: MGSNLK.
 15. Zenenko N. V., Chervyakova O. A. Lingvopragmaticheskoe opisanie voenno-politicheskogo mediadiskursa: opyt sistemnogo analiza // *Voenno-filologicheskii zhurnal*. 2023. № 3. S. 29-39. EDN: GVVOQQ.
 16. Khabarov A. A. Modelirovanie diskursivnoi real'nosti global'nogo krizisa: opyt mediinoi reprezentatsii pandemii COVID-19 // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2024. T. 15. № 4. S. 1169-1191. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1169-1191. EDN: UQQILZ.
 17. Chudinov A. P., Segal N. A. Metaforicheskii obraz Rossii v ukrainskikh kanalakh Telegram 2022–2024 gg // *Politicheskaya lingvistika*. 2024. № 3(105). S. 42-48. EDN: BWMBIN.
 18. Nedzel'skaya E. S. Strategiya polyarizatsii v angloyazychnom politicheskom diskurse // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 12 (66): v 4 ch. Ch. 1. S. 75-77.
 19. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10 (2). Pp. 205-222. DOI: 10.1080/17405904.2013.764614. EDN: YDGUSN.
 20. Kolmogorova A. V. Diskursivnye strategii legitimatsii v sovremennoi kommunikativnoi praktike // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 5 (415). S. 36-42.
 21. Charaudeau P. *Discourse Analysis and Its Sociopolitical Stakes* // *Critical Discourse*

Analysis: Critical Concepts in Linguistics. Vol. II: Leading Advocates / ed. by R. Wodak and M. Meyer. Routledge, 2006. P. 239-260.

The Poetics of Dual Perspective: The Image of Colonial China in the Essays of V.V. Krestovsky 'In Distant Waters and Lands'

Gaponenko Kristina Romanovna

Assistant Professor; Higher School of Russian Philology, Pacific State University

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk Grudnova 1

✉ ignatovakristina381@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the image of colonial China in V.V. Krestovsky's essays "In Distant Waters and Lands." The subject of the study is the image of colonial China in V.V. Krestovsky's essays "In Distant Waters and Lands." The object of the research is the artistic and stylistic uniqueness and ideological content of this essay cycle. The author examines in detail aspects of the topic such as the specificity of the author's vision, the mechanisms of creating a critical image of the British colonial system, and the formation of the position of the Russian writer-statesman. Special attention is paid to the analysis of the contrasts between the external order of colonial enclaves and their internal socio-economic reality. The aim of the work is to reveal how these contrasts are created and what ideological function they perform in the text. The research focuses on the narrative strategies that Krestovsky uses to deconstruct colonial reality. It analyzes how the critique of Western colonial policy is formed through the opposition of visible well-being and hidden mechanisms of exploitation. The specificity of the representation of Chinese culture through the prism of Russian conservative consciousness is considered. The methodology is based on narratological analysis, relying on B.A. Uspensky's concept of "point of view." Elements of motif and historical-functional methods are also applied to study the genre synthesis of the essay. The scientific novelty of the work lies, firstly, in the introduction of the little-studied essay cycle of V.V. Krestovsky into scientific circulation. Secondly, the novelty consists in substantiating the "dual point of view" as a key structural-ideological principle of his poetics. As a result of the study, it has been established that the "dual point of view" serves as a systemic tool for criticism in Krestovsky's work rather than simply a stylistic device. It has been revealed that this poetics shapes the author's position as an "enlightened conservative." His analytical perspective challenges the stereotype of "Chinese immobility" and uncovers the true economic mechanisms of colonialism. It is concluded that Krestovsky's essays represent a synthesis of documentary reportage and ideological expression. They are an important document of the era, recording the complex process of forming Russian imperial identity in its dialogue with the East and the West.

Keywords: travel essay, narratology, Russian literature, double perspective, imperial identity, China image, colonial discourse, essay poetics, V.V. Krestovsky, artistic image

References (transliterated)

1. Goncharov I. A. Fregat Pallada: ocherki puteshestviya : v 2 t. L. : Nauka, 1986.
2. Zabiyaiko A.A., Senina E.V. Obraz vospriyatiya Kitaya i kitaitsev v russkoi dorevolutsionnoi literature i publitsistike KhKh veka // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. T. XV, № 3. S. 212-219.
3. Krasnoyarova A. A. Kitai v russkoi klassicheskoi literature // Issledovatel' goda 2021:

- sb. st. Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Petrozavodsk: MTsNP "Novaya nauka", 2021. S. 222-231.
4. Krestovskii V. V. V dal'nikh vodakh i stranakh. V 2 t. T. 1. Moskva: Vek, 1997. 399 s.
 5. Larionov E. Po povodu odnogo ostrova (gadanie o budushchem) // Istoricheskii vestnik. 1882. T. 9. S. 129-163.
 6. Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vv. Moskva: Vostok-Zapad; AST, 2007. 598 s.
 7. Pchelintseva K. F. Obraz Kitaya v russkoi literature i obshchestvennoi mysli XIX–XX vv. Volgograd: Peremena, 2005. Ch. 1. S. 29.
 8. Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 3 / Gl. red. B. F. Egorov. Moskva: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1994. S. 146-149.
 9. Samoilov N. A. Rossiya i Kitai v XVIII – nachale XX v.: tendentsii vzaimodeistviya i vzaimovlianiya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13. 2010. Vyp. 2. S. 275-288.
 10. Uspenskii B. A. Poetika kompozitsii: Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy // Semioticheskie issledovaniya po teorii iskusstva. Moskva: Iskusstvo, 1970. S. [135-137]. 224 s.
 11. Shagbanova Kh.S. Mesto i rol' kitaiskoi tematiki v russkoi literature XIX – nachala KhKh vv. // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 67-79. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.69943 EDN: MXKKSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69943

Vocabulary and etiquette speech acts accompanying birth and funeral ceremonies in Russian and Iranian linguistic cultures

Gholizahed Roohangiz Nadirova

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language and Literature; Shahid Beheshti State University, Tehran, Iran

1475634664, Iran, Tehran, blvd. Shahriari University, office 00989123304472

✉ r_gholizadeh@sbu.ac.ir

Abstract. This article examines the concept of anthropocentrism, highlighting the differences and similarities in the worldviews reflected in the languages of native Russian and Persian speakers, and exploring the specific characteristics of ritual terminology associated with the events of birth and death. An attempt is made to identify typical features of speech formulas of congratulations and sympathy as cultural and linguistic markers that reveal the peculiarities of the Russian and Iranian worldviews. The research material consists of speech samples in the form of utterances and remarks common in expressing emotive speech acts – congratulations, condolences. In writing the article, mainly traditional methods were used: pragmatic, semantic and stylistic interpretation, conceptual analysis, interpretive analysis, and sociolinguistic analysis of the synchronic state of speech etiquette. The scientific novelty of the study lies in identifying the key characteristics of established etiquette, in determining the common specific characteristics in Russian and Persian etiquette speech acts. The vocabulary, traditional etiquette, and heritage of customs of a particular ethnic group are shaped over centuries, reflecting its experience and becoming an integral part of life, teaching both young and subsequent generations norms, rules, and established patterns of behavior and interaction. Adherence to traditions in communication influences both the individual's

spiritual world and serves as a tool for maintaining and reinforcing habitual patterns of everyday interactions and social connections through the inculcation of moral values.

Keywords: tradition, rite, collectivist principles, Persian, Russian language, ritual, birth, etiquette speech acts, linguaculture, Wishes

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Vvedenie // Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke. M., 1999. S. 5-21.
2. Baiburin A.K., Toporkov A.L. U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki. L.: Nauka, 1990. 168 s.
3. Verbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 s.
4. Vol'f E.M. Funktsional'naya semantika otsenki. 2-e izd., dop. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.
5. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 768 s. EDN: QSESJJ
6. Kotelaki S. Kontsept vezhlivost', taarof i kontseptsiiya litsa v iranskoi kul'ture. Per. Z. Farrokhnezhad. Tegeran: Nauchnye i kul'turnye publikatsii, 2010. 243 s.
7. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. № 1. S. 6-17. EDN: OPVZTZ
8. Piotrovskaya L.A. Emotivnye vyskazyvaniya kak ob''ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na mat. rus. i chesh. yaz.). SPb.: SPb. un-t, 1994. 146 s. EDN: RXPDX
9. Piotrovskaya L.A. Emotivnye vyskazyvaniya kak ob''ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na mat. rus. i chesh. yaz.). SPb.: SPb. un-t, 1994. 146 s. EDN: RXPDX
10. Fedosyuk M.Yu. Kompleksnye zhanry razgovornoj rechi: "uteshenie", "ubezhdenie" i "ugovory" // Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoi kul'tury. Ekaterinburg, 1996. S. 73-94.
11. Formanovskaya N.I. Russkii rechevoi etiket: normativnyi sotsiokul'turnyi kontekst. M.: Russkii yazyk, 2002. 160 s. EDN: GJPGKW
12. Formanovskaya N.I. Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsiya i pragmatika. M.: IKAR, 2007. 480 s. EDN: QDWTGF
13. Khanskii A.O. Sotsiokul'turnyi faktor v izuchenii dialoga utesheniya // Filologiya i kul'tura: Tezisy N-oi mezhdunarodnoi konferentsii: V 3-kh chastyakh. Ch. II. Tambov, 1999. S. 126-127.
14. Sharifian F. Vvedenie v lingvokul'turologiyu. Per. L. Ardebili. Tegeran: Nashr nevise-e farsi, 2014. 174 s.
15. Sharifiyan F. Lingvokul'turologiya: kul'turnye i lingvisticheskie kontseptualizatsii. Per. s angl. T. Akhmadipur. Rafsandzhan: Rafsandzhanskii universitet im. Valiasr, 2019. 225 s.
16. Rot Yu., Koptel'tseva G. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening. M.: YuNITI-DIANA, 2006. 223 s.
17. Gurdham M. Communicating across Cultures. Boston, 1989.
18. Martin J.N., Nakayama T.K. Intercultural Communication in Contexts. McGraw-Hill Education, 2009. 544 p.
19. Neuliep J.W. Intercultural Communication: A Contextual Approach. 7th International

Student ed. Sage Publications, 2017. 528 p.

20. Oetzel J.G. Intercultural Communication: A Layered Approach. N.Y.: Vango, 2009.

The Concept of RUSSIAN LANGUAGE in the Linguistic Consciousness of Sakha Youth (Based on an Associative Experiment among School Students of the Republic of Sakha (Yakutia))

Pavlov Stepan Stepanovich

Senior Lecturer; Institute of Foreign Philology and Regional Studies; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

Junior Researcher; International Research Laboratory 'Linguistic Ecology of the Arctic'; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677013, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42

✉ yakutich13@mail.ru

Abstract. This article investigates the content and internal structure of the concept RUSSIAN LANGUAGE in the linguistic consciousness of Sakha youth, drawing on data from an associative experiment conducted among school students across several uluses of the Republic of Sakha (Yakutia). The study is situated within the unique sociolinguistic environment of Yakutia, where Yakut-Russian bilingualism, multilingual practices, and the coexistence of several indigenous languages form a complex linguistic ecology influenced by ongoing processes of urbanization, migration, and globalization. Within the methodological framework of cognitive linguistics, and relying on the conceptual modeling approach developed by the Voronezh school (Z. D. Popova, I. A. Sternin), the research reconstructs the multilayered organization of the concept, identifying its core, near, distant, and extreme peripheries, as well as its imagery component, informational content, and interpretative field. The findings show that Sakha youth perceive the Russian language, on the one hand, as a key symbol of national identity and cultural heritage of Russia, and on the other hand, as a second native language actively used in education and everyday communication. At the same time, the data reveal a clear awareness of ethnocultural distinctiveness, expressed through associative markers referring to the Russian language as the language of another ethnic group. The overall structure of the concept reflects the interaction of two cultural codes within bilingual consciousness. The results contribute to a more nuanced understanding of language perception in a multicultural and multilingual region and expand current sociolinguistic and cognitive-linguistic research on language attitudes and conceptualization processes among young bilingual speakers in the Arctic.

Keywords: ethnocultural identity, cognitive linguistics, linguistic situation, Arctic, bilingualism, Republic of Sakha, linguistic consciousness, russian language, concept, multilingualism

References (transliterated)

1. Argunova, T. V. Yakutsko-russkoe dvuyazychie (sotsiolingvisticheskiy aspekt) / T. V. Argunova. – Yakutsk, 1992. – 88 s. – ISBN 5-7623-0376-4. EDN: PJPLMH.
2. Afanas'eva, N. D., Zakharchenko, S. S., Mogileva, I. B. Formirovaniye yazykovoy kartiny mira u bilingvov // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. – 2022. – T. 19, № 4. – S. 587-595. – DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595. EDN: MITNED.
3. Bitkeeva, A. N. Respublika Sakha (Yakutiya): Yazykovaya politika, aktory i debaty:

- Interv'yu s ekspertami N. I. Ivanovoi i V. I. Shadrinym [Elektronnyi resurs] // Sotsiolingvistika. – 2022. – No 2(10). – S. 204-224. – DOI 10.37892/2713-2951-2-10-204-224. EDN: HVZUNT.
4. Bitkeeva, A. N., Khokholova, I. S. Resursy etnichnosti v gorodskoi identichnosti severyan // Arktika XXI vek. – 2025. – № 2(40). – S. 32-47. – DOI 10.25587/2310-5453-2025-2-32-47. EDN: ABSFWV.
 5. Vakhtin, N. B. Yazyki narodov Severa v XX veke: ocherki yazykovogo sdviga / N. B. Vakhtin; Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. – Sankt-Peterburg : Dmitrii Bulanin, 2001. – 338 s. – ISBN 5-86007-298-8.
 6. Gavril'ev, Ch. N., Podoinitsyna, I. I. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2024. – № 2(339). – S. 81-93. – DOI 10.53598/2410-3691-2024-2-339-81-93. EDN: EMOEUN.
 7. Ivanova, N. I. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) v fokuse prospektivnoi sotsiolingvistiki // Sotsiolingvistika. – 2020. – № 1(1). – S. 94-108. – DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-94-108. EDN: UMQZTT.
 8. Ikilikyan, S. G. Rol' yazyka v formirovanii etnicheskoi identichnosti kak predmet izucheniya nauchno-issledovatel'skikh praktik // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2017. – № 2(194). – S. 16-21. EDN: YZBPEP.
 9. Osipov, B. Ya., Khabarovskaya, A. N. Yazykovaya situatsiya v sele Sasyr Momskogo raiona i sele Berezovka Srednekolymnskogo raiona Respubliki Sakha (Yakutiya) // Sotsiolingvistika. – 2025. – № 1(21). – S. 118-143. – DOI 10.37892/2713-2951-1-21-118-143. EDN: SGBIIM.
 10. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Kognitivnaya lingvistika. – M.: AST : Vostok-Zapad, 2007. – 314 s. EDN: RUFSVD.
 11. Robbek, V. A., Sleptsov, P. A. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) i sotsiolingvisticheskie problemy yazykov malochislennykh narodov Severa / V. A. Robbek, P. A. Sleptsov. – Yakutsk : Institut problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk (IPMNS SO RAN), 1999. – 59 s. EDN: UIAYTD.
 12. Filippova, V. V., Filippova, S. V. Yazykovye ustanovki i orientatsii detei i molodezhi sakha v vozraste 13-18 let v usloviyakh sbalansirovannogo bilingvizma (na primere obuchayushchikhsya shkol g. Yakutsk Respubliki Sakha (Yakutiya) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. – 2024. – T. 21, № 3. – S. 173-183. – DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-3-173-183. EDN: FKINTE.
 13. Grenoble, L. A. Contact, shift & the life of a language // Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova. – 2025. – No. 4 (46). – Pp. 304-335.
 14. Vinokurova, A. A., Khokholova, I. S., Osipov, B. Ya. The Language Situation in the Eveno-Bytantskii National District of the Republic of Sakha (Yakutia) // Sibirica. – 2022. – Vol. 21, No. 3. – P. 159-194. – DOI 10.3167/sib.2022.210308. EDN: OSCVJT.

Helmet and its special place in the anglo-saxon poem "Beowulf"

Bogachev Roman Evgen'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University

308017, Russia, Belgorod region, Belgorod, Mashkovtseva str., 29, sq. 60

✉ romabog2@gmail.com

Musaelyan Elena Nikolaevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University

300 Korochanskaya str., Belgorod, Russia, 308018

✉ musaelian@bsuedu.ru

Nikulina Tat'yana Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Social Work; Belgorod State National Research University

78b Preobrazhenskaya str., Belgorod, Russia, 308009

✉ tnikulina@bsuedu.ru

Markov Aleksandr Vladimirovich

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages; Belgorod State National Research University

13 Chapaeva St., Belgorod, Russia, 308015

✉ markov@bsuedu.ru

Abstract. This study is devoted to a comprehensive linguocultural analysis of the polysemy of the Old English lexeme *helm* in the heroic epic "Beowulf". The aim of the work is to determine all identified cases of the root's usage and to analyze their functions in the poetic discourse. The lexeme *helm* operates as a central element in a complex semantic system that reflects the hierarchy of patronage in Anglo-Saxon culture. Both purely utilitarian uses and those within historical-cultural contexts are considered. The research differentiates true kennings (metaphors) from descriptive compounds (metonymies), and also examines the syntactic stability of the *helm Scyldinga* formula as an institutional title. The lexicon of *helm* serves as a structural instrument to express the main idea that all earthly forms of protection are temporary and powerless in comparison to eternal, divine patronage. The methodology focuses on morphological variants, syntactic surroundings, and direct collocative relationships, employing the principles of Old English morphology for precise identification of case forms. The scientific novelty of the research lies in the author's complex linguocultural approach to analyzing the polysemy of the Old English lexeme *helm* in the poem "Beowulf". A philological distinction is made between true kennings and descriptive compounds. This distinction allows for precise identification of when the poet uses *helm* to denote a sacred or political status and when it is simply used to describe equipment. The syntactic stability of the *helm Scyldinga* formula (Nom. Sing.) is defined, proving its function as a fixed institutional title. A direct correlation is established between linguistic descriptions of elite equipment (*grímhelmas*, mask-helmets) and archaeological finds (for example, the Sutton Hoo helmet), which verifies the high social and military status of the wearers of such equipment in Anglo-Saxon culture, comparing it with variations in the poem.

Keywords: cultural linguistics, alliteration, poetic formula, polysemy, kenning, helmet, Old English, Beowulf, Anglosaxon, Armor

References (transliterated)

1. Bogachev R. E., Prokopenko Yu. A., Garagulya S. I., Fedyunina I. E. Saga o kop'e v anglosaksonskoi poeme "Beovulf" // Kazanskaya nauka. 2025. № 4. S. 826. – Kazan': Izdatel'stvo Rashin Sains, 2025.
2. Lord A. B. Skazitel': Per. s angl. i komment. Yu. A. Kleinera i G. A. Levintona. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1994. – 368 s.
3. Tolkin Dzh. R. R. Chudovishcha i kritiki i drugie stat'i: perev. s angl.; pod red. Kristofer Tolkina. – M.: Elsewhere, 2006. – 300 s.
4. Benson L. D. The Literary Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry // Speculum. 1953. Vol. 28. P. 446-467.
5. Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1898.
6. Brodeur A. G. The Art of Beowulf. – Berkeley: University of California Press, 1959.
7. Clark G. Beowulf's Armor // ELH. 1965. Vol. 32. No. 4. P. 409-441.
8. Cramp R. Beowulf and Archaeology // Medieval Archaeology. 1957. Vol. 1. P. 57-77.
9. Gardner J. The Construction of Christian Poetry in Old English. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1975.
10. Klaeber F., ed. Beowulf and the Fight at Finnsburg. 3rd ed. – Boston: D.C. Heath, 1950.
11. Robinson F. C. Beowulf and the Appositive Style. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1985.
12. Shippey T. A. Beowulf: The Critical Heritage. – London: Routledge, 1998.
13. Stanley E. G. The Old English Poetic Diction // The Beowulf Poet: A Collection of Critical Essays / ed. by D. K. Fry. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1968. P. 70-98.
14. An Anglo-Saxon Dictionary – The Linguistics Research Center. Data poslednego obrashcheniya: 26 oktyabrya 2025. URL: <https://lrc.la.utexas.edu/books/asd/dict-H>
15. BeowulfTranslations.net: Kennings. Data poslednego obrashcheniya: 26 oktyabrya 2025. URL: <http://www.paddletrips.net/beowulf/html/kennings.html>
16. The Sutton Hoo helmet – Smarthistory. Data poslednego obrashcheniya: 26 oktyabrya 2025. URL: <https://smarthistory.org/the-sutton-hoo-helmet/>

Linguistic and cultural specificity of manga character names with a color component (using white, red, and blue as examples)

Rufova Elena Stepanovna

PhD in Philology

Candidate of Philology, Head of the Department; Department of Oriental Languages and International Studies,
Institute of Modern Languages and International Studies; North-Eastern Federal University

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58, office 704

✉ ruf2003@yandex.ru

Abstract. This article explores the scientific study of color designations in creolized texts. Within this article, the author examines color designations within the context of a functional approach as a communication tool that enhances the expressiveness of a literary text, intensifying the substantive aspect of the utterance, and examines the relationship with linguistic forms and their purpose within the text. The use of color in a work of fiction helps create an emotional background, enhance artistic details, concretize the material world,

complement the image, and express the emotions and feelings of the characters, thereby revealing the specificity of the linguistic worldview. The subject of this study is the color designations used in the names of Japanese manga characters. The aim of the study is to identify the linguacultural characteristics of Japanese manga character names containing the components "white," "red," and "blue."

The results of the study will be of interest for further research in translation onomastics, comparative typology, and psycholinguistics. The primary research methods used were continuous sampling, textual, component, and contextual analysis.

The research's novelty lies in its first examination of color designations in terms of identifying the linguacultural characteristics of Japanese manga character names. The study demonstrates that color designations in character names are part of the communicative component of the text and, moreover, serve as a connecting point between verbal and nonverbal components, enhancing the informative value of the creolized text. White, red, and blue are the most productive components in Japanese onomastics. Color and shade symbolism are introduced into the text to build an associative network, imparting additional characteristics to the character's appearance and character traits, and can form the basis of a plotline, helping to reveal the primary and secondary system of images and heroes in the work.

Keywords: manga, creolized text, color symbolism, Japanese names, manga character names, communication, color component, text, color, symbol

References (transliterated)

1. Anishcheva O. N. Semantika prilagatel'nogo "belyi" v poezii A. Akhmatovoi // Yazykovye edinitsey v sisteme yazyka i tekste / nauch. red. I. A. Sternin. Voronezh, 1991.
2. Bagirova E. P., Gavrikova E. O. Kolorema "zolotoi" v kontekste russkoi simvolistskoi poezii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2016. T. 2. № 4.
3. Gun M. Osobennosti semantiki i funktsionirovaniya leksem tsvetooboznacheniya v yazyke russkikh i kitaiskikh SMI (na primere zelenogo tsveta) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2024. T. 16, № 1. S. 5-12. DOI 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12. EDN UGXRJM.
4. Usmanova L. A. Tsvetosemantika poezii O. E. Mandel'shtama // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2012. № 1 (27).
5. Kharaeva L. Kh. Tsvetosimvolizm v poezii Artyura Rembo // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2020. № 1. DOI 10.29025/2079-6021-2020-1-176-185. EDN TTKUFP.
6. Gabysheva L. L. Belyi tsvet v kul'ture yakutov i drugikh tyurkskikh narodov // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2012. № 8 (50).
7. Savitskaya A. N. Tsvetooboznacheniya kak kul'turnyi kod v russkoi frazeologii // Pushkinskie chteniya-2025. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: materialy XXX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 06-07 iyunya 2025 goda. Sankt-Peterburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, 2025. S. 378-383. EDN GMFWMV.
8. Mel'nichuk O. A., Rufova E. S. Simvolika tsvetovogo epiteta "belyi" v yaponskikh i yakutskikh khudozhestvennykh proizvedeniyakh (na materiale poezii Takamury Kotaro i Ivana Gogoleva) // Vestnik SeveroVostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2019. № 5 (73).

9. Rufova E. S., Grits M. V. Simvolika belogo tsveta v nazvaniyakh yaponskikh manga // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. № 4 (101). S. 282-284. DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-282-284. EDN RRZATR.
10. Sokolova E. N. Leksika tsvetooboznacheniya v romane R. Bredberi "451° po Farengaitu" i ego russkom perevode // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2 "Gumanitarnye nauki". 2018. T. 20. № 4 (181).

The imagery of euphemisms in the spaces of linguistic cultures

Zvereva Marianna Ivanovna

PhD in Philology

Lecturer; Department of the Russian Language; Mozhaisky Military Space Academy

197198, Russia, St. Petersburg, Zhdanovskaya St., 13

✉ marianna_zz@mail.ru

Abstract. Imagery, as a stylistic feature or as a category of stylistics, contains a lot and allows for the vivid representation of culturally significant meanings and values. At the same time, imagery can also play the role of a function enhancer, even for those linguistic units for which it is optional. The imagery of euphemisms, which was the subject of the study, is indicative in this regard. Euphemisms containing imagery are figurative euphemisms. In order to clarify the key concept of 'figurative euphemism' and to determine the characteristics and properties of figurative euphemisms from a linguocultural perspective, a set of methods was used. The leading method was descriptive and analytical, and comparative analysis was also used. In addition, contextual analysis was used to correctly identify euphemisms, and a survey of representatives of different linguistic cultures and ethnic groups was conducted to obtain relevant research material. Scientific novelty is determined not only by the diversity of the material studied (the survey covered 17 countries: Russia, Tajikistan, Turkey, Syria, Egypt, Angola, Mozambique, Guinea-Bissau, the Republic of Guinea, Benin, Mali, Niger, Cameroon, the Republic of Congo, France, Laos, Cambodia), but also by the identification of a new principle for classifying euphemisms, according to which euphemisms are divided into figurative and non-figurative. It is argued that the imagery of euphemisms is created by tropes and figures. The transfer of figurative euphemisms to another sociocultural reality occurs as a result of the acceptance of transferable images; otherwise, they are rejected or transformed. The results of the study are of practical importance for intercultural communication. It is argued that the literal translation of figurative euphemisms deactivates their key function in a new language if linguocultural, national and linguistic factors are not taken into account.

Keywords: national culture, linguistic culture, autology, metalogy, associativity, imagery, figurative meaning, figurative euphemism, key function of euphemism, euphemism

References (transliterated)

1. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov: Izd. 5-e, ispr-e i dopoln. Nazran': Piligrim, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/2428/obraznost EDN: RUSOUC
2. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Obraznost' // Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka pod red. M. N. Kozhinoi. Moskva: Flinta. Nauka, 2003. URL:

<https://stylistics.academic.ru/93/Obraznost>

3. Kvyatkovskii A. P. Poeticheskii slovar'. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. URL: <https://poetique.academic.ru>
4. Zvereva M. I. Evfemizmy v sovremennoi publitsistike kak indikatory sostoyaniya yazykovoï sredy: dis... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2023. URL: https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_zvereva_marianna.pdf
5. Barabanov R. E. Psikhologicheskie mekhanizmy zritel'nogo vospriyatiya formy i prostranstva // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2023. № 12. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psychology-2023-8/b1-barabanov.pdf> DOI: 10.34670/AR.2023.35.80.009 EDN: ITOLGM
6. Zvereva M. I. Otrazhenie natsional'nogo mira v evfemizмах raznykh yazykov // Sb. materialov IV Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma "Yazykovaya politika i lingvisticheskaya bezopasnost". Nizhnii Novgorod: Izd. NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 2021. S. 128-132.
7. Fedorov M. A. Termin "Lingvokul'tura" v aspekte teorii kul'tury // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2014. № 6-2. S. 83-86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp-edn=sbwwor>
8. Fedorov M. A. Ot lingvisticheskoi otnositel'nosti k otnositel'nosti kul'turnoi // Vestnik Irkutskogo gos. lingvisticheskogo un-ta. Seriya Filologiya. 2013. № 2 (23). S. 181-186.
9. Krasnykh V. V. Kul'tura, kul'turnaya pamyat' i lingvokul'tura: ikh osnovnye funktsii i rol' v kul'turnoi identifikatsii // Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gos. un-ta. Seriya "Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika". 2012. № 3. S. 67-74. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/ed4/1a0/3179765/Krasnyih-Kultura_KP_i_LK_-_kult.ident-ya.pdf
10. Gerandokov M. Kh., Gerandokova V. Z. Ponyatie natsional'noi kul'tury // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta im. V. M. Kokova. 2017. № 1 (15). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp-edn=vtgwz>

The use of the Yakut language in the online space of media in the northeastern regions of the Sakha Republic (Yakutia)

Ivanov Vitalii Vital'evich

Postgraduate student; Institute of Foreign Philology and Regional Studies; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov
Junior Researcher; International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic"; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

677009, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Semiletka St., 4/1

✉ viv.ivanov@s-vfu.ru

Abstract. The subject of the study is the use of the Yakut language in the online space of regional mass media in the northeastern districts of the Republic of Sakha (Yakutia). The object of the research is the collection of news publications from eight regional online media outlets presented on the Ulus.media portal. The study examines in detail such features as the ratio of Russian-language and Yakut-language news, the distribution of languages across topics, the peculiarities of headline writing, as well as the impact of Russisms on the formation of the modern local media space. Special attention is paid to identifying the lexical and semantic fields of Yakut-language publications, determining the degree of their functional load, and analyzing the factors affecting the fragmentary use of the language in the regional

media environment. The research is aimed at understanding the dynamics of the use of the Yakut language in the context of remoteness, digital inequality, and weak infrastructure in the Arctic regions. The study employs quantitative content analysis and qualitative lexical-semantic analysis of headlines and news publication texts, as well as comparative-descriptive methods that allow for revealing the degree of representation of the Yakut language and the nature of its functioning in the regional media environment. The main findings of the conducted research are the establishment of the dominant position of the Russian language (over 80% of all news publications) and the identification of predominantly fragmentary and thematically limited use of the Yakut language in the regional online media of the northeastern Republic of Sakha (Yakutia). The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of 1,798 news materials over a three-month period, covering the media space of the republic's peripheral districts characterized by low infrastructure development, remoteness from trade and transportation centers, as well as specific media consumption features. The analysis of the text content suggests that the Yakut language in the local media environment functions as an adaptive and dynamically developing system capable of serving a significant part of the regional informational media space while maintaining its ethnocultural specificity.

Keywords: regional media environment, mediacommunication, digitalization, media space, bilingualism, Russianisms, northeastern districts of Yakutia, news publications, regional media, Yakut language

References (transliterated)

1. Argylov N.A. Osobennosti institutsionalizatsii mediarynka i formirovaniya informatsionnogo prostranstva Respubliki Sakha (Yakutiya) // Medi@l'manakh. 2017. № 4 (81). S. 131.
2. Bodrunova S.S. Kross-kul'turnyi tonal'nyi analiz pol'zovatel'skikh tekstov v Tvitteere // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2018. № 6. S. 203. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2018.191212 EDN: YUZENF
3. Vartanova E.L. Kontseptualizatsiya tsifrovogo neravenstva: osnovnye etapy // Medi@l'manakh. 2018. № 5. S. 11. EDN: YRNDIL
4. Gladkova A., Mkrtycheva Yu. Etnicheskie SMI v usloviyakh tsifrovoi sredy: itogi ekspertnogo oprosa // Media al'manakh. 2021. № 3. S. 47.
5. Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnedda M. Model' trekh urovnei tsifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranicheniya (na primere issledovaniya Respubliki Tatarstan) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2019. № 4. S. 53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172 EDN: GZLUXO
6. Dugarova T.Ts., Borgoyakov S.A., Ermoshkina E.M., Tsybaeva L.A., Oorzhak A.A., Daminov B.A. Sokhranenie i razvitie yazykov narodov Rossii: problemy i perspektivy // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3 (137). S. 84.
7. Ivanova N.I. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yakutskii yazyk v nachale XXI v. (etnosotsiopsikholingvisticheskii aspekt). Novosibirsk: Nauka, 2022. S. 81-82. EDN: FVJLGF
8. Kalavrii T. Yu., Romanova E. V. Sravnitel'nyi analiz kachestva zhizni naseleniya Arkticheskoi zony Respubliki Sakha (Yakutiya) // Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki. 2022. № 4 (30). S. 44-56. DOI: 10.25587/SVFU.2022.55.96.004 EDN: BTSINI
9. Matison D. Media-diskurs. Analiz media-tekstov. Khar'kov: Gumanitar. tsentr, 2017.
10. Mironova D.A. Gazetnyi mediatekst onlain-formata kak osobyi kommunikatsionnyi

- fenomen / D.A. Mironova // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4. S. 13. EDN: OYMEDH
11. Orekhov B.V., Reshetnikov K.Yu. Gosudarstvennye yazyki Rossii v Vikipedii. K voprosu o setevoi aktivnosti minoritarnykh yazykovykh soobshchestv // Nastroika yazyka: upravlenie kommunikatsiyami na postsovetском prostranstve / pod red. E.G. Lapinoi-Kratasyuk i dr. M.: Novoe lit. obozrenie, 2016. S. 268. EDN: LRKONR
 12. Pozina A.A. Etnicheskaya zhurnalistika. Strukturnye kharakteristiki // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2011. № 3. S. 58. EDN: OIOEYP
 13. Svitich L.G., Sidorov O.G., Smirnova O.V. Ulusnye (raionnye) gazety Respubliki Sakha (Yakutiya): sotsiologicheskoe issledovanie (opros redaktorov i zhurnalistov). Novosibirsk: Nauka, 2017. S. 127. EDN: YXKWPV
 14. Svitich L.G., Smirnova O.V., Sidorov O.G. Ulusnye (raionnye) gazety RS(Ya): funktsional'no-soderzhatel'naya struktura (po rezul'tatam oprosa zhurnalistov) // Vestn. SVFU. 2015. № 3 (47). S. 168.
 15. Solganik G.Ya. Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2010. № 5. S. 135. EDN: NCETRT
 16. Shkondin M.V., Smirnova O.V., Gladkova A.A. Etnicheskaya zhurnalistika kak ob'ekt sistemnogo analiza // Etnicheskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost': ezhegodnik / otv. red. A.A. Gladkova i dr. M.: F-t zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2018. № 11. S. 5. EDN: XZMKHZ
 17. V Yakutii otkroetsya Edinyi portal raionnykh gazet / Ofitsial'nyi informatsionnyi portal Respubliki Sakha (Yakutiya). 2017. 30 okt. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2825774>

A Novel where Interpretations Branch: A Mythoanalysis of 'The Master and Margarita' in 2024

Ivanov Andrei Gennadievich

Doctor of Philosophy

Professor, Head of the Department; Department of Philosophy and Social Communications; Lipetsk State Technical University
Professor; Department of State, Municipal Service and Management; Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398050, Russia, Lipetsk region

✉ agivanov2@yandex.ru

Abstract. Recently, Russian society has witnessed a boom in the popularity of feature films that play on the Soviet past in various modalities, from historical events to screen adaptations of literary works written during the Soviet era. In early 2024, the attention of ordinary people was drawn to the Russian film 'The Master and Margarita', where director M.A. Lokshin, a representative of the younger part of the so-called 'Generation X', took on the Soviet 1930s. Mythoanalysis of the film provides a partial answer to these questions: the events that unfolded in the novel and, consequently, in the film, cover a period of time that is quite distant from the present, and there are more possibilities for constructing an image of the Soviet past. In this case, the focus of attention will be on the ontological part of the system of modern social mythology. Mythoanalysis will make it possible to see that the main ontological categories found in the painting – space and time, cause-and-effect and the relationship between the part and the whole – contain mythological content and ensure the

relevance of the painting. In M.A. Lokshin's film adaptation of the novel 'The Master and Margarita', we actually see the fantasies of a representative of Generation X on the theme of the Soviet past of the 1930s, which even in some ways produce allusions to the present day. Reinterpreting H. White, it is possible to use the term 'practical present' in relation to the painting. Mythoanalysis allowed us to see that the main ontological categories found in the painting – space and time, cause-and-effect relationship and the relation between the part and the whole – contain mythological content and ensure the relevance of the painting. In the future it's possible to refer to metamodernist categories.

Keywords: part and whole, time, space, ontological categories, contemporary social mythology, mythoanalysis, Soviet past, cause-and-effect relationship, generation, object-oriented approach

References (transliterated)

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
2. Uait Kh. Prakticheskoe proshloe. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 192 c.
3. Rigni E. Vospominanie kak preobrazovanie: peresmotr pamyatei natsii // Istoricheskaya ekspertiza. 2020. № 4. С. 17–41.
4. Losev A.F. Dialektika mifa. M.: Azbuka, 2021. 320 s.
5. Isaev E. Kinematograf // Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoi istorii / pod red. A. Zavadskogo, V. Dubinai. M.: Novoe izdatel'stvo, 2021. S. 267–283.
6. Ivanov A.G. Propaganda i «rabota nad mifom» v dokumental'nykh serialakh (na primere fil'ma «Kratkoe posobie po tomu, kak ustroen mir») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 475. S. 15–22.
7. Ivanov A.G. «Chempion mira» i «Odinnadtsat' molchalivvykh muzhchin»: normativnyi poryadok sovremennogo rossiiskogo kinematografa i nostal'giya po sovetskim sportivnym pobedom // Logos et Praxis. 2022. T. 21. № 4. S. 29–36.
8. Ivanov A.G. Sistema sovremennoi sotsial'noi mifologii. SPb.: Aleteiya, 2019. 182 s.
9. Orlov I.B., Popov A.D. Olimpiiskii perepolokh: zabytaya sovetskaya modernizatsiya. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 455 s.
10. Vitalii Tret'yakov: «Est' veshchi, o kotorykh ya zhaleyu» // Literaturnaya gazeta. 18–24 yanvarya 2023 g. № 1–2 (6867).
11. «SSSR – konstruktsiya, effektivnaya dlya svoego vremeni» Beseda s A.V. Shubinyim // Istoricheskaya ekspertiza. 2022. № 4. S. 125–129.
12. Kharman G. Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya «teoriya vsego». M.: Ad Marginem Press, 2021. 272 s.
13. Kharman G. Spekulyativnyi realizm: vvedenie. M.: RIPOL klassik, 2020. 290 s.
14. Kharman G. Chetveroyakii ob"ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera. Perm': Gile Press, 2015. 152 s.
15. Kharman G. Iskusstvo i ob"ekty. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2023. 440 s.
16. Sovetskii sport v kontekstakh kholodnoi voyny / red. A.I. Kupriyanov. M.: Izd-vo «Ves' mir», 2023. 488 s.
17. Khyubner K. Istina mifa. M.: Respublika, 1996. 448 s.
18. Malyshkin A. Lyudi iz zakholust'ya // Sochineniya: v 2 tomakh T. 2. M.: Pravda, 1965. 495 s.

19. Dobrenko E. Do samykh do okrain // *Iskusstvo kino*. 1996. № 4. S. 97–102.
20. Gill G. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 p.
21. Nedel' A.Yu. *Intimnaya ideologiya. Tekst, kinematograf, tsirk v rossiiskoi kul'ture XX veka*. SPb.: Aleteiya, 2024. 580 s.
22. Kulyapin A.I., Skubach O.A. *Mifologiya sovetskoi povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoi epokhi*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 240 s.
23. Boim S. *Budushchee nostal'gii*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 680 s.
24. Kondrashov A. Podmena. Chto v ekranizatsii romana ot Mikhaila, a chto ot Maikla? // *Literaturnaya gazeta*. 7–13 fevralya 2024 g. № 5 (6920).
25. Kotunova O.V. Kul'tura otmeny v strukture memorial'nogo diskursa novykh media: kriticheskii analiz // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 1. S. 188–201.
26. Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 s.
27. Connerton P. *The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 192 p.
28. Podrabinek A. *Karatel'naya meditsina*. N'yu-Iork: Izdatel'stvo «Khronika», 1979. 173 s.
29. Pavlov A.V. *Postpostmodernizm. Kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya*. M.: Delo, 2021. 560 s.

The Belt and Road Initiative: Impact on the Country's Image

Sun Siwen

Postgraduate student; Department of Mass Communication; RUDN University

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042238226@pfur.ru

Abstract. The subject of the research is the formation and transformation of China's image in the global information space under the influence of the Belt and Road Initiative (BRI). The object of the research is the materials from national (Chinese), Western (primarily American and British), and Russian mass media dedicated to covering this initiative. The author examines in detail such aspects of the topic as differences in the approaches and tone of the initiative's coverage in media from different countries, the influence of media discourse on the perception of China internationally, and the strategies of Chinese national media in shaping a positive image of the country. Particular attention is paid to the analysis of specific examples of media agendas, such as the concepts of "debt trap" and "cultural invasion" in Western media, as well as the emphasis on strategic partnership and mutual benefit in Russian media. Furthermore, the role of major international events, such as the Belt and Road Forums, as catalysts for media activity is explored. The research is based on a comparative content analysis and discourse analysis of mass media materials from various countries, as well as a synthesis of scientific publications on the topic of national image formation. The main conclusions of the conducted research are the identification of a persistent trend towards negative coverage of the Belt and Road Initiative and the formation of a critical image of China in Western mass media, while Russian media demonstrate an overall positive or neutral tone, contributing to the strengthening of a positive image of the PRC. The novelty of the research lies in the comparative analysis of media strategies and narratives using specific media outlets (BBC, "Russia 24", "People's Daily") as examples within the context of the initiative's tenth anniversary. A special contribution of the author to the research topic is the

systematization of specific tools and methods used by Chinese national media to shape a favorable country image, including large-scale publications in foreign editions and the production of multilingual video content for the internet space. It is concluded that the Belt and Road Initiative has become a key factor and tool for shaping China's national image, and the state's media policy plays a decisive role in countering negative narratives and promoting positive perception globally.

Keywords: perception shaping, media coverage, competitive Influence, Information Warfare, media discourse, global mass media, international communication, Belt and Road Initiative, state image, strategic partnership

References (transliterated)

1. Gizatova G.K., Ivanova O.G. Imidzh kak konstrukt sotsial'noi real'nosti // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2021. T. 163. S. 222-229. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229 EDN: PRKILL.
2. Sazonova A.A., Moiseenko M.V. Istoriko-filosofskii aspekt formirovaniya imidzha politika // Vestnik RUDN, Seriya Filosofiya. 2014. № 2. S. 167-168. EDN: SDHTCZ.
3. Khe Nyu. Imidzh Kitaya v rossiiskikh massmedia v kontekste initsiativy "Odin poyas-odin put'" (po materialam telekanala "Rossiya 24") // Medi@l'manakh. 2023. № 2. S. 80-87. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.8087 EDN: HFWBUY.
4. Khe Nyu. Formirovanie imidzha Kitaya v zapadnykh massmedia v kontekste initsiativy "Odin poyas-odin put'" (po materialam britanskogo novostnogo telekanala BBC News) // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2023. T. 12. № 4. S. 784-800. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).784-800 EDN: RMVKSJ.
5. Shvetsova M.G. Rol' SMI v konstruirovani obaza strany // Problemy istorii, filologii i kul'tury. 2012. № 3. S. 288-292. EDN: PDXIQJ.
6. Van Syaosya. Analiz natsional'nogo obaza Kitaya, konstruiuemogo rossiiskimi SMI v kontekste "Odnogo poyasa, odnogo puti" // Zarubezhnye lingvisticheskie issledovaniya Severo-vostochnoi Azii. 2017. № 2. S. 10-14.
7. Chzhan Eton. Otchet o 10-letii initsiativy "Odin poyas, odin put'". Formirovanie imidzha Kitaya // Zhurnal svyazei s obshchestvennost'yu. 2024. S. 154-156.
8. Chzhao Ven'lun, Yuan' Fensyue. Formirovanie i rasprostranenie natsional'nogo imidzha Kitaya v kross-kul'turnom kontekste: V kachestve primera rassmotrim mezhdunarodnuyu seriyu reklamnykh videorolikov v Internetе "Odin poyas, odin put'" // Zhurnal Khubeiskogo universiteta nauki i tekhnologii. 2024. T. 44. № 5. S. 89-94.
9. Chu In', Khuan Rikhan. Formirovanie natsional'nogo imidzha v perspektive initsiativy "Odin poyas, odin put'". Analiz sily razuma // Zhurnal Sin'tszyanskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam). 2016. T. 27. № 2. S. 78-84.
10. Yui Tsinchu, Go Inchun'. Amerikanskіe SMI soobshchayut o zasluhivayushchei doveriya politike Kitaya v ASEAN. Issledovanie vliyaniya imidzha gosudarstvennogo upravleniya: na osnove soobshcheniya amerikanskikh SMI ob initsiative "Odin poyas, odin put'" // Mezhdunarodnaya pressa. 2024. № 8. S. 73-91.
11. Yan Chzhichen, Sun Chzhoun, Fen Tszinsyan, Lyu Veidun. Zapadnoe obshchestvennoe mnenie o postroenii zelenogo diskursa "Odin poyas, odin put'" // Geograficheskie issledovaniya. 2025. T. 44. № 1. S. 1-20.
12. Gavrilov G.A. Imidzh strany kak odna iz tselei informatsionnoi voyny // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chita,

2011. S. 154-156.

13. Zegonov O.V. Rol' global'nykh SMI v mirovoi politike: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2009. 30 s. EDN: NKUDFD.
14. Chzhen' Kai. Analiz imidzha Kitaya v rossiiskikh SMI s tochki zreniya kul'turnogo stereotipa-na osnove reportazhei "RIA" po teme "Odin poyas-odin put'": masterskaya dissertatsiya. Sin'tszyanskii universitet, 2018. 82 s.

Functional orientation of socially significant content in video game journalism

Leonov Vladislav

Postgraduate student; Department of Literary Criticism; Russian State University for the Humanities

15 Mitrofanova str., 35 block, Lyubertsy, Moscow region, 140009, Russia

✉ ussr2000200@gmail.com

Abstract. Video gaming publications are in high demand today among their predominantly young audience. Gaming media outlets began as amateur resources, but over time, they quickly transformed into full-fledged professional gaming media. This article examines the functional focus of socially significant content in video game journalism. This content resource is considered in terms of its importance and relevance to the media landscape. The article aims to highlight the specific functional focus of socially significant content in game journalism. The article utilizes a descriptive method, with content comparison and analysis as a method for regionalizing the work.

In security studies, the primary functions that are significant for society and performed by game journalism were: communicative, integrative, recreational, and informational. Through an analysis of online content from the StopGame.ru portal, characteristic features of socially significant content in game journalism were identified: informing about the development of socially significant issues, creating an image of reality for the outside world, and broadening horizons in its own right. The results of this research can be used in the study of game journalism, as well as in examining socially significant content in gaming publications. The study's relevance is driven by an examination of socially important content in video game journalism within society and social processes. This creates novelty and practical originality in these articles. The conclusions reached within the article state that game journalism is an important part of the modern media sphere, with its unique characteristics and functions contributing to a broader social perspective.

Keywords: video game media, informational function, expansion of the audience's horizons, formation of the image of reality, correction of public opinion, audience of video game media, functions of video game journalism, video game industry, social problems, video game journalism

References (transliterated)

1. Podshibyakin A. Vremya igr! / A. Podshibyakin. – 1-e izd. – Moskva: Eksmo, 2020. – 304 s.
2. Bakanov R. P., Sabirova R. I. Igrovaya zhurnalistika v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve: problematika i funktsional'noe raznoobrazie // Vestnik VUiT. 2018. № 2. S. 166-176. EDN: XREBKH.
3. Kodanina A. L., Sturova A. O. "Igrovaya" zhurnalistika kak massovo-kommunikatsionnyi

- fenomen // Uchenye zapiski NovGU. 2020. № 6 (31). S. 1-5.
4. Il'chenko S. N., Turunov D. M. Tsifrovaya transformatsiya rossiiskikh igrovykh media: analiz osnovnykh onlain-platform // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2025. T. 30. № 3. S. 655-668. DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-655-668. EDN: DNPJRS.
 5. Perreault G. P., Vos T. P. Metajournalistic discourse on the rise of gaming journalism / G. P. Perreault, T. P. Vos // New Media & Society. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 159-176. DOI: 10.1177/1461444819858695.
 6. Braithwaite A. It's about ethics in games journalism? Gamergaters and geek masculinity / A. Braithwaite // Social Media + Society. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 1-10. DOI: 10.1177/2056305116672484.
 7. Perreault G., Caberlon L., Stuart C. Audience repair as paradigm repair: Fixing the 'gamer' in games journalism / G. Perreault, L. Caberlon, C. Stuart // Journalism History. 2023. Vol. 49. No. 2. P. 95-109. DOI: 10.1080/00947679.2023.2203022. EDN: BFUTWS.
 8. Prokhorov E. P. Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki: Uchebnik / E. P. Prokhorov. – 2-e izd. – Moskva: Aspekt Press, 2009. – 351 s. EDN: QWUEYX.
 9. Muratova E. S. Funktsii i osobennosti igrovykh SMI / E. S. Muratova. – Tekst : neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. – 2021. – № 3 (345). – S. 254-256. EDN: XTWWCO.
 10. Toshovich Branko. Internet-stilistika / Toshovich Branko. – 2-e izd. – Moskva: Flinta, 2018. – 238 s.
 11. Galkin D. V. Komp'yuternye igry kak fenomen sovremennoi kul'tury: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / D. V. Galkin. – Tekst: elektronnyi // Gumanitarnaya informatika: elektron. nauchn. zh.: [sait]. – URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/4/gal2.htm> (data obrashcheniya: 28.10.2025).
 12. Salikhova E. A. Igrovoi kontent v mediapotreblenii "uchashcheisya molodezhi": rezul'taty oprosa // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2023. № 83.
 13. Malysheva Ya. V. Osobennosti osveshcheniya skandala "GameRate" v rossiiskoi igrovoi zhurnalistike i blogosfere // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Slovo v nauke". 2023. № Spetsvypusk.
 14. Marakhovskii D. O. Videoigry kak sotsial'nyi institut: razlichnye aspekty institutsionalizatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. № 8.
 15. Marakhovskii D. O. Kontseptualizatsiya fenomena videoigr v kontekste neoinstitutsionalizma // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2025. № 8.
 16. Tarmaeva V. I. Komp'yuternye igry i igrovaya zhurnalistika // Vestnik ChelGU. 2015. № 5 (360).
 17. Kodanina A. L., Petrova E. D. Igrovaya zhurnalistika i novye kommunikatsionnye formaty (na primere zhurnala "Igromaniya") // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2022. № 1 (43).
 18. Selyutin A. A. Zhanrovaya spetsifika igrovykh videoblogov // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2018. № 3 (29).
 19. Ershova I.V., D'yachenko A.M. Zhanrovo-tematicheskie osobennosti rossiiskoi igrovoi videozhurnalistiki (na primere YouTube-kanalov StopGame) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 9. S. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.9.40966 EDN: YWHBYJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40966
 20. Yaremchuk A. V. Videoigrovaya zhurnalistika i mediaindustriya: istoriya razvitiya i segmentatsiya // A-faktor: nauchnye issledovaniya i razrabotki (gumanitarnye nauki). 2020.

21. Selyutin A. A. Vizualizatsiya tekstovogo prostranstva v otechestvennoi geim-zhurnalistike (na primere zhurnala "Igromaniya") // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2019. № 1 (31).
22. Mal'tseva I. A. Problemy i perspektivy razvitiya kibersportivnoi zhurnalistiki // *MNIZh*. 2022. № 4-4 (118).

The World of Metaphors in Liu Zhenyun's Prose

Rodionova Oksana Petrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Asian and African Studies; Saint Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ o.rodionova@spbu.ru

Abstract. This study examines the system of metaphorical images in the prose of contemporary Chinese writer Liu Zhenyun. The analysis is based on seven novels published between 2003 and 2025 ("Cell Phone", "The Cook, the Crook, and the Real Estate Tycoon", "Someone to Talk To", "I Did Not Kill My Husband", "Strange Bedfellows", "One Day Three Autumns", and "Salty Jokes"). Metaphor is examined as the structural and substantive core that shapes the author's unique style. The primary goal of the study is to demonstrate that metaphorical constructs are a key means of conveying cultural and philosophical meanings and representing pressing historical and social issues. The study aims to demonstrate how metaphors, deeply rooted in national tradition, acquire universal resonance, revealing the potential of Chinese literary text. The methodology involves identifying frequent metaphors in a corpus of seven novels by Liu Zhenyun, followed by a multifaceted analysis. The study utilizes the tools of cultural linguistics and intertextual analysis to uncover cultural, philosophical, historical, and social meanings. The research's novelty lies in its comprehensive analysis of Liu Zhenyun's metaphors as a key element of his unique style, which synthesizes deep national traditions with universal philosophical concerns. For the first time, using the author's seven novels, it systematically demonstrates how multi-level metaphors—from individual phraseological units to complex intertextual structures—serve to explicate cultural and philosophical meanings and explore relevant socio-historical themes. The study's main conclusion confirms that the writer's metaphorical language, despite its roots in specific Chinese culture, possesses significant universal value. He masterfully transforms everyday situations into powerful tools for understanding eternal questions of morality and human nature, serving as a living bridge between cultural tradition and modernity. Thus, Liu Zhenyun's work represents a highly promising object of interdisciplinary research, opening new horizons for literary studies, cultural studies, sociology, and philosophy.

Keywords: China, Precedent phenomena, Intertext, Language game, Idioms, Phraseologism, Metaphor, Chinese literature, Liu Zhenyun, Fiction

References (transliterated)

1. V Kitae kniga stoit kak stakan kofe: izvestnyi kitaiskii pisatel' rasskazal o sebe i Rossii [Elektronnyi resurs] // *Gazetametro.ru*. 2024. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/v-kitae-kniga-stoit-kak-stakan-kofe-izvestnyj-kitajskij-pisatel-rasskazal-o-sebe-i-rossii-12-09-2024> (data obrashcheniya: 15.10.2025).

2. Ignatenko A. V. Osobennosti yazykovoi igry v proze Lyu Chzhen'yunya na primere romana "Ya ne Pan' Tszin'lyan'" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2022. T. 14, vyp. 1. S. 507-523. DOI: 10.21638/spbu13.2022.308 EDN: ATGTTG.
3. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem / per. s angl.; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. Moskva: Editorial URSS, 2004. 256 s.
4. Sin Vei. Issledovanie metafor v romane "Ya ne Pan' Tszin'lyan'" s pragmaticheskoi tochki zreniya // Vestnik obshchestvennykh nauk Universiteta Tsyamusy. 2017. T. 35. № 3. S. 119-121. 邢玮. 语用学视角下《我不是潘金莲》的隐喻研究 // 佳木斯大学社会科学学报. 2017. 第35卷. 第3期. 119-121 页.
5. Zavidovskaya E. A. Retsenziya na roman Lyu Chzhen'yunya "Menya zovut Lyu Yuetszin'" [Elektronnyi resurs] // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/review/765351-menya-zovut-lyu-yuetszin-lyu-chzhenyun> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
6. Voropaev N. N. Kitai: imena na vse vremena. Pretsedentnye personazhi. Moskva: VKN, 2015. 400 s. EDN: YRAVEQ.
7. Zavidovskaya E. A. Retsenziya na roman Lyu Chzhen'yunya "Ya ne Pan' Tszin'lyan'" [Elektronnyi resurs] // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/review/524618-ya-ne-pan-tszinlyan-lyu-chzhenyun> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
8. Rodionova O. P. Temy i obrazy v romane Lyu Chzhen'yunya "Deti stadnoi epokhi" [Elektronnyi resurs] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2020. T. 12, vyp. 1. S. 66-87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp-id=42799001> (data obrashcheniya: 15.10.2025). DOI: 10.21638/spbu13.2020.105 EDN: OSBLCC.
9. Zavidovskaya E. A. Roman Lyu Chzhen'yunya "Mobil'nik": obshchenie mezhdru lyud'mi v epokhu mobil'noi svyazi // Institut Konfutsiya (russko-kitaiskoe izdanie). 2016. Vyp. 35, № 2. S. 62-65.
10. Rodionova O. P. Problema odinochestva v romane Lyu Chzhen'yunya "Oдно slovo stoit tysyachi" [Elektronnyi resurs] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2018. T. 10, vyp. 1. S. 75-91. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/1097/957> (data obrashcheniya: 15.10.2025). EDN: YWRBPO.
11. Lyu Chzhen'yun': "Ya imel v vidu ne to, o chem govoril Lin' Byao" [Elektronnyi resurs] // Chinanews.com. 2009. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/news/2009/03-16/1603510.shtml> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
12. Shitszin. Kniga pesen i gimnov / per. s kit. A. Shtukina. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 351 s.
13. Lyu Chzhen'yun'. Odin den' – chto tri oseni. Guanchzhou: Izdatel'stvo "Khuachen", 2021. 306 s. 刘震云. 一日三秋. 广州: 花城出版社, 2021. 306 页.
14. Lyu Chzhen'yun'. Oдно slovo stoit tysyachi. Ukhan': Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2009. 362 s. 刘震云. 一句顶一万句. 武汉: 长江文艺出版社, 2009. 362 页.
15. Lyu Chzhen'yun'. Ya ne Pan' Tszin'lyan'. Ukhan': Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2012. 290 s. 刘震云. 我不是潘金莲. 武汉: 长江文艺出版社, 2012. 290 页.
16. Lyu Chzhen'yun'. Menya zovut Lyu Yuetszin'. Guanchzhou: Izdatel'stvo "Khuachen", 2022. 388 s. 刘震云. 我叫刘跃进. 广州: 花城出版社, 2022. 388 页.
17. Kozlova L. A. Metafora kak otrazhenie etnokul'turnoi determinirovannosti kognitsii // Russian Journal of Linguistics. 2020. T. 24, № 4. S. 899-925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925 EDN: OXIUIJZ.
18. Lyu Chzhen'yun'. Deti stadnoi epokhi. Ukhan': Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2017.

- 297 s. 刘震云. 吃瓜时代的儿女们. 武汉: 长江文艺出版社, 2017. 297 页.
19. Lyu Chzhen'yun'. Mobil'nik. Ukhan': Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2019. 253 s. 刘震云. 手机. 武汉: 长江文艺出版社, 2019. 253 页.
20. Lyu Chzhen'yun'. Solenye shutki. Pekin: Izdatel'stvo "Zhen'min' ven'syue", 2025. 刘震云. 咸的玩笑. 北京: 人民文学出版社, 2025.
21. Kharari Yu. N. Sapiens: kratkaya istoriya chelovechestva. Moskva: Sindbad, 2019. 512 s.
22. Vykhod novogo tvoreniya Lyu Chzhen'yunya: Mne pretit pustozvonstvo [Elektronnyi resurs] // People.cn. 2017. URL: <http://culture.people.com.cn/n1/2017/1109/c1013-29636275.html> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
23. Lyu Chzhen'yun'. U yumora mnogo ploskostei [Elektronnyi resurs] // Godliteratury.ru. 2017. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/11/13/lyu-chzhyenyun-u-yumora-mnogo-ploskostey> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
24. Bai Chzhen'yu, Ven' Sin'. O stilisticheskikh osobennostyakh yazyka v proze Lyu Chzhen'yunya // Vestnik Ichun'skogo instituta. 2023. T. 45, № 11. S. 46-52. 白振有, 温馨. 论刘震云小说的语言表现风格 // 宜春学院学报. 2023. 第45卷, 第11期. 46-52 页.
25. Tol'ko on mozhет pozvolit' sebe podshuchivat' nad Mo Yanem, sport' s Lyan Ven'dao i ostroumno vysmeivat' Van Sho [Elektronnyi resurs] // Weixin. URL: https://mp.weixin.qq.com/s-___biz=MzU3NTAxMDc0Mg==&mid=2247590719&idx=2&sn=2f2936c904ee8acbbc911e72b7bd803d&chksm=fd2a81e6ca5d08f032f628a979f4c250aba9777fca14db1b14be364b5cb162bc4fec13572ab3&scene=27 (data obrashcheniya: 15.10.2025).
26. Lyu Chzhen'yun': Lyubovnyi roman s literaturoi [Elektronnyi resurs] // Kitaiskie pisateli. 2022. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2022/1226/c405057-32593555.html> (data obrashcheniya: 15.10.2025).

The suitcase, briefcase, knapsack (on the semantics of objects in V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour")

Belova Anna Pavlovna

literature teacher; academic Department; General Educational Autonomous non-profit Organization 'School 'Letovo'
methodologist of the Department of Methodology and Advanced Didactics; Institute of Content; Methods and Technologies of Education of the Moscow City Pedagogical University

108802, Russia, Moscow, Sosenskoye settlement, Zmenkovskaya str., 3, building 6, sq. 31

✉ anna_p_b@mail.ru

Abstract. The subject of the study in the article is the functioning of things in V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour." Through observations of one of the components of the material-object world of the novels (suitcase, briefcase, knapsack), the symbolic and metaphorical potential of the author's artistic writing is examined, along with its ability to intensively saturate particular objects with meaning, allowing the depicted items in the trilogy to be viewed from an ontological perspective. The aim of this article is to analyze the ontology and poetics of the things that accompany the characters in their journeys. Relying on the principles of ontological poetics, the author establishes how the objects depicted in V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour," by becoming part of human existence, create the foundational meaning of the work and become an integral part of the artistic text. The analysis of the novel material employs: a comparative-typological method, necessary for identifying elements of material description and their comparison; and a structural-semiotic method, which allows for the

reconstruction of a fragment of the "material world" of the trilogy, ultimately revealing the peculiarities of the characters' worldview. As a result of the conducted research, conclusions are drawn that the things (suitcase, briefcase, knapsack) in V. I. Belov's trilogy "The Sixth Hour" constitute the ontological foundation of the "visible" plots and shape their logic, represent the fates of the characters, and serve as a material analogue of the internal world of the characters. Collectively, all three objects (the suitcase, the briefcase, and the knapsack) indicate that the trilogy captures a special moment in the life of the peasant universe – the disappearance of the main principle of the world order in the Russian village – harmony. The dispossessed heroes embark with their knapsacks on a journey along the roads of Russia and through the journey of life. The knapsack becomes a symbol of homelessness, disorder, and wandering, as well as a unique model of the new man. The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time, the objects in the trilogy are examined in relation to their existential status.

Keywords: seeing off the soul, emptiness, knapsack, briefcase, suitcase, character, journey, ontology, thing, lad

References (transliterated)

1. Belov V. I. *Sobranie sochinenii*. V 7 t. T. 3: *Povest'. Roman*. M.: RITs "Klassika", 2011. 512 s.
2. Belov V. I. *Sobranie sochinenii*. V 7 t. T. 4: *Romany*. M.: RITs "Klassika", 2011. 616 s.
3. Belova O. V. *Raduga // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. V 5 t. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. S. 386-389.
4. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii*. Moskva: Sov. Pisatel', 1990. 346 s.
5. Gura A. V., Uzeneva E. S. *Petukh // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. V 5 t. T. 4. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. S. 28-35.
6. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t. SPb., M.: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911.
7. Zhitko R. G. Ontologizatsiya kategorii Pustota v filosofii, estetike i poetike literatury russkogo postmodernizma // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2024. Tom 17. Vyp. 11. S. 4246-4252. DOI: 10.30853/phil20240600 EDN: CFTKZV.
8. Karasev L. V. *Veshchestvo literatury*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2011. 400 s.
9. Kacherevskaya O. S., Valyulis S. A. S. Dovlatov. Tsikl rasskazov "Chemodan": ontologiya i poetika veshchei // *Rusistika i komparativistika*. 2011. № 6. S. 92-103.
10. Kiseleva L. *Bagazh puteshestvennika (k poetike "Pisem russkogo puteshestvennika") // Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild*. Tartu, 2019. S. 28-40.
11. Klyuikova E. "Vy kladite mne kotomochku...": semantika predmeta i lokal'naya traditsiya // *Antropologiya. Fol'kloristika. Sotsiolingvistika. Sbornik tezisov*. SPb., 2013. S. 40-44.
12. Kozyr'kov V. P. Sotsiokul'turnye aspekty pustoty // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2012. № 1 (25). S. 57-64. EDN: PFQIAZ.
13. Koroleva S. Obryad "provodov dushi" s ritual'nym zamestitelem umershego (materialy russko-komi-permyatskogo pogranich'ya) // *Antropologicheskii forum*. 2014. № 23. S. 52-76. EDN: TBPOWX.
14. Kotomka // *Russkii narod. Etnograficheskaya entsiklopediya v 2-kh tomakh*. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. T. 1. A–N. 792 s.

15. Pervoe poslanie apostola Petra. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/biblia/-1Pet.1> (data obrashcheniya: 18.11.2025).
16. Puchkova A. E. Predmetnyi mir v rossiiskoi massovoi proze vtoroi poloviny XVIII v. (Mikhail Chulkov, Matvei Komarov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2025. Tom 18. Vyp. 7. S. 2929–2934. DOI: 10.30853/phil20250409 EDN: MLMQIE.
17. Saenko N. R. Semioticheskaya universal'nost' pustoty v iskusstve // Sovremennye filosofskie issledovaniya. 2010. № 3. S. 80-85. EDN: NCITTN.
18. Sedakova O. A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan. M.: Indrik, 2004. 320 s.
19. Fedorova A. V. "Veshchnyi mir" v povesti V. I. Belova "Privychnoe delo" // Mova – Litaratura – Kul'tura: materyyaly VIII Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, 15-16 ver. 2016 g. U 2 ch. Ch. 2. Minsk: RIVSh, 2016. S. 133-136.
20. Shmaina-Velikanova A. O pustote i pustyne // Dukhovnoe protivostoyanie pustote i pustyne. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M.: Svyyato-Filaretovskii institut, 2022. S. 11-18.
21. Shchepanskaya T. B. Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX-XX vekov. M.: Indrik, 2003. 528 s.

Philosophical parallels in the novella "The Metamorphosis" by Franz Kafka and the story "Lake Fish" by F. Bayramova

Khaliullina Al'bina Gabitovna

PhD in Philology

Associate Professor, Head of the Department; Department of Tatar Philology and Culture; Ufa University of Science and Technology

Office 411, Zaki Validi str., 32, Ufa, Kirovsky district, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ ahmali76@mail.ru

Makarova Venera Faizievna

Doctor of Philology

Senior Researcher; Department of Literary Studies; G.Ibragimov Institute of Language; Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, K.Marx St., 12, office 3

✉ makarova_vf@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to a comparative analysis of the novella "The Metamorphosis" (1912) by Austrian writer Franz Kafka and the story "Kül balığı" ("Lake Fish," 1984) by Tatar writer Fauziya Bayramova in the context of intertextuality and the tradition of representing animalistic/mythical metaphors, which serve the function of artistic generalization and reveal the authors' key socio-philosophical intentions. Despite cultural and temporal differences, these works are united by a common motif of metamorphosis and the problem of alienation. The research focuses on philosophical themes (parallels) and national-artistic differences in their presentation. The central theme of the study is the tragedy of an individual rejected by society due to their distinctive appearance. The research investigates the representation of the tragic collision between individual consciousness, marked as "other," and the repressive structures of collective society. The methodological framework of the study includes comparative, hermeneutic, philosophical, and cultural analysis, allowing for a comprehensive exploration of the artistic world of the writers. The scientific novelty lies in the

fact that the story "Lake Fish" by Bayramova is analyzed in comparison with Kafka's novella "The Metamorphosis" for the first time. As a result of the analysis conducted in this article, the researchers identified common motifs in the aforementioned works: metaphorical transformation, existential alienation of the individual, and loss of identity. Despite the similarity of the initial situation (the preservation of human consciousness in a "foreign" body — an insect in Kafka's case and a fish-girl in Bayramova's), the authors reveal the tragedy in different ways. Kafka, through absurdity and the normalization of the monstrous, depicts the passive acceptance of the protagonist's alienation in a soulless society, which gives rise to a sense of hopelessness. Bayramova, through psychological insight and "stream of consciousness," portrays the active, sacrificial protest of the heroine. Her tragedy is tied to the conflict between individuality and the collective, and the ending, despite the demise, leaves a tragic hope rooted in national mythology. The authors of the article emphasize that by relying on intellectual allegory, Bayramova elevates her story to the level of philosophical generalization about the loss of human essence, the problem of personal freedom, and the eternal conflict between individuality and the society.

Keywords: comparative analysis, The literature of the absurd, conflict, The tragedy of loneliness, psychology, The metamorphosis, Transformation, The image of a pisces girl, the image of an insect, philosophical prose

References (transliterated)

1. Belonozhko V. Prevrashchenie Vladimirom Nabokovym "Prevrashcheniya" Frantsa Kafki [Elektronnyi resurs] // Sait "Frants Kafka". URL: <http://www.kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya>
2. Bəiramova F. Kıl balygy / F. Bəirəmovə // Bəiramova F. Моң. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1991. B. 65-88.
3. Gyl'man G. Zaman syz sorryi: ədəbi tənkyit' məkalələrə / G. Gyl'man. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1991. 208 b.
4. Davletshina L.Kh. Sovremennaya tatarskaya proza v kontekste aktual'noi mifologicheskoi traditsii. Monografiya, Kazan', 2022. 312 s. EDN: UMQEDQ
5. Zahidullina D.F. Khəzerge tatar ədəbiyatı. Kazan: Məgarif, 2008. 420 b.
6. Ibragimov, B. Kh. Intellektual'nye tendentsii v proze Fauzii Bairamovoi / B.Kh. Ibragimov // Filologiya i kul'tura. 2016. № 3(45). S. 96-100. – EDN XCSXZD.
7. Kafka F. Prevrashchenie: Rasskazy, aforizmy. SPb.: Azbuka-klassika. 2009. 320 s.
8. Nikolyukin A. N. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii. Gl. redaktor i sostavitel' A. N. Nikolyukin. Moskva: NPK "Intelvak", 2001. 1594 s. EDN: SBSDJJP
9. Tatar khalyk ıxatı: 25 tomda. T.1.: Mifologiya. Təz L.Kh. Dəylətshina. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2021. – 511 b.
10. Khaliullina A. Zaman həm geroi. Ufa: BGPU im. M. Akmully, 2007. 206 s. EDN VVVC0Z.
11. Shəmsutova A. A. Fəziya Bəirəmovə prozası (fəlsəfi-estetik karashlar, obrazlar sistemasy, psixologizm həm motivlar). Kazan: TDGI nəshr., 2005. 100 b.

Existential constructions in the Yakut language: the model of the beginning of existence, events, and actions

Sivtseva Nataliya Aleksandrovna

PhD in Philology

Abstract. This article explores the syntactic models of existential constructions in the Yakut language. It examines the model of the beginning of existence, event, and action in relation to the problem of identifying core and peripheral means of expression as elements of the field of functional-semantic categories. The relevance of this article stems from modern approaches to the study of the Yakut language as a system represented by multi-level means of expression. The sentence, as the basic syntactic unit, is represented in a model that «unites the invariants of minimal structural schemas that ensure sentence completeness and the generalized propositions associated with them». The structural model of the beginning of existence, event, or action in the Yakut language consists of a subject and an existential predicate, expressed by verbs of being. The typical meaning of the model is «to begin (to start) one's existence, to appear (to appear), to become (to become) existing; to begin (to start) performing some action, to be accomplished, to occur». This study is based on a functional-semantic approach to studying linguistic phenomena, which assumes a holistic organization of universal semantic categories. The study utilizes a continuous sampling method to gather material from lexicographic sources, a modeling method, and a glossing method to present illustrative material. A novel feature is the presentation of a model of the beginning of existence, event, and action as a component of the functional-semantic field of being in the Yakut language. The basis of this study is the functional-semantic approach to the study of language phenomena, which assumes a holistic organization of universal semantic categories. The study used the continuous sampling method when forming material from lexicographic sources, and the glossing method to present illustrative material. What is new is the presentation of the model of causation of the beginning of existence as a component of the functional-semantic field of beingness in the Yakut language. It has been determined that the subject of the syntactic model under consideration can be expressed by a noun, a substantivized adjective, or a pronoun in the primary case in the plural or singular, denoting an animate or inanimate person. The predicate of this model can be expressed by basic verbs representing the subgroup of the beginning of existence of the lexical-semantic group of verbs of being, such as *sagalan* (to begin), *teree* (to give birth, to be born, to be born), *yeskee* (to be born, to originate from, to occur, to be born from somewhere, to grow up somewhere).

Keywords: verb, means of expression, construction, model, function, semantics, beingness, category, functional grammar, Yakut language

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Bytiinye predlozheniya v russkom yazyke // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1976. № 3. S. 229-238.
2. Arutyunova N.D., Shiryayev E.N. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip: struktura i znachenie*. M.: Russkii yazyk, 1983. 198 s.
3. Bondarko A.V. Bytiinost'. Vstupitel'nye zamechaniya // *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* / A.V. Bondarko, M.D. Voeikova, V.G. Gak, I.B. Dolinina. SPb.: Nauka, 1996. T. 6. S. 52-53.
4. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* / Pod red. prof. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 1999. 576 s.

5. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 8 / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 s.
6. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 10 / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. 576 s.
7. Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 12 / pod red. P.A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2014. 600 s.
8. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya. M.: Nauka, 1982. 495 s.
9. Durova M.V. Modeli bytiino-prostranstvennykh elementarnykh prostykh predlozhenii v yaponskom yazyke: avtoref. kand. d. filol. nauk. Novosibirsk, 2016. 25 s. EDN: XBKJMQ.
10. Efremov N.N. Bytiinye konstruksii v epicheskom tekste (po materialam epicheskogo geroicheskogo eposa olonkho) // Gumanitarnyi vektor. 2013. № 4. S. 149-154. EDN: RTVFVL.
11. Koshkareva N.B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. T. 4. Vyp. 2. S. 64-76. EDN: HYRSFN.
12. Sivtseva N.A. Bytiinye konstruksii v prozaicheskom tekste P.A. Oiunskogo: model' nachala sushchestvovaniya, sobytiya, deistviya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 10. S. 354-363. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76074 EDN: CRYURD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76074
13. Sivtseva N.A. Tekstoobrazuyushchie vozmozhnosti glagolov bytiya *baar* 'byt', sushchestvovat', *syryt* 'zhit', *byt*', *prebyvat*', *nakhodit'sya* gde-libo' v initsial'nykh formulakh yakutskikh volshebnykh skazok // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2020. № 4. T. 11. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://sfk-mn.ru/PDF/41FLSK420.pdf>.
14. Sivtseva N.A. Tekstoobrazuyushchii potentsial glagola nachala sushchestvovaniya *tərəə* 'rozhat', *rodit'sya*, *rozhdat'sya* v yakutskom yazyke // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya i kul'turologiya. 2022. № 2. T. 13. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://sfk-mn.ru/49flsk222.html>.
15. Tazranova A.R. Biverbal'nye konstruksii s glagolami bytiya v altaiskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 26 s. EDN: QDPFIR.
16. Cheremisina M.I. Issledovanie modelei EPP v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1997. № 4. S. 56-61. EDN: TNEZHV.
17. Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri. Novosibirsk: izd-vo "Lyubava", 2008. 205 s. EDN: RUOALH.
18. Cheremisina M.I., Skribnik E.K. O sisteme modelei elementarnykh prostykh predlozhenii v yazykakh Sibiri // Gumanitarnye nauki Sibiri. 1996. № 4. S. 46-57. EDN: TBXINZ.
19. Chugunekova A.N. Bytiino-pertseptivnye modeli predlozhenii v khakasskom yazyke // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 78-81. EDN: SKHLKN.
20. Chugunekova A.N. Modeli prostogo predlozheniya s semantikoi sushchestvovaniya sub"ekta v prostranstve (na materiale khakasskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 3. Ch. 1. S. 203-206. EDN: PUVAUX.
21. Shilova V.V. Sistema prostranstvennykh modelei elementarnykh prostykh predlozhenii

v nenetskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2002. 22 s. EDN: QDTAIN.

22. Shilova V.V. Bytiino-pertseptivnye modeli elementarnykh prostykh predlozhenii v nenetskom yazyke: modeli ischeznoveniia // Yazyki korennykh narodov Sibiri. Novosibirsk: izd-vo NGU, 2002. Vypusk 12. S. 115-123.

Somatic phraseology with the component "nose" in Russian and Persian languages.

Rahimi Leila

Postgraduate Student; Department of Russian Language and Literature; University of Tehran

Kargar Shomali Street, Tehran, Iran

✉ l.rahimi1377@gmail.com

Gholami Hossein

PhD in Philology

Professor; Department of Russian Language and Literature; University of Tehran

Kargar Shomali Street, Tehran, Iran

✉ hgholamy@ut.ac.ir

Kamranzad Negin

Master's Degree; Department of Russian Language and Literature; Tehran State Institute

Kargar Shomali St., Tehran, 1439813164, Iran

✉ nkamranzad2@gmail.com

Abstract. The present study is dedicated to the comparative analysis of phraseological units with the somatic component "nose" / "دماغ" (damagh) in Russian and Persian languages. Phraseologisms are considered as reflections of the national worldview, in which the characteristics of thinking, emotions, and cultural attitudes of each people are embedded. The subject of the study is phraseological units containing the lexeme "nose" in Russian and its Persian equivalent "دماغ" (damagh), as well as their semantic, structural, and axiological features. The methodological basis of the work consists of comparative and contextual methods, elements of axiological and semantic-cultural analysis. The research material is extracted from explanatory and phraseological dictionaries, literary sources, and collections of proverbs. The study identifies both universal and nationally-specific features in the functioning of phraseological units with this component. It has been established that in both linguistic cultures, "nose" / "دماغ" (damagh) serves a symbolic function, reflecting physical and psychological characteristics of a person, their attitude towards the world, emotions, behavioral and social traits. Russian phraseology demonstrates a cognitive-behavioral orientation (self-esteem, pride, attitude towards circumstances), while Persian emphasizes the emotional-psychological sphere (mood, vitality, inner balance). The scientific novelty of the research lies in the systemic approach to the analysis of phraseological units with the component "nose" / "دماغ" (damagh), first considered in axiological and cultural aspects in a comparative context. The results obtained confirm that phraseologisms of this group play a key role in the formation of a national worldview, serving as a means of expressing spiritual and cultural values. The conclusions of the research can be used in the practice of teaching Russian and Persian languages, in courses on intercultural communication, translation studies,

and phraseography. The relevance of this study is determined by the growing interest of modern linguistics in issues of language and culture interaction, as well as the necessity to study ways of representing the human body in the linguistic worldview of different peoples. The analysis of phraseological units with the component "nose" / "دماغ" (damagh) allows uncovering similarities and differences in the perception of a person and their emotional states in Russian and Persian linguistic cultures.

Keywords: Russian language, somatic phraseology, nose, meaning, worldview, comparative analysis, axiological analysis, Phraseology, Persian language, phraseological units

References (transliterated)

1. Shanskii, N. M. Frazеologiya sovremennogo russkogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1996. S. 4, 6.
2. Dal', V. I. Posloviцы russkogo naroda. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. S. 3.
3. Mekhtikhanly, S. G. Nazvaniya chastei tela v sostave frazeologizmov russkogo i persidskogo yazykov. Filologicheskie vedomosti. 2017. № 3. S. 16-22.
4. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh / Pod red. D. N. Ushakova. M.: Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya", 1935. T. 1. 1565 s.
5. Mu'in, M. Tolkovyi slovar' persidskogo yazyka: v 6 tomakh. Tegeran, Iran, 2003. T. 2. 1094 s.
6. Mar'yam Moradi. Frazеologizmy semanticheskogo polya "organy tela cheloveka" v persidskom yazyke i sposoby ikh perevoda na russkii yazyk. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 1 (483). S. 12-21. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-483-1-12-21. EDN: TMYMXB.
7. Fedorov, A. I. Frazеologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. M.: Astrel', AST, 2008. 880 s. EDN: QYNEOX.
8. Anvari, Kh. Bol'shoi slovar' Sokhan: v 8 tomakh. T.: Sokhan, 2003. 4561 s.
9. Rubinchik, Yu. A. Persidsko-russkii slovar': v 2 tomakh. M.: Russkii yazyk, 1985. T. 1. 800 s.
10. Stepanova, M. I. Shkol'nyi frazeologicheskii slovar': Izd. 2-e. Rostov n/D: Feniks, 2010. 348 s. EDN: QUNCIP.
11. Voskanyan, G. A. Russko-persidskii slovar' / Red. i assis. M. Shodzhai. T.: Farkhange Moaser, 2023. S. 496.
12. Dekkhhoda, A. A. Tolkovyi slovar' persidskogo yazyka. Ruzane. Tegeran, Iran, 1996. 2455 s.
13. Ozhegov, S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 27-e izdanie, ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Pod red. L. I. Skvortsova. M.: OOO Izd. Onisk, 2010. EDN: RXPFT.
14. Bystrova, E. A., Okuneva, A. P., Shanskii, N. M. Uchebnyi frazeologicheskii slovar'. M.: AST, 1997. 304 s.
15. Myasnikov, L. N. "Nos" vo frazeologii evropeiskikh yazykov. Izvestiya Velikolukskoi GSKhA. 2025. № 2. S. 71-79. EDN: ZDTCVR.
16. Efremova, T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. M.: Russkii yazyk, 2000. 3195 s.
17. Blyum, A. Semanticheskie osobennosti somaticheskoi frazeologii: ucheb. posobie. M.: AST-press, 2000.
18. Shanin, A. V. Nos i ego fundamental'noe znachenie v zhizni cheloveka. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2013. № 9. S. 33-37. EDN: QZACIN.

Verbal vocabulary of Turkic languages of the Sayano-Altai: common and specific

Tyuntешева Елена Валер'евна

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute of Philology SB RAS

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, Sovetsky district, 630090, Russia, Novosibirsk region

✉ tyunteshvae@mail.ru

Shagdurova Olga Yur'evna

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute of Philology SB RAS

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, Sovetsky district, 630090, Russia, Novosibirsk region

✉ kokoshnikova@mail.ru

Bayyr-ool Aziyana Vital'evna

PhD in Philology

Senior Researcher; Institute of Philology SB RAS

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, Sovetsky district, 630090, Russia, Novosibirsk region

✉ azikoa@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the verbs of different lexical-semantic groups in the Altai, Khakas, and Tuvan languages. Material from other Turkic languages is also included. The study examines correspondences that connect these heterogeneous languages of the Sayan-Altai region and that are not found in other Turkic languages. The authors focus on parameters such as: 1) the presence of root-related lexemes with similar meanings; 2) commonalities/differences in their semantics; 3) commonalities/differences in the word-formation structure of the verbs. Based on these parameters, the following types of correspondences are identified for analysis: 1) equivalents ("full" correspondences); 2) correspondences with semantic differences; 3) correspondences with differences in word-formation structure. The origin of the words (Turkic or Mongolic) is also taken into account. This approach allows for the determination of the closeness of the Turkic languages of Siberia to each other, considering the convergent processes in this territory. The study of lexical units utilized methods such as descriptive, comparative, comparative-historical, and component analysis. The material was collected using the method of complete sampling. The novelty of the work lies in the fact that the comparative analysis of the verbs from different lexical-semantic groups is conducted according to several parameters. It has been established that the peculiarities of the common verb lexicon of the studied languages manifest not only in the presence of specific lexemes, some of which are recorded in ancient Turkic monuments, but also in the formation of secondary forms from common Turkic roots, and in the models used for verb formation and in the development of semantics. The correspondences derived from common Turkic roots mostly have differences in semantics or word-formation structure. An important part of the overall lexicon of these languages also includes Mongolic terms—completely borrowed lexemes and words derived from Mongolic roots. Such common verbs most often represent equivalents and correspondences that have semantic differences. In some cases, common verbs connect the Sayan-Altai languages with the Yakut and Kyrgyz languages.

Keywords: Altai language, borrowing, word formation, equivalent, semantics, verbal vocabulary, Turkic languages of Sayano-Altai, Tuvan language, Khakas language, Mongolian language

References (transliterated)

1. Kozyrev T. A. Leksikologicheskie svyazi kazakhskogo yazyka s tyurkskimi yazykami Sayano-Altaya (na primere leksiko-semanticheskoi gruppy emotivnykh glagolov). Astana, 2015. 371 s.
2. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika. M.: Nauka, 1997. 800 s.
3. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyuruskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyuruskogo etnosa po dannym yazyka. M., 2006. 908 s.
4. Dybo A. V. Semanticheskaya rekonstruktsiya v altaiskoi etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoi poyas). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 389 s. EDN: RBAFVP.
5. Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov. M., 1961. 468 s.
6. Popov G. V. Slova "neizvestnogo proiskhozhdeniya" yakutskogo yazyka: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie. Yakutsk: Yakutsk. knizhn. izd-vo, 1986. 148 s.
7. Levin G. G. Leksiko-semanticheskie paralleli orkhonsko-tyurkskogo i yakutskogo yazykov. Novosibirsk, 2001. 187 s.
8. Malysheva N. V. Otnoshenie yakutskogo yazyka k uigurskomu i drevnetyurkskomu yazykam (fonostrukturnye i strukturno-semanticheskie osobennosti). Diss. ...kand. filol. nauk. Yakutsk, 2015. 182 s. EDN: OWVANH.
9. Malysheva N. V. Proiskhozhdenie leksiki zhivoi prirody: onomasiologiya i etimologiya (yakutskii yazyk i ego dialekty). Diss. ...d-ra filol. nauk. Moskva, 2024. 503 s. EDN: OTHZOC.
10. Maizina A. N. Semanticheskoe pole tsvetooboznachenii v altaiskom yazyke (v sopostavlenii s mongol'skim yazykom). Gorno-Altaysk, 2008. 115 s.
11. Badarch B. Leksika zhivotnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte). Diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2009. 190 s. EDN: ZNZNLR.
12. Rassadin V. I. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi obshchnosti. SPb, 2019. 608 s.
13. Salchak A. Ya. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov povedeniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte). Diss. ...kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2005. 242 s. EDN: NNOWQL.
14. Barys-Khoo V. S. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte). Diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2006. 339 s. EDN: NOJQJD.
15. Sanalova B. B. Glagoly myslitel'noi deyatel'nosti v altaiskom yazyke (v sopostavlenii s kirgizskim yazykom). Gorno-Altaysk, 2007. 168 s.
16. Kokoshnikova O. Yu. Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoi Sibiri. Novosibirsk, 2004. 144 s.
17. Materialy k sravnitel'nomu slovaryu glagol'noi leksiki tyurkskikh yazykov Sayano-Altaya. Novosibirsk: Omega Print, 2013. 176 s.
18. Chertykova M. D., Salchak A. Ya. Glagoly so znacheniem povedeniya v khakasskom i

- tuvinskom yazykakh. Ideograficheskii slovar'-spravochnik. Abakan, 2017. 112 s. EDN: KTLNYH.
19. Altaisko-russkii slovar'. Gorno-Altai, 2018. 935 s.
 20. Khakassko-russkii slovar'. Pod red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, 2006. 1112 s.
 21. Tuvinsko-russkii slovar'. Pod red. E. R. Tenisheva. M., 1968. 465 s.
 22. Yakutsko-russkii slovar'. Pod red. P. A. Sleptsova. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. 606 s.
 23. Kirgizsko-russkii slovar'. Sost. K. K. Yudakhin. M.: Sov. entsiklopediya, 1985. Kniga 1: A – K. 504 s.
 24. Kirgizsko-russkii slovar'. Sost. K. K. Yudakhin. M.: Sov. entsiklopediya, 1985. Kniga 2: L – Ya. 480 s.
 25. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. M.: Academia, 2001. T. 1: A – G. 485 s.
 26. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. M.: Academia, 2001. T. 2: D – O. 506 s.
 27. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. M.: Academia, 2001. T. 3: O – F. 437 s.
 28. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'. M.: Academia, 2004. T. 4: Kh – Ya. 501 s.
 29. Manakin V. N. Sopostavitel'naya leksikologiya. Kiev: Znaniya, 2004. 326 s. EDN: QQYYDV.
 30. Tyuntesheva E. V., Shagdurova O. Yu., Plotnikov I. M. Glagol'naya leksika sobiratel'stva v yazykakh Sayano-Altaya // Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri. 2025. № 2 (Vyp. 54). S. 43-55. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-43-55 EDN: HAWEKY.
 31. Gadzhieva N. Z., Koklyanova A. A. Glagoly rechi v tyurkskikh yazykakh // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov. M., 1961. S. 322-460.
 32. Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh. M.: Nauka, 1980. 115 s. EDN: UDVGQD.
 33. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. In 2 vols. Oxford, 1972.
 34. Sevortyan E. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "V", "G" i "D". M.: Nauka, 1980. 395 s.
 35. Drevnetyurkskii slovar'. L.: Nauka, 1969. 676 s.
 36. Tatarintsev B. I. Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 2008. T. 4. 442 s.

The representation specifics of nonverbal components of communication in the primary narrative (based on the long stories of A.P. Chekhov “The Story of an Unknown Man”, “Lights”, “My Life”): the linguistic aspect

Skrypnik Elizaveta Romanovna

Assistant Professor; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

344006, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Lane University, 93

✉ elskrypnik@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes components of nonverbal communication in three primary narrative long stories by A. P. Chekhov ("The Story of an Unknown Man," "The lights," and "My Life"). The subject of this study is the linguistic means by which components of nonverbal communication are presented in remarks, in characters' lines, and in the author's narrative fragment. The purpose of this study is to determine the specifics of introducing nonverbal components into the structural parts mentioned above. The novelty of this study lies in its systematic analysis of the nonverbal components, that describes the characters, which allows to introduce the term "nonverbal personal constant of a character." The following methods were used in the study: contextual analysis of a text fragment, semantic and structural analysis of linguistic units, generalization, and descriptive-analytical methods. The following conclusions were drawn from the study: 1. The inclusion of nonverbal components in the author's narrative fragment indicates that the narrator does not remain neutral. He not only describes the nonverbal components of communication, but also draws attention to them and provides an interpretation. 2. Nonverbal components of communication can be represented in the text by single verbs, verb combinations and extended sentences. The article focuses on single verbs that contain a seme with the meaning of different characteristics of the pronunciation; on speaking verbs with a neutral meaning that have extenders with the meaning of the way of speaking. Character-specific gestures, often interpreted by the author and considered a character's personal constant, may also be included in remarks and in the author's fragment. 3. The communication can be formed as a minimized dialogue, which may describe both the content of the characters' speech and the nonverbal components. A character's line may also include the nonverbal components of the speaking character.

Keywords: narrator, dialogue, character, nonverbal communication, nonverbal characters' constants, remarks, characters' speech, narrative speech plan, primary narrative, paralinguistic components

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov / Pod obshch. red. L. G. Babenko. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2008. – 576 s.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Pod obshch. red. S. A. Kuznetsova. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 s.
3. Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka / Pod red. V. V. Morkovkina. – M.: Slovari KhKhI veka; AST-PRESS ShKOLA, 2016. – 1456 s.
4. Vasil'ev L. M. Semantika russkogo glagola. – M.: Vysshaya shkola, 1981. – 184 s.
5. Dyuzenli M. V. Standartnye operatory vvoda pryamoi rechi kak markery idiostilya pisatelya // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. – 2023. – T. 25. – № 2. – S. 199-210.
6. Izotova N. V. Dialogicheskaya kommunikatsiya v yazyke khudozhestvennoi prozy A. P. Chekhova. – RnD: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2006. – 246 s. EDN: XWGXPV.
7. Izotova N. V., Skrypnik E. R. Sposoby reprezentatsii neverbal'nykh komponentov obshcheniya v povesti A. P. Chekhova "Step" // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2024. – T. 28. – № 1. – S. 47-57. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-1-47-57. EDN: IMMOXV.
8. Kodukhov V. I. Pryamaya i kosvennaya rech' v sovremennom russkom yazyke. – L.: Uchpedgiz, 1957. – 87 s.
9. Kozhevnikova N. A. Tipy povestvovaniya v russkoi literature XIX-KhKh vv. – M.: IRYa RAN, 1994. – 333 s.

10. Milykh M. K. *Pryamaya rech' v khudozhestvennoi proze*. – RnD: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. – 240 s.
11. Morguleva O. M. *Formy avtorskogo povestvovaniya v proze A. P. Chekhova kontsa 80-kh – 900-kh gg.*: Avtoref. diss.. kand. filol. nauk. – M., 2005. – 21 s. EDN: NNJEFF.
12. Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova*. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. – 400 s. EDN: QRHMF.
13. Stepanov S. P. *Organizatsiya povestvovaniya v khudozhestvennom tekste (yazykovoi aspekt)*. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov, 2002. – 188 s. EDN: VHKUCT.
14. Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova*. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1987. – 184 s.
15. Tyutelova L. G. *Kommunikativnye strategii A. P. Chekhova v p'ese Asi Voloshinoi "Dama s sobachkoi"* // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. – 2022. – T. 26. – № 1. – S. 37-47. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-1-37-47. EDN: AKKSZM.
16. Khrolenko A. T. *Parayazyk v khudozhestvennoi proze // Russkaya rech'*. – 2020. – № 6. – S. 117-128. DOI: 10.31857/S013161170012882-9. EDN: OHJWB.
17. Chekhov A. P. *Moya zhizn'. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* – M.: Nauka, 1977. – T. 9. – S. 192-280.
18. Chekhov A. P. *Ogni. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* – M.: Nauka, 1977. – T. 7. – S. 105-140.
19. Chekhov A. P. *Rasskaz neizvestnogo cheloveka. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* – M.: Nauka, 1977. – T. 8. – S. 139-213.
20. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie*. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 704 s. EDN: VUHMP.

The modality of necessity in official police messages: comparison of imperative and deontological constructions in Russian and English press releases

Shashkova Valentina Nikolaevna

PhD in Philology

Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov

302000, Russia, Oryol region, Orel, Trudovye rezervov str., 6, sq. 1

✉ valentina.shash@mail.ru

Abstract. This study aims to analyze modal strategies in police press releases in two languages — Russian and English — with the aim of identifying the frequency and typology of modal meanings which are expressed in this type of texts.

The object of the study is official police announcements (specifically, Russian-language and English-language press releases) as a genre of official business and public communication.

The subject of the study is imperative and deontological modal constructions, that is, linguistic means of expressing obligation, permission, and prohibition.

The material for the study was a corpus of 60 press releases, of which 30 were in Russian (from the Russian Ministry of Internal Affairs and regional departments), and 30 were in English (from the Metropolitan Police of London, the Los Angeles Police Department (LAPD), and others).

The research methodology included discourse analysis, corpus analysis, comparative analysis, elements of pragmatic analysis, and an analysis of the functional semantics of the utterance. The analysis revealed that the most frequent sub-meanings are those of necessity conditioned by external circumstances (social, official, legal) and the influence of institutional will. Law enforcement press releases in both Russian and English predominantly feature indirect imperatives, represented by deontological constructions. Russian texts predominantly employ institutional-normative structures emphasizing the legal legitimacy of orders, while English texts favor performative and advisory forms reflecting a partnership strategy. The novelty of the research lies in identifying and systematizing linguistic strategies for expressing obligation, permission, and prohibition, as well as methods for softening and strengthening the direct nature characteristic of Russian-language and English-language police reports. This contributes to a comparative typology of modal meanings and their expressions. The research findings can be applied in training law enforcement specialists, press officers, and in teaching the translation of official institutional discourse. The findings can serve as the basis for developing methodological recommendations for law enforcement press officers.

Keywords: functional semantics of the utterance, directive utterance, imperative, necessity, modal scale, modal meaning, modality, functional semantic type of the utterance, deontological construction, press-release

References (transliterated)

1. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika. Izd. 7, ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2024. 360 s.
2. Bondarko A. V. Modal'nost'. Vstupitel'nye zamechaniya // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 59-67.
3. Dyrtiy A. T. Funktsional'no-semanticheskoe pole voprositel'nosti (Metodologicheskii aspekt) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. № 6 (49). S. 391-393. EDN: TJLNRP.
4. Shashkova V. N. Spetsifika aktualizatsii modal'nykh znachenii v tekstakh Pravil dorozhnogo dvizheniya Rossiiskoi Federatsii // Filologicheskii aspekt. 2025. № 3 (119). S. 111-121. EDN: MCGEXY.
5. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.
6. Tseitlin S. N. Neobkhodimost' // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 142-156. EDN: QKCWSM.
7. Bondarko A. V. K analizu kategorial'nykh situatsii v sfere modal'nosti: imperativnye situatsii // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 80-89.
8. Usmanova A. M., Tupchiboeva M. K., Abdykadyrova S. R. Otrazhenie imperativov vo frantsuzskom yazyke (v sravnenii s kyrgyzskimi imperativami) // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. № 1-3(64). S. 69-75. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-1-3-69-75. EDN: NOLUXN.
9. Khrakovskii V. S. Povelitel'nost' // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 185-238.
10. Shashkova V. N. K voprosu o tipologii otsenok // Vysokie tekhnologii i innovatsii v nauke: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (28 iyulya 2018 g.). Sankt-Peterburg, 2018. S. 160-164. EDN: YHEMYH.
11. Belyaeva E. I. Vozmozhnost' // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. S. 126-141.

Ethnolocal Specificity of the Linguistic Representation of Aquatic Space Objects (Case Study of the Abyysky District, Arctic Zone of Russia)

Vasil'eva Alina Petrovna

Research Associate; International Research Laboratory 'Linguistic Ecology of the Arctic'; Ammosov Northeastern Federal University

677018, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Timiryazeva St., 3, sq. 161

✉ alinavasilyeva88@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the ethnolocal specificity of the linguistic consciousness of Yakut language speakers, as represented in the associative-verbal networks of key aquatic space concepts. The objects of the study are the associative fields of the stimuli *örüs* ('river'), *küöl* ('lake'), and *balyk* ('fish'). The aim of the study is to identify and analyze the ethnolocal features of the linguistic consciousness among Yakut language speakers in the Abyysky District of the Russian Arctic zone through quantitative and semantic analysis of data from an associative experiment. The empirical foundation of the work comprises the results of a free associative experiment conducted in 2025 among 32 respondents in the village of Kebergene, Abyysky District of the Republic of Sakha (Yakutia). Data from the Associative Dictionary of the Yakut Language were used for comparison, enabling the identification of both nationwide trends and local specifics. The methodological basis of the research was a psycholinguistic approach employing methods of quantitative and semantic analysis of verbal associations according to the universal classification (contiguity, similarity). The obtained data indicate a dominance of immediate similarity-based reactions (69–97%), reflecting the stability of basic semantic structures. Of particular scientific interest is the identified differentiation of cultural codes: sacral-symbolic for the river, utilitarian-gastronomic for the fish, and spatial-geometric for the lake and mountain. The significant frequency of spatial-geometric features in the associative-verbal network points to the formation of a distinct type of spatial thinking, conditioned by life in the mountain-taiga and tundra environment. The contrast between the dynamic perception of the river and the static, structured perception of the lake is of specific interest. The results convincingly demonstrate that the associative-verbal network accumulates key cultural constants that ensure the preservation of the ethnocultural identity of the Indigenous population of the Arctic amid contemporary sociocultural transformations.

Keywords: associative-verbal network, Abyysky District of the AZRF, Yakut language, associative experiment, aquatic space objects, linguistic worldview, world image, linguistic consciousness, associative field, associative connections

References (transliterated)

1. Balandina E.S. Aktual'nost' izucheniya dinamiki obrazov yazykovogo soznaniya // *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh*. 2016. № 5-3(26). S. 67-68. EDN: UULDPW.
2. Abisheva K. M., Dosanova A. Zh., Tlegenova K. A. Problema mental'nogo leksikona yazykovykh kartin mira // *MNKO*. 2012. № 6. S. 131-133. EDN: PLUURL.
3. Danilova N. K. Vodnye ekosistemy: prostranstvennye predstavleniya i dukhovnyi universum (po etnograficheskim materialam naroda sakha) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. № 16. S. 160-163. EDN: UIQGKJ.
4. Danilova N. K. Formirovanie istoriko-kul'turnogo landshafta yakutov: etnolokal'nye modeli i prostranstvennye predstavleniya / N. K. Danilova // *Nauchnyi dialog*. 2019. №

8. S. 243-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-243-257. EDN: JIGBKB.
5. Efimova L. S., Mironova M. T. Poklonenie dukhu-khozyainu vody v shamanskom fol'klore yakutov // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya. 2024. № 2 (42). S. 59-67. DOI: 10.52782/KRIL.2024.2.42.009. EDN: LFVZLE.
6. Varavina G. N. Simvolika reki i vodnaya etika korennykh narodov Yakutii (na primere evenov) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2019. № 8 (64).
7. Martinovich G. A. Opyt kompleksnogo issledovaniya dannykh assotsiativnogo eksperimenta // Voprosy psikhologii. 1993. № 2. S. 93-99.
8. Artykbaeva F. I. Otrazhenie spetsifiki yazykovogo soznaniya etnosa v materialakh svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta: mezhkul'turnye aspekty // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2016. № 2. S. 27-37. EDN: WAWNMF.
9. Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti // Yazykovoe soznanie i obraz mira. M.: IYa RAN, 2000. S. 191-207. EDN: SIJQLH.
10. Kasatkina T. Yu. Assotsiativnoe pole kak model' analiza znacheniya slova // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2020. № 4. S. 589-603. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603. EDN: PLOKRM.
11. Bubnova I. A., Zykova I. V., Krasnykh V. V., Ufimtseva N. V. (Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem / pod red. V. V. Krasnykh. M.: Gnosis, 2017. 392 s. EDN: YJUSQF.
12. Zamorshchikova L. S., Romanenko A. A. Assotsiativnyi slovar' yakutskogo yazyka. 2012. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (data obrashcheniya: 10.09.2025).
13. Martinovich G. A. Tipy verbal'nykh svyazei i otnoshenii v assotsiativnom pole // Voprosy psikhologii. 1990. № 2. S. 143-146.
14. Ovchinnikova I. G. Struktura mental'nogo leksikona: vozrastnaya dinamika assotsiativnykh svyazei // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti. 2006. № 4. S. 85-92. EDN: PVCLUZ.
15. Danilova N. K. Sakral'nyi landshaft: mental'nyi obraz Gory u severnykh yakutov // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2019. № 3(28). S. 55-61. EDN: IRWILB.
16. Terebikhin N. M. Obrazy i simvol'y reki v svyashchennoi geografii Severnoi Fennoskandii (Laplandii) // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 4. S. 51-55. EDN: MWPC LH.
17. Lavrenova O. A., Filippova V. V. Toponimika v kul'turnom landshafte Yakutii: problema tekstualizatsii // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2019. № 2. S. 129-136. DOI: 10.31857/S2587-556620192129-136. EDN: ZENTFZ.
18. Sodnompilova M. M. Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deyatel'nosti mongol'skikh narodov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2009. 366 s. EDN: UMUYCL.
19. Khokholova I. S., Pestereva K. A., Ikonnikova A. N. Obrazy reki i ledokhoda v yazykovoi kartine mira zhitel'ei Tsentral'noi Yakutii // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2018. № 7(51). S. 37-42. DOI: 10.24158/fik.2018.7.7. EDN: UUAWLP.
20. Korkina E. I. Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1992. 268 s. EDN: YGZUVX.
21. Voronkin M. S. Dialektnaya sistema yazyka sakha: obrazovanie, vzaimodeistvie s literaturnym yazykom i kharakteristika. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 1999. 197 s.
22. Suzdalova U. P. Reprezentatsiya i transformatsiya obraza ryby v yakutskoi kul'ture // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2024. № 3. S. 125-146. DOI: 10.34130/2233-1277-2024-3-125. EDN: QJSZRX.

23. Angua A. N., Borisova I. Z. Kul'turologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty gastrodiplomatii v Yakutii i Afrike // Arktika XXI vek. 2025. № 2. S. 6-31. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-6-31>. EDN: TFKKZC.

The dual concept of soul-heart in S.A. Yesenin's first book "Radunitsa."

Pyatkin Sergei Nikolaevich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language and Literature; Arzamas Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

41, block 11, Arzamas, Nizhny Novgorod region, 607233, Russia. 18

✉ nikolas_pyat@mail.ru

Klekovkina Kseniya Sergeevna

student; Faculty of History and Philology; Arzamas Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

7 Zhukovsky St., Arzamas, Nizhny Novgorod Region, 607233, Russia

✉ klekovkinak@yandex.ru

Abstract. The study of the conceptsphere of a literary text, which contributes to a deep and multifaceted understanding of an individual author's worldview, undoubtedly relates to current trends in modern philological science. The concepts used by the author serve as a key to understanding their worldview, cultural identity, intentions, spiritual and aesthetic orientations, as well as to uncovering the deeper meanings of the work. The subject of this research is the conceptsphere of the first book of the greatest Russian poet of the early 20th century, S. A. Yesenin, titled "Radunitsa," which includes lyrical works written by the poet between 1910 and 1915. The aim of this article is to theoretically substantiate and identify the features of the ideational-artistic representation of the dual concept of soul-heart in S. A. Yesenin's book "Radunitsa." For the linguistic explication and analysis of the cognitive model of the dual concept of soul-heart in the lyrical works of S. A. Yesenin's first book "Radunitsa," component-semantic, contextual, comparative, and conceptual methods were employed. The concept of soul in Yesenin's "Radunitsa" is organically linked to the concept of heart, which gives grounds for distinguishing the dual artistic concept of soul-heart. The poet's artistic worldview in his first book is based on the harmony of the corporeal and the spiritual, embodying ideas of beauty, youth, goodness, and truth. The semantic relationships between the lexemes "soul" and "heart" in the cognitive model of the dual concept manifest the unity of bodily and spiritual principles, determined by the constant comparison of earthly and Eternal (in the Christian sense) life in the lyrical works of "Radunitsa." The only difference between the two concepts is the connection of the heart, whose existence is impossible outside the confines of the human body, with corporeality and spatial localization within a person. In contrast, the soul can be "extracted"; it has, as Yesenin expresses it, the hidden ability to separate from the body as from a skin. The study of the lexical and textual representation of the dual concept of soul-heart within the subsequent works of S. A. Yesenin will allow for a clearer and more detailed transmission of the qualitative changes in the poet's spiritual worldview.

Keywords: religion, the lyrical hero, cognitive model of the concept, dual artistic concept, conceptsphere, book, Radunitsa, Yesenin, spiritual, physical

References (transliterated)

1. Agapkina T. A. Serdtse v vostochnoslavianskom fol'klore // *Obraz cheloveka v yazyke i kul'ture*. T. 20. M.: Indrik, 2018. S. 21-63. EDN: VNIPWA.
2. Afonina Yu. V. Kontsept "Dom" v tvorchestve S. A. Esenina i fil'makh A. Tarkovskogo // *Sovremennoe eseninovedenie*. 2017. № 4(43). S. 66-71.
3. Babulevich S. N. Tsvetooboznacheniya kak sredstvo realizatsii kontsepta "Rodina" v khudozhestvennoi kartine mira S. Esenina: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kaliningrad, 2004. 181 s. EDN: NMQKSZ.
4. Bulgakov S. Bogoslužhenie v pravoslavii. Pravoslavie. Ocherki ucheniya pravoslavnoi tserkvi. Paris: YMCA-press, 1989. 403 s.
5. Voronova O. E. Kontsept "serdtse" v obraznoi sisteme liriki S. A. Esenina // *Sovremennoe eseninovedenie*. 2024. № 1(68). S. 50-52. EDN: AVUVKU.
6. Voronova O. E. Natsional'noe i obshchechelovecheskoe v tvorchestve Sergeya Esenina. Arkhetipy. Universalii. Kontsepty. Ryazan': [b. i.], 2013. 356 s. EDN: STVXOJ.
7. Voronova O. E. Sergei Esenin i russkaya dukhovnaya kul'tura. Ryazan': Uzoroch'e, 2002. 520 s. EDN: TKEQBJ.
8. Dal' V. I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: V 4 tomakh. M.: RIPOL klassik, 2006. T. 1. A-Z. 752 s. EDN: QSBIDD.
9. Dal' V. I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: V 4 tomakh. M.: RIPOL klassik, 2006. T. 4. R-Ya. 672 s. EDN: QSBIDD.
10. Domanskii V. A. Radost' kak mental'nyi kontsept eseninskoi natsional'noi kartiny mira // *Russkaya literatura v inostrannoi auditorii: materialy XV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vyp. 12. SPb.: RGPU im. A. I. Gertsena, 2024. S. 19-30. EDN: BTOPHD.
11. Domanskii V. A. Khudozhestvennyi kontsept sada v poezii S. A. Esenina // *Poetika i problematika S. A. Esenina v kontekste Eseninskoi entsiklopedii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 113-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Esenina*. M.: Lazur', 2009. S. 102-116.
12. Drosneika R. P. Kontseptual'no-yazykovoe prostranstvo russkoi derevni v lirike Sergeya Esenina // *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 2015. № 6. S. 10-35. EDN: VWRRCP.
13. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenii: V 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya. M.: Nauka; Golos, 1995. 672 s.
14. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenii: V 7 t. T. 5. Proza. M.: Nauka; Golos, 1997. 560 s.
15. Zlobina A. A. Dukhovnyi kontsept strannik v yazykovoi kartine mira S. A. Esenina // *Aktual'nye problemy kul'tury rechi: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. M.: MGOU, 2002. S. 82-87.
16. Kolupanova T. Yu. Dinamika kontsepta Rossiya v idiosstile S. A. Esenina. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2016. № 4. S. 31-33. EDN: XGVGVH.
17. Krivoshapko S. A. Kontsepty vremya i prostranstvo v liricheskoi poezii S. A. Esenina: dis. ... kand. fil. nauk: 10.02.19. Rostov-na-Donu, 2019. 198 s.
18. Marchenko A. M. Poeticheskii mir Esenina. M.: Sovetskii pisatel', 1972. 312 s.
19. Mezhebovskaya V. V. Kontseptosfera sbornika S. Esenina "Radunitsa" // *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*. 2020. № 3(16). S. 165-178. EDN: GVMPXX.
20. Meksh E. B. Khudozhestvennyi mir "Radunitsy" Sergeya Esenina // *Russkaya*

- novokrest'yanskaya poeziya. Daugavpilis: DGU, 1991. S. 44-66.
21. Mikhailova E. V., Lazovskaya A. I. Kontsepty "Rodina" i "Priroda" v yazykovoi kartine mira S. Esenina // Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga yuniversiteta imya I. P. Shamyakina. 2007. № 1(16). S. 89-94.
 22. Nezhenets N. I. Poeziya narodnykh traditsii. M.: Nauka, 1988. 208 s.
 23. Ogneva E. A., Danilenko I. A. Dual'nost' khudozhestvennogo kontsepta kak tekstovyi informativnyi kod. M.: Editus, 2021. 208 s. EDN: WVMWTG.
 24. Prokhorova A. V. Rehevaya reprezentatsiya bipolyarnosti khudozhestvennoi kartiny mira: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Elets, 2018. 26 s. EDN: ZFJFWU.
 25. Samodelova E. A. Antropologicheskaya poetika S. A. Esenina: Avtorskii zhiznetekst na perekrest'e kul'turnykh traditsii. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 920 s. EDN: SUQHOT.
 26. Sanosyan A. G., Kupchik E. V. Kontsept "Rodina" v poezii S. A. Esenina i A. A. Bloka // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2012. № 1. S. 176-180.
 27. Skorokhodov M. V. Sergei Esenin: istoki tvorchestva (voprosy nauchnoi biografii). M.: IMLI RAN, 2014. 383 s. EDN: TLWKBV.
 28. Suvorkina E. N. Kontsept "sirotstvo" v zhizni i tvorchestve S. A. Esenina: filologo-kul'turologicheskii analiz // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2020. № 38. S. 125-135. DOI: 10.17223/22220836/38/12 EDN: BEGGIO.
 29. Filatova O. A. Obraz dushi v poezii Sergeya Esenina // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2008. № 18, ch. 2. S. 102-104. EDN: UYUXLL.
 30. Shatin Yu. V. Kontsept "serdtse" i ego khudozhestvennaya dekonstruktsiya v russkoi poezii KhKh veka. Kritika i semiotika. 2011. № 15. S. 189-196. EDN: TNFCFA.
 31. Shipulina G. I. Slovar' yazyka Esenina. Imya sushchestvitel'noe. Baku: Mutardzhim, 2013. 588 s.
 32. Yuzhakova Yu. A. Poeticheskaya kartina mira S. A. Esenina: obzor leksiko-semanticheskikh grupp i polei. Ryazan': IP Konyakhin A. V. (Book jet), 2024. 226 s. EDN: KLOEUN.

The practice of using and interpreting the forms of renarrative and conclusive in constructions with speech verbs in the Bulgarian language of the late 19th century (based on the example of the forms of the imperfect, aorist, and present tense)

Khrapko-Magala Mariia Valer'evna

Lecturer, Faculty of Journalism; Lomonosov Moscow State University

125009, Russia, Moscow, Mokhovaya St., 9, building 1

✉ koulengkamfp@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the study of grammatical markers of evidentiality in the Bulgarian language of the late 19th century. The author examines in detail the cases of using I-participle forms with a linking verb and without a linking verb in the 3rd person in retelling constructions, in which the transmitted information is introduced with the help of a referential

verb. The material for the study is the correspondence of the second half of the 19th century between the Bulgarian linguist Naiden Gerov and his addressees (a total of 18 authors). The article presents and analyzes quantitative indicators of the use of verb forms in these constructions. The author provides an interpretation of grammatical evidential markers, referring to a broad context and taking into account the cognitive classification of information in the mind of a native speaker as received from other people's words or as one's own mediated information based on shared experience. In this article, the author applies a descriptive method, component analysis method, as well as the linguistic-textological method for material study. As a result of the research, we conclude that in narrative constructions with a referential verb, information may be classified differently in the author's consciousness. The type to which it belongs can be judged by the verb form used by the addressee. The most frequent form in the specified constructions is the I-participle without the copular verb in the third person. In this case, there is no clash of meanings between the lexical and grammatical evidential marker: both suggest a distancing of the authors from the conveyed information and highlight the semantics of retelling. When using the I-participle with the copular verb, the information is characterized as falling within the sphere of the writer's own mediated knowledge, which, in the presence of such a lexical evidential marker as a referential verb, complicates the interpretation of the statement and requires the involvement of a broad context.

Keywords: cognitive classification of information, perfect, conclusive, retelling, renarrative, context, verb, indirect evidentiality, history of the Bulgarian, Bulgarian

References (transliterated)

1. Aikhenvald A. Evidentialy. Oxford: Oxford University Press, 2004.
2. Plungyan V. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. M.: RGGU, 2011.
3. Nitsolova R. Vzaimodeistvie evidentsial'nosti i admirativnosti s kategoriei vremeni i litsa glagola v bolgarskom yazyke // Voprosy yazykoznaniya. 2006. № 4. S. 26-45.
4. Makartsev M. Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta. M.-SPb.: Nestor-Istoriya, 2013.
5. Aleksova K. S. Evidentsial'naya sistema bolgarskogo yazyka // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi. Izbrannye doklady. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2025. S. 12-33. EDN: XUKBSS.
6. Boyadzhiev T., Kutsarov I., Penchev I. S"vremenen b"lgarski ezik. Sofiya: Izdatelska k"shcha "Pet"r Beron", 1998.
7. Nitsolova R. B"lgarska gramatika. Morfologiya. Sofiya: Universitetskoto izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridski", 2008.
8. Vasil'eva O. V. Funktsionirovanie perfekta iz"yavitel'nogo nakloneniya v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke: diss. ... kand. filologicheskikh nauk. Spb., 2006. EDN: NOBEWZ.
9. Grigorenko Yu. A. Funktsionirovanie form perfekta v perevode nauchnogo teksta s russkogo na bolgarskii yazyk // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 4. S. 117-123. EDN: RPXZIV.
10. Iz" arkhivata na Naiden" Gerov": pisma, dokladi i materiyali za v"zrazhdaniето na b"lgarskiya narod". Kniga I. Korrespondentsiya s" chastni litsa: A-L (Averki – Lobanov") / pod red. na T. Panchev". Sofiya: B"lgarskata akademiya na naukite, 1911.

The functioning of emotive vocabulary in the texts of modern Tatar authors (based on the works of A. Akhmetgalieva and R. Galiullin).

Gilemshin Fler Foatovich

Doctor of Philology

Associate Professor; Institute of International Relations, History and Oriental Studies; Kazan (Volga Region) Federal University

Chief Researcher; G.Ibragimov Center for Written Heritage and Translation of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Leading Researcher; MGAKF Laboratory of the KazNC RAS

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Bauman St., 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

Gilemshina Aisilu Gабdelzyamilевна

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian and Tatar Languages; Kazan State Medical University

Kazan, Tsentralnaya 2nd street, 136 B

✉ miss.gilemschina@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the functioning of emotive vocabulary in the works of contemporary Tatar writers Aigul Akhmetgalieva and Rustam Galiullin. In the texts studied, emotionality is explicated primarily through verbal vocabulary and emotional-expressive units. Verbs representing affective states (joy, grief, fear, anger) play a key role in representing the characters' inner worlds, ensuring the recipient's emotional involvement, and reflecting the historical and cultural context of the works. The semantic diversity of emotional vocabulary, the richness of syntactic forms, and the contextual determination of their use shape the depth and expressiveness of literary texts. The lexical and semantic diversity of emotives, syntactic variability, and contextual determination of their implementation determine the depth and artistic persuasiveness of the prose of these writers. The purpose of this study is to analyze the functioning of emotional vocabulary in texts, identify its semantic and stylistic features, and determine the nature of the emotional impact of works on the recipient. The methodological framework for the study is formed within the theoretical concepts of textual criticism, linguistics, and literary studies. The works of scholars such as Sh. Bally [1], N.D. Arutyunova [2], and I.S. Nosenko [3] occupy an important place in the study of the representation of emotionality by linguistic means. Structural-semantic analysis, contextual interpretation, and comparative methods are used as methodological tools. These methods allow us to identify various aspects of emotionality in a text: the characters' inner experiences, their feelings, and reactions.

Thus, this article makes a significant contribution to Tatar linguistics and ethnolinguistics, expanding knowledge about the ways of expressing emotions and their cultural significance, and serves as a foundation for further research in the field of intercultural communication and translation.

Keywords: emotionally expressive vocabulary, character, fear, joy, work of art, feeling, positive emotions, emotive vocabulary, phraseological units, aesthetic features

References (transliterated)

1. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1961.
2. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl. Moskva: Nauka, 1976. EDN: YLAVZX
3. Nosenko E. L. Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noi napryazhennosti. Dnepropetrovsk: Izdatel'stvo Dnepropetrovskogo universiteta, 1975.
4. Tatarsko-russkii slovar': v dvukh tomakh. T. 2. (M-Ya). Kazan': Magarif, 2007.
5. Tatarsko-russkii slovar': v dvukh tomakh. T. 1. (A-L). Kazan': Magarif, 2007.
6. Tolkovyi slovar' tatarskogo yazyka. Kazan': Matbugat iorty, 2005. 848 s. / Tatar teleneñ aqlatmaly syzlege. Kazan: "Matbugat iorty" nashriyaty, 2005.
7. Galiullin R. G. Zaveshchanie. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017.
8. Əkhmätgalieva A. G. Tutash: roman / Aigöl Əkhmätgalieva. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2019.
9. Valieva M. Z. Ustoichivye slovosochetaniya v starykh tatarskikh pis'mennykh pamyatnikakh XVII–XVIII vekov // Fənni Tatarstan. 2024. № 3. S. 22-30. EDN: YMYRMG
10. Leksikologiya tatarskogo yazyka: v trekh tomakh / ruk. proekta M. Z. Zakiev; red. G. R. Galiullina. Kazan': IYaLI, 2016. T. II.
11. Kalimullina L. A. Emotivnaya leksika i frazeologiya russkogo literaturnogo yazyka: sinkhronicheskii i diakhronicheskii aspekty: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 1999. EDN: QDEXIP

Causative dynamic spatial models of simple sentences in the Koryak language.

Koshkareva Natalia Borisovna

Doctor of Philology

Head of the Sector; Siberian Languages Sector; Institute of Philology SB RAS

8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia, Novosibirsk region

✉ koshkar_nb@mail.ru

Cheprasova Aleksandra Andreevna

Junior Researcher; Siberian Branch of Languages; Institute of Philology SB RAS

✉ a.cheprasova@alumni.nsu.ru

Abstract. The object of the study is simple sentences of the Koryak language that describe causative dynamic spatial situations (the subject moves the object from one point in space to another), and the subject matter is the structure and semantics of such sentences. The goal is to classify simple sentences that represent movement relationships and to characterize the typical features of these sentences. A hypermodel of movement has been identified, which includes the subject – the causer of the movement, the object of movement, a series of localizers indicating the starting and ending points of the movement and the trajectory, as well as the predicate – a verb with the semantics of movement. Three types of models are distinguished: adlative (movement towards the endpoint), delative (movement from the starting point), and translative (movement along the trajectory), with a set of structurally-semantic variants described for each type. A range of general scientific and linguistic methods has been employed in the study: observation and description, systematization, component analysis, etc., with the main methods being syntactic modeling of the structure and semantics of the sentence as a bidirectional linguistic sign, as well as classification based on the

features of the structure and semantics of simple sentences. The novelty of the research is due to the fact that simple sentences with the semantics of movement in the Koryak language are represented as a system of bidirectional linguistic signs in which the expression plan and the content plan correspond to each other. For the first time, linguistic syntactic units have been identified, their classification has been conducted, and differential features have been defined, by which they are contrasted with other models of spatial semantics and with each other within the described class. As a result of the study, it was found that the models of movement based on the expression of localizers form a unified system with models of motion. Each of the models is represented by a similar set of structurally-semantic variants, which are distinguished according to the way of expressing the localizer. A typologically significant feature of the Koryak system of spatial relations is the combination within the same word form of designations of specific localizations through spatial suffixes and abstract orientations expressed by case markers.

Keywords: verbs of displacement, displacement, causative models of movement, spatial models, simple sentence, ergative language, Koryak language, lative, ablative, prolative

References (transliterated)

1. Cheremisina M. I. O teoreticheskikh voprosakh model'nogo opisaniya predlozhenii // Predlozhenie v yazykakh Sibiri. Novosibirsk, 1989. S. 3-18. EDN: YFJMIL.
2. Cheremisina M. I. Issledovanie modelei elementarnogo prostogo predlozheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 1997.
3. Cheremisina M. I. O sistemnosti v sfere modelei predlozheniya // Stroenie predlozheniya v yazykakh raznykh sistem. Novosibirsk, 1992.
4. Cheremisina M. I. Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitseyazyka // Yazyki korennykh narodov Sibiri. Novosibirsk, 2003. Vyp. 11. S. 3-29. EDN: WOHZRT.
5. Koshkareva N. B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitseyazyka // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. T. 4, Vyp. 2. S. 64-76. EDN: HYRSFN.
6. Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v ural'skikh yazykakh Sibiri: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Novosibirsk, 2007. 47 s. EDN: QDYTVB.
7. Koshkareva N. B. O polisemii sintaksicheskikh edinitsey // Vestnik NGU. 2012. T. 11, Vyp. 9. S. 164-171.
8. Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinitseyazyka i rechi // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. № 2. S. 14-26. EDN: TWKTLN.
9. Nevskaya I. A. Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). Novosibirsk, 2005. 304 s. EDN: QOKXMT.
10. Koshkareva N. B. Bytiino-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyiskom i nenetskom yazykakh // Vestn. NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17, № 9: Filologiya. S. 53-65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.
11. Koshkareva N. B. Bytiino-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyiskom i nenetskom yazykakh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. T. 17. № 9. S. 53-65. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65 EDN: YZJBNJ.
12. Sereedar N. Ch. Bytiinye modeli v tuvinskom yazyke: kharakterizuyushchie znacheniya

- // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. № 6 (79). S. 680-683. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10295 EDN: EQLZNQ.
13. Sereedar N. Ch. Strukturno-semanticheskie tipy modelei bytiinykh predlozhenii v tyurkskikh yazykakh yuzhnoi Sibiri // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. S. 220-222.
 14. Chugunekova A. N. Formal'no-semanticheskie modeli predlozhenii s predikatami dvizheniya, postroennye po skheme N=1 N=6 V=dv. (na materiale khakasskogo yazyka) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2012. № 7 (18): v 2 ch. Ch. 1. S. 219-221. EDN: PGEWMF.
 15. Chugunekova A. N. Modeli elementarnykh prostykh predlozhenii kauzirovannogo peremeshcheniya ob'ekta v prostranstve (na materiale khakasskogo yazyka). Oriental Studies. 2020. T. 13. № 1. S. 208-224. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-208-224 EDN: PPEESI.
 16. Bogoras W. Chukchee // Handbook of American Indian Languages / Ed. by F. Boas. Washington, 1922.
 17. Stebnitskii S. N. Nymalanskii (koryakskii) yazyk // Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. M.; L.: Uchpedgiz, 1934. S. 47-83.
 18. Zhukova A. N. Grammatika koryakskogo yazyka: fonetika, morfologiya. L.: Nauka, 1972. 323 s.
 19. Zhukova A. N. Koryakskii yazyk: uchebnik dlya uchashchikhsya pedagogicheskikh uchilishch. L.: Prosveshchenie. Leningr. otделение, 1987. 256 c.
 20. Mal'tseva A. A. Relyativnye slova v chukotsko-koryakskikh yazykakh // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2003. № 1. S. 57-95. EDN: OWROJN.
 21. Mel'chuk I. A. Kurs obshchei morfologii. Tom II: Per. s fr. / Obshch. Redaktsiya N.V. Pertsova i E.N. Savvinoi. Moskva – Vena: "Yazyki russkoi kul'tury", venskii slavisticheskii al'manakh, 1998. 544 s. EDN: SUMCHF.
 22. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timoty Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. R. 57-149.
 23. Talmy L. How language structures space // Spatial orientation. Theory, research, and application. Ed. by H. Pick & L. Acredolo. New York & London: Plenum Press, 1983: 225-282.
 24. Levinson S. C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 621 p.
 25. Levinson S. C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 415 p.
 26. Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. Golosa koryakskoi kul'tury: Liliya Aimykh. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2015. 172 s. EDN: VUHYUH.
 27. Kul'tura kamchatskikh koryakov-chavchuvenov vtoroi poloviny XX veka po vospominaniyam N. I. Tynetegina / Sost. T. A. Golovaneva. Novosibirsk: SO RAN, 2022. 252 s.
 28. Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. Golosa koryakskoi kul'tury: Aleksandra Kergil'khot. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo "Geo", 2019. 288 s.

Roman-Origin Onymic Units in English Video Game Discourse: Aspects of Actualization and Translation

Pak Leonid Evgen'evich

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University

690002, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogol Ave., room 5517

✉ leonid.pak@wsu.ru

Marus Nikolai Dmitrievich

Assistant Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University

41 Gogol Street, room 5511, Vladivostok, Primorsky Krai, 690014, Russia

✉ marus.nikolay@wsu.ru

Abstract. The present work is devoted to the study of proper names of Roman origin in English-language video game discourse. The aim of the research is to identify and describe the specifics of the realization and translation of proper names of Roman etymology exemplified in video game discourse. The object of the study is English-language video game discourse. The subject is the specificity of the realization and the peculiarities of translation techniques when working with proper names of Romance origin within the discourse of video games. The relevance lies in addressing the issue of studying proper names of Roman origin, which aligns with contemporary trends in linguistics where multidisciplinary research combining the tools of cognitive linguistics, linguoculturology, and discourse analysis is prioritized. Furthermore, the analysis of translation methods for proper names in various types of discourse addresses practical problems in translation studies, as translators face challenges such as the need to preserve phonetic and cultural identity, internal structure, and intertextual connections. Additionally, video game discourse serves as a platform where new linguistic means, including proper names, are tested and established. Research methods employed include comparative, descriptive, functional, pragmatic methods, component analysis, and comprehensive linguistic analysis. The novelty of the research lies in the fact that it for the first time conducts an analysis of translation techniques when working with proper names of Roman origin in English-language video game discourse. Conclusions: the least difficulties in the realization of proper names of Roman origin arise when dealing with proper nouns conveying real names and surnames (Acele, Andre, Eugene), as they require well-established and time-tested methods and techniques of translation work—transliteration or transcription. Significant difficulties arise in translating proper names conveying abstract concepts (Call Me Mañana), toponyms (Insulinde, Face-a-la-mer), metaphorical phrases (Esprit De Corps, Savoir Faire), and similar cases (Cunoesse, Boiadeiro). In working with these proper names, translators apply semi-calquing, the creation of neologisms, and functional substitutions. These techniques are complex examples of transferring vocabulary from one language to another and require a more cautious approach. When applying the listed techniques, not only is the translator's knowledge of certain expressions and their meanings checked, but also their ability to creatively convey the translated lexical unit.

Keywords: functional substitution, partial calque, figurative expressions, transliteration, transcription, calque, place name, translation technique, proper name, video game discourse

References (transliterated)

1. Superanskaya, A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M. : Nauka, 1973. – 366 s.

2. Kripke, S. A. Naming and Necessity. – Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1980. – 172 p.
3. Napol'skikh, V. V. Etnonimika kak istoriko-filologicheskaya distsiplina: obshchie i konkretne resheniya, sluchainost' i sistemnost' // Voprosy onomastiki. – 2025. – № 2 (22). – S. 9-30. DOI: 10.15826/vopr_onom.2025.22.2.014 EDN: AWPERR
4. Zhuravleva, N. V., Kabinina, N. V. Antroponimy neslavyanskogo proiskhozhdeniya v "Aktakh Solovetskogo monastyrya" (I) // Voprosy onomastiki. – 2024. -№ 3 (21). – S. 93-116. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.033 EDN: IPNJBE
5. Borisova, E. O. K izucheniyu individual'nykh prozvisch s situativnoi motivirovkoj v russkikh narodnykh govorakh // Voprosy onomastiki. – 2024. – № 3 (21). – S. 156-177. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036 EDN: IZZAJW
6. Musaeva, R. A. Antroponimy v onomasticheskom prostranstve kumykskikh fol'klornykh skazok // Kavkazologiya. – 2025. – № 1. – S. 298-311. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-298-311 EDN: RVTXJK
7. Burkova, T. A. Pretsedentnye onimy v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka) // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. – 2021. – № 4 (59). – S. 15-23. DOI: 10.37724/RSU.2021.59.4.002 EDN: YYAQHJ
8. Dzyuba, E. V., Eremina, S. A., Rogozinnikova, Yu. V. Pretsedentnye onimy sfery "Russkaya literatura" v angloyazychnoi karikature // Voprosy onomastiki. – 2023. – № 1 (20). – S. 202-222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.012 EDN: BVJRDH
9. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. – 240 s.
10. Ermolovich, D. I. Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh"yazykovoi peredachi. – M.: Flinta; Nauka, 2005. – 416 s. EDN: QRQHVH
11. Shapovalova, E. O. Osobennosti formirovaniya imen sobstvennykh i sposoby ikh peredachi na russkii yazyk (na materiale skazki Dzh. Rodari "Priklyucheniya Chipollino") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2023. – № 9 (16).
12. Smirnova, D. A., Abdul'manova, A. Kh. Sposoby perevoda antroponimov i toponimov v sovremennoi angliiskoi literaturnoi skazke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2020. – № 2 (13).
13. Vorobets, T. A., Gerdt, E. V., Lobkova, E. V. Problema interpretatsii okkazional'nykh imen sobstvennykh i osobennosti ikh peredachi v russkoyazychnykh perevodakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2023. – № 6 (16).
14. Newmark, P. A Textbook of Translation. – Hemel Hempstead: Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
15. Parianou, A. Translating Proper Names: a Functionalist Approach // Names: A Journal of Onomastics. – 2007. – №55 (4). – URL: <https://doi.org/10.1179/nam.2007.55.4.219> (data obrashcheniya: 30.08.2025).
16. Afrouz, M. Expanding Vermes's (2003) Model of Translation Strategies // Lebende Sprachen. – 2021. – №66 (1). – URL: <https://doi.org/10.1515/les-2021-0003> (data obrashcheniya: 30.08.2025).
17. Mambelli, G. Translating English Fictional Names: An Analysis of Anthroponyms in the Italian Translations of The Lord of the Rings // Onomastica. Rivista di teoria e pratica dei nomi propri. – 2022. – № 4. – URL: <https://doi.org/10.6092/issn.2724-0905/14504> (data obrashcheniya: 30.08.2025).
18. Kubaszczuk, J. Factors Affecting the Translation of Toponyms // Onomastica. – 2025. – №69. – URL: <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.69.11> (data obrashcheniya: 30.08.2025).

19. Chen, L. N. Cross-Linguistic Comparison of Screen Translations of Names in Hayao Miyazaki's Animated Films // *Voprosy onomastiki*. – 2021. – № 1 (18). – S. 195-208. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.009 EDN: BYSXAL
20. Wildfeuer, J., Stamenković, D. The discourse structure of video games: A multimodal discourse semantics approach to game tutorials // *Language & Communication*. – 2022. – № 82. – P. 28-51. DOI: 10.1016/j.langcom.2021.11.005 EDN: TCQMMO
21. Rennick, S., Roberts, S. G. The Video Game Dialogue Corpus // *Corpora*. – 2024. – № 1 (19). – URL: <https://doi.org/10.3366/cor.2024.0299> (data obrashcheniya: 03.05.2025).
22. Dixon, D. H. The Linguistic Environments of Digital Games // *CALICO Journal*. – 2022. – № 39 (1). – URL: <https://doi.org/10.1558/cj.20065> (data obrashcheniya: 30.08.2025).
23. Furianto, F., Simanjuntak, R. R. Gaming Language as a Language Variation in Digital Contexts // *Proceedings of the 4th International Conference on Business and Applied Science (ICOBAR 2023)*. – 2023. – URL: https://doi.org/10.2991/978-2-38476-094-0_36 (data obrashcheniya: 30.08.2025).
24. Vnucko, G. Exploring the Relationship between Digital Gaming and Vocabulary Learning / Attitudes to L2 // *Education and Information Technologies*. – 2024. – № 29. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12450-7> (data obrashcheniya: 30.08.2025).
25. Vdovichenko, S. S. Freimovyi analiz rechevykh aktov v angloyazychnom diskurse videoigr (na materiale videoigry Dota 2) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – № 8 (2). – S. 27-31. EDN: TWQSCR
26. Selyutin, A. A. Diskurs videoigr: k voprosu o terminologii // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2022. – № 10 (318). – S. 138-144. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10318 EDN: XRMYYI
27. Shageeva, A. A., Anufriev, K. V. Graph-phonemic aspect of the transfer of stylistically archaic onyms in computer-game localization (based on the material of Russian and English languages) // *Philology. Theory & Practice*. – 2024. – 7 (17). – URL: https://www.researchgate.net/publication/382617724_Graph-phonemic_aspect_of_the_transfer_of_stylistically_archaic_synonyms_in_computer-game_localization_based_on_the_material_of_Russian_and_English_languages?__cf_chl=tk=eo0pC0I3vHv4TGZNgZCkfk2EOK3ATgcHZKEJGF8ae4-1757127202-1.0.1.1-S6Y2l.Aenwf.emWOWTl.ya1XLo7IpnckdWSfHS2ivhE (data obrashcheniya: 06.09.2025).
28. Ryukova, A. R., Filimonova, E. A. Perevod imen sobstvennykh pri lokalizatsii mul'tiplatformennykh komp'yuternykh igr // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2016. – № 4 (21). – S. 968-973. EDN: XSBI EF
29. *Disco Elysium – The Final Cut* – [Komp'yuternyi igrovoi produkt] – ZA/UM, 2016.

Reconfiguration and Dialogism: The Evolution of Chinese Mythology from Antiquity to Modernity according to Bakhtin's Theory

Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Mass Communications; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Duan Xiaoxiao

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042248252@pfur.ru

Kozlovskaya Ekaterina Stanislavovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language No. 5; RUDN University named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ kozlovskaya_es83@mail.ru

Gafurova Linara Raisovna

Teacher of Pre-school Education; Institute of the Russian Language; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ belamie22@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the dynamic evolution of Chinese mythology, viewed through the prism of Bakhtin's theory. The authors of the article explore the mythology of China from the forms of primitive beliefs to modern film and television adaptations, revealing its cultural essence as "scenes of eternal dialogue." The key historical stages of the development of Chinese mythology are analyzed: the polyphonic narratives of the axial epoch, in which figures such as Dayu were reinterpreted by various philosophical schools.; dialogue and mutual construction of religious and secular discourses, as exemplified by the figure of Guan Yu, from the Wei, Jin, Tang and Song dynasties; ongoing dialogue between officials and people, sacred and secular, historical and modern, embodied in the literature of the Ming and Qing times about the "Dedication of the Gods"; visual narrative construction of the "chronotope", embodied in the modern digital game "Black Myth: Wukong". This study provides methodological support for the creative transformation of modern mythology, answers the question of national cultural identity in the context of globalization, and provides an important theoretical framework for exploring the possibility of multicultural identity. The research methodology is based on Bakhtin's "theory of dialogism", rethinks the evolutionary logic of Chinese mythology, and argues that this process is essentially a continuous negotiation between a variety of discourses: official narratives, folk interpretations, philosophical borrowings, and intercultural exchanges. The research expands the scope of carnival poetics and the concept of "chronotope" from literary criticism to mythological research. The scientific novelty of the research lies in the application of Bakhtin's key concepts to the process of the evolution of Chinese mythology as a cultural phenomenon rather than a literary text. This research approach translates the trajectory of literary analysis into the field of cross-cultural research and mythology. The authors of the article offer a new perspective on the study of Chinese mythology as a process of continuous discourse (historical and philosophical, folk and official, secular and religious, modern and traditional). The conclusion reached by the authors of the study is as follows: the essence of Chinese mythology lies in the transformational dynamics throughout the historical stage: cultural mythological archetypes continue to be transmitted through new forms of communication, including digital ones, responding to the global challenges of modernity and trends towards interdisciplinarity.

Keywords: interpretation, reconstruction, adaptation, image, dialogue, transformation, mythology, Bakhtin, China, communication

References (transliterated)

1. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo / per. s rus. Bai Ch., Gu Yu. M.: Izdatel'stvo "Syan'gan san'lyan' shudyan'", 1988.
2. Chen' S., Yan Yu. Pereskazyvanie istorii, voobrazhenie mifov i sovremennaya transformatsiya obrazov traditsionnoi kul'tury – na primere "Vozvedenie v rang dukhov. Chast' I: Vetry i oblaka Chaoge" // Ninsya sotsial'nye nauki. 2024. № 1. S. 185-193.
3. Khe Sh., Chen' Ts. Mify, legendy i istoriya // Zhurnal istoriografii. 2007. № 4. S. 42-51.
4. Bakhtin M. M. Besedy s V. D. Duvakinym / Pod red. V. V. Kozhinova. M.: Soglasie, 1996.
5. Kristeva Yu. Zhelanie v yazyke: Semioticheskii podkhod k literature i iskusstvu / Pod red. T. Gory, A. Zhardin, L. S. Rudieza. N'yu-Iork: Izdatel'stvo Kolumbiiskogo universiteta, 1980. URL: https://archive.org/details/desireinlanguage0000kris_b8k4.
6. Lyu Yu. Issledovanie istokov kitaiskoi tsivilizatsii: Daosizm i kosmologiya tигра I; Seriya issledovaniy kul'tury I. Kun'min: Izdatel'stvo Yun'nan'skogo narodnogo izdatel'stva, 1993.
7. Lyu B. Perechityvaya Todorova: Razmyshleniya ob osnovnykh kontseptsyakh teorii dialoga Bakhtina // Issledovaniya po inostrannym yazykam. 2015. № 1 (182). S. 30-33.
8. Lyu Ts., Khu Kh. Etnichnost', sovremennost' i kosmopolitizm "Trilogii Beloi zmei" ot studii Chasing Light Animation // Literatura kino. 2025. № 6. S. 62-68.
9. Lyu L. Mif i real'nost': Sovremennaya adaptatsiya kitaiskikh animatsionnykh fil'mov: Sravnenie "Shalosti Nechzhi v more" i "Nizverzhenie Nechzhi v mir" // Obozrenie kino. 2020. № 11. S. 73-76.
10. Pen Ch. "Istoricheskie sushchnosti" v narrative mifologii: Obzor mifologicheskikh teorii v antropologii // Etno-natsional'nye issledovaniya. 2003. № 5. S. 83-92.
11. Todorov Ts. Bakhtin, teoriya dialoga i ne tol'ko / per. s fr. Tszyan Ch., Chzhan P. Tyan'tszin': Izdatel'stvo "Baikhua ven'i", 2001.
12. Van M. Priroda simvola i teoriya dialoga – Issledovanie mysli Bakhtina // Zhurnal inostrannykh yazykov. 2010. № 6. S. 151-155.
13. Syui Ts., Yuan' Yu. Kak tsifrovye igry rasskazyvayut kitaiskie istorii: Analiz mezhkul'turnoi kommunikatsii "Black Myth: Wukong" // Zhurnal Yugo-Zapadnogo universiteta natsional'nostei (Gumanitarnye i sotsial'nye nauki). 2024. T. 45, № 12. S. 130-137.
14. Yan Ts., Van Ch. Analiz temy tигра i zhizni v drevnikh ornamental'nykh portretakh – Analiz kul'tur tykvy-tигра i drakona-tигра // Meditsina i filosofiya (A). 2016. T. 37, № 2. S. 87-91.
15. Yan Yu. Puteshestvie na Zapad: Pozdnii predstavitel' kitaiskoi mifologii i kul'tury // Sotsial'nye nauki v Kitae. 1995. № 1. S. 171-185.
16. Chzhan B. Chi Yu i vzniknovenie kitaiskogo teatra // Zhurnal Sin'yanskogo pedagogicheskogo kolledzha (Filosofiya i obshchestvennye nauki). 2019. T. 39, № 3. S. 103-107.
17. Chzhan K. Povestvovanie i raskoldovanie kitaiskoi mifologii osevogo vremeni // Zhurnal Nankinskogo universiteta (Filosofiya-Gumanitarnye nauki-Obshchestvennye nauki). 2024. T. 61, № 4. S. 106-116.

Coverage of the activities of P. I. Yakir and V. A. Krasin in the Soviet press and the emigrant newspaper "Novoe Russkoe Slovo" in 1973

Abstract. The subject of the study is the propaganda techniques that were used in the coverage of the activities of P.I. Yakir and V.A. Krasin in the Soviet and emigrant press in 1973. The trial of the leader of the human rights movement Yakir and his associate Krasin was symbolic in nature and received wide coverage in the Soviet Union. Since the defendants' cooperation with the investigation became one of the reasons for the human rights crisis, their position in the emigrant press also took on an ambiguous character. This study compares the publications of the central Soviet publications "Izvestia" and "Literaturnaya Gazeta" with articles from the conservative newspaper "Novoe Russkoe Slovo" in the USA, headed by a representative of the first wave of emigration, A. Sedykh. Typically, the editorial line covered the trials against human rights defenders in a neutral manner, while in the case of Yakir and Krasin it demonstrated emotionality. The comparison of its publications with those of the Soviet press allows for a more multifaceted study of the propaganda techniques in articles about human rights defenders. A comparative-analytical method was used to study the periodicals, enabling a comparison of materials published in Soviet and emigrant publications. The novelty of this work lies in the fact that articles about human rights defenders in "Izvestia", "Literaturnaya Gazeta", and "Novoe Russkoe Slovo", published in 1973, are compared for the first time. Since the trial of Yakir and Krasin took place in the midst of negotiations to achieve a détente in international tensions, this study will complement works on the topic of media confrontation during the Cold War. It is also the first time that materials from the Soviet official press are compared with the newspaper "Novoe Russkoe Slovo". As a result of the study of publications about the activities of Yakir and Krasin in Soviet and emigrant publications, the following propaganda techniques were identified: discrediting through labeling, presenting "us" versus "them," and appealing to security as the highest value. The articles contain numerous emotionally charged statements and ideological themes. It was concluded that similar methods of influencing the audience are used in the publications, in accordance with the agendas of the studied publications.

Keywords: the ideology, Chronicle of Current Events, propaganda in the press, Novoe Russkoe Slovo, emigrant press, soviet press, V. A. Krasin, P. I. Yakir, samizdat, human rights movement

References (transliterated)

1. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. American Political Science Association. 1927. Vol. 21, No. 3. Pp. 627-631.
2. Pis'mo sovetskikh literatorov o povedenii A.D. Sakharova i A.I. Solzhenitsyna // Pravda. 1973. № 243. S. 3.
3. [B.a.] Nekii "gumanist" vystupaet protiv razryadki. Stat'ya Iva Moro v "Yumanite" // Izvestiya. 1973. 24 avg. S. 3.
4. Kulepanova (Shugailo) T.S. Dissidentskoe dvizhenie v SSSR na stranitsakh russkoyazychnoi pechati v SShA vo vtoroi polovine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. 2021. № 2. S. 228-237. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-228-237. EDN: OLHBRA.
5. Daniel' A.Yu. Pervaya antisovetskaya organizatsiya [videolektsiya] // Rutube. URL:

- <https://rutube.ru/video/bba95e4eb28e9d1f844441fdec26fec7/> (data obrashcheniya: 13.06.2024).
6. KGB SSSR Andropov Yu.V. – v TsK KPSS. Analiz "samizdatovskoi" literatury za 5 let // Arkhiv Egora Gaidara. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/years/details/2312> (data obrashcheniya: 15.03.2024).
 7. [B.a.] Sud nad Petrom Yakirom i Viktorom Krasinym // Khronika tekushchikh sobytii. 1973. № 30. URL: <http://hts.memo.ru/> (data obrashcheniya: 07.07.2023).
 8. Alekseeva L.M. Istoriya inakomysliya v SSSR: noveishii period. M.: Mosk. Khel'sink. gruppа, 2012. 384 s.
 9. Maiorov E. Sudebnyi protsess v Moskve // Izvestiya. 1973. 28 avg.
 10. Maksimov M. Posle prozreniya // Literaturnaya gazeta. 1973. 12 sent.
 11. Shabad T. Soviet Dissidents and Confession // The New York Times. 1973. Sept. URL: <https://www.nytimes.com/1973/09/07/archives/soviet-dissidents-and-confession-yakirkasin-case-recalls-stalins.html> (data obrashcheniya: 5 iyunya 2025).
 12. [B.a.] Dopolneniya k spisku vnesudebnykh politicheskikh repressii 1968 goda // Khronika tekushchikh sobytii. № 5. URL: <https://hts.memo.ru/> (data obrashcheniya: 07.05.2025).
 13. Gershovich V. Petr Yakir i dvizhenie za grazhdanskие prava // Novoe russkoe slovo. 1973. 6 mar.
 14. Gershovich V. Petr Yakir i dvizhenie za grazhdanskие prava // Novoe russkoe slovo. 1973. 7 mar.
 15. [B.a.] Feniks-66 // Antologiya samizdata / Sost. M. Barbakadze. URL: <http://antology.igrunov.ru/70-s/periodicals/fenix-66/> (data obrashcheniya: 09.11.2025).
 16. Krasin V.A. Sud. New York: Chalidze Publications, 1983. 119 s.
 17. [B.a.] Pochemu sdalsya Yakir // Novoe russkoe slovo. 1973. 2 okt.